АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РАШИД-АД-ДИН

СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ III

ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО
А. К. АРЕНДСА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. РОМАСКЕВИЧА,
Е. Э. БЕРТЕЛЬСА и А. Ю. ЯКУБОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1946 • ЛЕНИНГРАД

ОТ РЕДАКЦИИ

В тяжелое для всей нашей страны время, в декабре 1941 г., советское востоковедение понесло большую утрату — в Ленинграде погиб крупнейший ученый, выдающийся иранист, проф. Александр Александрович Ромаскевич.

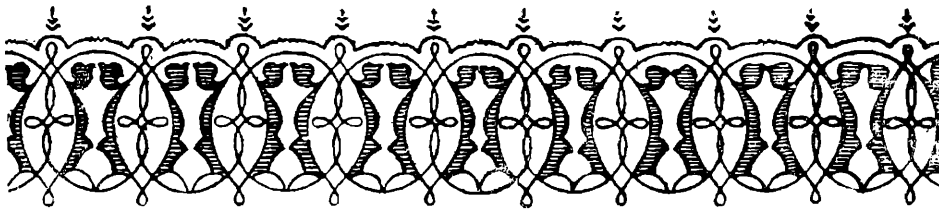
А. А. Ромаскевич принадлежал к младшему поколению русских востоковедов конца XIX и начала XX вв., создавших мировую славу русской востоковедной науке. Он был учеником акад. К. Залемана, проф. В. Жуковского и акад. В. Бартольда и явился достойным продолжателем лучших традиций, созданных этими замечательными учеными.

С 1918 г. Александр Александрович был долгое время единственным преподавателем ново-персидского языка в Ленинграде, и ему в огромной степени современное поколение советских иранистов обязано своей подготовкой. Почти все советские иранисты (филологи, историки, экономисты) являются прямо или косвенно учениками Александра Александровича, создавшего свою, ныне процветающую школу.

Главный интерес Александра Александровича как ученого лежал в области персидского языка, его диалектов, и персидской литературы, особенно фольклора. Но вместе с тем покойный А. А. Ромаскевич отличался необычайной широтой своих научных интересов и разнообразием своих знаний во всех областях иранистики. Он был не только крупным исследователем персидской литературы и языка, но и выдающимся знатоком истории, этнографии, географии, искусства и археологии Ирана. Александр Александрович не был кабинетным ученым, он являлся одним из наиболее замечательных и тонких знатоков современного Ирана, его жизни и населения.

Перу Александра Александровича принадлежат многочисленные работы, обогатившие собой почти все отрасли иранистики. Последние крупные работы, предпринятые Институтом Востоковедения Академии Наук СССР связаны с именем Александра Александровича Ромаскевича. Среди них выдающееся место принадлежит впервые полностью издаваемому под редакцией А. А. Ромаскевича критическому тексту и переводу труда Рашид-ад-дина. К сожалению, смерть помешала Александру Александровичу довести это дело до конца.

Издание текста и перевода труда Рашид-ад-дина явится достойным памятником Александру Александровичу Ромаскевичу. Смерть А. А. Ромаскевича — не только тяжкая потеря для советской науки, она — тяжелая утрата для всех, его знавших. В лице Александра Александровича наши ученые потеряли своего товарища и друга, а молодые востоковеды — своего незаменимого учителя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло уже более ста лет с тех пор, как впервые было обращено вполне заслуженное внимание на „Сборник летописей" Рашид-ад-дина (род. около 1247 г. н. э., ум. 17 VII 1318 г.), один из важнейших памятников иранской исторической литературы, единственный в своем роде не только в иранской, но и во всемирной литературе. Он представляет собой огромную историческую энциклопедию, какой в средние века не было ни у одного народа ни в Азии, ни в Европе, и сама мысль составить свод сведений по всемирной истории была для того времени совершенно новой.

В составлении этого „Сборника летописей" участвовали представители различных культурных народов, покоренных монголами или имевших с ними сношения. В „Сборник" вошли исторические сведения о самых различных племенах и народах, начиная с самих монголов и кончая европейцами. Особенное значение имеет „Сборник летописей" Рашида для истории нашей страны, так как содержит в себе полученные из первых рук ценнейшие исторические сведения не только о сопредельных нам странах (Монголия, Восточный Туркестан, Иран), но и о странах и народах (Средняя Азия, Закавказье, Поволжье), которые входят в настоящее время в состав нашего государства — великого Союза Советских Социалистических Республик.

„Сборник летописей", законченный в 710 (1310/11) г. и излагающий события с древнейших времен вплоть до 703 г. х., был разделен автором на три тома и впоследствии им же разбит на четыре. I том, носящий самостоятельное название „Тарих-и-Газани" — „Газанова летопись", заключает в себе очень важные и ценные исторические сведения о турецких и монгольских племенах, историю Чингиз-хана, его предков и его потомков до воцарения ильхана Олджейту в упомянутом 703 г. х.[1] Серьезный интерес, уже давно проявленный к труду Рашида, выразился в неоднократном издании частей текста I тома, их перевода и в разнообразных комментариях.

Впервые к изданию текста и его переводу приступил французский ученый E. Quatremère; им были изданы и переведены предисловие

---

[1] Ch. Rieu. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, I, pp. 74—78. — В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 2, СПб., 1900, стр. 45—49; second edition translated from the original russian... Oxford, 1928. E. J. W. Gibb. Memorial Series, NS, V, pp. 44—48. — Storey. Persian Literature, II, pp. 71—78 n° 106.

Рашид-ад-дина и текст, обнимающий период царствования ильхана Хулагу (654—663 = 1256—1265 г.).[1]

Второй серьезной работой по изданию и переводу текста „Сборника летописей" надо считать предпринятый спустя двадцать два года труд И. Н. Березина, выразившийся в издании текста и перевода с примечаниями обозрения турецких и монгольских племен и истории Чингиз-хана.[2] Третьим большим предприятием по изданию текста „Сборника летописей" является продолжение работы И. Н. Березина, начатое французским ученым E. Blochet, который издал с многочисленными примечаниями историю преемников Чингиз-хана до Тимур-каана включительно.[3] Наконец, недавно K. Jahn'ом издана часть текста, содержащая историю царствования Газан-хана (694—703 = 1295—1304) и сорок рассказов о его реформах.[4] Таким образом к данному моменту несколько более двух третей I тома „Сборника летописей" издано в тексте и немного более одной трети переведено на европейские языки.

Еще ранее выхода в свет части „Сборника летописей", изданной E. Blochet, известным английским ориенталистом E. G. Browne'ом был предложен план нового издания всего труда Рашида: I — специальная история, т. е. история турецких племен и история монголов, — в трех частях; II — общая история, — в четырех частях.[5] Эта схема, особенно в отношении I части, практически наиболее важной для нас, представляется самой простой и рациональной, фактически совпадающей с планом издания, вытекающим из работ упомянутых трех исследователей труда Рашид-ад-дина.

В настоящее время, когда волею партии и правительства дело изучения прошлого, дело исторического исследования получило должное направление и широкое развитие, „Сборник летописей", — этот выдающийся памятник историографии Востока, — не мог быть забыт, и Институт Востоковедения Академии Наук СССР в 1936 г. включил в план своей исследовательской работы издание, перевод и комментарии первой части труда иранского историка, т. е. истории турецких племен и монголов.

---

[1] Histoire des Mongols de la Perse écrite en persan par Rashid-Eldin publiée traduite en français accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, Tome premier, Paris, 1836, fol. CLXXV + 450.

[2] Сборник летописей. История Монголов. Сочинение Рашид-Эд-дина. Введение о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского с введением и примечаниями И. Н. Березина. СПб., Труды Вост. отд. Арх. общ., ч. V, 1858. — История Чингис-хана. Труды Вост. отд. Арх. общ., VII, XIII, XV, 1861, 1868, 1888.

[3] Djami el-Tévarikh. Histoire générale du monde par Fadl Allah Raschid ed-din. Tarikh-i Moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols éditée par E. Blochet, Tome II, contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khaghan. E. J. W. Gibb. Memorial series, vol. XVIII. Leyden — London, 1911, 8° 72 + ٦١٧.

[4] Geschichte Ġāzān-Han's aus dem Ta'rīḫ-i- Mubārak-i- Ġāzanī des Rašīd Al-Dīn... herausgegeben nach den Handschriften von Stambul, London, Paris und Wien mit einer Einleitung, kritischem Apparat und Indices von Karl Jahn. E. J. W. Gibb. Memorial Series. NS., XIV, 1940, XLIV + ٢٨٧.

[5] Journal of the R. A. S. for the first half year 1908, pp. 17—37. — A History of

Вопрос об издании второй части — общей истории, хотя и обсуждался, но пока еще окончательно не решен, ибо в настоящее время, когда мы располагаем уже рядом первоисточников, которыми Рашид-ад-дин пользовался для общей истории, научная ценность ее значительно понизилась.

Издаваемая часть разбивается на три тома, а именно: I — Введение. О турецких и монгольских племенах и история Чингиз-хана, II — История монгольских каанов от Угедея до Тимура, III — История государства хулагидов. Каждый том распадается на два полутома, из которых первый содержит текст, второй — перевод.

Во избежание повторений и перекрестных ссылок на отдельные томы „Сборника летописей" и в целях более удобного пользования изданием, решено комментарии и документацию вынести в отдельный (IV) том, ограничиваясь в переводах только небольшим количеством наиболее необходимых примечаний справочного характера.

Распределив материал согласно вышеуказанной схеме, мы выпускаем в свет прежде всего III том, исходя из тех соображений, что I и II томы, хотя бы и с дефектами в смысле выполнения современных научных требований, уже давно полностью доступны исследователям — первый, благодаря имеющемуся переводу, даже не ориенталистам, второй, при отсутствии перевода, лишь знающим персидский язык; третий же том доступен лишь частично (только периоды ильханов Хулагу и Газана).

Таким образом, совершенно недоступной широкому кругу историков-исследователей оставалась значительная часть III тома, очень важная, во-первых, изложением событий, происходивших во второй половине XIII в. на территории не только сопредельного нам северного Ирана, но и в Закавказье, т. е. в нынешних советских Азербайджане и Армении и Средней Азии, во-вторых, своими бытовыми деталями социально-экономического характера, заключающимися в сорока рассказах о реформаторской деятельности Газан-хана, вызванной кризисом государственной системы хулагидов.

Для критического установления текста первого тома „Сборника летописей" Рашида, распределенного для издания на три тома, нами использованы семь рукописей (в ротокопиях).

1. Рукопись Государственной Публичной библиотеки Узбекской ССР в Ташкенте из собрания Джурабека, к сожалению, дефектна: в начале недостает одного листа, в конце же нехватает значительного количества листов, изложение обрывается на событиях 701 г. х., так что отсутствуют вышеуказанные сорок рассказов, относящиеся к периоду царствования Газан-хана, всего же сохранилось 264 лл.

Рукопись написана четким старинным „насхом",[1] дата в ней отсутствует, но, судя по почерку и старой самаркандской бумаге, рукопись можно

[1] Последние слова: و از ان غافل نیستم که شکرانهٔ آنک и ниже на поле,

считать одним из самых старых списков, смело отнеся ее написание к XIV в., по крайней мере ко второй его половине, хотя В. В. Бартольд осторожно считает ее не новее XV в.[1] Особенность ее та, что местами имена ханов и царевичей написаны не только арабским, но и уйгурским письмом, которым перестали пользоваться со времени завоевания узбеками государства Тимуридов. Повидимому, список сделан с одной из первоначальных рукописей, изготовленных при жизни автора; он отличается точностью и правильностью собственных имен, но, к сожалению, очень часто при буквах отсутствуют *диакритические* точки, местами (лл. 111, 155, 180, 184, 210, 224, 229, 230, 238, 243) встречаются лакуны, заполненные позднее или на полях или на вставочных листах изящным „наста'ликом" XVI—XVII вв., начиная же с царствования ильхана Абага (л. 210a) почерк становится менее тщательным. По всей рукописи, как общее правило, не проводится различия между ب и پ, ج и چ, د и ڈ, ك и گ, за редкими исключениями для первых трех и без всяких исключений для четвертой группы букв; не делается также различия между ى и ـِ при изображении звука *i* после гласного. Местами (лл. 46a, 50a, 109a, 167b) в рукописи встречаются миниатюры, большею частью портреты ханов и их жен, по стилю относящиеся к миниатюрной живописи монгольского периода;[2] иногда оставлены незаполненными текстом места, очевидно приготовленные для заполнения миниатюрами.

Рукопись обозначена нами сиглом A.[3]

2. С ташкентской рукописью A поразительно сходствует рукопись стамбульская (Rewān Köškü, 1518), являющаяся столь же старой, как и ташкентская; датируется она концом ша'бана 717 г. (X—XI 1317), т. е. была написана еще при жизни автора. После сличения ташкентской и стамбульской рукописей обнаружилось поразительное сходство в размерах, в почерке и манере письма, в распределении материала на страницах (очень часто совпадают начало и конец страниц) и даже в описках.[4] Это сходство позволяет предположить, что ташкентская и стамбульская рукописи были списаны с одного и того же списка, так как, повидимому, только этим фактом может быть объяснено выше отмеченное совпадение текстов.

Однако копия стамбульской рукописи сделана все же менее тщательно, и пропуски и описки встречаются чаще, чем в рукописи A.

---

[1] В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. Записки Вост. отд. Русского арх. общества, XV (1902—1903), стр. 232.

[2] Одна из этих миниатюр (л108 b) — портрет Угедея и его жены — издана в качестве приложения к книге „Отчет Среднеазиатской Государственной библиотеки за 1925 год". Составил директор Библиотеки Е. К. Бетгер, Ташкент, 1926, 8°, где (стр. 12) и приводится краткое описание нашей рукописи.

[3] Упоминания о ней см. еще: В. Бартольд. Собрание рукописей Джурабека. Зап. Вост. отд. Русск. арх. общ., XXI, (1911—1912), стр. 036. — Он же, „Мир Ислама", т. I, 1912, стр. 64. — Известия Росс. Акад. Наук, 1921, стр. 196. — Ibidem, 1926, стр. 217 и 218.

[4] Например A, л. 28a$_{15}$ اكنون вм. التون.

Рукопись обозначена нами сиглом S.[1] Рукопись примечательна еще тем, что в ней приводится начало истории султана Олджейту, брата и преемника Газан-хана; история эта по плану автора[2] должна была начинать собою II часть, посвященную изложению всеобщей истории. Имя списателя (насих) рукописи, датируемого, как сказано выше, 717 г. х., приводится в мало понятной фразе[3] на стр. 499 (в связи с казнью Акбека в 671 г. х.) в форме مبرکشاه بن رشید خوانی. С этим именем интересно сопоставить имя списателя второй рукописи „Сборника Летописей" Британского музея,[4] (محمد بن حمزه معروف برشید خوانی) относящейся, вероятно, к XIV в., писавшего уже в правление султана Олджейту.

3. Рукопись Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр V, 3, I) без переплета, размером 25 × 38 см, „один из старейших и лучших списков", написана на тонкой лощеной бумаге, почерком „насх" по 33 строки на странице.[5] Когда-то прекрасный, но теперь сильно потрепанный список, потерявший с течением времени значительное количество листов (осталось 301 л.), принадлежал проф. Эрдманну; состоит из трех отделов; два первых размещены проф. Эрдманном в обратном порядке, как гласят его надписи на белых обложках этих отделов. Первый отдел содержит историю Сасанидов, второй представляет собою издаваемый нами „Тарих-и-Газани" и третий состоит из разорванных листов, на которых излагается конец истории франков и история Индии. На одном из фрагментов третьего отдела имеется приписка, в которой указано имя списателя — Абд-ал-Хаджи Мусафир ал-Аттар — и дата написания — половина мухаррама 810 г. (20 VI 1407). Рукопись обозначена нами сиглом C и при установлении текста являлась авторитетным пособием.[6]

---

[1] Описание стамбульской рукописи „Сборника летописей" см.: F. Tauer. Les manuscrits persans historiques des bibliothèques de Stamboul, I, Extrait du Archiv Orientální. Journal of the Czechoslovak Oriental Institute, Prague, edited by Bedrich Hrózny, April, 1931, vol. III, n° 1, p. 93.

[2] Ch. Rieu. Catalogue, p. 75.

[3] دران حالت ناسخ این کتاب مبارکشاه بن رشیدخوانی حاضر کرد کی بیاسا رسانیدند و در پهلوی خیمه این ضعیف حاضر بود در کنار دریا [کوکجه تنکیز]...

при таких обстоятельствах он вызвал (?) списателя этой книги Мубарекшаха ибн Рашидхани, и (его Акбека) казнили, (?) а он находился возле палатки этого немощного (т. е. Мубарекшаха) на берегу моря [Гёкчадениз, т. е. озера Гокча]; в A этот пассаж отсутствует.

[4] Ch. Rieu. Catalogue, p. 78.

[5] Начало (л. 42a) سال باشد تمامت انبیا و ملوک و خواص اهل ادیان و ملک و السّلام و الحمد لله ربّ العالمین و صلی الله علی از ذرّیة او بوده اند; конец (л. 301 b) خیر خلقه محمد و آله اجمعین و سلّم تسلیماً

[6] Описание рукописи, составленное проф. В. Д. Смирновым на бланке, помеченном № 41, с поправками к описанию, сделанными акад. В. В. Бартольдом на восьмушке бумаги и состоящими в перечислении пропусков и утерянных листов, приложено к рукописи.

4. Рукопись Британского музея, Add. 7628 также один из старых списков, датируется не позднее 837 г. х. (1433) г., содержит I и II части „Сборника летописей", расположенные в обратном порядке. Рукопись была изготовлена для тимуридского султана Шахруха (807—850 = 1405—1447 гг.), находилась в его библиотеке и снабжена его печатями; несмотря на это, рукопись местами написана настолько уродливым почерком, настолько слова превращены в какие-то лигатуры без всяких *диакритических* точек, что пользование этим списком представляет большие затруднения; все же при установлении текста он оказал большую помощь.

С упомянутой ленинградской рукописью С лондонский список, обозначенный нами сиглом L, часто совпадает, давая одинаковые варианты к двум первым рукописям; с другой стороны, написанный несколькими почерками, разными переписчиками, наспех, этот список содержит много орфографических ошибок.[1]

5. К двум последним манускриптам — ленинградскому и лондонскому — примыкает рукопись Тегеранского музея, доставленная в Ленинград в 1935 г. на III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии и по внешности представляющая полную противоположность лондонской. Иллюминированная хорошими миниатюрами индийской школы, рукопись написана прекрасным „наста'ликом" с тщательно проставленными *диакритическими* точками и, повидимому, была предназначена для подношения знатному лицу или была изготовлена по заказу такового. Внутренние же качества рукописи не соответствуют богатой внешности: переписчик старался лишь изобразить на бумаге, не вникая глубоко в смысл написанного, и иногда переосмысливал содержание на свой лад. Датирована эта рукопись 27 рамазана 1004 г. х. (25 V 1596) и именуется в колофоне كتاب جنكيز نامه и содержит 304 лл. Обозначена она нами сиглом I.

Один из первоначальных списателей „Сборника летописей", видимо, еще при жизни автора, сохранил нам свое имя на странице, соответствующей A 114a, 12 строка сверху, в конце заголовка تاريخ خواقين ختای و ماجين و خلفا وآلغ где добавлено: على يد العبد الضعيف المحتاج الى رحمة ربّه اللطيف ارسلان بن ابتغدى (آبتغدى?) بن عبد الله الملكى الصدرى التبريزى.

Другой переписчик оставил нам на память не только свое имя, но и некоторые о себе подробности; кроме рук. I (стр. 527) этот пассаж без изменений приведен в рук. L, л. 672 b (в других рукописях он опущен), в рассказе о походе Газан-хана в Багдад, Хиллу и Васит, в месте, соответствующем в рукописи S 572/573:

مؤلف اين كتاب اعز الله انصاره بندهٔ دولت را مبيّض اين حكايات ابن رئيس يزدى كه مدتى بود تا بنابر هواخواهى و اخلاص ايام سوابق و اعوام سالف ملازمت

[1] Описание рукописи L см.: Ch. Rieu. Catalogue, pp. 74—78; начало (л. 3 b): مقالت اول در ذكر انبيا و رسء و بادشاهان كه پيش اسلام بودند; конец (л. 729a) тот же что и в С, только вместо صلى الله стоит والصلوة.

این درگاه وزارت‌پناه می نمود و بعاطفت و مرحمت مخدومانه مخصوص فرمود و براه انشا موسوم گردانیده مصاحب دیگر بندگان گردانید و هر روز بتازگی نوع ترتیب (تربیت?) ارزانی میداشت و الی الغایة امداد آن در تضاعف و تزاید است تا با چنین باد

Начало: فهرست کتاب داستانها و فذلک حساب بیانها.

Три последних рукописи, т. е. ленинградская, лондонская и тегеранская (C, L, I), давая очень часто на всем своем протяжении одинаковые варианты к первым двум рукописям, ташкентской и стамбульской, представляются нам списками, если не одного, то, по крайней мере, двух близких один к другому оригиналов и выделены поэтому в отдельную, вторую по качеству, группу рукописей, служивших установлению текста „Сборника летописей".

6. Парижская рукопись,[1] дефектная в начале и в конце со многими лакунами и пропусками в середине, но для периода от Хулагу до Газанхана, т. е. для данного III тома издания, достаточно полная, содержит большое количество миниатюр, написана курсивным иранским „насхом" и по мнению E. Blochet[2] относится к первой половине XIV в.

Несмотря на такую близость к эпохе самого Рашида, список этот расходится очень часто и в лексике и в формах слов с другими рукописями, являясь, повидимому, списком „Сборника летописей" в несколько иной редакции; в самой его древности, приписываемой ему E. Blochet, можно сомневаться. Во всяком случае, этот список, обозначенный нами сиглом P, надо причислить к особой группе манускриптов, к которой относится и список Института Востоковедения Академии Наук СССР.

7. Рукопись Института Востоковедения Академии Наук СССР (шифр D 66, прежний a566), обозначенная нами сиглом B, была уже однажды использована для издания текста И. Н. Березиным, но по своим достоинствам она стоит позади всех выше охарактеризованных.[3]

Рукопись датирована 984 (1576) г., с пропусками, писана „наста'ликом", содержит 424 лл. (529 лл.).

Небрежность в переписывании, искажение не одних только трудно читаемых собственных монголо-турецких имен, переделка местами текста, наконец, что самое интересное, наличие в тексте нескольких пассажей, ненаходимых в вышеописанных рукописях, в особенности большого отрывка (история эмира Новруза), по стилю и содержанию резко отличающегося от удивительно простого стиля „Сборника летописей", говорит о существовании какой-то особой редакции „Сборника летописей", повидимому, более поздней, быть может, составленной в эпоху Шахруха, когда вновь ожил интерес к замечательному труду Рашида. Так или иначе все эти новые пассажи мы не сочли возможным включить, так

[1] Описание ее см.: E. Blochet. Catalogue des manuscrits persans, I, Paris, 1905, pp. 201—202.

[2] Ibidem, p. 202.

[3] Об этом списке см.: И. Н. Березин. „Сборник летописей". Труды Вост. отд. Русск. арх. общ., ч. V, СПб., 1858, стр. XIII.

сказать, в канонический текст и поместим их в приложении ко всему изданию.

Таким образом, в нашем распоряжении для издания были три группы рукописей, классифицированных по вышеперечисленным характерным признакам. В основу издания, как сказано, положена первая группа — рукописи ташкентская и стамбульская — по нашему убеждению наиболее точно отражающие язык и стиль автора — будь то сам Рашид или редактор, работавший под его руководством.

Для изучения языка (морфологии и синтаксиса) и стиля автора редактором персидского текста был предварительно прочитан текст всей истории монголов, так называемой „Тарих-и Газани", т. е. все три тома, подготовляемые к изданию; это знакомство с языком автора оказывало существенную помощь при окончательном установлении текста — во всех сомнительных случаях — пропусках, перестановках, искажениях и пр. При невозможности установить удовлетворительное чтение таким путем ответ мы искали в самом контексте, предшествующем и последующем, и часто находили там искомое слово или выражение, отсутствующее в сомнительном месте. Только при отсутствии подобных указаний мы прибегали уже к помощи второй группы рукописей и пользовались даваемыми ими вариантами и добавлениями.

При установлении чтения собственных имен в родословиях хулагуидских ханов очень много помог татарский текст „Сборника летописей", изданный И. Н. Березиным.[1] В такой же степени помогал и изданный E. Quatremère'ом текст и перевод части труда Рашида, трактующей о завоевании Хулагу исмаилитских крепостей, Багдада, Месопотамии и Сирии, хотя не всегда текст и перевод Quatremère'а оказывались удовлетворительными.

В этой части III тома автор почти целиком и буквально выписывает рассказ об этих событиях современника их историка Джувейни; соответствующие части обоих текстов нами тщательно сверены, и малопонятные места, а также ход событий благодаря тексту Джувейни[2] получили окончательную ясность.

Великий сирийский ученый Абу-л-Фарадж Григорий Бар-Эбрей (род. в 1226 г. — ум. в 1286 г.), являясь современником событий в Иране, Месопотамии и Сирии, связанных с завоеваниями ильхана Хулагу, оставил нам написанную им в последние годы своей жизни краткую историю на арабском языке „Ал-Мухтасар-фи-д-дуваль".[3] Для понимания хода событий, а прежде всего для чтения собственных имен и относящихся к Месопотамии и Сирии географических названий она оказала нам существенную помощь.

---

[1] Сборник Летописей. Татарский текст с русским предисловием. Библиотека Восточных Историков, издаваемая ... т. II, ч. I, Казань, 1854, 8° VII + IVI.

[2] The Tarikh-i Jahángusha of 'Alá ud-dín 'Atá Malik-i Juwayní. Part III containing the history of Assassins, E. J. W. Gibb, Memorial Series, vol. XVI, 3, London, 1937.

[3] Издана в Бейруте в 1890 г. А. Салхани.

Армянские историки и современники событий, излагаемых в издаваемом III томе „Сборника летописей" Рашида, доступные нам в русском переводе,[1] в известной мере оказали нам помощь в чтении некоторых собственных имен, географических названий и иранско-монгольских терминов.

Само собой разумеется, нами был использован и ряд других вспомогательных текстов, содержащих сведения о событиях эпохи хулагидов, о лицах и местностях, упоминаемых в труде Рашид-ад-дина, как, например, хроника Ибн ал-Асира, история Вассафа, географический словарь Якута и др., которые здесь мы не перечисляем.

А. А. Ромаскевич.

Разработка плана издания „Сборника летописей", выбор привлеченных рукописей этого труда, распределение работ между отдельными участниками и разрешение принципиальных вопросов, связанных с их работой, производились на заседаниях Иранского кабинета Института востоковедения АН СССР под председательством чл.-корр. АН Е. Э. Бертельса.

Работа по составлению основного текста III тома и разночтений к нему была выполнена А. А. Али-заде. При этом он отмечал варианты имевшихся в нашем распоряжении рукописей, за исключением таких чтений, которые представляли собой явные описки переписчиков или орфографические отклонения. Сопоставление рукописей в ряде случаев позволило ему установить правильное чтение отдельных мест и собственных имен.

За составлением текста следовала первая предварительная редакция проф. А. А. Ромаскевича. Прошедший предварительную редакцию текст поступал к переводчику — А. К. Арендсу и уже по окончании перевода, работа над которым позволяла уловить незамеченные при первой редакции затруднения, следовала окончательная фиксация текста проф. А. А. Ромаскевичем и согласование с окончательным текстом перевода. Правда, иногда ввиду значительных трудностей, которые вызывали этот обусловленный желанием дать возможно более тщательно проверенный текст порядок работы, от него приходилось немного отступать.

При переводе, насколько это вообще достижимо, А. К. Арендс стремился к точности и близости к персидскому оригиналу и вместе с тем к литературно безукоризненной передаче. Переводчиком привлекались все доступные пособия и велись консультации с А. А. Ромаскевичем и другими специалистами.

Значительная часть слов, — монгольских, арабских и персидских, — заключающих в себе понятия тогдашних социально-экономических отношений, оставлена либо совсем без перевода, либо вынесена в примечания, как термины, подлежащие точному пояснению.

Все же некоторые слова, большею частью термины, остаются неясными и, по нашему мнению, могут быть выяснены лишь в процессе дальнейших углубленных исследований специалистов-историков и лингвистов, могут послужить сами темой для отдельных исследований; в виду этого нами и намечено издать отдельный том комментариев ко всему „Сборнику летописей". При таком плане комментариев и пояснений,

[1] К. П. Патканов. История Монголов инока Магакии XIII века. Перевод и объяснения... СПб., 1871, 8° IX + 106. — Он же. История Монголов по Армянским источникам. Перевод и объяснения... Вып. I, СПб., 1873; вып. II, 1874.

неясных и не поддающихся точному переводу слов перевод III тома „Сборника летописей" сопровождается только следующими подстрочными примечаниями: а) наиболее актуальными разночтениями основного текста; б) транслитерацией искаженных слов и слов, чтение которых не установлено; в) транслитерацией некоторых монгольских, арабских и персидских социальных, экономических и юридических терминов. Для транслитерации этих слов принят следующий алфавит:

		ر	*р*	ف	*ф*	ـَـ	*а*
ب	*б*	ز	*з*	ق	*қ*	آ	*ā*
پ	*п*	ژ	*ж*	ک	*к*	ـُـ	
ت	*т*	س		گ		ـِـ	*и*
ث	*с*	ش	*ш*	ل	*л*	ی	*ī*
ج	*дж*	ص		م	*м*	ـُـو	*у*
چ		ض	*ҙ*	ن	*н*	و	*ӯ*
ح	*ҳ*	ط	*т̣*	و		ای	*ū*
خ	*ҳ̣*	ظ	*ҙ̣*	ه	*х*	او	*ӯ*
د	*д*	ع		ی	*й*		
ذ	*д̣*	غ					

В транслитерации слов в дефектном написании знак вопроса стоит вместо так называемого „марказ", который при наличии соответствующих *диакритических* точек мог бы обозначать буквы *б*, *п*, *т*, *с̣*, *н*, *й*, *ī*; Буква *ҳ̣* при наличии *диакритических* точек могла бы обозначать также *дж*, *ч*, *х*; вместо *я* возможно *г*. Арабские цитаты, формулы и стихи в переводе выделены знаками ' В квадратные скобки заключены слова, введенные переводчиком для ясности русского перевода. Знак * указывает на то, что соответствующее подстрочное примечание распространяется на слова от этого знака до следующего за ним номера сноски.

Имена собственные, географические названия и некоторые широко известные термины даны в транскрипции, близкой к произношению. На полях перевода сделаны ссылки на соответствующие листы основных рукописей A и S.

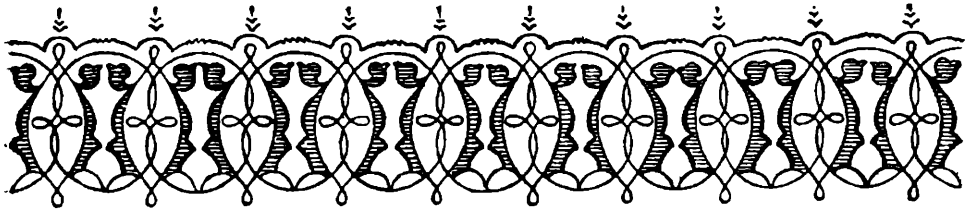
Указатель племенных названий и указатель терминов и непереведенных слов будут даны отдельным приложением ко всему изданию.

В редактировании монгольских имен собственных и слов-терминов и их пояснений принял участие акад. С. А. Козин и Б. И. Панкратов.

Арабские стихи, цитаты из Корана, религиозные формулы на арабском языке, хадисы и отдельные редкие и малопонятные слова были просмотрены и проверены с соответствующими разъяснениями акад. И. Ю. Крачковским.

В научно-технической работе по подготовке к изданию текста и перевода III т. „Сборника летописей" принимала участие О. И. Смирнова.

10 VI 1941 г.
Ленинград.

О ХУЛАГУ-ХАНЕ, СЫНЕ ТУЛУЙ-ХАНА, СЫНА ЧИНГИЗ-ХАНА, А183a
а оно в трех частях S436

Часть первая. Памятка об его происхождении, изъяснение и подробное перечисление его жен, детей и внуков, которые доныне [от него] произошли, имена зятьев, изображение его и родословная таблица потомков.

Часть вторая. О событиях, предшествовавших его восшествию [на престол], изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время восшествия его на ханский престол, летопись и рассказы поры его царствования, памятка о сражениях, которые он давал в разное время, и о победах, которые ему доставались.

Часть третья. Описание его образа жизни и достохвальные душевные качества, прекрасные поучения, притчи и решения, которые он изрекал, толки и события, которые приключались в пору его царства, из тех, что не вошли в две предыдущие части и стали известны порознь и беспорядочно из разных книг и от разных лиц.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ХУЛАГУ-ХАНЕ

Памятка об его происхождении, изъяснение и подробное перечисление жен, царевичей и внуков его, которые доныне [от него] произошли, имена зятьев, изображение его и родословная таблица его потомков.

Памятка об его высоком происхождении

Хулагу-хан — четвертый сын Тулуй-хана, а Тулуй-хан — четвертый сын Чингиз-хана. Мать Хулагу-хана была Союркуктени-бики, дочь Джагамбо, брата Онг-хана, государя народа кереит. Имя Джагамбо было Гирейдей. Когда он попал в страну Тангут и приобрел там [высокое] положение, государи Тангута дали ему почетное прозвание Джагамбо, то есть великий и старший эмир государства. Чингиз-хан, когда между ним и Онг-ханом была дружба и сыновние отношения, посватал для своих сыновей двух дочерей его брата: Бектутмиш для Джучи-хана и Союркуктени для Тулуй-хана. У Тулуй-хана было[1] пять сыновей и одна дочь, как упоминалось в повествовании о нем. А одну дочь из джагамбоевых, Абака-бики, Чингиз-хан посватал за себя, но однажды ночью он увидел какой-то сон и [в ту же ночь] отдал ее со всем ее достоянием Кяхтей[?]-нойону. Аминь.

Изъяснение и перечисление его жен

Хулагу-хан имел много жен и наложниц.[2] Имена тех, которые известны, как тех, что достались ему по отцовскому ясаку, так и тех,

[1] C, L, I, B, Q — доб. „от нее".
[2] Так всюду переведено слово *кӯмā*.

что он сам засватал, следующие: старшая его жена — Докуз-хатун [принадлежащая] к кости[1] кереит, дочь Уйку сына Онг-хана. Так как она была женою отца [Хулагу-хана], то она была старше других жен, хотя некоторых он и посватал за себя раньше нее. Ее он взял [в жены] после того, как перешел реку Амуйе, и Тулуй-хан еще с нею не сходился. Она пользовалась полным уважением и была очень властной. A188b S435 Так как народ кереит в основном исповедует христианство, то она постоянно поддерживала христиан, и эти люди в ее пору стали могущественными. Хулагу-хан уважал ее волю и оказывал тем людям покровительство и благоволение до того, что во всех владениях построил церкви, а при ставке Докуз-хатун постоянно разбивал [походную] церковь и [в ней] били в било. Кончина ее случилась через четыре месяца после [смерти] Хулагу-хана, за одиннадцать дней до восшествия на престол [Абага-хана]. Упомянуто об этом будет в летописи в своем месте. Абага-хан пожаловал ее ставку[2] ее племяннице Тукитай-хатун, которая была наложницей Хулагу-хана и принадлежала к той ставке, и содержал ее в тех же обычаях и правилах, как [об этом] будет сказано в повествовании об Абага-хане. Она скончалась в четверг икинди-месяца года дракона, соответствующего последнему дню месяца сафара лета 691 [20 II 1292]. Ту ставку передали Кокечи-хатун, которую привезли от его величества каана по причине родства ее со старшей Булуган-хатун. Она была женою государя ислама[3] и скончалась в месяце ша'бане 695 года [VI 1296]. Ту ставку передали Керемун-хатун, дочери Кутлуг-Тимур-нойона, сына Абатай-нойона, двоюродного брата второй Булуган-хатун. Во вторник[4] 12 числа месяца джумада-л-ахыр лета 703 [21 I 1304] она тоже скончалась скоропостижно на летовке на Хуланморене, в окрестностях Сарай Джума. Ныне государь ислама вместо нее посватал за себя и посадил Кутлугшах-хатун, дочь Иринчина сына Саручи, племянника Докуз-хатун. Теперь ту ставку разбивают по установленному положению.

Еще женою [была] Гуюк-хатун от кости государей народа ойрат, дочь Туралчи-гургена. Она появилась на свет от дочери Чингиз-хана — Чечекен. Олджей-хатун тоже была его [Туралчи] дочерью, только от другой матери. Ее он посватал в Монголии, ранее других жен. Еще жена — Кутуй-хатун, дочь ...[5] от кости государей народа конкурат. Когда Гуюк-хатун умерла в Монголии, он посватал ее [Кутуй-хатун] и пожаловал ей юрт ее [Гуюк-хатун]. Еще жена — Олджей-хатун, дочь Туралчи-гургена, от кости государей ойратских. Ее он посватал в Монголии. Еще жена — Йисунджин-хатун из рода сулдус. Ее он тоже посватал за себя в Монголии из ставки Гуюк-хатун. Вместе с Кутукуй[6] она оставалась в Монгольской земле, а затем прибыла сюда. Аминь.

Родословная его детей и внуко

У Хулагу-хана было четырнадцать сыновей и семь дочерей, согласно тому, как приведены их имена с изъяснением частицы краткого жизнеописания каждого из них, с именами внуков, которые доныне [от него] произошли.

---

[1] *устӯхāн*
[2] *ӯрдӯ*.
[3] *пāдшāх-и ислāм*.
[4] B, Q — „в понедельник".
[5] Пропуск в рукописях.
[6] A — *кӯтукӯй*, она же Кутуй.

Первый сын Хулагу-хана, Абага-хан, появился на свет в Монголии от Йисунджин-хатун и прибыл в Иранскую землю вместе с отцом. Он был старшим и лучшим из числа своих братьев и как наследный царевич и наместник отца унаследовал престол, царскую власть, улус и войско. Сообщение о его женах будет приведено в повествовании о нем.

Второй сын Хулагу-хана, Джумукур, появился на свет в Монголии от Гуюк-хатун спустя месяц после рождения Абага-хана. Хулагу-хан во время похода в Иранскую землю оставил его при своих ставках A189a на службе у Менгу-каана, а прочие обозы, [которые] он повел с собой, S436b отпустил в области Туркестан, в окрестностях Алмалыка. Во время усобицы Арик-Бокэ с Кубилай-кааном, когда Джумукур пребывал в ставках Менгу-каана и Арик-Бокэ находился там, а Кубилай-каан был далеко, ему по необходимости пришлось стать на сторону Арик-Бокэ и сражаться с войсками Кубилай-каана ради Арик-Бокэ. После того как Арик-Бокэ пошел войною на Алгу и его разбил, он [Джумукур], под предлогом болезни, отстал от Арика в окрестностях Самарканда, потому что Хулагу-хан не был доволен его противлением Кубилай-каану и известил [его], чтобы он отстранился от службы. Оттуда, присоединившись к Кутуй-хатун, он отправился на служение к отцу и скончался в пути, как об этом будет разъяснено в своем месте. У него были две жены: старшая Нулун-хатун, дочь Бука-Тимура, брата Гуюк-хатун, а другая Джаурчи-хатун, старшая сестра старшей Булуган-хатун. У него было два сына в таком порядке: 1) Джушкаб. Он был от наложницы. После кончины отца он по закону взял [в жены] Джаурчи-хатун. 2) Киншу — от наложницы. У него есть сын Ширемун, он еще в живых. Дочерей же у Джумукура было две. Старшая, Ургудак, от Нулун-хатун, ее отдали за Шадай-гургена, сына Сунджака. Он от нее имеет сына Хабаша и двух дочерей: одна Кунчушкаб, первая жена султана ислама Газан-хана, 'да продлится навеки его царство', и другая Туган,[1] родившаяся от наложницы по имени Иль-Кутлуг. Ее взял в жены Ахмед в пору [своего] царства и возложил ей на голову бугтак. Аминь.

Третий сын Хулагу-хана — Юшумут. Мать его была наложницей из ставки Кутуй-хатун, по имени Нокаджин-эгэчи от кости хитайи. У него было три сына в таком порядке: Кара-нокай, Зенбу и Сукей. Зенбу умер в Чагату за месяц до [смерти] Тукитай-хатун. Сукей и Кара-нокай, поскольку они изменили, были казнены.

Четвертый сын Хулагу-хана, Текшин, появился на свет от Кутуй-хатун. Он страдал недугом недержания мочи и долгое время искусные лекари занимались его лечением, но успеха не было, и в конце концов он скончался. После смерти Джумукура он взял [в жены] Нулун-хатун. У него был сын по имени Тобун.[2] От Нулун-хатун он произвел дочь по имени Эсэн[3]. Когда Ургудак умерла, ее[4] отдали за Шадай-гургена. После Шадая ее взял [в жены] его сын Араб, и она у него умерла. Она имела сына по имени [Джуджа[5]].

Пятый сын Хулагу-хана — Тарагай. Он появился на свет в Монголии от наложницы по имени Боракчин из ставки Кутуй-хатун. На пути в Иран в него ударила молния и его не стало. Дети его прибыли сюда с Кутуй-хатун. У него был сын по имени Байду, который после Гейхату-хана несколько месяцев оспаривал царство. Отчет и рассказы

---

[1] C, L — *тӯгӯджāқ;* I — *тӯгāджāқ;* B, Q — *тӯқӯджāқ.*
[2] C, L — *сāни;* I, Q — *сāтӣ;* B — *сāми.*
[3] A — *йсн;* S — *ӣс;* C, L — *аʔс ʔӯр;* I — *аʔс бӯр;* B — *амʔк ʔов;* Q — *амӣнпӯр.*
[4] Вероятно дочь, указанную в прим. 3.
[5] C, L.

о нем будут приведены в своем месте. У него [Байду] был сын Кипчак, он был убит вместе с отцом. Он имеет еще двух других сыновей: одного от некой Шах-Алям, его имя Кипчак[1], и одного от дочери Доладая-эюдэчи — по имени Мухаммед. Имя матери Байду было Каракчин.

A189b S437 У Тарагая была дочь по имени Ашиль, ее отдали за Тук-Тимура, сына Абдаллах-аги, а после его смерти — его брату. Она до сих пор еще жива. Аминь.

Шестой сын Хулагу-хана — Тубшин, родившийся от Нокаджин, матери Юшумута. У него был сын по имени Сати.

Седьмой сын Хулагу-хана — Текудер-Ахмед. Он появился на свет от Кутуй-хатун. Имя его первоначально было Текудер, и он после Абага-хана стал государем. Памятка об его потомках будет приведена в повествовании о нем.

Восьмой сын Хулагу-хана — Аджай. Его мать была наложница по имени Арыкан-эгэчи, дочь Тенгиз-гургена. Находилась она в ставке Кутуй-хатун. Когда Хулагу-хан прибыл в Иранскую землю, он назначил ее во главе ставки Кутуй-хатун. Умерла же она спустя десять дней после [кончины] Хулагу-хана.

У него был сын по имени Ильдар. Он был казнен в Румском краю в начале поры царства государя ислама Газан-хана, 'да продлится вечно его царство'. Аминь.

Девятый сын Хулагу-хана — Конкуртай. Его мать была наложницей.[2] Имя ее было Эчучэ-эгэчи, [и была она] из ставки Докуз-хатун. Через некоторое время он возложил [ей] на голову бугтак. Он стал очень старым и умер несколько лет тому назад. У этого Конкуртая было шесть сыновей в следующем перечислении и порядке: Эсэн-Тимур, имел сына по имени Пулад; Ильдар, имел сына по имени Ак-Тимур, Черик-Тимур, [об его детях] неизвестно, Таш-Тимур, Ашик-Тимур и Гирей. Эсэн-Тимура называли Харбандэ и рождение его и Ильдара было в одну ночь. Его и его брата Ильдара в пору государя ислама Газан-хана казнили смертию за непокорность, которую они таили в сердцах. Прочие сыновья Гирей, Черик-Тимур и другие умерли в малолетстве.

Десятый сын Хулагу-хана — Йисудер. Его мать была наложницей из ставки Кутуй-хатун. Имя ее было Йишичин [и она была] сестрою...[3] от кости курлут. У него была дочь, которую отдали за Эсэн-Бука-гургена, сына Нокай-гургена. После его смерти спустя год и два месяца [наложница его] произвела [на свет] сына, которого нарекли Хабашем и приписали Йисудеру.

Одиннадцатый сын Хулагу-хана, Менгу-Тимур, появился на свет от Олджей-хатун. Рождение Менгу-Тимура было в ночь на воскресенье

A190a S440 2 числа месяца шавваля лета 654 хиджры [23 X 1256], соответствующую ночи 24 числа онунч-месяца года дракона на стоянке...[4] под знаком созвездия Близнецов, а скончался он в воскресенье 16 числа месяца мухаррама лета 681 [26 IV 1282]. Срок его жизни 26 лет и 2 месяца. У него было три сына в следующем перечислении и порядке: Анбарчи, у него два сына, каждый от другой матери: Эсэн-Тимур и Коничи; Тайджу, у него был сын по имени Пулад, в пору Газан-хана он изменил и был казнен. Тайджу имеет еще другого сына по имени Пулад;[5] Гирей, у него был сын по имени...,[5] умерший в отрочестве, а сам он скончался в пору Гейхату-хана. Мать этих сыновей звали Алинак-эгэчи. Жен у Менгу-

---

1 В родословной таблице — Али.

2 B, Q — доб. „китаянкой".

3 A — *крайнкӣ*; S, C — *крӣн?кӣ*; I — *крӣбӣкӣ*; B — *акӣва??кӣ*; Q — *ākрӣбӣкӣ*.

4 Пропуск в рукописях с оставлением пробела.

5 S, в A это имя зачеркнуто.

Тимура было три: Олджей-хатун, дочь Бука-Тимура, сестра Олджей-хатун, вторая — Абиш-туркан, дочь фарсского атабека, мать Курдучин, третья — Ноджин-хатун, дочь Дурабай-нойона. Дочерей же у Менгу-Тимура было множество. Одна, старшая, царевна Курдучин, сперва была женою керманского султана Джелаль-ад-дина Союргатмиша, а когда его не стало, ее посватал за себя эмир Саталмиш сын Боралиги. После него ее отдали за сына ее дяди Тогая. [Менгу-Тимур] имел еще дочь по имени ...,[1] ее отдали за эмира Сутая-ахтачи. Еще одну [дочь] по имени Ара-Кутлуг отдали за Тарагай-гургена, а когда он умер, [ее] отдали за Доладая-эюдэчи. Старшей женой Менгу-Тимура была Олджей, а после нее Абиш-хатун, дочь фарсского атабека Са'да, сына атабека Абу-Бекра, внучка иездского атабека Махмуд-шаха.

Двенадцатый сын Хулагу-хана — Хуладжу. Его мать была наложницей в ставке Докуз-хатун, по имени Иль-эгэчи от кости конкурат. Под конец ей возложили на голову бугтак. [Хуладжу] имел четырех сыновей и трех дочерей в следующем перечислении и порядке: Сулейман, убит[2] после отца; Кучюк, скончался после длительной болезни; Ходжа, скончался; Кутлуг-Бука, тоже умер.[3]

Тринадцатый сын Хулагу-хана—Шибаучи. Он тоже появился на свет от матери Хуладжу, Иль-эгэчи, и умер до кончины [Хулагу-хана][4] в ту же зиму.

Четырнадцатый сын Хулагу-хана — Тогай-Тимур. Мать его была наложницей из ставки Кутуй-хатун [и происходила] от кости ...[5] У него два сына в следующем перечислении и порядке: Курумиши, у него пять сыновей; Хаджи, [о детях] неизвестно.

Поскольку то, что известно об именах и происхождении сыновей и внуков Хулагу-хана, было [выше] прослежено со вниманием и изъяснено пером, то теперь, приступив, напишем памятку об его дочерях и зятьях.

Дочерей у Хулагу-хана было семь в следующем перечислении A190b
и порядке: S439

Первая дочь, Булуган-ага, появилась на свет от Гуюк-хатун. Ее отдали за Джума-гургена сына Джучи из рода татар, брата Нукдан-хатун, матери Гейхату, старшей жены Абага-хана. Джучи прибыл сюда вместе с Хулагу-ханом и был тоже гургеном. Дочь Отачи-нойона имел [в женах] брат Чингиз-хана, ее имя было Чечекен, и она была матерью Джума-гургена.

Вторая дочь, Джемей [?], появилась на свет от Олджей-хатун. После того как сестра ее, Булуган-ага, скончалась, ее отдали вместо нее за Джума-гургена.

Третья дочь, Менглукан, родилась от Олджей-хатун и ее отдали за Чакар-гургена сына Бука-Тимура из рода ойрат. Этот Бука-Тимур прибыл вместе с Хулагу-ханом и был братом Олджей-хатун от матери Гуюк-хатун — Чечекен дочери ...[6] Сын Чакар-гургена был Тарагай-гурген, зять Менгу-Тимура, который бежал и отправился в Сирию.

Четвертая дочь — Тудугеч. Ее мать была наложницей из ставки Докуз-хатун по имени ..[5] Ее [Тудугеч] отдали за Тенгиз-гургена из рода ойрат, который раньше имел [женою] дочь Гуюк-хана по имени ...,[6] которая умерла. Когда Тенгиз-гурген скончался, ее [Тудугеч] посватал за себя его сын Суламиш, а ныне ее посватал за себя внук Тенгиза — Чечек-гурген.

---

[1] Q — *бйан āтā;* в остальных рукописях пробел.
[2] L, I, B, Q.
[3] Имена дочерей в рукописях опущены.
[4] Пропуск в рукописях. В Тат. тексте „Сборн. лет.", 144 — Абага-хана.
[5] Пропуск в рукописях.
[6] Пропуск в рукописях. Повидимому Чингиз-хана.

Пятая дочь, Тарагай, появилась на свет от Арыкан[1]-эгэчи. Ее отдали за Муса-гургена из рода конкурат, дочернего внука Чингиз-хана, сына... Имя его было Тога-Тимур, [но] ученый муж, который был его наставником, назвал его Мусой. Он был братом Мертей-хатун.

Шестая дочь, Кутлукан, появилась на свет от Менгли-Кач-эгэчи. Ее отдали за Йису-Бука-гургена, сына Урукту-нойона из рода дурбан. Когда его не стало, ее взял [в жены] его сын Тугел. Аминь.

Седьмая дочь, Баба, произошла на свет от Олджей-хатун. Ее отдали за Легзи-гургена сына эмира Аргун-аги из рода ойрат. Аргун-ага же до Хулагу-хана прибыл в сие царство в должности битикчия по указу Менгу-каана.

О всех этих хатунах, сыновьях, дочерях и зятьях, быть может, опять понадобится говорить и подробнее на них ссылаться, однако же вкратце [сведения о них] таковы, как написано. Родословная таблица упомянутых потомков, кроме тех, что были государями и [указаны] особо, такова, как начертана.[2] Аминь.

A192a
S444

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ХУЛАГУ-ХАНЕ

События, предшествовавшие его восшествию [на престол], изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время восшествия его на ханский престол. Летописи и рассказы поры его царства. Памятка о сражениях, которые он в разное время давал, и победах, которые ему доставались.

События, предшествовавшие его восшествию на ханский престол

Когда Менгу-хан в местности Каракорум и Келурен, что являются[3] юртом и столицей Чингиз-хана, после съезда всех родичей и эмиров и с согласия большинства воссел на престол, [он], покончив с судом и расправою, обратился к управлению и устройству государственных дел, отправил в [разные] стороны и к границам часть дружин и, по удовлетворении ходатайств и прошений, дал разрешение удалиться челобитчикам и домогавшимся занятия должностей из турок и тазиков,[4] которые собрались из ближних и дальних мест, как [об этом] упомянуто в повествовании о нем. Байджу-нойона от кости йисут с огромным войском он отправил для защиты иранских владений. По прибытии сюда он [Байджу] послал гонца и жаловался на еретиков и на багдадского халифа.

В ту пору на служение к его величеству явился покойный главный казий Шамс-ад-дин Казвини. Однажды, надев на себя кольчугу, он показал [ее] каану и промолвил: „Я-де из страха перед еретиками постоянно ношу под одеждой эту кольчугу". И он доложил кое-что о захвате ими власти и их засилье. Каан в природных свойствах брата своего Хулагу-хана усматривал державные признаки, а в предприятиях его узнавал обычаи завоевателя. Он рассуждал [про себя]: „Поскольку есть некоторые страны такие, которые завоеваны и покорены в пору Чингиз-хана, а некоторые все еще не избавлены от неприятеля, площадь же мира имеет беспредельный простор, то он предоставит каждому из

---

[1] A — *aʔrḳān;* C — *arīḳān;* L — *arʔḳān;* I — *aīḳān;* B — *ʔīān;* Q — *bīān;* Татарск сб. — *abrḳān.*

[2] См. генеалогическую таблицу.

[3] C, L, I, B, Q — доб. „коренным".

[4] Словом *турк* в „Сборнике летописей" часто обозначаются также и монголы, словом *тāзīк* — персоязычное население Ирана и Средней Азии. Кроме того, под названием *турк* разумелось вообще кочевое население, противопоставляемое оседлым жителям — *тāзīк*. Выражение *турк-у тāзīк* употреблялось еще и в смысле «люди всякого звания», «люди разных сословий и профессий».

своих братьев по краю государства, дабы они покорили его совсем и обороняли, а сам он [каан] будет сидеть посредине владений, в старинных юртах; свободный от забот, полагаясь [на них] и будет проводить век в душевном благоденствии и творить правосудие. Некоторые же неприятельские владения, что поблизости, он завоюет и вызволит [сам] войсками, которые находятся окрест столицы".

Окончив размышление, [Менгу-каан] назначил своего брата Кубилай-каана в области восточных владений Хитай, Мачин, Карачанак, Тангут, Тибет, Джурджэ, Солонга, Гаоли и в часть Хиндустана, смежную с Хитаем и Мачином, а Хулагу-хана определил в западные области Иранской земли, Сирию, Миср, Рум и Армению, чтобы оба они с ратями, которые у них имелись, были бы его правым и левым крылом.

После большого курултая он послал Кубилай-каана в пределы Хитая и в упомянутые края и назначил для него войска, а Хулагу-хана, с согласия всех родичей, нарядил в Иранскую землю и во владения, что были поименованы выше, и постановил, чтобы войско, которое с Байджу и Чурмагуном раньше посылали для [несения службы] тама,[1] стояло бы в Иранской земле, а войско, которое также посылали для [несения службы] тама в Кашмир и Индию с Даир-бахадуром, все принадлежало бы Хулагу-хану. Теми дружинами, которые были у Даир-нойона, после того как он умер, ведал...,[2] за ним...,[2] а затем [их] передали Сали-нойону из рода татар. Он захватил Кашмир и вывел [оттуда] несколько тысяч пленников. Все те дружины, которые были с Сали-нойоном, ныне, где бы они ни находились, все, по праву наследства, составляют инджу государя ислама Газан-хана. Сверх этих войск, определили, чтобы из всех дружин Чингиз-хана, которые поделили между A192b
сыновьями, братьями и племянниками [его], на каждые десять человек S443
выделили бы по два человека, не вошедших в счет, и передали в качестве инджу Хулагу-хану, чтобы они отправились вместе с ним и служили бы здесь. В силу этого все, назначив [людей] из своих сыновей, родичей и нукеров, отправили их вместе с войском на службу Хулагу-хану. По этой причине в этом царстве всегда были и есть эмиры из ханского рода и из родственников каждого из эмиров Чингиз-хана. Каждого [из них] назначили на наследственное поприще и дело.

Когда это назначение было сделано, [Менгу-каан] послал в Хитай гонцов, чтобы доставили тысячу китайцев камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков.[3] Вперед выслали гонцов, чтобы они на протяжении принятого в расчет перехода войск Хулагу-хана от начала Каракорума до берегов Джейхуна объявили заповедниками все луговья и пастбища и навели прочные мосты на глубоких протоках и реках. Было повелено, чтобы Байджу-нойон и дружины, которые до этого прибыли с Чурмагуном, отправились в Рум и со всех владений на каждого человека приготовили бы для довольствия войск по одному тагару муки и бурдюку вина. Затем царевичи и нойоны, которые были наряжены, с ратными тысячами и сотнями двинулись в поход. Вперед отправили головным отрядом Китбука-нойона, из рода найман, имевшего чин баурчия, с двенадцатью тысячами человек, и он поспешно устремился вперед. Пришедши в Хорасан, он, поджидая державные знамена, занялся завоеванием области Кухистан.

Когда подготовка пути Хулагу-хана пришла к концу, он, по обычаю и обряду прощания, устроил в своих ставках пиршества, а младший брат Арик-Бокэ и прочие царевичи, вместе согласившись, точно

[1] В тексте — *тмā*.

[2] Пропуск в рукописях.

[3] *манджаникӣ ва нафтандāз ва чархандāз*.

так же весною устроили пиршества в Каракоруме и исполнили обряды торжества и разного рода потех. Менгу-каан, из братского участия, дал Хулагу-хану наставления и сказал: „Тебе-де с превеликим войском, с бесчисленной ратью надобно через окраинную область Туран пойти на страну Иран.

Стихи

Через Туран пройди и в Иран ступай,
Вознеси до сияющего солнца имя [свое].

Держись обычаев и закона Чингизханова в больших делах и в мелочах. От Джейхуна Амуйского и до дальних стран Мисра оказывай ласку и отличай милостями и дарами всякого, кто послушается и покорится твоим повелениям и запретам, а того, кто упорствует и подымает голову, повергни в пустыню насилия и унижения вместе с женами, чадами, домочадцами и родичами и разрушь крепости и замки, от Кухистана и Хорасана начиная.

Стихи

Срой Гирдекух и крепость Люмбесер,
Переверни их головою вниз, а телом вверх,
Не допускай, чтобы на свете была [хоть одна] крепость,
[Чтобы] оставалась [от нее даже] куча праха.

Покончив с этими местами, приготовься итти на Ирак и убери с пути курдов и луров, которые постоянно бесчинствуют на дорогах. Ежели халиф багдадский соберется служить и слушаться, не обижай его никоим образом, а ежели он возгордится и сердце и язык не приведет в согласие [с нами], то и его присовокупи к прочим [врагам]. Надобно еще, чтобы ты во всех делах делал своим руководителем и наставником проницательный разум и веское мнение. При всех обстоятельствах будь бдителен и благоразумен. Избавь ра'иятов от непомерных повинностей и поставок продовольствия[1] и дай им благоденствие. Опустошенные земли вновь приведи в цветущее состояние, завоюй вражеские владения силою великого господа, дабы приумножились ваши летние и зимние становища, и во всех случаях совещайся и советуйся с Докуз-хатун".

Хотя в мыслях у Менгу-каана и представлялось и закрепилось, что Хулагу-хан с дружинами, которые ему даны, постоянно будет править и властвовать во владениях Иранской земли и царство это будет передано ему и утвердится за ним и его славным родом, как оно и есть, он все же для вида сказал: „Когда ты свершишь эти важные дела, возвращайся в свое коренное становище". Покончив с наставлениями и завещаниями, он послал Хулагу-хану и его женам и детям в отдельности богатые дары деньгами, одеждами и лошадьми и, обласкав, одарил почетными халатами всех нойонов и эмиров, которые шли с ним в поход. Из царевичей он в сообществе с ним отправил младшего брата, Сонтай-огула.

A193a
S446

В конце года быка, выпавшего на месяц зи-л-хиджджэ лета 650 [II 1253], Хулагу-хан прибыл к своим ставкам и осенью года барса, выпавшей на месяц зи-л-дждж лета 651 [I—II (sic!) 1254], согласно указу брата, оставив на месте обозы, направился с многочисленным войском в эти края. Окрестные эмиры, приготовив таргу, предлагали его на местах стоянок и очищали от больших камней и мусора то протяжение пути, по которому был рассчитан переход его войска, а на

[1] *таклифат ва ма'унат-и намувадждках.*

переправах через реки и большие протоки они приготовили суда. Царевичи и эмиры, которые отовсюду с дружинами были назначены итти в Иран, сопровождая и служа Хулагу-хану, занялись каждый устройством войска и приведением его в готовность. Имена их подробно перечисляются [ниже]...[1]

Между тем Хулагу-хан со старшими женами своими Докуз-хатун и Олджей-хатун, старшими сыновьями Абага-ханом, Юшумутом и...,[2] отправились в путь, и они двигались от привала к привалу. Когда они прибыли в окрестности Алмалыка, навстречу выехала Ургана-хатун, устроила непрерывные пиршества и поднесла достойные дары.

Когда державные знамена миновали те места, сахиб Туркестана и Мавераннахра эмир Мас'уд-бек и тамошние эмиры поднялись на служение. В месяцах лета 652 [1254] летовали в тех краях, а в месяце ша'бане лета 653 [IX 1255] расположились у Самарканда на луговье Кани-гиль. Мас'уд-бек разбил там тканый золотом по золоту шатер и около сорока дней на этой стоянке непрерывно предавались питью. В те дни, под влиянием злого рока, скончался царевич Сонтай. На той же остановке был осчастливлен честью встречи раньше других меликов Ирана мелик Шамс-ад-дин Курт и отличен разного рода милостями и пожалованиями. Выступив оттуда, шли не останавливаясь до берегов Кеша. На этой стоянке явился эмир Аргун-ага со всеми вельможами хорасанскими, знатью и садрами, и они изъявили покорность и поднесли дары. На этой стоянке простояли в течение одного месяца.

Падишахам и султанам Иранской земли были посланы ярлыки такого содержания: „Мы идем согласно ярлыку каана с намерением уничтожить крепости еретиков и изгнать эту братию. Ежели вы, прибыв своей особою, окажете помощь и поддержку войском, оружием и припасами, [ваши] владения, дружины и жилища останутся вам и усердие ваше будет одобрено. Ежели же вы в исполнении указа допустите нерадивость и пренебрежете [им], то, когда силою всевышнего господа мы покончим с их [еретиков] делом, мы, не слушая извинений, обратимся на вас, и с вашими владениями и жилищами случится то же, что с [домами] их".

По этому важному делу отправили быстроходных гонцов[3]. Когда весть о прибытии покоряющих мир знамен распространилась по сторонам, султаны и мелики каждого владения из владений Ирана направились на служение к его высочеству. Из Рума прибыли на служение к его высочеству султаны Изз-ад-дин и Рукн-ад-дин, из Фарса — атабек Са'д, сын атабека Музаффар-ад-дина, а из Ирака, Хорасана, Азербайджана, Аррана, Ширвана и Грузии — мелики, садры и знать, все с подобающими дарами.

После того как, согласно указу, остановили все суда и лодки корабельщиков и соорудили мост, двинулись для переправы через Джейхун. Первого числа месяца зи-л-хиджджэ 653 года [1 I 1256] [Хулагу-хан] с победоносным войском перешел Джейхун и, пожаловав ту братию [корабельщиков], простил им пошлину,[4] которую взимали с судов, и обычай этот отверг. Когда он переправился, то для развлечения отправился A193
на прогулку к реке. Внезапно из зарослей показались лесные тигры. Он по- S44
велел, чтобы всадники, став кругом, устроили облаву. Так как кони пугались тигров, то сели верхом на взъяренных верблюдов и добыли десять

---

[1] Перечисление имен в рукописях опущено.
[2] Пропуск в рукописях с оставлением пробела.
[3] *йлчй*.
[4] *бāж*.

тигров. На другой день, выступив оттуда, расположились на луговьях Шабургана с намерением там долго не задерживаться. Был праздник жертвоприношения.[1] Внезапно пошел снег и поднялась метель. Снег падал непрерывно семь суток и от сильной стужи погибло множество животных. Хулагу-хан ту зиму провел там и все время предавался забавам, веселью, удовольствиям и пиршествам. Весною [эмир] Аргун-ага приказал изготовить царский приемный шатер из расписного тканого золотом по золоту шелка, прекрасный жилой шатер со всеми службами, соответствующий чертогам такого государя, так что при перевозке и при перемене [места] он был удивительно легок, и к ним подобающий шатер для собраний, и в нем золотую и серебряную утварь, усыпанную драгоценными камнями. Однажды, в очень счастливый день, их воздвигли и устроили собрание с многообразным великолепием. Хулагу-хан все это одобрил. В добрый час, под счастливой звездою, он воссел на престол счастья и подушку могущества. Хатуны, царевичи и эмиры, которые состояли при нем; государственные мужи, сановники, мелики и хакимы, собравшиеся со [всех] сторон, все выполнили обряды и обычаи.

После того как покончили с пиршествами, эмир Аргун-ага, согласно повелению, направился на служение к каану. Сына своего, мелика Гирея, битикчия Ахмеда и сахиба Ала-ад-дина Ата-мелика из Джувейна он, приставив к управе дел иранских владений, оставил на служении у Хулагу-хана, чтобы они состояли при его высочестве и вершили важные дела до его приезда. Аминь.

A194a S448

Рассказ о походе Китбука-нойона на крепости еретиков с передовой ратью Хулагу-хана, приступе его к завоеванию их, убиении Ала-ад-дина и восшествии Хуршаха на место своего отца

Китбука-нойон в месяце джумада-л-ахыре лета 650 [VIII 1252] от Менгу-каана отправился в поход с передовой ратью Хулагу-хана на крепости еретиков. В начале месяца мухаррама лета 651 [III 1253] он, переправившись через реку, приступил к набегам в области Кухистан. Он завоевал некоторую часть этой области и оттуда с пятью тысячами конных и пеших подступил к Гирдекуху. В месяце раби'-ал-авваль [6]51 года [V 1253] он приказал, чтобы вокруг крепости вырыли ров, а вдоль него набросали прочный вал. За этим валом войско оцепило [крепость] кругом. Позади войска возвели еще очень высокий вал и вырыли еще очень глубокий ров, дабы войско посредине оставалось в безопасности, а [враги] не могли бы сообщаться на сторону. [Китбука] оставил там Бури, [а сам] пошел к крепости Михрин, осадил [ее] и расставил камнеметы[2]. 8 числа месяца джумада-л-ахыре того же года он подошел к Шахдизу, многих перебил и повернул обратно. Меркитай с дружиною отправился в области Тарум и Рудбар, произвел опустошения, а оттуда подступил к Мансурийе и Улухнишину и восемнадцать дней учинял резню. 9 числа месяца шавваля лета 651 [2 XII 1253] из Гирдекуха произвели ночную вылазку, прорвали кольцо оцепления и перебили сто человек монголов. Эмир Бури, который был их предводителем, умер. Китбука-нойон снова сделал набег на Кухистан, угнал стада Туна, Туршиза и Зиркуха и, произведя резню и грабеж, увел пленных. 10 числа месяца джумада-л-уля упомянутого года заняли Тун и Тур-

[1] *аз̣ха.*
[2] *манджани̇к̣.*

шиз, а в начале месяца ша'бана взяли Диз-и Михрин и 27[1] числа месяца рамазана Диз-и Кемали.

Из Гирдекуха известили Ала-ад-дина Мухаммеда, который был государем еретиков, что в крепости вспыхнула холера, большая часть бойцов умерла и что вскоре крепость падет. На помощь жителям Гирдекуха послали Мубариз-ад-дина Али Турана и Шуджа-ад-дина Хасана Астрабади со ста десятью славными ратными борцами за веру и с каждым по два мана хенны и по три мана соли, потому что в крепости соли больше не оставалось. Хотя в книгах не встречается, что хенна предохраняет от холеры, однако там, по случаю выдачи замуж дочери одного эмира, ей омыли руки и ноги, покрасив хенной, а так как вода была дорога для жизни, то многие эту воду пили и никто из них не умер. [По этой причине[2]] они умудрились опытом и затребовали хенны. Между тем, эти сто десять человек так ударили на осаждавших и так проскочили, что никому не причинилось вреда, кроме одного, который упал в ров и вывихнул ногу. Его взяли на плечи и унесли в крепость. Дело Гирдекуха снова окрепло. Ночью в среду последнего числа месяца зи-л-кадэ лета 653 [31 XII 1255] Хасан Мазандерани, хаджиб Ала-ад-дина, по совету Хуршаха, его [Ала-ад-дина] сына, в местности Ширкух, ночью, когда тот пьяный спал, ударил его секирой и убил. На место отца посадили на престол Хуршаха. В убийстве Ала-ад-дина заподозрили несколько лиц. Хуршах не мог положиться на Хасана Мазандерани, хотя тот и убил по его совету его отца, написал ему письмо и отдал одному фидайи, чтобы тот отнес к нему. Когда [Хасан Мазандерани] стал его читать, он сразил его и убил. Хуршах объявил [это] и сказал так: „За то-де, что он убил моего отца, я убил его". И он приказал, чтобы на площади сожгли его сыновей. В воскресенье 26 числа месяца зи-л-хиджджэ [26 I], после трехдневной битвы, взяли Диз-и Шаль.

Рассказ о прибытии на служение к Хулагу-хану Насир-ад-дина кухистанского мухташама, в сопровождении мелика Шамс-ад-дина Курта, который ездил к нему послом

Хулагу-хан послал[3] Шамс-ад-дина Курта послом в крепость Сер-и Тахт к мухташаму Насир-ад-дину, а он в ту пору был уже стар и немощен. Он исполнил указ и в сопровождении мелика Шамс-ад-дина 17 числа месяца джумада-л-уля [24 VI 1255] с разного рода дарами и подношениями явился на служение к его высочеству и был осчастливлен честью поцеловать прах. Царское благоволение оказало ему милость принятием подношений. [Хулагу-хан сказал:] „Раз ты, сжалившись над женами и детьми, сдался,[4] то отчего же ты не вывел жителей крепости?" Он ответил: „У них государем Хуршах, они его слушаются". Хулагу-хан дал ему ярлык и пайзу и послал его на должность хакима в город Тун и в месяце сафаре лета 655 (II—III 1257] он скончался. Хулагу-хан оттуда двинулся вперед от привала к привалу. A194b S447

Когда он дошел до пределов Завэ и Хафа, с ним приключилось легкое недомогание. Он назначил Коке-Элькэя и Китбука-нойона с другими эмирами на завоевание остальных их [исмаилитов] владений.

---

[1] C, L — 28; B, Q — ночью 7-го.
[2] C, L, I, P, B, Q.
[3] C, L, I, P, B, Q — доб. „мелика".
[4] Букв. „спустился вниз". Поскольку крепости располагались на горе, то при сдаче гарнизон, естественно, выходя из крепости, спускался вниз.

Когда они достигли границ Кухистана, бродяги[1] оказали небольшое сопротивление, однако через неделю времени [монголы] все заняли и стены обрушили. Произведя резню и грабеж, увели пленных. 7 числа месяца раби‘-ал-ахыра [16 V] подошли к городу Туну и, установив камнеметы, сразились. 19 числа заняли шахристан, перебили всех, кроме ремесленников, и с победой и славою явились на служение к Хулагу-хану и направились к Тусу. Аминь.

Рассказ о прибытии Хулагу-хана в Тус и пределы Кучана,[2] приказе о возобновлении благоустройства, походе на Дамган, разрушении Аламута и Люмбесера[3] и изъявлении покорности Хуршахом

Когда Хулагу-хан прибыл в Тус, то в саду, устроенном Аргун-агой, разбили шатер из дорогой ткани, который согласно указу каана изготовили для Хулагу-хана, и он в том саду расположился. Оттуда перешли в сад Мансурийе, который Аргун-ага после полного разрушения приказал привести в благоустроенный вид. Жены эмира Аргуна и ходжа Изз-ад-дин Тахир там поднесли таргу. На другой день подались на луговья Радкана и ради прелестной и здоровой местности простояли там несколько времени. Из Мерва, Языра, Дехистана и других областей обильно доставили вина и продовольствия. Затем перешли в Хабушан, который монголы называют Кучаном. Эта касабэ, с начала прибытия монгольского войска, оставалась заброшенной и покинутой. Хулагу-хан повелел возобновить ее благоустройство и определил на это денег из казны, чтобы не нужно было отягощать ра‘иятов. И [вновь] потекли оросительные протоки и [там] построили карханэ. Около соборной мечети устроили сад, а Сейф-ад-дин-ага, бывший везиром и мудаббиром, отпустил денег, чтобы соборную мечеть благоустроили. [Хулагу-хан] приказал эмирам и придворной знати, чтобы каждый из них соответственно своему значению, должности и имущественному состоянию, построил [себе] там жилище. [Затем] он оттуда уехал.

29 числа месяца джумада-л-ахыра [5 VIII] Бек-Тимур-корчи, Захир-ад-дин, сипахсалар-битикчи и Шах-эмир, которых [Хулагу-хан] посылал к Хуршаху, государю еретиков, объявив [ему] постановление указа, вернулись обратно. В тот же день войско подошло к крепостям еретиков и начало наступление. 10 дня месяца ша‘бана [6]54 года [2 IX 1256] [Хулагу-хан] дошел до Харакана и Бистама и послал гератского воеводу[4] Меркитая с Беклемишем послами к Рукн-ад-дину Хуршаху и приказал его устрашить и приневолить, пригрозить ему и сделать посулы. В ту пору счастливый мовлана ходжа Насир-ад-дин Туси, совершеннейший и разумнейший [человек] мира, и многие великие лекари Раис-ад-довла, Муваффик-ад-довла и их сыновья, попавшие не по [своей] воле в это царство, воочию убедились, что поведение и деяния Хуршаха беспорядочны и что в присущих ему свойствах заложены гнет и насилие и что в нем явны признаки безумия. Сердца их преисполнились огорчением и отвращением к службе еретикам, а склонность к приверженности к Хулагу-хану [становилась у них] все сильнее, да и раньше они об этом мечтали. Они постоянно тайно совещались друг с другом о том, как то царство наилучшим образом и наилегчайшим путем могло бы
A195a быть им [Хулагу-ханом] завоевано. Очень многие из чужаков и мусуль-
S450 ман примкнули к ним, и в этом деле все были единодушны. По этой

[1] *рунд*.
[2] C, L, l, B, Q — Хабушана; P — Хушана.
[3] Именуется в рукописях A и S иногда также „Люммесер“.
[4] *шихнэ*.

причине они старались побудить Хуршаха к покорности и послушанию и устрашали [его]. Он тоже выразил согласие на это дело и, оценив приезд послов, отправил на служение к Хулагу-хану своего младшего брата Шаханшаха и ходжу Асиль-ад-дина Зузани с толпою сановников своего царства. За изъявление покорности государь повелел оказать им почести и уважение. В другой раз он назначил гонцов, дабы они с Садр-ад-дином, Захир-ад-дином, Тулек[1]-бахадуром, Бахши и Мазуком отправились послами к Хуршаху, чтобы он, если покорился, разрушил крепость и явился самолично. Хуршах ответил: „Ежели отец мой оказывал неповиновение, то я повинуюсь". Он частично разрушил несколько крепостей, как то Меймундиз, Аламут и Люмбесер и стал сносить зубцы башен, снимать ворота и срывать крепостные стены и валы. Для выхода [из крепости] он попросил отсрочки на год. Так как Хулагу-хан посчитал, что для него [Хуршаха] пришла уже пора печального конца и что от хождения гонцов никакого предостережения для него не получается, то он 10 числа месяца ша'бана 654 года [2 IX 1256] выступил из Бистама и направился к его городам и крепостям. Он повелел, чтобы войска, которые были в Ираке и в других краях, изготовились [к походу]. На правом крыле из Мазандерана двинулись Бука-Тимур и Коке-Элькэй, на левом крыле из Хара и Семнана — Негудер-огул и Китбука-нойон, а в средней рати, которую монголы называют кул — Хулагу-хан с одним туманом славных богатырей.

Стихи

Пошли — и облик земли помрачнел,
От всадников пыли небосклон потускнел.

И опять он вперед послал гонцов: „Поход-де решен. Ежели Хуршах, невзирая на преступления, встретит нас, как подобает слуге, то мы посмотрим на его грехи взором прощения".

Когда покоряющие мир знамена со славою миновали Фирузкух, гонцы вернулись обратно в сопровождении везира Кейкубада. Он с готовностью согласился [от лица Хуршаха] на разрушение крепостей, умолял, чтобы выход Хуршаха отложили на год, чтобы оставили в целости Аламут и Люмбесер, которые являются старинными жилищами [исмаилитов], а прочие крепости были бы сданы и [обещал], что всему, что будет повелено, он будет послушен и покорен. Он послал грамоту, чтобы мухташамы Гирдекуха и Кухистана явились на служение и полагал, что таким образом можно отразить божественное предопределение.

Когда [Хулагу-хан] повел покоряющие мир знамена в области Лар и Демавенд, он послал в Гирдекух Шамс-ад-дина Гилеки, чтобы тот склонил на службу тамошнего предводителя, а [сам] направился в Каран[2]. Осадили Шахдиз, который случился по дороге, и через три дня его взяли. Еще раз послали гонцов, чтобы Хуршах явился. Тот отпустил гонцов обратно, согласился послать своего сына с тремя стами местных жителей[3] и срыть все крепости. Хулагу-хан пребывал в Аббасабаде Рейском и ожидал. [Хуршах] 17 числа месяца рамазана [6]54 года [8 X 1256] прислал [своего] сына 7—8 лет, рожденного одной наложницей, в сопровождении послов и толпы вельмож и сановников. Хулагу-хан его приласкал и позволил вернуться обратно, так как он-де еще мал. „Ежели же Рукн-ад-дин сможет приехать [только] позднее, то пусть

---

[1] C, L — *нӯ?лк*; P, B, Q — *тӯкл*.

[2] C, L — *кӣра̄н*; P — *кра̄н*; B — *фрма̄н*; Q — *?ра̄н*.

[3] *мард-и хашарӣ* — местные жители, которых сгоняли на осадные или земляные работы в порядке повинности.

пришлет другого брата, дабы Шаханшах, который уже несколько лет как [при мне], вернулся обратно". Рукн-ад-дин 5 числа месяца шавваля отправил на служение другого брата, Шираншаха, и ходжу Асиль-ад-дина Зузани с тремя стами человек. В окрестностях Рея они имели честь явиться на служение. 9 числа месяца шавваля они вернулись обратно с ярлыком такого содержания: „Вследствие изъявления покорности и послушания мы простили преступления отца и его приверженцев, самим же Рукн-ад-дином, за время пока он сидит на месте отца, никаких проступков совершено не было. Пусть он разрушит крепости и во всяком случае будет уверен, что я его не трону". Было повелено, чтобы войска, которые располагались кругом, двинулись в охват и обрушились на них внезапно со всех сторон. Со стороны Эспидара подошли Бука-Тимур и Коке-Элькэ. Хуршах прислал им известие: „Раз-де мы покорились и заняты разрушением крепостей, то какова же причина вашего прихода?" Они ответили: „Поскольку между обеими сторонами проторен путь единодушия, то мы пришли на пастбища".

10 числа месяца шавваля лета [6]54 [31 X 1256] Хулагу-хан из Пишкеллэ отправился по дороге на Таликан и, наступая, достиг границ
A195b их владения. Если бы в ту ночь не было большого дождя, Хуршах
S449 был бы схвачен под крепостью. 18 числа месяца шавваля раскрыли достающий до неба зонт[1] в местности, которая находится напротив Меймундиза с северной стороны. На другой день [Хулагу-хан] для наблюдения и ознакомления с полем битвы объехал вокруг крепости и высматривал ее внутреннее и внешнее устройство. На следующий день со всех сторон к крепости подошли войска в таком громадном числе, что не укладывается в описание, и оцепили кругом крепость, что составляет почти шесть фарсангов. Так как из-за неприступности взять крепость было невозможно, [Хулагу-хан] держал совет с царевичами и эмирами: осадить ли [крепость] или вернуться, оставаться ли или дожидаться до следующего года. Они говорили: „Сейчас зима, кони отощали.[2] Продовольствие приходится добывать от самой Армении до пределов Кермана, лучше повернуть назад". Бука-Тимур, Сейф-ад-дин-битикчи и эмир Китбука стояли за осаду. Хулагу-хан снова послал гонцов и соизволил и ласково и сурово сказать: „Ежели [Хуршах] сдастся, то это будет поводом [к сохранению] жизни многим немощным и бедным, а ежели он через пять дней не явится на служение, то пусть укрепляет крепости и готовится к войне". Хуршах посоветовался с эмирами и сановниками царства. Каждый по своему разумению держал слово, и он был ошеломлен. Когда он понял, что у него нет силы сопротивляться, он сначала послал с дарами и несметными сокровищами другого брата, Ираншаха, со своим сыном по имени Таркия[3] в сопровождении ходжи Насир-ад-дина, 'да сделает господь благоуханным его прах', и ходжи Асиль-ад-дина Зузани с множеством везиров, сановников, должностных лиц и войсковых старшин. В пятницу 27 числа месяца шавваля они прибыли на служение. Их расположили отдельно и расспросили.

В воскресенье, 1 числа месяца зи-л-ка'дэ лета 654 [20 XI 1256], Хуршах по совету сановников царства самолично в сопровождении ходжи мира Насир-ад-дина Туси, ходжи Асиль-ад-дина Зузани, везира Муаййид-ад-дина и сыновей Раис-ад-довлэ и Муваффик-ад-довлэ вышел из крепости, распростился с двухсотлетним жилищем и удостоился чести лобызания [праха] ног его высочества.

---

[1] *шукурчӣ*.
[2] C, L, I, P, B, Q — доб. „а корма нет".
[3] A — над словом Таркия написано еще „Тураншах"; C, L, I, P — *тршāх кийā*.

Ходжа Насир-ад-дин по этому поводу изрек та'рих:

Когда лето арабское шестьсот пятьдесят четвертое наступило,
В воскресенье первого [дня] месяца зи-л-ка'дэ, рано поутру,
Хуршах, государь исмаилитов, с престола
Поднялся [и] пред престолом Хулагу предстал.

Когда Хулагу-хан увидел Хуршаха, он понял, что [тот] юн, неопытен и неразумен. Он обласкал его и обнадежил посулами. Он [Хуршах] отправил Садр-ад-дина, чтобы тот сдал все полные оружием и запасами замки и крепости, которыми отцы и деды завладели в беге времен в Кухистане, Рудбаре и Кумисе. Число их доходило до ста. Кутувалов сняли и все [крепости] разрушили, кроме Гирдекуха и Люмбесера, потому что родичи и приверженцы его [Хуршаха] держали Люмбесер еще с год. Затем вспыхнула холера, многие умерли, а оставшиеся [в живых] сдались и были присоединены к прочим. Гирдекух же они держали около двадцати лет и в конце концов в пору Абага-хана сдались и были перебиты, а [крепость] завоевана.

В общем Хуршах вывел из Меймундиза всех [своих] приверженцев и представил все унаследованные и приобретенные ценности и сокровища, хотя они сравнительно и не были столь велики, как о них говорили. Государь их роздал эмирам и воинам. Оттуда покоряющие мир знамена подошли к Аламуту. [Хулагу-хан] послал к крепости Рукн-ад-дина,[1] чтобы тот вывел их [исмаилитов], [но] верховный воевода[2] заупрямился. Хулагу-хан задержал Булгая для окружения и три дня нападали и притворно отступали. Затем он послал им ярлык о пощаде. В субботу,[3] 26[4] числа месяца зи-л-ка'дэ [6]54 года, [15 XII 1256], [воевода] вышел и сдал крепость. Монголы поднялись наверх, разбили камнеметы и снесли ворота. Жители попросили три дня срока для перевозки пожитков. На четвертый день явились воины и учинили грабеж. Хулагу-хан поднялся наверх для осмотра Аламута и от величия той горы прикусил зубами палец изумления.[5] После осмотра он спустился вниз, отбыл S452
оттуда и расположился в окрестностях Люмбесера, где была зимняя A196a
стоянка. Через несколько дней он оставил для осады ее Даир-Букая с дружиною и 16 числа месяца зи-л-хиджджэ лета [6]54 [4 I 1257] повернул обратно. В понедельник 25[6] числа упомянутого месяца он для встречи нового года[7] остановился в большой ставке в семи фарсангах от Казвина. Праздновали одну неделю. Он обласкал царевичей и эмиров и пожаловал им почетные халаты.

Когда выяснилось и оправдалось прямодушие и происхождение из города Хамадана ходжи Насир-ад-дина Туси и сыновей Раис-ад-довлэ и Муваффик-ад-довлэ, которые были великими почтенными врачами, [Хулагу-хан] всем им оказал милости, обласкал и дал перевозочные средства,[8] чтобы они вывезли оттуда все свои семьи, родичей и домочадцев со всеми подначальными людьми, слугами, челядью и последователями и поставили бы их на службу его высочеству. До сих пор они и их дети постоянно состояли и состоят на службе и [являются] приближенными его высочества Хулагу-хана и его славного рода.

---

[1] C, L, P, B, Q — доб. „Хуршаха".
[2] *исфахсалар-и муқаддам*
[3] L — опущ.; B, Q — „понедельник"
[4] L — 6.
[5] Жест, обозначающий крайнее изумление.
[6] P, B, Q — 27.
[7] *куйнклāмīшī?*
[8] *улāг*

В четверг 10 числа месяца мухаррама 655[1] года [28 I 1257] [Хулагу-хан] дал Хуршаху ярлык и пайзу, подарил ему почетную одежду и пожаловал ему [в жены] монгольскую девушку. Его [Хуршаха] обоз с челядью и вьючным скотом поселили в Казвине. Он послал с гонцами[2] двух-трех человек в сирийские крепости, чтобы, когда туда прибудут державные знамена, [крепости бы] сдали. После того как Хуршах покончил со свадьбой, Хулагу-хан, поскольку тот заключил договор, пощадив его, не хотел нарушать договора и покушаться на него. До тех пор пока множество принадлежавших им [исмаилитам] в Сирийском краю крепостей не сдались по его [Хуршаха] слову, [Хулагу-хан] некоторое время содержал его в почете и ласке, а то пришлось бы их завоевывать годами. Затем он отправил его на служение к каану. О смерти его рассказы различны. Подлинно то, что когда до каана дошло известие, что едет Хуршах, он соизволил сказать: „Зачем его везут и по-
A196b напрасну утомляют улаг"? — и послал гонцов, чтобы его по дороге
S451 убили. А в здешнем краю, после того как Хуршаха отправили, всех его родичей и приверженцев, от женщин и мужчин до младенцев в колыбели, перебили между Абхаром и Казвином, так что от них не осталось ни следа. Время господства исмаилитов в здешнем краю продолжалось сто семьдесят семь лет с начала [своего в] 477 году [1084/85], на что намекает слово Аламут, и до конца — 1 числа месяца зи-л-ка'дэ лета 654 [20 XI 1256]. Число их правителей — семь, в следующем перечислении и порядке: 1) Хасан ибн Али ибн Мухаммед ас-Саббах ал-Химьяри. 2) Кия Бузург-Умид.[3] Он и Хасан оба были да'и. 3) Мухаммед [сын] Бузург-Умида, который известен под [прозванием] Ала зикрихи-с-салям.[4] 4) Хасан сын Мухаммеда, [сына] Бузург-Умида. 5) Джелаль-ад-дин Хасан сын Мухаммеда. Его также называли Хасан Нов мусульман.[5] 6) Ала-ад-дин Мухаммед сын Хасана, сына Мухаммеда. 7) Рукн-ад-дин Хуршах сын Ала-ад-дина, на котором могущество пресеклось.

Завоевание тех крепостей и мест есть неопровержимое доказательство изобилия счастья и могущества Менгу-каана и его брата Хулагу-хана, поскольку такое великое дело совершилось с легкостью в короткий срок. Если бы не влияние этого счастья, то покоренные области полностью пошли бы на сладкие закуски да вино.

Вот и конец рассказам, которые упоминались о завоевании городов еретиков.

Рассказ о походе Хулагу-хана на Хамадан[6] после завоевания крепостей еретиков, прибытии Байджу-нойона из Рума, привлечении его к ответу Хулагу-ханом и обратной отсылке его в Рум для полного завоевания

Когда Хулагу-хан покончил с завоеванием городов и крепостей еретиков, он в месяце раби'-ал-авваль лета 655 [III—IV 1257] из окрестностей Казвина направился в Хамадан, а из пределов Азербайджана прибыл Байджу-нойон. Хулагу-хан гневался на него. Он прикрикнул на него и сказал: „Чурмагун-нойон помер. Ты на его месте что сотворил в Иранской земле? Какую рать разбил, каких врагов ты покорил, кроме того, что пугаешь монгольское войско великолепием и величием халифа". Он пре-

[1] C, L — 650.
[2] C, L, P, B, Q — доб. „государя".
[3] Букв.: „Кия Великая Надежда".
[4] Букв.: „мир памяти его".
[5] Букв.: "новый мусульманин", т. е. неофит.
[6] C, L, P, B, Q — „Кухистан".

клонил колена и доложил: „Моей-де вины нет. То, что было в силах, мною исполнено: от самого Рея и до пределов Рума и Сирии я [все] уладил, кроме дела Багдада, потому что вести рать в те края невозможно из-за множества тамошнего народа, обилия войск, оружия и снаряжения и трудных дорог, что предстояли бы. В остальном воля государя, всему, что он прикажет, я покорно повинуюсь".

По этой причине огонь гнева [Хулагу-хана] утих, и он сказал: „Надобно тебе пойти и отвоевать те владения до берегов Западного моря из рук потомков франков[1] и ...[2] "Байджу-нойон тотчас же повернул обратно и повел войско в Румский край. В ту пору султан румский Гияс-ад-дин Кейхосров сын Ала-ад-дина, дал Байджу-нойону сражение в местности Косэ-даг и был разбит. Байджу занял весь Рум и производил грабежи и убийства. Хулагу-хан с царевичами Кули, Булгаем и Тутаром и старшими эмирами Бука-Тимуром, Кудусуном, Ката, Сунджаком и Коке-Элькэем расположился в хамаданской степи, близ...,[3] которое A197a
есть пастбище...[4] и занялся устройством и вооружением войска. Аминь. S452

Рассказ о появлении усобицы в Багдаде, возникновении неприязни между даватдаром и везиром и начале невзгод багдадского халифа

В 654 году [1256], в конце лета, произошло великое наводнение и город Багдад был затоплен, так что нижние[5] ярусы тамошних зданий погрузились в воду и стали невидимы. В течение пятидесяти дней это наводнение нарастало, а затем стало убывать. Половина уездов Ирака была опустошена и до сих пор еще муста'симский потоп на устах народа. Во время этого события городские подонки и сволочь, бездельники и бродяги[6] протянули руку насилия и власти и каждый день убивали народ. Муджахид-ад-дин Эйбек, даватдар, склонил к себе бродяг и бездельников и в короткое время приобрел большую силу. Когда он окреп и увидел халифа Муста'сима нерешительным, нерассудительным и простодушным, он посоветовался с некоторыми сановниками, как бы его свергнуть и на его место посадить другого из рода [тех] же Аббасидов. Везир Муаййид-ад-дин ибн Альками проведал об этом обстоятельстве, наедине уведомил Муста'сима и сказал: „Необходимо-де принять меры против них". Халиф тотчас же призвал даватдара, передал ему доклад везира и сказал: „Из-за доверия, которое я к тебе имею, я не послушал слов везира о доносе на тебя и передаю [его слова] тебе. Ни в коем случае ты не должен обольщаться и не сходить с пути повиновения". Когда Эйбек почувствовал прощение, снисхождение и милосердие халифа, он в ответ промолвил: „Ежели-де за мною будет доказана вина, то вот моя голова, а вот меч. Однако, куда же направлено прощение и помилование халифа. Коварного везира див попутал и в помраченном мозгу его появилась склонность и любовь к Хулагу-хану и монгольскому войску. Он клевещет на меня, дабы от себя отвести подозрения. Он против халифа и между Хулагу-ханом и ним беспрерывно обращаются лазутчики". Халиф выразил ему расположение и сказал: „Впредь будь бдителен и благоразумен". Муджахид-ад-дин Эйбек вышел от халифа и высокомерно собрал вокруг себя

---

[1] *A — афрӣнс;* S, B — *афр?с;* C, L — *акр??с?с;* Q — *афр??с.*

[2] A — *влнктӑр;* S — *влнкта?и;* L — *вл?к?ар;* P — *арк?ӑр;* B — *ваз канӑр;* Q — *вӑрк?ӑр (аз куффӑр?).*

[3] A — *джатмабад;* S — *джанмад;* C, L — *хатмабад;* P, B, Q — *ханхабад.*

[4] A, S — *кэстан;* C, L — *лрстан;* B — *крстан;* Q — *крстан* (читай: *аз Курдистан*).

[5] S, P, B, Q — „верхние".

[6] *зинатирэ ва джимрийан ва рунуд ва авбаш.*

множество бродяг и городских подонков, злоумышляя на халифа. Денно и нощно они служили ему. Халиф стал подозревать, собрал войска, чтобы его отразить, и смута и смятение в Багдаде возросли.

Тамошние жители были удручены Аббасидами, стали гнушаться ими и считали, что [наступил] последний час их могущества. Среди них появилось разногласие и [разгорелись] страсти. Халиф перепугался и повелел Фахр-ад-дину Дамгани, сахиб-дивану, успокоить смуту. Собственноручно он написал послание, что-де то, что говорят о даватдаре — клевета и ябеда, у нас к нему полное доверие и он-де под нашим покровительством. Это послание он отправил через Ибн Дарнуша к даватдару, чтобы он явился на служение к халифу. Снискав благоволение, [даватдар] с почетом и уважением вернулся. В городе кликнули клич, что речи, которые говорили о даватдаре, все ложны. В хутбе после поминания халифа поминали имя даватдара, и таким путем та смута была устранена.

Рассказ о походе Хулагу-хана на Багдад, обращении гонцов между ним и халифом и исходе тех обстоятельств

Идя на Багдад, Хулагу-хан 9 числа месяца раби'-ал-ахыра 655 года [26 IV 1257] дошел до Динавера, а оттуда повернул обратно и прибыл в Тебриз[1] 12 числа месяца раджаба [27 VII] того же года. 10 числа месяца рамазана того же года он прибыл в Хамадан и послал гонца к халифу с угрозами и посулами: „Когда-де мы воевали крепости еретиков, то посылали к тебе гонцов и просили помощи ополчением,[2] ты же ответил: «Я, мол, покоряюсь»,— а войска не прислал. Признак покорности
A197b и единодушия в том, чтобы ты во время похода на врага оказал помощь
S453 войском, ты же его не прислал и привел отговорку. Хотя дом ваш древен и велик и видел могущественный род, [однако]

Стихи

Сияние месяца бывает до тех пор,
Пока бывает спрятан блестящий диск солнца.

Без сомнения из уст вельмож и простого народа до вашего слуха дошло о том, что произошло для мира и людей от монгольской рати, [начиная] с поры Чингиз-хана и поныне и до какой степени силою древнего, извечного господа были унижены дома Хорезмшахов, Сельджуков, меликов дейлемских, атабеков и прочих, которые все были великими и могущественными властелинами. Ни для одного из этих родов врата Багдада не были закрыты, и они там имели столицу. Как же они закроются для нас при той силе и мощи, что у нас имеется? Мы и раньше тебе советовали, да и теперь говорим: воздержись от вражды и борьбы с нами, не бей кулаком по стрекалу, не замазывай солнца глиною, а то пострадаешь. Однако то, что было, то было. Ежели ты[3] разрушишь крепостные стены, засыплешь рвы и явишься повидать нас, препоручив царство сыну, а не хочешь явиться [сам], то пришлешь везира, Сулейман-шаха и даватдара, всех трех, чтобы они, не прибавляя и не убавляя, передали тебе наше слово, словом — ежели ты будешь повиноваться нашему указу, то нам не придется враждовать, и владение, войско и подданные останутся тебе. А ежели совета нашего не послушаешься, задумаешь противиться и враждовать, [тогда] строй войска и назначай

[1] В — название города опущено с оставлением пробела; Q — „в Хамадан".
[2] *бэ чарйк.*
[3] В персидском тексте здесь и далее обращение не во 2-м, а в 3-м л. ед. ч.

поле битвы, потому что мы стоим, изготовившись и снарядившись [для борьбы]. Когда я в гневе поведу рать на Багдад, то, хоть в небе ты укроешься или в земле,

Стихи

Я низвергну тебя с небесного свода,
Снизу вверх подброшу тебя словно лев,
Не оставлю в живых никого в твоем царстве,
Огню предам города, края и земли твои.

Ежели ты желаешь пощадить свой древний род, то внемли разумно моему совету, а ежели не послушаешься, тогда я погляжу, какова воля божия".

Когда гонцы приехали в Багдад и передали известие, халиф отправил обратно в сопровождении гонцов Шараф-ад-дина ибн ал-Джавзи, человека красноречивого, и Бадр-ад-дина Мухаммеда Дизбеги Нахчуванского и в ответ молвил: „Ах ты, юноша неопытный, домогающийся вечной жизни, удачей и счастьем десятидневным мнящий себя одолевшим и объявшим весь мир и считающий свой указ непреклонной судьбой и незыблемым приговором, у меня ты ничего не обретешь чего же ты ищешь,

Стихи

Мнением, ратью и отвагой,
Звезду, как ты [сумеешь] заполучить.

Вероятно, царевич не ведает, что от Востока до Запада, от царя до нищего, и стар и млад, кто служит богу и держится веры, — все они рабы этого чертога и моя рать. Когда я повелю, чтобы собрались разбросанные [там и сям люди], то прежде покончу с делом Ирана, а [затем] направлюсь[1] в страну Туран и каждого поставлю на его место. Неминуючи весь мир придет в волнение и смятение, а я не ищу вражды и распри людской и не желаю, чтобы от походов военных на устах подданных вращались благословения и проклятия. Особливо потому, что и душой и словом я заодно с кааном и Хулагу-ханом. Ежели ты, как и я, посеял зерно дружбы, то какое тебе дело до моих крепостных стен и слуг. Стань на путь дружбы и возвращайся в Хорасан. Ну, а ежели ты надумал сражение и битву, то

Стихи

Не мешкай, не бегай, не стой
Мига на месте, коль решил ты сразиться,
Конных и пеших тысяча тысяч
Есть у меня к битве пригодных,

которые, когда вспыхнет ненависть, в прах разнесут море". Передав такого содержания известие [гонцам], он отправил их с кое-какими дарами и подношениями. Когда гонцы выехали за город, все поле было полно простого народа. Он стал поносить гонцов и, задирая, рвать их одежды и плевать [на них], чтобы, если они что-либо скажут, ухватиться за это и нанести им обиду. Они уведомили везира, и тот тотчас же прислал сотню гулямов, чтобы отогнать народ. Гонцов вызволили из этого происшествия и отправили в путь. A198b S456

Когда гонцы прибыли на служение к Хулагу-хану и доложили о том, что они претерпели, государь пришел в ярость и сказал: „Знать,

[1] C, L, I, P, B, Q — доб. „из Ирана".

халиф совсем бесталанный, что с нами крив, как лук. Ежели господь извечный сподобит, я его трепкой за ухо выпрямлю, как стрелу". В это время вошли послы халифа, Ибн ал-Джавзи и Бадр-ад-дин Дизбеги и изложили [цель] посольства. Хулагу-хан, выслушав несчастные речи, возмутился и сказал: „Воля господня к этому люду иная, раз он влагает в их сердца такие замыслы".

В месяце...[1] года дракона, соответствующего лету 655 [1257], он разрешил послам халифа удалиться из Пенджангушта Хамаданской области, где находилась его ставка, и возвестил: „Господь извечный избрал Чингиз-хана и род его и пожаловал нам всю землю от Востока до Запада. Всякий, кто покорно с нами заодно сердцем и словом, тому сохранится владение, достояние, жены, дети и жизнь, а тот, кто умышляет против [нас], ими не насладится". И он строго выговаривал халифу: „Любовь-де к высокому сану, богатству и суете и тщеславие преходящего могущества так тебе вскружили голову, что даже слова благожелателей на тебя не влияют и уши не слышат советов и наставлений доброхотов. Ты свернул с пути отца и дедов своих, придется тебе изготовиться к сражению и битве, ибо иду я в Багдадскую землю с ратью [многочисленной], словно муравьи и саранча. Ежели переменится судьба, то на то воля всевеликого бога".

Послы по получении извещения покоряющего мир государя поведали его везиру, а тот все полностью доложил на суд халифа. Халиф спросил: „Что по твоему мнению надобно для отражения этого злого и могущественного врага?" Везир ответил: „Нужно смазать щиколотки врага богатыми дарами потому, что сокровища и драгоценности накопляют для сохранения чести и благополучия души. Надобно приготовить тысячу харваров груза из редкостных товаров и, отобрав тысячу верблюдов и тысячу арабских лошадей с оружием и доспехами, послать дары и подношения в сопровождении смышленых и искусных послов царевичам и эмирам, каждому сообразно его сану. [Нужно] принести извинение и согласиться читать хутбу и чеканить монету его именем". Халиф одобрил мнение везира и повелел его исполнить.

Муджахид-ад-дин Эйбек, которого называли младшим даватдаром, по причине неприязни, существовавшей между ним и везиром, вместе с другими эмирами и беспутным людом[2] багдадским известил халифа: „Везир-де это мероприятие придумал ради своей выгоды, чтобы заручиться благодарностью Хулагу-хана, а нас и воинов повергнуть в несчастье и беду. Мы тоже стоим на страже по дорогам, схватим послов вместе с товарами и повергнем их в беду и невзгоду". Халиф от этих слов отставил отправку груза и заносчиво и надменно послал к дестуру: „Не страшись-де грядущей судьбы и не рассказывай сказок, ибо между мною и Хулагу-ханом и[3] Менгу-кааном дружба и единодушие, а не вражда и неприязнь. Раз я их друг, то, конечно, и они мои благожелатели. Видно, известие послов ложно. А ежели же братья замыслят против меня и мне изменят, то чего же бояться роду Аббасидов, раз [все] государи на свете у нас на положении войска, подчиняются и слушаются моих приказов и запретов. Изо всех стран я созову войска и, воссев [на коня], чтобы отразить их, подыму на братьев Иран и Туран. Ободрись и не бойся монгольских угроз и посулов, ибо хотя им и повезло и они и обладают силою, однако против рода Аббасидов у них кроме страстной мечты в голове да ветра в руке нет ничего".

---

[1] Пропуск в рукописях.

[2] *рунӯд*.

[3] C, I, P, B, Q — доб. „его братом".

Везир из этих бессвязных слов доподлинно понял, что могущество A198b
их [Аббасидов] будет пресечено, и так как [это могущество] при- S455
ходило к концу в пору его везирства, то он извивался, словно змея, и обдумывал со всех сторон средство [как избавиться от беды].

Багдадские эмиры и тамошние вельможи, как то: Сулейман-шах ибн Бахрам, Фатх-ад-дин ибн Курд[1] и Муджахид-ад-дин Эйбек, младший даватдар, собрались у везира и стали дерзко хулить и порицать халифа, что он-де друг шутов и скоморохов и недруг воинов и ратных людей. „Мы-де, военачальники, то, что скопили в пору его отца, при нем распродали". А Сулейман-шах сказал: „Ежели халиф не примет мер отразить этого могучего врага, не станет готовиться да потарапливаться, то вскоре монгольская рать отважится на Багдадское владение и тогда ни одну тварь не помилует, как она уже поступила с другими городами и рабами божьими. Ни оседлого, ни кочевника, ни богатого, ни бедного, никого не оставит, а с женщин сорвет покрывало целомудрия. В том случае, ежели монголы не обложат [Багдад] со всех сторон, собрать войска из окрестностей было бы легко и я с войском совершил бы ночной набег и их рассеял. Ну, а ежели случится вопреки предполагаемому, то благородному мужу лучше пасть со славою на поле брани".

Когда эти слова дошли до халифа, он [их] одобрил[2] и сказал везиру: „Слова Сулейман-шаха на измученное сердце действуют, как целительный пластырь. Согласно его прошению произведи подсчет войскам, дабы я обогатил их дирхемами и динарами, а Сулейман-шаху накажи, чтобы он сдержал свое слово". Везир понимал, что халиф не даст денег, но назло недругам тотчас же [об этом] не заявил и приказал ʿаризу, чтобы тот постепенно, мало-помалу делал смотр войскам, чтобы молва о большом скоплении рати при халифе дошла до ближних и дальних мест, до турок и тазиков, и они охладели бы к злому [своему] умыслу. Через пять месяцев ʿариз объявил везиру, что собралось множество отрядов и громадная рать и что наступил час раздачи халифом денег. Везир доложил, а Мустаʿсим уклонился отговоркою. Везир совсем отчаялся в его обещаниях, смирился с судьбою и стал терпеливо ожидать, что же судьба [теперь] извлечет из-за завесы.

В эту смутную пору, поскольку даватдар был плох с везиром, сволочь и городские подонки,[3] подчиняясь ему, распространяли среди жителей слух, что везир заодно с Хулагу[-ханом], желает его победы и низвержения халифа и в этом имеется подозрение. Халиф снова через посредство Бадр-ад-дина Дизбеги и казия Банданиджейна[4] отправил небольшое количество даров и возвестил: „Хотя-де государю и неведомо, однако пусть он справится у людей знающих, что до сих пор конец всякого государя, который покушался на род Аббасидов и обитель мира Багдад, был ужасен. Хотя-де на них покушались непреклонные государи и могущественные повелители, но основание этого державного здания оказалось чрезвычайно крепким и будет стоять незыблемо до дня воскресения из мертвых. В минувшие дни Яʿкуб [сын] Лейса Саффари покушался на современного [ему] халифа и с многочисленным войском устремился на Багдад, но, не достигнув цели, отдал душу от болезни живота. Точно так же пошел в поход его брат Амр. Его захватил Исмаʿил ибн Ахмед Самани и связанного отправил в Багдад, чтобы халиф совершил с ним то, что было предопределено судьбою. Из Мисра в Багдад пришел с превеликим войском Бесасири, схватил

[1] A, S, — *крд;* C, L, I, B, Q — *крэ;* P — *кӯх.*

[2] Далее до слов „в конце концов" на стр. 39 в рукописи B опущено.

халифа и держал в заключении в Хадисе. Два года в Багдаде он читал хутбу и чеканил монету именем Мустансира, бывшего в Мисре халифом исмаилитов. В конце концов [это] стало известно Тогрул-беку, сельджуку. С громадной ратью он двинулся из Хорасана на Бесасири, взял его в плен и казнил, а халифа освободил из заключения, доставил в Багдад и посадил халифом. Султан Мухаммед, сельджук, тоже покушался на Багдад, но, разбитый, повернул назад и на пути скончался. Мухаммед Хорезмшах, злоумышляя истребить наш род, повел превеликое войско, однако по приговору гнева божия был настигнут снежной бурей на горном перевале Асадабада и большая часть его войска погибла. Потерпев неудачу и понеся потери, он возвратился обратно и на острове Абескун претерпел от деда твоего Чингиз-хана то, что претерпел. Не будет добра государю от злых умыслов на род Аббасидов. Пусть
A199a он поразмыслит о сглазе вероломной судьбы". От этих слов гнев Хулагу-
S458 хана возрос. Он отпустил обратно послов и молвил:

Стихи

Ступай и построй город и крепостные стены из железа,
Воздвигни из стали башни и простенки,
Собери рать из дивов и пери,
А затем подходи ко мне, ненавистник.[1]
Коль ты на своде небесном, я низвергну тебя,
Против желания твоего ввергну тебя в пасть льва.

Рассказ о занятиях Хулагу-хана устройством и снаряжением войска для захвата Багдада и завоевания его округи

Когда [Хулагу-хан] отпустил обратно послов, он стал опасаться многочисленности багдадского войска и занялся устройством и снаряжением рати. Он хотел прежде завоевать окру́гу Багдада, которая является высокими неприступными горами. [Хулагу-хан] отправил гонцов к Хусам-ад-дину Акка, бывшему со стороны халифа хакимом в Дертенге и его окру́ге, таившему обиду на Муста'сима по религиозным причинам,[2] и потребовал [явиться к нему]. Хусам-ад-дин без колебания вверил Дертенг своему сыну эмиру Са'ду и тотчас же явился на служение. Хулагу-хан оказал ему большое благоволение и милость и удостоил разрешением вернуться обратно. [Хулагу-хан] пожаловал ему Диз-и Зар,[3] Диз-и Мардж[4] и несколько других крепостей. Он возвратился назад и в каждую крепость отправил [отдельное] войско, и все они [обитатели крепостей] покорились и подчинились и крепости ему сдали. Когда давнишние его чаяния исполнились и вокруг него собрались воины Сулейман-шаха, он вознесся сердцем, возгордился и отправил посла к ирбильскому хакиму Ибн Салайя Аляви, чтобы тот примирил его с великим диваном. Он сказал: „Я-де взвесил Хулагу-хана на весах сметливости и прозорливости. Хотя он сразу и жестокость и угроза, однако у меня веса и ценности не имеет. Ежели халиф окажет мне ласку и ободрит да пришлет конное войско, то я тоже наберу тысяч сто разрозненных пеших курдов и туркмен, прегражу Хулагу-хану дороги и не допущу, чтобы хоть одна тварь из его рати вступила в Багдадскую область". Ибн Салайя известил об этом обстоятельстве везира. Тот доложил халифу, [но] большого внимания уделено [этому] не было.

Эти слова, передаваясь из уст в уста, дошли до слуха Хулагу-хана. С большой силою вспыхнул огонь [его] ярости, он отправил Кит-

[1] A — порядок полустиший обратный.
[2] B тексте *ба вāсита-и тадаййӯн.*
[3] C — *диз-и зардих*; L — *диз-и ррдх*; P — *диз-и рздх*; Q — *диз-и врвх.*
[4] C, L, P, Q — *мрх.*

бука-нойона с тридцатью тысячами всадников, чтобы отразить их. Когда Китбука-нойон подошел близко, он вызвал [к себе] Хусам-ад-дина: „Поход-де на Багдад решен твердо и есть нужда в твоем совете". Хусам-ад-дин явился без раздумья и промедления. Китбука взял его под стражу и сказал: „Ежели хочешь спастись и быть постоянно хакимом этих крепостей, то выведи всех из крепостей: своих жен, детей, приверженцев и войска, дабы я их пересчитал и наложил на них налог[1] и копчур. Хусам-ад-дин не нашелся, как помочь себе, и всех представил. Китбука сказал: „Ежели ты не кривишь душою с государем, то, чтобы это стало ясным, прикажи срыть все крепости". Он [Хусам-ад-дин] догадался, что его пустые слова дошли до них, и, готовый на все, послал, чтобы все крепости разрушили. Затем его со всеми подчиненными убили, за исключением жителей одной крепости, где находился его сын эмир Са'д. Его вызвали с угрозой и предупреждением, а он не послушался и сказал: „Ваши-де обязательства и договоры нечестны, нет у меня доверия". Долго он дерзко кружил в тех горах и в конце концов ушел в Багдад, был обласкан великим диваном и пал в бою под Багдадом. Китбука-нойон из тех краев с победой и славою прибыл на служение к его высочеству.

Хулагу-хан совещался насчет того похода с государственными мужами и придворными сановниками. Каждый из них высказывал что-либо согласно своему убеждению, [Хулагу-хан] призвал звездочета Хусам-ад- S457
дина, который сопутствовал ему по указу каана, чтобы избирать [час] A199b
выступления в путь и привала, и приказал ему: „Расскажи без лести все то, что видно в звездах". Вследствие [своей] близости он обладал смелостью и решительно сказал государю: „Нет счастья в покушении на род Аббасидов и в походе войска на Багдад, ибо доныне ни один государь, который покушался на Багдад и на Аббасидов, не попользовался царством и жизнью. Ежели государь не послушает слов слуги [своего] и пойдет туда, произойдут шесть казней: во-первых, падут лошади и воины захворают, во-вторых, солнце не будет всходить, в-третьих, дождь не будет выпадать, в-четвертых, подымется холодный вихрь и мир разрушится от землетрясения, в-пятых, растения не будут произрастать из земли, в-шестых, великий государь в тот же год скончается". Хулагу-хан на эти слова потребовал доказательства и взял письменное свидетельство. Бахшии и эмиры согласно сказали: „Поход на Багдад — само благо". Затем [Хулагу-хан] призвал ходжу мира Насир-ад-дина Туси и посоветовался с ним. На ходжу напали подозрения. Он предположил, что его [хотят] испытать, и сказал: „Из этих обстоятельств ни одно не случится". [Хулагу-хан] спросил: „Так что же будет?" Насир-ад-дин ответил: „А то, что вместо халифа будет Хулагу-хан". После этого [Хулагу-хан] призвал Хусам-ад-дина, чтобы он поспорил с ходжой. Ходжа сказал: „По общему признанию всех мусульман многие из великих сподвижников [посланника божия Мухаммеда] пали жертвою и то никаких бедствий не случилось. Ежели говорят, что это-де особое свойство Аббасидов, [то ведь] Тахир из Хорасана пришел по приказу Ма'муна и убил его брата Мухаммед-Амина, а Мутаваккиля при помощи эмиров убил сын, а Мунтасира и Му'тазза убили эмиры и гулямы и точно так же еще несколько других халифов были убиты рукой разных лиц и никакой беды не произошло".

Стихи

От речей мудреца сердце повелителя
Расцвело, как тюльпан ранней весною.

Рассказ о принятии Хулагу-ханом твердого решения итти на Багдад, походе войска из разных краев на Обитель мира,[1] взятии его и конце владычества аббасидских халифов

[Хулагу-хан] соизволил принять твердое решение о походе на Багдад и приказал, чтобы дружины Чурмагуна и Байджу-нойона, юрт которых был определен в Руме, на правом крыле из Ирбиля вступили в Мавсиль и, перейдя мавсильский мост, расположились на западной стороне Багдада в назначенное время, дабы, когда знамена наши подоспеют с востока, они вступили с той стороны. Царевичи же Булгай сын Шибана, сына Джучи, и Тутар сын Сонкура, сына Джучи, и Кули сын Урады, сына Джучи, и Букай-Тимур и Сунджак[2]-нойон — все они, [стоявшие] на правом крыле, прибыли бы к Хулагу-хану[3] от горного кряжа[4] Сонтай[5]-нойона[6](?), Китбука-нойон, Кудусун и Элькэ на левом крыле продвигались бы из областей Луристан, Текрит, Хузистан и Баят до берега Уммана. Хулагу-хан, оставив обозы на луговье Заки Хамаданской области и назначив во главе [их] Каяк[?]-нойона, в начале месяца мухаррама 655 года [I 1257] двинулся в путь по дороге на Керманшахан и Хульван с дружинами средней рати, которую монголы называют кул. [При нем] на служении находились старшие эмиры Коке-Элькэ, Урукту и Аргун-ага, из битикчиев — Каракай и Сейф-ад-дин-битикчи, бывший мудаббиром государства, мовляна ходжа Насир-ад-дин Туси и счастли-
A200a вый сахиб Ала-ад-дин Ата-мелик со всеми султанами, меликами и атабеками Иранской земли.

Когда они благополучно достигли Асадабада, [Хулагу-хан] еще раз послал гонца с приглашением халифа. Халиф отказывался, и в Динавер из Багдада опять прибыл Ибн ал-Джавзи, привезя письмо с обещаниями, посулами и просьбою, чтобы Хулагу-хан повернул назад и что-де то, что он назначит, ежегодно будут доставлять в [его] казну.
S640 Хулагу-хан, поразмыслив и [сообразив], что халиф желает, чтобы войска повернули обратно, дабы подготовить дело восстания, сказал: „Раз мы прошли такой путь, то как можно, не повидавшись, возвращаться обратно. После приема, свидания и беседы мы с его разрешения пойдем назад". Оттуда они вступили в Курдские горы и 27 числа остановились в Керманшахане, произведя резню и грабеж. [Хулагу-хан] послал гонца, чтобы царевичи Сунджак, Байджу-нойон и Сонтай явились бы поспешно. В Так-и Кисра они прибыли на служение. Взяв в плен Эйбека Халеби и Сейф-ад-дина Кылыча, которые были в передовой рати той стороны, они доставили их на служение. Хулагу-хан пощадил жизнь Эйбека, и он согласился докладывать правду. Хулагу-хан сделал их нукерами езека[7] монголов, а эмиров отпустил с лаской, чтобы они перешли Тигр и направились к западной [стороне] Багдада. По своему обычаю они погадали на бараньих лопатках, повернули и двинулись к западной [стороне] Багдада.

В багдадском передовом отряде был кипчак по имени Карасонкур, а некий Султанчук, родом хорезмиец, состоял в монгольском езеке.[7] Он послал Карасонкуру письмо: „Мы-де с тобою одной породы. Я после долгой беготни по немощи и нужде подчинился, примкнул

---

[1] Т. е. Багдад.

[2] A — *сӣунджӑк.*

[3] A — *ва ба джаниб-и Кулагӯ-хан* S — вместо „к Хулагу-хану" — „в Шахризӯр и Дакӯк".

[4] *гирива.*

[5] A — *сӯнатай;* S — *ситай;* C, P, Q — *сӯнтай;* L, B *сӯдтай.*

[6] S, C, L, P — опущ.

[7] *ийак.*

к служению его высочеству, и меня жалуют. Пожалейте и вы свою жизнь, сжальтесь над своими детьми и покоритесь, дабы ваши семьи, жизнь и достояние были пощажены этим народом". Карасонкур отписал в ответ: „Какие основания могут быть у монголов, чтобы покушаться на род Аббасидов. Ведь этот род испытал на себе много такой силы, вроде чингизхановой, и основание его крепче того, чтобы содрогаться от каждого вихря. Уже более пятисот лет, как он властвует, и судьба не щадила ни одно существо, которое на него покушалось. То, что ты приглашаешь меня к молодому монгольскому деревцу, далеко от благоразумия. Путь мира и дружбы заключается в том, что Хулагу-хан, покончив с завоеванием городов и крепостей еретиков, [должен был], не идя дальше Рея, вернуться в Хорасан и Туркестан. Сердце халифа гневается на его поход. Поэтому, ежели Хулагу-хан, раскаявшись в своем проступке, отведет войска в Хамадан, мы походатайствуем перед даватдаром, чтобы он покорно умолил халифа. Быть может он и перестанет гневаться и согласится на мир, дабы прекратились сражения и битвы".

Когда Султанчук на служении Хулагу-хану доложил это письмо, тот рассмеялся и сказал: „Я уповаю на помощь творца, а не на [помощь] дирхемов и динаров. Ежели вечный господь окажет помощь и поддержку, чего мне опасаться халифа и его рати.

Стихи

Что мне муравьи, что комары, что слоны,
Что родники, что речки, что река Нил,
Если переменится воля господня,
Кто знает, кроме него, каковы окажутся те слова.

Опять он отправил гонца: „Ежели-де халиф покорился, то пусть выйдет, а не то пусть он будет готов к войне. Пусть сперва явятся везир, Сулейман-шах и даватдар и выслушают [мои] слова".

На другой день [Хулагу-хан] выступил в путь и расположился на берегу реки Хульван 9 числа месяца зи-л-хиджджэ 655 года [18 XII 1257]. Там он пребывал до 22 числа того же месяца [31 XII 1257]. В те дни Китбука-нойон взял многие города Луристана добром и силою. 11 числа джакшабат-месяца года змеи, соответствующего 9 числу месяца му- A200b
харрама лета 656 [16 I 1258], Байджу-нойон, Бука-Тимур и Сунджак,[1] в назначенный срок, дорогой на Дуджейль, перейдя через Тигр, достигли окрестностей Нахр-и Иса. Сунджак-нойон упросил Байджу [позволить ему] быть передовым отрядом рати, [идущей] на западную [сторону] Багдада. После [получения] разрешения он отправился в путь и прибыл в Харбийю. Муджахид-ад-дин Эйбек, даватдар, который был главою халифской рати, и Ибн Курд[2] еще заранее построили лагерь между Ба'кубой[3] и Баджисрой. Когда они услышали, что монголы подошли к западной стороне Багдада, они, перейдя Тигр, дали сражение Сунджаку[1] и Бука-Тимуру в окрестностях Анбара у Кушк-и Мансура, выше Мадрафы,[4] в девяти фарсангах от Багдада.

Монгольское войско уклонилось в сторону, и они пришли в Ба- S459
ширийю в округе Дуджейль. Когда Байджу и они [Сунджак и Бука-Тимур] подошли, то их [даватдара и Ибн Курда] повернули назад. В той местности был большой пруд. Монголы открыли его плотины, так что позади багдадского войска всю степь затопило водою. Утром

[1] A — *сӣунджӣак*.
[2] A, S — *крд*; P, Q — *кр*; B — *крэ*.
[3] A — *?'кӯ??х*; L, P, B, Q — *Якӯбӑ*
[4] S, P — *мэрфх*; L — *мрэфх*; B Q — *мэркх*.

на восходе, в четверг, день ашура, Байджу и Бука-Тимур ударили на даватдара и Ибн Курда и победоносно обратили в бегство багдадское войско. Фатх-ад-дин Ибн Курд и Карасонкур, бывшие предводителями войска, с двенадцатью тысячами человек багдадцев были убиты, помимо тех, что утонули или увязли в иле. Даватдар с немногочисленными людьми, бежав, прибыл в Багдад, а некоторые бежали в Хиллу и Куфу. В ночь на субботу, в половине месяца мухаррама, Бука-Тимур, Байджу-нойон и Сунджак-нойон подошли к Багдаду, овладели западной стороной и стали в околотках города, на берегу Тигра, а со стороны Нахасийи и Сарсара подоспели Китбука-нойон и прочие с многочисленной ратью.

Хулагу-хан, оставив обоз в Ханекине, двинулся в путь и 17[1] числа джакшабат-месяца года змеи, соответствующего 15[2] числу упомянутого мухаррама [22 I], стал на восточной стороне. Монголы, словно муравьи и саранча, подступили со всех сторон и окрестностей, сомкнулись кольцом вокруг багдадских стен и набросали вал. Во вторник 22 числа месяца мухаррама [29 I], в созвездие Овна, они завязали сражение и начали битву. Со стороны Тарик-и Хорасана, на левой стороне города, против Аджамской башни, в средней рати стоял государь мира. Элькэй-нойон и ...[3] — у ворот Кальваза, Кули, Булга, Тутар, Ширемун, Уруктуй — под городом у ворот Базара Султана, Бука-Тимур со стороны кал'ы и со стороны киблы в местности Дуляб-и Бакль, Байджу и Сунджак на западной стороне, там где Адудовская больница, бились дружно. Против Аджамской башни установили камнеметы и сделали в башне пролом.

Халиф выслал [к монголам] везира и джаслика и сказал: „Государь-де приказывал мне прислать везира, я свое слово сдержал и его послал. Надобно, чтобы и государь свое слово исполнил". Хулагу-хан ответил: „Это условие мы под Хамаданом предлагали, теперь же мы подступили к Багдаду, и заволновалось море смятения. Как нам удовольствоваться одним. Надобно прислать всех трех, то есть даватдара и Сулейман-шаха тоже нужно прислать". Послы отправились в город. На другой день [из города] вышли везир, сахиб-диван и толпа знатных и известных [людей]. Их вернули обратно, и шесть суток жестоко бились.

Хулагу-хан приказал написать шесть ярлыков: „Мы-де пощадим казиев, ученых, шейхов, потомков Алия, аркаунов и тех людей, что не будут воевать с нами". Грамоты привязали к стрелам и пустили их с шести сторон в город. Так как в окрестностях Багдада не было камней, то их доставляли из Джалулы и Джебель-Хумрина. Срезали пальмы и метали их вместо камней. В пятницу, 25 числа месяца мухаррама [1 II] Аджам-
A201a скую башню разрушили, а в понедельник 28 мухаррама [4 II] со стороны,
S462 где против Аджамской башни находился государь, монгольское войско отважно взобралось на крепостные стены и очистило их верхи от людей. Со стороны Базара Султана стояли Булга и Тутар и еще не взобрались на стены. Хулагу-хан упрекнул их, и их нукеры тоже взобрались, а ночью овладели верхом всей стены восточной стороны.

Во время наводки мостов государь приказал, чтобы их навели выше и ниже Багдада. Приготовив суда и поставив [на них] камнеметы, [на суда] посадили прикрытие, а Бука-Тимур с туманом войска засел на дороге из Мадаина в Басру, чтобы воспрепятствовать, если кто-либо

---

[1] P, B, Q — 7.
[2] P, B, Q — 11 числу... 656 г. хиджры.
[3] A — *кӯйа*; S — *кӯба*; L — *кӯ?а*; P — *фр?а?*; Q — *фрба*.

ударится в бегство на судах. Когда борьба за Багдад ожесточилась и жителям [Багдада] пришлось туго, даватдар хотел было, сев на судно, бежать в Шиб, но когда он миновал Карьят-ал-Укаб, войско Бука-Тимура пустило в ход камни камнеметов, стрелы, бутыли [с горящей] нефтью[1] и захватило три судна, перебив людей. Даватдар, разбитый, бежал об- A201b
ратно [в Багдад]. Когда халиф был оповещен об этом обстоятельстве, S461
он совсем отчаялся за Багдадское царство, не находил для себя убежища и приюта и сказал: „Я покоряюсь". Он выслал [к монголам] Фахр-ад-дина Дамгани и Ибн Дарнуша со скудными дарами на том основании, что если пошлет их множество, то это будет доказательством страха, и враг осмелеет. Хулагу-хан на них не обратил внимания, и они вернулись ни с чем. Во вторник, 29[2] числа месяца мухаррама [5 II] вышел средний сын халифа Абу-л-Фазл Абд-ар-рахман, а везир отправился в город. С Абу-л-Фазлом были сахиб-диван и несколько вельмож. Они доставили много добра, [однако] и оно тоже не было принято.

На другой день, последний день месяца мухаррама, вышли с ходатайством старший сын, везир и несколько приближенных [халифа], но пользы не было, и они вернулись в город. В сопровождении с ними Хулагу-хан отправил послами к халифу Насир-ад-дина Туси и некоего Айтимура. В первый день месяца сафара они вышли. Государь отправил в город Фахр-ад-дина Дамгани, который был сахиб-диваном, Ибн Джавзи и A202a
Ибн Дарнуша, чтобы они вывели Сулейман-шаха и даватдара. Чтобы их S464
обнадежить, он выдал им ярлык и пайзу и сказал: „Воля халифа, ежели хочет пусть выходит, а ежели нет, пусть не является. Монгольское же войско до их выхода пусть постоянно [остается] на верху стены". В четверг, 1 числа месяца сафара, оба они вышли, но [Хулагу-хан] их снова отослал в город вывести своих приверженцев, чтобы они отправились в поход[3] на Миср и Сирию. Вместе с ними решило выйти багдадское войско, [и] безмерное число народу надеялось обрести спасение. Их разверстали по тысячам, сотням и десяткам [монгольского войска], и те их всех перебили. Те же, что остались в городе, разбежались, [попрятавшись] в подземелья и банные печи.

Несколько городских сановников вышли и просили пощады: „Люди-де совсем покорны, им бы пожаловали отсрочку, ибо халиф сыновей своих посылает и сам тоже явится". В это время Ханду-битикчию, одному из старших эмиров, попала в глаз стрела. Хулагу-хан очень рассвирепел и приказал поспешить взятием Багдада. Он повелел ходже Насир-ад-дину отправиться к Воротам Ристалища для [дарования] пощады народу.

Приступили к выводу жителей из города. В пятницу, 2 числа месяца сафара предали казни даватдара с подначальными людьми. Доставили Сулейман-шаха с семьюстами родичей и связанного по рукам спросили: „Поскольку ты был звездочетом и сведущ в злом и счастливом влиянии [звезд] небосклона, то отчего же ты не предвидел свой злой день и не посоветовал своему господину мирной стезею пойти к нам на служение". Сулейман-шах ответствовал: „Халиф был самовластен, звезды не сулили ему счастья, а он не слушал советов доброжелателей". Было повелено казнить его со всеми подначальными людьми и последователями. Эмира Хаджж-ад-дина,[4] сына старшего даватдара, тоже убили. Головы всех трех руками мелика Салиха сына Бадр-ад-дина Лу'лу отправили в Мавсиль. Бадр-ад-дин, который был дружен с Сулейман-шахом, заплакал, однако, из страха за жизнь, вздел на колья их головы. Когда халиф понял,

[1] *карāрūр-и нафт.*
[2] B, Q — 27.
[3] *бэ чарūк барнишūнанд.*
[4] Q — доб. в скобках „или Тадж-ад-дина".

что дело ускользнуло из рук, он призвал везира и спросил: „Как помочь этому делу?“ В ответ [везир] прочел ему этот стих:

Стихи

'Думают, что дело легко, тогда как
Оно меч, заостренный для встречи в бою.'

И 'после разрушения Басры'[1] [халиф] со всеми тремя сыновьями, Абу-л-Фазлом Абд-ар-рахманом, Абу-л-Аббасом Ахмедом и Абу-л-Манакибом Мубареком вышел в воскресенье 4 числа месяца сафара лета 656 [10 II 1258]. С ним было три тысячи человек сейидов, имамов, казиев, вельмож и сановников города. Он повидал Хулагу-хана, и государь не проявил никакого гнева, а ласково и любезно расспросил [о здоровьи] и затем промолвил халифу: „Скажи, чтобы жители города сложили оружие и вышли, дабы мы произвели им счет“. Халиф послал в город, чтобы кликнули клич сложить жителям оружие и выходить. Горожане толпами, сложив оружие, выходили, и монголы их убивали. Было повелено, чтобы халиф, [его] сыновья и родичи разбили шатры у ворот Кальваза, в лагере Китбука-нойона. К ним приставили нескольких монголов. Халиф уже воочию видел свою гибель и сожалел о своем неблагоразумии и что не слушал советов.

Стихи

Сердцу сказал: недоброжелатель мой обрел желаемое,
[А] я, как та смышленая птица, попал в силки.

Среда 7[2] числа месяца сафара [13 II] была началом поголовного грабежа и убийства. Войска разом вошли в город и предавали огню сырое и сухое, кроме домов немногих аркаунов и некоторых чужеземцев. В пятницу 9 числа месяца сафара [15 II] Хулагу-хан въехал в город для осмотра дворца халифа. Он расположился во [дворце?]...[3] и пировал с эмирами. Он повелел призвать халифа и сказал: „Ты де хозяин, а мы гости, покажи-ка, что у тебя есть для нас подходящего“. Халиф понял правду этих слов, задрожал от страха и так перепугался, что не мог припомнить, где ключи от хранилищ. Он приказал сломать несколько замков и поднес на служение две тысячи халатов, десять тысяч динаров и сколько-то редкостных предметов, усыпанных драгоценными камнями
A202b украшений и жемчуга. Хулагу-хан не оказал им внимания, все подарил
S463 эмирам и присутствовавшим и сказал халифу: „Богатства, которые у тебя на земле, они явны и принадлежат моим слугам, а ты скажи о схороненных кладах, каковы они да где“. Халиф признался в [существовании] водоема полного золота посредине дворца. Его разрыли, и он оказался полным червонного золота, все в слитках по сто мискалей.

Было повелено пересчитать халифские гаремы. Подробно было перечислено семьсот жен и наложниц и тысяча человек прислуги. Когда халиф узнал о переписи гарема, он смиренно взмолился и сказал: „Обитательниц гарема, которых не озаряли солнце и луна, подари мне“. [Хулагу-хан] сказал: „Из семисот выбери сто, а остальных оставь“ Халиф увел с собою сто женщин из близких и родных. Ночной порою Хулагу-хан вернулся в ставку и наутро приказал, чтобы Сунджак отправился в город и отобрал все имущество халифа и отправил его

[1] Арабская пословица вроде русской «спустя лето по малину», т. е. ироническое обозначение запоздалого мероприятия.

[2] L — 14.

[3] A, S — *мсммнэ*; B — *мтминэ*: Q — *мӣмнййэ*.

[из города]. Короче говоря, все, что собирали в течение шестисот лет, горами нагромоздили вокруг ханской ставки. Большая часть почитаемых мест, как-то: соборная мечеть халифов, гробница Мусы Джавада, 'да будет над ним мир', и могильные склепы Русафы были сожжены.

Жители города прислали Шараф-ад-дина из Мераги и Шихаб-ад-дина Зенджани и мелика Дильраста с просьбою о пощаде. Вышел указ, чтобы впредь резню и грабеж приостановили, потому-де, что Багдадское царство наше. Всем сидеть [на месте] попрежнему и каждому заняться своим делом. Уцелевшим от меча багдадцам жизнь была пощажена. Из-за смрадного воздуха Хулагу-хан в среду 14 числа месяца сафара [20 II] выехал из Багдада и остановился в селениях Вакф и Джалябийя. Он отправил эмира Абд-ар-рахмана на завоевание области Хузистан и приказал призвать [к себе] халифа. Тот воочию узрел злые признаки своей судьбы, очень испугался и спросил везира: „Как помочь нашему делу?" [Везир] в ответ сказал: 'Борода наша долга'. Он имел в виду то, что в начале события, когда он посоветовал отправить богатый груз и отразить [тем] бедствие, даватдар сказал: 'Борода у везира долга,'[1] — и предостерегал от этого дела, а халиф послушал его слова, и мероприятие везира отменил. Словом, халиф потерял надежду на жизнь и попросил разрешения отправиться в баню и свершить положенное по закону омовение. Хулагу-хан приказал, чтобы он отправился с пятью монголами. [Халиф] сказал: „Я не прошу сопровождения пяти ангелов, мучающих грешников в аду", — и прочел два-три стиха из касыды, начало которой таково:

Стихи

Поутру у нас был дом словно рай,
А вечером мы оказались без дома, 'как будто вчера
не были так богаты'.[2]

В конце дня, в среду 14 числа месяца сафара лета 656 [20 II 1258 в деревне Вакф дело халифа прикончили вместе со старшим сыном и пятью слугами, которые при нем состояли.

На другой день казнили прочих, которые стояли с ним у ворот Кальваза. Ни одного Аббасида, кого нашли, не оставили в живых, кроме немногих, которых не включили в счет. Мубарекшаха, младшего сына халифа, подарили Олджей-хатун. Хатун отослала его в Мерагу, чтобы он находился [там] при ходже Насир-ад-дине. Ему дали в жены монголку, и он от нее имел двух сыновей. В пятницу, 16 числа месяца сафара [23 II], среднего сына халифа отправили к отцу и братьям, и власть халифов из рода Аббасидов, которые восседали [на престоле] после рода Омейядов, пресеклась. Срок их халифата был пятьсот двадцать пять лет, а числом их было тридцать семь человек, согласно тому, как они именуются и перечисляются [ниже]: Саффах, Мансур, Махди, Хади, Рашид, Амин, Ма'мун, Му'тасим, Васик, Мутаваккиль, Мунтасир, Муста'ин, Му'тазз, Мухтади, Му'тамид, Му'тадид, Муктафи, Муктадир, Кахир, Ради, Муттаки, Мустакфи, Мути, Таи, Кадир, Каим, Муктади, Мустазхир, Мустаршид, Рашид, Муктафи, Мустанджид, Мустади, Насир, Захир, Мустансир, Муста'сим. [Последний] халифствовал семнадцать лет.

В тот же день, когда казнили халифа, его везира, Муаййид-ад-дина ибн Альками послали в город на должность везира и Фахр-ад-дина Дамгани на должность сахиб-дивана. Али-бахадура назначили на должность A203a
воеводы и главы[3] торговцев и ремесленников, а наместником эмира S466

[1] Намек на арабскую пословицу: «борода долга, да ум короток».
[2] Кор., 10_{25}
[3] *сурхейли.*

Каракая определили Имад-ад-дина Омара Казвини. Он восстановил мечеть халифов и гробницу Мусы Джавада. Наджм-ад-дин Аби Джа'фар Ахмед Имран, которого называли Мелик Растдиль, был назначен в область восточных уездов Багдада, как то: Тарик-и Хорасан, Халис и Банданиджейн. Должность главного казия он пожаловал Низам-ад-дину Абд-ал-Му'мину из Банданиджейна. Элькэй-нойона и Карабукая с тремя тысячами всадников он назначил и отправил в Багдад, чтобы они [его] благоустроили и покончили дела, чтобы все похоронили своих убитых и приверженцев, убрали с дорог павших животных и отстроили базары. В четверг 29 числа месяца сафара [7 III] ко двору для осведомления о делах явились и вернулись обратно Шараф-ад-дин, сын везира, и сахиб-диван. В пятницу 23 числа месяца сафара [1 III] Хулагу-хан соизволил отправиться в путь и остановиться в Куббэ-и Шейх-и Макарим. Оттуда он следовал от стоянки до стоянки, пока не дошел до своих ставок у Ханекина. Во время осады Багдада из Хиллы явились несколько ученых алидов и просили [назначить к ним] воеводу. Хулагу-хан отправил туда Тугела[1] и эмира Бахли Нахчувани, а вслед за ними послал Бука-Тимура, брата Олджей-хатун, для испытания жителей Хиллы, Куфы и Васита. Жители Хиллы вышли навстречу войску, навели мост на Ефрате и радовались их [монголов] приходу. Бука-Тимур нашел, что на них можно положиться. 10 числа месяца сафара он выступил и направился в Васит. 17 числа он прибыл, но тамошние жители не покорились. [Бука-Тимур] задержался, взял город, приступил к резне и грабежу и перебил около сорока тысяч человек. Оттуда он пошел в Хузистан и взял с собою Шараф-ад-дина ибн ал-Джавзи, чтобы он привел к повиновению город Шуштар. Воины и турки халифа частью бежали, частью были перебиты. Басра и та область тоже покорились, а эмир Сейф-ад-дин-битикчи нижайше просил его высочество прислать сто человек монголов в Неджеф, чтобы они охраняли место мученической смерти эмира правоверных Али, 'да будет над ним мир' и тамошних жителей. 10 числа месяца раби'-ал-авваль [17 III] Бука-Тимур пришел к войсковому лагерю, а 19 числа месяца раби'-ал-авваль [26 III] халебских послов, которые приезжали в Багдад, вернули обратно, с письмом, которое ходжа Насир-ад-дин Туси по указу Хулагу-хана написал по-арабски. Список с него таков: „Мы расположились в Багдаде в лето 656 [1258]. 'Бедственно будет утро предостерегаемых'.[2] Мы призвали его царя, а он отказался. И оправдалось над ним слово: 'и мы накажем его тяжким наказанием'.[3] Мы призвали тебя к повиновению нам, и если ты придешь [с повиновением], то будет тебе 'покой и удовольствие',[4] а если ты откажешься, то будет тебе позор и гибель. Не будь же таким, как роющий себе смерть своим копытом и как отсекающий себе нос своею рукой, а то ты окажешься 'в отношении поступков наиболее терпящим урон',[5] [как] 'те, старания которых были тщетны в настоящей жизни, в то время как они полагают, что поступают хорошо',[6] а господу [это дело] не угодно. Мир над теми, кто следует правильным путем".

В среду 11 числа месяца раби'-ал-ахыра [17 IV] Хулагу-хан прибыл к большому обозу [и] остановился после того похода в окрестностях Хамадана и Сияхкуха. Он[7] был нездоров, а [потом снова] поправился. 16 числа месяца раби'-ал-ахыра умер Кокэ-битикчи, а в среду 20 раби'-ал-

[1] A — *тӯкл*; L, P, B — *?ӯкль*; Q — *буклэ*.
[2] Кор., 37177.
[3] Кор., 7316.
[4] Кор., 5688.
[5] Кор., 18103.
[6] Кор., 18104.
[7] L, P, B, Q — доб. „с неделю".

ахыра прибыли ко двору Элькэй-нойон и некоторые эмиры. В четверг 2 числа месяца джумада-ал-ахыра [6 VI] умер Муайййд-ад-дин, багдадский везир, и на его место назначили его сына Шараф-ад-дина.

Рассказ о завоевании города Ирбиля рукою Урукту-нойона и осада им тамошней крепости

В то время, когда Хулагу-хан принял решение завоевать Багдад, он соизволил назначить Урукту-нойона [взять] крепость Ирбиль, а крепость та заложена на крепкой земляной насыпи, и не имеет себе равной A203b
на обитаемой четверти земного круга. Когда Урукту-нойон занялся ее S465
осадой, курды в крепости стали отбиваться. Правитель Ирбиля Тадж-ад-дин ибн Салайя вышел [из крепости], покорившись, и собрался оказать достойные услуги. Урукту-нойон сказал: „Признак-де настоящей покорности есть сдача крепости". Тадж-ад-дин отправился к крепости. Курдские воины преградили ему путь. После долгих уговоров и убедительных просьб он принужден был вернуться и явился к Урукту. Тот отправил его к его высочеству Хулагу-хану. На суде он был признан виновным и казнен. Урукту долгое время осаждал крепость, но тамошние жители не покорялись, и он попросил помощи войском у султана Бадр-ад-дина Лу'лу. Тот прислал некое количество войска. Однажды ночью жители крепости вышли, напали на монголов, перебили всех, кого нашли, подожгли и сожгли камнеметы и ушли в крепость. Урукту, попав в беду, призвал Бадр-ад-дина Лу'лу и с ним советовался. Бадр-ад-дин Лу'лу сказал: „Лучше отложи до лета, когда курды убегут от жары и отправятся в горы, потому что теперь погода приятная, запасов у них много, а крепость чрезвычайно укреплена и взять ее, кроме как хитростью, невозможно". Урукту предоставил ее [крепость] султану Бадр-ад-дину и направился в Тебриз с намерением [там] летовать. Когда погода стала жаркой, курды вышли, сдали крепость султану Бадр-ад-дину и отправились в Сирию. Султан Бадр-ад-дин разрушил ее стены, и таким путем та крепость тоже была завоевана.

Рассказ о переводе в Азербайджан богатств Багдада и крепостей еретиков и сохранение [богатств] в крепости на горе Салмасского озера, и о прибытии Бадр-ад-дина Лу'лу и румского султана на служение к государю

Сокровища и огромные богатства, которые добыли в Багдаде, Хулагу-хан с эмиром Насир-ад-дином, [сыном] Ала-ад-дина, сахиба Рея, отправил в Азербайджан, точно так же и [богатства], принадлежавшие крепостям еретиков, Рума, Грузии, Армении, лурам и курдам. Маджд-ад-дину, мелику Тебриза, [Хулагу-хан] приказал, чтобы он построил великолепное, чрезвычайно крепкое здание на горе, которую называют Теллэ, на берегу озера Урмии и Салмаса. Расплавив всю звонкую монету и начеканив балышей, сложили там. Из тех дорогих даров и богатств Хулагу-хан отослал часть его величеству Менгу-каану с радостной вестью о победе и славе, сделал отчет об обстоятельствах завоевания владений Иранской земли и объявил о решении итти походом на Мисрский и Сирийский края. С этим посланием отправился эмир Хуладжу, и каан весьма обрадовался этой доброй вести. В том году султан Бадр-ад-дин Лу'лу согласно указу каана направился к его высочеству [Хулагу-хану] и, двигаясь поспешно, прибыл ко двору на служение в окрестностях Мераги 29 числа месяца раджаба 656 года [1 VIII 1258]. Лета его перевалили за девяносто. Хулагу-хан оказал ему полный почет

и уважение, и он 6 числа месяца ша'бана [8 VIII] того же года вернулся обратно. 7 числа упомянутого ша'бана прибыл на служение ради поздравления с победой над Багдадом атабек Са'д, сын фарсского атабека Абу-Бекра и, будучи отличен пожалованиями, воротился назад. 4 ша'бана [6 VIII] в...,[1] в окрестностях Тебриза на служение прибыл румский султан Изз-ад-дин, а в среду 8 числа того же месяца вслед за ним приехал султан Рукн-ад-дин. Хулагу-хан гневался на султана Изз-ад-дина за [его] непочтение к Байджу-нойону и сражение с ним. После завоевания Багдада султан Изз-ад-дин стал весьма опасаться и задумал вызволить себя из пучины того преступления тонкой хитростью. Он приказал сшить прекрасные царские сапоги и на подборах их намалевали его облик. Во время представления и подношения даров[2] он вручил их государю.
A 204a S 468 Когда взгляд его [государя] упал на изображение, султан облобызал землю и промолвил: „Чаяние мое в том, чтобы государь благословенной стопою своею вознес голову этого раба". Хулагу-хаи сжалился над ним, а Докуз-хатун оказала ему покровительство и попросила [простить] его преступление. Хулагу-хан ему простил. В ту пору ходжа Насир-ад-дин доложил, что султан Джелаль-ад-дин Хорезмшах, будучи обращен в бегство победным нашествием монголов, пришел в Тебриз. Воины его чинили насилие над ра'иятами и об этом обстоятельстве доложили ему [Хорезмшаху] на суд, а он сказал: „Мы-де ныне воюем мир, а не правим, при завоевании мира оберегать ра'иятов не обязательно. Вот, когда мы станем править миром, тогда и окажем правосудие жалобщикам". Хулагу-хан промолвил: „Мы, слава богу, и воюем мир и правим. Для врагов я завоеватель, а для покорных правитель, и не страдаю я слабостью и немощью подобно Джелаль-ад-дину". Аминь.

Рассказ о счастливом мовляна, султане мудрецов, пособнике общины и веры [Насир ад-дине Туси] и о постройке в Мераге обсерватории по указу Хулагу-хана

В упомянутую же пору вышел указ, чтобы превеликий счастливый мовляна, учитель рода человеческого, султан мудрецов, достойнейший из деятелей последнего времени, ходжа Насир-ад-дин Туси, 'да обнимет господь его своим прощением', выстроил в местности, которую признает подходящей, здание для наблюдения звезд. Он выбрал город Мерагу и построил великолепную обсерваторию. Причиною этому обстоятельству было то, что Менгу-каан от [прочих] монгольских государей особо отличался совершенством разума, проницательностью, понятливостью и сообразительностью до того, что решал некоторые Евклидовы чертежи. Прекрасное мнение и высокий помысл его признали необходимым в пору его державы построить обсерваторию [и] он приказал, чтобы Джемаль-ад-дин Мухаммед Тахир ибн Мухаммед аз-Зейди-и Бухари приступил к этому важному делу. Некоторые дела по этой части для них были сомнительны, а молва о превосходных качествах Насир-ад-дина летала по всему миру, как ветер. [Поэтому] Менгу-каан во время прощания с братом ему сказал: „Когда крепости еретиков будут завоеваны, ходжу Насир-ад-дина пришли сюда". В ту пору, поскольку Менгу-каан занялся завоеванием владений Мензи и [находился] далеко от столицы, Хулагу-хан приказал, чтобы он [Насир-ад-дин] и здесь построил обсерваторию, потому что он уже узнал об его прекрасном образе жизни и природной искренности и желал, чтобы он состоял при нем. После того как прошло семь лет по восше-

[1] A — *мӯнʔқ*; S, I, B, Q — *мӯʔʔқ*; P — *мӯтʿқ*.
[2] *тикшимиши*.

ствин Хулагу-хана на ханский престол, ильханскую обсерваторию выстроили при помощи четырех ученых: Муаййид-ад-дина Арзи, Фахр-ад-дина Мераги, Фахр-ад-дина Ахлати и Наджм-ад-дина Дабирани Казвини.

Рассказ о походе Хулагу-хана в Сирийские края, завоевании Халеба и Сирийского царства

Халебский султан посылал своего везира сахиба Зейн-ад-дина Хафизи с царскими дарами и подношениями на служение к каану, и он при том дворе приобрел большую известность и славу и ему были выданы ярлык и пайза. Когда Хулагу-хан пришел в Иранскую землю, Зейн-ад-дин по временам тайно выражал повиновение и приверженность и по этой причине был в подозрении у сирийского султана. На него покушались, и он бежал и нашел пристанище у его высочества Хулагу-хана.

С его приездом намерение государя [свершить] поход на Халеб возросло. Сначала он отправил гонцов к Бадр-ад-дину Лу'лу и соизволил сказать: „Поскольку-де лета твои перевалили за девяносто, я освобождаю тебя от похода, однако надобно тебе будет отправить своего сына мелика Салиха на служение державным знаменам для завоевания Сирии". [Бадр-ад-дин Лу'лу] согласно указу отправил его в путь. Когда он прибыл на служение к Хулагу-хану, тот пожаловал ему одну из дочерей султана Джелаль-ад-дина,[1] чтобы он сочетался с нею браком. В передовой рати он отправил в путь Китбука-нойона со значительным войском, на правом крыле Шиктура и Байджу, на левом — Сунджака и прочих эмиров, а сам своей особой [двинулся] в средней рати. В пятницу 22 числа месяца рамазана лета 657 [12 IX 1259] под созвездием Скорпиона он устремился в Сирийский край. Когда он при- A204b
был в Аладаг, он одобрил те пастбища и назвал их Лабнасагут. S467
[Оттуда] он вступил в Хилат [Ахлат] и в горы Хаккар, убежище и приют беспутных курдов. Всех, кого находили из них, убивали. Когда [Хулагу-хан] прибыл в Диярбекр, он сначала завоевал Джазиру и назначил сына [своего] Юшумута в сообществе с Сонтай-нойоном на осаду замка Маяфарикина. Мелика Салиха он отправил с войском завоевать Амид, а сам своей особой двинулся на Руху и [ее] занял. Оттуда он пошел в Дунайсер, Нисибин, Харран. Их взяли с боем и учинили резню и грабеж. Перейдя Ефрат, внезапно окружили Халеб. Тамошние жители, уповая на неприступность крепости, отказались от послушания и проявления покорности и приготовились к битве. Урукту-нойон стоял у ворот Евреев, Китбука у Румских ворот, Сунджак у Дамасских ворот, а Хулагу-хан остановился у Антиохийских ворот. Вокруг города построили тын[2] и поставили камнеметы. С неделю обе стороны с большим рвением предавались битве. В конце концов, в месяце зи-л-хиджжа 657 года [XI—XII 1259] [город] был взят со стороны Иракских ворот. С неделю производили резню и грабеж, и много народу было перебито.

В течение сорока суток бились с сидящими в крепости воинами. С обеих сторон метали камни из камнеметов и стреляли из луков. Эмиру корчиев Аджую-шукурчи и Садыку-грузину[3] были нанесены раны в нескольких местах[4] на лице, и государь оказал им множество мило-

[1] L, I, P, B, Q — доб. „Хорезмшаха".
[2] *чапар*.
[3] L, I, P, B, Q — доб. „которые были предводителями войска".
[4] L, I, P, B, Q — доб. „в особенности".

стей и сказал: „Подобно тому, как румяна украшение женщин, так алая кровь на лице и бороде — краса и украшение для мужей". В конце концов крепость тоже была завоевана. Множество ремесленников взяли в полон и захватили несметную добычу. Несколько времени занимались осадой крепости Харим. Наконец, тамошние жители запросили пощады и умоляли, чтобы Фахр-ад-дин, известный под прозвищем Саки,[1] дал клятвенное обещание, чтобы им выйти. По клятвенному договору они спустились вниз. Хулагу-хан очень гневался на них и приказал, чтобы их сразу с женами и детьми перебили, кроме одного армянского золотых дел мастера, который спасся. Когда взяли крепость Халеба, Хулагу-хан вверил ее Фахр-ад-дину Саки, а Тугелабахши посадили там воеводой. После того как [Хулагу-хан] уехал из Халеба, тамошние жители стали жаловаться на Фахр-ад-дина. Вышел указ, чтобы его казнили, и управление Халеба было пожаловано Зейн-ад-дину Хафизи. Жители Дамаска испугались напастей, [чинимых] монгольской ратью. Когда они узнали, что [все] стороны и области Сирии сплошь вошли в круг владения Хулагу-хана, все тамошние вельможи и знатные люди с разного рода дарами и подношениями и ключами от [городских] ворот явились на служение к его высочеству и, изъявив покорность и послушание, сдали город. Ради испытания [жителей] Хулагу-хан приказал, чтобы Китбука-нойон отправился в Дамаск. Горожане вышли навстречу и просили пощадить [им] жизнь. Китбука тамошних вельмож и знатных людей отослал на служение к Хулагу-хану. [Хулагу-хан] сжалился над ними, снизошел к их мольбам. Монголы без осады и битвы вошли в город, и [Хулагу-хан] назначил монгольского воеводу с тремя нукерами-тазиками, а Ала-ад-дину Хаши, Джемаль-ад-дину Каракаю Казвини и казию Шамс-ад-дину Куми [приказал], чтобы они заправляли делами Дамасского владения. В итоге в короткое время Багдад, Диярбекр, Диярраби'а и Сирия целиком были завоеваны и вошли в круг господства наместников Хулагу-хана. Он овладел [также] и Румскими странами. Во время этих дел с Востока прибыли гонцы, глава которых, Шиктур-нойон, со всей поспешностью выехал отсюда раньше, и доставили известие о кончине Менгу-каана. Хулагу-хан чрезвычайно огорчился и опечалился сердцем, однако виду не показывал. Он оставил там Китбука-нойона для охраны Сирии, выехал в Халеб обратно и в воскресенье 24 числа месяца джумада-л-ахыра лета 658 [6 VI 1260] прибыл в Ахлат. Во время прибытия Хулагу-хана в Халебмелик Насир, султан халебский и сирийский, бежал из Халеба и отправился в крепость Керек.[2] Китбука-нойон хотел было [ее] осадить, [но] он попросил пощады и вышел [из крепости]. Китбука отправил его на служение [к государю]. Государь пообещал ему: „Когда-де я возьму Миср, то должность хакима в Сирии отдам тебе".

A205a S470 В году обезьяны, соответствующем лету 658 [1260], скончались многие старшие эмиры, как то: Торчи-гурген, Бука-Тимур, ...[3]-нойон,[4] ...[5] -нойон, Бурунгтай-нойон и Салджидай-нойон.

Хулагу-хан, вследствие события с Менгу-кааном и мятежа Арик-Бокэ, был обеспокоен сердцем. Аминь.

---

[1] Т. е. виночерпий, кравчий.

[2] *крк.*

[3] A, S — *кӯ?āй*; I — *кумāй.*

[4] Доб.: L, P — *нвāркāй нӯйан*; I — *нвākāрӣ нӯйан*; B — *вāркā нӯйан*; Q — *вāркāй нӯйан.*

[5] A — *??лхīнā*; S — *??лх?нā*; L — *??лджītāй*; I — *?йлджтнāй*; P — *??лхītā* B — *??лх?āй*; Q — *??лх?тāй.*

Рассказ о походе Китбука-нойона в Миср, сражении его с тамошней ратью и казни его

Во время возвращения [своего] из Сирии Хулагу-хан отправил монгольского гонца с сорока нукерами в Миср с посольством и сказал: „Великий господь избрал Чингиз-хана и его род и [все] страны на земле разом пожаловал нам. Каждый, кто отвернулся от повиновения нам, перестал существовать вместе с женами, детьми, родичами, рабами и городами, как всем должно быть известно, а молва о нашей безграничной рати разнеслась подобно сказаниям о Рустеме и Исфендияре. Так что, ежели ты покорен нашему величеству, то пришли дань, явись сам и проси [к себе] воеводу, а не то готовься к войне". В ту пору из рода Камильцев не было никого, достойного властвовать, и правителем сделался некий туркмен. Когда он умер, у него был малолетний сын по имени Мухаммед. Его посадили [правителем] вместо отца. Атабеком его был Кудуз. Внезапно Мухаммед умер, и Кудуз стал государем. Он полонил сердца людей справедливостью и щедростью. Большая часть воинов Сирии и Мисра были отбившимися и беглецами [из войска] султана Джелаль-ад-дина, которые, бежав из-под Ахлата, отправились в Сирию. Предводителями и военачальниками их были Баракат-хан, мелик Ихтияр-ад-дин-хан ибн...,[1] мелик Сейф-ад-дин Садык-хан ибн Менгбука, Насир-ад-дин Кельшу[2]-хан ибн Бек-Арслан, Атлас-хан и Насир-ад-дин Мухаммед Кимри. Когда Хулагу-хан соизволил двинуться в Сирию, они попрятались по сторонам, а после его возвращения собрались [вместе] и направились к его величеству [повелителю] Мисра и Каира и рассказали Кудузу повесть о своем горе. Он обласкал их, расспросил о положении и подарил [им] много добра. Все они дали согласие на царство Кудуза. Когда прибыли гонцы [Хулагу-хана], он [Кудуз] призвал их [упомянутых военачальников], держал совет насчет того, как помочь делу и сказал: „Хулагу-хан с огромной ратью устремился из Турана в Иран и ни одна душа из халифов, султанов и меликов не нашла силы сопротивляться. Завоевав все страны, он дошел до Дамаска, и ежели бы к нему не подоспело известие о кончине брата, то и Миср тоже был бы присоединен к прочим странам. Поэтому он в этих краях оставил Китбука-нойона, который словно разъяренный лев и свирепый дракон в засаде ненависти. Ежели он покусится на Миср, то ни у кого не окажется силы сопротивления более чем на то, чтобы совсем потерять власть. Надобно придумать, как помочь делу". Насир-ад-дин Кимри сказал: „Хотя бы уже потому, что Хулагу-хан внук Чингиз-хана, сын Тулуй-хана и брат Менгу-каана, его величие и грозность не нуждаются в описании и разъяснении. Теперь все от Мисра до самых границ Чина находится во власти его могущества, и он отмечен небесным вспоможением. Ежели мы пойдем к нему под защиту, стыда и срама не будет, но, конечно, выпить заведомо яду и пойти навстречу смерти — далеко от пути разума. Человек не виноградная лоза, чтоб ему не страшиться отсечения головы. Обязательства и обещания его [Хулагу-хана] не исполняются, потому что он после договора и обещания убил нежданно Хуршаха, Муста'сима, Хусам-ад-дина Акка и сахиба ирбильского и ежели мы отправимся к нему, он, вероятно, поступит с нами так же". Кудуз сказал: „В настоящее время Диарбекр, Диярраби'а и Сирия полны плача, и от Багдада до Рума области и земли опустошены, не возделываются и не засеваются. Ежели мы не опередим [монголов] и не подымемся их отразить, то

---

[1] A — *ʔлтрк;* L, I — *блтрк;* P — *ʔлʔрк;* B, Q — *мкрл.*
[2] A, S — *клшӯ;* L, I — *кшлӯк;* P, B, Q — *кшлӯ.*

вскоре Миср будет опустошен, как и прочие страны. С этими людьми, которые покушаются на нашу страну, надо избрать одно из трех: либо примирение, либо вражду, либо покинуть родину. Переселиться в другую страну трудно, потому что нашим местожительством может быть только Магриб, а между [ним и нами] лютая пустыня и дальнее расстояние".
A205b S469 Насир-ад-дин Кимри сказал: „В примирении проку тоже нет, ибо на их обещания нельзя положиться". Прочие эмиры тоже сказали: „Мы-де потеряли силу терпения и нет у нас мощи сопротивляться. То, что мнение твое признает неизбежным, надобно приказать". Кудуз сказал: „Мнение мое таково, давайте вместе обратимся к войне. Ежели обретем победу, то это и будет как раз то, к чему мы стремимся, а не то как бы нас не укорил народ". После этого эмиры разъехались, и Кудуз держал совет с Бундукдаром, который был главным эмиром. Бундукдар сказал: „Мнение мое таково, убьем гонцов и сообща воссядем [на коней] против Китбукая. Ежели мы побьем [его] и ежели умрем, то в обоих случаях мы будем достойны извинения и благодарности". Кудуз одобрил эти слова, и ночью гонцов распял, а на заре, по необходимости решившись на войну, сели на коней и отправились в поход. Эмир Байдар, который был ...[1] монгольского головного отряда[2], отправил к Китбука-нойону некоего человека по имени...[3] и уведомил его о движении мисрского войска. Китбука прислал ответ: „Оставайся-де на месте и жди меня". Поскольку до прибытия Китбукая Кудуз ударил на Байдара и отогнал его до берега реки Аси, Китбука-нойон в пылу двинулся вперед, словно огненное море, вполне полагаясь на свою силу и военную мощь. Кудуз расставил войско в засадах, а сам, сев [на коня], встал с небольшим числом [воинов]. Китбукаю с несколькими тысячами всадников, все заправскими воинами, случилось сойтись с ним у Айн-и Джалут. Монгольское войско напало, стреляя из луков, а Кудуз уклонился и ударился в бегство. Монголы, осмелев, отправились вслед за ними и многих из мисрцев перебили. Когда они поравнялись с местом засады, мисрцы с трех сторон бросились из засады и помчались на монгольское войско. С раннего утра до полудня бились врукопашную. Монгольскому войску сопротивляться стало невмоготу, и в конце концов оно обратилось в бегство. Китбука-нойон в пылу и рвении разил налево и направо и валил [наземь]. Некоторые побуждали его к бегству, [но] он не послушал и промолвил: „От смерти не избавишься, лучше бы им умереть с честью и славой, а не бежать подло и презренно. В конце концов один кто-либо из великих и малых этого войска да придет на служение к государю и доложит [ему] мои слова, что Китбука не захотел постыдно повернуть назад и в усердии он пожертвовал сладкой жизнью. Надобно, чтоб благословенное сердце государя не кручинилось, что монгольское войско погибло. Пусть он представит себе, что жены его воинов один год не были беременны, а кобылы их табунов не жеребились. Да будет счастье государю. Раз благородная особа государя пребывает в здравии, всякому утраченному [воину] будет замена, а бытие или небытие слуг, подобных нам, — пустяк".

Хотя воины бросили его, он старался за тысячу человек. В конце концов лошадь его оступилась, и он попал в полон. Вблизи поля битвы находились заросли камыша, и в них укрылся отряд монгольских всадников. Кудуз приказал поджечь те [заросли] и всех сожгли. Затем Китбукая, связанного по рукам, представили Кудузу. [Кудуз]

---

[1] A — *'рэ*; I, Q — *дрɪзэ*; I — *дрɪрэ*; P, B — *др'рэ*.
[2] *йавак*.
[3] A — *аɪл?к*; L, I — *бӣлбк*; P, B — *?'л?к*.

сказал ему: „О вероломный человек, много ты крови пролил несправедливо, лишил жизни витязей и великих людей, нарушением обещания и лживым словом ниспроверг древние семьи. Наконец-то и ты попался в сети".

Стихи

Как услышал речи его связанный по рукам,
Он обезумел как разъяренный слон
[И] такой дал ответ: „Эй, гордец,
Не хвались столько этим победным днем".

„Ежели я буду убит твоею рукой, то я посчитаю [что это] от бога, а не от тебя. Ни на миг не обольщай себя и не гордись этим случаем. Как только весть о событии со мною дойдет до Хулагу-хана, вскипит море его гнева и [все] от Азербайджана до самого Мисра будет сравнено с землей копытами монгольских коней, и песок Мисра унесут вон в конских торбах. У Хулагу-хана подобных Китбукаю славных всадников триста тысяч, считай одним меньше". Кудуз сказал: „Не хвастай так туранскими всадниками, ибо они ведь дела вершат хитростью да увертками, а не по-мужски, как Рустем [сын] Дастана". Китбука промолвил: „Я пока существовал, был слугою государя, а не как вы предатели и убийцы [своего] господина.

Стихи

Да не будет головы и тела у злоумышленника,
Который умерщвляет своего государя.

Пореши меня как можно скорее".[1] Кудуз приказал, чтобы ему отрубили голову. [Затем] они совершили набег по всей Сирии до берегов Ефрата, валили всех, кого находили, разграбили лагерь Китбукая, захватили в полон его жен, детей и родичей и перебили чиновников и воевод областей. Те же, которые[2] были оповещены, бежали. Когда весть о событии с Китбука-нойоном и речи его в ту пору дошли до слуха Хулагу-хана, он очень сожалел о его кончине, запылал огонь его гнева, и он сказал: „Где мне найти другого такого слугу, который бы перед лицом смерти проявил такую доброжелательность и рабскую верность". Он обласкал осиротевших членов его семьи и оказал им почет и уважение. До этого, однажды, он пожаловал халебского мелика Насир[-ад-дина][3] и, отдав ему должность хакима в Дамаске, отправил в путь с тремя стами сирийских всадников. После прибытия вести о Китбукае некий сириец доложил: „халебский мелик Насир[-ад-дин][3] с тобою не прямодушен и хочет, бежав, отправиться в Сирию на помощь Кудузу, по повелению которого убили Китбукая". Хулагу-хан для отражения его отправил вслед три сотни монгольских всадников. Их передовой отряд настиг его и остановил: „Приказ, мол, таков, чтобы мы тебя угостили, дабы ты восчувствовал полное благоволение [государя]". Как в обычае у монголов, они его напоили мертвецки пьяным. Внезапно подоспели остальные из трехсот всадников и мелика Насир[-ад-дина][3] с тремя стами сирийцев убили. Они не оставили в живых ни одной души из тех людей, кроме Мухьи-ад-дина[4] Магриби, который спасся благодаря тому, что был звездочетом. Хулагу-хан отправил в Сирию Элькэ-нойона с великой ратью. Когда он туда прибыл, воины стали заниматься гра-

A206a
S472

[1] L, I, P — доб. „чтобы мне не слышать твоего поношения".
[2] B, Q — „те же, кроме чиновников Дамаска, которые в ту же ночь".
[3] Так в L, I, P, B, Q.
[4] P, B, Q — „Маджд-ад-дина".

бежом. Бундукдар, ставший государем Мисра, был оповещен и выступил, чтобы [их] отразить. Когда Элькэ-нойон услышал весть об его приходе, он с монголами, которые оставались в Сирийском крае, ушел в Рум; а в Дамаске стали читать хутбу и чеканить монету именем Бундукдара. Хулагу-хан хотел было в отмщение за Китбукая повести еще рать на Миср и Сирию, [но] по причине события с Менгу-кааном и разногласий, которые появились между ним и родичами, положение и время не разрешали исполнить это. Вследствие этого он отставил [поход].

В ту же пору скончался скоропостижно на пиру царевич Булга сын Шибана, внук Джучи. Затем заподозрили в колдовстве и измене Тутар-огула. После установления виновности Хулагу-хан отправил его в сопровождении Сунджака на служение к Беркею. И [Сунджак] доложил об его вине. Беркей в силу чингизхановой ясы отослал его к Хулагу-хану и 17 числа месяца сафара лета [6]58 [2 II 1260] его казнили. Предали казни также и Садр-ад-дина Саведжи под предлогом, что он написал для него ладонку. Затем скончался и Кули. После того как упомянутых царевичей не стало, челядь их бежала и через Дербент и Гилянское море направилась в область Кипчак. Аминь.

Рассказ о походе царевича Юшумута и эмиров Элькэй-нойона и Сонтая в Диярбекр, завоевании Маяфарикина и убиении мелика Камиля

Царевич Юшумут и старшие эмиры Элькэй-нойон и Сонтай-нойон, по приказу Хулагу-хана, отправились [в поход]. Когда они дошли до границ Маяфарикина, они послали к мелику Камилю гонца и призывали его к покорности и повиновению. Камиль ответил: „Не следует царевичу ковать холодное железо и рассчитывать на невозможные вещи, ибо нет доверия к вашим словам и я не соблазнюсь вашими любезными речами. Монгольской рати я не опасаюсь и, покуда душа в теле, буду разить мечом, потому что ты сын того отца, который нарушил договор и условие с Хуршахом, халифом, Хусам-ад-дином Акка, и Тадж-ад-дином Ирбильским. В особенности мелик Насир[-ад-дин][1] прибэг к вашей защите, а в конце концов испытал то, что испытал. Конечно, и я также
A206b испытаю то же самое, что испытали они.“ Когда гонцы представили
S471 послание, царевич и эмиры решились на битву. Мелик Камиль ободрял горожан и говорил: „Все-де серебро, золото и хлеб, которые налицо в казне и амбарах, для вас не пожалею и все жертвую нуждающимся. Я, хвала богу, не такой сребролюбец, как Муста'сим, который из скупости и скаредности пустил по ветру и голову [свою] и Багдадское царство“. Все горожане стали с ним единодушны, и мелик Камиль на другой день с толпою всадников выехал [из города] и стал нападать и притворно отступать. Небольшое число воинов с обеих сторон было убито. С меликом Камилем были два лихих наездника, один Сейф-ад-дин Лукили, а другой АнбарХабаши. Оба они убили несколько человек, разожгли пожар битвы. Через некоторое время [отряд мелика Камиля] ушел в город и начал бой с крепостных стен. На другой день те же два наездника выехали [из города] и убили около десяти храбрых всадников. Точно так же и на третий и на четвертый день. С этой стороны один грузинский азнаур вышел против них, потому что он один мог разбить войско. Одно мгновение он бился и был убит. От гибели его

Стихи

Всадники турецкие вскипели,
От злости они колотили рукой об руку.

[1] Так в L, P, B, Q.

И опять они ушли в город, а там был один камнеметный мастер, стрелявший без промаха. Он убивал камнями множество народа. От его руки эмиры ничего не могли поделать. У Бадр-ад-дина Лу'лу был [тоже] очень расторопный камнеметный мастер, он его вызвал, и тот установил высокий камнемет против городского камнемета. Оба одновременно метнули камни с лап. Оба камня в воздухе ударились друг о друга и раскололись на мелкие осколки. Люди с обеих сторон изумились мастерству обоих камнеметчиков. В конце концов камнемет, стоявший извне, сожгли, и горожане бились жестоко. Когда Хулагу-хан осведомился об этом положении, он послал в помощь Элькэй-нойону Урукту с войском и извещением, чтобы они пребывали на месте до тех пор, пока в городе не останется продовольствия. Когда Урукту прибыл и излагал поручение, то во время тех речей из [города] выехали те самые два наездника и расстроили монгольское войско. У Урукту вино шумело в голове, и он был пьян. Он отправился на бой с ними. Сцепились друг с другом. Вдруг [противники] настигли Элькэя и свалили его с коня. Со стороны подоспели монгольские всадники, посадили Элькэя на коня, опять разогнали толпу и повернули назад.

Стихи

Турки пришли в изумленье от богатырей,
От злости каждый витязь прикусил губу.

После этого те два наездника оба по заведенному правилу выезжали [из города], и нескольких человек убивали и нескольких ранили, пока не прошли два года и в городе не осталось пропитания и пищи, а также и скота. Начали есть мертвечину, съели [все] вплоть до собак, кошек и мышей и тогда стали людоедами. Так они с месяц поедали друг друга. Когда те два наездника, не имея соломы и ячменя, убили и съели своих лошадей, они хотели было выйти [из города] пешими и завязать бой, чтобы быть убитыми, но мелик Камиль не позволил. Немногие, которые остались, написали царевичу письмо, что в городе-де не осталось никого, у кого бы была пища да мощь, кроме нескольких человек с живой душою и мертвым телом. Сын отца поедает, а мать дитя. Если теперь подступит какая-либо рать, не найдется ни души, кто бы смог пойти навстречу.

Царевич послал Урукту. Когда они вошли в город, все городские жители лежали вповалку друг на друге, исключая семидесяти полумертвых человек, которые попрятались по домам. Мелика Камиля схватили с братом и повели к Юшумуту, а воины занялись грабежом. Те два смелых наездника взобрались на крышу дома и выстрелами из луков убивали каждого турка, который проходил мимо. Урукту подъехал туда и приказал нескольким отважным туркам, чтобы они их убили. Они [оба наездника] спустились с крыши вниз, прикрыли лицо щитами и дрались жестоко. В конце концов оба были убиты. Мелика Камиля привели в Телль-Башир по ту сторону Ефрата на служение к Хулагу-хану. В виду того, что он раньше ездил на служение к каану и, будучи пожалован милостями, с ярлыком и пайзой вернулся обратно, а затем во время похода Хулагу-хана на Багдад поехал к сирийскому мелику Насиру и говорил [ему], что лучше-де нам с огромной ратью пойти на помощь халифу, но тот притворился непонимающим и незамечающим, а после завоевания Багдада Камиль побоялся [явиться] и два года противился упомянутым способом, то теперь, когда его, схваченным, привели на служение к его высочеству, Хулагу-хан перечислил ему его преступления и сказал: „Не мой ли брат тебя ласкал и жаловал?“. A207a S474

Он приказал подвергнуть [его] с его семьей и родичами наказанию, а затем повелел срезать с него мясо и втыкать в рот, пока он не умер. Было это в лето 657 [1259]. Был он человеком воздержанным, благочестивым и хлеб свой добывал за плату за портняжное ремесло.

Рассказ о походе царевича Юшумута в Мардин и завоевании его крепости

Когда царевич Юшумут и эмиры освободились от маяфарикинского дела, Хулагу-хан повелел, чтобы они попрежнему вместе отправились завоевать Мардин. Когда они туда прибыли и установили осаду, то поразились высоте и неприступности крепости. Урукту-нойон отправил к мелику Са'иду, владетелю крепости Мардин, гонца и возвестил: „Спустись из крепости и повяжись поясом служения государю мира, дабы у тебя остались голова, жена и дети.

Стихи

Хоть замок твой крепок и превысок,
[Но] не хвастай крепостными стенами и [их] вершинами.

Ибо ежели даже сама голова его [замка] достанет до неба, перед монгольской ратью он будет дорожной пылью. Ежели бы [даже] счастье и благополучие тебе оказалось другом, то ты все же послушай мое увещевание и поступи по нему, а ежели не послушаешь и поступишь наперекор, то господь извечный знает [что будет]". Мелик Са'ид прислал ответ: „У меня-де на сердце было покориться и явиться к его высочеству государю, но вследствие того, что вы с другими заключили договоры, а когда они прибегли к вашей защите, вы их убили, у меня нет [к вам] доверия. Хвала всевышнему богу, крепость набита припасами и военным снаряжением и переполнена турецкими молодцами и курдскими богатырями." Урукту приказал, чтобы установили камнеметы, и завязал битву камнями и стрелами. На протяжении восьми месяцев обе стороны упорно бились и мелик Са'ид самообольщался неприступностью крепости. Когда монголы оказались не в силах овладеть крепостью, они разграбили города Мардин, Дунайсер и Арзан, которые находились поблизости. В конце концов в крепости появились дороговизна, голод и холера, ежедневно умирало безмерное число людей и мелик Са'ид захворал. У него было два сына — старший Музаффар-ад-дин. Он был малый разумный [и] сказал отцу: „Лучше спуститься из крепости вниз, ибо сопротивляться с таким войском невозможно". Отец его не послушал. [Тогда] он во время болезни дал отцу снадобья, чтобы тот отдал душу, и послал к Урукту: „Тот-де человек, который вам оказывал противодействие, умер. Ежели будет приказано, чтобы войско [ваше] прекратило войну, то и я тоже сойду вниз и сдам крепость". Урукту приказал, чтобы приостановили военные действия, и Музаффар-ад-дин с братом и приверженцами своими спустился вниз. Счастливый государь привлек его к ответу за кровь отца: „Разве-де когда-нибудь кто-либо позволяет себе покуситься на кровь отца". Он ответил: „Я потому так сделал, что сколько ни молил покорно, ни плакал, сдай, мол, крепость и не защищай себя кровью народа, он не соглашался. Это частное дело я сделал ради общей пользы потому, что понимал, что крепость будет завоевана счастьем государя и сто тысяч невинных людей будет убито. Конечно, ведь лучше смерть одного, чем ста тысяч, в особенности когда он, тиран и притеснитель, убил своего сына и люди им недовольны. Сознаюсь в своем преступлении. Ежели бы государь соизволил [меня] простить и пожаловать

мне место отца, то на то его воля". Хулагу его простил и отдал ему владение Мардин, и он был султаном до 695 года [1296] и никогда не ступал на путь мятежа и восстания против монгольских государей. Когда он умер, его сын Шамс-ад-дин Дауд его заместил, а когда [этот] скончался, на его место сел другой сын султан Наджм-ад-дин, который имел почетное прозвание Мелик-Мансур. Он правитель разумный и совершенный, проницательный и прозорливый и так жил с государем [Газан-ханом], что тот дал ему зонт и царский венец, отличил его изо всех ему равных и пожаловал ему часть владений Диярбекра и Диярраби'а. Аминь.

Рассказ о кончине султана Бадр-ад-дина Лу'лу, обстоятельствах получения его сыном меликом Салихом пожалования,[1] его мятеже и разрушении Мавсиля A207b S473

Султан Бадр-ад-дин Лу'лу правил пятьдесят лет и от жизни он получил превеликое удовольствие.

В лето 659 [1261], когда он вернулся обратно со служения Хулагу-хану, он умер в Мавсиле. Дожил он до 96 лет. Хулагу-хан пожаловал правление и владение Мавсиль его сыну мелику Салиху. Через некоторое время он покинул Мавсиль, отправился в Сирию и Миср, чтобы с вершины самовластия низринуться в бездну служения. Рукн-ад-дин Бундукдар его обласкал и отправил обратно с тысячью курдских всадников, чтобы он, собрав новые и старые клады и сокровища, доставил [к нему]. Супруга его Туркан-хатун, дочь султана Джелаль-ад-дина Хорезмшаха послала [раньше] к Хулагу-хану с извещением о его поездке в Миср и Сирию. Было приказано, чтобы войска, которые находились в Диярбекре, охраняли пути, по которым он пойдет, и в 659 году [Хулагу-хан] назначил Сандаргу-нойона с одним туманом монгольского войска для занятия Мавсиля и отражения Салиха. Вслед за ним он отправил тебризского мелика Садр-ад-дина с туманом тазикского ополчения[2]. Когда Салих дошел до Мавсиля, монголы преградили ему все дороги. В Джавсаке он остановился и стал пировать. Когда он уже стал пьян, до ушей его долетел грохот литавр и [раскаты] медных труб. Страх и безмерный ужас появились в сердцах мавсильцев. Салих вошел в город и запер ворота. Там находилось[3] войско из курдов, туркмен и шулов. Он роздал им деньги, побуждал к битве и говорил: „Несомненно, когда Бундукдар узнает, он нам пришлет помощь из Мисра". Монгольская рать подошла, расположилась вокруг города и обнесла [его] тыном. С обеих сторон поставили камнеметы и занесли руки к битве. Горожане по слову Салиха начали бой. С обеих сторон стали метать камни из камнеметов и стрелы, а часть витязей [начала] драться врукопашную. Около месяца горнило битвы было раскаленным. Однажды восемьдесят монгольских богатырей внезапно взобрались на крепостные стены. Мавсильцы их всех перебили, побросали головы их с крепостной стены в середину монгольского войска и воодушевились этой победой. Во время боя мелик Садр-ад-дин выдвинулся вперед. Стрела из самострела попала ему в темя, так что из него пошла кровь. Поэтому с разрешения Сандаргу-нойона он отправился в Тебриз. В Аладаге он прибыл на служение к Хулагу-хану и доложил об усилиях жителей Мавсиля. В помощь Сандаргу-нойону послали другую рать. Когда Бундукдар прознал о положении мелика Салиха, он послал ему на помощь Агуш-Арбузлура с войском. Когда

[1] Т. е. получение в качестве «союргала» города Мавсиля.
[2] *чарик-и таджик*.
[3] L, I, P, B, Q — доб. „многочисленное".

он пришел в Синджар, то написал, извещая о своем прибытии, письмо и, привязав к крылу голубя, отправил. Голубь прилетел и случайно сел на монгольский камнемет. Камнеметный мастер его поймал и снес письмо к Сандаргу-нойону. Когда тот прочитал, он счел его знамением своего счастья и тотчас же отправил отриконь один туман войска для отражения их. Близ Синджара они разделились на три части и, устроив засаду, ударили на сирийцев. Те стали твердо и оказали монголам сопротивление. Вдруг поднялся резкий ветер и ударил песком и камнями в глаза сирийцев, так что они перестали драться. Монголы кинулись на них и большую часть перебили, а остальные бежали. Монголы также перебили множество синджарцев, а женщин и детей увели в полон. Оттуда, надев [на себя] одежду сирийцев и выпустив по курдскому обычаю волосы, они отправились к Мавсилю и известили Сандаргу: „Завтра-де, обретя победу, мы в таком наружном виде доберемся до богатой добычи". На другой день, когда они приблизились, жители города, полагая, что это сирийцы, которые идут [им] на помощь, вышли [из города] навстречу
A208a и торжествовали. Монгольское войско окружило их со [всех] сторон
S476 и ни одного не оставило в живых. После того как они воевали шесть месяцев, солнце вошло в знак Рака, погода стала весьма жаркой, и обе стороны изнемогли от войны. Когда солнце достигло [знака] Льва, в городе случились голод и холера.

От голода люди побежали в степь и стали пищей монгольских мечей. Мелик Салих послал к Сандаргу-нойону; „Я-де раскаялся в своем поступке и выйду, чтобы возместить потери, но только на двух условиях: во-первых, простив вину, ты не поставишь [ее] мне на вид, а во-вторых, отправишь к Хулагу-хану и будешь просить [не проливать] мою кровь". Сандаргу-[нойон] пощадил его жизнь. Он вышел с угощением[1] и дарами. Сандаргу не стал есть яств, [его] к себе не допустил и приставил к нему стражу из нескольких монголов. В месяце рамазане лета 660 [VII—VIII 1262] город Мавсиль был завоеван. Уцелевших горожан предали мечу, а часть ремесленников увели в полон, так что в Мавсиле никого не осталось. Когда монголы ушли, из гор и пещер вышло и собралось около тысячи человек. Когда Сандаргу-нойон прибыл на служение к его высочеству, Хулагу-хан весьма гневался на Салиха и повелел, чтобы его снаружи обложили курдючным салом, [завернули] в кошму, обвязали крепкой веревкой и бросили на летнее солнце. Через неделю в сале завелись черви и начали поедать несчастного, пока он в мучениях и страданиях через месяц не отдал милую душу. У него был трехлетний сын; его отправили в Мавсиль, чтобы [там] на берегу Тигра разрубить пополам. Тело его для острастки повесили с двух сторон города, пока оно не сгнило и не распалось.

Стихи

Он сгнил и упал оттуда вниз.
О небо, ты такими делами не бываешь сыто;
Взрастило ты ласково того красавца,
И отдало его в зубы червям.

Рассказ о происшествии разногласий между Хулагу-ханом и Беркеем, прибытии Нокая[2] с передовым отрядом Беркея на войну с этой стороной и поражении его в местности Дербент

Когда Хулагу-хан завоевал большую часть Иранской земли, покончил с делом врагов и противников, которые оставались в разных углах,

[1] *tapīγ*.
[2] B, Q — здесь и ниже „Букай".

и занялся приведением в порядок и устройством дел владения, сердце его было раздосадовано захватом власти Беркеем, потому что вследствие того, что Бату его в сопровождении Менгу-каана отправил в столицу Каракорум посадить его [Менгу-каана] на престол в кругу родичей, и он некоторое время служил неотлучно у престола Менгу-каана,[1] он [Беркей], опираясь на это, непрестанно слал гонцов к Хулагу-хану и проявлял свою власть. Оттого, что Беркей был старшим братом, Хулагу-хан терпел. Когда с родственниками его [Беркея] Тутаром, Булгаем и Кули произошло событие, между ними появились и изо дня в день росли вражда и ненависть. В конце концов Хулагу-хан сказал: „Хотя-де он и старший брат, [но] поскольку он далек от пути скромности и стыдливости и обращается ко мне с угрозами и понуждениями, я больше не буду с ним считаться". Когда Беркей узнал об его гневе, он сказал: „Он разрушил все города мусульман, свергнул все дома мусульманских царей, не различал друзей и врагов и без совета с родичами уничтожил халифа. Ежели господь извечный поможет, я взыщу с него за кровь невинных". И он послал в передовой рати Нокая, который был его полководцем и родственником Тутара, с тридцатью тысячами всадников отомстить за его кровь. Тот прошел Дербент и расположился на виду Ширвана. Когда Хулагу-хан проведал [об этом], он повелел, чтобы из всех владений Ирана выставили ополчение[2] и в секизинджмесяце, соответствующем 2-му шавваля лета 660 [20 VIII 1262], он выступил из Аладага. Ширемун-нойона он отправил в передовом отряде. В месяце зи-л-хиджджэ он с Самагар[3]-нойоном и Абатай-нойоном прибыл в Шемаху. Войско Беркея ударило на Ширемуна и перебило великое множество [людей], а Султанчука убили в реке. В среду, последний день месяца зи-л-хиджджэ,[4] подоспел Абатай-нойон и в одном фарсанге A208b
от Шаберана напал на рать Беркея и многих из нее перебил. Нокай же S475
бежал. Когда Хулагу-хан узнал о поражении врага, он во вторник 6 мухаррама лета 661 выступил из окрестностей Шемахи с намерением сразиться с Беркеем. На той стоянке несколько айгаков напали на Сейф-ад-дина битикчия, который был государевым везиром,[5] на ходжу Азиза, из валиев Грузии, и на тебризского[6] ходжу Маджд-ад-дина. Схватив, их доставили в Шаберан и после суда всех троих казнили. В ночь на четверг 8 мухаррама судили звездочета Хусам-ад-дина и после установления вины, за багдадское свидетельство,[7] казнили, а тебризский мелик Садр-ад-дин и Али-мелик, который был хакимом Ирак-и Аджама и части Хорасана, отделались каждый несколькими палочными ударами. В пятницу 23 числа месяца мухаррама 661 года [7 XII 1262] вышел указ, чтобы все войска, вооружившись, двинулись в путь. На восходе солнца они подошли к Дербенту Хазарскому. Толпа врагов находилась на крепостной стене Дербента. Их прогнали с этой стороны выстрелами из луков, отняли от врага стену, взяли Дербент и завязали бой по ту сторону Дербента. Врагу было нанесено поражение. Бились до конца дня субботы. В первый день месяца сафара Нокай со своей ратью вдруг обратился в бегство, и войска Хулагу-хана обрели победу и славу. [Хулагу-хан] в помощь им еще раньше послал Абага-хана с огромным

---

[1] P, Q — имя опущено; B — „Бату".
[2] *чарīк бīрӯн карданд.*
[3] P, B, Q — *смāгӯ.*
[4] P, B, Q — доб. „660 г." [14 XI 1262].
[5] *вазīр-и хāсс.*
[6] Q — „керманского".
[7] О содержании свидетельства см. выше, стр. 37.

войском. После поражения Нокая Ширемун и Абатай сказали ему: „Пусть-де царевич возвращается на служение к отцу, мы же как можно скорее отправимся вслед за врагом", — но из рвения и мужества он не согласился. От Хулагу-хана вышел указ, чтобы Элькэй-нойон, Тудаун[1]-бахадур, Бату, Сальджидай, Чаган, Буларгу и Догуз отправились вслед за врагом и забрали жилища воинов Беркея. В силу [этого] указа они переправились через реку Терек. Жилища всех эмиров, вельмож и воинов Беркея сияли в той степи. Кипчакская степь была сплошь в палатках и больших шатрах, а земля та полна лошадей, мулов, верблюдов, коров и овец, а ратных людей их ни одного не было в жилищах. Все бежали, бросив жен и детей. Наши войска расположились в их жилищах и спокойно на досуге наслаждались и развлекались три дня и пировали и веселились с луноликими девами с надушенными амброю кудрями. Когда Беркей и воины проведали о судьбе жилищ, семей, челяди, добра и скота, собрали превеликое, словно муравьи и саранча, полчище и, пройдя простор той степи, напали на эмиров и войско. Первого числа месяца раби'-ал-авваль упомянутого года на берегу реки Терека они от зари до конца дня бились жестоким боем. Так как малопомалу к врагу прибывала помощь, наша рать обратилась вспять. Река Терек замерзла, и стали переправляться через нее. Вдруг [лед] проломился и множество войска утонуло. Абага-хан невредимый прибыл и расположился в Шаберане. Беркей с ратью, пройдя Дербент, вернулся назад, а Хулагу-хан 11 числа месяца джумада-ал-ахыр достиг окрестностей Тебриза. После этой беды [Хулагу-хан], расстроенный и с удрученным сердцем, занялся возмещением и исправлением потерь и приказал, чтобы во всех владениях приготовили оружие. Войска в другой раз были снаряжены добром и оружием. На другой год пустили молву, что Нокай решился выйти за Дербент. Хулагу-хан послал туда лазутчиком через горы Легзистана шейха Шерифа Тебризи. Он добрался до кочевья Нокая. [Там] его поймали и отвели к Нокаю. Он расспросил его обстоятельно и, между прочим, спросил: „Что ты знаешь о Хулагу-хане. Он все еще из гнева и ярости убивает наших вельмож, сановников, подвижников, благочестивых людей и купцов, или нет?" [Шейх] ответил: „Государь раньше гневался на противление братьев и сжег сухое и сырое, а ныне

Стихи

Благодаря его правосудию огонь не сжигает шелка,
А козуля доит молоко у львицы;
A209a От справедливости его люди обрели покой,
S478 Все тираны растоптаны и жалобно стонут.

Недавно из Хитая прибыли гонцы [с вестью], что Кубилай-каан воссел на престол, а Арик-Бокэ покорился его приказу, Алгу же скончался, а Хулагу-хану вышел ярлык, что он-де государь от реки Амуйе до дальних пределов Сирии и Мисра и тридцать тысяч монгольских удальцов ему отправили на помощь".

Нокай от этих речей испугался и растерялся. Щеки его пожелтели, он замолк и больше не сказал ни слова. Шейх Шериф явился к его высочеству Хулагу-хану и доложил обстоятельства. [Хулагу-хан] шейха обласкал и украсил лик земли справедливостью и правосудием. Аминь.

---

[1] A — *?ураан;* S — *туураан;* L, I, P, B, Q — *тудаан.*

Рассказ о делах Хулагу-хана в конце поры [его царствования], посылке Абага-хана в Хорасан, пожаловании областей эмирам и валиям, обстоятельствах его болезни и его кончины

Хулагу-хан чрезвычайно любил благоустройство и из построек, которые он возвел, осталось много. В Аладаге он соорудил дворец, а в Хое выстроил кумирни. В том году он посвящал себя благоустройству и распоряжался на благо царства, войска и подданных. Когда наступила осень, он с намерением зазимовать на [реке] Заринаруд, которую монголы называют Чагату и Нагату, отправился в Мерагу и поусердствовал в окончании [постройки] обсерватории. Он очень любил знания, поощрял ученых к спорам в науках начал[1] и назначал им определенное жалованье и содержание и украшал свой двор присутствием ученых и мудрецов. Он был весьма склонен к алхимии и на ту братию[2] постоянно взирал благосклонным оком. А они ради своих вымыслов и мечтаний зажигали огни, сжигали безмерное множество снадобий и бесполезными мехами надували малых и больших. Они мастерили котлы из глины мудрости,[3] но польза от стряпни не шла дальше их ужинов и завтраков. В превращении они ничего не смыслили, зато в извращении и подлогах творили чудеса. Ни одного динара они не снабдили решеткой[4] и ни одного дирхема не отлили, зато растратили и изничтожили богатства вселенной.[5] На их нужды, домогательства и пропитание было израсходовано так много, что и злосчастный Карун за свою жизнь не стяжал столько философским камнем.

В общем, он пожаловал владения Ирак, Хорасан и Мазандеран до устья Джейхуна царевичу Абага-хану, который был его старшим и лучшим сыном. Арран и Азербайджан до [оборонительного] вала[6] он передал Юшумуту. Диярраби'а до берегов Ефрата поручил эмиру Тудауну,[7] Румские владения Му ин-ад-дину Парванэ, Тебриз — мелику Садр-ад-дину, Керман — Туркан-хатун, а Фарс — эмиру Вангияну.[8] Когда казнили Сейф-ад-дина, битикчия, [Хулагу-хан] избрал Шамс-ад-дина Мухаммеда Джувейни, пожаловал ему должность сахиб-дивана [всех] владений и дал ему силу и полномочие разрешать, вершить, устраивать и править дела государства. Багдадское владение он пожаловал его брату, сахибу Ала-ад-дину Ата-мелику. Устроив упомянутые дела, [Хулагу-хан] все же печалился из-за обмана своих завистливых родственников. Занимаясь мероприятиями для возмещения потерь, он приводил в порядок войско. Еще раньше он избрал Джелаль-ад-дина, сына младшего даватдара, и возвысил его, а тот выставлял себя во мнении государя мира, что более-де сочувствующего во всем улусе государевом никого нет. На служении он доложил: „Поскольку поход в Кипчакскую степь решен твердо, то во владении халифа до сих пор еще есть несколько тысяч турок-кипчаков, которые хорошо знают обычаи Кипчакбаши. Ежели будет дан указ, я пойду и соберу их, чтобы

---

1 *'улӯм-и авāил.*
2 Т. е. на алхимиков.
3 *Гил-и хикмат* = цемент.
4 *мушшабак нэ гардāнӣданд.*
5 Букв.: „накопленное господним могуществом".
6 A — *сӣбэ;* S, B — *с??э;* C, Q — *с?бэ;* L — *сбэ;* I — *ш?лэ.*
7 A — *тӯдāн;* C — *тӯда'ӯн;* L — *?ӯда'ӯн;* I — *тӯдӯн.*
8 A — *вāнкйāнӯ;* C — *вāнкйāтвī;* L — *ӯнкйāнвā;* I — *ӯ?кйāнвā;* P — *вā?кйāнӯ;* Q — *а?к?нӯ;* B — *а?лкāнӯ.*

в войне с Беркеем они были передовым отрядом". Хулагу-хан одобрил, пожаловал ему ярлык и пайзу, чтобы багдадские хакимы выдали все, что Джелаль-ад-дин потребует из денег, оружия и снаряжения, и чтобы никто не вмешивался в его дела, дабы он исполнил то важное поручение, для которого назначен. В месяцах лета 662, согласно указу, [Джелаль-ад-дин] отправился в Багдад и всякого, кого находил подходящим для военного дела, забирал. Иногда он, намекая, с задней
A209b мыслью приговаривал: „Государь вас забирает, чтобы сделать вас щитом
S477 от вражьей напасти, дабы вы там умерли или обрели славу. А ежели в той войне вас не убьют, то вам в другом сражении предрешена такая участь. Вы знаете, каковы мои достоинства и благородное происхождение. Я одного с вами рода, и хотя Хулагу-хан оказывает мне полное благоволение, я все же не допущу превратить вас в корм для меча. Я так располагаю: давайте распрощаемся с могуществом и счастьем монгольским и я себя и вас освобожу от монгольского указа. Надо, чтобы вы поладили со мной и стали мне товарищами". Народ тот соблазнился его словами. После того как он собрал тех разрозненных воинов, он с литаврами и со знаменем выступил в поход, по Багдадскому мосту переправился [через Тигр], напал на арабское племя хафаджа и отбил некоторое количество буйволов и верблюдов. Жалованье и необходимое для воинов, как то: лошадей, оружие и довольствие, он взял в багдадской казне и снова двинул воинов с женами, детьми, домочадцами, приверженцами, пожитками и добром. Снова он [приказал] пробить на литаврах поход, перешел через мост и сказал: „Домочадцев и семьи поведем с собою, дабы они поклонились святым местам, ибо отныне наше местопребывание будет находиться во владениях Дербента, Ширвана и Шемахи. Мы, воины, отправимся и добудем продовольствие от враждебных арабов [племени] хафаджа. Когда же он переправился через реку Ефрат, он сказал воинам: „Я намереваюсь пойти в Сирию и Миср. Ежели кто пойдет со мною — ладно, а не то пусть отсюда же возвращается обратно". Они из страха за свою голову ничего не могли сказать и отправились вместе с ним в Сирию и Миср по дороге на Ану и Хадису. Когда весть об этом дошла до слуха государя, он весьма разгневался. В ту пору он постоянно тонко обдумывал, как справиться с врагами и к тому прибавился еще и этот случай. Когда наступил год быка, что случилось в месяце раби'-ал-ахыре[1] лета 663 [I 1265], он несколько дней предавался пирам и охоте. Вдруг после бани на тело его напала хворь, так что он ощущал в себе тяжесть и слег в постель. В ночь на субботу,[2] 7 числа месяца раби'-ал-ахыра [27 I], он принял из рук китайских лекарей слабительное. От его действия появился обморок и завершился ударом. Сколько искусные врачи ни старались и ни силились вызвать рвоту, поскольку жизненный путь достиг до точки смерти, они остались бессильными прогнать эту болезнь. Никакая мера [не могла помочь] от предопределения и никакое лекарство исцелить от судьбы. В ту пору обнаружилась хвостатая звезда наподобие клина и появлялась каждую ночь. Когда же эта хвостатая звезда исчезла в . .[3] месяце, соответствующем ночи на воскресенье 19 числа месяца раби'-ал-ахыра лета 663 [8 II 1265], случилось великое несчастие. Жизнь его продолжалась сорок восемь полных солнечных лет. Он отошел от бренного привала к вечному местопребыванию на берегу Чагату.

---

[1] B, Q — „раби'-ал-авваль".

[2] C, L, I, P, B, Q — „в среду".

[3] Пропуск в рукописях с оставлением пробела для названия месяца звериного цикла.

Ходжа мира, Насир-ад-дин Туси, в стихах на смерть его говорит:

Как только Хулагу на зимовку ушел из Мераги,
Предопределение пробило последний час его жизни
В лето шестьсот шестьдесят третье, на воскресенье
В ночь девятнадцатого раби'-ал-ахыра.

На горе Шаху, что напротив Диххарегана, устроили ему большой заповедник и, свершив обряды оплакивания в его ставках, гроб с ним захоронили в том заповеднике.

В первый день икинди-месяца, соответствующего 28 числу упомянутого месяца раби'-ал-ахыра [17 II], отошла Арыкан-хатун, мать Аджая, и в те же дни умер эмир Алгу-битикчи. 2 числа шун [?][1] - месяца года быка, соответствующего первому дню месяца рамазана лета 663 [17 VI 1265], скончалась Докуз-хатун, которая от Тулуй-хана досталась Хулагу-хану. Кончина ее была через четыре месяца и одиннадцать дней после кончины Хулагу-хана и за три дня до восшествия на престол Абага-хана. Бог, да будет он велик и превозвышен, да уделит государю ислама Газан-хану на долгие годы и века без числа счастливый жребий в жизни и державе и да сделает его наследником долгих лет. 'Он всемогущ и расположен услышать [молитву]'. Аминь.

[1] *шӯн.*

A210a
S480

ОБ АБАГА-ХАНЕ, СЫНЕ ХУЛАГУ-ХАНА, СЫНА ТУЛУИ-ХАНА, СЫНА ЧИНГИЗ-ХАНА,

а оно в трех частях

Благословенное рождение его было 28 числа арам-месяца года лошади, соответствующего [месяцу] джумада-л-уля лета 631 хиджры [III 1234], на стоянке...[1] под счастливой звездою в середине зодиака Девы, а в пятницу 5 числа шун[?]-месяца года быка, соответствующего 3-му рамазана лета 663 [19 VI 1265], он воссел на престол тоже под знаком созвездия Девы и в ночь на среду 21 числа икинди-месяца года...,[1] соответствующего 20[2] числу месяца зи-л-хиджджэ лета 680 [1 IV 1282] скончался. Срок жизни его сорок девять лет и семь месяцев. Срок царствования семнадцать лет и четыре месяца

Часть первая. Рассказ о его благородном происхождении, подробное перечисление его жен, сыновей, дочерей и внуков, которые доныне [от него] произошли, памятка об его зятьях и родословная таблица потомков его.

Часть вторая. События, предшествовавшие его восшествию [на престол], изображение его престола, хатун, царевичей и эмиров во время его восшествия на ханский престол, летопись дел и события времени его царствования, войны, которые он вел в разное время, победы, которые ему доставались, и срок его царствования.

Часть третья. Похвальный образ жизни его и избранные качества души, прекрасные приговоры, наставления[3] и речи, которые он изволил высказать,[4] и рассказы о событиях, которые случились в его время, из тех, что не вошли в предыдущую часть и стали известны порознь из разных книг и от разных лиц.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АБАГА-ХАНЕ

Рассказ о его благородном происхождении, подробное перечисление его жен, сыновей, дочерей и внуков, которые доныне [от него] произошли, памятка об его зятьях и родословная таблица его потомства

Рассказ о его благородном происхождении и подробное перечисление жен

Абага-хан — старший, лучший сын Хулагу-хана. Он появился на свет от Йисунджин-хатун из рода сулдус. У него было много жен

---

[1] Пропуск в рукописях.
[2] P, B — 6.
[3] C, L, P, B — доб. „притчи".
[4] C, L, P, B — доб. „по разным случаям и в разное время".

и наложниц. Олджей-хатун он взял после смерти Хулагу-хана и взял себе [также] Тукитай-хатун, которая была наложницей Хулагу-хана. Вместо Докуз-хатун он возложил [ей] на голову бугтак, и она стала хатун. Первее всех была Дорджи-хатун, а когда ее не стало, он взял Нукдан-хатун из рода татар и посадил ее на место ее. Когда она скончалась, он взял Ильтузмиш-хатун, дочь Кутлуг-Тимур-гургена, сестру Тарагай-гургена из рода конкурат и посадил на ее место. После этого он взял Падшах-хатун, дочь султана Кермана Кутб-ад-дин Мухаммед-хана и посадил ее на место своей матери Йисунджин-хатун. После этого он взял Мертей-хатун из рода конкурат, а она была сестрою Муса-гургена, сына дочери Чингиз-хана. Мать Мусы была Кутуй-хатун, и они были двоюродными. Мертей-хатун скончалась в пору Аргун-хана, и Аргун-хан возложил бугтак на Тудай-хатун, которая тоже была из рода конкурат, и посадил на ее место. После того он взял старшую Булуган-хатун, которая была родственницей Нокая-яргучи, и так как он ее крайне любил, то поставил выше Мертей и Теспинэ.

Когда Абага-хан скончался, ее взял Аргун-хан, а когда ее не стало, он [Аргун-хан] посадил на ее место Булуган-хатун.[1] Сле- A210b
дующей женой [Абага-хана] была Теспинэ, дочь трапезундского госу- S479
даря.[2]

Из числа его наложниц одной была Каймиш-эгэчи, другой Кокей, мать Туганчук, жены эмира Новруза, затем Булгачин-эгэчи, затем Булучин-эгэчи, затем Ширин-эгэчи, которая после того стала женою эмира Фулада. Затем Алтай-эгэчи и многие другие, имена которых неизвестны.

Памятка о сыновьях, дочерях и зятьях Абага-хана, сына Хулагу-хана

У Абага-хана было два сына, которые оба стали государями Аргун-хан, его мать была Каймиш-хатун, после брата его отца он стал ханом века, и Гейхату-хан, который стал государем после него, а мать его была Нукдан-хатун. Подробное перечисление детей и внуков каждого будет приведено в отдельности в повествовании о них.

Дочерей же у Абага-хана было семь, как подробно следует ниже. Первая Йол-Кутлуг. Мать этой Йол-Кутлуг и Тогай была Тудай-хатун и эту Йол-Кутлуг отдали за Ильчидэя-кошчи, а после него за Ильбасмиша. Она умерла в Говбари. *Вторая, Тогай, ее [он] отдал за эмира Доладая-эюдэчи.[3] Третья, Меликэ,[4] ее он отдал за Тугана, сына Нокая-яргучи из рода баяут. Четвертая, Туганчук[5] — ее отдали за эмира Новруза, сына Аргун-аги из рода ойрат.[6] Пятая, Иль-Кутлуг, мать ее была[7] Булучин-эгэчи, ее отдали за Гурбатай-гургена из рода хушин. Шестая, Олджейтей, ее мать была тоже Булучин, отдали ее сыну Давида мелика Гурджистана. Седьмая, Бучин, мать ее была Мертей-хатун.

---

[1] S, P, B — „... Булуган-хатун, которая существует".

[2] *Δέσποινα*, дочь византийского императора Михаила VIII Палеолога (1261—1282). S — „истамбульского государя, которого называют фāсилйӯ [βσιλεύς]".

*[3] S, B — „...Вторая, Тогай, мать ее была тоже Тудай. Она была помолвлена с Ахмедом, братом Кунчукбала, а после него с Доладаем. Она тоже умерла" (рук. B — еще доб. „не сойдясь с ним").

[4] S, B — доб. „ее мать была Булуган-хатун".

[5] S, B — доб. „ее мать была Кокей-хатун".

[6] S, B — вместо слов „из рода ойрат" написано: „умерла в 690 году" (1280 г. н. э).

[7] S, B — „есть".

A211a
S482

Часть вторая повествования об Абага-хане

События предшествовавшие его восшествию [на престол], жены, царевичи эмиры во время его восшествия на ханский престол, летопись дел и событи времени его царствования, повеления, которые он нарек в разное время, войны которые он вел, и победы, которые ему доставались, срок и время его царствования и жизни после кончины его отца

События, предшествовавшие его восшествию на ханский престол

Когда Хулагу-хан скончался, они, согласно своему обычаю, преградили дороги и отдали приказ, чтобы ни одно живое существо не передавало бы [об этом], и тотчас послали гонца к Абага-хану в Хорасан, так как он был старшим сыном и наследником [престола], а также вызвали Аргун-агу, который находился на должности везира и находился при Абага-хане. В то время Абага-хан был на зимовке в Мазандеране, а Юшумут — в областях Дербента и Аррана, которые ему принадлежали. На восьмой день после смерти отца [Юшумут] прибыл. Разузнав о настроениях эмиров, он тщательно рассмотрел и обдумал обстоятельства дел. Так как он понял, что ничего не удастся, то после двух дней пребывания вернулся назад. В году Хукер, соответствующем 19 джумада-л-уля 663 г. х., Абага-хан расположился ставкой на [реке] Чагату. К прибытию все приближенные и эмиры вышли навстречу. Так как Элькэ-нойон был эмиром ставок и на службе иль-хана долгое время шел стезею приверженности и усердного служения, то он подал Абага-хану ош и вино и наедине изложил [ему] обстоятельства [печального] события. После выполнения обрядов оплакивания, все жены, царевичи и зятья собрались и устроили совещание относительно его восшествия на престол. В ту эпоху было много давнишних старших эмиров: Элькэ-нойон, Сунджак-нойон, Сонтай-нойон, Самагар-нойон, Шиктур-нойон, Аргун-ага и другие, перечисление которых затянулось бы. Из них Шиктур-нойон, которому Хулагу-хан передал свою последнюю волю и поручил билики, и Сунджак-ага раньше других эмиров засвидетельствовали права Абага-хана на наследование престола и заместительство, а он отказывался и препоручал другим братьям. Братья единодушно преклонили колено, что мы-де, рабы, а тебя считаем заместителем отца. Абага-хан сказал: „Кубилай-каан старший брат, каким образом без его соизволения можно воссесть [на престол]“. Царевичи и эмиры сказали: „При наличии тебя, являющегося старшим братом всех царевичей и ведающим давние обычаи, правила законы и добрые предания и [которого] Хулагу-хан при жизни своей сделал престолонаследником, как может сесть другой“. И все без лицемерия согласились. В пятницу 5 числа шун [?]-месяца года хукер, который был годом быка, соответствующего 3 рамазана лета 663 [19 VI 1265], по выбору ходжи Насир-ад-дина Туси, ‘да смилуется над ним господь’, под знаком созвездия Девы, Абага-хана посадили на царский престол у Чаган-наура в области Перахан и выполнили все обряды,[1] которые на этот счет установлены.[2]

---

[1] S, B — доб. „и условия“.

[2] S — доб. „а изображения места, [где расположен] престол, таково“; B — доб. „изображение картины обстоятельств таково“.

Рассказ об устройстве Абага-ханом нужд владений и об управлении делами царства

A211b
S481

Абага-хан, после восшествия на ханский престол, раздарил женам, царевичам и эмирам безмерные богатства деньгами, драгоценностями и дорогими одеждами, так что польза от этого получилась для всех воинов. После соблюдения обычаев пиршества и поздравления с восшествием на престол он обратился к управлению и устройству важных дел и нужд улуса и войска. Хотя он и был обладателем венца и престола, но до прибытия гонцов от его величества Кубилай-каана и присылки ярлыка на его имя он восседал на стуле и правил. Во-первых, он приказал, чтобы все законы, которые установил Хулагу-хан, и указы, которые он по разным поводам издал, соблюдались и исполнялись бы твердо и были охраняемы и защищаемы от порчи переиначивания и замены. Сильные чтобы не насиловали и не обижали слабых, и все народы чтили бы обычаи и правила отцов и дедов. Через неделю отправили во все владения царскую грамоту, в которой содержалась радостная весть о благословенном восшествии на престол. Султанов, меликов, эмиров, хакимов и челобитчиков, которые присутствовали, по достижении [ими] предмета желания, вернули обратно. Прежде [всего] он послал своего брата Юшумута в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы он охранял те пределы от врага, а другого брата Тубшина он тоже назначил с полночисленным войском в Хорасан и Мазандеран до берегов Амуйе. Битикчия Тугу, сына Элькэ-нойона, и Тудауна, брата Сунджак-нойона, который был дедом эмира Чобана, он послал ко двору мелика в Рум, а когда с ними приключилось происшествие, он отправил[1] вместо них Самагара S484
и Кехюркея. Дурабай-нойона он назначил в Диярбекр и Диярраби'а, A212a
которая граничит с Сирией. Грузию он вверил Ширемуну, сыну Чурмагуна. Владения инджу он препоручил Алтачу-аге. Владения Багдад и Фарс он отдал Сунджак-аге. Аргун-агу, который заведывал откупами во владениях, он попрежнему утвердил [в должности]. Должность везира он на прежнем основании пожаловал счастливому сахибу Шамс-ад-дину Мухаммеду Джувейни. Столицу Тебриз он установил местом царского пребывания. Летним становищем он избрал Аладаг и Сияхкух, а зимним становищем Арран и Багдад, а иногда Чагату. Сахиба Ала-ад-дина Ата-мелика он назначил наибом эмира Сунджак-аги в Багдаде, а должность везира в Хорасане он пожаловал ходже Изз-ад-дину Тахиру, а после него его сыну ходже Ваджих-ад-дину. Владением Фарс правил Абу-Бекр как потомок атабека, а управлял откупами его [Фарса] Шамс-ад-дин Тазику, а Керман он вверил Туркан-хатун, Тебриз — малику Садр-ад-дину, Диярбекр — Джелаль-ад-дину Тариру и мелику Рази-ад-дину Баба, Исфаган и большую часть областей Ирак-и Аджама — ходже Беха-ад-дину Мухаммеду, сыну сахиб-дивана Шамс-ад-дина, Казвин и некоторую часть Ирака — мелику Ифтихар-ад-дину Казвини, Диярраби'а — мелику Музаффар-Фахр-ад-дину Кара-Арслану, владение Нимруз — мелику Шамс-ад-дину Курту, Грузию — Давиду и сыну его Садуну.[2] Около сотни почтенным ученым из учеников учителя рода человеческого, ходжи Насир-ад-дина Туси 'да смилуется над ним господь', которые состояли при дворе, он уделил из общего вознаграждения. В тот год он зимовал в Мазандеранских краях и весною лета 663 [1265] возвратился в стольный город Тебриз. Аминь.

---

[1] C, L, l, P, B — доб. „туда".

[2] A, S — Садику; C, L — Давиду [сыну] Садуна; l — Давиду, сыну Садуна; B — Давиду, сыну Харуна.

Рассказ о битве войска Абага-хана с Нокаем и Беркеем, их поражении и обращении в бегство

В начале века Абага-хана толпа противников и завистников покушалась на эти края, и в другой раз Нокай со стороны Дербента двинулся с полным войском отомстить за кровь Тутара. Дозорные известили об его прибытии, и царевич Юшумут 4 числа алтынч-месяца года быка, соответствующего 3 шавваля лета [6]63 [19 VII 1265], согласно указу воссел [на коня], чтобы отразить Нокая. Он перешел через реку Куру и близ Чаганморена, который называют Аксу, обеим ратям случилось встретиться. С обеих сторон построили ряды и завязали бой. Многие с обеих сторон были убиты, а Куту-Бука, отец Тогачар-аги, в этой битве совершал удалые подвиги, пока не был убит. Нокаю тоже стрела попала в глаз, и рать его обратилась в бегство и дошла до Ширвана. Абага-хан переправился через реку Куру, а с той стороны подоспел Беркей с тремя стами тысяч всадников. Абага-хан с войском опять перешел на этот берег реки и приказал, чтобы прервали переправы. Обе стороны на обоих берегах реки Куры построили лагери кольцом[1] и стали стрелять друг в друга стрелами. Беркей пробыл четырнадцать дней на берегу реки, и так как переправиться было невозможно, он двинулся в Тифлис, чтобы там перейти через реку. По пути он занемог и скончался. Гроб с ним отправили в Батуеву [столицу] Сарай и похоронили.

В 664 году [1265/66] Абага-хан приказал, чтобы по ту сторону реки Куры от Далан-наура до степи Курдаман, смежной с рекой Курой, построили вал[2] и вырыли глубокие рвы. На защиту их назначили отряд монголов и мусульман, и с обеих сторон стали ходить туда и обратно караваны.

Когда Абага-хан покончил с дербентским делом, он там отпустил Менгу-Тимура с Самагар-нойоном и Олджей-хатун и зимою лета [66]5 [1266/67] предпринял путешествие в Хорасан и зимовал в Мазандеране и Гургане. Аминь.

Рассказ о приезде Мас'уд-бека на служение к Абага-хану и о прибытии Кутуй-хатун и обоза[3] Хулагу-хана, которые оставались там

В помянутую зиму везир Мас'уд-бек, сын Махмуда Ялавача, прибыл гонцом от Кайду и Борака и просил учинить расчет по их владениям инджу. Когда он прибыл на служение к Абага-хану, то, облачившись,...[4] кафтан Чингиз-хана, сел выше всех эмиров, кроме Элькэ-нойона. Было приказано, чтобы счастливый ходжа Шамс-ад-дин Алякани в неделю покончил бы и передал расчет. Так как [Мас'уд-бек] прибыл не с чистой душой, то он торопился с возвращением. Через неделю он с оказанием почета и благоволения получил разрешение отбыть и уехал. Через день получилось известие о прибытии к берегу Джейхуна вражеской рати.
A212b Абага-хан понял, что Ма'суд-бек схитрил и приезжал лазутчиком Борака.
S483 Тотчас же он отправил вслед за ним гонцов, чтобы вернуть его обратно. Тот сам предусмотрел и на каждой остановке держал наготове подставу.[5]

---

[1] *чаргэ.*
[2] *сӣпэ; I — сӣбэ.*
[3] *ӑгрӯк.*
[4] Неразобранные слова: A, S — *йрқӑқ ʔбӑвлӣ;* C, I — *йрқӑн ʔʔвлӣ;* L — *ʔрқӑк ʔӑлвц;* B — *ʔрқӑн бӑвлц.*
[5] *ӯлӑқ.*

Гонцы доехали до берега Джейхуна, их прибытие и его переправа [на тот берег] совпали [в одно время]. [Гонцы] вернулись. Абага-хан отправился в Хорасан, доехал до Серахса и зазимовал в Мазандеране и в тех краях. Пришло известие о приближении обоза Хулагу-хана. Он выехал ему навстречу и около Кябудджамэ прибыли Кутуй-хатун с двумя сыновьями Текшином и Текудером, сыновья Джумукура — Джушкаб и Киншу, сын Тарагая — Байду и Йисунджин-хатун, мать Абага-хана. Рассказ о них таков. Когда Хулагу-хан устремился в Иранскую землю, он оставил свой обоз у Менгу-каана. Во время усобицы с Арик-Бокэем его [т. е. обоз] сопровождал Джумукур. Когда он был разбит в битве с Алгу и направился на служение к каану, Джумукур, извиняясь болезнью и лечением, отстал и остановился в тех краях. Когда весть [об этом] дошла до Хулагу-хана, он в [6]62 году [1264] послал Абатай-нойона с требованием Джумукура и обоза. Так как Джумукур был немощен, то он по пути скончался. Абатай-нойон оставил их около Самарканда, возвратился к Хулагу-хану и доложил об обстоятельствах. [Хулагу-хан] его обвинил, дал ему восемьдесят палочных ударов и сказал: „Чтобы его сохранить, ты действовал плохо, а в еде, питье и в общении с женами излишествовал". Между тем в упомянутое время некий индиец проводил их, вывел на верный путь, переправил через реку Амуйе и 19 числа месяца джумада-л-уля лета 666 [7 II 1268] доставил их в окрестностях Кябуджамэ на служение [Абага-хану]. Абага-хан его обласкал и сделал тарханом, а Кутуй-хатун, услышав в Бадахшанском краю весть о событии с Хулагу-ханом, так плакала, что глаза ее ослепли. Абага-хан по прибытии их стал радостен сердцем и весел, благословил их приход и обогатил [их] имуществом и утварью. Из ставки Кутуй-хатун на служение к Хулагу-хану еще раньше прибыла наложница по имени Арыкан. Из добычи, которая приобреталась, ей передавали долю Кутуй-хатун, [и] она собрала множество драгоценного имущества. Когда Кутуй-хатун приехала в ставку, она потребовала его по статьям [и] нашла в порядке. Абага-хан дал им для прокорма[1] [местности] в областях Диярбекр и Маяфарикин и несколько других местностей, а оттуда ежегодно доставалось около ста тысяч червонных динаров. Иногда [Абага-хан] в знак попечения всячески заботился о них. Между тем весною он вернулся из Хорасана и другую зиму перезимовал на [реке] Чагату, а летом отправился в Аладаг и Сияхкух. Следующей зимой он был в Арране, а летом, что было в 668 году [1270], воссел [на коня] на войну с Бораком.

Рассказ о прибытии Борака из Мавераннахра в Хорасан, сражении его с войском Абага-хана, его поражении и обращении в бегство

Когда Борак свергнул Муба рекшаха и покорил Чагатаев улус, то встал на путь притеснения и насилия. Кайду удерживал его от такого образа действий и по этой причине между ними приключились разногласия. В то время воеводой Туркестана был некий Мугултай. От имени каана Борак послал эмира Бикмиша, чтобы он сел на его место. Мугултай отправился к его величеству каану и доложил обстоятельства. Каан послал старшего эмира по имени Коничи с шестью тысячами всадников, чтобы он убил Бикмиша и стал воеводой. Борак отправил эмира с тридцатью тысячами человек,[2] чтобы его отразить. A213a S486

[1] *бэ исм-и тӯмӯк.*
[2] C, L, B — доб. „всадников".

Коничи, когда понял, что не сможет устоять, вернулся в Хитай. Войско Борака разграбило Хотан. Когда Борак достиг полного могущества, он задумал поход на Кайду и Менгу-Тимура, а Мас'уд-бек указал им на случаи проявления насилия с его [Борака] стороны и подстрекал их на войну [с ним]. В конце концов обеим ратям случилось сойтись на берегу реки Сейхун, и Борак, устроив засаду, хитростью разбил рать Кайду и Кипчака, многих из нее убил и захватил в полон и получил обильную добычу. Он стал заносчив, осмелел, и надменность и высокомерие его выросли.

Когда весть о поражении Кайду и Кипчака дошла до Менгу-Тимура, он разгневался и послал в помощь Кайду своего дядю Беркечера с пятьюдесятью тысячами всадников. Этот снова собрал рассеявшиеся дружины, и они дали бой Бораку, разбили его и с войском обратили в бегство. Множество из его [Борака] войска было убито и ранено. Злосчастный Борак добрался до областей Мавераннахра, снова собрал разбежавшихся [бойцов своего] войска и держал совет с военачальниками, что-де при существовании этих людей, которые на нас нападают, царство за нами не удержится. Самое лучшее сейчас — разорить грабежом эти цветущие края, и начнем с Самарканда. Военачальникам эта речь пришлась очень по душе.

Когда Кайду, Кипчак и Беркечер проведали об этом обстоятельстве, они учинили совещание о том, чтобы пуститься вслед за ним и прогнать его из тех областей. Кайду сказал: „Когда он получит известие в таком смысле, то произведет разрушение раньше и больше. Будет более подходяще, ежели мы отправим гонца, станем его увещевать и будем просить мира". Кипчак сказал: „Между нами была крепкая дружба. Если будет дозволено, я отправлюсь и соблазню его льстивыми и сладкими речами". Так как они знали красноречие и витийство Кипчака, то послали его в Самарканд с двумя сотнями отборных всадников. Он остановился в Согде и отправил одного всадника к Бораку с извещением о своем прибытии и искал мира и единения.

Когда весть дошла до Борака, он призадумался на час и сказал эмирам: „Неведомо, что за война таится за этим миром", — а гонцу сказал: „Справься за меня о здоровье Кипчака, да скажи, чтобы как можно скорее приезжал. Светом его присутствия мы просветим узревшие обиду очи". Он приказал великолепно убрать место приема, а воинам, вооружившись, выстроиться перед дворцом, и величаво, по обычаю царей, он воссел на престол. Когда Кипчак прибыл, Борак сошел с престола и встретил его с почетом и уважением. Они обняли друг друга, и Борак, взявши за руку Кипчака, провел его на престол и обменялся с ним чашами. Борак милостиво расспросил его о здоровье и сказал: „Что может быть приятней встречи с друзьями, родными, единомышленниками и дорогими людьми?" Кипчак завел речь о примирении, единении и родстве. Борак промолвил: „Ты говоришь прекрасно. Мне тоже иногда приходила на ум необходимость уважения к этим понятиям. Я стыжусь своего положения, потому что мы все двоюродные братья друг другу. Славные отцы наши завоевали мир мечом и завещали нам. Почему мы теперь в согласии друг с другом не пользуемся благами мира, почему между нами должен быть этот раздор и усобица. Прочие царевичи из наших родичей владеют великими городами и цветущими пастбищами, кроме меня, который имеет вот этот малый улус. Кайду и Менгу-Тимур восстали на меня из-за этого владения и гонят меня, печального и смущенного, по свету". Кипчак похвалил его и сказал: „Добрые слова ты молвил, однако еще лучше,

если мы не будем поминать минувшее, устроим сообща курултай, очистим грудь от давней вражды, оставим упорство и упрямство и заключим друг с другом договор, что при всех обстоятельствах будем согласны и будем помогать друг другу". Так как Борак был расстроен долгой сумятицей, он дал согласие на мир. Через неделю Кипчак с разрешения вернулся обратно. Кайду и Беркечеру примирение с Бораком тоже показалось подходящим, и они похвалили Кипчака. Весною 667 года [1269] все эти царевичи собрались на луговьях Таласа A213b
и Кенджека и после недели пирования, на восьмой день, держали S485
совет. Сначала говорил Кайду: „Славный дед наш Чингиз-хан завоевал мир благоразумием, рассудительностью и ударами меча и стрел и предоставил [его], устроив и приуготовив, для своего рода. И вот по отцам мы все родные друг другу. Прочие же царевичи — наши старшие и младшие братья и между ними совсем нет разногласия и распри. Отчего же им быть между нами?" Борак сказал: „Да, положение таково, однако ведь и я тоже плод того древа. Для меня тоже должны быть назначены юрт и средства для жизни. Чагатай и Угедей были сыновьями Чингиз-хана. В память о каане Угедее остался Кайду, а о Чагатае — я, а о Джучи, который был их старшим братом, — Беркечер и Менгу-Тимур, а о Тулуе, который был младшим братом — Кубилай-каан. Сейчас он захватил восточные страны Хитай и Мачин, размеры которых ведает великий господь. Западные страны от реки Амуйе до Сирии и Мисра захватил, как отцовский удел,[1] Абага-хан и его братья, а между этими обоими улусами [лежат] области Туркестан и Кипчакбаши, которые в пределах вашего владения. И все-таки вы сообща восстали на меня. Сколько я ни задумываюсь, я не считаю себя свершившим преступление". Они сказали: „Право на твоей стороне. Решение таково: не будем впредь поминать минувшего, поделим справедливо летние и зимние стойбища и поселимся в горах и степях, потому что эта область крайне опустошена и невозделана". Они постановили, чтобы две трети Мавераннахра [принадлежали] Бораку, а одной третью ведали Кайду и Менгу-Тимур. Представив это Менгу-Тимуру, они покончили, посоветовавшись с ним. Совещание их закончилось тем, что весною Борак переправится через реку Амуйе, поведет войско в Иранскую землю и захватит некоторые владения Абага-хана, чтобы приумножились пастбища, земли и стада его дружин. Борак сказал: „Ежели сердца ваши согласны с этими словами, то на этом и заключим договор". По обряду и обычаю своему они скушали золота[2] и условились, что впредь будут селиться в горах и степях и не будут бродить вокруг городов, не будут выгонять животных на нивы и предъявлять ра'иятам несправедливые требования. С этим решением они разошлись, и каждый отправился в свой юрт.

Борак некоторое время соблюдал договор и послал Ма'суд-бека по владениям согласно указанию царевичей, чтобы снискать расположение ра'иятов и снова привести земли в благоустроенное и возделанное состояние. Он собрал разбежавшихся ра'иятов, Мавераннахр [благодаря] его прекрасным способностям стал процветать, и пошло как было вначале. Но Борак опять протянул руку насилия и обратился к народу с разного рода требованиями и поборами. Он угнал весь скот Мавераннахра и силою отобрал пожитки и имущество людей, чтобы свершить поход в Иран. Мас'уд-бек сказал: „Предприятие такого дела нельзя

[1] *инджу*.
[2] *зар хурданд*; т. е. поклялись на золоте.

одобрить, потому что, ежели та область не будет завоевана, возврат в эти края неосуществим". И Борак отбросил этот замысел.

Абага-хан в 666 году [1267/68] занимался распространением справедливости и правосудия в Иранских владениях и царевич Негудер-огул сын Муджи Яя,[1] сына Чагатая, неотлучно находился при нем с десятью тысячами всадников и Абага-хан любил его и почитал. Борак отправил на служение к Абага-хану нескольких гонцов и через них для Негудер-огула также послал дары и, между прочим, такую стрелу, которую монголы называют туганэ. Когда они передавали [ее] ему, то очень тонко подали знак о том, что в ней кое-что приуготовили. Наедине он ее расколол и внутри нее нашел письмо такого содержания: „Да ведает Негудер-ага, что я собрал полночисленное войско и иду на владения Абага-хана. Надеюсь, что когда он поднимется, чтобы отразить меня, ты не пойдешь вместе с ним и сделаешь так, что у него не будет мочи сойтись и сразиться с нами, дабы мы каким угодно путем захватили его владения". Когда Негудер ознакомился с содержанием письма, он попросил позволения отправиться домой в Грузию. Получив разрешение, он поехал туда и сообщил своим эмирам эту тайну. Изо дня в день из Хорасана прибывали гонцы и доносили о делах Борака.

По важным делам, которые относились к войску и улусу, Абага-хан вызывал Негудер-огула на совет. По этому случаю он несколько раз
A214a посылал гонцов с приглашением его. Каждый раз [Негудер-огул] под
S488 каким-нибудь предлогом [извинялся], а эмирам своим говорил: „Я имею намерение через Дербент соединиться с Бораком", — и немедля он устремился в ту сторону. Ширемун-нойон, который находился в тех краях, тронулся вслед за ним и выдвинул вперед Алинака, а за ним пошел с другим войском Абатай-нойон. Обеим ратям случилось встретиться на одном холме. Негудер без боя обратился в бегство и пустился в путь на Дербент. Не зная, как себе помочь, он направил бразды в горы Грузии, вошел в лес и заблудился. Грузинские эмиры оцепили лес кругом, и царь Давид послал ему известие, что выхода-де из этого леса нет, поверни назад и не огорчайся. По его указанию он вышел из лесу и Ширемун-нойон настиг его с ратью и многих из его войска убил, а частью захватил в полон. В конце концов в месяце рамазане лета 668 [IV—V 1270] Негудера привели в полное изнеможение и в месяце раби'-ал-авваль того же года он с женами и детьми прибыл на служение к Абага-хану. Государь из совершенной милости даровал ему жизнь, а шестерых эмиров, бывших поверенными его тайны, предал казни. Войско его он разверстал по сотням и десяткам и приставил к нему [Негудеру] стражу из пятидесяти человек монголов, и, говорят, он был заключен в Дарья-и Кабудан. Через год, когда [Абага-хан] разбил Борака, он был освобожден и стал бывать в ставке [Абага-хана], пока не скончался.

А Борак из спеси и отваги послал весть Тубшин-огулу: „Обеими-де сторонами правят законы родства. Луга Бадгиса были пастбищами отцов и дедов наших до Газни и берегов реки Синда. Ты должен очистить Бадгис, дабы там расположились мои соплеменники".[2] Тубшин ответил: „Эти владения принадлежат моему старшему брату Абага-хану, который есть хан Иранской земли, и он пожаловал их мне. Борак-аге не должно говорить необдуманных и несвязных речей и соблюдать свое место". Он отправил гонца к Абага-хану и оповестил об этом деле.

---

[1] A — *ийэ*; C, L, I — *??э*; B — *?э*.
[2] *хашам*.

Абага-хан на это ответил: „Это владение перешло ко мне по завещанию моего славного отца и составляет наш инджу. Ныне мы держим его мечом. Если Борак пойдет на нас, то мы тоже в силах его отразить, а если он ступит на путь согласия и мира, мы тоже последуем по стезе родственного единения". Когда Борак услышал такие вести, он вскипел, приказал собраться войскам и в полной готовности устремился в Хорасан.

Во время переправы через Джейхун он послал гонца к Кайду и в силу прежнего договора просил помощи. Кайду после совещания с эмирами Кипчак-огулом, сыном Кадана, сына Угедея, и Чапат-огулом, сыном Хуку, сына Гуюк-хана, сына Угедея, обоих с собственными их дружинами отправил [к Бораку] и сказал: „Когда Борак перейдет реку, то Тубшин-огул во что бы то ни стало поспешит на бой с ним. В таком случае вы найдите предлог и возвращайтесь обратно, ибо Абага-хан, чтобы отразить Борака, придет вскоре с такой ратью, против которой бессильна устоять гора".

Когда они прибыли к Бораку, то совещались наедине. К ним присоединился мелик Шамс-ад-дин Курт, и еще в десять раз больше подзадорил их к тому, что они задумали. Борак приказал, чтобы из других владений, принадлежащих Кубилай-каану и Абага-хану, угнали весь скот, да так, чтобы не упустили даже рабочих волов. Через реку Амуйе соорудили переправу, [Борак] оставил за себя в Кеше и Нахшебе своего сына Бек-Тимура с десятью тысячами всадников и перешел через реку. Когда он добрался до Меручака в месяцах лета 668 [1269/70], царевич Тубшин поджидал его прихода со своими эмирами. Сообща с Аргун-агой направились на бой с Бораком. Был [у них] некий тысячник по имени Сечекту, [который] отроду находился в зависимости от Кипчака. Когда он услышал, что прибыл Кипчак, он переметнулся, присоединился к Бораку и сказал: „Род[1] мой [принадлежит] Кипчаку". Его привели к нему [Кипчаку], и он по обычаю оказания уважения преподнес [ему] отборных арабских коней. Между тем Тубшин-огул ушел в Мазандеран и послал к его высочеству Абага-хану гонцов с вестью о приходе Борака, а Аргун-ага занялся устройством войска, и они стали поджидать прибытия знамен Абага-хана.

А на той стороне Кипчак приказал Сечекту, чтобы он преподнес Бораку несколько коней. На другой день в стане Борака эмир Джала- A214b
иртай сказал Кипчаку: „Борак пришел с несколькими тысячами войска S487
чтобы ради тебя разить мечом". Кипчак сказал: „Говори учтиво, что случилось". Тот ответил: „Хотя Сечекту зависит от тебя, однако зачем он столько времени не являлся. Ныне он прибег к могуществу Борака, а добрых коней, которые достойны Борака, забрал ты, а то, что тебя достойно, ты приказал поднести Бораку". Кипчак сказал: „Кто ты такой, что разговариваешь со мной запанибрата?"

Он ответил: „Я не слуга тебе, что ты меня спрашиваешь, кто я таков. Я слуга царю Бораку". Кипчак сказал: „Когда это карачу смел отвечать и спрашивать с члена дома[2] Чингизханова. Ты что же, собака, мне неучтиво отвечаешь"? Тот сказал: „Если я собака, то из Бораковых, а не из твоих. Знай честь, да свое место". Кипчак разгорячился и вскричал: „Ты мне дерзишь, я тебя надвое разрублю и ничего мне Борак-ага не скажет за тебя". Джалаиртай схватился рукою за кинжал и сказал: „Коли ты меня саблей, я тебе живот распорю кинжалом".

---

[1] *ӯджаур*.
[2] *ӯрӯг*.

Кипчак очень оскорбился, но Бораку ничего не сказал. [Кипчак] понял, что тот стоит за Джалаиртая. Очень разгневанный и оскорбленный, он вышел вон. От [места] пониже Меручакского моста, где стоял стан Борака, до становища Кипчака было около трех фарсангов. Кипчак отправился домой и рассказал о случившемся своим эмирам, и все они разозлились. Вечером он с отрядом приближенных поднялся якобы на охоту. Полагая, как бы Борак не покусился после его ухода на его обоз, он покинул там свой дом и уехал с двумя тысячами всадников. Жена же его по имени...[1] ночью послала к Бораку человека, что Кипчак-де из-за обиды на Джалаиртая ушел со своими войсками и неизвестно в какую сторону он подался. Борак этим обстоятельством опечалился, а люди его перепугались и призадумались, как бы, не дай бог, [Кипчак] не учинил им резню. Борак приказал собраться войскам и рано поутру отдал распоряжение своим братьям Му'мину, Ясару и Абачи-битикчию, чтобы они как можно скорее поспешили вслед за ним [Кипчаком] и когда они его настигнут, и он после увещевания вернется добром, тогда ладно, если же нет, задержали бы его каким ни есть способом, пока не подоспеет Джалаиртай, который пойдет вслед с тремя тысячами всадников, и не приведет его силой. Они все трое пустились в путь, и вслед за ними Джалаиртай с тремя тысячами всадников так, что между ними было не более фарсанга [расстояния]. Кипчак в ту ночь промчался десять фарсангов. Рано утром он спешился и пустил лошадей на траву. Поевши, он [снова] сел на коня и, в тревоге, ожидая войско Борака, сказал: „Коли мы будем спешить, лошади падут. Нужно итти медленно, потихоньку". На другой день близ Мерва их нагнали и послали к ним человека, что мы-де прибыли от Борака, остановитесь на миг, пока мы не передадим вам его слова, а там — как он [Кипчак] сам знает. [Кипчак] послал обратно известие: „У меня на Борака да на вас никакой обиды нет, [а] слов карачу стерпеть я не мог. Я как пришел с ратью своей, так и ухожу обратно и иду к Кайду-аге. Вы не трудитесь, возвращайтесь-ка назад, потому, что я все равно уйду". В это время подоспели Му'мин, Ясар и Абачи. Они обняли друг друга, заплакали и сказали: „Борак-ага нас послал [сказать], что Кайду прислал тебя и Чапата мне на подмогу, а ты, не услышав от меня ни одного слова, которое причинило бы обиду сердцу, вел речи с Джалаиртаем, и разгневавшись, не выслушав моего ответа, уехал, а я на завтра собирался его наказать. Я слышал, что ты ушел разобидевшись. Дабы я с Джалаиртая взыскал, как ты пожелаешь, нужно тебе вернуться обратно". Кипчак ответил: „Я не ребенок, чтобы меня провести красным словцом. Я пришел в силу ярлыка Кайду, а раз вы меня не захотели, то я и ухожу домой. Ставку и челядинцев я оставил там, пошлите их с миром вслед за мной, а если нет, то я взамен захвачу ваши ставки и [ваших] челядинцев". Когда они поняли, что он не вернется, они сказали: „Ну, раз ты уходишь, так у нас есть вино, поднесем тебе чару, да и повернем назад". Кипчак сказал: „Вино пьют в час беззаботный, а за вами без сомнения идет войско. Вы хотите занять меня вином, пока войско не подоспеет. Поворачивайте-ка лучше назад, а то я вас заберу с собою. Ежели даже все Бораково войско за мной погонится, меня оно не сумеет вернуть". Так
A215a как он заговорил строго, они подумали: „Не нужно, чтобы появлялось войско и он захватил нас в полон". На этом они закончили речи и вернулись обратно. Кипчак помчался как можно скорее и въехал в холмистые степи[2] [реки] Амуйе. В пору вечернего намаза Джалаиртай дошел

[1] A — *б?ай;* S, I — *??ай.*
чӯл.

до Му'мина и Ясара, и они рассказали обстоятельства. Он захотел двинуться вслед, но они сказали: „Кипчак вошел в чул, если ты даже S490
и настигнешь его, все равно ничего не сделаешь". [Но] он ради чести последовал [за Кипчаком], и они тоже согласились. Когда они добрались до края холмистой степи, он уже ушел, а их войско было непригодно. Вместе они повернули обратно, явились к Бораку и рассказали, как было дело. Борак челядинцев его отпустил с миром. Кипчак, когда [об этом] услышал, [тоже] людей их не тронул, однако захватил сыновей Ма'суд-бека, обижал их и беспокоил, и послал сообщение Абага-хану с известием о своем возвращении. После этого между Абага-ханом и Кайду установились обычаи дружбы, и они называли друг друга уртаками.

Когда Кипчак дошел до пределов Бухары, Бек-Тимур-огул сын Борака, прислал ему известие из Кеша и Нахшеба: „Я-де хочу глаза мои просветить свиданием с тобою". Но Кипчак не оказал внимания и проехал [дальше]. Когда он прибыл к Кайду, тот обрадовался и обласкал его.

После ухода Кипчака Борак держал Чапата под присмотром, а он поджидал удобного случая, пока Борак не отправился в Герат. [Тогда] он тоже со своей ратью бежал. Через два дня Борак получил уведомление [об этом] и устроил совещание со своими эмирами. Они сказали: „Мы пришли в Хорасан на войну и пока еще не встречались с врагом. Ежели мы двинемся вслед за ним [Чапатом] и ежели пошлем войско, то он [все равно] не вернется. Он непременно остановится для битвы, с обеих сторон войска будут побиты, и у нас с Кайду произойдет неприязнь. Кипчак и Чапат ушли своевольно. Отправим к Кайду гонца, что ты-де их прислал к нам, чтобы они поддержали нас во время битвы с врагом. Мы еще не добрались до врага, а они указу твоему изменили и своевольно ушли. Кайду прикажет с них взыскать". В таком смысле они отправили гонцов.

Когда Чапат дошел до пределов Бухары,[1] он на несколько дней расположился на берегу реки Херамкан.[2] Бухарские эмиры с Тазик-агой отправились к Бек-Тимур-огулу и оповестили его о приходе Чапата. Бек-Тимур-огул сказал Тазик-аге: „И ты с пятью сотнями славных всадников не сумел его отразить?" — Тот ответил: „Чапат из дома [Чингиз-ханова], а я карачу, как мне было с ним сражаться". Бек-Тимур воссел [на коня] и мигом помчался на Чапата. Тот бежал с десятью человеками и разрушил мост на [реке] Херамкан. Остальное войско его было побито. Войско Бек-Тимура преследовало его тридцать фарсангов, но не догнало.

Борак не счел [дурным] предзнаменованием бегство Кипчака и Чапата. Он поделил луговья между войском и приказал не ездить на лошадях, держать [их] в покое, чтобы они потучнели, а воинов занимать пиршествами и увеселениями, дабы они набрались сил, а ездили бы [только] на быках да на ослах. Йисуру он дал для пастбища Бадгис Гератский, а Маргаула, который был опорой и прибежищем того войска, поставил с ратью на дороге в Нишапур и Тус, чтобы он был его передовым отрядом в походе на Ирак, так как он был воякой и знал дороги. Сам он расположился в Таликане. В понедельник 26 числа месяца рамазана лета [6]68 [19 V 1270] войско Борака напало на Нишапур, произвело резню и грабеж и на другой день ушло. Борак назначил одного эмира для резни и ограбления [жителей] Герата. Кутлуг-Тимур сказал:

[1] В — доб. „и Самарканда".
[2] Так в тексте, известна как канал Херамкам.

„Такое дело далеко от правильного образа действия, потому что мелик Шамс-ад-дин Курт, который там правит, по этому поводу восстанет и по его жалобе вельможи Иранской земли станут нами гнушаться. Я сначала пойду и приведу его [сюда]".

Борак одобрил и послал его с пятью сотнями всадников с вызовом его [Шамс-ад-дина]. Когда он подъехал к Герату, Шамс-ад-дин Бабари[1] вышел навстречу с угощением и подношением.[2] Кутлуг-Тимур поехал в замок Хайсар мелика Шамс-ад-дина Курта и представил поручение Борака: „Мы-де пришли и захватили Хорасан и замышляем итти на Ирак, Азербайджан и Багдад. Ежели ты поднимешься нам на служение, то несомненно будешь окинут взором благосклонности и мы пожалуем тебе все Хорасанские владения". Мелик промолвил: „Слушаю и повинуюсь". Через два дня он отправился в сопровождении Кутлуг-Тимура и прибыл к Бораку. Он увидел преисполненное злобою войско. Все
A215b речи их [воинов] [были] дерзки, смелы и возбуждены резней и грабежом и [предстоящим] нападением на Тебриз и Багдад. Он ужаснулся их страшному виду. Борак пожаловал его разными особыми милостями и сказал: „Хорасанские владения я закрепил за тобой, а то, что я потом завоюю, я также вверю тебе". Тотчас же [Борак] спросил у него: „Кто в Хорасане богатые люди?" Мелик Шамс-ад-дин Курт был очень ловкий и смышленый и понял, что этот замысел причинит гибель могуществу
S489 Борака. Словом, [Борак] дал ему в нукеры толпу монголов и приказал, чтобы он отобрал у гератских богатеев имущество, оружие и скот. Мелик с разрешения удалился. Жители города вышли навстречу. Он рассказал о приказе Борака, [и] все отчаялись за жизнь и добро. В это время из Ирака пришла весть, что идет Абага-хан с бесчисленным войском. Мелик ушел в крепость и со спокойным сердцем стал ожидать прихода рати Абага-хана.

А с этой стороны Абага-хан со всеми братьями, кроме Тубшина, с эмирами и великими мужами царства, с безмерным войском устремился в Ирак и Хорасан. В воскресенье 4 числа месяца рамазана лета 668 [27 IV 1270] он выступил из ...[3] Миянэ из пределов Азербайджана. В эту пору взошли посевы. Из совершенной справедливости он постановил, чтобы ни одна душа не причиняла вреда даже одному колосу. Когда он достиг Шервияза, который называют Кунгуруланг, прибыл на служение гонец по имени Текечек, который ехал от его величества Кубилай-каана к Абага-хану, а его перехватил и удерживал Борак, [пока] он, улучив удобный случай, не бежал на десяти лошадях. Он доложил, как есть, о делах Борака и рассказал, что они все время забавляются вином и увеселениями, и лошади их не годятся, а о событии с Негудер-огулом ему неведомо. Абага-хан ускорил поход. Когда он миновал Рей, навстречу ему выехали царевич Тубшин и Аргунага и в Кумисе прибыли на служение [к государю]. Керманский султан Хаджджадж сопровождал их. Абага-хан всех отличил лаской и пожалованиями. Царевич Аргун-хан тоже удостоился целования руки и был обласкан. Оттуда они отправились на луговья Радкана и на том становище он роздал войску много дирхемов и динаров, а эмирам оказал почет и заверил добрыми обещаниями. Оттуда он двинулся в Бахарз и послал на разведку Кабарту-бахадура. [Этот] не сумел приблизиться [к противнику] и вернулся обратно. В другой раз он послал с остановки в Фарьябе

---

[1] A, I — *ббāрй*; S — *??āрй*; B — *тбāдй*.
[2] *бā тарīў пīшкаш*.
[3] A, S — *кӯ??д?ūл*; L — *бӯ?нд?л*; I — *нӯсд'ил*; B — опущ.

Тупчак[1]-бахадура и Никпей-бахадура с сотней всадников. Они показались перед ними [врагами], и те перехватили дорогу, чтобы они не могли вернуться назад. [Тогда] они бросились на них, многих перебили и невредимыми возвратились обратно и доложили об обстоятельствах, которые они разузнали. Абага-хан соизволил заняться приведением в порядок дел войска, о величине которого был стих в Коране. Юшумут-огула он послал на левое крыло, Абатай-нойона поставил в средней рати, а царевича Тубшина двинул к Пул-и Чакчиран, где был юрт Маргаула. Когда он [Тубшин] прибыл туда, то напал на дозоры Маргаула, часть перебил и разграбил его обоз. Маргаул удалился к Бораку и рассказал об обстоятельствах прихода войска. Борак сказал: „Ежели Тубшин и Аргун-ага опять пришли воевать, то это те самые, которых мы уже однажды испытали, а ежели это Абага-хан, то надо действовать иным способом. Ты ступай и прегради им дорогу, пока мы устроим войско".

Абага-хан направился к усыпальницам и местам паломничества и смиренно и покорно просил помощи у творца. Когда он дошел до Бадгиса, он послал к Бораку смышленого и красноречивого гонца: „Мы-де пришли из Ирака в Хорасан и облегчили [вам тем самым] перенесение тягот и лишений пути. Ведай доподлинно, что нельзя добыть царство мира гнетом и насилием, а только снисканием любви и уважения раʿиятов и соблюдением божеских повелений и запретов. Разумный человек считает нужным остерегаться и воздерживаться от дел, конец которых опасен, а ты ныне

Стихи

Зажег пожар и спалил города,
У кого ты научился [так] править миром.

Все таки ежели хочешь, чтобы между нами исчезли вражда и борьба, то выбери одно из трех: во-первых, — мир, дабы я дал тебе Газни и Керман[2]... до реки Синда, или, во-вторых, вернись с миром в свои края и города и не давай пути в сердце несбыточным мечтам, или, в-третьих, A216a приготовься к битве

Стихи

Или меч, что проливает кровь,
Или счастья огонь, что пылает высоко!"

Борак призадумался на время, потом сказал своим эмирам:

Стихи

„С угрозой предложил он мне три пути,
Гляди, дает наставление жаждущий мести. S492

Какой из этих трех путей вы изберете?" Йисур, который мнением и советом был первее среди эмиров, сказал: „Лучше мир, ибо Кипчак и Чапат повернули обратно. Кони [у нас] никуда не годные и плохие, а у них подходящие. Пойдем в Газни, пробудем там год, два, ибо оттого, что мы бросим войну, никакого позора на нас не падет. Абага-хан

[1] A, I — *тӯʔхāқ*; S, L — *ʔӯʔхāқ*; B — *тӯбджāқ*.
[2] За словом „Керман" следует неясное слово *ʔнйāн*.

великий государь и мир с ним для нас честь. У него много чего другого можно выпросить, потому что он все раздает". Маргаул от этих слов разгневался и сказал: „Не нужно в присутствии царей предсказывать беды и не следует на себя напускать страха. Где Абага-хан? Он вместе с ратью пошел на Миср и Сирию. Тубшин и Аргун-ага учинили этот обман и пустили молву об его приходе". А Джалаиртай сказал: „Мы пришли воевать, коли хочешь мириться, то лучше было [это сделать] в Мавераннахре". Бораку подошли речи Маргаула и Джалаиртая, и они согласились дать бой. Сопровождал его [Борака] некий звездочет по имени Джелаль. Он у него попросил открыть, какое выбрать время. Он промолвил: „Ежели ты повременишь с месяц, то для тебя будет лучше". Бораку не понравилось слово о промедлении, а Джалаиртай вскипел от гнева и вскричал: „Чего там еще придавать значение счастью звезд, особливо в такой час, когда сильный враг подошел близко". Маргаул тоже выразился в таком смысле и покончили на том, чтобы дать бой, а раньше выслать лазутчиков, чтобы они разведали, взаправду ли пришел Абага-хан или нет.

А у нас в Бадгисе Гератском пастбища для скота стали тесны. Абага-хан сказал эмирам: „Борак вышел на завоевание Ирака разгоряченным, а к битве быстро остыл, ни мира он не хочет, ни войны". — Абага-хан приказывал, чтобы разграбили Герат, но снова сжалился над ними и простил [им] их проступки, и гератцы воздели руки на молитву и просили ему победы и славы у всевышнего бога.

Он назначил эмира Догуза, чтобы тот выбрал хорошее место для битвы. Догуз выбрал широкое поле, которое было расположено у склона горы, перед которой [протекала] река, называемая монголами Карасу. Там он поймал трех лазутчиков. Схватив, он доставил их к его высочеству Абага-хану. Было приказано привязать их к шестам шатров и допросить с полным пристрастием. Один сказал: „Что бы ни было, я расскажу по правде. Борак ничего не ведает о приходе Абага-хана. Эмиры его сомневаются. Некоторые говорят: «Тубшин и Аргун-ага собрали рать и пустили молву, что пришел Абага-хан». Нас послали, чтобы мы разузнали настоящее положение и передали им". Когда Абага-хан осведомился об их [врагов] состоянии, он поразмыслил и очень тонко и разумно распорядился. Он вышел из царского шатра и призвал одного монгола очень ловкого и краснобая и с ним сговорился, чтобы он по образу гонцов отправился к ханскому двору и передал там те слова. Спустя часок, он возвратился обратно и по обычаю воссел на престол и с эмирами предался удовольствиям.

Когда прошло два часа от наступления вечернего мрака и государь и эмиры беседовали о Бораке, в ханский шатер вдруг вошел при оружии тот монгол, с которым [Абага-хан] сговаривался. Облобызав землю, он сказал: „Уже три месяца, как государь удалился из ставок, а со всех сторон царства поднялись мятежники и враги. Из Дербента Кипчакского пришла рать, подобная муравьям и саранче, и разграбила ставки и жилища эмиров. В тех краях она ничего не пощадила от резни и разграбления. [Все пространство] от Дербента до Армении и Диярбекра держит чужое войско. Ежели ты не поспешишь возвращением, то ты не застанешь ни ставок, ни улуса, ни ра'иятов". Эмиры, услышав эти слова, все поникли головой, опечалились и стали тревожиться за своих
A216b детей и дома. Абага-хан промолвил: „Хорошее дело мы сделали: охраняем Герат от врага, а владения, ра'иятов, ставки и челядинцев оставили в руках врага. Средство в том, чтобы сию же ночь повернуть
S491 обратно, дабы спасти жен и детей. А когда мы покончим с ними [врагами], то снова устремимся сюда отразить Борака".

Тотчас же пробили в литавры и двинулись в путь на Мазандеран с намерением в десять дней достигнуть до Тебризской области. Все то поле было полно шатров и больших палаток, и они их так [там] и оставили. [Абага-хан] при всех приказал одному эмиру казнить тех трех лазутчиков, а тайком сказал, чтобы он казнил двоих, а одного отпустил. [Тот] согласно этому и поступил. Выступив оттуда, они на другой день остановились в Дашт-и Чинэ [?],[1] которую еще раньше выбрали для места битвы. Он [Абага-хан] послал в Герат к казию Шамс-ад-дину Бабари гонца, что царский-де указ таков: „Завтра не выходите навстречу Бораку и ворот не отворяйте, дабы нам доподлинно стали известны ваша покорность и единодушие [с нами]". Лазутчик, которого отпустили, между тем схватил лошадь, сел верхом, пустился в бегство и от радости не вмещался в [своей] коже. Важно выступая, он вошел в приемный шатер Борака и уведомил его о положении Абага-хана, обрадовал доброй вестью и, ломаясь, в смешных выражениях рассказал о своем бегстве, захвате лошади и прибытии и сказал: „Сейчас на том поле нет никого, кроме шатров, палаток, кафтанов, шапок да поясов". Борак обрадовался, рассмеялся и сказал себе

Полустишие

То, что я вижу — наяву, о господи, или во сне?

и расспросил у лазутчика об устройстве, внушительности, отваге и могуществе эмиров и войска. Тот ответил: „Оружия[2] и лошадей у них много, но отваги в эмирах не слишком". Борак очень обрадовался доброй вести и обнадежился. Маргаул и Джалаиртай стали его поздравлять, и государь и войско передавали друг другу благую весть о победе и славе. Наутро они разом вскочили на коней, смело и отважно так, что горы и степь дрожали от их движения. Когда они подошли к городу Герату, Масʿуд-бек с немногими людьми помчался вперед и нашел ворота запертыми. Он потребовал казия Шамс-ад-дина Бабари, валия города. Тот явился и с крепостной стены приветствовал эмира. Эмир спросил о причине закрытия ворот. Казий ответил: „Абага-хан во время проезда вверил [мне] город и приказал: не отворяйте-де ворот врагам, и заставил [нас] слуг поклясться, а господину ведомо, что нарушение обета негоже и с клятвопреступника взыщется и в этом и в загробном мире". Масʿуд-бек сказал: „Благо ваше в том, чтобы вы отворили городские ворота и пропустили это войско с угощением, чем бог послал, и сейчас же доложили о вашей немощи и слабости. А то боюсь, как бы за эту дерзость вас не сглазило это мстительное войско и тогда раскаяние будет бесполезно". Они отказались, и Масʿуд-бек повернул назад и известил Борака о непокорности жителей Герата. Борак очень разгневался, но в избытке радости от бегства войска [Абага-хана] не обратил на это внимания.

Когда они перешли Гератскую реку, то увидали все поле полным шатров и палаток. Они очень обрадовались, все разграбили и расположились на южной стороне Герата и провели этот день в пиршестве и веселье. На другой день на заре они сели [на коней]. Когда они промчались два фарсанга, они увидели беспредельное поле, которое волновалось, словно безбрежное море, от множества дружин и войска. Радость Борака сменилась тоскою. Он остановился в стороне от реки Харивэ, на берегу Касару, и близ моста они разбили лагерь.

Абага-хан после остановки Борака, призвав эмиров, сказал: „Рассудительностью и находчивостью я поймал Борака в тенета. Теперь ради

[1] A — *джинэ*; L — *ẋ?э*; I — *ẋнйэ*; B — *ẋ?нэ*.
[2] L, I, B — доб. „и снаряжения".

жизни вашей и жен и детей [ваших], ради славы и в благодарность за старинные милости отцов и дедов наших, вам надлежит единодушно и дружно пойти на бой, выбросить из сердца раздумье и колебание и
A217a напрячь все силы, ибо пасть со славой и честью в битве лучше, чем позор и злорадство врага. Я так уповаю на бога, что ежели мы согласно двинемся на бой с Бораком, то его осилим и покорим и вернемся с победой и славой". Когда государь окончил речь, они разом воскликнули:

Двустишие

S494 Ты властелин, а мы рабы,
Твоему приказу и решению мы преклоняем головы —

и все дружно, без лицемерия, сели [на коней] и двинулись на бой. Абага-хан вверил правое крыло рати Тубшин-огулу с Самагаром и Хандунойоном, а левое крыло — Юшумуту, Сонтаю, Аргун-аге, Шиктур-нойону, Боролтаю и Абдаллах-аге. Войска Кермана и Иезда с султаном Хаджджаджем и атабеком Юсуф-шахом подчинялись войску Аргун-аги, а в средней рати, которую называют кул, он поставил Абатай-нойона и несколько эмиров.

Властолюбивый Борак, когда увидел подобное, очень смутился и сказал: „Чаяние наше было ошибкой, а предположение нелепо". Эмиры его ободряли. Маргаул сказал: „Раб [твой] эту рать разнесет одним ударом". Джалаиртай сказал: „А я с одной сотней сомну это войско и собью в кучу оба крыла и середину.

Двустишие

Я сегодня свершу такое дело в битве, без сомнения,
Что для знаменитых к концу придет время.

От твоего могущества бежали рати Кайду и Менгу-Тимура, это войско не сильнее их. Но плохо то, что лошади у них подходящие, а наши не годны и они перехватили нам путь к воде. Маргаул сказал: „Я сначала освобожу [от неприятеля] воды". С обеих сторон отдали распоряжение и построили ряды. Маргаул налетел справа и слева, наскакивал и откатывался назад. Вдруг один бьющий без промаха стрелок поразил его преисполненную злобою грудь стрелой из самострела.

Стихи

Когда наконечник стрелы поцеловал его пальцы. [1]
Он прошел до его спинного позвонка.
Небо сказало: да будет милосердие над той рукой,
Двести [раз] слава тому большому пальцу.[2]

Борак и [его] рать смутились смертью Маргаула и упали духом. Джалаиртай приветствовал его и сказал: „Я брошусь на это войско и обращу его в бегство", и, пустив поводья, ударил со своими всадниками на левое крыло, разбил Аргун-агу, Шиктур-нойона, Юсуф-атая и Абдаллах-агу и убил многих из их воинов. Он опрокинул их, а остатки пустились бежать, и Джалаиртай преследовал до гератского [города] Бушенга, почти четыре фарсанга. Когда он захотел повернуть назад, он не смог справиться с войском, потому что тысячи и сотни рассыпались.

А с этой стороны в средней рати стоял Абатай-нойон, и правое крыло точно так же стояло твердо. Когда левое крыло отступило,

[1] Т. е. когда стрелявший взял стрелу в руку, или, иносказательно, когда стрела подчинилась (целование руки) воле стрелявшего, т. е. бьющему без промаха стрелку.

[2] Большим пальцем правой руки, с насаженным на него костяным или роговым кольцом, захватывалась тетива при натягивании лука.

Абага-хан приказал Юшумуту принять влево, и снова войско выправилось и построилось как положено.

Джалаиртай испугался и бежал, а Борак отчаялся. Абага-хан в погоню за Джалаиртаем выслал Бука-Тимура, чтобы он убивал всех, кого захватит. Он кликнул клич войску и молвил: „Сегодня день славы или позора". Войско дружно, разом бросилось вперед, схватилось за сабли и копья и ударяло справа и слева. Сунтай-нойон, которому было девяносто лет, спешился, сел на стул между обеими ратями и сказал эмирам и ратным людям: „Ради такого дня мы пользовались милостями Абага-хана. Нет средства от смерти. Ежели убьют Сунтая, то убьют девяностолетнего старца, а ежели вы меня покинете, куда денутся ваши жены и дети от руки Абага-хана и потомков Чингиз-хана. Итак бейтесь мужественно, уповайте на бога, дабы он дал нам победу и славу".

Короче говоря, они бросились вперед и бились жестоко, пока на третьем натиске не разбили Борака. [Борак] отстал пеший, жалобно кричал и звал своих нукеров, но никто из воинов не обращал внимания на его слова. В конце концов один из телохранителей,[1] по имени Сали, A217b
его узнал, спешился, посадил Борака на своего коня и попросил у него S493
стрел. [Борак] вынул из колчана несколько стрел, бросил ему и уехал.

На другой день он добрался до своего войска. Те, что вышли живыми [из битвы], собрались вокруг него пешими и нагими, а из его родичей, кто спасся, переправился через реку и не останавливался. Войско Абага-хана нападало справа и слева и всех, кто попадался, убивало и забирало в полон. Хулкун, племянник Элькэ-нойона, прибыл с двумя тысячами всадников и изъявил покорность. Если бы не смелость и отвага Джалаиртая, ни одна душа из бораковцев не спаслась бы от смерти, потому что он собрал бегущих и провел их в пески Амуйе, а когда приближалось войско, он останавливался для боя и держался стойко до тех пор, пока бегущие не оказывались далеко впереди. [Тогда] он снова отправлялся дальше. Эта доблесть многих вывела и спасла от меча.

На том пути стоял разрушенный кушк. Толпа всадников укрылась там, и отряд наших воинов обстреливал их без пользы. Вдруг подоспело знамя Абага-хана, и он [Абага-хан] приказал, чтобы вокруг того кушка наложили безмерно дров. Их подожгли, и все они сгорели. После этого Абага-хан славным победителем повернул обратно. Хорасанские и Мазандеранские владения до берегов реки [Амуйе] он вверил своему брату Тубшин-огулу, обласкал ратных людей,[2] а с эмиров, которые бежали, приказал взыскать. Алинак в той битве совершил удалые подвиги и по этой причине стал уважаем и знаменит. Битва эта случилась в первый день месяца зи-л-хиджджэ лета 668 [22 VII 1270].

Рассказ о положении Борака после того, как он, обратясь в бегство, перешел реку, о разброде его подчиненных и дружины и конце его дела A218a S496

Когда Борак, обратившись в бегство, перешел реку, он растерялся и испугался, стал попрекать общество родичэй и обдумывал средство, как бы их наказать да покарать. В ту пору его разбил паралич, так что он не мог садиться верхом. Родичи и эмиры, которые были им напуганы, уходили от него каждый под каким-либо предлогом и отправлялись к своим

---

[1] *казāктанāн* = монг. *хэзиктэн*.

[2] A, S — *ахл-и хазāрэ* — людей (принадлежащих) к тысячам, т. е. к определенным войсковым соединениям; L, B — *ахл-и Харāт* — жители Герата.

жилищам. В том числе Ахмед-огул сын Бури, внука Чагатая, ослушавшись, пошел со своей дружиной в Бишбалык. Борак обиделся и сказал: „Что я сделал дурного этим людям? Они долгое время жили припеваючи под сенью моего могущества и сколотили громадные богатства. Посоветовавшись вместе с родичами и эмирами, мы перешли реку, и они постоянно говорили: пойдем-де сюда да туда. В день битвы они нарушили свое слово, бежали и покинули меня пешего среди врагов, а сегодня, когда со мною стряслась беда, [они] от меня отворачиваются. Ежели я выздоровею от этого недуга, куда они смогут деться?" Жена Борака, Ноке[1]-хатун, услышав эти слова, сказала Бораку: „Раз ты немощен, я сяду с дружиной на коня и, схватив Ахмеда, доставлю обратно".

Бораку эти слова придали бодрости. Он призвал эмиров и после совещания приказал Наулдару, одному из эмиров-тысячников, чтобы он отправился в погоню за Ахмедом в передовом отряде, а сам, сев в носилки, потихоньку отправился следом с большим войском. Через два перегона он услышал, что Никпей[2] сын Сарабана, сына Чагатая, ушел в Ходжент. [Борак] послал оттуда вслед за Никпеем Талику[3]-огула сына *Кадаки, сына Бури, сына Муатугэна, сына Чагатая[4] с войском. Когда он [Борак] приблизился к Чачу, то отправил послом к Кайду своего брата Ясар-огула и сказал: „Я-де при походе на Хорасан и Ирак пошел [туда] с великой ратью по совету Кайду-аги и на берегу Чакчирана[5] дал сражение Тубшину и мы победили. Кипчак по ничтожной причине разговора с Джалаиртаем, который у них случился за питьем вина, обиделся и прежде чем я их расспросил, он покинул ставку и палатку и отправился назад. Я послал вслед за ним для снискания расположения Му'мина, Ясара и Абачи, и сколько ни увещевали его и ни говорили, что вы, мол, пришли в силу указа Кайду-анды и негоже поворачивать назад, подойдя к врагу, он тех слов не послушал и не возвратился обратно. По этой причине войска наши упали духом. Когда мы пошли на Герат, Чапат тоже без причины повернул обратно и пошел вслед за ним. Я потому никого не посылал [за ним], что знал, что он не станет слушать увещаний и [дело] кончится сражением. По этой причине наше дело получило изъян.

Я повел рать и отправился в Гератскую область, а с той стороны подоспел Абага-хан со множеством войск. Хотя рать моя и пала духом от ухода Кипчака и Чапата, [все же] по необходимости нужно было дать бой. Когда мы сошлись, Джалаиртай разбил их левое крыло и обратил в бегство. В бою в Маргаула попала стрела, он был убит и войско было совсем разбито. Я упал с лошади и вся рать проходила через меня. Эмирам и телохранителям, которых я узнавал, я кричал, что я-де Борак, государь ваш, дайте мне лошадь, но ни одна тварь в такой час на меня не обращала внимания, и они бежали мимо. В конце концов один из караунов, по имени Сали, меня признал, сошел с коня, посадил меня и попросил стрел. Я дал ему несколько стрел и с тысячью усилий выбрался из круга врагов. На другой день, пеший и раненый, я добрел до войска. Вокруг меня собралась толпа. Одного из них я послал к Ноке-хатун с радостной вестью о своем здоровье и невредимости, что мы-де идем с пешим войском усталые, не нужно вам бежать, оставайтесь на месте до нашего прихода, да чтобы каждый из родичей, кто придет

[1] A—*нӯкā*; S—*ʔӯкā*; I—*тӯкā*; B—*тркā*.
[2] A—*нʔкʔāй*; *ннкбй*; S—*ʔʔкʔй*; I—*ʔʔкнāй*; B—*бӣктāй*.
[3] A—*тāлӣкӯ*; S—*ʔалбкӯ*; L—*ʔалӣкӯн*; I—*нāлӣкӯн*; B—*бāлӣкӯ*.
*[4] L—*қдāтӣ ибн ӯктāй*; I—*қдāқӣ ибн ӯктāй*; C—*кдāй ӯктāй*.
[5] В тексте — *Чӯқчӯрāн*.

до нашего прибытия, оставался на месте. Она [жена] и те, что были A218b
в обозе, обрадовались, там же остановились. [Ноке-хатун] выслала вперед S495
с эв-огланами все, что у нее было из оружия, еды и одежды. Кроме Джалаиртая с эмирами, которые ушли вперед, ни одна душа не вышла мне навстречу, а из родичей, [все] кто туда прибывал, не останавливаясь, уже переправились через реку.

Когда я добрел до Ноке-хатун и услышал о делах родичей и войска, я в гневе сказал, что когда-де доберусь до них, то каждому покажу, как увиливать. После того как я переправился через реку и дошел до обоза, родичи толпами стали приходить, [но] еще они и эмиры полностью не собрались, как меня разбил паралич. В таком [моем] состоянии Ахмед-огул, ослушавшись, направился в Бишбалык. Так как больше положиться было не на кого, я послал вслед за ним Наулдара, а сам, сев в носилки, потихоньку еду сзади, чтобы вернуть его обратно. В это время пришло известие, что Никпей-огул со своим обозом и войском отправился в Ходжент. Следом за ним я тоже послал Талику-огула с дружиной. Когда я прибыл в окрестности Чача, то отослал брата Ясара к названному брату[1] с уведомлением об этих обстоятельствах, чтобы названный брат подал мне помощь войском и я бы тех людей, что меня ослушались, схватил, а дружины их повернул обратно".

Когда Ясар прибыл к Кайду, он выполнил поручение. Кайду сказал: „В то время как Кипчак в обиде возвращался обратно, выяснилось, что когда [Борак] послал тебя, Му'мина и Абачи за ним, чтобы вернуть его добровольно назад, он [Борак] вслед за вами отправил войско, чтобы, в случае ежели он не вернется, оно бы его схватило и доставило обратно. Так оно или нет?" Ясар ответил, что никакого войска не было. Так как Кайду о гонцах Борака и об обозе Кипчака установил доподлинно ту суть дела, что [Борак] посылал следом за ним Джалаиртая с войском, то сказал Ясару: „От ваших неправедных сердец отвращаются родичи [и] дружины. И сегодня, когда он прислал тебя и просит у меня помощи, а я тебе задал вопрос, ты дал ложный ответ. Как же кто-либо вам поверит?" Ясар очень устыдился и призадумался.

После этого Кайду сказал: „Борак-анда бахвалился своей смелостью, говорил, что я-де сразился с царевичем Тубшином и его разбил и по этой причине Кипчак в обиде ушел обратно, пусть его изловят и приведут, а я заберу Хорасанское владение, чтобы пошла молва, что Борак-де своей ратью храбро захватил Хорасан. Затем, что нутро у вас дурное и лживое, господь предвечный дал Абага-хану счастье и победу, дабы вас поразить и изгнать из Хорасана со стенанием и позором. Когда вы пришли в этот край, вы между родичами своими учинили смуту и усобицу до того, что он слег недужным в носилки, сказав, я-де иду воевать. Он не понимает [того[, что он мог сделать, когда руки и ноги у него были здоровы и при нем было благоустроенное войско. Как же теперь Борак-анда без здоровья и войска, лежа немощным в носилках, захватит царство? А ты хочешь представить его лжесплетения правдивыми". И Кайду приказал, чтобы Ясара взяли под стражу.

Призвав своих эмиров и везиров, он держал совет: „Несколько-де лет уже, как Борак высасывает соки из наших владений. В ту пору, когда он пришел на войну с нами, он [нас] разбил, а Кипчак хитростью и обманом дал нам мир. Были даны согласие и клятва, что в другой раз мы не будем противодействовать друг другу и не будем измышлять уловок и козней. Мы скушали золота на том, чтобы он правил своим

[1] *анда*.

владением, а мы своим. Мы послали гонцов, чтобы они доставили налоги[1] с наших владений, и после того [еще] много раз посылали гонцов с требованием денег, но им не дали и их побили, а так как существовала клятва, то мы терпели до тех пор, пока он [Борак] не пошел в Хорасан и не попросил у меня помощи. С чистым сердцем я отправил Кипчака и Чапата с войском. Его он не уважил. Обидевшись на слова карачу Джалаиртая, [Кипчак] повернул назад и, бежав, пришел [ко мне]. Вслед за ним он послал войско, чтобы оно его изловило, но не удалось. Чапат тоже вернулся с обидой. Из страха пришел сюда его сын. Ныне он опять[2] на носилках, повел войско и начал усобицу и смуту с родичами. Брата своего Ясара он коварно прислал сюда и просит помощи. Коли мы ему дадим помощь войском, владения наши погибнут под
A219a копытами коней, а ежели мы не пошлем помощи, то он опять от нас
S498 убежит и с той малой дружиной, что у него есть, подастся в Бишбалык и объединится с кааном. Снова он учинит усобицу и поднимется на нас. Благо я вижу в том, чтобы мы удерживали его брата Ясара здесь, а сам я с двумя туманами войска сяду [на коня] и пошлю известие, что иду-де на подмогу Бораку-анде. Ежели до нашего прихода они дали бой, то, во всяком случае, одна сторона разбита. Ежели разбита сторона Борака, то я буду держать сторону его врагов, пока не покончат с делом Борака и мы не подчиним их себе и не позволим [им] выйти за пределы этой страны. А ежели он их разбил, то по необходимости дружины их перешли к нему. Когда мы туда придем, мы повернем Борака обратно и найдем путь лучшим способом его уничтожить и посадить на его место другого, а дружины его мы подчиним себе, чтобы этот раздор и усобица улеглись". Эмиры и везиры сказали: „Это есть правильное решение". После этого Кайду сел [на коня] с двумя туманами и послал известие — мы-де выслали несколько тысяч войска на подмогу, — а поход свой он держал втайне.

До прибытия Кайду к Бораку, Наулдар настиг Ахмед-огула. Сколько он ни посылал к нему гонцов, что ты-де царевич, а я карачу, и Борак меня отправил, чтобы тебя вернуть добром, а ежели не вернешься, я буду биться, лучше возвращайся, — Ахмед пребывал совсем пьяным. Сколько ни увещевали [его] инаки, что приспело, мол, много войска, нужно повернуть обратно, чтобы и он тоже отозвал войско, а когда протрезвишься, мы посоветуемся, — он не обратил внимания [на их слова] и не одобрил. Он нападал на Наулдара, а Наулдар отступал и говорил: „Он родовитый,[3] как мне с ним драться". Так как Наулдар сам обращался в бегство, то Ахмед возвращался, а Наулдар снова с дружиной шел следом. Глянул Ахмед и увидел, что Наулдар опять подошел, и спьяна ему почудилось, что свои же нукеры его схватят и предадут в руки Наулдара. Выбрав нескольких коней, он с личной охраной[4] отделился от дружины и бежал по бездорожью. Наулдар проведал [об этом], гнался за ним и пускал стрелы. Внезапно одна стрела попала Ахмеду в спину и вышла сквозь грудь. Он тотчас же отдал душу. Когда дружина увидела такое, она целиком покорилась и подчинилась, а Наулдар отправил к Бораку гонца с уведомлением об обстоятельстве.

А с другой стороны, Талику-огул, который следовал за Никпей-огулом, послал ему известие: „Постой-де, пока мы подоспеем, пойдем вместе". Никпей-огул счел его слова за правду и остановился. Наутро Талику набежал на него и обстрелял извне его дружину. В Никпея

[1] *амвāл*.
[2] L, I, B — доб. „больной".
[3] *урӯг*.
[4] *хассагийāн*.

попала стрела, и он погиб. Ставку его разграбили и войска его заставили повернуть обратно. Приспело известие, что Ахмед-огул убит рукою Наулдара. Так как Талику был родичем Ахмеда, то он бежал и направился в Бишбалык.

До прибытия этих сведений к Бораку и до присоединения к нему дружин Никпея и Ахмеда, подошел Кайду и известил: „Я-де пришел со стольким-то войском, куда следует итти?" Борак послал ответ: „Кайду-аханда, к чему было переносить такую дорогу. С делом Никпея и Ахмеда покончено, я возвращаюсь обратно, потому что больной. Пусть и Кайду-аханда тоже повернет назад [с тем], чтобы после выздоровления [нам] встретиться друг с другом". Кайду, когда услышал эти слова, сказал своим эмирам: „Наступает смертный час Борака, а он еще не оставляет коварства, хочет хитро уйти, нас не повидав". В ту же ночь он поднял все войска, окружил лагерь Борака и спешился, чтобы поутру сойтись и обдумать, как теперь лучше поступить. Весть об этом дошла до Борака, и он из страха от такого положения тою же ночью умер.

Рано поутру Кайду послал гонцов, чтобы они потребовали...[1] Из ставки Борака они услышали звуки плача и воплей и увидели, что телохранители[2] распустили волосы. Они поняли, что Борака не стало, вернулись обратно и уведомили Кайду. [Еще] до их прибытия приехали Мубарекшах, Чопай[3] и Капан, [которые узнали о происшествии с Бораком и о приходе Кайду]. Они представились, поднесли почетные дары[4] и отве- A219b
дали яств. Они приехали и в точности привезли известие. Кайду заплакал S497
в голос, заплакали вместе все сородичи, и Кайду послал нескольких из своих личных телохранителей к Ноке-хатун, передал соболезнование и сказал: „Мы-де здесь тоже сидим в печали". После этого Кайду приказал, чтобы его похоронили на высокой горе. На другой день пришли Мубарекшах, Чопай и Капан со всеми темниками и тысячниками, преклонили пред Кайду колени и молвили: „Отныне Кайду-ага наш господин, всему, что он прикажет, мы повинуемся и покоряемся. Борак при жизни притеснял нас и всех своих родичей и отобрал унаследованное и приобретенное добро. Ежели Кайду-ага нас будет опекать, то мы, пока живы, добровольно будем усердно служить ему. А ежели нет, то как знает, но только все мы останемся в полной растерянности, не зная, что делать". Кайду сказал: „Пусть тот, кто забрал ваше добро, вернет обратно то, что вы признаете. Раз вы меня желаете, то я тоже исполню то, что [относится] на счет сострадания и отдам вам ваше добро и владения". Потом, при выступлении, Мубарекшах забрал с собою все, что нашел в сокровищнице Борака из наличных денег и вещей. Две драгоценных жемчужины, что были в ушах Ноке-хатун, он извлек своими руками и взял [себе]. Весь его скот и все добро они поделили между собой, так что от них не осталось ни следа. Аминь.

Рассказ о возвращении Абага-хана с победой и славой с войны с Бораком, о прибытии послов от каана с почетными дарами и ханским ярлыком и вторичном восшествии его на престол

Когда Абага-хан разбил Борака и очистил Хорасанское владение от смуты и усобицы бораковцев, он так пошел назад в Ирак и Азербайджан, который был древней столицей, что в пути от такого [множе-

[1] Непереведенное слово *ӯркджӯт*; S — *урӯкджӯд*.
[2] *кезиктан*.
[3] L, I — *джӯбан*; B — *джнан*.
[4] *тикшимиши кардэ*.

ства] войск и челяди[1] ни одной твари не было нанесено ни на кончик волоса беспокойства, и в первый день месяца раби'-ал-аввал лета [6]69 [18 X 1270] он расположился в городе Мераге, а в четверг 20 числа того же месяца прибыл к [реке] Чагату, в ставки хатун. В ту же пору приехали послы от каана и привезли для Абага-хана ярлык, венец и дары, чтобы он стал вместо славного отца своего ханом Иранской земли и пошел по стезе своих отцов и дедов. В среду 10 дня месяца раби'-ал-ахыра лета 669 [26 XI 1270] соответствующего...[2] месяцу года лошади, он в другой раз, согласно указу ярлыка каана, воссел на царский престол в местности Чагату. Как установлено, они выполнили обряды поздравления и ликования. В те же дни приехали гонцы[3] от Менгу-Тимура с поздравлением с победой над Бораком [и] с разного рода подарками и подношениями соколами, сонкурами и шахинами. Абага-хан приказал, оказав им почет и уважение, отправить [обратно] и вместе с ними послал царские дары.

23 числа сафара месяца лета 669 [11 X 1270] он устроил охоту в округе Чагату. Случайно благословенная рука[4] его было повреждена рогом горного буйвола, лопнула жила и кровь не останавливалась. Курчан-ага, отец Тук-Тимура-эюдэчи, снял лук и, слегка натягивая, ударял тетивой по раненому месту, пока оно не распухло и кровь не унялась. Абага-хан его обласкал, Текечеку,[5] который в те два-три дня носил на себе его оружие и оказал добрые услуги, он выразил благоволение, возвысил его и сделал знатным. Так как раненое место распухло и стало как кисет, он по этой причине испытывал тягость. Великие врачи, [которые] присутствовали, не имели смелости вскрыть [опухоль], и [Абага-хан] лишался сил терпеть. Между тем учитель мира Насир-ад-дин Туси, 'да благоухает его прах', уверил эмиров, что ему от вскрытия не произойдет никакого вреда. Он приказал врачу-костоправу Абу-л-Иззу, чтобы он ее [опухоль] вскрыл и очистил, и тотчас же боль утихла. В течение недели [Абага-хан] избавился от этой хворости, и люди возликовали.

В субботу 8 числа месяца зи-л-хиджджэ 669 года [18 VII 1271] скончался царевич Юшумут, а после него в 4 день месяца сафара 670 года [12 IX 1271] отошел Текшин-огул. В последний день месяца раби'-ал-ахыра
A220a того же года жители Гирдекуха спустились вниз и сдали крепость.
В месяце джумада-л-ухра упомянутого года скончалась Йисунджин-хатун,
S500 мать Абага-хана. Ставку ее он передал Падшах-хатун. После того долгое время жители Иранской земли от справедливости и правосудия Абага-хана наслаждались миром и безопасностью и следили за выполнением обязанностей молиться за державу. Аминь.

Рассказ о прибытии некого Акбека на служение к Абага-хану, наборе [им] войска, чтобы разрушить Бухару, исходе этого обстоятельства и происшествии землетрясения в городе Тебризе

В лето 671 [1272/73] некий Акбек, который некоторое время со стороны Борака охранял крепость Амуйе и сторожил берег реки и от злодушия которого людям досталось много беспокойства, прибыл на служение к Абага-хану в местность Киту[6] и доложил: „Чужеземные рати,

---

[1] *хашам*.
[2] Пропуск в рукописях.
[3] L, I, B — доб. „из Дербента".
[4] S — „горло"; B — „шея".
[5] A — *ткхāк*; L — *ткджāл*; I — *ткджāк*; B — *кхāлӣ*.
[6] L, I, P, B — опущ.

которые приходят с той стороны реки, усиливаются Бухарой и направляются в эти края. Благо в том, чтобы те места разрушить." Абага-хан назначил в Бухару Йисудер-огула, который был правителем Хорасана после Тубшин-огула и приказал: „Ежели-де жители тамошние согласны покинуть родину и перейти в Хорасан, ты их не обижай, а ежели нет, то разграбь Бухару." Вместе с ним он отправил Никпей-бахадура, Чарду и Аладу с одним туманом войска.

Когда они прибыли в те края, они несколько раз свершили набеги на Кеш и Нахшеб, а затем направились на Бухару и расположились в окрестностях города. Ма'суд-бек был в ставке Кайду и в его отсутствие садр-и джехан ведал наблюдением за должностными и правящими лицами. У Акбека был слуга, урожденный бухарец, по имени Зирек, сын Лачина, большой нахал и смутьян. Его он отправил с монгольским нукером в город и возвестил: „Указ-де Абага-хана, чтобы покинули город, и с женами, детьми, добром и скотом вышли бы и отправились в Хорасанскую область". Беспутные люди и чернь[1] не послушали слов садр-и джехана, и его [Зирека] убили. Монгольский нукер вернулся обратно и донес Акбеку об убийстве Зирека, сына Лачина. Они сразу сели [на коней] и устремились к городу. Жители Бухары заперли ворота и бились целый день. Ночью садр-и джехан призвал городских вельмож и признал за правильное помириться. Акбек был сыном индиянки, внуком Таджад-дина Зирека. Одни ворота зависели от него [Тадж-ад-дина]. На рассвете он их растворил, и войско вошло в Бухару в арам-месяце года курицы, соответствующего первому числу месяца раджаба лета 671 хиджры [22|1273], и приступило к резне, грабежу и к захвату в полон и неволю. Они пустили по городу поток крови, подожгли медресэ Мас'уд-бека, которая была самой большой и самой благоустроенной из тамошних медресэ, и сожгли ее с драгоценными книгами. Одну неделю занимались они убийством и грабежом и в последнюю ночь хотели поджечь город, но внезапно прибыло несколько конных монголов и привезли известие, что Чопай и Капан, сыновья Алгу, сына Байдара, сына Чагатая, идут с десятью тысячами всадников. Акбек и Никпей выступили оттуда и с множеством добра, скота, рабов и пленных перешли через реку Херамкам. Рано поутру Капан, Буку[2] и Наку подошли с той стороны к берегу реки и подняли крик: „Вы-де почему учинили такое дело?" Эмиры ответили: „По указу господина твоего, Абага-хана, учинили, а вот-де ярлык его". Так как Капан не счел полезным переправиться [через] реку и ударить на них, потому что имел не более пяти[3] тысяч всадников, то потребовал от Акбека и Никпея подарков. Они отправили ему долю из добра и добычи, и он тоже повернул обратно и перебил всех уцелевших от меча. Было убито около пятидесяти тысяч человек. Прошло почти три года, а войска с обеих сторон [т. е.] Акбека, Капана и Чопая грабили и убивали, так что такой великий город и его окру́га были совершенно разрушены и в продолжение семи лет A220b
в том краю не было ни одного живого существа. Акбек, когда обогатился и укрепил себя этой добычей, захотел бежать и отправиться к Кайду. Один из его братьев пришел к царевичу Аргуну и донес об его замысле. Царевич послал гонцов, чтобы они, связав его, доставили и отправили к Абага-хану. Его допросили, а он не признался. Его били палками, он сознался и в местности у Гокчадениз его казнили.[4] S499

[1] *рунӯд ва авбāш.*
[2] A — *ʔӯкӯ*; L — *кӯкӯр*; I, P — *кӯкӯ*; B — *бкj*.
[3] A, S, L — „пятидесяти".
[4] В связи с этим событием в этом месте называет себя списатель рукописи S. См. предисловие, стр. 12.

В ту же пору 671 года [1272/73], зимою, в Тебризе случилось сильное землетрясение, так что вершины минаретов обвалились и множество домов было разрушено. В месяце зи-л-хиджджэ того же года умертвили Садр-ад-дина Рейского. Джанглаун-бахши, которого очень чтили монгольские цари и которому Хулагу-хан и Абага-хан оказывали полное уважение, скончался 19 числа упомянутого зи-л-хиджджэ [7 VII 1273], а в месяце зи-л-хиджджэ 673 года [V—VI 1275] на луговьях Радкана [близ] Туса умер эмир Аргун-ага и его там же похоронили. Аминь.

Рассказ о приходе Бундукдара в Рум, отъезде Абага-хана в те края, гневе его на жителей Рума, казни некоторых румских эмиров и Перванэ и поездке туда сахиб-дивана Шамс-ад-дина

В лето 674 [1275/76] Зия-ад-дин, сын Хатира и сын Перванэ с сотней людей из Румской области отправились в Сирию к Рукн-ад-дину Бундукдару и побуждали его к походу на Рум. Он [Бундукдар] в [6]75 году [1267/77] с полночисленным войском направился в Румские края и выступил по дороге на Абулустан через Абулустанские горы. На той границе сидели монгольские эмиры — Туку, сын Элькэ-нойона, брат его Урукту и Тудаун, сын Судуна, из рода сулдус, брат Сунджак-нойона, каждый с туманом войска. В пятницу 10 числа месяца зи-л-ка'дэ упомянутого года [3 VII 1267], соответствующего 12 числу онунч-месяца года быка, войскам случилось встретиться, и они дали бой. Была сильная стужа. Туку и Тудаун спешились и бились жестоко. После полудня монгольское войско было разбито, и немногие спаслись.

Бундукдар прибыл в Кайсарийю и пробыл там одну неделю. Он прочел хутбу на свое имя и вычеканил от своего имени монету. Продовольствие для них стало скудным, а Му'ин-ад-дин Перванэ находился в крепости Токат. Бундукдар отправил гонцов с приглашением его. Он приглашение не принял. Бундукдар казнил нескольких христиан и армян и повернул обратно. В пути на лошадей их напал мор,[1] и многие из того войска остались пешими.

[Некий человек] по имени Бокедей из нукеров Тудауна явился [к Абага-хану] и доложил отчет об обстоятельствах. Абага-хан очень разгневался и в тот же день выступил из столицы [своей] Тебриза. В месяце сафаре [6]76 года [VII (sic) 1277], что был весною, он устремился на Румские владения. Когда он дошел до Абулустана и Акчи, имели честь прибыть на служение Гияс-ад-дин и сахиб Фахр-ад-дин Исфахани. Когда [Абага-хан] в Абулустане увидел убитых, он опечалился, плакал по ним и очень горевал по Туку и Тудауне. В негодовании он приказал казнить часть туркмен, возбудивших смуту, и толпу румских сановников. Он приказал также, чтобы подвергли резне и грабежу некоторые области Рума. Сахиб Шамс-ад-дин Джувейни несколько раз выкупал города. Между прочим, они разграбили половину Сиваса, и сахиб Шамс-ад-дин доложил: „Справедливый царь-де за вину знати не казнит простой народ". Заступничество его было принято, и он [Абага-хан] простил им их вину, а Нур-ад-дин Черенги [?] и Захир-ад-дин ибн Худ были казнены.

Абага-хан хотел было пойти в Сирию, но был разгар лета [и] эмиры доложили, что будет-де более подходяще в конце осени и зимою.
A221a По этой причине он задержался и послал к Бундукдару гонца с угрозой и устрашением и сказал: „Вы внезапно, как воры, нападаете на моих караульных и дорожную стражу и небольшое число [их] убиваете,

[1] *тбмэ дар авардандд.*

а когда весть доходит до нас и мы садимся [на коня], чтобы вас отразить, вы по-воровски обращаетесь в бегство. Ежели вы решили противостоять и сразиться, то выходите в поле как мужи и стойте стойко. S502

Стихи

Выходи-ка взглянуть на острие моего копья,
Попробуй-ка отвести в сторону повод [моего коня]!
Коль ты гора, то рухнешь с подножья,
А коли ты камень, то не останешься на месте.
Где ты мог видеть ратных людей,
[Ты], который не слышал [даже] лая лисицы.

А ежели ты так и не выйдешь, то в начале зимы у моего войска твердое решение сразиться с вами, и во всяком случае, когда огонь нашего гнева доберется до Сирии, он до тла спалит у вас сырое и сухое, ибо древний бог отдал страны мира Чингиз-хану и его потомкам, а непокорных вождей привел в ярмо повиновения нам. Каждого, кто воспротивится избраннику счастья, того постигнет несчастье".

Бундукдар прибыл в Дамаск. До этого раньше он видел во сне посланника [божия], 'да будет ему мир и благословление', который дал ему меч, и в ту же неделю он воссел на царство. Теперь он опять видел его во сне и [посланник божий] сказал: „Вверенное нами тебе отдай обратно", — и отнял у него [меч] и передал мелику Мансур-султану Сейф-ад-дину Кала'уну, известному под прозванием Альфи.[1] Когда он проснулся, то понял, что [это] конец его жизни и [что] могущество перейдет к «Тысячному». Он призвал его и сказал: „Когда ты станешь султаном, уважь детей моих". В месяце зи-л-хиджджэ лета 676 [IV—V 1278] он скончался в городе Дамаске и его похоронили в медресэ, которую он там построил.

Абага-хан препоручил Рум царевичу Конкуртай-огулу с полночисленным войском, чтобы он оборонял его от врагов и разрушил крепость Токат и замок Куганийю, который был жилищем Му'ин-ад-дина Первана. В году быка, соответствующем лету 676, он вернулся обратно в Аладаг. В страхе и ужасе в ставку приехал Первана. Эмиры сказали: „С него-де взыскивается за три вины: во-первых, он бежал от врага, во-вторых, он не донес тотчас же о приходе Бундукдара, в-третьих, не поспешил прибыть на служение к [Абага-хану]". В конце концов вышел указ, чтобы его взяли под стражу. Когда вернулись гонцы от Бундукдара, [они рассказали, что Бундукдар] говорил: „Я-де пришел по просьбе Первана, потому что он пообещал, когда я приду в Румское владение, он передаст [его] мне, а когда я туда пришел, он убежал". Когда донесли эти слова Абага-хану, он приказал, чтобы его казнили. Первого числа месяца раби'-ал-авваль 676 года [2 VIII 1277] на летнем становище в Аладаге он был умерщвлен рукою Кучюк-Тугчи. 17 дня месяца раби'-ал-ахыра [17 X] упомянутого года [Абага-хан] послал сахиба Шамс-ад-дина в Румское владение для снискания расположения ра'иятов, укрощения врагов и управления страны. Сахиб отправился туда, восстановил благоустройство разрушенных городов и ввел в Румских владениях такую тамгу, которая там в обычае не была. Некий Кахреман скрылся в лесу близ Уруча [?][2] Румской области, и дороги от него были небезопасны. Сахиб-диван вместе с Кехюркей-нойоном и Араксуном выступил и сжег его вместе с лесом.

В месяце сафаре лета 676 [VII 1277] сириец Изз-ад-дин Эйбек, который бежал и вернулся сюда с десятью тысячами человек, был принят

[1] Тысячный.
[2] A — *авух*; P — *арӯх*; B — *арӯдж*.

и ему был пожалован в управление [город] Малатийя. Для прокорма его и его войска определили ежегодно пять тысяч динаров. Когда он прибыл в Малатийю, он палками выколотил из жителей тридцать тысяч дирхемов и снова бежал и отправился в Сирию.

Сахиб-диван, когда вернулся из Рума, направился в Дербент, к горе Эльбрус и в Легзистан и добрыми мероприятиями привел к повиновению те народы, которые ни в какие времена никому не подчинялись.

В понедельник 17 дня месяца зи-л-хиджжэ лета 678 [19 IV 1280], в час заката, в городе мира Багдаде, в Дар-и Сусиян [?], скончался ходжа Насир-ад-дин Туси, 'да благоухает его прах'.

Стихи

'Умерли добродетели и науки с его кончиной,
Да будет мир над добродетелями и науками'.

Рассказ о прибытии мелика Шамс-ад-дина Курта в эти края, его заключении в темницу и его кончине

A221b S501 Мелик Шамс-ад-дин Курт был из правителей Гура и человек способный, искусный и отважный. Во время прибытия Хулагу-хана в Мавераннахр он явился на служение, был принят благосклонно и назначен правителем Герата, Сабзевара, Гура и Гарчи. Когда пришел Борак, он несомненно с ним сговорился, потому что открыл врагу ворота Герата. Тубшин-огул несколько раз его призывал, он не принимал приглашения и на служение не являлся. По этой причине Абага-хан на него возымел обиду и в месяцах лета [6]74 [1275/76] хотел было отправить войско, чтобы его схватить. [Но] эмиры и сахиб-диван доложили, что Хорасан опустошен и передвижение войска не удастся, лучше притворной лаской его доставить [сюда].

Было приказано, чтобы отправился сахиб-диван, [но] он доложил: „Ежели будет указ, сын мой Беха-ад-дин Мухаммед, который в Ираке, выполнит это важное дело". В таком смысле был издан указ, и Беха-ад-дин, по совету гератского казия Фахр-ад-дина и Низам-ад-дина из Обэ, написал мелику Шамс-ад-дину: „Я-де сам хотел к тебе приехать, но по причине множества помех, счастье не споспешествовало. Хотя от благоволения и благосклонности [государя] ничего не осталось, придется [тебе] соизволить двинуться в путь". Счастливый сахиб Шамс-ад-дин, сахиб-диван, 'да благоухает прах его' тогда же посылает ему кыт'у, которая приводится:

Стихи

Блеск царства, царь Шамс-ад-дин Мухаммед Курт.
Ты весь, подобно ангелу, состоишь из души.
Горе, что постигло мою душу от разлуки [с тобой],
Сути его не постигнуть ни роду человеческому, ни единой душе.
В глазах моих, которым не объять обоих миров,
Пыль от твоего поезда стала сурьмою зрачка.
Какие мучения падут на слабое, печальное сердце,
Коль милостиво ты не потрудишься последовать сюда!
Моя находящаяся в равновесии природа отвернется от благополучия,
Коль, упаси боже, ты повернешь намерение.
Из ясного, тонковидящего твоего разумения воистину
Подобает так, что как прочтешь это письмо тоски,
Ты ветром намерения раздуешь огонь своего твердого решения,
Водою милости осадишь пыль, которой нет.

Упомянутые муллы тоже написали письма: „Ежели-де ходжа Беха-ад-дин с меликами, садрами и вельможами направится из Ирака в Герат, то мелику достойной услуги не выпадет, древняя честь исчезнет, и он

[Абага-хан?] позарится также и на Герат. Лучше без раздумья отправляйся [сюда]". Мелик Шамс-ад-дин тоже послал своего хаджиба по имени Беха-ад-дин и некоего Джемаль-ад-дина Харуна в сопровождении гонцов и возвестил: „Ходжа, ты-де не беспокойся и не утруждай себя, потому что раб [твой] сам вскоре предстанет на служение". Беха-ад-дин их обласкал и послал для мелика почетные халаты. Джемаль-ад-дин отбыл и побуждал [мелика] к отъезду. Он отправился в Исфаган. Беха-ад-дин оказал ему полный почет и полностью от себя приготовил ему царские подарки животными, одеждами и прочим. Через некоторое время он вместе с ним удостоился чести приема в ставке [Абага-хана] в Тебризе.

Так как Абага-хан был сильно разгневан, он не удостоил [Шамс-ад-дина Курта] вниманием. Шамс-ад-дин хотел было ловко и хитро вернуть его благосклонность, [но это] не удалось и его заключили в Тебризской крепости. Он жаловался на сахиба [Шамс-ад-дина] и на его сына, а когда понял, что они ему хотят отомстить, а родовые его жилища разграбили, то, как говорили состоявшие при нем люди, он с лапшой съел яду, который держал под камнем перстня, и умер в 676 году [1277/78] в том заключении. Когда донесли это обстоятельство [Абага-хану], было приказано: „Он-де человек хитрый и коварный и, возможно, прикинулся мертвым, чтобы, быть может, спастись. Пусть Хулкуту, эмир-оружейничий,[1] отправится, заколотит его гроб гвоздями и похоронит в могиле. Так [тот] и поступил.

В ту же пору поднялись айгаки [на] Ифтихар-ад-дина Казвини и доложили: он утащил много денег. Он уплатил пятьдесят туманов и не позволил, чтобы [дело] дошло до очной ставки. Почти два года он, обиженный судьбою, прожил в ставке и в 678 году [1279/80] скончался. Аминь.

Рассказ об охоте Абага-хана в местности Шахруд и бунтарском замысле тамошнего народа

A222a S504

В году свиньи, соответствующем лету 674 [1275/76] [Абага-хан] изволил зимовать в Арране. Однажды он воссел [на коня, чтобы выехать] на охоту. Когда он отъехал пять фарсангов от Шахруда, то стал в лесу охотиться на горных буйволов. Вдруг толпа людей, на вид как хищные звери, из тамошних жителей, с саблями и дротиками, поднялась со злым умыслом на повелителя рабов. Всадники налетели на них и бились [с ними]. В конце концов они разбежались. Было приказано привести областное ополчение[2] и их схватить. Когда войско собралось, хаким этого народа испугался и явился на служение ко двору [ильхана] с саблей и саваном, [но] к нему обратилась царская благосклонность и милость, и [Абага-хан] пощадил их жизнь. Аминь.

Рассказ о приходе войска негудерцев в Фарс и Керман и разграблении

Зимою 677 года [1278/79], соответствующего году барса, около двух тысяч конных негудерцев свершили набег на область Фарс. Булуган, бывший воеводой, Мухаммед-бек, состоявший в родстве с Махмудом Ялавачем, ...,[3] Шамс-ад-дин Тазику и эмиры Фарса выступили с войском, а негудерцы устроили засаду близ Кульбара. Повстречалась глубокая речка. Наджм-ад-дин, шул, сказал: „[Дальше] итти не стоит". Мухаммед-бек стегнул его кнутом и сказал: „Трус, ты чего пугаешь войско".

[1] *амӣр-и масāс.*

[2] *чарик-и вилāйāт.*

[3] A — *ʔӯʔнāқ, ʔӯʔʔāқ;* C, L, I — *тӯсāқ;* P — *ʔӯʔйāқ;* B — *ʔӯсāқ, тӯнйāқ.*

Наджм-ад-дин от этого гнева повернул обратно, а они перешли [речку]. Негудерцы кинулись из засады и все то войско перебили. Шамс-ад-дин Тазику́ и Булуган тысячью хитростей спасли жизнь. . .[1] и Мухаммед-бек были убиты. Негудерцы дошли до ворот Шираза. Они угнали лошадей из Баг-и Пирузи свершали набеги и грабежи вокруг города. До [6]98[2] года [1298/99] хакимом негудерцев был Абдаллах сын. .[3], внук Чагатая. После этого его вызвал Дува сын Борака, посадил [его] под стражу и послал на его место своего сына Кутлуг-ходжу. Он тоже в 700 году отправил в пределы Фарса войско и производил грабежи. Возможность такой дерзости он получил вследствие того, что величественные знамена Абага-хана[4] направились в Сирию, а этот край оставался не занятым [войсками]. Аминь.

Рассказ о выступлении знамен Абага-хана в Хорасан, прибытии с изъявлением покорности эмиров карауноов и походе царевича Аргуна в Систан

В первый день месяца мухаррама лета 677 [25 V 1278], соответствующего году зайца, Абага-хан соизволил двинуться из Тебриза в Хорасан, 3 числа месяца раби'-ал-аввал [6]78 года [14 VII 1279] он отправил царевича Аргуна с дружиною отразить негудерцев. Он дошел до Систана, осаждал [города] и вернулся обратно. С собою он привел Олджей-Букая, старшего сына Мубарекшаха, и других его потомков. 14 числа месяца раби'-ал-авваль того же года Абага-хан отправился в Герат, а в последний день того же месяца прибыли с изъявлением покорности эмиры карауны. 2 числа месяца раби'-ал-ахыра они на приеме выразили подданнические чувства, поднесли дары, а [Абага-хан] соизволил их обласкать и возвратился в столицу Тебриз. [Абага-хан] сказал: „Раз-де славный отец наш завоевал владение таких размеров, то, во всяком случае, надобно дать долю женам и сыновьям его". Он дал Кутуй-хатун область Маяфарикин, часть Диярбекра и область Джазиру — Олджей-хатун, Салмас — жене Джумукура, Нулун-хатун, и сыновьям его, Джушкабу и Киншу, и некоторые области другим сыновьям его, которые про-
A222b исходили от наложниц. Эмир Бука сын Хукулая-корчи из племени джа-
S503 лаир был [еще] ребенком, когда не стало его отца. Абага-хан ему покровительствовал и возвышал его, пока не дошло до того, что он стал большим инаком. [Абага-хан] вверил ему казну нарин[5] и вручил ему ал [-тамгу], и он сделался одним из старших эмиров.

В году дракона, совпавшем с месяцем сафаром лета 679 [VI 1280], скончался Абатай-нойон. Аминь.

Рассказ о начале доносов[6] Маджд-ал-мулька Иезди Абага-хану и падении дела казненного сахиба Шамс-ад-дина и брата его, 'да благоухает их прах'

В месяцах лета 677 [1278/79] со всех сторон поднялись айгаки, чтобы устранить счастливого сахиб-дивана Шамс-ад-дина, 'да смилуется

[1] См. прим. 3 на предыдущ. стр.

[2] B [6]78.

[3] A — *бухӣ*; S — *наджӣ*; C, L, I, P, B — *байдар?*: Кроме, того, в C, L, I, P слово „внук" заменено словом „сын".

[4] Либо дата 700 г. хиджры неправильна, либо вместо имени Абага-хана должно быть поставлено имя Газан-хана, как это сделано в C и L, где указывается обычный у Рашид-ад-дина титул Газан-хана *падшах-и ислам* — государь ислама, так как поход Абага-хана в Сирию состоялся в 680 г. хиджры и сам он умер в том же году. Ср. стр. 184.

[5] О казне „нарин" см. ниже: „Рассказ тридцать второй. О наведении строгого порядка в делах казнохранилищ и об устроении их дел", стр. 298.

[6] *айгакӣ кардан*.

над ним великий господь'. Одним из числа их был Маджд-ал-мульк Иезди. Отцом его называли Сафи-ал-мулька. Он служил иездским атабекам и некоторое время в Исфагане состоял при ходже Беха-ад-дине сыне ходжи Шамс-ад-дина, сахиб-дивана. Оттуда он перебрался на службу к ходже Шамс-ад-дину, 'да благоухает его обитель.' [Тот] ему оказал покровительство и два-три раза поручал ему [1] дела. Между прочим, один раз послал его для определения числа жителей Грузии и тех краев.[2] [Но] так как [Шамс-ад-дин] воочию не убеждался по наружному виду, стоит ли он доверия, то он не старался его поощрять и ему покровительствовать.

Когда Маджд-ал-мульк это понял, он, испросив позволение, отправился в Иезд и несколько времени пробыл у себя дома. [Затем] в другой раз оттуда явился на службу к ходже Беха-ад-дину и состоял при нем. Через [его] посредство ходжа Шамс-ад-дин, сахиб-диван, 'да сделает прекрасной господь его обитель', послал его за каким-то делом в Рум. Несколько времени он был там, а когда вернулся, то попрежнему состоял при ходже Шамс-ад-дине. Случайно однажды Маджд-ад-дин [сын] Асира, который был наибом счастливого сахиба Ала-ад-дина, 'да смилуется над ним бог', оказался ему попутчиком. В беседе он рассказал о могу-

---

[1] B — доб. „большие".

[2] A (позднейшей рукою на полях), C, L, I — доб.: „А рассказ о нем таков. Происходил он из рода везиров атабеков Иезда, и отец его был Сафи-ал-мульк. Он ездил два раза к его величеству каану и возвращался обратно с ярлыком и пайзой. Он был врожденным дабиром и человеком весьма красноречивым и способным. В то время, когда Имад-ад-дина Али Казвини посылали на должность багдадского хакима, он находился в ставке и вместе с ним отправился туда. Несколько лет он работал в Багдадских владениях и скопил значительное богатство. Когда туда дошла молва, что Имад-ад-дина казнили, он забрал то, что имел, и, выехав в Васит и Басру, морем отправился в Фарс. В море на него напали разбойники и утащили его имущество, а его задержали, отправили в Индию и заковали. Через продолжительное время он освободился, получил обратно некоторую часть тех средств и на них занимался торговлей. Однако позволения приехать в эти края он не получал. В конце концов он оставил там большую часть тех средств, бежал и прибыл в Иезд. Тамошние жители обрадовались его приезду, а атабек Кутб-ад-дин Юсуф-шах пожелал ему передать должность везира, но он отказывался. После настойчивых просьб он согласился на том условии, чтобы впредь при том дворе каждый исполнял назначенное ему дело и за его пределы не выходил. Атабек согласился, [чтобы] каждого из служилых людей всех разрядов он держал на своем месте, каждому поручал подходящую работу и управление главными делами свершалось бы по его усмотрению.

Согласно этому условию, выбрали день для его вступления в должность, и явились все вельможи. Водился такой обычай, что от атабека в собрание дивана приносили чернильный прибор и на золототканой скатерти ставили перед везиром, чтобы он при помощи его помечал царские грамоты. В тот день один из атабековых умывальничих, который был весьма дерзок и постоянно ходил на правах хаджиба, по прежней привычке и дерзости, которая у него была, попросил [разрешения] отнести чернильный прибор и скатерть и разложить перед везиром. Атабек упустил из вида заключенное условие и уважил его просьбу. Когда наступил избранный час, умывальничий вошел, разложил перед Маджд-ал-мульком скатерть и чернильный прибор и подал ему царскую грамоту, чтобы он [ее] пометил. Маджд-ал-мульк рассердился, швырнул грамоту, встал и в большом гневе вышел. В тот же час он направился в Исфаган и сказал: „Как можно управлять важными делами, когда при наличии стольких условий и обязательств [атабек] при первом же случае поручает важное, неотложное дело умывальничему?" Сколько [его] ни упрашивали, он не послушал и уехал.

В Исфагане он поступил на службу к Беха-ад-дину, некоторое время считался в ряду его приближенных и неотлучно находился [при нем]. Но поскольку он его [Беха-ад-дина] находил слишком самовластным и грубым и весьма расположенным к коварным хитросплетениям, он перебросился на службу к счастливому сахибу Шамс-ад-дину. Сахиб послал его произвести подсчет [душ населения] в Грузии. В короткое время он с тем делом справился так, что все изумились. В другой раз [Шамс-ад-дин] назначил его в Мавсиль и Диярбекр, чтобы он извлек налоги и привел в порядок владения. Справившись с этим весьма похвально, он возвратился обратно. Поскольку [Шамс-ад-дин] воочию наблюдал в нем следы совершенной способности и благоразумия"...

ществе и величии мисрского[1] войска и о множестве его вооружения и снаряжения. Маджд-ал-мульк за это ухватился, отправился к Йису-Букагургену и рассказал, что наиб брата сахиб-дивана, по совету и с согласия обоих братьев, заодно с мисрцами, которые являются врагами, что они осведомлены о всех их делах и постоянно ожидают, что оттуда придет войско в эти края, чтобы передать им Багдадское владение. Йису-Букагурген эти слова доложил на служении Абага-хану. Вышел указ, чтобы Маджд-ад-дина сына Асира, схватили. Его допросили об этих речах и в судебном допросе[2] нанесли ему свыше ста палочных ударов, но вина его не была доказана, и его выдали сахиб-дивану. Сахиб-диван простил то, что произошло из-за Маджд-ад-мулька и выдал на его имя грамоту на должность хакима Сиваса, а когда узнал об его бедственном положении и скудости его достояния, то пожаловал один балыш денег, камешек лала и берат к румскому сахибу на десять тысяч динаров на его имя. Так как Маджд-ад-мульк поступил именно так, он призадумался и стал искать совета. Для этого он стал состоять при Йису-Букагургене и постоянно старался и прилагал чрезвычайные усилия отомстить обоим сахиб-диванам и выжидал удобного случая,[3] до тех пор, пока Абага-хан в начале месяца зу-л-ка'дэ лета 678 [III 1280] не отправился в Хорасан. Когда он прибыл в Казвин и царевич Аргун выехал [ему] навстречу, Маджд-ал-мульк, при посредстве некоего Абачи из его приближенных, явился на служение к царевичу и доложил: „Уже более года, как раб [твой] хочет доложить несколько слов, так как нельзя довести [их] до сведения языком эмиров и приближенных. Ежели он так поступил бы, то сахиб-диван проведал бы и дал бы им всем взятку из государева достояния, чтобы они те слова держали втайне. Теперь я поразмыслил: раз-де эмиры продают государевы выгоды за услугу да взятку, то царевич своей выгоды не продаст. Потому то я явился и докладываю: сколько ни поступает в казну из владений, идет в пользу имений[4] сахиб-дивана, которые он приобрел из государева достояния, и неблагодарность его дошла до того, что он заодно с мисрскими султанами, а Перванэ румский по его совету был заодно с Бундукдаром, и Туку, Тудаун-бахадур и Урукту погибли из-за его вероломства. Брат же его Ала-ад-дин прибрал к рукам Багдадские владения, изготовил себе венец, украшенный самоцветными камнями, достойный государей, собрал безмерные сокровища и зарыл бесчисленные клады. Ежели государь соблаговолит к рабу [своему], я докажу на сахиб-дивана, что он купил на свое имя почти на четыре тысячи туманов имений из государевых средств[5], да еще имеет две тысячи туманов наличными деньгами, да стада и табуны, и ежели во всех сокровищницах, кроме того, что доставили из замков еретиков и Багдада, наберется тысяча туманов денег, то пусть я буду виноват и помру, затем что рабу [твоему] ведомы эти обстоятельства и он имеет сведения. Грамоту на управление Сиваса, балыш денег, камешек лала и берат на десять тысяч динаров он рабу [твоему] дал в уплату за молчание". Все это он [Маджд-ал-мульк) показал царевичу Аргуну.

A223a S506

Царевич эти слова доложил[6] на служении Абага-хану. [Абага-хан] промолвил: „Ты-де этих слов никому не говори, пока исподволь к тому

---

[1] P, B — доб. „государя и".

[2] *йаргу*.

[3] C начала абзаца до сих пор в C, L, I содержание изложено в иной редакции, с незначительными отклонениями от основного текста.

[4] *амлак*.

[5] *мал-и падшах*.

[6] C, L, I, P, B — доб. „наедине".

не будут сделаны приготовления". Когда Абага-хан вернулся обратно в столицу Тебриз, он перезимовал зиму в области Арран. В ту зиму были казнены мелик Рази-ад-дин Баба-и Казвини и Джемаль-ад-дин Хатти.[1] Весною того же года, когда [Абага-хан] прибыл в Шервияз, он однажды был в бане в рибате Мусаллям. Маджд-ал-мульк по предстательству эмира Тогачара[2] отправился в раздевальню бани и доложил [Абага-хану] то, что раньше говорил царевичу Аргуну и даже больше того. Абага-хан разгневался на сахиб-дивана и послал гонцов во все владения схватить и представить его наибов со счетными книгами, чтобы на служении его высочеству в [его] присутствии это обстоятельство было расследовано до мельчайших подробностей.

Сахиб-диван обратился за помощью к Олджей-хатун[3] и письменно показал, что все имения,[4] которые за это время куплены,[5] составляют собственность государя.[6] [Олджей-]хатун по этому показанию доложила об его деле, ходатайствовала, вернула благосклонность Абага-хана и спасла сахиб-дивана из этой пропасти. Разослали ярлыки, чтобы гонцы вернулись обратно и не трогали наибов сахиб-дивана.

Маджд-ал-мульк потерял надежду и написал записку.[7] „Раз-де государь оказал благоволение сахиб-дивану, он когда-нибудь раба [твоего] не пощадит. Раб [твой] надеется, что ты препоручишь его какому-либо эмиру, чтобы тот защитил его от его [сахиб-дивана] козней, или пусть будет издан указ, чтобы раб [твой] удалился из этого царства". Абага-хан промолвил в ответ: „Хотя я и оказал благоволение сахиб-дивану, Маджд-ал-мулька я не обвинил. Пусть он состоит при ставке да водится с Тогачаром, Чуши [?] и Урдукия". Маджд-ал-мульк стал рассчитывать на помощь и согласно указу, который был издан, неотлучно служил и сообща с Садр-ад-дином Зенджани поджидал какого-нибудь удобного случая, пока весною года...[8] соответствующего лету 679, не вышел указ, чтобы Маджд-ал-мульк Иезди был муширифом от берегов реки Амуйе до самого Мисра и сахиб-дивану [был бы] товарищем. Когда Абага-хан со всеми женами, царевичами, эмирами, столпами царства и придворною знатью находился в кумирне в Мераге, он приказал, чтобы[9] во всеуслышание прочитали этот ярлык. Все единодушно сказали: „Никогда-де монгольские государи не давали подобного ярлыка тазику". А Абага-хан молвил Маджд-ал-мульку: „Будь очень бдителен в делах царства, достояния, казны и сокровищ и обо всем осведомлен. Над всеми делами пусть стоят твои наибы, остерегайся хорошенько и ни в каком случае не отставай от ставки. Ежели кто покусится на тебя, тому я знаю как ответить".

Когда [Маджд-ал-мульк] нашел такое значительное покровительство, все его стали уважать, *и он приобрел полную власть; по этой причине[10] дело сахиб-дивана Шамс-ад-дина упало и, сколько он ни крепился, оно не было блестящим. Маджд-ал-мульк послал сахибу Шамс-ад-дину, 'да смилуется над ним бог', следующее четверостишие:

---

[1] C, L, I — *хтни*.

[2] P, B — доб. „и при содействии Садр-ад-дина Зенджани, который был его наибом".

[3] C, L, I — доб. „и просил защиты".

[4] C, L, I, P — доб. „и вещи".

C, L, I — доб. „куплены по полномочию его высочества и все они..."

[6] C, L, I — доб. „ибо куплены на его деньги, а у него [Шамс-ад-дина] и его детей никаких прав на них не имеется".

[7] *утук*

[8] Пропуск в рукописях.

[9] C, L, I — доб. „все преклонили колени и..."

[10] C, L, I, P, B — „и дворец его стал приютом и убежищем больших и малых людей".

Стихи

Я хочу окунуться в море твоего горя,
Иль потонуть, иль достать жемчужину.
Покушение на тебя опасно, но я хочу [его] свершить,
Или лицо обагрю [себе], или шею.

A223b А он в ответ на то прислал обратно это:

Стихи

S505 Так как не подобает судиться с государем,
То надобно переносить горести судьбы.
Это дело, к которому ты приступил, —
Им обагришь ты и лицо и шею.

Маджд-ал-мульк, когда увидел, что козни его не действуют на сахиб-дивана, обратился к его брату Ала-ад-дину и начал делать на него всяческие нападки. Был издан указ, чтобы его схватили, а Маджд-ад-дин ибн ал-Асир, который был его наибом, сидя против него на очной ставке, говорил: „От такой-то местности ты имеешь столько-то, а от такого-то лица — столько-то". Когда сахиб Шамс-ад-дин воочию увидел щекотливость дела, он известил брата: „Ты-де никоим образом не отрицай, чтобы не вышло затруднения, ибо говорят: 'Да не благословит господь достояния после того как получено возмещение'". Ала-ад-дин согласился дать сто туманов денег. После уплаты, как будет описано, с него потребовали еще больше и дошло до того, что его заковали в цепи и выставили на Багдадском мосту и мучили разного рода побоями и пытками, пока он не отдал всего, что имел. После того он продал даже своих детей. В конце концов дело его совсем испортилось, а степень Маджд-ал-мулька возросла. Аминь.

Рассказ о походе Абага-хана в Сирию, сражении царевича Менгу-Тимура с мисрцами и возвращении государя в обитель мира Багдад

Вследствие того, что сирийцы вторглись в области Рума и Диярбекра, делали набеги, опустошали владения мусульман, травили хлеба и возбуждали усобицу, Абага-хан рассердился на этих людей и твердо порешил итти в поход на те края. Охотясь, он дошел до Хабура и Рахбы Сирийской,[1] однако через Ефрат не переправлялся, и выслал с передовым отрядом брата своего Менгу-Тимура. Когда он дошел до Химса, он остановился, а Абага-хан расположился по эту сторону реки напротив Дейр-и Бир. Жители Дейра разбежались и было приказано их ограбить, сжечь крепость Залибийю и биться с рахбинцами. 29 числа месяца джумада-л-ахыра того года, что был годом 680 [15 X 1281], [Абага-хан] вернулся в Синджар и в половине месяца раджаба присоединился к ставкам в Махлябийи Мавсильского округа.

В четверг 14 числа месяца раджаба, соответствующего 17 числу токузунч-месяца года змеи [29 IX 1281], ратям случилось сойтись около Химса. Ряды [протянулись] почти на четыре фарсанга. Мазук-ага и дружина Хандукура были на правом крыле, а Алинак, Тайджу-бахадур и царевичи Хуладжу и Каранокай — на левом. Турки стали стрелять [из луков] и ранили некоторое число мисрцев и сирийцев. Алинак-бек напал на их правое крыло и гнал их до самого Химса. Они испугались этого нападения и разом все набросились на середину. Царевич Менгу-Тимур был еще отроком и не видел жестоких битв, и из старших эмиров распоряжались Текнэ и Доладай-яргучи. Они немного оробели и повернули обратно,

[1] *Рахбат-аш-Шам.*

а воины обратились в бегство. Много народу из монгольской рати погибло. Когда весть об этом дошла до Абага-хана, он очень разгневался на эмиров и сказал: „Летом, во время курултая, я взыщу с виновных, [а] в будущем году снова сам пойду туда и заглажу это дело". В воскресение 17 числа месяца раджаба [2 XI] он переправился через Тигр и расположился в Кушафе, а оттуда направился в Багдад. В воскресение 2 числа месяца ша'бана [17 XI] он расположился близ Мухаввала, а Маджд-ал-мульк прибыл в Багдад для получения трехсот туманов денег, на которые согласился ходжа Ала-ад-дин. То, что он имел, он сразу отдал до последнего, так что даже продал[1] детей, а после этого дал подписку,[2] что впредь, если у него найдется несколько дирхемов, он будет виновен. Абага-хан сжалился над ним и 14 числа месяца рамазана лета 680 [27 XII 1281] его освободили из заключения.

Маджд-ал-мульк в другой раз возымел на него злой умысел. Было A224a
приказано, чтобы он вместе с эмиром Тогачаром и Урдукия отправился S508
в Багдад и проверил отчетность ходжи Ала-ад-дина и получил бы с него тридцать три тумана, которые по счету остались за ним, а если он не уплатит добром, то отнял бы побоями да грубой силою. Так как ничего не было добыто, то приступили к пыткам и мучениям: его водили по городу и били. Аминь.

Рассказ о кончине Абага-хана в городе Хамадане, когда он возвратился из Багдада

3 числа месяца зи-л-ка'дэ лета 680 [13 II 1282] Абага-хан из столицы Багдада направился в Хамадан. Он прибыл в город Хамадан в среду 6 зи-л-хиджджэ [18 III] и расположился во дворце мелика Фахр-ад-дина Минучихра. Все время он предавался пиршествам и наслаждениям. В среду 20 числа месяца зи-л-хиджджэ лета 680 [1 IV 1282], соответствующего 21 числу икинди-месяца года...[3] после чрезмерного питья, за полночь, он вышел за нуждою. Изменяющий обстоятельства и предопределяющий смертный час[4] представил ему в воображении черную птицу, сидящую на одной из ветвей тех деревьев, что находились там. Он вскричал: „Что это за черная птица?" — и приказал корчию сбить ее стрелой. Сколько ни озирались, никакой птицы не нашли. Вдруг он закрыл глаза и в золотом кресле отдал нежную душу. В воскресение 16 дня месяца мухаррама лета 681 [26 IV 1282] в одной из местностей Мавсильского округа отошел и Менгу-Тимур. В ставках Абага-хана оплакивали покойного, и гроб с ним переправили в Шахутеллэ и похоронили рядом с великим ильханом, а славным потомкам своим он приказал долго жить. Аминь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АБАГА-ХАНЕ

Похвальный образ жизни его и отличные качества души. Прекрасные приговоры,[5] которые он изволил высказать. Рассказы о событиях, которые случились в его время из тех, что не вошли в две предыдущие части и стали известны порознь, из разных книг и от разных лиц[6]

---

[1] C, L, P, B — доб. „жен и".
[2] *мучилэ дадэ*.
[3] Пропуск в рукописях.
[4] Т. е. бог.
[5] C, L, P, B — доб. „наставления и речи".
[6] Текст 3-й части повествования об Абага-хане во всех рукописях опущен и непосредственно за приведенным заглавием следует повествование об Ахмед-хане (Текудере).

A224b
S705

О ТЕКУДЕРЕ, СЫНЕ ХУЛАГУ-ХАНА, СЫНА ТУЛУЙ-ХАНА, СЫНА ЧИНГИЗ-ХАНА. ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН СДЕЛАЛСЯ ГОСУДАРЕМ, ЕГО НАРЕКЛИ СУЛТАНОМ АХМЕДОМ,

а оно в трех частях

Часть первая. Рассказ о его происхождении, подробное перечисление его жен, сыновей, дочерей и внуков, которые доныне [от него] произошли, памятка об его зятьях и родословная его потомков.

Часть вторая. События, предшествовавшие его восшествию на престол, изображение его престола, хатун, царевичей и эмиров во время его восшествия. Летопись и рассказы времени его царствования. Памятка об усобице и событиях, которые в ту пору случились.

Часть третья. Памятка о похвальном образе жизни, душевных качествах, обычаях и привычках его. Некоторые рассказы, до него относящиеся. Достопримечательности и события его времени из тех, что не вошли в две предыдущие части и стали известны порознь от разных лиц.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ [ПОВЕСТВОВАНИЯ О ТЕКУДЕРЕ — СУЛТАНЕ АХМЕДЕ]

Рассказ о его происхождении, подробное перечисление его жен, сыновей, дочерей и внуков, которые доныне [от него] произошли и памятка об его зятьях

Ахмед — седьмой сын Хулагу-хана. Он появился на свет от Кутуй-хатун и у него было много жен и наложниц. Самая старшая его жена была Докуз-хатун из рода конкурат, после нее он посватал Ирмани-хатун, тоже из рода конкурат, после нее Байтегин дочь Хусейн-аги, после нее Тудаку-хатун дочь Муса-гургена, после нее Иль-Кутлуг дочь Киншу, мать Тугачак, которую по подозрению в колдовстве бросили в реку. Ее он посватал в пору царствования и возложил [ей на голову] бугтак. Под конец он взял еще Тудай-хатун.

А сыновей у него было трое в следующем порядке: Кабланчи, появился на свет от Ирмани-хатун, Арсланчи, его мать была также Ирмани хатун, Нокачир, его мать была наложница по имени Куркучин. Дочерей же у него было шесть в следующем порядке: Кучюк, она произошла от Докуз-хатун, и ее он отдал за Алинака. Вторая Кунчук, ее мать Ирмани-хатун, в настоящее время она жена старшего эмира Иринчина, сына Саручи. Третья, Чечек, тоже от Ирмани-хатун, ее отдали за Борачу, сына Дурабая,[1] который был эмиром Диярбекра. Четвертая, Саину,[2] тоже от Ирмани-хатун, ее отдали за Джандана,[3] сына Гиреяубурчи. [Пятая], Саилун, от Тудаку[4]-хатун, ее отдали за Карачу из эв-

---

[1] A, C, L — *дурба̄н*.
[2] S, C, L, Татарск. сб. — *ма̄йну*.
[3] S, L — *хнда̄н*; C, B — *х?да̄н*.
[4] S — *тӯра̄кӯ*; B — *тӯда̄кӯр*.

огланов ставки Урук-хатун. [Шестая] Кельтурмиш от наложницы по имени Конкурчин, ее отдали за Шадая сына Буку, который был темником. Теперь ее имеет Туган,[1] сын[2] Шадая. A225a S510

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О СУЛТАН-АХМЕДЕ

События, предшествовавшие его восшествию на престол, изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время его восшествия. Летопись и рассказы времени его царствования и памятка об усобицах и событиях, которые в ту пору случились

События, предшествовавшие его восшествию на престол

Когда Абага-хан скончался, жены, царевичи и эмиры оплакивали его у [реки] Чагату. Ахмед прибыл из Курдистана. До этого события с Абага-ханом Нарду-ахтачи, который был воеводой Тебриза, ездил по какому-то делу с вызовом царевича Аргуна, и он налегке прибыл в эти края. В это время отправили также Шиктур-нойона с приглашением его же. На четвертом переходе он прибыл на служение к царевичу, и царевич с немногими людьми примкнул к хатунам и царевичам в городе Мераге. Они преподнесли ему чашу по случаю поминовения отца. Бука неотлучно состоял при нем и приказал, чтобы зонтоносцы, конюшие, корчии и некоторые приближенные, которые служили лично Абага-хану, попрежнему постоянно находились бы при царевиче. Из старших эмиров [при нем] состояли Бука, Шиши-бахши, Доладай-эюдэчи, Чуши и Урдукия. После исполнения обрядов оплакивания, они отправились к [реке] Нагату. [Еще] до прибытия царевича Аргуна, присутствовавшие царевичи Текудер, Аджай, Конкуртай, Хуладжу, Тога-Тимур, Джушкаб, Киншу, Байду, хатуны и эмиры держали совет по делу о царстве и рассуждали: „Так как престол не занят, то как бы, да не случится, не получилось беды для дела государства до прибытия других царевичей". И на том совете Конкуртай, Хуладжу, Джушкаб и Киншу, а из эмиров Шиктур-нойон, Сунджак-ага, Араб, Асик и Кара-Бука с другими согласились, чтобы государем был Ахмед. А Олджей-хатун с эмирами, которые были при A225b
ней, желали Менгу-Тимура. Бука же и его брат Арук, Акбука и другие S509
приближенные Абага-хана говорили: „Царевич Аргун отличается от всех разумом, суждением, прозорливостью да строгим управлением, царствовать подобает ему"

В это время пришло известие, что царевич Менгу-Тимур умер, и насчет него успокоились. Кутуй-хатун тоже склонилась на сторону царевича Аргуна и хлопотала в этом отношении. В конце концов между ними появилось разногласие. Шиши-бахши был очень умный и способный эмир. Когда он увидел, что бóльшая часть эмиров склонилась на сторону Ахмеда, он сказал царевичу Аргуну: „Благо твое и наше в том, чтобы ты дал согласие на царство Ахмеда, дабы мы из этого собрания ушли подобру-поздорову". Так как при царевиче не было дружины, он по необходимости согласился. 7 числа учунч-месяца года овцы, соответствующего 26 числу месяца мухаррама лета 681 [6 V 1282], все эмиры, согласившись, закрепили царство за Ахмедом. Аргун через три дня повернул обратно из Аладага и выехал в Сияхкух. Он завладел казною отца, а Тогачар шел из Фарса и явился там на служение. Кутуй-хатун с царевичами, которые были согласны с нею, отправилась в Аладаг. Сахиб-диван Шамс-ад-дин находился на службе царевича Аргуна. Когда царство было закреплено за Ахмедом, Асик, бывший начальником ставки Кутуй-хатун, отправил [сахиб-дивана] и его доставили в ставку Ахмеда.

[1] C, L — *тӯғӯн*.
[2] S, B, — „брат".

В воскресенье 13 числа месяца раби'-ал-авваль лета 681 [21 VI 1282], соответствующего...[1] месяца года...,[1] как положено, они дали письменное обязательство.[2] Конкуртай взял Ахмеда под правую руку, а Шиктурнойон под левую, посадили его на престол и, по обычаю, который водится у монголов, они выполнили обряды поздравления и ликования. Так как он исповедывал мусульманство, то его нарекли Султаном Ахмедом. Аминь.

A226a S512 **Рассказ о прибытии царевича Аргуна к Ахмеду после восшествия его на престол, причине гибели царевича Конкуртая, достижении покровительства ходжой Ала-ад-дином Ата-меликом и расправе с Маджд-ал-мульком**

После свершения обрядов ликования, [Ахмед] приказал, чтобы представили сокровища, которые были собраны в Шахутеллэ, и роздал их женам, царевичам, эмирам и нуждающимся, а во всей дружине каждому дал по сто двадцать динаров.

Внезапно прибыл царевич Аргун с двумя-тремя тысячами всадников и стал укорять: „Ты-де почему не подождал меня с восшествием, дабы я тебя посадил на престол".

Ахмед оказал ему почет и уважение и своими руками подал ему двадцать балышей, которые сохраняли для него, а два балыша дал царевичу Байду. В те дни между Аргуном и Конкуртаем завязалась тесная дружба, и они в ставке Тукитай-хатун, которая была посредницей в этой дружбе, заключили союз. После этого между ними обращались гонцы. По этой причине Конкуртая убили, как об этом будет упомянуто.

Царевич Аргун, с позволения Ахмеда, уехал обратно из Аладага и 26 числа месяца раби'-ал-авваль [4 VII 1282] расположился в Сияхкухе и послал[3] гонцов в Хамадан, чтобы доставили находившегося в заключении Ала-ад-дина Ата-мелика и Маджд-ал-мулька. Покровителем Маджд-ал-мулька при Ахмеде был Йису-Бука сын Алтаджу-аги. [Маджд-ал-мульк] начал прежние козни против ходжи Шамс-ад-дина и опять ему чуть-было не был поручен верховный надзор во владениях. Сахиб Шамс-ад-дин прибег к защите Ирмани-хатун и под ее покровительством он приобрел прежнюю силу. Он подстрекнул некоторых людей, чтобы они доносили на Маджд-ал-мулька и рассказывали о нем правду и ложь. Между тем Маджд-ал-мульк послал известие царевичу Аргуну: „Я-де твой инджу, а сахиб-диван дал яду твоему отцу.[4] Так как ему ведомо, что я знаю об этом обстоятельстве и предуведомлен, то он покушается на мою жизнь. Ежели что случится, надобно, чтобы царевич знал". Племянник Маджд-ал-мулька по прозванию Са'д-ад-дин[5] узнал об этом деле.[6] Он был обижен им [Маджд-ал-мульком] и скитался по закоулкам. Толпа приспешников сахиб-дивана его соблазнила и привела на служение к сахибу. [Сахиб-диван] посулил ему должность мустовфия Ирак-и Аджама. И тотчас же этим утешил. Тот явился к Ахмеду и рассказал, что Маджд-ал-мульк с царевичем Аргуном заодно и отправил к нему на поклон гонца.

В конце концов вышел ярлык, чтобы имущество и утварь ходжи Ала-ад-дина Ата-мелика, которые у него отобрали в казну,[7] ему возвра-

[1] Пропуск в рукописях.

[2] *мучилгэ.*

[3] Из следующего ниже кажется более вероятным, что гонцов послал Ахмед.

[4] B — доб. „и умертвил".

[5] C, L — доб. „один из наибов Маджд-ал-мулька".

[6] C, L, P, B — „В те дни, вследствие того, что Маджд-ал-мульк его отставил от должности своего казначея по причине проявления [им] вражды (B — предательства)".

[7] *бар сабйл-и мусадарэ ситадэ анд.*

тили обратно, оказали благоволение и дали ему всякого скарба и товаров. Ала-ад-дин их представил и доложил: „Все то, что мы, братья, приобрели, полностью есть общее подаяние ильхана. Раб [твой] на этом курултае по обычаю пожертвования раздаст все", — и он дал знак, чтобы все разобрали.

Вышел указ, чтобы старшие эмиры Сунджак-ага и Арук допросили Маджд-ал-мулька. Среди его скарба нашли одну львиную шкуру. На ней было что-то написано желтым и красным неразборчивым письмом. Так как монголы очень чураются колдовства, то они испугались написанного, подвергли суду и много спорили вокруг него. Бахшии и шаманы говорили: „Этот талисман нужно обмакнуть в воду, отжать, да дать ему выпить [воду], дабы порча от колдовства вернулась в него". Маджд-ал-мулька заставляли это сделать, но он отказывался, вследствие того, что этот талисман изготовил шейх Абд-ар-рахман и подложил в его скарб. Он считал несомненным, что [тут] не без козней и коварства. После того как его признали виновным, Сунджак-ага не соглашался на [пролитие] его крови. Сколько убедительно ни просили, он не внимал. Вдруг у него заболела нога. Шейх Абд-ар-рахман навестил его больного и убеждал, пока он не согласился и не дал разрешения на казнь Маджд-ал-мулька. Вышел указ Ахмеда выдать его врагам, чтобы они с ним A226b расправились.

Когда распространилась весть об его выдаче, собралась огромная S511 толпа. Сахиб Шамс-ад-дин, 'да смилуется над ним господь', не допускал его казни и просил, чтобы ему простили. Ходжа Ала-ад-дин и ходжа Харун [его] убедили и ночью его [Маджд-ал-мулька] предали в руки черни, дабы его растерзали на части. В среду 8 числа месяца джумада-л-уля лета 681 [14 VIII 1282] он был убит в местности Аладаг и члены его разослали в разные стороны.

Ходже Ала-ад-дину Ахмед оказал благоволение и пожаловал ему Багдад, и он, после того как несколько времени был без занятия, туда не отправился,[1] а послал туда [своих] наибов для исправления должностей и дел. Аминь.

Рассказ о начале несогласия между Ахмедом и царевичем Аргуном, прибытии Аргуна из Хорасана в Багдад и обратном возвращении в Хорасан

Ахмед несколько раз посылал гонцов к Аргуну с просьбой прислать Букая, а тот всякий раз отговаривался. В конце концов он дал разрешение, и Бука, плача, отправился в путь. Когда он прибыл к Ахмеду, Кутуй-хатун оказала ему почет и уважение и надела на него кафтан из одежд великого ильхана. Он пребывал там и не приступал ни к какому делу, а царевич Аргун из Сугурлука направился в Хорасан. 4 числа месяца раби'-ал-ахыра 681 года [12 VII 1282] Ахмед обласкал Конкуртая, выдал за него Тукитай-хатун и с большой дружиной послал на охрану Румского края. 19 числа месяца раби'-ал-ахыра он вслед за ним отправил эмира Акбукая.

[Ахмед] очень почитал шейха Абд-ар-рахмана, так что называл его батюшкой, а ишана Менгли, который был мюридом Баби Я'куба, который проживает в Арране, своим братом. Он часто ходил в дом ишана, а дом ишана находился неподалеку за ставкой, предавался радениям дервишей с музыкой и пляской и редко занимался управлением и упорядочением

[1] C, L, P, B с небольшими между собой разночтениями повествуют, что Ала-ад-дин. „окрепнув через слабость", вновь отправился для исправления должности.

государственных дел. Его мать Кутуй-хатун, которая была очень разумной и способной, вместе с Асиком вершила дела владений. Хотя он стал государем стараниями и усилиями Шиктур-нойона и Сунджак-аги и Шиктуру дал зонт и оказывал ласку, он не много уделял им внимания. Между прочим, по указанию шейха Абд-ар-рахмана и сахиба Шамс-ад-дина он отправил послом в Миср мовляна Кутб-ад-дина Ширази, ученейшего [человека] в мире 19 числа месяца джумада-л-уля лета [6]81 [25 VIII 1282].

1 числа месяца мухаррама [6]81 года [11 IV 1282] эмир Али-чекибан,[1] состоящий под покровительством ходжи Ала-ад-дина, и Кутлуг-шах, сын его раба, прибыли на служение к царевичу Аргуну и доложили, что сахиб-диван послал кого-то к ходже Ваджих-ад-дину, чтобы тот дал царевичу [ядовитого] снадобья. Было приказано, чтобы ходжу Ваджиха схватили в Кучане, а дома его разграбили, [но] по заступничеству Булуган-хатун [Аргун] ему простил. 23 числа месяца джумада-л-ахыра...[2] года он его освободил и приказал, чтобы эмир Али неотлучно состоял при его высочестве, пока это дело не будет расследовано.

С намерением провести зиму он направился в Багдад, и в Рее милостиво пожаловал[3] мелика Фахр-ад-дина и попрежнему сделал его правителем этого владения. Когда Ахмед услышал весть об этом, он послал гонца, чтобы схватить мелика, доставить в Ширван и пытать разного рода мучениями. Царевич Аргун проведал [об этом] и послал известие эмирам и сахиб-дивану: „Мелика-де, отец мой, передал мне и я назначил его на тонкое дело. Что означают его мучительства и пытки? Ежели ему будет нанесен вред, мы вам за то отомстим. Наверное сахиб-диван полагает, что мы спустим то, что он содеял".

Когда царевич прибыл в Багдад, Наджм-ад-дин Асфар, наиб ходжи Ала-ад-дина, уже умер. [Царевич] сказал: „Я-де требую те недоимки, которые за Ала-ад-дином [и которые] были за ним при моем отце" Он схватил его наибов и челядинцев и стал с них взыскивать и тре-
A227a бовать. [Тело] Наджм-ад-дина Асфара вырыли из земли и бросили на дороге. Когда весть дошла до ходжи Ала-ад-дина, он очень рассердился и огорчился, на него напала головная боль, и по этой причине
S514 он скончался в местности Арран 4 числа месяца зу-л-хиджджэ 681 года [5 III 1283]. Вместо него управлять Багдадом послали Харуна сына ходжи Шамс-ад-дина. Царевич Аргун ту зиму пробыл в Багдаде. Десятитысячная дружина караунов, зимовавшая в Багдаде, а лето проводившая в Сияхкухе, принадлежавшая лично Абага-хану и состоявшая при его ставках, первые из царевичей Гейхату и Байду, а из эмиров Тогачар, Чаукур, Чинкутур, Доладай-эюдэчи, ...[4]-тотгаул, Чуши, Кунчукбал и другие телохранители и окольные[5] Абага-хана, — все они стояли за царевича Аргуна. Ахмед страшился их союза. [Аргун] назначил войско под предводительством Джушкаба, Арука и Курумиши, чтобы оно зимовало в Диярбекре и посредством него связь тех людей через Рум и Багдад была бы невозможной, а он мог бы быть в безопасности.

Весною царевич Аргун из Багдада пошел обратно в Хорасан. Царевич Аргун оставил при ставках Джушкаба и помянутых эмиров, а Урдукия и Бугдая-ахтачи взял с собою. Когда он прибыл в Рей, он сильно бил палками воеводу, который там был [назначен со стороны] Ахмеда, ущемил ему шею в рогатину, посадил на осла и отправил к Ахмеду. После этого он часто посылал гонцов с вызовом к себе сахиб-

---

[1] A — *дж?кӣ?ӑн*; S — *ҳкӣбӑн*; C, L — *джӣкбӣӑн*; P — *ҳӣкӣбӑн*; B — *ҳ?к??ӑн*.
[2] Пропуск в рукописях.
[3] *суйӯргӑмӣши*.
[4] A — *айхи* ; L — *а?хӯ*; C — *а?чӣ*; I — *а?джӣ*; P — *а?ҳӯ*; B — *ӣлчӣ*.
[5] *казӣктамӑн ва мулӑзимӑн*.

дивана по поводу отравления отца и требовал обратно личных своих челядинцев, которых удерживал Ахмед. По этой причине между ними пылал огонь усобицы.

Когда [Аргун] прибыл в Мазандеран, навстречу ему вышел Эмгачин-нойон с одним туманом войска. [Аргун] потребовал к себе Ханду-нойона, который с двумя туманами охранял берега Амуйе,[1] и сказал ему: „Мой-де отец при жизни меня вызвал [к себе] и я без дружины согласно указу отправился. Когда я туда прибыл, он уже умер, а дела перевернули вверх дном. Так как я не имел дружины, то поневоле пришлось дать согласие. Теперь, ежели вы, эмиры, меня поддержите, я ударами меча вызволю венец и престол отца из рук захватчика, а за старания ваши отблагодарю, и доброе имя наше будет греметь". Ханду-нойон ответил: „Хотя-де картина обстоятельств такова, как изволит говорить царевич, однако Ахмед старший брат, и ежели он в тех краях сделался ханом, то ты божьей милостью и благодеянием тоже правитель и государь в этих краях. Внемли слову этого старца и не противься ему [Ахмеду]. А ежели он нападет на тебя, тогда мы, рабы, пожертвуем свою жизнь и примем меры". В таком роде он его старательно увещевал, [но] царевич не соизволил послушаться. Ханду-нойон вернулся обратно и вследствие этого стал склоняться на сторону Ахмеда, потому что по происхождению[2] был из ставки Кутуй-хатун. Царевич же попрежнему был погружен в раздумье на этот счет.

Рассказ о происшествии с царевичем Конкуртаем и его гибели, походе Ахмеда в Хорасан и победе царевича Аргуна после состояния слабости

А с этой стороны Ахмед прибыл на летовку в Аладаг и послал шейха Абд-ар-рахмана послом в Миср, но его бросили в Дамаске в вечную тюрьму, и он пробыл в том заключении, пока не скончался. Ахмед вызвал Конкуртая под предлогом курултая. Тот по указу явился и неотлучно находился [при Ахмеде], но послал на служение к Аргун-хану [человека] из своих приближенных по имени Черик с диковинками из Румского владения и извинился. Аргун с полным почетом принял Черика и через него послал Конкуртаю двух охотничьих барсов. Когда Ахмед проведал об этом обстоятельстве, он совсем отчаялся в Конкуртае и стало так между ними, что присутствующие наблюдали следы гнева на их челах.

Пошла молва, что Конкуртай сговорился с Аргуном, что в день A227b
новогоднего торжества[3] он схватит Ахмеда и что в этом совете Кучюк- S513
Унукучи и Шадай-ахтачи с ним единодушны, и [что] некоторым воинам, вследствие его властной повадки, стало тошно, и они согласились с Конкуртаем, что схватят его [Ахмеда] и назначили ночь для совершения этого важного дела. Ахмеду стало известно об их соглашении. За день до новогоднего торжества, он отправился в дом Алинака, который был ему зятем, и побудил его к тому, чтобы он на другой день поутру пошел бы на Конкуртая и, схватив, доставил к Ахмеду. 26 числа месяца шавваля 682 года [18/1 1284] [Алинак] сказал Ахмеду: „Пусть-де султан успокоит свое сердце, ибо я и Аргуна точно так же доставлю на служение связанного по рукам". Ахмед оказал благоволение и полное покровительство Алинаку, возвысил его[4] и вверил ему войска. На другой день, в новогодний праздник в начале года обезьяны, с делом Конкуртая

[1] B — „Бухары и Амуйе".
[2] *ӯджāур*.
[3] *куйнкāмīши*.
[4] C, L, l, P, B — доб. „поставил эмиром над эмирами".

покончили в Карабаге Арранском. Выстроив ставку в круг,[1] они вершили суд шесть дней и казнили Кучюка-Унукучи и Шадая-ахтачи. Когда они свершили это дело, вышел указ, чтобы схватили Джушкаба, Арука и некоторых эмиров Аргуна, которых он оставил при ставках в Багдаде. Тогачара, Чаукура, Чинкутура,[2] Доладая, ...[3]-тотгаула, Чуши и Кунчукбала заперли в Тебризе, и они были освобождены при приходе Аргуна. Гейхату покорился. Они его отправили к Ахмеду. В пути он бежал от приставов и по дороге на Савэ направился на служение к Аргун-хану.

Ахмед назначил Алинака с войском на войну с Аргуном. Весть об этом изустно дошла до Казвина. Казий Рази-ад-дин уведомил рейского баскака, тот на улаге отправился в путь и на служении Аргуну доложил: „Конкуртая убрали, эмиров и приближенных его казнили, а старших эмиров заточили. Ахмед выдал дочь за Алинака и с полночисленным войском выслал его передовым отрядом на тебя, а сам пойдет следом".

В четверг 18 числа месяца мухаррама лета 683 [7 IV 1284] Ахмед посватал Тудай-хатун и отпраздновал свадьбу.

Он привел в строй свыше ста тысяч отборных всадников из монголов, мусульман, армян и грузин с полным вооружением, снаряжением и припасами и 9 числа месяца зи-л-ка'дэ 682 года [29 I 1284] отправил в передовом отряде Тубута, Алинака, Ясар-огула, Аджу-шукурчи, Газанагу, Эшэк-Туклу и Шадая сына Сунджака с пятнадцатью тысячами всадников. Через три дня выпал глубокий снег и вследствие трудностей из-за него Тубут и Ясар, бывшие впереди, запоздали [выступлением]. После этого Алинак с Ясар-огулом и Тогаем, молочным братом Ахмеда, выступили из Казвина в передовом отряде, доскакали до Верамина и захватили полностью триста ремесленных семей,[4] бывших в зависимости от Аргун-хана. Они разграбили их жилища и вернулись к войску.

Когда Аргун осведомился об этом обстоятельстве, он отправил гонцов в казнохранилище Гургана, чтобы представили все, что было в наличии, и послал в мастерские Нишапура, Туса и Эсфераина, чтобы поставили одежду. В течение двадцати дней в Адилийе Джурджанскую доставили много денег звонкой монетой, вещей, украшенных драгоценными камнями, драгоценных камней и одежды, и [Аргун] поделил их между эмирами и дружинами. Рейский мелик Фахр-ад-дин все переписывал. Упомянутый мелик таким образом надписал счет 'Памятка ценностям, розданным победоносным войскам'. Аргун вошел в казначейство, принял из его рук листы и, хотя не был знаком с персидским письмом, взяв перо, вдруг весьма красиво написал слово «мансур».[5] Кавам-ад-дин, везир Фарса, присутствовал [при этом]. Он подивился этому редкостному тонкому обстоятельству и доложил: „Раз-де слово «победоносный» сошло с благословенного пера государя, то это доказательство тому, что бог всевышний дарует государю победу".

На другой день из Рея прибыл гонец, что Алинак с нукерами и войском пришел в округ Казвина. Аргун сперва отправил в передовом отряде Улай-Тимура, следом за ним Эмгэчин-нойона, сам лично двинулся по дороге на Тамишэ, а Шиши-бахши оставил при обозах.[6]

A228a Ахмед с восемью туманами войска выступил из Билясувара в Мугане 8 дня месяца сафара лета 683 [26 IV 1284], а 13 числа того же месяца [2 V]

---

[1] *ӯрдӯ-рā кӯрāн бастэ.*
[2] A — *ҳнкӯтӯр;* C — *ҳкӯтӯр;* L — *ҳкӯқӯр;* I — *ҳӣкӯқӯтӯр;* P — *ҳ?қӯтӯр;* B — *ҳ?кӯр.*
[3] A — *«?джӣ;* S, L, P, B — *а?ҳӣ;* I, P — *айҳӣ.*
[4] *сӣçад ҳāнэ-и уэ.*
[5] Т. е. победоносный.
[6] *āгрӯҳā.*

прибыл гонец, что рать-де Аргуна появилась со стороны Таликана. Ахмед S: из окрестностей Ардебиля отправил Курумиши сына Алинака к отцу и наказал: „Ежели-де вас будет больше — бейтесь, а нет, так выжидайте до нашего прихода". Оставив при обозе[1] Эбугэна, он выступил из Ардебиля 18 сафара [6 V] и делал по два перехода.

Аргун послал гонца к Новрузу, чтобы он пошел следом с одним туманом караунов, находящимся под его началом, вызвал также Хандунойона с войском, а сам с шестью тысячами всадников устремился [вперед]. В окрестностях Хейл-и Бузурга разъезды сошлись друг с другом. Одного из дозорных Аргуна поймали и доставили к Алинаку. Его напоили допьяна, допросили и доподлинно выяснили положение. Тубут, Ясар-огул и Шадай-гурген, произведя смотр пятнадцати тысячам всадников, помимо одного тумана Аркасуна, сели [на коней] и в четверг 16 числа месяца сафара лета 683 [4 V 1284] обеим ратям случилось встретиться в окрестностях Акходжи Казвинского округа. Аргун, как разъяренный лев, набрасывался на войско, пока не перебил огромное множество. Они сражались от полудня до ночи и в конце концов Тубут и Алинак обратились в бегство и бежали от Джемальабада до окрестностей Абхара, почти десять[2] фарсангов. А с той стороны Аджушукурчи, Газан-бахадур и Эшэк-Туклу, из [племени] джалаир, напали на легкий обоз[3] Аргуна и захватили в добычу наджиб-хадыма с некоторой частью обоза. Аргун, сгоряча, потерял твердость и спокойствие. Он хотел было пуститься вслед за бегущими, но эмиры не увидели в этом добра. У Алинака была арабская кобыла, которая во время битвы бегала за ним, и когда его лошадь уставала, он садился на нее. В это время она испугалась, стала бегать по полю сражения и не замечала Алинака. Аргун признал кобылу и приказал, чтобы ее окружили. Эмир Новруз привел ее на аркане, и Аргун пожаловал ее ему, а Алинаку послал известие: „Я-де никогда не помышлял, что при твоей богатырской и молодецкой славе, ты повернешь вспять от этой малой рати и побежишь, а славную лошадь твою мы поймали словно осла. Ты бежал как горный баран от рыканья льва". Послав такое послание, он с одобрения эмиров оттуда повернул обратно.

Когда он прибыл в Техран, [что около] Рея, Эмгэчин-бахадур и другие эмиры пришли к соглашению, что когда-де придем к своему войску и обозу,[4] а с той стороны к нам примкнут карауны, то ежели рать Ахмеда двинется следом, мы дадим ей бой в окрестностях Кальпуша, что повыше Джаджерма. Так будет лучше, потому что мы будем у дверей дома, и лошади будут отдохнувшими. С этой мыслью они повернули обратно. Когда они дошли до Дамгана, то от караунов не нашли ни следа, так как [карауны] по дороге услышали, что рать Аргуна разбита. Поэтому они вернулись назад и по пути совершали набеги и грабежи. Когда Аргун достиг Бистама, он совершил паломничество на могилу царя познавших Абу-Язида, 'да освятит господь его великую душу'. В нужде он снискивал его благоволение и просил у всевышнего бога славу и победу.

А Ахмед прибег к защите шейха Баби и его сподвижников и просил у них поддержки. В конце концов знаки угоды богу каждого из них проявились.

---

[1] *āɪрӯқ*.
[2] Так в C, L, I, P, B; A, S — „два".
[3] *бӯнэ*.
[4] *āɪрӯқ*.

Стихи

Погибнет, несомненно, дело того,
Кто ищет прибежища у мертвого Баби.
Но расцветет дело того,
Кому помощь будет от Баязида.

В понедельник 20 числа месяца сафара [8 V] к Ахмеду прибыл гонец от Тубута и известил: „Мы-де бились с Аргуном. Он бежал, и множество из его войска мы, взявши в плен, ведем. Однако тыловой полк [1] до нас не дошел". В тот день они ликовали, а 23 числа месяца сафара [11 V] Ахмед в Шервиязе нагнал Тубута. Черик-Тимура сына Тугел-бахши, за приверженность Аргуну казнили. На другой день отправили в Рей Хуладжу-огула с одним туманом войска, и [Ахмед] приказал эмирам, чтобы все подписались [в том], что не будут преступать распоряжений Букая. Все согласились, за исключением Алинака. 28 сафара [Ахмед] выступил из Кунгуруланга, оставил Ирмани-хатун и ставки,
A228b а Сунжак-агу приставил к ней окольничим. Начиная от границ Казвина, воины стали убивать и грабить. В особенности грузинская дружина, пока
S515 не достигла Хорасана, мучила жителей разного рода истязаниями и все, что находила, тащила и воровала.

Аргун [-хан], когда проведал об их намерении, решил собрать разъединенные дружины. Легзи и Урду-Букая он отправил послами к Ахмеду. С просьбою о мире они прибыли в местность Акходжа и на другой день, заключив договор и условия, вернулись обратно. А послание Аргуна было таково: „Как-де я подыму меч против своего старшего брата. Никогда у меня на сердце не было несогласия с ним. Однако, когда пришел Алинак и, ограбив моих ремесленников [2], увел в полон, я поспешил его отразить, дабы освободить моих пленников. Из отчаянной смелости он повел на меня войско и мне пришлось с ним биться". Эмиры в один голос сказали: „Аргун твой сын,[3] а оба войска — одно. Погода стала жаркой и множество животных пало, лучше повернуть обратно, тем паче, что Аргун раскаялся в своем поступке". Ахмед не послушался [их]. На другой день ходжи Садр-ад-дин и Асиль-ад-дин, сыновья покойного ходжи Насир-ад-дина Туси, доложили, что по предзнаменованию светил в походе не будет добра. [Ахмед] очень разгневался и выбранил их. В среду 14 дня месяца раби-ал-авваль лета 683 [1 VI 1284] в деревню Сурхэ [близ] Семнана прибыли царевич Газан и Омар-огул, сын Негудер[4]-огула, а при них Нокай-яргучи и Шиши-бахши и гонцы Аргуна под видом посольства и снискания мира. На третий день в ответ на это посольство [Ахмед] из Рибат-и Ахыри отправил царевичей Тога-Тимура и Сукея и эмиров Букая и Доладая-яргучи. Содержание посольства [было] таково: „Ежели-де Аргун покорен, то пусть явится сам или пришлет Гейхату". Бука сказал: „Поскольку мы идем за миром, тебе не следует двигаться вперед". [Ахмед] ответил: „Я остановлюсь до вашего прибытия в Харакане, который является пастбищем".

17 числа месяца раби'-ал-авваль [4 VI] он выступил оттуда и на другой день прибыл в Дамган. [Город] разграбили, а жителей мучили разного рода истязаниями. 20 числа упомянутого месяца [Ахмед] прибыл в Харакан. Оттуда царевич Газан со спутниками возвратился обратно. В те два дня пришли с изъявлением покорности тысячник Чиргудай, его брат Йисудер, ширазский воевода Булуган и толпа кошчиев.

---

[1] *ақаджиғэ.*
[2] *ӯзӑн.*
[3] В действительности Аргун приходится Ахмеду племянником.
[4] A, S — Текудер.

[Ахмед] выслал вперед Алинака с дружиною и в среду 28[1] числа [14 VI] упомянутого месяца расположился в Кальпуше. В пятницу, в последний день месяца раби'-ал-авваль [17 VI], прибыл царевич Гейхату[2] с царевичами Тога-Тимуром и Сукеем и эмиры Бука, Новруз и Боралиги. Бука, когда увидел, что Ахмед не сдержал слова и не подождал, разгневался и отнес это на счастье Аргуна. На другой день, 1 числа месяца раби'-ал-ахыра [17 VI] [Ахмед] отправил обратно Новруза и Боралиги и в понедельник 3 числа [19 VI] выступил из Кальпуша. В эти два дня прибыли с изъявлением покорности Юла-Тимур[3] и Эмгэчин сын Сонтай-нойона. По причине промедления, Ахмед был недоволен Букаем и прочими эмирами и сказал Букаю: „Чье мнение было лучше, мое или ваше?" Бука сказал: „Слова государя были верны, — какое же мнение у нас, подневольных".[4] Ахмед сказал: „Когда мы прибудем на служение к Кутуй-хатун, мы там расскажем эти слова". Поскольку он говорил с угрозой, обидел Букая и на его место возвысил Акбукая, Бука стал еще более жаждать усиления Аргуна и [еще сильнее стал] привержен к нему. В воскресенье 9 дня месяца раби'-ал-ахыра [Ахмед] прибыл в Кучан и услышал весть, что Аргун заперся в Келаткухе.

А Аргун с Боралиги, Новрузом, Бугдаем-ахтачи и Тарабаем[5] ночью из Кучана направился в Келаткух. Наутро при нем оставалось не больше нескольких избранных вельмож. Аргун с Булуган-хатун ушли в крепость Келат, а Новруз, когда услышал весть о прибытии Алинака, преклонил перед Аргуном колена и доложил: „Лучше всего нам сей же час сесть [на коней] и, перейдя через реку Амуйе, отправиться к Коничи, а оттуда с его помощью обратимся к делу отражения врагов". Аргун не обратил внимания на эти слова, а Легзи, его жена, и жена Аргун-аги явились к Ахмеду с изъявлением покорности. Легзи сказал: „Ежели будет приказано, я пойду и приведу Аргуна". Ахмед дал разрешение. Легзи отправился с войском, напал на стан Кутлуг-хатун и разграбил их обоз[6]. Новруз поехал к нему, выговаривал и увещевал. Легзи дерзко выступил вперед, схватил поводья Новруза и сказал: „Я не допущу, чтобы ты вернулся назад. Тебе надобно A229a явиться к Ахмеду, чтобы служить ему". Новруз схватился за саблю S518 и промолвил: „Пока я жив, я не отрекусь от Аргуна. Я живот свой положу за его жизнь. Да будет ему счастье, ведь мир не остается неизменным.

Стихи

Пока ты [успеешь] повернуть перстень [на пальце],
События повернутся на сотню ладов.

Когда Легзи понял, что не достигнет успеха, он отпустил его и со всею казной явился к Ахмеду, а Ахмед из того добра дал ему обильную долю. Аргун как раз совещался в крепости с эмирами, когда прибыл Алинак. Аргун один спустился из крепости, приблизился к войску и позвал Алинака. Тот спешился перед строем, облобызал землю и промолвил: „Царевич мира, дядя твой жаждет с тобою свидеться". Алтай сказал: „Аргун приедет, чтобы повидать Ахмеда". Немедля [Аргун] с Булуган-хатун направился в стан Ахмеда и в четверг 13 дня

---

[1] B — 27.
[2] C, L — Газан; B — Аргун.
[3] A — *йулāтимӯр*; S — *?ӯлā??мӯр*; C — *?ӯлāтимӯр*; L — *бӯлāйтмӯр*; I — *бӯлāтимӯр*; B — *фӯлāд тимӯр*.
[4] *карачӯ*.
[5] A — *тāрбāй*; S — *тāр?āй*; C, L, I — *тāвтāй*; B — *тв?āй*.
[6] *бӯнэ*.

месяца раби'-ал-ахыра [29 VI] явился к Ахмеду. [Ахмед] его обнял, поцеловал в лицо, препоручил Алинаку и сказал: „Смотри за ним хорошенько, пока не прибудем к Кутуй-хатун и не спросим ее мнения". Алинак ответил: „Раз враг попался в руки, ты лучше сегодня же ночью его прикончи". Ахмед сказал: „При нем нет войска и средств, что же он может сделать", — и приказал, чтобы схватили Шиши-бахши, Кадана, Уртимур-кошчи и Боралиги. В пятницу 14[1] числа месяца раби'-ал-ахыра [30 VI] было выступление в обратный поход, а в субботу 15 числа [1 VII] празднество[2] Булуган-хатун и казнь Уртимура-кошчи, Никпея-кошчи и брата Каджара-ахтачи по причине приверженности [их] к Аргуну. Так как Ахмед питал склонность к Тудай-хатун, он оставил Алинака для охраны, царевичей во главе войска, а сам с приближенными в воскресенье, 16 числа месяца раби'-ал-ахыра [2 VII] вознамерился отправиться в обоз.[3] Бука доложил: „Поскольку Кипчак-огул из рода Джучи-Касара просил разрешения сватать за себя [мою] дочь, а между нами дружба и союз, то я хочу, согласившись, его угостить". Ахмед сказал: „Да, следует", — и по этому поводу задержался.

А Аргун печальный и унылый оставался в руках приставов. Булуган-хатун его утешала и говорила: [Ночь чревата]. Эмир Бука возымел желание, отплатив за благодеяния Абага-хана, устроить дело Аргуна и передать ему царство. Сначала он уломал Йису-Бука-гургена, Арука и Курумиши, которые были его родственниками, затем договорился с Текнэ, а потом Аркасун-нойону сыну Коке-Элькэя и каждому эмиру в отсутствии других говорил: „Ахмед с ближними своими Сукеем, Тубутом,[4] Алинаком и Эбугэном совещался, что как только покончит с делом Аргуна, то в области Эсфераина перебьет также всех эмиров. Раз так, то что же будет, ежели мы нынче, когда подвернулся удобный случай, не устроим свое дело". Арук, состоявший при Джушкабе, сказал: „Слова эти истинны, потому что Курумиши, сын Хандукура, приходил и сообщил, что в день празднества с Булуган-хатун [Ахмед] такие же речи говорил Алинаку и своим нукерам". Бука и Арук довели об этом [до сведения] Джушкаба, а Текнэ [до сведения] Хуладжу и Букая. Эмиры предложили: для выполнения этого дела со стороны царевичей[5] предводителем пусть будет Хуладжу, а они сказали: „Со стороны эмиров глава — Бука". Все согласились, что не будут выходить из повиновения его слову. Аркасун-нойон тоже присоединился со своим туманом.

Алинак, обретя победу, из гордости и тщеславия день и ночь предавался увеселениям и не помышлял о превратностях судьбы. Эмир Бука призвал Эмчека, одного из приставов Аргуна, по-монгольски взял с него клятву, что он не разгласит тайну, которую ему поведает, и сказал: „Скажи Аргуну, чтобы он сегодня ночью хорошенько ублаготворил Алинака, да дал бы ему с нукерами побольше вина, а сам оставался бы трезвым". Затем он послал к Аргуну за этим же делом Боралиги, который был его молочным братом, и сговорился с Аруком и Курумиши напоить до бесчувствия Карабукая[6] и Тайтака. Сообща они устроили пир и призвали Алинака. Тот сказал: „Сегодня ночью мой черед караулить в охране Аргуна, мне нельзя забавляться вином". [Тогда] охранять его

---

[1] C, L — 4.
[2] *тӯй*.
[3] *ӑйрук*.
[4] C, L, I — Каранокай; B — *карāӷӯӣай*.
[5] Букв. „сыновей".
[6] В рукописях кроме B — Каранокай.

обязался Джушкаб. Алинака втянули в попойку и в час вечернего намаза он мертвецки пьяный заснул. Ночью Бука с тремя всадниками, якобы из предосторожности, поехал в оцепление и одного потихоньку послал A229b в шатер, чтобы он разбудил Аргуна и сказал: „Вот-де Бука из верности S517 к тебе, объединив царевичей, эмиров и дружины для славы твоей, явился, чтобы тебя увести". Аргун слова эти счел за хитрость и немного растерялся и испугался. Человек тот поклялся, что говорит правду и никакой опасности нет. Аргун вышел из шатра, увидел Букая и спросил: „Что это за мятеж?"

Стихи

Сказал: «Счастье тебе стало другом,
[А] счастье врага поникло головой»

— и он посадил Аргуна [на коня]. Когда они доехали до третьего оцепления, один монгол сказал: „Вас въехало четверо, а выезжает пятеро, что это значит?" Бука ответил: „Нас было пять всадников, вероятно глаза твои были заспаны, а всадники все вместе разом въехали, ты ошибся". Монгол сказал: „Похоже, это было так". Все они благополучно проехали и направились к жилищу Букая. Аргун надел оружие и сел на арабского коня. Сначала поехали по голову Алинака и убили его в шатре. Эмир Али, тебризский тамгачи, из окольничих Букая, поднял полог шатра и, отрезав голову его от туловища, выбросил наружу, в ночь на вторник, 18 числа месяца раби'-ал-ахыра 683 г. [4 VII 1284]. В ту же ночь они послали Аркасуна гонцом к Хуладжу и Текнэ в Ширкух, что мы-де убили Алинака и Тайтака, вам надобно убить Ясар-огула и Эбугэна. Хуладжу питал неприязнь к Ясару. Он удушил его тетивою лука, а Эбугэна взял под стражу. В ту ночь схватили Карабукая сына Алтачуя-битикчи, Тайтака и Тубута с несколькими другими, а на другой день некоторых казнили, а некоторых отпустили. Аргун, который с вечера еще был пленником, наутро стал царем всей земли.

Когда это приключилось, Ахмед еще не доехал до Джурбуда и не присоединился к ставкам и к Тудай-хатун. Его сопровождал царевич Киншу, а из эмиров Эмгэчин, Акбука и Легзи. В полдень к нему прибыл кто-то из тысячи Тайтака и рассказал обстоятельства. Ахмед, посоветовавшись с эмирами, повернул обратно с намерением биться. Вдруг приехал человек от Мазука-кошчи и сказал ему: „Всех твоих приверженцев перебили. Против тебя злоумышляют скопом. Дело зашло дальше того, чему можно помочь. Ежели ты имеешь силу и возможность — беги, спрячься". Ахмед обратился в бегство. Когда он прибыл в Кальпуш, он на миг уединился с Тудай-хатун и 19 числа месяца раби'-ал-ахыра лета [6]83 [5 VII 1284] пустился в бегство из окрестностей Эсфераина. В пути ему повстречался Юла-Тимур, шедший со своими приверженцами из Мазандерана. Он преградил им путь, перебил их и направился в области Кумис и Ирак.

После того как царевичи и эмиры убили Алинака, они послали исфаганского воеводу Борая [?] оповестить находившийся в окрестностях Сияхкуха туман караунов, чтобы они сели [на коней] и захватили Ахмеда. Они отправили вслед за Ахмедом монгола по имени Черик, бывшего начальником ставки Конкуртая, с четырьмя сотнями всадников, а следом за ним отправили Доладая-яргучи еще с четырьмя сотнями всадников. Они так преследовали Ахмеда, что повсюду не успевал он выступить, как наезжали они. Когда Бора приехал к караунам, они тоже разом сели верхом и отправились на Ахмеда. В понедельник 24 дня месяца раби'-ал-ахыра [10 VII 1284] в Харакан

на служение к Аргуну прибыли Хуладжу и Киншу. Эмира Акбукая, ставшего инаком Ахмеда, на которого Бука был сердит, схватили.
A230a Царевичи и эмиры держали совет насчет царства. Бука склонялся [на сторону] Аргуна, Арук [на сторону] Джушкаба, а Текнэ [на сторону] Хуладжу. Текнэ сказал: „Хуладжу — сын Хулагу-хана. При жизни сына [царство не может] перейти к внукам". Арук и Курумиши сказали: „Великим юртом владеет Джушкаб, по годам он старший брат, он достоин [царства]". Бука сказал: „Каан есть государь населенной четверти земного круга и старший брат всего рода Чингизханова. Царство над владениями Иранской земли после своего брата Хулагу-хана [каан] пожаловал старшему сыну его Абага-хану, который был самым разумным и совершенным, а после него оно по наследству достается его сыну и законному преемнику — Аргуну. Ежели бы люди, нахально вмешивающиеся не в свои дела, не наговорили бы, венец и престол предоставили бы для его сыновей, то этой усобицы не случилось бы. Бог вселенной ведает, каковы будут последствия этой усобицы". Текнэ стал возражать гневно и резко. Бука обнажил саблю и сказал: „Доколь в руке моей эта сабля, никто кроме Аргуна не сядет на царство". Эмиры спросили
S510 у Тенгиз-гургена, каково было завещание Абага-хана. [Тот] сказал: „Я и Шиктур-ага слышали от него, как он сказал: „После меня государем пусть будет Менгу-Тимур, а после него государем пусть будет Аргун". Текнэ закричал на него: „Ты откуда слышал эти слова? Ты сам от себя говоришь!" Аргун сказал: „Оставьте меня, потому что я царствовать не желаю. Я доволен тем, что отец мне пожаловал Хорасан". Бука сказал: „Царевич, сначала ты по неведению согласился на царство Ахмеда, а сейчас от неподготовленности соглашаешься на то, чтобы разрослась усобица. При этом мы еще не поймали врага, так зачем же мы ссоримся и восстаем друг на друга. Смекаю я, надобно несколькими отрядами пойти по владениям, пока не изловим Ахмеда. Потом придя к Олджей-хатун и другим хатунам и сообща посовещавшись, утвердим царство за одним из царевичей. Поскольку он [Ахмед] шел покушаясь на Аргуна, то пусть он двинется в путь за ним [Ахмедом] в передовом отряде". На этих словах покончили, и Аргун и Бука во вторник 25 дня месяца раби'-ал-ахыра [12 VII] отправились в передовом отряде за Ахмедом. За ними следовали Арук и Джушкаб, потом вслед, предводительствуя всеми обозами, шли Хуладжу, Киншу и Текнэ.

В четверг 27 числа месяца раби'-ал-ахыра [13 VII] Ахмед расположился в Кунгуруланге и разграбил жилище Букая. Он хотел было обидеть жен и детей его, но Сунджак воспрепятствовал. На другой день он выступил из Шервияза и в понедельник 2 дня месяца джумада-л-уля лета 683 (17 VII 1284] прибыл к своим ставкам и сказал матери: „Я-де уладил дело Аргуна и перво-наперво пришел повидаться с тобою". Он стал готовиться бежать и удалиться в Дербент. Шиктур-ага проведал [об этом] и[1] послал к Кутуй-хатун: „Я-де раб престола, но сейчас прибыли гонцы [с известием], что все царевичи приказали, чтобы Ахмеда схватить. Я, раб, в чем виноват? Лучше всего нам посадить его одного в юрте, пока не съедутся родичи и не найдут какое ни есть решение". Кутуй-хатун дала разрешение и Шиктур-нойон назначил триста человек приставов к Ахмеду. Внезапно прибыло полчище караунов и так разграбило те ставки, что в юртах не осталось никаких других следов, кроме золы от очагов. Кутуй-хатун, Тудай-хатун и Ирмани-хатун они оставили нагишом, а две тысячи человек [из них] стали стеречь Ахмеда.

---

[1] S — доб. „с согласия *карā?ӯкай*-огула".

В среду 11 числа месяца джумада-л-уля [26 VII] Аргун направился через реку...[1] и расположился в ставках хатун. Он отправил Норгея[2]-яргучи и назначил приставом при Ахмеде. В воскресенье он остановился у реки Шур в округе Ювагач. Эмиры Тогачар, Кунчукбал и Дола- A230b
дай, которые были заточены в Тебризе, освободившись, прибыли в тот день на служение. Хатуны и эмиры согласились на царство Аргуна и протянули руку присяги на верноподданство. Приведя Ахмеда, Текнэ, [Норгей?][3]-яргучи и нукеры Конкуртая его допрашивали: „По какой-де причине ты погубил Конкуртая и Кучюка, которые оказывали усердие ради Абага-хана, а тебя поддерживали на царстве. Да почему-де, когда Аргун, несмотря на то, что место отца причитается ему, согласился на твое царство и удовольствовался Хорасаном, ты послал [на него] Алинака, чтобы он, ограбив его ремесленников и приверженцев, увел в полон?“ Он [Ахмед] сказал: „Я поступил нехорошо и впредь не буду“. Аргун и эмиры хотели было ради сердца его матери Кутуй-хатун, которая занимала высокое положение, пренебречь его виною, но мать Конкуртая, его сыновья и приверженцы подняли вопль. В это время прибыл Йису-Бука-гурген и сказал: „Какое тут прощение! Ведь царевичи Хуладжу и Джушкаб в Хамаданской области собрали великое полчище и думают противиться“. По этой причине был издан указ, чтобы Ахмеда казнили в отмщение за кровь Конкуртая. В ночь на четверг 26 числа месяца джумада-л-уля лета 683 [10 VIII 1284], соответствующего 28 числу алтынч-месяца года курицы, его прикончили таким же образом, как он убил Конкуртая.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АХМЕДЕ

Памятка об его образе жизни, нравственных качествах, обычаях и привычках. Некоторые рассказы, до него относящиеся. Достопримечательности и события его времени из тех, что не вошли в две предыдущие части и стали известны порознь от разных лиц и из разных книг[4]

---

[1] A — *тмвр*; S, C, L — *нмввр*; I — *нмввар*; P — *?мввр*; B — *мврв*.

[2] S — *тускай*; P, B — *?ркай*.

[3] В рукописях пропуск с оставлением пробела.

[4] Третья часть повествования об Ахмеде в рукописях опущена и за заглавием ее непосредственно следует повествование об Аргун-хане.

S519 # ОБ АРГУН-ХАНЕ, СЫНЕ ХУЛАГУ-ХАНА, СЫНА ТУЛУЙ-ХАНА, СЫНА ЧИНГИЗ-ХАНА

а оно в трех частях

Часть первая. Рассказ об его высоком происхождении, подробное перечисление его жен, сыновей и внуков, которые доныне [от него] произошли, памятка об его зятьях, некоторых родственниках и их делах и родословная таблица его потомков.

Часть вторая. События, предшествовавшие его благословенному восшествию, изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время восшествия его на ханский престол, летопись поры царствования, рассказы о войнах, которые он вел, и о победах, которые случились.

Часть третья. Похвальный образ жизни и душевные качества его, мудрые речи, поучения, притчи и прекрасные приговоры, которые он изрекал, рассказы о событиях, которые [случились] в пору его царства, из тех, что не включены в две предыдущие части и стали известны порознь и не по порядку от разных лиц.

A231a ## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АРГУН-ХАНЕ

Рассказ об его высоком происхождении, подробное перечисление его жен, сыновей и внуков, которые доныне [от него] произошли, памятка об его зятьях, некоторых родственниках и их делах и родословная таблица его потомков

Аргун-хан — старший сын Абага-хана. Он появился на свет от Каймиш-эгэчи и у него были[1] жены и наложницы. Прежде всех он посватал за себя Кутлуг[2]-хатун дочь Тенгиз-гургена. Когда ее не стало, он посватал за себя ее племянницу Олджей дочь Суламиша, мать которой Тудугеч. Поскольку она была еще ребенком, она с ним не сошлась. Потом [посватал] Урук-хатун дочь Саручи, сестру эмира Иринчина из рода кереит, а Саруча был братом Докуз-хатун. После нее он взял Сельджук-хатун, дочь румского султана Рукн-ад-дина, а затем старшую Булуган-хатун, которая была женой Абага-хана. Когда она скончалась, он посватал за себя Булуган-хатун дочь Отмана, сына Абатай-нойона, которая существует по сию пору. Затем из наложниц он взял наложницу отца Тудай-хатун и посадил ее на место Мертей-хатун. И еще Култак[3]-эгэчи, некую Кутуй дочь Кутлуг-Букэя, сына Хусейн-аги, и Эргэнэ-эгэчи, которая раньше была наложницей Абага-хана. Сыновей же у него четыре, в таком изложении и порядке, как упоминается: первый сын Газан-хан, его мать Култак-эгэчи; второй сын Йису-Гимур, его мать Урук-хатун; третий сын Олджейгу-султан, его

---

[1] P, B — доб. „много".

[2] A — *кӯлӯн*; S — *кʔлı*; C, L — *кӯйлӯк*; P — *кӯʔлӯк*.

[3] A — *кӯллӯкъ*, S — *кълтакъ*; C, P — *кӯʔлӯкъ*; L — *кӯблӯкъ*; B — *кʔлкъ*; Тат. сб. *кълтāкъ*.

мать тоже Урук-хатун; четвертый сын Хитай-огул, его мать Кутлуг-хатун; а называли его Сенгиргес. Дочерей же у него тоже четыре в таком S522
изложении и порядке: первая дочь, Олджейтей-хатун, ее мать Урук-хатун. Сначала она была просватана за Кунчукбала, а после него ее отдали за Акбукая. В настоящее время [ее] имеет сын его эмир Хусейн. Вторая дочь, Олджей-Тимур, ее мать тоже Урук-хатун. Ее сперва выдали за Тугела, а после него за великого эмира Кутлугшах-нойона, и скончалась она раньше него. Третья дочь, Кутлуг-Тимур, она тоже произошла на свет от Урук-хатун и умерла,[1] не выйдя замуж. Четвертая дочь Диленчи, появилась на свет от Булуган-хатун и скончалась в детском возрасте. Аминь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АРГУН-ХАНЕ

События, предшествовавшие его восшествию, изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время восшествия его на ханский престол, летопись поры его царства, рассказы о войнах, которые он вел, и победах, которые ему достались, и продолжительность срока его правления

События, предшествовавшие его восшествию на ханский престол

На основании того, что подробно изложено, все хатуны, царевичи и эмиры, после смерти Ахмеда, собравшись у реки Шур в округе Юзагач, согласились на царство Аргун-хана. Выступив оттуда, он A231b
[Аргун-хан] расположился на стойбище Сукту. Прибыли царевичи S521
Хуладжу и Гейхату и с ними по этому делу пришли к соглашению. В пятницу 27[2] числа месяца джумада-л-уля лета 683 [11 VIII 1284), соответствующего 29 числу алтынч-месяца года курицы, после выбора [срока] звездочетами, под счастливым знаком созвездия Стрельца, Хуладжу взял Аргун-хана под правую руку, а Анбарчи под левую и посадили его на царский престол. Все согласно набросили на шею пояса [и], как установлено, преклонили колени и отдались угощениям, пиршествам и увеселениям.

Рассказ о повелениях, которые Аргун-хан соизволил [сделать] после восшествия [на престол] по поводу общих дел и дел государственных

После того как они покончили с пиршествами и увеселениями, прежде [всего] отправили по владениям царский ярлык о снискании расположения раʿиятов, дабы встревоженный мир успокоился. Он оказал тогда царевичам полную ласку и обнадежил [их] добрыми обещаниями. В последний день месяца джумада-л-уля приехал царевич Киншу и, хотя раньше он и Джушкаб не были довольны и замышляли мятеж, в тот день все согласно дали обязательство.[3] Затем судили Эбугэна сына Ширемун-нойона, сына Чурмагуна, и, так как он был из приближенных Ахмеда, его казнили. После этого был издан указ, чтобы ни одна душа не беспокоила и не обижала бы приверженцев Ахмеда. Сделали воззвание, чтобы все соблюдали путь отцов и дедов своих, не чинили друг над другом насилия и обид и раʿияты со спокойным сердцем принялись бы за благоустройство и земледелие. Он [Аргун-хан] соизволил определить царевичей Джушкаба и Байду, а из эмиров Арука, чтобы они отправились править и начальствовать в Багдад A232a
и Диярбекр. Царевичей Хуладжу и Гейхату он послал в Румское S524

[1] S — доб. „в Багдаде".
[2] S — 28.
[3] *мӣчилӕ.*

владение, а Грузию отдал своему дяде Аджаю. Владения Хорасан, Мазандеран, Кумис и Рей он вверил своему сыну Газану и назначил в помощь ему царевича Киншу, а Новруза — хорасанским эмиром. Расставшись, он выступил оттуда, направился в Сугурлук и издал указ на имя Букая о [назначении его на] должность везира [всех] владений. 3 числа месяца раджаба 683 года [15 IX 1284] он приказал его осыпать деньгами так, что тот почти стал в них невидим. Он [Бука] среди монголов был мужем крайне способным и смышленным, рассудительным и сметливым. [Аргун-хан] вверил ему общие и частные дела государства и сделал [его] полновластным. Аминь.

Рассказ о положении счастливого сахиба Шамс-ад-дина, сахиб-дивана, пребывании его в Ираке, прибытии на служение к Аргун-хану, награждении и казни

Когда Алинака убили в Хорасане и Ахмед обратился в бегство, сахиб Шамс-ад-дин, сев на быстроходного верблюда, бежал из окрестностей Джаджерма с двумя-тремя нукерами и дорогой через пустыню прибыл в Исфаган. Когда жители Исфагана осведомились о перемене судьбы, то хотели его схватить. Они советовались по этому делу с иездским атабеком, которого исфаганский воевода, по имени...,[1] задержал и не выпускал из Исфагана за то, что он был приверженцем Аргун-хана и никогда не ездил к Ахмеду. Тот, поскольку еще не знал истинного положения, увиливал от ответа. Сахиб проведал о намерении тех людей, под предлогом паломничества вышел из города и, сев на отборных лошадей, направился в Кум. Прибыв туда, он расположился в святилище, которое [находится] за городом и уединился для молитвы в этом благословенном месте паломничества. Люди, состоявшие при нем, призадумались над его положением и все согласились на том, чтобы ходжа поехал в гавань Хормуз и там наладил бы свое дело. Сахиб сказал: „Не дело оставлять своих детей пленниками в руках монголов. Лучше я направлюсь на служение к его высочеству. Ежели при посредстве эмира Букая, который мой давнишний друг, удастся удовлетворить сердце Аргуна, то это и будет предметом [моего] желания, а ежели нет, то положусь на суд божий и сдамся". Несколько дней он пребывал в таком раздумье.

Внезапно от его высочества приехал для расследования дела сахиба мелик Имам-ад-дин Казвини, а после него подряд прибыли лурский атабек Юсуф-шах и Кумари и известили, что Аргун-хан соизволил [сказать]: „Поскольку-де господь предвечный мне оказал милость и пожаловал мне венец и престол моего славного отца, я всем преступникам прощаю вину. Ежели сахиб-диван соберется на служение, я окажу ему ласку". Кумари случилось встретиться с сахибом в Савэ. Через два дня они отправились в путь и в пятницу 10 дня месяца раджаба лета 683 [23 IX 1284] [сахиб Шамс-ад-дин] прибыл в Курбаншире и остановился у Букая. Так как между ними была старая дружба, они обрадовались присутствию друг друга. На другой день Бука повел его на служение к Аргун-хану, чтобы он исполнил обряд изъявления верноподданнических чувств.[2] Аргун-хан не уделил ему большого внимания, но не проявил также и недовольства. Когда [сахиб Шамс-ад-дин] вернулся домой, к нему стали обращаться челобитчики. Сахиб говорил: „Отныне я никакой должности править не буду, разве только замещать эмира Букая, да и то буду ли".

[1] A, S — *тбʔāй*; C, P — *ʔʔʔāй*; L — *нйāй*; B — *мбāй*.
[2] *ўлджāмāш*.

Эмир Али, тебризский тамгачи, пошел, захватил сына его [Шамс-ад-дина] Яхью, посадил в тюрьму и завладел имениями и добром[1] сахиба. Фахр-ад-дин, мустовфи, и Хусам-ад-дин, хаджиб, ставленники сахиба Шамс-ад-дина, завидуя его высокому положению, сговорились против него и сказали Букаю: „При жизни сахиба делу твоему не будет успеха. Когда он будет в состоянии, то поступит с тобою так же, как поступил с Аргун-агой и прочими эмирами". Они довели Букая до того, что он на служении Аргун-хану ему [Шамс-ад-дину] пригрозил. К сахибу приставили Бугдая-эюдэчи под видом непрестанно следящего за тем, чтобы просители ссуд [его] не тревожили. Когда отправились на зимовку в Арран, то в местности Уджан вышел указ, чтобы у сахиба отобрали две тысячи туманов денег. Он послал к Букаю: „У меня-де никаких наличных денег нет, ибо подобно глупцам золота в землю не зарываю. Все, что мне доставалось, я вкладывал для [извлечения] дохода в имения, а ныне на- A232b
лицо моих средств столько, что ежедневно от дохода с них получается S523
тысяча динаров". *Он [также] переслал Букаю весть: „Эмир Бука, бросы! Не поучай государя к убийству везира, ибо сегодня убьют меня, а быть может вскоре убьют и тебя, будь уверен". Пользы [от этих слов] не было.[2] Доладая-яргучи и Кадана послали, чтобы они судили его [Шамс-ад-дина]. Он не признавался в наличных деньгах и говорил те же речи. Тогда же он попросил письменный прибор и бумагу: „Я-де перечислю [мои] средства", — а написал завещание, список с которого, как оно было написано его рукою, вошел в настоящий рассказ. Список таков: „Когда я загадал на Коране, вышло: 'К тем, которые говорят: «Бог есть господь наш!» и потом поступают праведно, нисходят ангелы: «Не бойтесь, не печальтесь, утешьтесь благою вестию о рае, который вам обещан»'.[3] Творец всевышний, поскольку жаловал раба своего в этом бренном мире и не отказывал ему ни в одном предмете желания, пожелал подать ему благую весть уже в бренном мире из мира вечного. Поскольку было так, [бог] обязал поделиться этой благой вестию с мовляна Мухьи-ад-дином, мовляна Фахр-ад-дином, братьями по вере, мовляна Афзаль-ад-дином, мовляна Шамс-ад-дином, мовляна Хумам-ад-дином и великими шейхами, упоминание каждого из которых растянулось бы и не хватило бы [для этого] места, дабы они ведали, что, порвав с [мирскими] привязанностями, я отправился в путь. Пусть они помогут молитвою за меня. Да будет вечным блаженство! Все дети [мои], 'да хранит их всевышний господь', пусть помолятся за упокой [меня]. Их препоручил я всевышнему богу — 'бог не губит отданного ему на сохранение'. В помыслах было, что, быть может, [удастся] свидеться и будет сделано завещание, но поскольку [этого] на мою долю не выпало, то [свидание] приходится на тот свет. Надобно им[4] не делать упущений, оберегая [моих] детей и поощрять их к учению и, само собою, не дозволять, чтобы они гнались за должностями по управлению, а мирились бы с тем, что подаст им господь. Ежели сын Атабек и родительница его Хушек-хатун пожелали бы отправиться на родину, то пусть им будет позволено. Новруз и Мас'уд вместе с родительницей чтобы состояли при Булуган-хатун и оба брата чтобы находились у моей могилы. Ежели они смогут дать процветание ханкаху шейха Фахр-ад-дина, то пусть оказывают помощь всем, [допуская в него], да сами тоже там находились бы. А еще вот о такой-то, она никогда от меня не имела покоя, ежели пожелает, то пусть выходит замуж. Фаррух и родительница [его] пусть будут с Ата-

[1] *амлāк ва асбāб.*
*[2] C, L, B, P — опущ.
[3] Кор., 41_{30}.
[4] Т. е. поименованным выше духовным лицам.

беком. Закарию с имениями тумана Шаханшах-и Ани[1] и другие земли я...[2] эмиру Букаю. Пусть его предоставят ему, а другие имения[3] пусть представят [на высочайшее усмотрение]. Ежели что-либо отвергнут — хорошо, а ежели нет, то чтобы удовольствовались малым. Да смилуется надо мной творец всевышний, а вас благословит. Теперь помыслы мои да будут [направлены] к величию божию. Что бы ни случилось, пусть не забывают мой высокий удел. Да будет вечным счастье. Ежели пожалуют что-либо из имений, то пусть примут и этим удовлетворятся. Куда бы ни выехал из Тебриза великий гарем, пусть они будут там же. 'Да будет мир над тем, кто пошел прямым путем'".

Эту бумагу он бросил приставам. Когда ее прочитали и никаких денег [в ней] не оказалось, Туклук-караунэ из джалаиров бил его много палкой, но пользы не было. Было приказано, чтобы его казнили. В понедельник 4 дня месяца ша'бана 683 года [16 X 1284], после предвечерней молитвы, у ворот города Ахара, на берегу реки, его предали смерти. Да смилуется над ним господь всеобъемлющим милосердием'. В ту пору мовляна Нур-ад-дин Расади повесть о событии с ним переложил на стихи.

Стихи

Порядок стран обширных, сахиб-диван
Мухаммед сын Мухаммеда, единственная жемчужина века,
В лето шестьсот восемьдесят третье, ша'бана четвертого,
Пополудни в понедельник, у реки Ахара,
Покорной рукою, по воле насилия,
Испил из полной чаши меча шербет яда.

Бука послал в Тебриз эмира Али, чтобы он завладел имениями и средствами его. Через несколько времени на площади в Тебризе казнили также и его [Шамс-ад-дина] сына Яхью. Об участи каждого из остальных сыновей будет изложено в своем месте, ежели богу всевышнему будет угодно.

Рассказ о прибытии чинсанга Пулада и других гонцов от Кубилай-каана, приезде оттуда Урдукия, присылке ярлыка на ханство Аргун-хана и восшествии его во второй раз на царский престол

A233a Когда Аргун-хан прибыл в Сарай Мансурийе в Арране, от каана приехал чинсанг Пулад, Иса Кульчи [?] и другие гонцы. В ту зиму судили Легзи и дали [ему] сто палочных ударов. Весною отправились на летовку между Серавом и Ардебилем. В местности Саин созвали великий курултай и 11 числа месяца раджаба [6] 84 года [12 IX 1285] послали в Багдад Арука. После того как летовали в Сугурлуке, [Аргун-хан] 20 раджаба [6] 84 года [21 IX 1285] прибыл в Тебриз, а оттуда отправился зимовать в Арран. Когда прибыли в Арран, судили атабекшу Абиш-хатун за то, что ее приверженцы убили Имада Аляви, который по указу Аргуна поехал в Фарс на должность хакима. Мелик-хана, который был родственником Абиш-хатун, после установления виновности, казнили, а фарсских хакимов били палками. 27[4] числа месяца зи-л-хиджджэ [68]4 года [23 II 1286]
S526 от каана прибыл Урдукия и привез ярлык: Аргун-хану быть ханом вместо отца, а Букаю [присвоить] почетное звание чинсанга. 10 дня месяца сафара 685 года [7 IV 1286] Аргун-хан во второй раз воссел на ханский престол, и они выполнили правила и обряды. Аминь.

[1] М. б. „тумана анийских шаханшахов"?
[2] Неразобранный глагол *амрāқ дāдэ ам.*
[3] *амлāк.*
[4] B — 28.

Рассказ о походе войска для отражения курдов гор Хаккар, кончине Булуган-хатун и повесть о ходже Харуне

20 числа месяца сафара 685 года [17 IV 1286] вышел указ, чтобы эмиры Мазук-кошчи, Нурин-ага и Газан, брат Эшек-Туклу из джалаиров, с шестнадцатью тысячами всадников отправились в горы Хаккар в Курдистане и перебили бы часть курдов, разбойничавших на дорогах и разжигавших смуту. В пятницу 23 числа месяца сафара лета 685 [20 IV] на берегу реки Куры скончалась Булуган-хатун. Гроб с нею отнесли на гору Седжас. Весною Аргун-хан прибыл в Тебриз. Чинсанг Бука устроил ему торжество и [преподнес] достойные дары. В пятницу 12 числа месяца раби'-ал-ахыра [7 VI], выехав оттуда, он по дороге через Мерагу тронулся в путь в Сугурлук. В то лето приехал на служение к его высочеству эмир Арук с багдадскими бити кчиями. При нем состоял ходжа Харун, сын сахиба Шамс-ад-дина. Арук сгоряча, рассчитывая на могущество брата своего, Букая, без позволения государя казнил Маджд-ад-дина ибн ал-Асира, Са'д-ад-дина брата Фахр-ад-дина, мустовфия, и Аличекибана.[1] Так как Маджд-ад-дин ибн ал-Асир был инджу Гейхату, [этот] рассердился на Арука и стал на него злоумышлять. Йису-Бука-гурген тоже был замешан в этом деле. Бука благодаря могуществу, которым обладал, втайне покровительствовал брату. Кое-кто сказал Гейхату, что Арук это деяние совершил по наговору Харуна. Он [Гейхату] ехал в Рум. Он увез с собою Харуна до Аладага и там его убил. Вскоре не стало и Йису-Бука-гургена, и усобица утихла.

Осенью Аргун-хан прибыл в Тебриз и расположился там в пятницу 6 числа месяца ша'бана лета 685 [27 IX 1286], а в четверг 28 числа месяца рамазана [68]5 года [18 XI 1286] направился в Арран. Однажды он расчесывал гребнем волосы и их много, выпав, осталось на гребне. Он сказал: „Это следы яда, который мне дал Ваджих сын Изз-ад-дина Тахира". Придя в ярость от такого обстоятельства, он приказал, чтобы его предали казни. Это было 20 числа месяца зи-л-ка'дэ [6] 85 года [7 I 1287], а 5 числа месяца зи-л-хиджжэ [22 I 1287] Аргун-хан взял себе [в жены] Тудай-хатун и посадил ее на место Мертей-хатун. 19 числа месяца сафара [6] 86 года [5 IV 1287] он прибыл в Билясувар, а 4 числа месяца раби'-ал-ахыра [2] [19 V] того же года — в Тебриз. Летом он отправился в Аладаг и, вернувшись оттуда, 2 числа месяца рамазана [6] 86 года [11 X 1287] двинулся на зимовку в Арран. 15 числа месяца мухаррама лета 687 [20 II 1288] из Хорасана прибыли гонцы и известили от Киншу и Новруза, что тридцать тысяч всадников войска Кайду, предводителем [которых является] Йисур-нойон, перешли реку Пендж,[3] разграбили области Балха, Мерва и округу Шабургана и дошли до Хафа и Сенгана [?].[4]

7 числа месяца сафара [13 III] того же года скончалась Кутлуг-хатун дочь Тенгиз-тургена из [рода] ойрат, мать царевича Хитай-огула. 7 числа месяца раби'-ал-авваль [11 IV] от улуса Нокая приехали гонцы на берег Джуй-и нов и доставили шариль. У идолопоклонников такое [поверье] есть: когда сжигали Шакьямуни-бурхана, его пишдиль, кость прозрачная, подобно стеклянному шарику,[5] не сгорел. Мнение A2: у них такое: если кого-либо, кто достиг высокого положения, подобно Шакьямуни-бурхану, будут сжигать, шариль его не сгорит. Короче

---

[1] A — *джкибан*; S — *хкб?ан*; C — *хйка??ан*; L — *джйка??ан*; I — *джйкайбан*. Ср. стр. 102, прим. 1.

[2] C, L, I — раби'-ал-авваль.

[3] В тексте — Пенджаб.

[4] A — *с?кан*; C, L — *смкаф*.

[5] *мухрэ*.

говоря, когда его [шариль] везли, Аргун-хан вышел навстречу, его осыпали деньгами, ликовали и несколько дней предавались пиршествам и увеселениям. В последний день месяца раби'-ал-авваль, когда Аргун-хан пребывал в Билясуваре, пришло известие, что Тама-Токта-Муртад с пятью тысячами всадников прошел Дербент и ограбил всех уртаков и купцов. В субботу 1 дня месяца раби'-ал-ахыра [6] 87 года [5 V 1288] [Аргун-хан] двинулся, чтобы их отразить. Перейдя реку Куру, он 5 числа упомянутого месяца [19 V] достиг Шемахи, остановился на одном холме, а Букая с Кунчукбалом и некоторыми царевичами отправил передовым отрядом. Дней через четыре-пять, они возвратились и привезли радостную весть, что враги повернули обратно и ушли за Дербент.

Рассказ о начале славы Са'д-ад-довлэ, которая произошла из-за побуждения к накоплению доходов от налогов в Багдаде

В лето 683 [1284/85] Тонсукея [1] послали воеводою в Багдад. Когда он туда прибыл, то назначил своим наибом и хаджибом Са'д-ад-довлэ сына Хибаталлаха, сына Мухаззиб-ад-довлэ из Абхара, который
S 525 был человеком способным, богатым и сведущим в общих и частных делах государства. Поскольку у него не было иного пути, он по своей способности, опытности и осведомленности в делах стал полновластным правителем. В ту пору должность багдадского хакима принадлежала некоему Кутлугшаху, сыну раба Ала-ад-дина, сахиб-дивана, и его нукерам Маджд-ад-дину [сыну] Кибти [2] и другим, но из-за присутствия его [Са'д-ад-довлэ] они не имели силы. В лето [6] 86 [1287] г. они явились на служение в летнее становище в Сугурлуке, жаловались на него эмирам и везирам и говорили Чуши, Кучану и зонтоносцам: „Са'д-ад-довлэ бесподобный врач и достоин того, чтобы быть в услужении [хана]". Они доложили это обстоятельство, и было приказано, чтобы он состоял неотлучно при [хане] и не ездил в Багдад. В ту осень и зиму он положил основание дружбы с Урдукия, так как увидел в нем очень влиятельного [человека]. Он открыл ему: „В налоговых-де доходах с Багдада большие излишки.[3] Ежели ты возьмешь [себе] должность тамошнего хакима, я, раб, буду [тебе] служить. Мы и казенные доходы лучше других будем поставлять, да и для самого эмира окажутся излишки. А за чиновниками багдадскими числятся несметные недоимки,[4] мы и их истребуем". Урдукия доложил [об этом] на служении Аргун-хану. [Тот] спросил: „Сколько недоимок за Багдадом?" Са'д-ад-довлэ ответил: „Пятьсот туманов". Способности и доклад Са'д-ад-довлэ понравились государю. Он, пожаловав их, с ярлыком и пайзой отослал в Багдад для истребования недоимок и сбора казенных налогов.[5]

Они отправились туда, палочными ударами и пытками собрали огромные средства и вернулись обратно. В местности Кунгуруланг они прибыли на служение и представили казну. Государю [это] очень понравилось. 4 числа месяца джумада-л-уля [6] 87 года [6 VI 1288] он отдал должность багдадского эмира эмиру Урдукия. Так как Тонсукей [1] умер, на воеводство

---

[1] A — *тӯкай, ту?ксай*; S — *?ӯл??кай, ?у?лс?ай*; C, L — *?ӯ?скай, тӯнска*; I — *бӯнскари, тӯнска*.

[2] A — *к?тӣ*; C — *кшӣ*; L — *к??тӣ*.

[3] *тавфӣр*.

[4] *бакайа*.

[5] *амвал-и хавасс*.

был назначен Байду-шукурчи, Шараф-ад-дин из Семнана на должность мелика, а Саʿд-ад-довлэ над ними муширифом. Они вместе отправились в Багдад и приступили к этим важным делам.

В эти же дни [Аргун-хан] оказал милость эмиру Кунчукбалу и пожаловал ему должность его деда Абатай-нойона, то есть начальство над средней ратью.[1]

Рассказ о делах Букая, кознях эмиров, которые завидовали, их победе и убиении его

Когда счастливого сахиба Шамс-ад-дина казнили, дела Букая пошли в гору. В короткое время он нажил большое богатство и, крайне гордясь своим высоким положением и богатством, он стал зазнаваться и к лич- A234a
ным эмирам[2] Аргуна Тогачару, Кунчукбалу, Доладаю-эюдэчи, Султану-эюдэчи, Тугану, Чуши и Урдукия, которые были приближенными его высочества, относился с презрением. По этой причине они оскорбились и с ним перессорились. В особенности Султан-эюдэчи и Туган постоянно рассказывали друг другу об обстоятельствах высокомерия и спеси Букая и доводили [об этом] также до благородного слуха государя. Тот, ценя заслуги [Букая], не слишком придавал [этому] значение. Туган, вследствие того, что ему дважды пришлось перенести наказание палками по приговору Букая и выслушивать его поношения, был очень сердит на него и жаждал ему отомстить. Короче говоря, упомянутые люди при каждом удобном случае открывали Аргун-хану его [Букая] дела в виде мерзкого безобразия.

Арук в Багдаде тоже жил не как приличествует эмирам, а наподобие государей, не обращал внимания на гонцов Аргуна и не посылал тамошних налогов[3] в казну. Когда однажды Урдукия и Саʿд-ад-довлэ, собрав разными способами, привезли пятьсот туманов дохода, они доказали Аргун-хану, что Арук ежегодно присваивает такое же количество. Однако [Аргун-хан] не проявил следов гнева, а послал туда Урдукия, Шараф-ад-дина и Саʿд-ад-довлэ на должность эмира, мелика и муширифа. Арук же был отставлен. С [другой] стороны [на Букая] восстали Тогачар и наиб его Садр-ад-дин Зенджани, потому что Бука с него требовал недоимки с Фарса. [Садр-ад-дин] говорил Тогачару: „Бука приуготовил царство для себя, ибо делает все, что хочет без указа государя и совета эмиров и расходует деньги по своей воле. Ни одна душа не почитает государем Аргун-хана, а только Букая. Дело дошло до того, что тебризский вали, эмир Али, не обращает никакого внимания на гонцов, которые приезжают в Тебриз с ярлыком и пайзой, ежели не имеется ал-тамги Букая, и они без пользы возвращаются обратно". Когда подобные слова довели до слуха Аргун-хана, он очень рассердился на Букая, так что даже стал тяготиться его присутствием.

В ту пору Бука захворал, и упомянутые эмиры страстно желали его смерти. Когда он выздоровел, Аргун-хан по обычаю его обласкал и послал на должность, однако инджу, которыми он ведал, передал эмиру Тогачару, а эмиру Кунчукбалу [вверил] среднюю рать, должность его деда. Бука был этим обижен и реже стал являться в ханскую ставку, вследствие чего всякого человека, который у него бывал, подозревали в приверженности к нему. По этой причине люди остерегались и воздерживались от общения с ним, за исключением части монгольских эмиров. Он в другой раз захворал и поскольку в глазах людей у него

[1] *кӯл-и лашкар.*
[2] *хавāсс эмӣр.*
[3] *амвāл.*

не оставалось прежнего веса, они под предлогом болезни не бывали
S528 у него. На служении Аргун-хану доложили, что Бука хворает притворно. Вышел указ, чтобы из его дома доставили реестры и счетные книги,[1] а наибы и приверженцы его из чиновников дивана были отстранены от должности. Прежде всех был отставлен эмир Али-тамгачи, бывший хакимом Тебриза. Бука потерпел поражение, и дела его пришли в расстройство. Вслед за тем прибыли фарсские айгаки и насчитали сто пятьдесят туманов денег на Хусам-ад-дина Казвини, который ездил туда его [Букая] наибом. Из Диярбекра и тех краев приходили одна за другой разного рода жалобы на Арука, и Бука совсем упал в глазах Аргуна. Когда он понял, что дело уйдет из [его] рук, он совершенно отчаялся. Он выбросил безмерные деньги, задобрил и сделал своими единомышленниками против Аргун-хана ряд эмиров: своего брата Арука, сына Ханду-нойона — темника Курумиши, эмира Учана из эмиров оружейничих, Кадана-ильчи, Зенги[2] сына Яя[3]-нойона, начальника ставки Олджей-хатун, тысячника Майджу[4] и других, а из своих приверженцев Газан-бахадура, эмира четырех тысяч Ишик-туклу, его брата Эшектуклу и тысячника Туглука-карауна, все эти люди джалаиры, а [затем] Баяна и Мекритэя сына Алгу-битикчи, Черика-битикчи и других приверженцев и сторонников, упоминание которых полностью растянулось бы.

Рассказывают, что поскольку Бука понимал, что выступить против Аргуна он может при помощи царевичей, [а] царевич Джушкаб находился на берегу Ефрата, [он] послал к нему гонца и известил: „Аргун-хан разгневался на меня по наговору Тогачара, Султана-эюдэчи, Тугана и дру-
A234b гих моих завистников и позабыл мои заслуги. Тебе, всем царевичам и всему улусу ведомо, что он обрел престол отца моей заботою, а ныне предпочел мне некоторых других и сделал их поверенными своих тайн. Слава богу, в роду Чингизхановом царственная благодать лежит на тебе, а без твоей помощи это дело не наладится. Ежели ты послушаешься моих слов и постоишь за это важное предприятие, я готов служить [тебе] и добуду тебе престол и венец, ибо множество эмиров и дружин согласны со мною в этом деле“. Когда эта весть дошла до Джушкаба, он изумился и сказал: „Боже мой, этот человек [должно быть] потерял разум и помешался, что назначает других на [место] Аргун-хана, который является государем царства. Чего еще ему надобно более того положения, которое он занимает. Видимо, он уже и на престол зарится, а меня соблазняет тщеславной мечтой о царстве. С Ахмедом он сыграл шутку и провел его и, конечно, на меня тоже замышляет предательство“. Он сказал гонцу: „Поезжай обратно, передай от меня привет Букаю и скажи: «Замысел-де твой относительно меня очень прекрасен, да только сердце мое не может довериться вашим словам. Ежели [это] правда, то ты с людьми, которые согласны в этом решении, подпишите свои имена и пришлите обязательства,[5] дабы у меня была полная уверенность»“. Бука и все эмиры, состоявшие в том заговоре подписали и отослали обязательства. Когда Джушкаб увидел эту бумагу, он перепугался и снова отправил Букаю известие: „Ежели-де твое намерение не остыло, то надобно приготовиться к делу, так как я, приведя в порядок войско, прибуду в такую-то определенную ночь, ожидай“,— а [сам] решил как можно скорее доложить об этом обстоятельстве Аргун-

[1] *дӣвӑн ва дафтар*.
[2] A, S — *э?кӣ*; C, L — *энлӣ*.
[3] A — *йӑ?а, й?э*; S — *?а?а*; *??э*; C, L, I — *нӑйа*; P, B — *??э*.
[4] A — *мӑйхӯ*; L — *мӑнджӯ*; I — *мӑ?джӯ*.
[5] *мучалъа*.

хану, чтобы его не затронул вред от него. С таким решением он отправился в путь. Бука же в условленную ночь вооружил отряд ратных людей, посадил [на коней] и остановился в ожидании его [Джушкаба]. Он [Джушкаб] сам в ту ночь не приехал. На утро Султан-эюдэчи сообщил Аргун-хану: „Сегодня-де ночью видели отряд вооруженных всадников". Тут как раз прибыл Джушкаб и сразу прошел в приемный шатер. Аргун-хан оказал ему ласку и радовался его приезду. Когда эмиры разошлись, Джушкаб представил отчет о замыслах Букая. Аргун-хан сказал: „У меня к нему доверия больше, чем когда-либо в прошлом, а [от] наговоров разных лиц на него я могу совсем извериться. Каким доказательством я смог бы приподнять завесу с его деяний?" Джушкаб извлек и представил обязательства его [Букая] и эмиров. Когда Аргун-хан увидел эти бумаги, он воспылал огнем ярости и сказал: „Для того ли я отличил Букая перед всеми эмирами, [для того ли] вверил его властной руке владения, отдал ему ра'иятов и войско, чтобы он со мною хитрил и лукавил?" И в ту же ночь он приказал, чтобы войска воссели [на коней] для поимки Букая и оцепили бы его лагерь и берег реки Куры.

На заре Султан-эюдэчи, Доладай и Туган поспешили в его дом, но Букая не застали, ибо он, проведав об этом, на судне уже переправился через Куру и искал убежища в жилище Олджей-хатун. Однако она его не приняла. Когда он повернул было обратно, его укрыл в своем жилище эмир Зенги сын Яя, начальник ставки Олджей-хатун. Доладай и Туган, услышав, что [Бука] ночью переправился через реку, поспешили в лагерь Олджей-хатун. Эмир Зенги очень перепугался и явился трепеща. У него спросили о Букае. [Зенги] сказал: „Он сидит в этом шатре". Тотчас же его схватили и доставили на служение к Аргун-хану. Эмир Шиктур ему сказал: „Что за мятеж и усобицу ты поднял? Каждый день ты хочешь сажать сызнова [другого] государя?" Бука ответил: „Я-де к государю ничего не имею, а только к Султану-эюдэчи да Тугану Кухистанскому, моим врагам. Я собрался устранить их". Джушкаб вынул письма его и товарищей. Дрожь напала на члены Букая, и он онемел. Аргун-хан немедленно подал знак, чтобы его прикончили. Его поволокли на двор. Джушкаб попросил [позволить] ему самому убить его. Когда дошли до лобного места, Туган пнул его ногою в грудь и сказал: „Ты-де таил в себе жажду [завладеть] престолом и царством, — вот же тебе воздаяние за это", — и Джушкаб одним ударом отсек ему голову, после того как своей рукою вырезал [у него] из спины ремень. Кожу с его головы S527
набили соломой и повесили в назидание [прочим] на краю Чаганского A235a
моста у перекрестка четырех базаров в субботу 21 числа месяца зи-л-хиджджэ 687 года [16|1289].

На другой день принялись творить суд. Некоторых эмиров, которые с ним были в заговоре и которые [выше] упоминались, казнили. Кадан, поскольку он был гонцом каана, получил свободу. Баян-битикчи, поскольку показывал правду, тоже был освобожден. Мекритэю по ходатайству эмиров простили. А из тазиков казнили эмира Али-тамгачи, Хусам-ад-дина Казвини, Имад-ад-дина, звездочета, Шамуна, известного под [прозвищем] Рум-ка'ла, и христианина Беха-ад-довлэ Абу-л-Керема. В тот же день, когда схватили Букая, Байтмиша-кошчи, Тамудая-ахтачи и Шадая сына Буку[1] с пятью сотнями всадников, отправили в Диярбекр, чтобы схватить Арука и подначальных ему людей. Из Аррана в шесть дней достигли Ирбиля и там же казнили старшего сына Букая по имени Газан, который состоял окольничим при Аруке. Схватив Арука в замке Кушаф,

[1] S — *ʔūḳū*; C, I — *tuḳūẓ*; L — *tūḳūn*; P — *ʔūḳūr*; B — *tūḳūr*.

они его доставили. Когда он доехал до Чаганского моста и увидел повешенную голову Букая, он спросил: „А где же голова оружейничего Учана, который был его [Букая] нукером?“ 29 числа месяца мухаррама лета 688 [22 II 1289] Арука и Учана тоже убили. Когда дело дошло до эмира Зенги, Аргун-хан сказал: „Делом его ведает Олджей-хатун“,— и его отправили к ней. Олджей-хатун приказала отрубить ему голову и сказала: „Ежели на месте Зенги был бы мой сын Анбарчи, его постигла бы такая же участь“.

Абачи сын Букая, после события с отцом, состоял окольничим при Тугане. Туган ему покровительствовал и хотел его отпустить, [но] поторопился. Однажды он доложил [Аргун-хану]: „Может быть, Абачи явится и изъявит верноподданические чувства?“ [1] Однако, поскольку гнев государя еще не простыл, он приказал, чтобы род его [Букая] искоренили, и Абачи с его братьями Меликом, Тархан-Тимуром и Кутлуг-Тимуром казнили. Аминь.

Рассказ об участи и гибели Джушкаба и заточении царевичей, заподозренных в соглашении с Новрузом [2]

Аргун-хан после казни Букая и Арука и окончания суда и расправы в конце месяца сафара [6]88 года [III 1289], милостиво пожаловав царевича Джушкаба, отпустил его обратно. А после этого Аргун-хан узнал, что он [Джушкаб] кривит с ним душою. [Аргун-хан] послал вслед за ним несколько эмиров, чтобы вернуть его назад. Он [Джушкаб] направлялся в Сирийский край. На берегу реки Караман, между Арзаном и Маяфаркином, Аркасун-нойон, Байтмиш-кошчи, Гурбатай-гурген, Буруджу сын Дурабая и Бугдай его настигли. Он с ними сразился и бежал, а через три дня его схватили и повели на служение к Аргун-хану. 15 числа месяца джумада-л-уля [6]88 года [6 VI 1289] его доставили на служение к его высочеству и тоже убили.

По той причине, что Новруз, сын Аргун-аги, поднял мятеж в Хорасане, а царевичи Хуладжу и Каранокай сын Юшумута были заподозрены в соглашении с ними по слову брата Урдукия Мукбиля, служившего Каранокаю и открывшего его крамолу, их 8 числа месяца джумада-ль-уля [30 V], схватив, отправили в замок Гирдекух, а 20 числа месяца рамазана [7 X] в Дамгане дело их также прикончили. 28 [3] числа того же месяца [15 X] Туган с дружиною выступил в Хорасан на помощь царевичу Газану для отражения Новруза. Аминь.

Рассказ о казни покойного мелика Джелаль-ад-дина Семнани и возвышении вследствие этого дела Са'д-ад-довлэ

В этот упомянутый год, когда Аргун-хан возвратился с зимнего стойбища в Арране и расположился летовать в Кунгуруланге, вновь прибыли из Багдада Урдукия и Са'д-ад-довлэ и еще раз доставили значительную казну. Аргун-хану [это] очень понравилось. Са'д-ад-довлэ доложил: „Ежели противящиеся битикчии не чинили бы помех, денег этих было бы вдвое больше“. Было приказано, чтобы тех людей казнили.
A235b Рабиба Аведжи и Кутлугшаха убили, а головы их отослали в Багдад. Маджд-ад-дина ибн ал-Кибти [4] и Мансура сына ходжи Ала-ад-дина доставили

---

[1] *хўлджамишш*.
[2] B — доб. „и подробности этого события“.
[3] B — 26.
[4] A — *алкбʔи*; S, P, B — *алкʔʔи*; C, L — *алкбсй*.

из Хиллы и казнили у ворот [дворца?] Дар-и Шатийэ.[1] Джелаль-ад-дин Семнани тоже был заподозрен в мятеже Букая вследствие козней Тугана, но по ходатайству Берендэ-бахши оставлен в живых. Однако еще долгое время он не осмеливался явиться к государю. В начале месяца джумада-л-ухра лета 688 [конец VI 1289] Аргун-хан на летнем стойбище в Сугурлуке назначил Саʿд-ад-довлэ на должность везира. Брат мелика Джелаль-ад-дина — Шараф-ад-дин Семнани по причине недоимок с Багдада находился в заключении. Однажды утром мелик отправился повидать его. По дороге он встретил эмира Пулад-агу. Тот справился тепло о здоровье мелика и стал расспрашивать об обстоятельствах [его] отставки и ее причинах. Мелик сказал: „За мной-де вины нет. Государь предпочел мне еврея и ему покровительствует". Эти слова тотчас же довели до слуха государя. Он допросил Пулад-агу. Тот рассказал как было дело. Государь сказал: „Это моя вина, зачем я оставил его в живых", — и он приказал Текечеку, который состоял в ханской страже, пойти и казнить мелика 18 числа месяца раджаба 688 года [7 VIII 1289] в Сарай Музаффарийе[2] в Сияхкухе. S530

После того как его убили, дело Саʿд-ад-довлэ пошло в гору. Он стал очень могущественным, и пышность и великолепие его росли со дня на день.

Сыновья ходжи Беха-ад-дина Мухаммеда, сахиб-дивана, Махмуд и Али подали челобитную о расстройстве их дел. Вышел указ, чтобы им отдали часть имений сахиба в Ираке. Али с родительницей своей, дочерью Изз-ад-дина Тахира, по этому делу поехал в Исфаган. Маджд-ад-дин-и Муʾминан Казвини, который был мутасаррифом [земель] инджу в Иране, донес [ильхану], что вследствие того, что все возделанные инджу захватили в [свое] распоряжение сыновья сахиба, доходы с иракских инджу сразу потерпели урон. Аргун-хан поэтому разгневался и приказал, чтобы казнили всех сыновей сахиб-дивана Шамс-ад-дина. 30 числа месяца раджаба[3] в Тебризе Масʿуда и Фараджаллаха предали смерти. Махмуда уберегли Пандид-бахши и воевода Нарду под тем предлогом, что в ярлыке написано сыновей, а он-де внук. От этого ужаса [Махмуд] стал страдать недугом сердцебиения и скончался в конце поры [царствования] Гейхату. Йисудеру, которого посылали схватить иездского атабека, приказали, чтобы он в Исфагане казнил Али.

Он из Кашана отправил одного нукера, чтобы тот схватил и убил Али. Место его казни и могила стали очень почитаемыми местами. Йисудер же тоже через шестнадцать дней был убит в Иезде. Из детей сахиба Атабек умер, а Закария пребывал в Абхазе и спасся из этой пропасти, все же остальные погибли. Дело Саʿд-ад-довлэ поэтому очень расцвело. В Багдаде наккарэ-ханэ[4] от ворот дворца халифов перевели к воротам его дома.

7 числа шаʿбана [6]88 года [26 VIII 1289] он отправил на должность хакима в Багдад своего брата Фахр-ад-довлэ, Мухаззиб-ад-довлэ и Джемаль-ад-дина Дестджердани, владение Фарс отдал Шамс-ад-довлэ, сыну звездочета Мунтаджаб-ад-довлэ, а Диярбекр вверил другому брату — Амин-ад-довлэ. Должность тебризского мушрифа он отдал своему двоюродному брату лекарю Мухаззиб-ад-довлэ Абу-Мансуру. Он постоянно опасался старших эмиров Шиктур-нойона, Тогачара, Самагара, Кунчукбала и других и из предосторожности и осмотрительности

[1] Так в S, A — *дар-и шāṭиэ*. В рук. I и B вместо этого названия сказано „у моста".

[2] P, B — Мансурийе.

[3] C, L — шаʿбана; I — рамазана.

[4] В рукописях *навбат*.

желал [себе] такого помощника, на которого он мог бы положиться. На служении Аргун-хану он доложил: „Раб [твой] один лично не может управиться со всеми важными делами и нуждается в нескольких нукерах, бескорыстных и дельных, чтобы они каждый вечер докладывали об излишке и недостаче[1] и [давали] отчет о делах за день". Он взял [себе] Урдукия, и тот стал находиться только в его личном распоряжении. Должность ширазского эмира он отдал Чуши, а тебризского — Кучану, и все трое стали его товарищами и помощниками. Он так устроил, что ни одна душа не осмеливалась подойти к дверям дома кого-либо из эмиров, исключая тех трех, что были его нукерами.

В том году эмир Чуши и Сарабан сын Сунджак-аги отправились в Фарс на должность эмира и для извлечения податей.[2] На другой год они вернулись обратно. Джелаль-ад-дин Сервистани дал обязательство: „Я-де дам с Шираза сто[3] туманов дохода". А уездные эмиры и тамошние битикчии дали обязательство: „Мы-де представим пятьсот туманов дохода, ежели свяжут Джелаль-ад-дина и выдадут нам". Его заковали
A236a и отправили к ним. По этому делу Чуши и Сарабан вернулись обратно. Когда сахибы булюков и битикчии отправились туда, то много старались, но ничего не вышло, и поскольку они не сумели сдержать своего слова, то вышел указ, чтобы их казнили, а Джелаль-ад-дину даровали свободу. Шамс-ад-дина Хусейна Алякани, его сына везира Низам-ад-дина Абу-Бекра, Сейф-ад-дина Юсуфа, Маджд-ад-дина Руми и Фахр-ад-дина Мубарекшаха казнили в селении Кушк-и Зар Ширазского округа.

Са'д-ад-довлэ был человеком очень искусным в диванских делах и в заведывании налоговой частью и не упускал ни одного соображения касательно трудов и стараний по этой части. Аминь.

Рассказ о походе Аргун-хана на летовку в Арран, наступлении врагов со стороны Дербента и обращении их в бегство

4 числа месяца рамазана лета 688 [21 IX 1289] Аргун-хан расположился в Мераге и отправился осмотреть обсерваторию.

Там он начал принимать черное лекарство, о котором [ниже] будет упомянуто. [Оттуда] он выехал на летовку в Арран. В среду 9[4] дня месяца раби'-ал-авваль [6]89 года [22 III 1290], соответствующего 2 числу икинди-месяца года барса, он посватал [за себя] Булуган-хатун, дочь Отмана сына Абатай-нойона и посадил [ее] в ставке[5] Булуган-хатун. 13 числа месяца раби'-ал-аввель приехали гонцы и сообщили о наступлении со стороны Дербента вражеской рати. Было приказано, чтобы Тугел, Шиктур-нойон и Кунчукбал с войском выступили в поход. 15[6] числа [28 III] вслед [за ними] двинулся Тогачар и другие эмиры. Одна за другой приходили вести о смятении [чинимом] врагом. В первый день месяца раби'-ал-ахыра [13 IV] государь выступил из Билясувара и дошел до холма Туйнак по ту сторону Шаберана, а 15[6] числа [27 IV] он прибыл в Шаберан к обозу. 17 числа того же месяца [29 IV] передовым отрядам войск

---

1 *тавфӣр ва тақсӣр.*
2 *истихра̄дж.*
3 C, L, P, B — „четыреста".
4 B — 20.
5 P, B — доб. „старшей".
6 B — 11.

случилось сойтись на берегу реки Карасу, что по ту сторону Дербента. С той стороны были Абачи, Менгли-Бука сын Менгу-Тимура, Йекече и Токта-Муртад с одним туманом, а с этой стороны — Тогачар, Кунчукбал, Тогрулча и Тайджу, сын тысячника Буку. Кунчукбал, Тогрулча и Тайджу бросились в реку, чтобы переправиться. От их отваги вражье войско обратилось в бегство и из него было убито около трехсот всадников, а сколько-то человек захвачено в плен. В числе убитых были S529
тысячники Боролтай, Кадай и брат Йекече, а среди пленников — Черик-тай, из старших эмиров Токтая. Оттуда вернувшись назад с победой и славой и 20[1] числа месяца раби'-ал-ахыра прибыв в Билясувар, [государь] расположился в ставках, и несколько дней предавались пирам, увеселениям и играм. Са'д-ад-довлэ через вестников разослал сообщение об этой победе во все стороны. Аминь.

Рассказ о походе Тогачара на помощь хорасанским войскам и основании города Аргунийе в местности Шам [в окрестностях] Тебриза[2]

В конце месяца раби'-ал-ахыра [начало IV] из Хорасана прибыло известие о движении вражеской рати и [чинимом ею] смятении. Тогачар отправился в поход с намерением ее отразить. На той же неделе в качестве нукера Тогачара в Хорасан послали ходжу Наджиб-ад-довлэ, чтобы он распределил между войсками [собранные] там деньги.[3] 7 числа месяца джумада-л-уля [18 V] объявили известие о кончине царевича Йису-Тимура его отцу Аргун-хану, а еще до этого в Мераге умерли Сунджак-ага и его сын Шадай. В конце месяца раджаба [начало VIII] высочайшие знамена прибыли в Тебриз, а 2 ша'бана [10 VIII] казнили в Тебризе Маджд-ад-дин-и Муминана Казвини, и высочайшие знамена отбыли на летовку в Аладаг и прибыли туда 13 числа [21 VIII]. Оттуда [Аргун-хан] соизволил возвращаться обратно по дороге через Ван и Вастан. На этой стоянке явился на служение великий мовляна Кутб-ад-дин Ширази
и представил чертеж моря Магриба[4] и заливов и берегов его, включав- A236b
ший в себя множество северных и западных стран. Государю Аргун-хану очень понравилась беседа с ним, потому что он описывал Румские владения. Между прочим, взгляд государя упал на [город] Амурийю, который является внутренним Румом, и он велел мовляна рассказать о нем. Тот произнес весьма красивую речь, содержащую в себе славословие государю и описание того [города]. Ему [государю] она очень пришлась по душе. Он сел [на коня], чтобы ехать на охоту и сказал мовляна: „Когда я вернусь обратно, приходи, мы побеседуем, уж очень ты красно говоришь". А Са'д-ад-довлэ сделал [ему] знак: „Скажи-де, чтобы позвали всех троих", т. е. Эмиршаха, Фахр-ад-дина мустовфи и сына Хаджи-Лейли, — потому что всех троих схватили и доставили из Рума. Мовляна Кутб-ад-дин ради Эмиршаха последовал [указанию] Са'д-ад-довлэ. Он побежал вслед за государем и его [Эмиршаха] освободили. Сына же Хаджи-Лейли убили, а к Фахр-ад-дину приставили стражу и через неделю его казнили.

23 числа месяца рамазана лета [6]89 [29 IX 1290] из Рума прибыли Акбука, Доладай, Алчи и Кабан. 5 числа месяца шавваля [11 X] Акбука поехал туда обратно. Когда Аргун-хан приехал в Тебриз, был близок

---

[1] B — 30.
[2] B — доб. „и подробности этого".
[3] *амвал*.
[4] Т. е. Средиземного моря.

праздник рамазан, и он приказал поставить в городе Тебризе четыре минбара. Явились казии, имамы и все мусульмане и в точности, по всем правилам, сотворили праздничное моление. Казии и хатиб с почетом и обласканные вернулись обратно. Так как Аргун-хан имел склонность к великим постройкам, то он основал в местности Шам, в окрестностях Тебриза, громадный город, заложил там прекрасные здания и сказал: „Каждый смертный, кто захочет, пусть [себе] там строит жилище". Он провел [в городе] кяризы и назвал его Аргунийе. В Шервиязе он тоже основал большой город и на стройку его было израсходовано много средств, но остался он недостроенным. [Аргун-хан] питал большую страсть к алхимии, потому что многие его склоняли к этому искусству. Аминь.

Рассказ о приеме Аргун-ханом серного и ртутного снадобья по указанию бахшиев, его сорокадневном посте по их способу и о начале его недуга

Аргун-хан очень верил бахшиям и их правилам и постоянно оказывал этим людям покровительство и поддержку. [Однажды] из Индии пришел некий бахши и уверял, что он долговечен. У него спросили, каким же образом жизнь тамошних бахшиев становится долговечной. Он ответил: „Особым снадобьем". Аргун-хан спросил: „Это снадобье здесь водится?" Бахши сказал: „Водится". [Аргун-хан] велел, чтобы он его составил. Бахши приготовил месиво, в котором были сера и ртуть. Около восьми месяцев [Аргун-хан] его принимал, а в довершение сорок дней соблюдал пост в Тебризской крепости. В то время кроме Урдукия, Кучана и Са'д-ад-довлэ ни одно существо не имело к нему доступа, не считая бахшиев, которые денно и нощно неотлучно состояли при нем и занимались рассуждениями о верованиях. Когда Аргун-хан вышел из уединения, он отправился на зимовку в Арран и там стряслась беда с его здоровьем. Лекарь ходжа Амин-ад-довлэ неотлучно находился при нем, лечил его и старался с помощью других врачей, пока через некоторое время здоровье не стало поправляться благодаря их отличным приемам. Вдруг однажды вошел один бахши и дал Аргун-хану три чаши вина. Так как оно проникло [в кровь], болезнь опять возвратилась и недуг стал постоянным, а врачи не знали чем помочь. Через два месяца недомогания эмиры стали поговаривать и доискиваться причины болезни. Некоторые люди говорили: „Причина-де дурной глаз, надобно раздать милостыню", — и [много денег роздали нуждающимся].[1] А некоторые рассказывали: „Шаманы — де, погадав на [бараньей] лопатке, говорят, что причиной недомогания является колдовство" Заподозрили в этом [колдовстве] Тугачак-хатун. Под палкой и пыткой ее допрашивали на суде и в конце концов эту хатун со многими женщинами бросили в реку. Это событие произошло 16 числа месяца мухаррама [6]90 года [19 I 1291]. Аминь.

S532 **Рассказ об усилении болезни Аргун-хана, раздоре между эмирами вследствие этого, казни некоторых эмиров и Са'д-ад-довлэ**[2]

A237a 24 числа месяца мухаррама лета 690 [27 I 1291] Аргун-хан, перейдя реку Куру, расположился на стойбище Багчэ в Арране. Вследствие того,

[1] L, I, P, B.
[2] L, I, P, B — доб. „и воспламенении усобицы".

что болезнь [его] одолевала, эмиры отчаялись в его жизни. Тогачар и другие эмиры были в обиде друг на друга и все [вместе] плохи с Саʿд-ад-довлэ и раздосадованы его надменностью и невниманием. 4 числа месяца сафара согласились между собой Тогачар, Тугел, Туган и Кунчукбал. 14[1] сафара [6]90 года [16 II 1291] они дали клятву, составили заговор и приступили к борьбе со своими противниками. Сначала они обсудили жалобы на Султана-эюдэчи и рассказывали: один шаман, дескать, сказал: „Я-де видел малых детей Хуладжу и Каранокая, которые пришли к Аргун-хану и ему говорили: «За какую вину ты приказал нас убить?» А он ответил: «Я об этом ничего не знаю, это Султан-эюдэчи убил вас без моего позволения»".

В пятницу 28[2] числа месяца сафара [2 III] Султана-эюдэчи с толпою других эмиров схватили и потянули в суд: почему-де ты убил детей упомянутых эмиров и Тугачак-хатун? Он сказал: „По [ханскому] указу". Эмиры послали Урдукия в ставку, чтобы он спросил [Аргун-хана]. [Урдукия] вернулся и сказал: „Государь говорит, мне-де ничего об этом неизвестно". Султан сказал: „Государь от сильной хвори уже давно не может говорить. Чудно, ежели он сказал эти слова". Эмиры согласно сказали: „Раз он не может говорить, видимо, ты погубил их по своей прихоти, а причина хвори государя — твое насилие и притеснение. Зачем это надо, чтобы преступления совершал ты, а возмездие нес он". По этой причине 1 дня месяца рабиʿ-ал-авваль [4 III] его казнили. В тот же день, празднуя день рождения царевича Хитай-огула, схватили Урдукия и Чуши, а Тугана послали, чтобы он схватил и доставил Кучана и Саʿд-ад-довлэ. Той ночью убили Чуши и Кучана, а на другой день в доме Тогачара подвергли суду Урдукия и Саʿд-ад-довлэ и обоих убили. Тугел и Туган отправились в лагерь Саʿд-ад-довлэ, а ратные люди приступили к грабежу, начисто разграбили жилища мусульман и евреев, которые там находились, и перерыли землю [под] палатками и шатрами в поисках сокровищ. Наутро пришли в движение войска и, учинив беспорядок, тащили все, что находили, а народ был объят смятением и усобицей. Аминь.

Рассказ о конце недомогания Аргун-хана и его смерти в местности Багчэ в Арране

Аргун-хан пребывал в том недомогании с 1 числа месяца шавваля до начала месяца рабиʿ-ал-авваль [27 IX — начало III] и по этой причине дела государственные пошатнулись и жизнь у всех расстроилась. В конце концов в субботу[3] 7 числа месяца рабиʿ-ал-авваль лета 690 [10 III 1291], соответствующего[4] икинди-месяцу года ...[5] в предполуденный час, в местности Багчэ в Арране он отошел и бренный мир оставил своему славному роду. В его ставках совершили обряды оплакивания и в понедельник 9 числа месяца рабиʿ-ал-авваль [12 III] гроб с ним отнесли на [гору] Седжас. Бог всевышний да сделает государя ислама Газан-хана на многие лета и бесчисленные века наследником жизней и наделит его счастьем, величием и могуществом, ʿради пророка-избранника Мухаммеда, рода его и избранных сподвижников его'.

---

[1] L, I — 4.
[2] L, I, P, B — 27.
[3] L — „в понедельник"; P, B — „во вторник".
[4] L, I — доб. „8-му".
[5] Пропуск в рукописях.

Рассказ о разногласии эмиров после события с Аргун-ханом и изложение их дел в ту пору

В четверг 12 числа месяца раби'-ал-авваль [15 III], соответствующего 13 числу икинди-месяца, Кабана-ахтачи послали в [Хорасан][1] за царевичем Газаном, а на другой день Тайтака[2] сына Кубая, который был молочным братом Абага-хана и начальником ставки Ахмеда, отправили в Багдад за царевичем Байду, а Легзи в Рум за царевичем Гейхату. Эмиры разбились на несколько отрядов, так что в час выступления в литавры били более, чем в двадцати местах. Поскольку Байду был царевичем скромным и серьезным, не распоряжался эмирами и войском и не зло-
A237b употреблял властью, Тогачар, Кунчукбал, Туган и Тугел и многие, которые возбуждали смуту и боялись величия и могущества Газана, желали [на царство] Байду. Эмиры Шиктур-нойон и Самагар-нойон, Доладай-эюдэчи, Текнэ, Ильчидэй-кошчи, Бугдай и эмиры левой руки были согласны с ними. Но он еще не прибыл. 11[3] числа месяца раби'-ал-авваль [14 III] они по этому делу держали совет, а 16 числа [19 III] утвердили то мнение и доложили хатун. В понедельник 16 числа месяца раби'-ал-авваль Самагар-нойона послали в Рум, а на другой день в догонку за Легзи отправили в путь...,[4] чтобы тот вернулся назад. В субботу 21 числа месяца раби'-ал-авваль [24 III] убили Изз-ад-дина Джелаля, который был
S531 наибом Са'д-ад-довлэ и постоянно недомогал. До 1 числа месяца раби'-ал-ахыра [3 IV] из Хорасана дважды приезжали гонцы и извещали о смятении. В пятницу 26[5] числа месяца раби'-ал-ахыра [28 IV] эмиры собрались вместе в ставке и отпустили гонцов, прибывших от царевичей. 8 дня месяца джумада-л-уля [9 V] из Хорасана и Ирака прибыл эмир Аладу и привез известие, что поднялись луры, заняли Исфаган, убили исфаганского воеводу Байду и многих других, напали на монгольские дружины, которые сидели в тех краях, и их рассеяли, и непрерывно шла молва об их мятеже и [чинимом] смятении. В тот же день Шадая сына Буку и Боралиги сына Чинкура послали за царевичем Байду, а Доладая-эюдэчи назначили для отражения нашествия луров. В среду 22 числа месяца джумада-л-уля [23 V] царевич Сукей, а из эмиров Чобан и Курумиши сын Алинака двинули ставки хатун в путь в сторону Аладага с намерением служить Гейхату. Заговор этот состоялся с согласия Тугела. Буларгу-кыйоти,[6] эмир четырех тысяч, ушел вслед за ними. По этой причине предприятие Байду разбилось. Это дело было надумано Урук-хатун. На другой день в местности Койбулдаг в округе Сугурлука эмиры прибыли на служение к царевичу Байду, а ночью 25 числа [26 V] Саты, Кабан и Тудаджу бежали и направились в Рум, чтобы примкнуть к царевичу Гейхату. На следующую ночь ушли также эв-огланы ставок, на следующую ночь Ильчидэй-кошчи и Тимур-Бука и на следующую ночь отправился к Гейхату Кунчукбал и все. По этой причине дело возведения на царство Байду не удалось, и [царство] укрепилось за Гейхату. 'Господь всеведущий знает правду, он есть прибежище, к которому прибегают'.

---

[1] L, I, P, B.
[2] Ср. о нем на стр. 107.
[3] P — 15.
[4] *балйэ зад*.
[5] P, B — 28-го.
[6] Т. е. из рода кыйот (?). A, S — *к?ати*; L, P — *кйани*; B — *н?ани*.

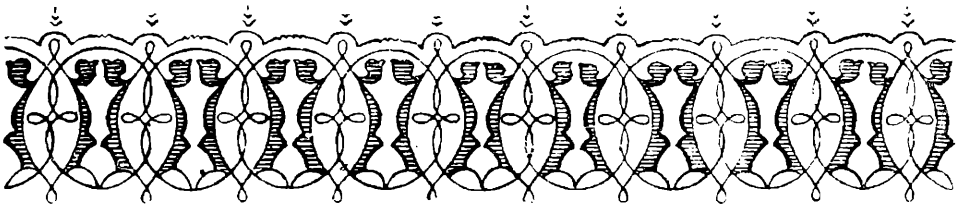
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ ОБ АРГУН-ХАНЕ

Похвальный образ его жизни, отличные качества души, прекрасные мудрые речи, поучения, притчи и прекрасные приговоры, которые он изрекал, и рассказы о событиях, которые случились в его пору, из тех, что не вошли в две предыдущие части и стали известны от разных лиц и из разных книг.[1]

---

[1] Содержание третьей части повествования об Аргун-хане в рукописях A, S, C, L, I полностью отсутствует и перевод ниже цитируется по рукописям P и B:

„Аргун-хан был государем умным и обладал нежной природой и степенным нравом. Его располагал к себе каждый, кто начинал с ним рассуждать трезво и излагал вопрос толково. Люди спокойно проживали под широкой сенью его милосердия. Он имел большую склонность и страсть к созиданию построек. Подобно деду и отцу он был пристрастен к дворцам и зданиям. В западной стороне Тебриза, в окрестностях селения Шанб, которое простой народ называет Шам, он заложил два великолепных замка, а между обоими замками построил город, а в нем воздвиг две великолепных суфы, *сакфха-и мукарнас*, не уступающих айвану Хосрова. Он построил стрельчатые арки и сталактитовые потолки и достойные восхваления расписные, чудесные здания и положил [городу] имя Аргунийе, как об этом уже упоминалось в рассказах. В пору его [Аргун-хана] царствования от множества жителей Тебриз был подобен Мисру, а Аргунийе стольному городу Каиру. Точно так же на луговьях Кунгуруланга, в стороне Шервияза, он основал город, [вывел] источники и проложил водопроводы. Он израсходовал громадные деньги на это место, но по причине короткой жизни [Аргун-хана] оно в его дни осталось недостроенным. Олджейту-султан в дни своего царства его достроил и положил ему имя Султанийе. [Аргун-хан] построил также на летнем стойбище у Лара, у подножия горы Демавенд, прекрасный кушк, который в настоящее время в той местности известен под названием Кушк-и Аргун. Точно так же во многих местностях он выстроил множество высоких замков и недоступных фортов. А еще он был очень пристрастен к алхимии. Со всех сторон к его высочеству сходились алхимики и склоняли государя к этому искусству. Безмерные деньги были истрачены на него и никогда [Аргун-хан] не ставил им [этого] на вид, а снова охотно отпускал средства. Однажды в присутствии мовляна Кутб-ад-дина Ширази они обсуждали вопрос о сокровенных вещах. Когда алхимики разошлись, Аргун-хан сказал мовляна: „Оттого, что я человек невежественный, а ты ученый, мнится тебе, что они меня околдовали? Не раз хотел я их прикончить, но поскольку достоверно, что эта наука существует и есть такой человек, который знает эту благородную науку, то ведь ежели я [этим] невеждам не стану покровительствовать, а предам их мечу, у того мудреца не останется ко мне никакого доверия". Короче говоря, в царствование Аргун-хана алхимики истратили безмерные деньги на сгущение, улетучивание, растворение, составление, исследование, перегонку, размягчение, гноение, очищение, отбеливание, брожение, изменение (*тас'ир*), превращение, прокаливание, восстановление, процеживание, опоражнивание и увлажнение. После многочисленных опытов и испытаний покрывало сомнения и завеса [неизвестности итогов] хлопот спала с глаз: от алхимии кроме сокрушения и убытков ничего не получалось. 'Да будет мир над тем, кто пошел прямым путем'".

A238a **ПОВЕСТВОВАНИЕ О ГЕЙХАТУ-ХАНЕ, СЫНЕ АБАГА-ХАНА, СЫНА ХУЛАГУ-ХАНА, СЫНА ТУЛУЙ-ХАНА, СЫНА ЧИНГИЗ-ХАНА,**

а оно в трех частях

Часть...[1] часть...[1] часть...[1] что благословенное рождение его было вечером в четверг 25 числа древнего месяца бахмана 638 года Иездегерда, соответствующего лету шестьсот сорок...[1] хиджры, на стоянке...[1] под знаком созвездия Девы. В воскресенье 24 дня месяца раджаба лета 690 [23 VII 1291], соответствующего 25 числу алтынч-месяца года зайца, его посадили на царство, а в четверг 6 дня месяца джумада-л-уля лета 694 [24 III 1295] он скончался. Срок его жизни...[1] лет, а срок царствования три года и десять месяцев.

S534 *Часть первая.* Рассказ о его происхождении, изъяснение и подробное перечисленне его жен, сыновей, дочерей и внуков, которые доныне [от него] произошли, памятка о его зятьях и родословная таблица потомков его.

Часть вторая. События, предшествовавшие его восшествию, изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время восшествия его на ханский престол, летопись дел поры его царства и того, что случилось в это время.

Часть третья. Образ жизни и отличные душевные качества его. Прекрасные речи, притчи, поучения и приговоры, которые он изрек. Рассказы о событиях, которые произошли в его время, из тех, что не вошли в две предыдущие части и стали известны порознь.[2]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ [ПОВЕСТВОВАНИЯ О ГЕЙХАТУ-ХАНЕ]

Рассказ о его происхождении, изъяснение и подробное перечисление его жен, сыновей, дочерей и внуков, которые до конца поры его [от него] произошли. Памятка об его зятьях и родословная таблица его потомков

Гейхату был вторым сыном Абага-хана и произошел на свет от Нукдан-хатун из рода татар. Бахшии нарекли его именем Иринчин-дорджи и у него было много жен и наложниц. Сначала он посватал себе Айшэ-хатун дочь Тугу, сына Элькэй-нойона, потом Донди-хатун дочь Акбукая, сына Элькэй-нойона из джалаиров, потом Ильтузмиш-хатун дочь Кутлуг-Тимур-гургена из рода конкурат, потом Падшах-хатун дочь керманского султана Кутб-ад-дина, потом Урук-хатун дочь Саручи из кереитов, потом Булуган-хатун. Он имел наложницу по имени...,[3] которую после него взял Алафранг, затем наложницу Эсэн дочь Бекле-

---

[1] Пропуск в рукописях с оставлением пробела.

[2] I, P, B — доб. „от равных лиц".

[3] A, S — *ʔtī*; I — *ʔʔī*; P — *ʔnī*; B — *bmbī*; Тат. текст — *tī*.

миша, брата Учана, из рода урлат. [Гейхату-хан] имел трех сыновей. Старше всех Алафранг, его мать Донди-хатун, второй тоже от нее — Ираншах, третий Чинг-Пулад — от Булуган-хатун. Дочерей у него было четыре: Ула-Кутлуг — ее отдали за Гурбатая,[1] затем Иль-Кутлуг — ее отдали за Кутлугшаха, затем Ара-Кутлуг. Все три появились на свет от Айшэ-хатун. От Донди-хатун он тоже имел дочерей [sic!].[2]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ГЕЙХАТУ-ХАНЕ

События, предшествовавшие его восшествию на ханский престол, изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время его восшествия, летопись дел поры его царства и того, что в то время произошло A238b

События, предшествовавшие его восшествию на престол

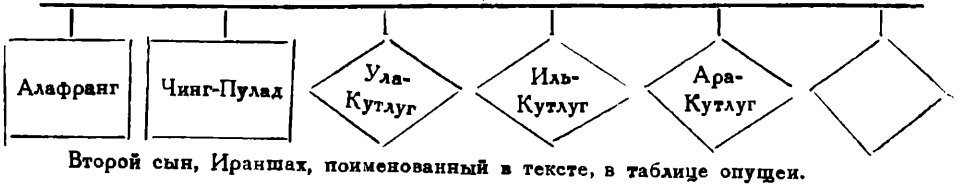
Сначала большая часть эмиров стояла на том, чтобы посадить [на царство] Байду, в особенности те люди, от которых исходило возбуждение усобицы. Когда Чобан, Курумиши и другие эмиры по очереди направились на служение к Гейхату-хану, остальные охладели к его [Байду] воцарению, да и сам он не соглашался. Туган, который в этом отношении очень усердствовал, испугался и бежал, чтобы удалиться в Гилян. В погоню за ним отправилась дружина и, поймав, доставила его к эмирам. Байду его защитил и он находился под стражей до прибытия Гейхату. Поскольку Гейхату знал, что эмиры его ждут, он из Рума направился в Иран и в Аладаге прибыл к хатунам, эмирам и царевичам. Все в согласии друг с другом в понедельник 24 числа месяца раджаба 690 года[3] [23 VII 1291] в окрестностях Ахлата посадили Гейхату на царство. A239a

Рассказ о задержании эмиров, чинивших раздор, и о суде над ними S533

После того как покончили с пиршествами и увеселениями, схватили всех эмиров и начали творить суд,[4] потому что Гейхату хотел расследовать происшествие с его братом Аргун-ханом и убийство эмиров и везиров. Сначала он сам сел и спросил Шиктур-нойона, который был главою эмиров: „Как обстоит дело?“ [Шиктур-нойон] ответил: „Эмиры готовы, [чтобы] государь их допросил, дабы из их речей выяснилась и выявилась вина раба [твоего] и [вина] каждого“. Эмиры согласно показали: сначала-де мятеж и усобицу надумали Тогачар и Кунчукбал. Потом сказали [об этом] Самагару и Текнэ, а напоследок, потому что они так постановили между собой, они сказали Шиктур-нойону. Он же ответил: „Со всем тем, что вы сказали,[5] я с вами тоже согласен“.

[1] P, B „за сына Гурбатай-гургена“. В рукописи I иначе: „Ула-Мелик, которую отдали за Курумиши сына Алинака“.

[2] S — на стр. 532 доб. „Изображение Гейхату-хана и хатуны и родословная [его] детей“:

Второй сын, Ираншах, поименованный в тексте, в таблице опущен.

[3] S — доб. „соответствующего 25 числу алтынч-месяца года зайца“.

[4] S — доб. „и он сам лично допрашивал“.

[5] S — „решили“; P, B — „сделали“.

Когда их показания дошли до этого места, Шиктур-нойон сказал: „Там, где столько сильных и властных эмиров затевают и приводят в исполнение крамольные деяния, [что я могу поделать, ведь] я немощный старик, а братья мои, на помощь которых я рассчитываю, [находятся] в Руме на службе своему государю. Ежели бы я говорил наперекор, то не снес бы своей головы и со мною поступили бы так же, как с Чуши и Урдукия". Гейхату-хан принял его извинение и дал ему свободу. По окончании суда [Гейхату-хан] милостиво пожаловал эмиров. За Шиктур-нойоном вскоре и другие эмиры, поскольку они были уверены в прощении Гейхату-хана, быстро[1] признались в своем преступлении. Туган же был заключен в тюрьму и жены и дети Чуши и Урдукия требовали с Тугана расплаты за кровь отцов. Акбука был плох с Ту-
A239b ганом и точно также Урук-хатун, а Гейхату медлил с его казнью. Урук-хатун сказал ему: „Ежели-де при таком мятеже и раздоре, которые учинил Туган, его не казнят и не потребуют с него расплаты за кровь эмиров, которых он убил, то впредь ни одна душа не будет поступать честно". Гейхату сказал: „Конечно, тому, кто творит такие дела, [следует] такое наказание". Когда Акбука услышал от государя эти слова, он вышел и послал молодцов Урдукия, чтобы они прикончили Тугана.

Гейхату 9 числа месяца шаввала[2] [5 X] расположился в Аладаге, а на другой день эмиры Тогачар, Кунчукбал и другие очистившись от вины, поднесли хану дары и лобызали землю. В пятницу 4 числа месяца рамазана [31 VIII] Гейхату принял решение возвратиться в Румский край.

Рассказ об отъезде Гейхату в Рум и назначении Шиктур-нойона полновластным наместником

Когда Гейхату отправился из Аладага в Рум, он полновластным своим наместником во владениях Иранской земли назначил Шиктур-нойона. Оттуда [из Аладага] он приехал в Тебриз и вместе с эмирами двинулся на зимовку в Арран. В местности Карачалы, на берегу реки Куры, где был его давнишний юрт, он остановился, занялся устройством государственных дел и важных нужд и разослал во [все] стороны гонцов и ал-тамги. В конце зимы, в воскресенье 28[3] числа месяца мухаррама 691 года [20 I 1292] в [местности] Чагату скончался царевич Зенбу[4] сын Юшумута. Гейхату послал царевича Анбарчи с одним туманом войска в Хорасан, и он [Анбарчи] задержался на зимовку в окрестностях Рея.

Тогачар у Шиктур-нойона был нукером. Под предлогом свидания с детми он [Тогачар], испросив разрешение, направился к себе домой. Садр-ад-дин Зенджани, который был его наибом, послал с ним в Казвин некоего казвинца по имени Баба и сообщил своему брату Кутб-ад-дину: „Румские-де туркмены и караманцы одержали победу над Гейхату и покончили с его делом и все эмиры согласны на царство Анбарчи. Надобно, чтобы, [ты] брат, взялся за дело и дал бы ему [Анбарчи] отчет об [этом] обстоятельстве, дабы он отменил поход в Хорасан и повернул назад в Арран". Кутб-ад-дин рассказал обстоятельство шейху Джебалю Ширази, [одному] из слуг, неотлучно состоявших при царевиче, а тот на служении доложил ему. Так как царевич был [человек] смышленый и способный, он счел нужным соблюсти условия предосторожности. Под видом гонца он послал одного из своих

[1] I — „на другой день".
[2] I, P, B — „ша'бана".
[3] I — 29, B — 27.
[4] A — *збнӯ*; S — *рбнӯ*; I — *р??ӯ*; P, B — *з??ӯ*.

нукеров по имени...[1] к Шиктуру, чтобы справиться об этом происшествии. По пути он повстречался с Тогачаром. Садр-ад-дин сказал ему: „Тебе незачем ехать к Шиктуру, поспеши обратно, чтобы царевич как можно скорее явился и сел на престол". ...[1] был хитер и смышлен [и] сказал: „Пожалуй, мне так и следует поступить. Однако, поскольку уже близко до наших жилищ, я возвращусь обратно, повидав [прежде] своих родичей".

Когда они уехали, он направился в Карачалы, чтобы явиться на служение к Шиктуру. По дороге он увидел гонцов, ехавших с ярлыками из Рума и [с которыми] Гейхату посылал женам, царевичам и эмирам подарки. Среди них он нашел одного из своих приятелей, достойного доверия. У него он справился о здоровье Гейхату. Тот рассказал, что Гейхату жив и здоров, весел и счастлив. Для ...[1] стало несомненным, что Садр-ад-дин схитрил, и что если это дело откроется, S536 Анбарчи и его эмирам не сдобровать. Тотчас же он отправился на служение к Шиктуру и при всех [гласно] исполнил поручение царевича, а затем испросил тайного приема и дал отчет в тех обстоятельствах от начала до конца. Шиктур-нойон уже раньше знал кое-что из тех дел. Он дал ему добрые ответы и тоже послал Анбарчи дары и приношения. А сам сел с двумя тысячами всадников [на коней] и однажды утром напал на лагерь Тогачара, схватил его, а также Садр-ад-дина, доставил к себе домой и держал в заключении, пока весною, когда пришло известие о прибытии Гейхату, не выслал [их] в сопровождении пяти сотен проворных всадников навстречу [ему]. В окрестностях Эрзерума их доставили на служение к Гейхату-хану. После того как тысяча за A240a тысячей пропустили [войска], Гейхату-хан прибыл и расположился в Аладаге. В воскресенье 12 числа месяца раджаба лета 691 [29 VI 1292], соответствующего 14 числу алтынч-месяца года дракона, царевичи и эмиры согласно дали [присяжное] обязательство[2] и Гейхату во второй раз, как водится, посадили на царский престол на летнем становище в Аладаге и выполнили обычаи увеселения, пирования и поздравления. Аминь.

Рассказ о передаче должности везира Садр-ад-дину Зенджани и должности главного казия[3] брату его Кутб-ад-дину

Гейхату-хан то лето провел в Аладаге, и Газан приехал с намерением его повидать. Когда он приехал в Тебриз, он согласно повелению Гейхату, не повидав [его], повернул обратно. Садр-ад-дин Зенджани из средств казненных людей, которые он присвоил себе, поднес огромные деньги, прибег к покровительству Боракчин-эгэчи, которая была кормилицей Гейхату и пользовалась крайним уважением, и искал [для себя] должности везира. Шамс-ад-дин Ахмед Лакуши, при покровительстве некоторых эмиров, тоже домогался этой должности. Садр-ад-дин при помощи Шараф-ад-дина Семнани, задобрил сторонников Акбукая и расположил [их] к себе [обещаниями] пожаловать в управление туманы. В это время из Рума прибыло известие, что из Сирии пришла вражеская рать и мелик Ашраф осадил Кал'ат-ар-Рум. В месяце раджабе Тайджу-огул сын Менгу-Тимура, Тогачар, Бугдай-ахтачи и Тамачи-инак со значительным войском направились в те края для отражения того врага. В месяце ша'бане через Ахлат и Арджиш к Кал'ат-ар-Руму двинулись царевич Сукей, эмир Тимур-Бука и Караджа. В конце раджаба мелик

---

[1] A, S, P — *мӯлā?ид*; I — *мӯлābд, хулāйд*; B — *мӯлā??д, мӯлāнид*.
[2] *мӯчилгэ*.
[3] *қāзӣ-ал-қузāтӣ*.

Ашраф взял Кал'ат-ар-Рум и часть жителей его перебил, а часть увел в полон. Крепость он вверил своими кутувалам и повернул обратно.

Во время возвращения из Аладага, Гейхату в окрестностях Алтана взял [себе в жены] Булуган-хатун. В месяце ша'бане [6]91[1] года [VII—VIII 1292] и во вторник 18 числа месяца рамазана [3 IX] того же года на привале [в] Тасу, [в одном] из уездов Тебриза, природу его поразил недуг, и он стал одержим страшной болезнью. Лекари-христиане Рабиб-ад-довлэ и Сафи-ад-довлэ неотлучно находились при нем и усердно лечили. В течение сорока дней он совершенно поправился. 6 числа месяца зи-л-хиджджэ 691 года [18 XI 1292] на зимнем стойбище в Арране должность сахиб-дивана владений была закреплена за Садр-ад-дином. Он [Садр-ад-дин] подал прошение Гейхату, чтобы ему дали почетное прозвание Садр-и Джехан, а брата его называли бы Кутб-и Джехан,[2] а двоюродного брата его — Кавам-ал-мульк. Должность главного казия во владениях он получил на имя [своего] брата, должность тебризского хакима также передал ему, а [должность хакима] Ирак-и [Аджама][3] — Кавам-ал-мульку. 3 числа месяца джумада-л-уля лета [6]92 [11 IV 1293] в Сарай Мансурийе в Арране скончался Текнэ-тотгаул и его отвезли в Мерагу. 13 числа месяца джумада-л-ахыра [69]2 года [21 V 1293] Гейхату приехал в Тебриз, а 12 числа месяца раджаба [18 VI] отправился из Мераги в Сияхкух. 7 ша'бана [13 VII] прибыли гонцы Коничи-огула с изъявлением единодушия и просьбой о союзе. 9 числа того же месяца [15 VII] из Хорасана приехали Кутлугшах-нойон, гонцы Урук-Тимур-огула и гонцы Новруза, и в тот же день состоялся приезд Айшэ-хатун из Рума, а Байтмиша из Диярбекра. 17 числа месяца ша'бана [23 VII] вернулись обратно Гирей-огул сын Менгу-Тимура, Кунчукбал и Доладай-эюдэчи, ходившие в поход в Хорасан.[4] В конце месяца ша'бана [Гейхату] изволил расположиться в...[5] и там казнили Кутлуг-Букая, сына Садуна-грузина. 12 рамазана[6] [16 VIII] [Гейхату] отправился в Уджан, а 19 [23 VIII] в Хашт-руд и, выехав в Мерагу, двинулся на Арран и там зимовали. 5 числа месяца раби'-ал-авваль лета [6]93 [3 II 1294] появился на свет царевич Бири [?][7], а 28 числа месяца раби'-ал-ахыр [28 III] прибыли гонцы от Токтая. Их старшины — царевич Калинтай и Пулад — предстали пред его высочеством в Далан-науре с изъявлением мира и согласия и разного рода просьбами. 3 числа месяца джумада-л-уля [1 IV] их с большим почетом и уважением отпустили. 2 числа месяца джумада-л-уля [31 III] на берегу Куры [Гейхату-хан] основал большой город и положил ему имя Кутлуг-Балык. Возвратившись с зимнего стойбища, он произвел смотр
A240b войскам в Билясуваре. В начале месяца джумада-л-ухра [69]3 года [начало V 1294] держали совет [по поводу] бумажных денег.

7 раджаба [3 VI] скончался Гирей-огул сын Менгу-Тимура. 16 числа упомянутого месяца раджаба в Аладаг на служение к его высочеству
S535 прибыл царевич Байду, и Гейхату гневно его побранил, а 15 ша'бана [11 VII] [Гейхату] по ходатайству Боракчин-эгэчи дал ему соизволение вернуться обратно. 7 числа месяца рамазана [1 VIII] прибыли в Аладаг и созвали там курултай, а в четверг 21 числа [упомянутого] месяца курултай распустили. Аминь.

---

[1] B — 671.

[2] Т. е., чтобы его называли вместо Садр-ад-дин-«опора веры» — «опора мира», а брата вместо Кутб-ад-дин «полюс веры» —«полюс мира».

[3] I, P, B.

[4] *бэ чарӣк-и хурāсāн.*

[5] A, S, L — *ашкмр;* I — *ашкмэ;* P. B — *аскмэ.*

[6] I, P, B — „ша'бана".

[7] A, S — *б?рӣ;* P — *?арӣ.*

Рассказ о выпуске злополучных бумажных денег и вреде, который по этой причине произошел во владениях

Садр-ад-дин и некоторые эмиры от времени до времени размышляли по поводу бумажных денег[1], имеющих хождение в Хитае и обсуждали, каким способом их [ввести] и распространить в этих владениях. Это дело они доложили на служении его высочеству. Гейхату приказал[2] Пулад-чингсангу дать разъяснение по этому обстоятельству. Тот рассказал: „Чоу — это бумага с царской печатью на ней, которая ходит по всему Хитаю вместо чеканных дирхемов, а звонкая монета там балыш, и она достается высочайшей казне".[3] Поскольку Гейхату был государем весьма щедрым, делал чрезмерные подарки и денег в мире ему нехватало, он одобрил это дело. Садр-ад-дин же желал установить во владениях такой обычай, какой другие еще не устанавливали, и потому много старался в этом отношении. Шиктур-нойон, который был самым разумным из эмиров, говорил: „Бумажные деньги вызовут разруху в государстве, причинят бесчестье государю и смуту в ра'иятах и войсках". Садр-ад-дин доложил [государю]: „Поскольку-де Шиктур-нойон очень златолюбив, то он и силится представить бумажные деньги негодными". Вышел указ, чтобы их изготовили в скорости.

В пятницу 27 ша'бана [23 VII] эмиры Акбука, Тогачар, Садр-ад-дин и Тамачи-инак отправились в Тебриз для изготовления бумажных денег. 19[4] числа месяца рамазана [13 VIII] они прибыли туда, представили указ и заготовили множество бумажных денег. В субботу 19[5] числа месяца шаввaля 693 года [12 IX 1294] в городе Тебризе выпустили в обращение бумажные деньги и указ был таков, чтобы тотчас же казнили каждого, кто не будет [их] принимать. С неделю из страха перед мечом [их] принимали, однако за них людям немного чего давали. Большая часть жителей Тебриза поневоле предпочла убраться и прихватила с собою с базаров товары и съестное, так что ничего нельзя было достать, и люди, чтобы поесть плодов, скрывались в садах. Город, столь полный народа, совсем опустел. Бездельники и бродяги[6] раздевали на улицах всех, кого встречали. Караваны там перестали ходить. По ночам бродяги устраивали засады на садовых улицах, и если какой-либо бедняк ухитрялся раздобыть [себе] харвар зерна или корзину плодов, они у него отбирали, а если он сопротивлялся, то говорили: „Продай-де и получай стоимость благословенными бумажными деньгами[7] да укажи, где ты купил". Короче говоря, народ был охвачен несчастьем, и бедняки простирали руки мольбы.

Однажды, случайно, Гейхату проезжал по базару. Он увидел лавки пустыми и спросил о причине. Садр-ад-дин сказал: „Помер местный старшина Шараф-ад-дин Лакуши, а у тебризцев такой обычай, что оплакивая вельмож, они расходятся с базаров". В одну из пятниц в соборной мечети [народ] учинил Кутб-ад-дину[8] такой великий шум, что был отпущен. В закоулках съестное продавали за звонкую монету,[9] а людей же за это убивали, и торговля и взимание тамговых пошлин

---

[1] *чāв*, [чоу?]
[2] В — доб. „эмиру".
[3] *хазāнэ-и 'āмирэ*.
[4] Р, В — 12.
[5] В — 11.
[6] *рунāд ва авбāш*.
[7] *чāв-и мубāрак*.
[8] Р, В — доб. „брату Садр-ад-дина".
[9] В рукописях в этом месте слово — *зар* (золото), которым в то время называли вообще металлические деньги.

совсем прекратились. Однажды какой-то дервиш схватился за узду [лошади] Садр-ад-дина и сказал:

Стихи

Мир объял запах горелой печени,
Ну и нос же у тебя, коль ты не чуешь!

Садр-ад-дин под впечатлением этих слов при содействии нукеров 'после разрушения Басры'[1] получил указ, чтобы торговлю съестным производили на звонкую монету. По этой причине люди приободрились и стали открыто торговать на звонкую монету, вследствие чего беженцы начали возвращаться в город, и он в короткое время снова стал про-
A241a цветать. В конце концов дело с бумажными деньгами не удалось, от него отреклись, и народ избавился от этой тяготы.

В пятницу 2 числа месяца зи-л-ка'дэ лета 693 [24 IX 1294], соответствующего тукузунч-месяцу года ...,[2] в окрестностях Нахчувана скончался царевич Анбарчи. Аминь.

Рассказ о мятеже [царевича] Байду в Багдаде, разногласии [между] эмирами этой стороны, вражде некоторых [из них] с Гейхату и его конце

Когда царевич Байду по ходатайству Боракчин-эгэчи получил свободу и направился на старое свое стойбище, он по причине той обиды и откровенно и иносказательно жаловался на Гейхату своим эмирам. В ту пору, когда Тудаджу-яргучи, Чечек-гурген, Легзи сын Аргун-аги и Иль-Тимур сын Хандукур-нойона ездили в Багдад, он завоевал их сердца и сделал своими единомышленниками в отношении восстания против Гейхату. Джемал-ад-дин Дестджердани, из катибов и чиновников Багдада, примкнул к ним и заготовлял для него [Байду], эмиров и дружин все, что потребно было из оружия, животных, савери и тагара. Байду послал в город Багдад гонцов, чтобы они убили Мухаммеда-шукурчи, который
S538 в силу ярлыка Гейхату-хана [сидел] воеводой в Багдаде. Учинив смуту и беспорядок, они подняли мятеж. Когда Гурбатай-гурген проведал об этом обстоятельстве, он отправил гонца и оповестил Гейхату о восстании Байду и заговоре упомянутых эмиров и советовал, чтобы он берег себя от коварства окольных эмиров: Доладая-эюдэчи, Кунчукбала, Тугела, Ильчидая и Бугдая, состоявших в том заговоре. Гейхату, посоветовавшись с Акбукаем, схватил названных эмиров, кроме Тугела, бывшего в Грузии, и связанных отправил в Тебриз, чтобы их держали в заключении. С летнего становища в Арране послали гонцов к Байбукаю в Диярбекр, чтобы он схватил и прислал Байду. Когда гонцы доехали до границ Ирбиля, они на берегу реки Заб увидели, что Байбукая схватили и увозят гонцы Байду. [Гонцы Гейхату] повернули оттуда назад, с крайней поспешностью прибыли [в ставку] и доложили Гейхату о положении дела Байбукая. В четверг 28 числа месяца раби'-ал-ахыра 694 года, соответствующего концу икинди-месяца года ...,[3] Гейхату отправил Акбукая и Тогачара в поход на Байду.[4] Тогачар же втайне послал известие Байду и побуждал его к восстанию. Когда они дошли до берегов реки Чагату, Акбука, хотя и не знал о письме Тогачара к Байду, в разговоре с ним сказал: „Ты-де человек хитрый и коварный, а знаешь ли в какое ты [ввязался] дело?"

[1] См. выше, стр. 44.
[2] Пропуск в рукописях.
[3] Пропуск в рукописях.
[4] *бэ чарйк-и байду.*

Тогачар, когда услышал эти слова, подумал, что Акбука проведал об его тайне. Испугавшись, он в полночь, сговорившись с тысячниками, направился на сторону Байду. Увидев подобное, Акбука обратился в бегство и с тремя сотнями всадников из своих личных слуг прибыл на служение к Гейхату в окрестностях Ахара.[1] Гейхату был поражен тем обстоятельством и хотел двинуться в Рум. Некоторые из нерассудительных окольничих говорили: „Негоже-де бежать и отдавать мятежнику престол и венец. Во всех этих краях стоят наши дружины, соберемся вместе и ударим на врага". Гейхату оттуда повернул обратно в Арран и на другой день приехал в Билясувар. В полночь бежал со своими товарищами и направился к Байду эмир Хасан сын Буку, который неотлучно состоял при [Гейхату] с младенческой поры. Когда весть об этом дошла до Кунчукбала и Доладая, они выбрались из заключения в Тебризе и бежали, а эмиры Иринчин и Байчак[2] с некоторыми другими составили заговор, освободили Кипчак-огула сына Байду, который содержался в заключении, и доставили его к отцу. В четверг 6[3] числа месяца джумада-л-уля [24 III] Тайтак и Тогрулча в окрестностях Хамадана дали бой Башмак-огулу и Карадже, зятю султана Ахмеда, и победа осталась за Тайтаком. Из Грузии подходил с дружиною Тугел и к эмирам, находившимся в заключении, послал гонца в Тебриз: „Я-де с полночисленным войском с помощью царевича Ильдара вознамерился пойти в Арран на Гейхату, вам же надлежит поскорее примкнуть ко мне". A241b Они тотчас же отправились, на берегу реки Куры прибыли к Тугелу и вместе двинулись на поиски его [Гейхату]. Тысяча Барыма, стоявшая в Билясуваре, разведала где находился Гейхату, пошла, схватила его и выдала мятежным эмирам, чтобы они его убили. В четверг 6 числа месяца джумада-л-уля[4] лета 694 [24 III 1295], соответствующего 7 числу учунч-месяца года...,[5] вместе с ним убили Тамачи-инака, Ит-оглы и Ит-Бокы, которые были его приближенными. Ит-кулы, [который] во время вызова и наказания Байду заправлял этим делом, схватили и отправили к Байду, чтобы он покарал его способом, каким признает достойным. Когда он туда прибыл, Байду сказал: „Он поступал так по указу государя, взыскивать с него нельзя", — и жизнь его пощадили. Поймали и Акбукая и Тайджу. Их схватили и убили близ Хаштруда, в то время когда Газан сражался с Байду.

В среду 19 числа месяца джумада-л-уля 694 года [6 IV 1295] с места слияния рек Кукерэ и Чагату эмиры послали на служение к царевичу Газану эмира Рамазана с объявлением о событии с Гейхату. Они отправили гонца и к Байду, чтобы он как можно скорее пришел и сел на престол. Когда Байду услышал эти слова, он очень обрадовался и возликовал. Он казнил нескольких эмиров, с которыми был плох, и двинулся в эти края.

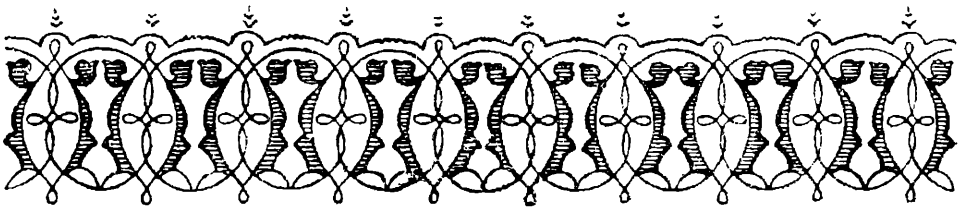
Все рассказы об его делах будут[6] изложены в повествовании о Газан-хане, 'если богу всевышнему будет угодно. Да будет мир над мусульманами'.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ГЕЙХАТУ-ХАНЕ

О похвальном образе его жизни, отменных качествах души, приговорах, которые он изрекал, прекрасных наставлениях и притчах, которые он высказывал из тех, что не вошли в две предыдущие части и стали известны от разных лиц[7]

---

[1] B — Абхара.
[2] A — *ʔайхāқ*; S, P — *ʔāʔхāқ*.
[3] B — 8.
[4] P, B — джумада-л-ахыр.
[5] Пропуск в рукописях.
[6] P, B — доб. „последовательно".
[7] Далее в рукописях следует повествование о Газан-хане.

A242a S537 # О ГАЗАН-ХАНЕ, СЫНЕ АРГУН-ХАНА, СЫНА АБАГА-ХАНА, СЫНА ХУЛАГУ-ХАНА, СЫНА ТУЛУЙ-ХАНА, СЫНА ЧИНГИЗ-ХАНА,

а содержит оно в себе три части

Часть первая. Рассказ об его высоком происхождении, памятка об его делах от поры благословенного рождения его до времени восшествия Аргун-хана на царский престол, памятка о женах и детях его и благородная родословная их.

Часть вторая. События, предшествовавшие его благословенному восшествию, изображение престола, хатун, царевичей и эмиров во время восшествия его на царский престол, летопись поры его царствования, войны, которые он вел, и победы, которые ему достались.

Часть третья. Его похвальный образ жизни, отменные качества души, памятники его справедливости, благодеяний, богоугодных дел, благотворительности, ученого образования и прекрасных обычаев. Проникающие в суть дела речи, которые он произносил в разное время по поводу установления истины и заключавшие в себе соблюдение пользы всех людей, твердые постановления и неотложные распоряжения, которые он издавал по разным случаям. Достопримечательности из рассказов и дел, не вошедшие в две предыдущие части. О них два речения: одно изложено связно и составляет целые рассказы, другое написано порознь, соответственно разным событиям и происшествиям.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ [ПОВЕСТВОВАНИЯ О ГАЗАН-ХАНЕ]

Рассказ об [его] высоком происхождении, памятка об его делах от поры благословенного его рождения до времени восшествия Аргун-хана на царский престол, памятка об его женах и детях и благородная родословная их

Газан-хан — старший сын Аргун-хана. Аргун-хан двенадцати лет от роду посватал за себя его родительницу, дочь Кяхтер-битикчия по имени Култак из рода дурбан. [Он посватал ее] у Корк-Тимура, который был братом Урукту и Мулая. Старшую сестру ее по имени Ашулун посватал за себя царевич Тубшин. Култак обладала чрезвычайной красотою и Аргун-хан любил ее всей душою, так что, когда ее везли в ставку на свадьбу, он хотел было выехать навстречу, но эмиры Сартак и Чочкан [его] удержали, и он от великой радости взобрался на шест шатра, сел на верхнюю подпору и издалека высматривал ее. Короче говоря, после исполнения обряда проводов невесты в дом мужа и свадьбы, соединились благородные начала жизни Газан-хана, и раковина чрева той сияющей луны понесла жемчужину царственного моря. Через девять месяцев, в благословенный предрассветный час пятничной ночи, 29 числа месяца раби'-ал-авваль лета 670 [4 XI 1271], соответ-

ствующего 1 числу бир-йигирминч-месяца, в Абескуне в области Мазан- A242b
деран, под счастливым знаком созвездия Скорпиона...[1] державный Газан-хан из тайны небытия вступил в пределы существования, и очи мира просветились его красою. Много искусных звездочетов, присутствовавших при благословенном рождении, составили гороскоп и, с большой осмотрительностью сделав вывод, нашли, что он родился под очень счастливой звездой. Каждый из них сказал стихи

Взглянул я на звезду твоего счастья и увидел,
[Что] надел твой будет сто тысяч душ.

Все заключили, что это будет великий государь, очень величественный, могущественный и почитаемый и единодушно решили, что

Стихи

Высока эта звезда его счастья,
До лучезарного солнца достает его престол. S540

Его поручили добронравной кормилице по имени Могалчин, жене китайца по имени Ишенг, которая приехала с Култак-хатун. Она была женщиной пригожего облика, похвального образа жизни, как и подобает кормилицам царевичей. Сын ее Ханду еще жив. Короче говоря, любезная кормилица воспитывала его на заботливой груди. Еще в колыбели, как говорится в стихах,

'В колыбели он говорил о счастии своего предка,
Следы благородства падают [как лучи] доказательства',

он произносил прекрасные слова и говорил правильно, так что все оставались в изумлении. Так как у монголов такой обычай, что мужьям кормилиц царевичей не дозволяют сближаться с женами, а китаец Ишенг в ту пору общался с женою, она забеременела и от ее молока у царевича случился понос, то его [Газан-хана] отняли от Могалчин, трех лет от роду посадили на коня и передали родительнице Хасана, который был начальником знаменосцев,[2] из рода сулдус. Имя отца Хасана было Ашту, а матери его Аштай. Сыном Ашту является Тулай, который ходит в эюдэчиях и баурчиях. Когда царевичу исполнилось три года, Аргун-хан отправил эмира Кутлугшаха с зимнего стойбища в Мазандеране за какими-то делами на служение к Абага-хану. В Мугане он прибыл на служение, и Абага-хан расспросил [его] о здоровье царевича Газана. [Кутлугшах] доложил: „Ему-де три года и он уже садится на коня".[3] У Абага-хана загорелось сильное желание увидеть его. В час его [Кутлугшаха] возвращения, он сказал: „Я уже состарился и нет-нет да западает на сердце думка о последней дороге. Хотя мой сын Аргун очень любит [своего] сына Газана и не захочет с ним расстаться, поскольку он у него единственный, [все же] у меня заветное желание, чтобы он прислал его ко мне, дабы он запускал ястребов и кобчиков и приносил [с охоты] лучшие части животных".[4] Когда эмир Кутлугшах передал такое известие Аргуну, тот сказал: „У меня ведь только вот этот сын, как я могу [его] отослать, а надобно повиноваться указу отца. Лучше я сам поеду на служение и возьму его с собою туда". В начале весны, случившейся в месяцах лета [6]73 [1274/75], он из Мазандерана

[1] Остался непереведенным гороскопический термин *сахм-ас-са'ādат ва сахм-ал-ғайб дар тāли'*.
[2] *амир-и тукчийāн*.
[3] P, B — доб. „и разговаривает как взрослый".
[4] *шāрāлīу*.

отправился на служение к царственному отцу и взял с собою царевича. В Кунгуруланге он прибыл на служение. Когда Абага-хан услышал весть об их приезде, он, страстно жаждая свидания с царевичем Газаном, выехал навстречу. Увидев его, он снял его с лошади, посадил впереди седла своего коня и радовался свиданию с ним. Так как он усмотрел в нем царственную благодать и врожденные свойства государя, то сказал: „Этот отрок достоин того, чтобы быть при мне, я бы его сам воспитывал". Хотя он [Абага-хан] очень любил Аргуна, но вследствие расположения к Газану, любовь к последнему выросла в его сердце сильнее. В ту пору он постоянно весь был занят только пиршествами и увеселениями в честь благополучного приезда этого внука, и всех жаловал и дарил. В час возвращения Абага-хан сказал: „Пусть Газан-хан останется здесь для того, чтобы я его воспитал". Поскольку у старшей Булуган-хатун не было детей мужского пола, Аргун-хан доложил: „Ежели-де будет указ, я его отдам в услужение гулямом Булуган-хатун". Абага-хан одобрил.[1] Булуган-хатун отправлялась в путь в Сугурлук. Аргун проследовал за ней один перегон и, устроив угощение, препоручил ей Газана, а сам вернулся в Хорасан. Булуган-хатун сильно обрадовалась
A243a и говорила: „Это щедрость и дар божий, он мне словно сын родной". Аргун оставил при нем десять нукеров из рода онкут: Хасана, Кокея, Маджара, Адарама,[2] Букая, Кардогмиша,[3] Калчая,[4] Алтуна, Букая [и] Акбачи. Абага-хан приказал: „Быть Газану в этой ставке, а ставке причисленной к нему. Пусть он владеет этой ставкой после меня и будет [моим] заместителем". Короче говоря, царевич Газан пребывал в ставке Булуган-хатун и неотлучно состоял при Абага-хане. Оттого, что он был малым дитятей, Абага-хан любил его больше младшего сына своего Гейхату, так что если Гейхату в играх его обижал, [Абага-хан] с него взыскивал.

Так как Абага-хан тяготился людской толпой и сутолокой, он в ту пору посватал за себя Тудай-хатун и очень ее полюбил. Он устраивал ее в полуфарсанге от ставок и не допускал туда никого из братьев и сыновей. Из сильной любви к Газану, он поселял его рядом с ней. Пьяный и трезвый, на охоте, в пути и дома и в час урочный и неурочный [Абага-хан] держал при себе Газана и мгновения не мог вытерпеть, чтобы не видеть его, и постоянно говорил: „Только при этом мальчике появляется счастье и благополучие". Так как Газан был очень смышлен, то он с ранних детских лет собирал детей и сверстников и учил их правилам, военному строю и способам боя. Он назначал между ними степени старших и младших родственников и названных братьев-сватов.[5] Если кто-либо пытался выходить за пределы [степени], с того он взыскивал по ясе, налагал наказание и выговаривал. Он не забавлялся по обыкновению детей куклами и игрушками, а игра его состояла в том, что он приказывал сшить войлок и ткань наподобие людей и лошадей, надевал на них оружие, расставлял друг против друга, словно два войска, и повелевал сражаться и биться. Когда ему исполнилось пять лет, Абага-хан поручил его китайскому бахши Яруку, чтобы он его воспитал и обучил монгольскому и уйгурскому письму, наукам и хорошим их [бахшиев] приемам. В течение пяти лет он превзошел в совершенстве эти предметы, а затем упражнялся в искусстве верховой езды и стрельбы из лука.[6]

---

[1] P, B — доб. „В те дни".
[2] A, S, L, I — *адрм;* P — *авем;* B — *ӯзем.*
[3] L — *фрӯ ı мш;* P, B — *кӯдı мш.*
[4] L, I, P, B — *клх ? āй.*
[5] *акāвуйнӣ ва андэ кудāйи.*
[6] P, B — доб. „и игре в човган".

Стихи

Еще изо рта у него исходил запах молока,
А у него уже являлась мысль о сабле и стрелах. S539

Он постоянно запускал соколов и так гонял вскачь лошадей, что люди диву давались.

В лето 678 [1279/80], когда Абага-хан для отражения дружины караунов, опустошавших Фарс, направился в Хорасан, он взял с собою Булуган-хатун и Газана. Аргун выехал навстречу, примкнул на служение в Семнане, и отец с сыном снова увиделись. Выступив из Семнана, они охотились в Ахрикухе, что между Семнаном и Дамганом. Газану было восемь лет. Он убил там дичину и, поскольку это была [его] первая добыча, то для помазания жиром[1] его рук на три дня задержались в Дамгане и забавлялись пиршествами и увеселениями. Корчи-Бука, который был мергеном, то-есть метко поражал дичь, помазал царевича Газана. Когда [Абага-хан] ехал из Дамгана, он по той причине, что была ранняя весна и трава еще не совсем выросла, приказал, чтобы Булуган-хатун вместе с Газаном поехали дорогой через Мазандеран, а сам отправился на Бистам. Они пошли дорогой на Шахрек-и Нов и присоединились к Абага-хану на луговьях Радкана. Абага-хан двигался на Кейту-Джам и Герат. Аргун-хана он отправил в Гур и Гарчу для отражения караунов. Газан доложил: „Ежели-де будет указ, я поеду и сделаю отцу угощение". Абага-хан одобрил и пожаловал ему один[2] бурдюк собственного вина, чтобы он отправился вслед за отцом. В Баг-и...[3] под Тусом он ему устроил угощение, простился и вернулся обратно.

Абага-хан отослал Сельджук-хатун в Демавенд, а вместе с ней также Газана. Он призвал Майджу-бахши, отца эмира Тарамдаза, и его мать Тугелтей [?][4] и сказал: „У меня к вам полное доверие и я препоручаю вам Газана как сына. Китаец Ярук-бахши пусть тоже будет с вами. Поезжайте вместе с Сельджук-хатун на летовку в Демавенд, чтобы он [Газан] получил хорошее удовольствие". То лето они провели в Демавенде, а осенью, когда Абага-хан возвращался, Газан в Верамине Рейском прибыл [к нему] на служение. Из большой любви Абага-хан в неурочный час надевал старую шапку и неузнаваемый приходил A243b в шатер Газана. Лежа на постели он играл с ним и его раздевал. Аштай-эгэчи он приказывал не класть ему [Газану] подушки, а также не дозволял, как принято для царевичей, навязывать подушку на седло его лошади. Он приказал сажать его на голое седло, чтобы он закалялся. Тукитай-хатун часто просила: „Ведь у меня нет сына, вот ежели бы государь отдал мне в сыновья Газана, [на то] он судья". Поскольку Абага-хан[5] любил Булуган-хатун и желал, чтобы та стазка [ее] досталась Газан-хану, отвечал: „Его-де отец, Аргун, отдал его в сыновья Булуган-хатун, как можно отнимать". Постоянно он говорил: „На челе этого отрока видны следы могущества и счастья", — и приводил монгольскую поговорку: он словно зуб в брюхе, то-есть мягкое брюхо, в котором растет зуб. В играх [Абага-хан] так его и называл.

20 числа месяца зи-л-хиджжэ 680 года [1 IV 1282], когда Абага-хан, вернувшись из Багдада, скончался в Хамадане, Газану[6] было десять лет. Он горько оплакивал событие с ним [Абага-ханом], так что плачем

---

[1] *йāгламīшй.*
[2] P, B — „несколько".
[3] A, S — *хйн*; L, P, B — *х?н.*
[4] A — *тӯкāлт??й*; L — *?ӯкāлт??й ичāчй*; P, B — *?ӯкāл ва ичāчй.*
[5] S, L, P, B — доб. „очень".
[6] P, B — доб. „еще".

и рыданиями разжалобил хатун и эмиров. После того как Аргун-хан прибыл из Хорасана, явился в ставки в Мераге, а затем, по восшествии Ахмеда, снова вернулся обратно, Газан постоянно находился при Булуган-хатун. В [6]81 году [1282/83] когда Булуган-хатун зимовала в Багдаде, вместе с ней были царевичи Гейхату и Газан. Ахмед находился в Арране, а Аргун приехал из Хорасана в Багдад и ту зиму провел там. Весною Булуган-хатун направилась в Хорасан. Аргун-хан посватался и женился на ней. Газан по обыкновению постоянно пребывал в ее ставке, а во время похода Ахмеда в Хорасан, Аргун пожелал, чтобы он вернулся обратно, согласно тому, как было представлено в повествовании об Аргуне. Он послал Газана к нему [Ахмеду], и [Газан] прибыл к нему в окрестностях Семнана. Ахмед узрел на нем царственную благодать, обласкал его, выказал полное расположение и в Бистаме дал [ему] позволение удалиться. Когда Аргун[1] явился к Ахмеду, у Ахмеда находился Ильдар. Против Аргуна он говорил безумные речи. Газан на его счет проявил такое красноречие, что все остались в изумлении от его прекрасных ответов и вопросов.

A244a После того как господь всевышний дал Аргуну победу и он последовал за Ахмедом в Азербайджан, Булуган-хатун тоже направилась в те края. Газана же оставили наместником в Хорасане. Большая часть обозов,[2] эв-огланы и Эсэн-Бука, эмир той ставки, и все сокровища были оставлены там для Газана. Когда Булуган-хатун скончалась, Аргун-хан через некоторое время посватал эту Булуган-хатун, которая теперь [еще] жива, и приехал в ее [старшей Булуган-хатун] юрт. Проверив сокровища покойной Булуган-хатун, он выделил для себя кое-что из одежд и золотых и серебряных вещей, а об остальном сказал: „Эти сокровища, юрт и ставка по указу Абага-хана принадлежат Газану. Надобно их опечатать". Люди, которые видели эти сокровища, рассказывают, что подобных сокровищ ни у кого никогда не бывало, потому что там было
S542 не столько жемчуга, драгоценных вещей и лалов, чтобы можно описать. А причина тому была такова. Поскольку [Абага-хан] очень любил Булуган-хатун, он всегда, когда входил в казнохранилище, выбирал редкостный драгоценный камень и тайком дарил ей. После кончины Булуган-хатун, казначеи [к казне] протягивали воровские руки. Газану становилось [об этом] известно, и он всегда взыскивал за это. Сокровищница эта постоянно была опечатана.

Когда Аргун-хан скончался, Гейхату-хан взял Булуган-хатун без ее воли [себе в жены] и не позволял, чтобы Газан к ней являлся, как об этом было говорено в повествовании об Аргун-хане. [Гейхату-хан] удалил его из Тебриза и его очень тяготило такое положение. Он терпеливо его переносил до тех пор, пока после события с Гейхату, он не стал государем, одержав победу над Байду, и не взял Булуган-хатун [в жены]. В конце зи-л-ка'дэ 694 года [нач. X 1295] справедливость была восстановлена. Когда Аргун[3]-хан прибыл из Хорасана и воссел на престол, он Газана[4] оставил там своим наместником. После этого им уже не пришлось встретиться. Подробности этих обстоятельств будут упомянуты в двух следующих частях 'если захочет бог'.

Памятка о женах и детях

Сначала Газан [взял в жены] Йиди-Куртука дочь Менгу-Тимур-гургена из рода сулдус, мать которой была Туглугшах, сестра

[1] Газан?
[2] *ағрӯқхā*
[3] P, B — Газан.
[4] P, B — Олджейту-султана.

Мубарекшаха, сына Карахулагу сына Йисутуя, сына Муатугэна, сына Чагатая. Затем хорасанку Булуган-хатун дочь эмира Тесукэ, мать которой была дочерью Аргун-аги.[1] Затем Ашиль-хатун дочь тысячника Тук-Тимура, сына темника Нокая-яргучи. Затем Кокечи-хатун, привезенную из Монголии, из родственниц старшей Булуган-хатун, ее он посадил на место Докуз-хатун и Тукитай-хатун. Затем Булуган-хатун, дочь Отмана, внука[2] Абатай-нойона. От нее он имел сына, по имени Алачу, который умер в детстве, и дочь по имени Олджей-Кутлуг.[3] Ее он помолвил за своего племянника.

Затем он взял в жены Донди-хатун. Затем он посватал за себя Керемун-хатун дочь Кутлуг-Тимура, сына Абатай-нойона, и посадил ее на место Кокечи-хатун. Это было изложено повествование о женах Газана. Родословная же его благородных потомков излагается в следующем виде.[4]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ГАЗАН-ХАНЕ

События, предшествовавшие его благословенному восшествию [на престол]. Изображение престола, хатун, царевичей и эмиров при восшествии его на царский престол. Летопись поры его царствования, войны, которые он вел, и победы, которые ему достались.

События, предшествовавшие его благословенному восшествию от той поры, когда Аргун-хан назначил его наместником в Хорасане, до времени победы над Байду, а [изложены] они в нескольких рассказах.

Рассказ о делах Газан-хана в Хорасане в пору отца [его] Аргун-хана A244b

Когда Аргун-хан с помощью всевышнего творца спасся из рук Ахмеда, он последовал за ним в Азербайджан и сел на царский престол. Царевича Газана он поставил своим наместником в Хорасане, отдал ему эти владения с большими дружинами и доверил ему ту границу, а [граница та] из самых важных. Согласно указу отца, он пребывал там и властно правил и рядил дела тех владений. Постоянно по всяким важным делам туда и обратно ездили гонцы. Эмир Новруз состоял при нем и усердно старался по войсковым делам и по должности эмира. В месяце зи-л-хиджджэ лета 687[5] [I 1289], когда царевич Газан вернулся с зимовки из Мерва, состоявший при нем на службе Новруз, испугавшись молвы о казни Букая с нукерами, доложил: „Раз-де ходит молва о врагах, то я хочу отправиться к своему стойбищу, да сделать смотр полкам, дабы повести дружины, ежели понадобится". Под таким предлогом он, получив позволение, повернул обратно, а жену свою царевну Туган[чук] с родительницей Сурмиш и братьев Ойратай-Газана, Хаджи и Нарин-Хаджи, и племянников оставил на служении при [Газан-хане]. Аргун-хан старшим эмиром и хакимом послал в Хорасан эмира Текнэ и он и Букай служили неотлучно, но Газану не нравился обычай и образ действий Текнэ и, поскольку [Текнэ] пришелся ему не по нраву, [Газан-хан] не давал ему делать того, что он хотел. Из Азербайджана вернулся обратно эмир Кутлугшах-нойон и по причине нездоровья пребывал в окрестностях Хучана. Новруз же отпра-

[1] S — доб. „имя ее [его?] было *Менгли ??кин*.

[2] На стр. 112 Отман назван сыном Абатай-нойона.

[3] B — доб. „которая теперь еще жива".

[4] В рукописях родословная таблица отсутствует и непосредственно следует вторая часть повествования. S — доб. „изображение Газан-хана и родословная его потомков: Аладжу — Олджей-Кутлуг".

[5] I—683.

вился в Дерегез, свое зимнее стойбище. Ту зиму царевич Киншу согласно указу зимовал в Герате.

Когда пришла весна, царевич Газан из Мерва перекочевал в Серахс и задержался там на несколько дней, а затем перешел в Каратепе близ Серахса, чтобы дать скоту нагулять тела, и занялся пиршествами и стрельбою из лука. Новруз из страха, что Аргун-хан заподозрит его [в сообщничестве] с Букаем, непрестанно слал [гонцов] и извинялся, что болезнь ноги мешает ему явиться на служение. Он созвал своих сотников и приверженцев и сказал: „Я-де слышал, что от Аргун-хана к царевичу Газану пришел ярлык, гласящий, что Новруз и приверженцы [его] были в заговоре с Букаем. Надобно, мол, их схватить и всех казнить". Поскольку царевич Киншу посватал сестру Новруза, он [Новруз] и ему послал такого же рода известие и, запугав, сделал его своим единомышленником. Около того же времени прибыли Садак-тархан и Беклемиш, которых Газан посылал на служение к Аргун-хану. В течение месяца [Газан] пробыл в Каратепе. Распространилась молва о мятеже Новруза. Между тем прибыл также и эмир Кутлугшах. Сурмиш, мать Новруза, царевна Туган[чук], братья и племянники его, которые там[1] находились, под тем предлогом, что Новруз выдавал дочь за Сарабана сына Никпея, просили позволения поехать и вернуться после свадьбы обратно: „Нас-де люди дожидают, пока мы не приедем и не справим свадьбу". Когда они уехали и присоединились к Новрузу, Газан в начале месяца раби'-ал-авваль 688 года [кон. III 1289] выступил из Каратепе и направился в Тус и Радкан. Садака он послал гонцом к Новрузу: „Мы, выступив, идем туда. Тебе же надобно явиться к реке [местности] Мергнэ, которая [зовется] Кешефруд". Когда Садак прибыл к Новрузу, Новруз его схватил, накрепко связал и допрашивал под ударами палок и дубинок. „Ты-де был на служении у Аргун-хана, сказывай, какой приговор он вынес мне". Садак ответил: „Добрый и хороший". [Новруз] намерился было его убить, и Садак из страха за жизнь сказал несколько несвязных слов. Родительница Сурмиш и царевна Туган[чук] воспрепятствовали его казни. Его заковали и бросили в тюрьму, а [Новруз] преградил все дороги и начал мятеж и усобицу.

Газан расположился у Пул-и Му'ин на реке Кешефруд. В четверг 27 числа месяца раби'-ал-авваль [6]88 года [21 IV 1239], Новруз с бывшей у него дружиной пошел на большую ставку. Случайно у реки остановились Бука, Текнэ, Корк и прочие эмиры, [так что] собралось превеликое полчище, а ставка расположилась в стороне от реки у холма.
A 245a Благоволение господне было на [стороне] Газана. Новруз принял это полчище за его ставку, окружил их [эмиров], как это в обычае у монголов, и [дружина его] подняла боевой клич и крик. По милости господней Газан рано поднялся и умывал лицо. Явились приближенные и эмир Кутлугшах сел [на коня]. Когда суматоха и крик возросли,
S 544 Газан сел верхом и с эмиром Кутлугшахом по Нишапурской дороге направился в рибат Сенгбест. С божьей помощью он избавился от этой внезапной беды. Новруз захватил эмиров Букая, Текнэ и Корка и приказал, чтобы ставка и лагери эмиров целиком двинулись в путь. Он отправил их в ...[2] и все разграбили, а Букая убили. Остальных эмиров [Новруз] держал у себя в заключении.

Когда Газан прибыл в Нишапур, там находились эмиры Саталмиш и Мулай. Они примкнули к [Газану], и он двинулся в Мазандеран. Конюшие выронили из дорожного мешка собственную кольчугу [Газана], которая

[1] Т. е. при ставке Газана.
[2] A, S — *бāвдāн*; L — *зāвтāн*; I — *рāмāн*.

была весьма хороша и прекрасна. Несколько времени ее разыскивали, но она не нашлась. Причиною похода в Мазандеран было присутствие там царевича Хуладжу. Распространяли молву, что он заодно с Новрузом и Новруз писал по областям грамоты так: «по указу Хуладжу», «по повелению Киншу». Газан решил схватить Хуладжу раньше, чем он успеет соединиться с Новрузом. Как можно скорее он двинулся в путь, так что на пятый день по выступлении из Нишапура уже расположился в виду Шахрек-и Нов.[1] Эмир Кур-Тимур отделился, а эмиры мазандеранских дружин прибыли на служение. Хуладжу находился в виду Джурджана, близ Гурдагы. В пятницу 7 числа месяца раби'-ал-ахыра [30 IV 1289] [Газан] устремился на Хуладжу. Не доходя до его лагеря, [дружины] подняли боевой клич и крик. У Хуладжу болели ноги, и он, не надев сапог, вышел с луком и стрелами[2] и ударился в бегство. Когда воины добрались до его палатки, то его не нашли. Эмиры Мулай и Баянджар пустились в погоню за ним, поймали его близ Сенг-и Савада и доставили обратно, а лагерь его разграбили. Когда его привели на служение к [Газану] и стали допрашивать о делах Новруза, он отрицал и говорил: „Мне-де об его делах неведомо и я с *ним заодно не был. Никогда у меня таких помыслов не бывало*". Газан в тот день расположился в окрестностях Джурджана, а на другой день отправил Хуладжу под присмотром Бай-Тимура на служение к Аргун-хану. Пробыв [там] один день, Газан учинил смотр дружинам и двинулся оттуда на Хабушан, Тус и Радкан для отражения Новруза, так что на седьмой день уже расположился в Султанмайдан-и Кылидар, [пройдя] почти восемьдесят фарсангов. К концу дня от дозоров пришло известие, что вдали чернеется вражеская рать. Было приказано, чтобы все войско изготовилось к бою, а мятежники, когда увидели издали победоносное войско, удалились в Радкан. Державные знамена ту ночь ночевали в Султанмайдане. Прошел сильный ливень, так что большая часть панцырей и конских доспехов попортилась. Наутро 15 числа месяца раби'-ал-ахыра [8 V] державные знамена направились на Новруза в Радкан. В предполуденный час в местности Инчгесу им случилось сойтись с Новрузом, и с обеих сторон построили ряды. Победоносное войско со страшной отвагой ринулось на них [врагов] и крепко билось, в особенности эмир Кутлугшах. А с той стороны стойко держались Киншу, Новруз и Текнэ. В конце концов в дружинах этой стороны проявилась слабость, и они стали отступать. Державные же знамена стойко держались на своем месте. [Газан] приказал эмирам Кутлугшаху, Саталмишу и Сутаю собрать дружины, но сколько они ни силились, не было мочи повернуть их обратно. Тогда благословенные знамена двинулись по Аргиянской дороге в Джувейн, а вслед [за ними] подоспели военачальники Уйгуртай-Газан и другие. Из всей округи Джувейна ни одна душа не явилась на служение к [Газану], кроме михтара Наджиб-ад-дина Фарраша. Как только [Газан] прибыл к Зирабаду, он [Наджиб-ад-дин] вышел [к нему], соблюл добрый обычай служения, поднес прекрасных лошадей и оказал разного рода достойные услуги. Государь ислама, когда воссел на царский престол, разумеется, обласкал его по справедливости, выказал ему полное благоволение, при- A245b
нял в число своих приближенных, подарил ему деревню Зирабад, которая была инджу, пожаловал ему тарханную грамоту, доверил ему должность казначея, отдал ему, детям его и потомкам место мутаваллия ханкаха, который построил в деревне Бузинджирд, [в одном] из уездов

[1] P, B. — доб. „из уездов Астрабада".
[2] B — доб. „из шатра".

Хамадана. Это прекрасное и большое здание, которому он отказал множество поместий и недвижимости на богоугодные дела.[1] [Наджиб-ад-дин Фарраш] был окинут взором царской милости и благосклонности, и да не будет скрыто, что каждый, кто сослужит царям добрую и похвальную службу, обретет ее плоды и пользу и в глазах прочих будет иметь почет и уважение. Он и поныне, [т. е. в] пору Олджейту, 'да увековечит господь его власть', исправляет эту должность с почетом и уважением и, попрежнему, он человек честный, порядочный, доброго нрава, похвального образа жизни и великодушный, так что достоин царской службы. Постоянно он творит добрые и богоугодные дела и множество благочестивых и ученых людей и людей других разрядов обрели покой его щедротами.

В общем, когда державные знамена приблизились к Джаджерму, учинили совет: „Итти ли нам лучше на служение к Аргун-хану или остановиться в Кальпуше". Газан сказал: „Раз мы послали гонцов Ягмиша и Ирмини-Белу, то надобно обождать, каково придет решение". Он остановился в Кальпуше, так как там находится юрт Уйгуртай-Газана и он же ведал Мазандераном. Там он [Уйгуртай-Газан] оказал добрые услуги и расставил дозоры до Семенгана и Джурмагана. В те дни из области Бейхак прибыл Низам-ад-дин Яхья и доставил его высочеству то, в чем нуждалась ставка: охотничьих лошадей, золотую и серебряную утварь, царский приемный шатер, серапердэ, ковры, сосуды, мулов и верблюдов. Эмирам он тоже оказал добрые услуги и, согласно приказу, вернулся обратно в Бейхак, чтобы приготовить деньги[2] и тагар для войска.

За два дня до битвы с Новрузом, эмир Аладу и многие эмиры дружины караунов напали на лагерь Новруза[3] и все разграбили. Когда Новруз осведомился об этом обстоятельстве, он пустился за ними в погоню, а Киншу и прочие остановились в Радкане. Как это в обычае у караунов, они после того грабежа разделились на два-три отряда и отпали от эмира Аладу. Часть из них[4] пришла к Новруау, а часть отправилась к своим жилищам и положила начало смуте и беспорядку.
S541 Когда Аладу увидел, что они разбежались и рассеялись, он оставил свой лагерь в пределах Бадгиса в [долине, называемой] Дерэ-и Мухкям, а сам примкнул на служение к [Газану]. Газан оказал ему много милости и благосклонности. В Кальпуше пришлось пробыть сорок дней. Когда от Аргун-хана прибыли войска, предводитель их царевич Байду и Нурин-ага с сыном явились на служение. Несколько дней провели пируя, [а затем] под счастливой звездою выступили оттуда по Семенганской дороге в Хабушан. Новруз, когда проведал о прибытии войск из Ирака, понял что они намереваются итти на него, отослал свой лагерь и челядинцев в Герат, а сам продвинулся до границ Джурмагана. Увидев, что у него нет силы сопротивляться, он повернул обратно, а победоносная рать шла следом за ним до границ Джама. В местности Бухар-сарай,[5] что выше Джама, пришли с изъявлением покорности Олджейту с толпою караунов и Тамачи сын Яка-Яндуна [?], нукеры Новруза. Когда подошли к Харджирду Джамскому, [оказалось, что] Новруз угнал и вел с собою весь скот, который нашел в Хорасане, как принадлежавший ему самому и его воинам, так и арабам, туркменам и прочим. Подвигаясь вперед, победоносная рать увидела, что от самого

[1] *бар āнджā вақф карде*
[2] *мāл.*
[3] B — доб. „который находился в пределах Келата".
[4] L, I, P, B — доб. „вроде Олджейту и большой толпы".
[5] P, B — *мухāлифсарā.*

Джама и до Герата все горы и степи были полны брошенного скота. В нескольких местах пало и гнило столько животных, что от зловония нельзя было пройти. Монголы ловили этот скот, уводили с собой и в деревнях продавали овец по данеку за голову. Когда вышел приказ не обращаться к военной добыче, они больше не осмеливались ловить.

Новруз захватил с собою наличные деньги и добро, которое нашел полегче, и с царевной Туган[чук], юртами братьев и ограниченным числом людей выступил по дороге на Сабзевар и Фарах по безводной пустыне. Поскольку было жаркое время года, Газан не счел полезным посылать в догоню войско по этой дороге. Он остановился под Гератом подле моста Малян[1] и отправил эмиров в Бадгис за Киншу и большой ставкой. Киншу, узнав [об этом], выступил со своими женами, детьми и челядинцами в горы Гура и Гарчистана. Эмиры двинули в путь большую ставку, Текнэ и дружину караунов, находившуюся при нем, и всех доставили в Герат. Между прочим, твердость и стойкость Киншу проявились в том, что он за это время не присвоил ни одного динара из царской казны, ни имущества, ни скота из лагерей эмиров, а, напро- A 246a
тив, оказал добрые услуги.

Через несколько дней выступили из Герата и направились в Радкан. Оттуда [Газан] отправил Уйгуртай-Газана в сопровождении Текнэ на служение к Аргун-хану, чтобы представить отчет о военных делах в Хорасане. Несмотря на такую смуту и беспорядок, которые происходили в Хорасане, Газан ни на мгновение не пренебрегал обычаями правосудия и справедливости, чрезвычайно усердно заботился о раʿиятах и распорядился, чтобы ни одна душа из людей ратных и прочих не чинила потрав на пашнях и в садах жителей, ни в коем случае не скармливала скоту зерновых хлебов, не опустошала владений и не притесняла раʿиятов. С толпою караунов, которых разместили в окрестностях Джама, он из Радкана перекочевал в Шутуркух, чтобы там летовать. Там он с царевичем Байду, эмиром Нурином и другими военачальниками, которые прибыли,[2] предавался пирам и вину и оказывал им милости. В это время от дозоров пришло известие, что показался враг. Державные знамена двинулись в Радкан, но слух тот оказался ложным. Вследствие постоянного питья вина [с Газаном] приключилась болезнь. Оттуда перешли в Хабушан и болезнь держалась почти сорок дней, а затем опять уступила прежнему здоровью.

В ту пору от его высочества Аргун-хана прибыли эмир Шиктурага и Туган. То лето и осень провели в окрестностях Хабушана, Радкана и Шутуркуха. Когда похолодало, порешили зимовать в Нишапуре. Газан стал на зимовку в...,[3] а царевич Байду в местности Шамаган, что между Бейхаком и Нишапуром. В ту зиму стояла великая стужа, выпало много снега, большая часть лошадей пала, и множество [ратных][4] людей остались пешими. Когда наступила весна [6] 89 года [1290], перешли на летовку в окрестности Радкана, Хабашана и Шутуркуха.

В тот год повсюду царила безопасность и от Аргун-хана доставили казну[5] и поделили ее между воинами. Туган дошел до пределов Бадгиса и вернулся обратно. Так как в Хорасане не находилось тагара для войск, то в начале лета было решено, что царевич Байду и прибывшие из Ирака и Азербайджана дружины вернутся обратно, а Нурин-

---

[1] P, B — доб. „на луговье Хезарджериб".

[2] P, B — доб. „от Аргун-хана".

[3] A — *мӯʔдӣ*, ниже — *мӯйдӣ*; S, C, L, I — *мӯйдӣ*; P — *мӯбдӣ*; B — *мӯндӣ*; в L, I, P, B к этому слову еще доб. „Нишапур".

[4] P, B.

[5] *хазӣнахӑ*.

ага останется служить. Прощаясь с Байду, Газан дошел до границ Бама и Аргияна и повернул назад.

В то лето часть караунов изменила, вторглась в область Джувейна [под] предводительством Данишменд-бахадура и производила опустошения. Для отражения их был назначен эмир Мулай. Летом и осенью Газан занимался охотой и игрищами в окрестностях Хабушана и Радкана, эмиры — войсковыми делами, а чиновники дивана[1] — сбором налогов и заготовлением тагара для войск. Зимовал [Газан] на [реке] Тежене [в] Баверде. Он приказал построить плотину на реке, которую называют Кал-и Тежен, и привел этим в цветущее состояние несколько деревень.

В ту осень от Аргун-хана прибыл Хорезми-тархан, чтобы управлять делами Хорасана и местными налогами.[2] Газан приказал, чтобы
S546 действовали по указу. По указу наибы в Кухистане схватили Тугана и доставили на служение, а всех писцов и чиновников хорасанских взяли под стражу и приставили к ним приставов. В конце зимы толпище караунов подняло мятеж в окрестностях Серахса и подалось к Мерву. Державные знамена двинулись к Дерэ-и Маргэ, а для отражения их [караунов] и приведения к покорности, царевич Газан отправил Аладу-ноён. [Сам] он некоторое время пробыл в окрестностях Аджа[3] и Шовгана, а оттуда пошел на Серахс и расположился в Каратепе, который называют Ширсейль.

Рассказ о неповиновении Новруза, хождении [его] к Кайду-хану и прибытии обратно для битвы[4]

В месяцах лета 690 [1291] прошел слух, что Новруз с Сарабаном, Эбугэн-огулом, Урук-Тимуром, эмиром Ясауром и другими, с полночисленным войском идут в поход на Хорасан. Причина была такова. Когда Новруз, разбитый, бежал из окрестностей Герата, он подался к Кайду. После множества услуг он попросил [у него] войска. Кайду, по его просьбе, прислал ему войско, а вслед за ним отправил своего сына Сарабана тоже с войском. Газан выслал на разведку Кабарту с отрядом храбрецов. Они дошли до Мургаба, вернулись обратно и сообщили: „Враг действительно наступает и рать [его] велика". Так
A246b как дружины не были в сборе, то выступили из Каратепе и отправились в местность Мерганэ [на] Кешефруде, чтобы там дождаться прихода Кутлугшаха с дружинами, зимовавшими в Герате. Эмира Кунчека послали за мазандеранскими дружинами. Когда подошли к Пул-и Му'ину, эмир Мулай попросил разрешения отправиться в Кухистан и привести тамошние войска. Слухи же о враге непрестанно прибывали, и [Газан], выступив оттуда, остановился повыше Мешхеда [имама] Ризы и стал поджидать Кутлугшаха. В [тот] день из Азербайджана явился Кабан-ахтачи, которого тамошние мятежные эмиры, убившие Чуши, Урдукия и Са'д-ад-довлэ, прислали, чтобы он с несколькими негодяями поднял в Хорасане смуту. Он сообщил, что от Аргун-хана идут азербайджанские и иракские дружины. Газан, который был человеком прозорливым и догадливым, понял, что он лжет, но поскольку слухи о враге все прибывали и прибывали, он не стал разбирать этого дела. На дру-

---

[1] *аṣḥāб-и дīвāн.*

[2] *амвāл.*

[3] A, S, I, P — *арджāх;* L — *арḫāх;* B — *азджāх.* Ср. ниже стр. 157.

[4] В рук. P и B за заглавием следует отрывок текста о пребывании Новруза при дворе Кайду, отсутствующий в A, S, L, I. По стилю этот отрывок совершенно отличен от A, S, L, I и, повидимому, позднейшего происхождения.

гой день приехал Кутлугшах и доложил, что вражья рать дошла до рибата Сенгбест. Газан его обласкал, надел на него кафтан со своего плеча и вечером отпустил обратно, чтобы наутро рано он привел к нему ниже Мешхеда дружины для битвы. В полночь от дозоров пришло известие, что вражья рать перешла Пул-и Муʿин. Высочайшее усмотрение признало необходимым в ту же ночь отправить большую ставку и жен в Эсфераин. Рано поутру, 1 числа месяца рабиʿ-ал-ахыра 690 года [3 IV 1291], он выступил оттуда и расположился ниже Мешхеда [имама] Ризы. При нем на служении находились эмиры Нурин-ага, Аладу, Уйгуртай-Газан и другие. Задержавшись там на час, [Газан] привел в боевую готовность войско и стал дожидаться прибытия Кутлугшаха, чтобы дать сражение врагу. В полдень от Кутлугшаха явился к Газану Чамча и доложил: „Когда мы дошли до рибата Сенгбест, вся [вражеская] рать двинулась через Ведженег[1] и Исхакабад на Нишапур". Вслед за ним на служение прибыл Кутлугшах, а через часок зачернелась [вражеская] рать. Поскольку их [врагов] было множество, а на этой стороне [воинов] мало, эмиры решили, что биться не стоит. Аладу доложил: „Нам не следует меряться с ними силою", — и привел монгольскую поговорку: „легко сойтись с врагом, да трудно от него отвязаться. Давно уже вы знаете ответ Аргун-хана, сегодня же ответ мой". Благословенное мнение остановилось на том, чтобы отступить назад до такого места, где соберутся все дружины. Оттуда [Газан] двинулся в Радкан, а враг все шел следом. В конце дня близ Туса они напали на вражеское войско и бились, а на другой день пошли дальше. В нескольких местах [Газан] приказывал остановиться, чтобы сразиться, но случая не выпадало. Вечером он расположился в Султанмайдане, а на заре двинулся дальше.

Аладу доложил: „Раз-де сейчас не удается сразиться, а лагери[2] мои и [лагери] большей части войск перешли в Джувейн, то, ежели будет указ, я отправлюсь за ними". Получив разрешение, он удалился. Ура-Тимур, отец Ширин-эгэчи, тоже доложил: „Мой лагерь и дружины также ушли в Нишапур, я пойду и приведу их". И он тоже удалился.

Уйгуртай-Газан любил Тузмиш-хатун, дочь царевича Мубарекшаха. Еще раньше он отправил ее в свой лагерь в Кябудджамэ и [теперь] задумал взять ее с собою и податься к Новрузу. Под предлогом того, что я, мол, отправлюсь домой, чтобы привести в порядок мазандеранские дружины и устроить защиту тамошних границ, он испросил разрешение и уехал. Остались служить эмиры Нурин-ага, Кутлугшах и Сутай. [Газан] двинулся по Аргиянской дороге, а сообщения о враге приходили непрестанно. На миг он остановился в городе Эсфераине и, миновав это место, расположился в деревне Кисраг. В полночь, Нурин-[аге], Кутлугшаху и Сутаю стало известно, что отряд караунов, который привели в ставку в тысяче для...,[3] замышляет мятеж и что он решил, восстав, вернуться обратно. Об этом обстоятельстве доложили [Газану]. Признали за лучшее итти дальше, а эмиру Кутлугшаху остаться и дознать дело. Благословенные знамена двинулись в Джур- S543
буд и рано поутру прибыли туда. А тот отряд [караунов] оттуда A247a
повернул обратно, напал на лагери Кунчека, Кутлуг-ходжи и других зонтоносцев, разграбил, что нашел, и примкнул к врагу.

Вражеская же рать все также шла следом до Джурбуда. Когда государь прибыл туда, он приказал, чтобы лагери Качира сына Сартака, Сокара, Соату и других караунов, которые там расположились,

---

[1] A, S, B — *вджнк;* L, I — *вхʔк.*

[2] *ханаха̄.*

[3] A, S — *батай;* L, P — *ʔаʔаʔӣ;* I — *па̄йа̄ни;* B — *ʔаʔайӣ.*

перешли в Джаджерм и Бистам. [Газан] пробыл там до конца дня, [а] когда приехал Кутлугшах и доложил о наступлении врага, он пошел дальше, остановился в Джаджерме и провел [там] ночь. Враг же из Джурбуда повернул обратно.

В том году в Хорасане случилось столько убийств, грабежей и разрушений, что нельзя ни описать, ни рассказать. [Враг] осадил Нишапур, но господь всевышний могуществом Газана сохранил тамошних мусульман от злодейства неверных, и [враги] до них не добрались, но разграбили деревни и многих увели в полон. В Барубаки, Нишапурской области, жители — смелые воины, и враги пошли на них. Есть [там] трудно доступное место и жители с добром и скотом там укрылись. Враги вошли в одну долину, а они, заняв вершины и склоны, перебили около тысячи всадников из неверных. [Враги] оттуда повернули обратно и отправились к Мешхеду, что в Тусе, разграбили его и утащили четыре серебряных померанца, которые были положены на гробнице. Многих из этих воинов в Хорасане поубивали, так что когда они дошли до пределов Бадгиса и захотели сделать смотр войску, то не досчитались около пяти тысяч всадников. В этом обвинили Новруза и побили [его] палками.

На другой день державные знамена выступили из Джаджерма на Бистам и Дамган. Всем эмирам было известно событие[1] с Аргун-ханом, однако они скрывали [его] от него [Газана]. Прибыв в Бистам, [Газан] задержался на день,[2] потому что там находились [его] жены, а оттуда направился в Дамган. До этого раньше он посылал Абишку, брата Аладу, послом на служение к Аргун-хану. Тот, когда услышал о событии, остановился в Дамгане. Все жители Дамгана ушли из города. Часть их вместе с Шах-Ильдузом,[3] укрылась в Гирдекухе, а часть в замке деревни Маян, который является местом очень крепким. По этой причине Абишка из Дамгана возвратился назад, явился на служение в Бистам и доложил о деле дамганских жителей. Когда державные знамена остановились в Дамгане, ни одна душа не явилась и не приготовила фуража,[4] савери и таргу. Газан-хан разгневался, и так как тамошние старшины и вельможи находились в замке Маян, то он приказал, чтобы они [оттуда] вышли. Они отказались и было приказано осадить [замок]. После трех[5] дней боя они запросили пощады, покорились и выдали огромные средства наличными деньгами и припасами и предоставили[6] войску тагар, волов и овец. Газан из крайней благосклонности и милости простил вину этих преступников и повелел разрушить замок, но после благословенного восшествия на престол было приказано [его][7] отстроить. После этого отправились в Семнан. В это время Му'ин-ад-дин, мустовфи Большого Дивана, и многие битикчии ехали в Нишапур. Их схватили и доставили на служение. На это не было обращено внимания, но было приказано, чтобы они отдали обратно ярлыки и ал-тамги, которые у них имелись. Получив разрешение, они удалились.

Когда Газан-хан прибыл в Семнан, эмиры, посовещавшись, доложили Газан-хану о событии с Аргун-ханом. Царевич исполнил обряды оплакивания и приказал по монгольскому обычаю снять[8] с шапок перья.

---

[1] Т. е. смерть.
[2] L, B — „два дня".
[3] P, B — доб. „валием Дамгана".
[4] *'улуфэ*.
[5] L, I, P, B — „двух".
[6] P, B — „приготовили сколько могли".
[7] P, B — доб. „снова".
[8] Так в P и B; в прочих рукописях „не снимать".

Эмир Мулай из Кухистана через пустыню приехал в Семнан, явился на служение и был отличен разного рода милостями. Было приказано выдать за него сестру эмира Саталмиша. Когда Уйгуртай-Газан возвратился из Султанмайдана и отправился в Кябудджамэ и Джурджан, его беспокоило все то же порочное намерение: он захватил с собою Тузмиш,[1] вошел в пределы Султандавина и Астрабада и провозгласил [эти] области принадлежащими Кайду. Он доставлял хлопоты монгольскому войску, которое находилось в тех краях, и возбуждал смуту. Поскольку старших эмиров не было налицо, Сайган-Абачи, Мамлак и другие, соединившись, внезапно напали на него, прогнали его оттуда и шли следом за ним, пока не выкинули его из пределов Джурджана и Кябудджамэ. A247b Он стал скитаться с немногими людьми и удалился, доставив прежде в Мешхеде, [который] в Тусе, много беспокойства тамошним сейидам, жителям и ра'иятам. Аминь.

Рассказ о делах Газан-хана после события с Аргун-ханом до времени поездки его в Азербайджан в пору Гейхату-хана и обратном возвращении из Тебриза в Хорасан

После этого державные знамена *несколько дней задержались S548 в Семнане и[2] двинулись в Фирузкух. Они дошли до границ Демавенда близ Мишана и пробыли там несколько дней. Булуган-хатун, хорасанка, там родила сына и скончалась. Прибыли в Фирузкух и [туда] пришло известие, что Гейхату едет из Рума, а эмиры, которые в ставке подняли смуту, разбежались. Некоторые примкнули к Гейхату, а некоторые заодно с Байду. Туган, бежав из Миянэ, пришел в Хорасан. По этой причине Газан-хан приказал, чтобы схватили Мулая и бросили в тюрьму. Когда пришла весть, что Тугана поймали, то по ходатайству эмиров Мулая освободили.

Когда установили, что воцарился Гейхату, [Газан] отправил к нему послом Кутлугшаха, чтобы доложить о бедственном положении Хорасана и о делах тамошнего войска. Гейхату для защиты Хорасана послал [туда] Хоркудака, Кару сына Джаурчи, Кутлуг-Тимура и других. [Царевич Газан][3] летом 690 года [1291] расположился в местности Асиран, что между Фирузкухом и Семнаном, которую[4] называют Нукату-яйлак, и все время занимался охотою и пиршествами. Чиновники же занимались сбором тагара для воинов и наводили порядок в налогах[5] области.

Эмир Кутлугшах в Арране прибыл на служение к Гейхату и доложил об обстоятельствах, но по причине увеселений, развлечений, игрищ и пиров [Гейхату] отвел ему не много внимания и он, вернувшись обратно, явился на служение к Газан-хану. Осенью державные знамена прибыли в Дамган и Бистам, оттуда в Кальпуш. [Газан-хан] послал Кутлуг-ходжу и Ляля́ в Бейхак с вызовом Низам-ад-дина Яхьи. Тот оробел, испугался и уклонился от явки, так как творил в Хорасане бесчинства, убил многих вельмож, хотя и бывших его приверженцами, и отобрал у жителей безмерные богатства.

Державные знамена через Кала-и Джанашк прибыли в Джурджан и ту зиму зимовали в Султандавине, что в Астрабаде. В помощь хорасанским войскам Гейхату послал на служение к Газан-хану эмиров Доладая, Кунчукбала и Иль-Тимура, и они в Султандавине совершили

[1] I, P, B — доб. „хатун".
*[2] P, B — „из Семнана прибыли в Демавенд и через несколько дней..."
[3] Так в P и B.
[4] P, B — доб. „монголы".
[5] *амвал.*

обряд подношения даров.[1] Было приказано, чтобы они раскинули зимние стойбища в пределах Каратугана. В конце зимы пустили молву, что Новруз вторгся в пределы Нишапура и идет на Джувейн, чтобы вызволить Низам-ад-дина Яхью из замка Андамад. Так как погода стояла еще холодная и лошади отощали, державные знамена двинулись в Кальпуш. Задержавшись [там] на несколько дней, [Газан-хан] разослал во все стороны лазутчиков. Новруз с небольшим числом людей домчался до границ Джувейна и повернул обратно, а державные знамена возвратились в Джаджерм, чтобы дать лошадям нагулять тела.

В начале весны 691 года [1292] [Газан-хан] отправил царевича Анбарчи[2] с дружиною, которая пришла вместе с ним, на Дехистан, Языр, Нису и Абиверд, а с ними послал Хоркудака для заготовления тагара и всего необходимого, чтобы [они] не опустошали владений и не обижали жителей. Державные знамена тоже двинулись в путь. В тот год из-за смут в Хорасане стояла великая нужда, так что и за 100 динаров нельзя было достать ста манов зерна. [Газан-хан] назначил почтенного сахиба ходжу Са'д-ад-дина во главе чиновников дивана[3] для заготовления войскового тагара и управления налоговыми средствами Хорасана, Мазандерана, Кумиса и Рея.

В том походе для большей части войска пищей служило [только] мясо дичины. Державные знамена расположились на берегу гератской реки, которая называется Чакчуран.

Из-за обилия воды [через реку] переправились с большим трудом. На служение прибыли царевич Анбарчи и иракские эмиры, а от дозоров
A248a пришло известие, что они увидели, что вдали зачернелась вражеская [рать]. Державные знамена выступили в Бадгис и остановились в Булдаке, что в Бадгисе. [Газан-хан] разослал по сторонам лазутчиков, но нигде ни следов, ни известий о враге не оказалось. Когда войсковое продовольствие[4] вышло и нельзя было раздобыть съестных припасов, воины стали красть друг у друга лошадей и [их] поедать. За отсутствием пищи они были в большом затруднении. Эмиры представили [Газан-хану] отчет о положении дел и доложили: „Скоро-де в Герате поспеет ячмень, лучше пойти туда". С таким решением они пошли в ту сторону и расположились у моста Малян. По причине смуты и волнений, садров и вельмож гератских в городе не было.

Мелик Шамс-ад-дин Курт жил в замке Хайсар. Старшего сына своего Фахр-ад-дина он из обиды на него держал в заключении, а младшего сына Ала-ад-дина послал на служение к его высочеству, чтобы он состоял при нем на службе. Поскольку Гератская область была опустошена тяготами прохождения войск и в ней не было никакого благоустройства, Газан-хан пожалел тамошних жителей и не причинил им никаких хлопот. Но не то было с жителями Фушенджа, потому что они засели в крепости и когда иракские дружины подошли туда и потребовали продовольствия, они отказали и стали биться. Газан-хан разгневался на их поведение и было приказано осадить [крепость]. После многих трудов то [место] взяли и добыли оттуда много лошадей, волов, овец и тагара, а большую часть жителей увели в полон. Когда державные знамена, возвращаясь из Герата обратно, пришли в Фушендж, тамошние жители

---

[1] *тикшимиши*.

[2] Отсюда до первого заглавия на стр. 165 текст P и B сильно расходится с текстом A, S, L, I. Поэтому разночтения по P и B здесь не приводятся и перевод этого отрывка по указанным двум рукописям будет дан в приложениях к изданию „Сборника летописей".

[3] *асхаб-и диван*.

[4] *аиук*.

изъявили покорность. [Газан-хан] сжалился над ними и было приказано, чтобы всех их женщин и детей, которых увели в полон, отпустили, и он снискал их расположение. Под счастливой звездой он воссел [на коня] и прибыл в Радкан. Так как Гейхату не посылал хорасанским S545
войскам денег, а войск там собралось много и они испытывали затруднения, то [Газан-хан] принял твердое решение отправиться к нему, чтобы в личной беседе рассказать, как есть, о делах. Но потом он отменил решение и пошел в Шутуркух.

Поскольку молвы о враге не было, а тагара нельзя было достать, [Газан-хан] соизволил дать царевичу Анбарчи и иракским и азербайджанским дружинам разрешение удалиться. Он летовал в Шутуркухе и основал Кушк-и Мурад, а цари в тех краях никогда никаким благоустройством не занимались. В те дни пришло известие, что в касабэ Джижад,[1] в округе Хафа, собрался сброд,[2] убил сыновей зузанского мелика и многих вельмож той окру́ги и занял один замок. Было приказано, чтобы эмиры Сутай и Мулай отправились их устранить. Когда они приближались, из Кухистана, желая захватить Хаф, подошел Шах-Али, сын сеистанского мелика, и осадил тот замок. Они [эмиры] внезапно ринулись на него, окружили его дружину, большую часть перебили и разграбили ее имущество и животных. Шах-Али с тысячью уловок выбрался и бежал. Затем эмиры покорили тот замок, а смутьянов и подстрекателей казнили. Они расположили к себе ра'иятов, отправили их на ра'иятскую работу и вернулись обратно. В месяце ша'бане 691 года [VII—VIII 1292] Имад-ад-дин, нишапурский хатиб, большой человек, вследствие слухов о Новрузе, стал вести себя дерзко. Было приказано, схватив его, доставить из Нишапура и казнить. И то лето никаких событий не приключилось, а, когда пришла зима, [Газан-хан] соизволил зимовать в Султандавине, что в Астрабаде. Эмира Нурина он отослал в Семенган и Джурмаган. В начале весны пустили молву о враге, и державные знамена двинулись на Джурджан, Шахрек-и Нов и Мурджабад. Туда же прибыл на служение эмир Нурин. В начале месяцев [6] 92 [1293] года [Газан-хан], выступив оттуда, несколько дней пробыл в Семенгане. По сторонам разослали лазутчиков, но молва эта оказалась ложной, и [Газан-хан] в другой раз задумал поехать в Азербайджан. Аминь.

Рассказ о поездке Газана в Аладаг с намерением повидать Гейхату, возвращении из Тебриза обратно, поражении Новруза и взятии Нишапура

Посовещавшись с эмирами, [Газан-хан] принял твердое решение A248b
поехать в Азербайджан. Назначив старшего эмира Кутлугшах-нойона и других эмиров на защиту Хорасана, он повернул обратно из Семенгана. Эмиры Нурин, Саталмиш и Сутай состояли при нем. Двинулись они в путь через Шахрек-и Нов и Мазандеран. Эмир Кутлугшах тоже сопровождал их до Тамишэ и, сыграв свадьбу с дочерью Чиргутая, возвратился назад. Державные знамена, выступив из Тамишэ, в одну ночь промчались почти тридцать один фарсанг до Шузиля, в одном из уездов Мазандерана, где стояла большая ставка. Один из старшин Мазандерана испугался и не явился на служение, так что его обозвали мятежником. Но Газан не обратил на это внимания и повелел выступить на Ирак и Азербайджан. Через Шахдиз он выехал в Фирузкух и несколько дней пробыл в Демавенде. Назначив эмира Саталмиша и ходжу Са'д-ад-дина собирать и

[1] Так в A, S — *хӣжд*; C — *хбрд*; L — *х?рв*; I — *х?жд*.
[2] *рунӯд ва авбāш*.

править налоги в Хорасане, Мазандеране, Кумисе и Рее, производить податную оценку урожая[1] во владениях и определять поставки войскового тагара, [Газан-хан] направился в Тебриз. Нурин-ага сопровождал его, а Ягмиша он послал вперед с извещением о своем прибытии. В окрестностях Абхара [Ягмиш] вернулся обратно и сообщил: „Гейхату сказал, какая-де нужда Газану [самому] ехать сюда? Ему следует вернуться в Хорасан обратно, а нескольких человек пускай пришлет, дабы важные дела были улажены и прошения удовлетворены". Газан сказал: „Раз уж мы сюда прибыли, то как же нам ехать обратно не повидавшись". Эмира Аладу и Мулая он отправил на подставах,[2] чтобы они устроили важные дела, и [сам] двинулся в Тебриз. У моста Зирих на служение явились личные Аргун-хана евнухи[3] Наджиб, Анбар и Рейхан. Когда Газан благополучно приехал в Тебриз, он оставался там несколько дней. Один вслед за другим от Гейхату приезжали гонцы, чтобы Газан повернул назад. В конце концов явились Кемджу и Нарду и доложили, что [Гейхату] приказал, чтобы он сей же день возвращался обратно. [Гейхату] прислал кое-какие вещи [в подарок], но Газан не обратил на них внимания и сказал: „Раз он не желает видеть нас, мы сто-крат не желаем видеть его".

В добрый час он выехал из Тебриза и расположился в Юзагаче. Он посватал за себя Ашиль-хатун, дочь эмира Тук-Тимура, и сыграл там свадьбу. Явился на служение эмир Мухаммед-эюдэчи, назначенный на должность исфаганского эмира, поднес[4] достойные диковинки и, будучи отличен разного рода милостями, стал неотлучно служить. Через месяц державные знамена направились в Хорасан. В городе Абхаре им повстречались чиновник и толпа гонцов, которых Аргун-хан посылал на служение к каану, для того чтобы привезти одну из родственниц старшей Булуган-хатун и посадить вместо нее. Они привезли Кокечин-хатун с другими достойными царей диковинками из Хитая и Чина. Газан-хан там остановился и взял Кокечин-хатун [себе в жены]. По окончании свадебного дела, он из тех диковинок послал одного тигра и еще кое-что на служение к Гейхату и тронулся в путь в Демавенд. Когда он достиг пределов Фирузкуха, прибыли гонцы от Кутлугшаха и сообщили радостную весть: „Мы-де сразились с Новрузом и он, разбитый, обра-
S550 тясь в бегство, ударился в Нишапурские горы. Все его имущество, лошадей [верховых] и подручных, на которых были навьючены пожитки, захватили". Державные знамена двинулись на Дамган и Бистам. В Бистам приехал эмир Кутлугшах и [другие] эмиры, поднесли[5] добычу, которую они захватили, и были отличены разного рода милостями. Оттуда через реку Хуррамабэ вступили в Джурджан. [Газан-хан] расположился в Султандавине Астрабадском, и занялся пиршествами и охотою. У эмира Кутлугшаха от чрезмерного питья [вина] приключилась тяжкая болезнь. Согласно указу, при нем неотлучно состояли лекари до тех пор, пока он не стал здоров попрежнему. С той поры [Кутлугшах] отказался от вина и доныне никогда больше не пил.

Кия Салах-ад-дин, который во время поездки в Азербайджан, когда приехали в его владения, уклонился и воздержался [от явки на служение], по возвращении [Газан-хана] из Тебриза, явился на служение к его высочеству. По ходатайству эмира Нурина и других эмиров Газан-хан простил его вину, а когда он удалился в свои владения, он снова стал

---

[1] *харз.*
[2] *бэ улаḡ.*
[3] *ḫаджаган-и ḫасс.*
[4] *тикшимиши кард.*
[5] *тикшимиши карданд.*

бунтовать. Газан-хан назначил для его устранения эмира Сутая, и тот отправился. Той зимою он покончил с делом [Кия Салах-ад-дина] и до- A249a
ставил оттуда в изобилии денег и множество лошадей. Их поделили между дружинами и провели ту зиму в Мазандеране. Ни с одной стороны не доносилось слухов [о мятежах и смутах], и весною [Газан-хан] изволил двинуться в Демавенд. Он выступил по дороге через Чехардих и с месяц задержался в Дамгане, а оттуда через Султанмайдан перешел в Фирузкух. В Демавенде он летовал и оттуда отправил в Хорасан военачальников Мулая и Хоркудака. Они обратно прислали известие: „У жителей-де Нишапура на уме своеволие и они выходить не собираются". Газан-хан на это не обратил внимания и из крайнего присущего ему милосердия посылал гонцов с посулами и предупреждением, но проку не было.

Осенью он изволил двинуться в те края и прибыл туда в месяце зи-л-ка'дэ 693 года [IX—X 1294]. Расположившись в...,[1] он отправил в город ходжу Са'д-ад-дина, чтобы тот предостерег их [жителей] и увещанием и уговорами вывел бы [из города] с изъявлением покорности, потому-де, что не гоже, чтобы старые слуги были перебиты по вине кучки мятежных злодеев. Когда ходжа Са'д-ад-дин въехал в город, явились казий Садр-ад-дин, Пехлеван-Умар и нишапурские вельможи и сказали: „Мы опасаемся за жизнь. Ежели же ходжа подтвердит, что нам будет пощада, мы выйдем и станем служить". Ходжа Са'д-ад-дин благосклонно согласился: „Я-де доложив, устрою так, что вам не нанесут никакого вреда". Казий Садр-ад-дин, Пехлеван-Омар с толпою людей вышли из города и явились на служение к старшим эмирам. Их отослали на служение [к Газан-хану]. Газан-хан выступил из...[1] и расположился в окрестностях Нишапура. Он сказал: „Мы не будем разорять владений и подданных из-за нескольких смутьянов. Надобно, чтобы выдали смутьянов и бунтовщиков: раиса Фахр-ад-дина, Хусам-ад-дина Эйбека Хитайи, Абу-Бекра-Али Айшэ, Усмана Мишкани и Мухаммеда Абд-ал-Мелика, да [причитающийся] налог[2] уплатили бы исправно, дабы с миром мы отсюда ушли обратно". Они стали мешкать и отговариваться. Было повелено осадить Нишапур. Тамошние жители укрылись в неприступной соборной мечети. Каждый из эмиров наступал с одной стороны. Когда воины их [нишапурцев] окружили, они от страха и ужаса бросили биться. Воины разграбили околотки и улицы и ринулись к мечети. Устроив в нескольких местах подкопы, они взобрались на стены и несчастные подняли жалобный вопль и стали просить пощады. Газан-хан из крайнего сострадания к тем несчастным простил их, несмотря на такую вину. Так как некоторых жителей убили, он велел, чтобы воинам воспретили грабить и убивать. Поскольку воины действовали дружно, остановить их не удавалось. Газан-хан сам своей благословенной особой, сев верхом, отправился в город, казнил одного, другого телохранителя из охранной стражи[3] и приказал части их тел повесить на воротах. Воины этим были напуганы и прекратили грабеж и убийства. Толпу же упомянутых смутьянов и бунтовщиков изловили и предали казни. [Газан-хан] не допустил увести из того края хотя бы одно животное. Расположив к себе ра'иятов, он побудил их к благоустройству и земледелию, а казию Садр-ад-дину и Пехлеван-Омару было повелено следовать при нем. Державные знамена двинулись в Джурджан и зимовали зиму в Султандавине Астрабадском. Аминь.

[1] См. прим. 3 на стр. 147.
[2] *мāл.*
[3] *казāктанāн.*

Рассказ об изъявлении покорности Новрузом, прибытии его снова на служение к Газан-хану и пиршествах и дарах

В начале месяца мухаррама лета 694 [кон. XI 1294] от Новруза прибыл его нукер Саталмиш и доложил, что Новруз говорит: „Я-де старый слуга и рожденный слугою. Из-за наговора и клеветы дурных людей я отвратился от служения его высочеству. Ежели царевич соизволит надо мною смиловаться, простит грех раба [своего] и, простив, не будет вспоминать преступление [своего] раба, то я явлюсь на слу-
A249b жение и впредь буду стараться об усердии и исполнении правил службы. Государь из совершенства [своей] милости и справедливости простил его прегрешения, принял извинение и удостоил царским ответом. Под конец посольства Саталмиш доложил: „Ежели государь, оказав милость, пошлет в помощь войско до границ Меручака, то раб [твой], когда от-
S547 вернется от тех людей, примкнет к нему [войску]. Ежели же кто-либо станет [Новруза] преследовать, то оно поможет [ему] отбиться, дабы царским могуществом он сумел бы достигнуть чести [ему] служить". Государь сказал: „Поскольку стоит зима и ниоткуда нет слухов [о врагах], мы сами своею благословенною особою пойдем в те края под видом охоты". Саталмиш, будучи отличен разного рода милостями, вернулся с таким ответом, что Новрузу-де нужно держать свое слово.

Государь благополучно пустился в путь и старшие эмиры Нурин и Кутлугшах-ага состояли при нем. Когда он достиг области Языр, в местности Кушк-и Вабар, от Новруза приехали Хусейн-Хаджи, брат Новруза и Иджиль сын Чарду-бахадура с теми же речами, что приезжал Саталмиш. Царевич их обласкал и оттуда направился в Серахс. Отпраздновавши новый год,[1] он выступил по дороге на Даланкудук. Когда они вышли из гор и холмов, то в степи Мерва и Шабургана показались юрты, палатки и скот. Было приказано, чтобы Баудай, который был начальником кочиев,[2] разузнал чьи они такие. Через некоторое время он вернулся обратно, а с ним Саталмиш, нукер Новруза, и они доложили: „Это-де Новруз там расположился и ожидает прибытия державных знамен". Государь остановился на вершине холма. Тотчас же примчались Новруз и царевна Туган[чук] и, явившись на служение, удостоились чести поднести дары и выразить верноподданнические чувства.[3] Государь три дня пробыл в той деревне, и они пировали. Так как до населенных мест было далеко, а вина мало, то он приказал, чтобы эмиры запивали примирение[4] водою. [Газан-хан] там приказал воздвигнуть вышку, которую монголы называют обá. Простив преступления Новруза и отличив его разного рода милостями, [Газан-хан] повернул обратно в Меручак и отправился по дороге на Шах. У Нурин-аги сильно заболела нога, и он очень страдал в том походе. Военачальники дружины караунов, Тогай и другие, примкнули на служение. [Газан-хан] двинулся по дороге на Андхой и на служение явились сыновья Омар-огула Энгу и другие. Пошли на Фарьяб. Дозоры напали на вражеские дозоры и многих из них перебили, а нескольких, поймав, доставили на служение. [Газан-хан] их допросил, и они доложили, что вражеская рать находится в Фарьябе и Джузджане. Когда остановились в Фарьябе, [оказалось], что вражеское войско бросило там казну, обозы и бойцов, лошади которых устали. [Газан-хан] двинулся в Шабурган по дороге через очень холмистую и

[1] *кӯйнкӑмишӣ кардэ.*
[2] *кучӣтӑн.*
[3] *тикшимишӣ.*
[4] *йӑришмишӣ кумандэ.*

безводную степь.[1] Ночью он остановился вблизи Шабургана в местности Инчгесу и приказал, чтобы ни одна душа не зажигала огня, чтобы враг не узнал и наутро [можно было] напасть на него внезапно. Врагам самим уже было известно, что державные знамена дошли до Фарьяба, и они, отступив, выступили по дороге на Сан и Чарик. Победоносное войско расположилось на реке Шабургана. Было повелено, чтобы старшие эмиры Кутлугшах и другие отправились вслед за врагом. Державные же знамена остались в тех краях. Дружины караунов, укрывшиеся из страха перед врагом в неприступных местах, все прибыли на служение и, согласно указу, отправились в Серахс. Эмиры, которые двинулись вслед за врагом, настигли его в пределах гор Сана и Чарика в начале месяца раби'-ал-авваль 694 года [кон. V 1295] и дали большой бой. Они [враги] были обращены в бегство, и множество из них убито. Эмиры с многочисленными пленниками и несметной добычей явились на служение. В течение двадцати дней Газан-хан пребывал в тех краях. Воины, которые служили ему, вытащили из амбаров зерно, ели [сами] и давали лошадям. От обилия его в нем уже нужды не было. В те дни прибыл на служение также и Новруз.

После этого Газан-хан выступил оттуда. Когда прибыли в Ферамурзан, там находились царевна Туган[чук] и лагерь Новруза. Несколько дней пировали, подносили, сколько могли, подарков и исполняли обычаи разного рода услуг. Оттуда [Газан-хан] двинулся в Серахс. Когда до- A250a
шли до Каратепе, от Гейхату прибыл Бугдай-эюдэчи и рассказал об обстоятельствах неповиновения Байду и эмиров, [но Газан-хан] на это не обратил внимания. Новруз, испросив разрешение, повернул обратно в Бадгис к своим жилищам,[2] а державные знамена простояли несколько дней и тронулись в путь по дороге на Аджжа и Шовган. Когда [Газан-хан] достиг Дерегеза, он соизволил отправиться на луговья Радкана для охоты на журавлей. От Байду приехал некий Кутлугшах с толпою гонцов. Они доложили о распре между Байду и Гейхату и сказали: „Много родичей, хатун и эмиров сошлись на том, чтобы царевич мира двинулся в те края и воссел на царский престол, который приходится ему по наследству и по заслугам". Царевич не обратил на это внимания и гонцов вернул обратно. [Газан-хан], посовещавшись с эмирами, послал гонца за Новрузом. Простояв несколько дней в Радкане и Чашмэ-и Гулясп, прибыли в Хабушан. Через несколько дней [опять] пошли дальше. Когда [Газан-хан] остановился в Давире, на служение явился Новруз. Поскольку обозы,[3] большая часть войска и царевич Суке, который при- S552
ехал от Гейхату, находились в Мазандеране, благословенное решение остановилось на том, чтобы отправиться в Султандавин Астрабадский, а оттуда двинуться в Ирак и Азербайджан. Через Шахрек-и Нов [Газан-хан] прибыл в Джурджан и расположился в Султандавине Астрабадском. Несколько дней в большой ставке занимались пиршествами и увеселениями и [Газан-хан] отправил Ура-Тимура-эюдэчи к Байду: „Я-де приеду вслед". Аминь.

Рассказ о походе Газан-хана из Хорасанского края в Ирак-и Аджам и сражении его с Байду в области Хаштруда и Курбанширэ

После посылки Ура-Тимур-эюдэчи, Газан-хан благополучно, под счастливой звездою, двинулся из Султандавина на Ирак и Азербайджан и по дороге через Чехардих прибыл в Дамган. Он хотел было совершить

[1] *чӯл.*
[2] *ханаха.*
[3] *аӯрӯкха.*

прогулку в замок Гирдекух, [но] эмиры доложили: „Так как впереди великое дело, не стоит ехать в замок из-за дурного предзнаменования". Было повелено, чтобы сыновей Тадж-ад-дина Ильдуза, оберегавших замок, с женами и детьми изгнали из замка. Он отдал и препоручил замок ходже Са'д-ад-дину Хабашу. Когда [Газан-хан] прибыл в Семнан, от Гейхату приехал Урду-Бука с несколькими харварами бумажных денег[1] и принадлежностями [для их изготовления], как то: белой бумагой и печатью.[2] Газан-хан сказал: „В Мазандеране и в этих краях от сильной сырости железные изделия и оружие недолговечны, как же бумага может быть долговечной". И он приказал все сжечь. Оттуда через Фирузкух он прибыл в Техран. Там явились на служение Боралиги и иракские эмиры. Когда достигли Хейл-и Бузурга, от Байду вернулся обратно Ура-Тимур-эюдэчи и доложил: „Он-де отказался от своих слов и на уме у него появилось страстное желание царствовать. Эмиры же Тогачар, Кунчукбал, Доладай и другие, которые посеяли смуту и пролили кровь Урдукия, Чуши и других, страшась и боясь службы Газану, все согласны на царство Байду и замышляют они своеволие и мятеж".

Поскольку Газан-хан не предполагал противодействия Байду, он не привел с собою большого войска, и толпа сопровождавших [его] не имела при себе боевого оружия, так что даже благословенный туг и ханские литавры они оставили там. Посоветовавшись с эмирами, он из царственной отваги не обратил на это внимания и отправил послами к Байду Мулая и Ягмиша: „Я-де иду сам благословенной особой своей, где мы увидимся друг с другом?" И он попросил...[3]

Когда он благополучно прибыл в Акходжа в области Казвина, на служение приехал Шадай-гурген, которого послали Байду и эмиры, и повел разного рода речи, которые говорят льстецы и притворщики, в таком смысле: „У меня-де [Байду] замысла и желания царствовать не было, да вот из-за отдаленности царевича Газана в улусе случилась смута и неурядица. Потому-то родичи и эмиры, согласившись, поставили
A250b меня на царство. А сейчас все, что царевич пожелает, будет пожаловано и стеснения тут не будет. Надобно, однако, только, чтобы ты с того места, куда прибыл, повернул обратно". Газан-хан не внял этому и пошел дальше. Когда он достиг Кунгуруланга, явились Мулай и Ягмиш и повторили такого же рода слова. В тот же день, отстранившись от Байду, приехал на служение Наулдар, удостоился чести поднести дары, изъявить свои верноподданнические чувства[4] и был отличен разными милостями и пожалованиями.[5] Выступив оттуда, [Газан-хан] расположился на пути в рибат Мусаллям. Он призвал к себе Шадай-гургена и гонцов Байду, строго притянул их к ответу, так что Шадай-гурген отчаялся за свою жизнь, и сделал резкое предупреждение по поводу воцарения Байду. В то время, когда Мулай и Ягмиш уехали туда, Ильдар в опьянении сказал: „Мы-де родичи, согласившись, посадили Байду на царство. Ежели царевич Газан с нами не сойдется, — быть между нами вражде".

Между тем [Газан-хан] дал гонцам разрешение вернуться, старшим эмирам Нурину и Кутлугшаху он приказал, чтобы они привели в боевую готовность дружины, а Эсэн-Букая, битикчия, он погнал гонцом: мы-де идем. [Газан-хан] отправился в путь через Тукату, перешел Сефидруд и на другой день, 1 числа месяца раджаба лета 694 [17 V 1295], соответствующего 2 числу шун[?]-месяца, к Байду пришло известие о прибытии

---

[1] *чāв*.
[2] *āл*.
[3] A, S, L, P, B — *ӯрклӯк*; I — *ӯклӯк*.
[4] *тикшимīшī*.
[5] *суйурīмīшī*.

царевича Газана. [Байду] выслал передовым отрядом царевича Ильдара и эмиров Ильчидэя и Чечека. С этой стороны на левом крыле встали эмир Кутлугшах и Нурин-ага, а в средней рати, при Газан-хане, царевич Сукей, Боралиги, Новруз и прочие эмиры. Когда они подошли близко к [войскам] Байду, те выслали Бугдая-ахтачи, и он повел разные речи о мире, дружбе и родстве. Газан-хан не внял им, и с обеих сторон дружины подступили друг к другу. Кутлугшах [стоял] впереди них словно непоколебимая гора. Так как царевич Ильдар говорил высокомерные речи, счастливая судьба Газана сочла неизбежным, чтобы он раньше [других] понес наказание. Еще не пробили литавры в средней рати и дружины ее еще не пришли в движение, как Кутлугшах помчался на них [врагов]. Одним наскоком он опрокинул их войско, так что, когда весть [об этом] дошла до средней рати, они [враги] были уже обращены в бегство. Около восьми сот человек были перебиты, остальные бежали, а Тогай, наместник Ильдара, был убит. Арслан-огула пешего привели на служение. Хорасанское войско хотело было ударить разом и опрокинуть и уничтожить их [врагов], но Газан-хан из крайнего присущего S549
ему милосердия воспретил и сказал: „Все эти дружины — слуги дедов и отцов наших, как можно их убивать из-за наглости нескольких смутьянов, поднявших на царство Байду". Новруз и другие эмиры убедительно настаивали: „Надобно-де попользоваться случаем". Но когда он прикрикнул на них, они замолчали.

Когда схватили и привели Арслан-огула, двоюродный брат Боролтая доложил: „Поскольку он обнажил меч против слуг государева могущества, то, ежели государь позволит, я его убью". Государь не внял этому и приказал, чтобы из казны[1] принесли кафтан, шапку, пояс и сапоги, надели на него и посадили его на одного из ханских меринов. Газан-хан повелел также, чтобы доставили раненых в сражении. Своей благословенной рукою он перевязал их раны и роздал им, разбавив вином, лекарства. Неминуючи господь всевышний, в воздаяние за эту благосклонность и милосердие, вложил в десницу его власти все края владений.

Когда Байду и эмиры увидели, что Ильдар и Тугел, которые больше всех были богатырями, бежали, то они поняли, что у них нет силы сопротивляться и поехали для примирения и ходатайства. Байду с эмирами Тогачаром, Доладаем и Кунчукбалом явились на пригорок посреди поля брани и государь ислама, хотя и унизил и приневолил их, все же [тоже] взял на себя досадный труд. Эмиры Новруз, Нурин, Кутлугшах и Сутай находились при нем, и обеим сторонам случилось встретиться. Они расспросили друг друга [о здоровье] и сказали: „Надобно заключить условие и договор, что не будем наносить друг другу никакого вреда". Эмиры этой стороны закричали: „Сперва-де нужно порешить кому A251a
царствовать, а потом уже заключать договор и условия". Короче говоря, доставили вина и, смешав в чашах с золотом, выпили. Те же, кто были мусульмане, взяли друг друга за руки и поклялись, что не будут делать злых умыслов. Согласились, чтобы дело о царстве было решено завтра.

Когда день склонился к концу, каждый отправился во-свояси. Между тем эв-огланы старшей Булуган-хатун, шейх Хоркасун и много других, отпав от Байду, примкнули на служение к [Газан-хану]. Так как приближались багдадские и муганские дружины, то во время переговоров Байду непрерывно посылал гонцов с их призывом. С каждым мгновением эмиры с войсками подходили все ближе и к концу дня у них оказались собранными все силы. На другой день обе рати на брань друг с другом

[1] *хазāнэ-и хāсс*.

двинулись в Курбаншире. Войско государя вошло в узкую долину, длиною в один фарсанг, и имело только одну эту дорогу. Кокету-бахадур помчался с двумя тысячами всадников и преградил выход из долины, а Кунчукбал шел вслед за ним, чтобы оказать поддержку. Когда Байду был уведомлен об этом, он понял, что [дело] кончится битвой. Он погнал гонца, чтобы открыли дорогу и не препятствовали и очень гневался такому образу действий. Короче говоря, обе рати в ту ночь расположились так близко друг к другу, что пили воду из одного ручья. Все воины в ту ночь не отдыхали, держа в поводу коней, не снимая оружия. На другой день, 7 числа месяца раджаба [23 V] приезжали и уезжали некоторые из искавших примирения, и эмиры, как то: Тук-Тимур и Сутай уговорились, чтобы между [обеими ратями] разбили царский шатер, явилась бы Тудай-хатун, юрт которой [был] поблизости, и примирила обе стороны. В то время приехал Кунчукбал и доложил: „Ежели-де победа останется за Газаном, то эмир Акбука нас, эмиров, изведет". По этой причине его [Акбукая] в сей же день казнили. После долгих переговоров порешили на том, чтобы эмиры собрались на средине ратного поля и покончили бы [дело] с одобрения друг друга. С этой стороны отправились эмиры Новруз, Нурин, Кутлугшах и Тук-Тимур, а со стороны Байду приехали Тогачар, Кунчукбал и Доладай и вели переговоры до полудня.

Дружины Байду стягивались с каждым мгновением, и силы его умножались. Эмиры, видя такое, порешили, чтобы Байду отослал на служение к царевичу Газану ставки Аргун-хана, старшей Булуган-хатун, Урук-хатун, царевича Харбандэ и других царевичей, отдал бы его имущество и казну, да [области] по ту сторону Сефидруда: Ирак, Хорасан, Кумис и Мазандеран, и половина владения Фарс со всеми тамошними землями-инджу принадлежала бы Газану. Когда это решение доложили Газану, он сказал: „Пусть отдадут также Тогачара с одним туманом караунов, которые являются личным инджу[1] Аргун-хана, дабы, покончив на этом, мы бы повернули обратно". Байду в присутствии эмиров ответил: „Царевич Газан знает, что Аргун-хан и меня тоже содержал, как родного сына, и каждому сыну в каком-либо краю определил зимнее стойбище в сообществе с каким-нибудь эмиром. Тогачар с туманом войска караунов постоянно был моим сподвижником в Багдаде. Ежели бы [Газан-хан] соизволил решить в согласии с волей Аргун-хана, то на то он судья". Государь и эмиры постановили так и сказали: „Пусть [Байду] выдаст постановленное, чтобы мы могли вернуться назад". Байду послал Доладая с яствами и вином на служение к [Газан-хану], чтобы воздать ему почести[2] и поднести чашу. Государь повелел возвращаться дорогою через Сиях-кух, но Байду и [его] эмиры не согласились, потому что там находилось войско караунов, и они боялись, что, когда Газан-хан пойдет тем краем, оно примкнет к нему и снова подымется усобица. Они послали к Газану Пулад-чингсанга [сказать], чтобы он возвращался тою же дорогой, что и пришел. На другой день [Байду] отправил своего сына Кипчака
S554 с толпою эмиров на служение [к Газану], воздать ему почести[2] и поднести чашу: „Вот-де Байду говорит, что поскольку царевич сюда прибыл благополучно и между нами установился мир да согласие, то ежели мы, хоть на миг не повидавшись, расстанемся, дальние и ближние подумают,
A251b что между нами все еще есть неприязнь. Лучше, посидев часок вместе, возобновим свидание, а там пусть [царевич Газан] благополучно двинется в путь". По этой просьбе эмиры Сутай и Тук-Тимур несколько

[1] *инджӯ-и хāсс.*

[2] *тикшимīшӣ.*

раз ездили туда и обратно и было условлено, что между обеими сторонами разобьют шатер и оба они явятся с несколькими особами из своих сановников и повидаются друг с другом. Государь в тот день ублаготворил и обласкал Кипчак-огула, надел на него почетную одежду, посадил на [дарованного] коня и отпустил обратно.

[Газан-хан] посоветовался с эмирами Новрузом, Нурином и Кутлуг-шахом, но они не видели проку в той встрече, да и звездочеты доложили, что день несчастливый. [Газан-хан] послал к Байду Сутая и Тук-Тимура: „Сегодняшний день, по словам звездочетов, несчастливый, да и вечер близок. Завтра поутру друг с другом увидимся". Эмирам Новрузу и Тук-Тимуру он приказал, чтобы они обождали, рано утром поехали бы к Байду, уладили дела о владении и отправили в путь ставки. Вечером, когда во всех жилищах зажгли огни, он благополучно пустился в дорогу и так погонял, что наутро переправился уже через Сефидруд. Находившиеся там военачальники примкнули на служение. [Газан-хан] выступил по дороге на Дих-и Минар и вечером расположился в Зенджане. На другой день из [рибата] Мусаллям он послал к Байду Кур-Тимура: „Мы-де идем в Демавенд, а эмиров Новруза и Тук-Тимура оставили там. Ты должен сдержать свое слово, отправить ставки и жен, а с владением решить по уговору". Оттуда [Газан-хан], пройдя Кунгур-уланг, дошел до Кереруда, который монголы называют Турканморен. Там прибыл на служение Кяшхер[1]-бахши и доставил известие от Байду: „Была-де такая надежда, что мы возобновим свидание и в собеседовании немножко попривыкнем друг к другу, но раз царевич уехал, то само собою так лучше. Теперь нам обоим надо держать слово". Государь в сопровождении его [Кяшхер-бахши] послал обратно Ибрахима-шукурчи и известил Байду: „Надобно, чтобы ты поскорее отпустил Новруза, Тук-Тимура и Кур-Тимура, как только они покончат дела".

Оттуда [Газан-хан] направился в Демавенд и там провел то лето, а когда эмиры Новруз, Тук-Тимур и Кур-Тимур возвратились обратно и [оказалось, что] Байду привел недопустимые отговорки на счет устройства дел, владения и отправки хатун и ставок и слова своего не сдержал, то это обстоятельство возбудило негодование государя, и он приказал, чтобы все эмиры с дружинами отправились на пастбища для подкорма лошадей.

Дела же Новруза и прочих сложились так. Когда они прибыли к Байду и попросили дать ярлык на постановленные владения и отправить хатун и ставки, Байду, вследствие возвращения государя, испугался и их задержал. Он выслал вслед за [Газан-ханом] в передовом отряде Кунчук-бала, Доладая и Илчидэя, а сам выступил на другой день. В среду 9 числа месяца раджаба [25 V] они переправились через Сефидруд, а в пятницу 11 раджаба послом приехал Кур-Тимур. Эмиры помаячили в виду Шервияза, вернулись оттуда обратно и соединились с Байду в окрестностях Седжаса. В понедельник 14 числа [30 V] они продвинулись до холма Шервияз и повернули оттуда назад. Байду посовещался с эмирами, как лучше поступить с Новрузом и Тук-Тимуром. Они в один голос отвечали: „Им-де наносить вреда нельзя". Только Тугел, который жаждал крови Новруза, сказал: „Новруз — прибежище и опора Газана, его должно убить". Но Тогачар и прочие эмиры из родства и дружбы не позволили. Тугел на это обиделся, ушел и отправился в Грузию, где было его стойбище, и не возвращался до события[2] с Байду.

---

[1] A, S — *кшх?р*; L, I — *кашмӣр*.

[2] Т. е. смерти.

Поскольку Тогачар, вследствие противодействия, которое ему оказывал Тудаджу, возымел отвращение к царству Байду, да еще и Садр-ад-дин из-за того, что ему не выходила должность везира, подстрекал его в этом смысле, он сговорился с Новрузом о поддержке дела Газана. Он научил Новруза, чтобы тот там проявил уступчивость и принял какое-нибудь условие. Затем он наставил и убедил его в том, чтобы он с ними заключил союз и обязался прислать Газана связанного. По
A252a этой причине он получил разрешение вернуться обратно и был отличен многочисленными пожалованиями, а сыну его Султан-шаху со стороны Байду была пожалована должность эмира в Иезде и для него выписали берат на Иезд на десять тысяч динаров. Во вторник 15[1] числа месяца раджаба 694 года [31 V 1295] Новруза, Тук-Тимура и других послов отпустили. На другой день вернулся назад Ильчидэй, ходивший вдогонку за Газаном, и Байду, свернув в сторону, отправился в Сугурлук. В субботу 19[2] числа месяца раджаба [4 VI] он расположился в большом юрте в Сугурлуке. Аминь.

Рассказ о раскрытии благословенной груди государя ислама Газан-хана светом принятия им и эмирами истинной веры и предания себя богу в присутствии шейх-заде Садр-ад-дина Хамави из Джувейна, 'да будет вечно его благоденствие'

S551 Когда господь всевышний и святый в предвечной вечности захочет сотворить раба [своего] счастливым и отличить его всяческой помощью свыше, то в час зачатия его он кладет закваской и влагает в природу и присущие свойства его способность к счастью. И драгоценное слово пророка есть непреложный довод и несомненное доказательство для удостоверения этого смысла и свидетельства этого утверждения: 'Счастлив тот, кто [наделен] счастьем во чреве матери'. Наставник милости господней добрыми руками пестует его в колыбели воспитания, постепенно возводит на ступени совершенства и с течением времени направляет его к созерцанию сути явлений, чтобы, поразмыслив о внешнем виде и внутреннем содержании, он познал истину и ложность всякой вещи и посредством такого рассуждения и размышления печать его счастья получила бы действенную силу и в стремлении к этому счастию заключалось бы то, что предопределено тайной божественной мудрости и оно [счастье] проявилось бы согласно изречению: 'И было повеление божие предопределенной судьбою.'[3]

Поскольку по смыслу этого предисловия милость всемогущего и воля предвечного предопределили, чтобы слабость и немощь, которые в смене месяцев и лет и чередовании ночей и дней проложили путь к разным сторонам общины ислама, были исправлены рукою одного из избранников божиих, ведающих верховной властью над странами и городами, они предназначили ангельскую особу Газан-хана для излияния света наставления на путь истинной веры и божественного откровения. Когда [Газан-хан] в начале отрочества своего был при своем великом деде [Абага-хане], тот, склонный к учению бахшиев и уверовавший в их убеждения, препоручил его одному-двум почтенным бахшиям и приказал, чтобы они приложили все старания научить и побудить его перенять правила их учения. Они постоянно состояли при Газан-хане и усердствовали в поощрении его к этому верованию, и он по прозорливости и проницательности ума и рассудка в короткий срок познал

[1] I — 11-го.
[2] L — 15-го; I — 11-го.
[3] Кор., 33:38.

суть того учения, усвоил сокровенный и тонкий смысл речей и деяний того сообщества и достиг по этой части такого полного совершенства, что стал великим искусником на поприще бахшиев. Однако в силу божьего благоволения, он взирал на тайны идолопоклонства с проницательной мыслью и верно направленным мнением, размышлял о верах и общинах и по снизошедшему откровению его лучезарное сердце просветилось и озарилось лучами света веры Мухаммеда, ʿда будет над ним мир и молитва божия'. В его благоуханной душе все больше проявлялась склонность к этой общине истины. Укрепляясь и утверждаясь на этом основании, он продолжал этот путь и в этом отношении был тверд и непоколебим.

В Хабушане Хорасанском он из чрезмерного усердия в том учении [бахшиев] построил великолепные кумирни и так исполнял предписания их вероучения, что все бахшии и монахи поражались тому умерщвлению плоти и подвижничеству. Вместе с тем он очень усердствовал в искании тайн истины и в установлении правильного пути до тех пор, пока он не встретился с Байду. Присутствовавшие эмиры заключали договор и условия. Мусульмане клялись на Коране, а монголы на золоте. Тогда Новруз доложил: „Ежели-де государь, прибежище мира, укрепит ислам A252b
своей верой в него, то плохого не будет". [Газан-хан] ответил: „Уже несколько времени, как этот помысел у меня на уме". Новруз вдруг извлек совсем бесподобный лощеный лал, упал на колени и сказал: „Хотя карачу [не подобает] такой дерзости давать подарки царевичам, но пусть государь окажет ласку рабу и хранит это как подарок до прибытия раба [своего] на служение". После этого, когда Новруз и другие эмиры возвратились от Байду не сделав дела, государь разгневался и стал размышлять о том, как с ним [Байду] расправиться.

Нохзадэруз снова доложил то дело [о принятии ислама]. Великий шейх Садр-ад-дин Ибрахим ибн Кутб-ал-авлия шейх Саʿд-ад-дин Хамави, ʿда возвеличит его господь и освятит его душу', [тоже] присутствовал и большую часть времени состоял [при государе]. Государь постоянно просил его раскрыть обстоятельства веры в ислам, расспрашивал и обсуждал ее тонкости и сущность и в силу [слов]ʿ кого захочет бог поставить на прямой путь, того сердце он откроет для ислама',[1] сошествие божественного наития в его благословенную грудь придавало силы излучению света [истинной] веры в его сердце, и им овладевала помощь руководительства по верному пути. Он сказал: „Воистину ислам есть вера твердая и ясная и обнимает собою все пользы духовные и мирские. Чудеса посланника [божия], ʿда будет над ним молитва и мир', весьма восхитительны и искусны и признаки их истинности явны и очевидны на скрижалях времен. Нет сомнения, что непрерывное наблюдение за исполнением заповедей, предписаний веры, богоугодных деяний и прекрасных дел, к которым они призывают, соединяет с богом. Что же касается поклонения идолам, то это чистая неспособность и весьма далеко от разума и знания, а преклонение головы земно пред камнем есть чистое невежество и глупость со стороны трезвого и способного человека, и человеку, обладающему духом и разумом, представляется даже отвратительным при разумном рассмотрении. Конечно, ни один достигший совершенства неловек не согласится земно преклониться перед ним [камнем]. По правде, изображению кумира пристало быть порогом двери, через который люди переступают и [который] попирают ногами. Да и согласие всего народа на мусульманство и отвержение идолопоклонства тоже не является пустой выдумкой". Короче говоря, S556

[1] Кор., 6125 (начало).

в начале месяца ша'бана лета 694 [II пол. 1295] Газан-хан со всеми эмирами в присутствии шейхзадэ Садр-ад-дина Ибрахима Хамави признал единобожие,[1] и все они стали мусульманами. В том месяце совершали
A253a торжества и занимались богослужением. [Газан-хан] обласкал сейидов, имамов и шейхов и щедро одарил их милостыней и подаяниями. По поводу постройки мечетей, медресэ, ханкахов и богоугодных учреждений[2] он ревностно издал постановления. Когда наступил месяц рамазан, он с несколькими имамами и шейхами занялся послушанием и богослужением. Для всех мудрых людей не скрыто, что предание себя богу и вера государя ислама Газан-хана были искренни и чистосердечны и свободны и чисты от грязи притворства и самообожания, ибо при наличии царского величия и могущества и полноты силы власти нельзя было бы представить себе принуждение и обязывание, а при отсутствии необходимости и при чрезмерной ненуждаемости притворство и лицемерие невозможны. 'Господь помогает'.

Рассказ о походе державных знамен государя ислама Газан-хана на Байду во второй раз и изъявлении покорности его эмирами

После того как Газан-хан признал единобожие, и эмиры, согласно последовав за ним, приняли мусульманство, и они стали заниматься служением богу, от Байду прибыли гонцы, некий Кутлугшах и главный шейх[3] Махмуд, и повели всякие вздорные и дурные речи. Шейх Махмуд, найдя удобный случай, прямодушно доложил Газан-хану слова эмиров, которые находились при Байду, и представил письма каждого из них. В ответ он получил алтун-тамги. На третий день им дали разрешение удалиться. Когда шейх Махмуд вернулся обратно и доставил алтун-тамги тем людям, они сразу от души пожелали победы государю ислама и искренне стали с ним заодно. Поскольку Садр-ад-дин Зенджани не мог извлечь пользы из царствования Байду, вследствие того, что должность везира отдали Джемал-ад-дину Дестджердани, он стал толкать Тогачара на путь непослушания и противления. Козней его опасались, [а потому] сделав ему значительные пожалования и дав [ему] ярлык и пайзу, его назначили на управление Румскими владениями. Когда он тронулся в путь, то из области Хаштруд отправил свой лагерь и приверженцев в Тебриз с эмиром Яглаку, который следовал в его сообществе, а сам налегке под предлогом того, что хочет [попросить] взаймы денег, направился в Серав. Этой дорогой он пошел в Гилян. Из Сугурлука, во время следования в Рум, он отправил в Казвин к своему брату Кутб-ад-дину с объявлением этого замысла Менгли, который был его старым слугою и поверенным его тайн. Он [Кутб-ад-дин] тоже под каким-то предлогом, выйдя из города, направился в Гилян и примкнул к брату. Вместе они отправились на служение к государю ислама Газан-хану и в Фирузкухе удостоились лобызания праха перед его высочеством. В присутствии эмира Новруза, который совсем недавно прибыл из Хорасана, они ввернули приятные слова от лица Тогачара. Поскольку Новруз привел в порядок и готовность войска, вышел указ, чтобы все войска собрались вместе. Обстоятельства эти произошли в месяце шаввале. Так как Байду боялся и не знал, что делать, он еще раз подослал Кутлугшаха с обманными речами. Государь ислама из чрезмерной проницательности понял, что тут не без козней и коварства. Он приказал раздеть его догола и ударами

[1] Букв. „произнес *тавхӣд*", т. е. формулу «нет божества кроме единого бога».
[2] *аббӣб-ал-бирр*.
[3] *шейх̣-ал-машӣих̣*.

палок и дубинок разузнал от него картину обстоятельств. Он [Кутлугшах] досконально рассказал о всех делах Байду, его эмиров, его войска и их замыслах и сказал: „Меня-де послали разведать, пойдете ли вы в ту сторону или нет". Тогда вышел указ, чтобы его, заковав, заточили в крепости Устунабенд [на реке] Хаблеруд. В пятницу, в середине месяца шавваля, державные знамена благополучно направились в Рей. В передовом отряде тронулись в поход эмиры Новруз и Кутлугшах. Новруз, как было в его обычае, распускал молву о многочисленности войска. Когда государь ислама дошел до Хаблеруда, эмир Чобан и Курумишигурген сын Алинака, бежав от Байду, удостоились чести явиться служить [государю]. Государю ислама их прибытие пришлось весьма по душе, он счел его за счастливое предзнаменование, пожаловал их и одарил их кафтанами, шапками и поясами с драгоценным набором. Выступив A253b оттуда, [Газан-хан] расположился у реки Кухэ[1] и простоял [там] несколько дней. Эмиры Чобан и Курумиши доложили: „Ежели-де государь ислама нас пожалует, то мы поусердствуем и присоединимся в передовом отряде к старшим эмирам Новрузу и Кутлугшаху". Государь позволил им, и они примкнули к эмирам. Затем государь ислама Газан-хан оставил там Булуган-хатун, хорасанку, и тронулся вслед за эмирами. Когда он дошел до Акходжи [близ] Казвина, от Новруза прибыл Аргабитикчи брат Бугдая-ахтачи, и показал, что эмиры Тогачар и Бугдай, отделившись от Байду, пристали к Новрузу с намерением служить государю ислама. Оттуда государь двинулся по дороге на Седжас, а с той стороны на служение к [государю] явились царевич Харбандэ и царевич Ильдар. Когда [Газан-хан] пришел в Бехистан на берегу Сефид- S553 руда, на служение прибыли эмиры Доладай-эюдэчи и Ильтимур сын Хандукура с несколькими другими. Выступив оттуда [Газан-хан] остановился в Юзагаче и стал дожидаться эмиров Новруза и Кутлугшаха, которые ушли по следам Байду и Тугела в сторону Нахчувана и Аракса. После этого [Газан-хан] прибыл в Уджан. От Новруза и Кутлугшаха приехал эмир Баянджар [с вестью]: „Схватив Байду, его доставили из пределов Нахчувана в Тебриз, а он говорит, что у меня-де есть к государю одно-два слова. Каков будет указ?" Государь по своей прозорливости понял, что у него дельных слов нет, а что он ищет [только] предлога. [Поэтому] вышел указ, чтобы его не доставляли к его высочеству, а там же и прикончили бы его дело. Байду вывезли из Тебриза и, прибыв в Баг-и Нейкеш, там же прикончили его дело в среду 23 числа месяца зи-л-ка'дэ 694 года [4 X 1295]. Пришло в действие постановление указа о том, чтобы в стольном городе Тебризе, Багдаде и других городах ислама разрушили все храмы бахшиев, кумирни, церкви и синагоги. За эту великую победу мусульмане в благодарность [богу] выполнили полагающиеся действа, потому что всевышний господь людей [мусульманской общины] предшествующих времен не доводил до [исполнения их] заветного желания. После этого государь ислама двинулся в столицу Тебриз, и Садр-ад-дин Зенджани, который для устройства разных дел раньше отправился в этот город, выехал навстречу до ...[2] Он хотел показать свой сан народу, проявлял дерзость и докладывал [государю], сидя верхом на лошади. Эмир Мулай, который в тот день нес охранную службу,[3] стоял при нем [государе] телохранителем, два раза говорил ему: „Такой способ — не твой путь, не делай дерзости". Садр-ад-дин не обращал на это внимания. Мулай несколько раз ударил его по голове плетью и прогнал. По этой причине и по некоторым другим

причинам, дело Садр-ад-дина испортилось. Государь ислама в среду 23 числа месяца зи-л-ка'дэ[1] [4 X] со всем возможным величием расположился в виду Тебриза, в благословенном дворце в [местности] Шам. Илчидэя-кошчи согласно указу, не допросив, казнили, и то, что принадлежало ему [Газан-хан] отдал Булуган [-хатун], хорасанке. После этого прибыли Новруз и Кутлугшах, приехали из Сугурлука Булуган-хатун и другие жены и пировали в Кушк-и Адилийе. Допросили Кунчукбала и Чечека. Кунчукбала в отмщение за кровь Акбукая казнили. Оттуда [Газан-хан] двинулся в Каратепе. Чечека били палками, а Тудаджу освободили. Эмира Нурина послали с войском в Хорасан и Мазандеран. [Газан-хан] снова возвратился в Тебриз, и кликнули клич, чтобы все соблюдали свой путь, друг друга не обижали, не раздували смуты и беспорядка и без берата с алтун-тамгой ни одной душе не давали бы и данека денег. Мир и миряне благодатью справедливости государя ислама и преуспеянием его правосудия обрели строй и порядок и полный покой. Дальние и ближние, турки и тазики стали возносить молитвы за изо дня в день растущее счастье и в благодарность за такое огромное божеское благодеяние подали безмерную милостыню. Из-за завесы потустороннего мира вестник счастья подал голос:

Стихи

Царство мира некоторое время оставалось без государя и вождя,
Теперь пришел в него [мир] прекрасный и вполне подходящий государь.

A254a Из Тебриза [Газан-хан] послал эмира Мулая на должность эмира в Диярбекр и в Диярраби'а, а Новрузу оказал полную ласку. Вышел указ: „Да будет ему пожалована должность везира всего улуса. Теперь пусть он пребывает в Тебризе и, наладив важные дела и выгоды народа, вслед [за нами] приедет в Арран". В понедельник 6 числа месяца зи-л-хиджджэ лета 694 [17 X 1296] державные знамена двинулись из столицы Тебриза в Арран для зимовки. В Тебризской же области он сочетался браком с Булуган-хатун по мусульманскому закону, хотя она и была супругою его отца Аргун-хана. Однако, поскольку они сошлись вопреки [мусульманской] вере, то хатун-мусульманка по закону шариата подходила для этого брака, и он [Газан-хан] счастливо и радостно сыграл с нею свадьбу и, как установлено и в обычае, они устроили пиршества и торжества. После этого, выехав по дороге на Ахар и Бишкин, отправились в Муган и расположились в пределах Абубекрабада, в местности Пул-и Хусров. Через две недели прибыл на служение Новруз. Все хатуны, царевичи, эмиры, столпы державы и придворные вельможи собрались в Карабаге Арранском и без притворства и лицемерия согласились на царство государя ислама и дали в том обязательство.[2] Для благословенного восшествия на престол выбрали воскресенье 23 числа месяца зи-л-хиджджэ лета 694 [3 XI 1295], соответствующего 23 числу тукузунч-месяца года овцы, и под счастливой звездою государя ислама посадили на ханский престол. Все хатуны, царевичи и эмиры, каждый на своем месте, преклонили колени, поднесли чашу и поздравили мир с державным восшествием его на престол и сказали:

Смотри, будь на страже самого себя, ибо душа [целого] мира
Связана с той одной дорогой душой, которую ты имеешь.

---

[1] L — *зи-л-хиджджэ*.
[2] *мӯчилэ*.

Рассказ о приказе государя ислама начать устроение дел войска и владений после благословенного восшествия на престол

A254b S558

После выполнения обрядов ликования и увеселений [Газан-хан] обратил лицо приводящего в порядок владения усмотрения к твердому управлению и устройству государственных дел. В среду, последний день месяца зи-л-хиджжэ 694 года [9 XI 1295] он послал Тогачара в Рум, на должность эмира и для охраны на том основании, что он был человеком изменчивым и лучше ему быть подальше от его высочества. В пятницу, последний день месяца мухаррама лета 695 [9 XII 1295], из Хорасана прибыли гонцы и привезли известие, что царевичи Дува и Сарабан сын Кайду, вследствие отсутствия державных знамен, вторглись в Хорасан и Мазандеран и приступили к грабежу. Государь ислама, посоветовавшись с эмирами, постановил на том, чтобы царевич Сукей и эмир Новруз отправились туда их отразить. Сукей еще раньше уехал в свой лагерь и сколько его ни вызывали, он с разными отговорками откладывал [приезд]. Государь ислама послал с требованием его Хоркудака. Сукей в пьяном виде сказал кое-какие возмутительные речи. Рассказ об этом довели до благородного слуха [государя]. Из крайней твердости, степенности и доброты на это не было обращено внимания, и, когда Сукей прибыл на служение, [государь] оказал ему полную ласку, назначил в Хорасан и отправил с ним темников Барулая сына Ходжи, сына Йисур-нойона из рода олкунут и Арслан-огула, из внуков Джучи-Касара. В передовой рати он отправил Новруза и Хоркудака при царевиче Тайджу-огуле. Хаджи Нарина, брата Новруза, и Саталмиша, [одного] из его старинных нукеров, он назначил на должности наибов. В пятницу 21 числа месяца сафара [30 XII] они покинули ставку и в понедельник 24 числа [30 1296] тронулись в путь по дороге на Ирак. Внезапно пришла весть, что Тарагай-гурген, эмир ойратов, который находился в Диярбекре и тех краях, с эмирами Йисутэем и Кокетей[1]-бахадуром, с имуществом и тысячами ойратскими двинулся в Сирийский край. Эмир Мулай отправился воспрепятствовать им, но они его разбили и ушли. В конце месяца раби'-ал-авваль прибыло известие, что Ильдар с тремя сотнями всадников, бежав, ушел. Шадай сын Букура и Инэбек брат Эшек-Туклу с тремя тысячами человек настигли его, сразились и обрели победу, а он некоторое время скрывался в пределах Эрзерума. Наконец его схватили в какой-то деревне, и Акбал, сын Уруктуту, сына Элькэй-нойона, его убил. В четверг 20 числа месяца раджаба [24 V] убили Йисутэя сына Ташменгу-кошчи, который в Диярбекре поднимал смуту. 6 числа месяца раби'-ал-ахыра [12 II] казнили зонтоносца Буларгу-кыйоти,[2] который в конце поры Аргун-хана был заодно с мятежными эмирами и еще доныне был замешан во всех мятежах. Аминь.

Рассказ о замышлении Сукеем и Барулаем неповиновения, обнаружении этого, походе войска для отражения их и о сути тех обстоятельств

Когда Сукей и Барула выступили из Аррана, они в пути, с многочисленными войсками, держали совет: „Нас-де для того [Газан-хан] посылает в Хорасан, чтобы жен и детей наших здесь поделили и отдали хорасанскому войску". После этого совещания сошлись на том, чтобы

[1] *кӯк?āй*.

[2] A, S — *бӯлāрӣ ḳтай*; L. P, B — *бӯрāлӣ*; P, B — *ку??āй*. Ср. стр. 126, прим. 4.

сначала отразить Новруза, а затем пойти на [государевы] ставки и посадить Сукея на царство. Это дело было в местности [где протекает
S555 река] Кереруд, которую называют Турканморен. Новруз проведал об этом совещании и в предполуденную пору напал на Сукея. Они жестоко
A255a схватились. Барула был убит в бою, а Сукей, бежав, направился в Харакан и Савэ. Хоркудак с отрядом всадников двинулся вслед за ним и в пределах Харакана его схватили и доставили в...[1] [близ] Рея. Хоркудак сказал Сати сыну Лаодая, который был заодно с ними: „Ты-де убей Сукея". Тот вошел в шатер, чтобы убить его по обычаю, как убивают царевичей. Сукей ударил Сати кинжалом в живот и убил. Некий Байтимур, из нукеров Хоркудака, вошел, выхватил из его рук кинжал и прикончил его дело. В эту пору государь ислама из Абубекрабада выехал на охоту...[2] 8 числа месяца раби'-ал-ахыра [14 II] от Новруза прибыл Саталмиш Кальчи[3] и на месте охоты доложил весть о мятеже Сукея. Государь ислама тотчас же повернул обратно и остановился у моста Менгу-Тимура. Эмиры Кутлугшах, Саталмиш и Сутай находились при нем. На заре [Газан-хан] послал схватить Эсэн-Тимура сына Конкуртая и Курумиши, брата Барулая, потому что они участвовали в совещании с Сукеем. После суда казнили Эсэн-Тимура, монгола Черика, который был начальником его ставки, и Курумиши. Эмир Кутлугшах, Чобан, Саталмиш, Сутай и Ильбасмиш сообща собрали дружины. Во время этого приведения в готовность войск из Хорасана прибыл эмир Мулай и возвестил, что Новруз убил Сукея и Барулая, а эмир Нурин схватил в Хорасане Чечека и Доладая, что дела идут согласно желанию и что большая часть полчища врагов побеждена, а те, которые остались, начальником своим сделали Арслан-огула, пришли в Билясувар, а оттуда пошли в Сарай Мансурийе и деревню Баби и остановились. Государь ислама тотчас же приказал, чтобы эмиры Чобан, Суламиш, Курумиши, Тогрулча, Тайтак и Ильбасмиш воссели [на коней] для их отражения. В области Бейлекан им дали сражение и бились жестоко. Эмиры, которые были с Арслан-огулом, [следующие]: Тулек, двоюродный брат оружейничего Учана, Инэ-бек сын[4] Эшек-Туклу из джалаиров, Газан сын Тайджу-бахадура, Муса-тархан, Саркис сын Нарин-Ахмеда. В тот день они одержали победу. Из нашего войска был тяжело ранен Тогрулча, так что он чуть было не упал, но Курумиши сын[5] Алинака,[6] его поддержал. Хоркудак и Барым с двумя тысячами человек пошли на помощь нашему войску. На другой день стали друг против друга. Их [мятежников] воины без боя сдались, а их эмиры обратились в бегство. Хоркудак повернул назад и, схватив Саркиса, привел с собою. Другие эмиры отправились по следам беглецов и, поймав, привели Тулека и казнили [вместе] с Саркисом. В четверг 23[7] числа месяца джумада-л-уля лета 695 [29 III 1296], схватив, привели Арслан-огула и убили. Вслед за ним убили и Газана сына Тайджу-бахадура. В те дни схватили Садр-ад-дина Зенджани и потребовали [от него] те деньги, которые на него насчитал Джемаль-ад-дин Дестджердани. Булуган-хатун ему покровительствовала и по ее ходатайству он получил свободу. Она укрыла [его] у [себя],[8] и он уехал. В четверг 7 числа месяца джумада-л-ахыра [12 IV] государь ислама выехал поклониться подвижнику старцу Ибрахиму и через два

[1] *маркӯй*.
[2] A — *āḳ-bāḳ*.
[3] *кличӣ*.
[4] На стр. 167 — брат.
[5] L, I, P, B — „брат".
[6] L, I, P — Буғдāя; B — Тӯғдāя.
[7] P, B — 22.
[8] *бэ кӯйтӯл āвард*.

дня расположился в ставках. Он послал эмира Хоркудака на должность эмира владения Фарс для приведения в порядок дел и извлечения тамошних налогов. В том году между Токтаем, государем Кипчакского улуса, и Нокаем сыном Тутара случилась война. Нокай был убит, а люди его разбежались. Чопай-хатун, жена Нокая, и Турай, его младший сын, явились на служение к государю ислама и просили помощи для отмщения за кровь Нокая. Государь ислама по доброте [своей] их ублажал и старался утишить их гнев. В среду 26 месяца раджаба [30 V] государь отдал за Кутлугшаха свою сестру Олджей-Тимур, которая раньше была женою Тугела. Поскольку существование Тогачара было причиною мятежей и крамолы, а государь ислама желал, чтобы закваска мятежей совсем застыла, он в ту зиму послал в Рум эмира Харманчи, чтобы тот совместно с Балату, Арабом A255b и эмирами румского войска сначала доставил [ему] для снискания расположения ярлык. При удобном случае, наедине, они доставили ярлык и прикончили его дело. Хотя у государя ислама не было искреннего желания его губить, однако он приказ этот отдал ради пользы дела государства и по этому случаю сказал своим приближенным: „В давние времена в стране Хитай воевали друг с другом два государя. Один потерпел поражение, и войско его разбежалось. Победоносное войско несколько дней преследовало побежденных. Один эмир поймал того обратившегося в бегство государя, и, поскольку он был весьма немощен и несчастен, сжалился над ним и захотел дать ему свободу. В тех краях [эмир] дошел до какого-то колодца [и] сказал: «Полезай-де в этот колодец, дабы наши воины тебя не увидели». Когда люди подоспели, то по причине того, что [там] была пустыня и ветер, налетев, скрыл следы, они не находили дороги. Тот эмир сказал: «Пути не видно и неизвестно в какую сторону податься, он идет одной дорогой, а мы по ста дорогам. Как мы сможем его найти, лучше повернем назад». [Все] вместе вернулись обратно, а тот государь вылез из колодца и отправился в свое владение. Постепенно и потихоньку он собрал войска и опять пошел войной, разбил того государя, который в тот раз вышел победителем, [его] убил и завладел его владением. Того эмира, которому он был обязан жизнью, он отличил разного рода ласками. [Эмир] стал весьма приближен и ему были пожалованы должность старшего S560 эмира и полномочного наместника. Однажды один из эмиров сказал государю: «Этот-де человек не соблюл прав своего государя, не остался ему верен и стал причиною его гибели и твоего владычества. Как можно было оставлять его в живых, ибо вскоре он замыслит также изменить и тебе». Государь был весьма смышлен, послушался этих слов и отдал приказание его убить. Эмир завопил: «Ты мне обязан жизнью». Государь заплакал и сказал: «Ты прав, и я совсем не согласен на твою казнь, но ради соблюдения пользы владения и верховной власти [иного] средства нет и надобно тебя убить». И [государь] его казнил и плакал. Сейчас твердое управление делами государственными таково же, и, хотя мне очень тяжело кого-либо убивать, однако, ежели ради сохранения дел общих и частных не казнить никого, то нельзя будет царствовать".

Государь ислама в начале весны выступил из Билясувара в стольный город Тебриз и благополучно расположился во дворце в Шаме [близ] Тебриза. 27 числа месяца раджаба [31 V] Инэ-бека, схватив, доставили в Тебриз. В субботу 29 числа [2 VI] его предали казни на площади. В среду 10 числа месяца ша'бана [13 VI] из Хорасана прибыл эмир Аладу и доложил [государю] тамошние обстоятельства, как они были. Государь ислама из Тебриза двинулся на луговья Саин, которые

расположены между Серавом и Ардебилем. В среду 17 числа месяца ша'бана [20 VI] в этом юрте открыли курултай, а 19-го [22 VI] курултай закончился. Аминь.

Рассказ о делах Нурин-аги, злых умыслах эмира Новруза против него и начале расстройства дела Новруза

Нурин-ага был из рода кыйот, почитаем и уважаем государем ислама, имел его полное доверие и был поверенным его тайн. Он приобрел власть в Хорасане и Мазандеране, и брат Новруза Ойратай был у него нукером. Нурин вследствие величия своей кости не оказывал ему большого внимания, и тот жаловался на него своему брату. [Между ними] появлялись трения. После этого, когда Новруз прибыл в пределы Хорасана, он приписал победу и превосходство врагов вине Нурина и в отсутствии и присутствии его [Нурина] приверженцев говорил устрашающие речи. Когда они встретились в Джурджане, они были раздражены друг на друга. По дороге через Тамишэ приехал царевич Тайджу. Новруз яростно и дерзко сказал: „Мне приказали, чтобы я спросил у Нурина, как это он допустил врагов без стеснения вторгнуться в это владение. Теперь вот в присутствии царевича Тайджу я его об этом спрашиваю". Все на него обиделись и стали [его] не признавать. Первая трещина, которая появилась на деле Новруза, произошла по причине этого спора и упорства. Оттуда они переехали в Хабушан и сделали смотр войскам.
A256a От дозоров прибыл гонец, что врагов-де видели на луговьях Радкана. Новруз воссел [на коня] и когда разведал, [оказалось] что это известие было ложным. В Мешхеде Тусском он держал совет с эмирами, что я-де пойду в набег до пределов Герата, дабы разузнать о положении врага. 17 числа месяца раджаба [21 V] он с этим намерением выступил в путь. Царевич Тайджу эмира Нурина отправил в Радкан. 25 числа месяца раджаба [29 V] эмир Новруз вернулся обратно и остановился в ставке Тайджу. Ничего не сделав и не потрудившись, он сказал: „Я слышал, что жена моя что-то недомогает. Я отправлюсь на служение к государю ислама, [а] вы до моего приезда займитесь распоряжением и устройством [дел] войска". Он тотчас же отправился в Азербайджан и оставил без надзора дела Хорасана и тамошнего войска. Преступники, которых государь посылал к нему, чтобы во время войны они были передовым полком войска, все пошли вслед за Новрузом. Когда эмир Новруз прибыл, хорасанское войско каждый день стало распускать какой-нибудь слух и по этой причине [воины] расходились, пока не ушли все. Некий Олсум, тысячник, бежал с четырьмя стами человек и пошел в пределы Ардебиля в свой коренной юрт. Когда эмир Новруз в Шервиязе услышал весть об его бегстве, он, не уведомив государя ислама, в пределах Серахса, воссел на коня, отправился к их жилищам и причинил [им] беспокойство. Государь ислама из-за его [Новруза] возвращения рассердился и послал гонца: „Вернись-де". Новруз ответил: „Жена моя, царевна Туган[чук] больна, как же мне вернуться, не повидав ее". Этот отказ также стал частью причины гнева. 21 числа месяца ша'бана [69]5 года [24 VI 1296] он в местности Саин прибыл на служение к его высочеству и был отличен почетом и уважением. Государь ислама прибыл в Уджан и в понедельник 29 числа месяца ша'бана [2 VII] сочетался браком с Ашиль-хатун. Когда Кутлугшах-нойон и другие эмиры почувствовали перемену в сердце государя к Новрузу, они доложили, что посылка-де его в Хорасан не к добру, необходимо расследование его дел, потому что из природных его свойств можно усмотреть воочию признаки мятежа и крамолы. Однако великодушие государя ислама

было словно безбрежный океан, а терпеливость и степенность превыше того, что можно описать. Он сказал: „Хотя слова ваши правильны, но я не дозволю нарушить обязательство и преступить клятву". В среду, в первый день месяца рамазана [3 VII], Новруз, согласно указу, выехал обратно в Хорасан. Ему сопутствовал Низам-ад-дин Яхья в качестве наиба. Когда он приехал в Хорасан, сыновья Нокая-яргучи в отмщение за кровь отца втайне стали злоумышлять на эмира Новруза, и Новруз стал их бояться. В это время скончалась его жена Туган[чук], и его дело начало клониться к упадку. Однако он выказывал упорство и суетился. 8 числа месяца рамазана [69]5 года [10 VII 1296] государь ислама остановился на берегу Наур-Дула[1] [на] дороге в Тебриз. Там он заложил сад и благословенный кушк. В те дни прибыл султан Мардина и преподнес множество денег звонкой монетой и драгоценных камней. Очень обласканный и отличенный зонтом, он вернулся обратно. S557
13 числа месяца шавваля [14 VIII] в Хаштруде казнили Хусам-ад-дина, лура, а 26 числа [27 VIII] была свадьба Донди-хатун, матери Алафранга. 8 числа месяца зи-л-ка'дэ [7 IX] в Сегумбаде казнили Байгута сына Ширемун-нойона, сына Чурмагуна. Государь ислама прибыл в Мерагу и отправился в обсерваторию, а тамошние хакимы устроили торжество. В этот же день [государю ислама] доложили письмо, которое Ильдар сын Конкуртая писал Балату, и [в котором] он побуждал его к мятежу. [Государь] немедля выступил и вернулся в ставки. Ильдара схватили и после установления вины казнили.

Рассказ о походе державных знамен в Багдад и казни лура Аррасияба, Джемаль-ад-дина Дестджердани и мовляна Изз-ад-дина Музаффара Ширази и рождении царевны Олджей-Кутлуг

Во вторник[2] 18 числа месяца зи-л-ка'дэ лета 695 [17 IX 1296] державные знамена из пределов Мераги двинулись в Багдад с намерением [там] зимовать и [государь] отправился в Хамаданский край. 24 числа упомянутого месяца [23 IX] из Хорасана прибыл Нурин-ага, и государь ислама его обласкал и пожаловал. Поскольку Балату сын Тайши[3] со времен Абага-хана[4] находился в Румских владениях и приобрел там полную власть, а Самагар-нойон умер, и сын его Араб был еще отроком, то по этой причине самовластье и сила Балату выросли. Сколько государь A256b
ислама ни вызывал его [к себе], он с [разными] отговорками воздерживался [от поездки]. После того как был казнен Тогачар, его власть и гордыня вышли из пределов, и за ним закрепилась кличка мятежника. В месяцах лета 696 [1296/97] обстоятельства его неповиновения доложили [государю]. Согласно указу эмир Кутлугшах с тремя туманами войска направился в Рум для отражения его мятежа. Балату бежал и устроил за одной горой засаду. Вслед за ним шел эмир Кутлугшах с Суламишем, Арабом, ...[5]-огулом и Абишкой. Абишка был в передовом отряде. Когда он дошел до той горы, Балату выскочил из засады и с обеих сторон некое число народу было ранено. Вслед подоспел эмир Кутлугшах. В степи Малие одним его ударом Балагу был обращен в бегство. Эмир Кутлугшах послал Суламиша по его следам, а [сам] повернул обратно в Арран. Когда державные знамена, которые

[1] A — *дӯлā*; S, L, P, I, B — *дӯл*.
[2] L, I, P, B — „в понедельник".
[3] A, S — *тбшӣ*. По L, I, P, B и ниже (стр. 175) также и по A, возможно чтение *тайджӣ*.
[4] L — „государя ислама"; B — „Аргун-хана".
[5] A, S — *ʔӯкрʔай*; L, I, P — *бӯрлтай*; B — *брӯлхай*.

двигались в Багдад, дошли до луговий Зака в Хамаданской области, [государь] назначил Джемаль-ад-дина Дестджердани на должность везира вместо Шараф-ад-дина Семнани. [Это] было 8 числа месяца зи-л-ка'дэ лета 695 [7 IX 1296]. Там простояли один месяц, и мелики Ирак-и Аджама удостоились чести явиться на служение к его высочеству. Уладив важные дела, они получили разрешение удалиться. Возвращаясь назад после выколачивания налогов[1] в Фарсе, Хоркудак вернул с дороги и привел с собою лурского атабека Афрасияба, который получивши [от государя] пожалования, шел [обратно]. Когда он прибыл на служение, государь приказал ему [Хоркудаку] изложить дела в Фарсе. [Хоркудак] сказал: „Раб [твой] сначала доложит об этом тазике. Во время поездки раба [твоего] в Фарс путь пролегал через луров, а он не показался. Из Шираза я отправил сборщика для сбора налогов с [владения] Кухгилуе, а его люди с ним вступили в спор и говорили: «Мы-де это владение захватили мечом, и здешние подати[2] отпали [для нас]». Я уже не говорю о настоящем мятеже, об убийстве исфаганского воеводы Байду и походе на Исфаган и Фирузан и занятии [их] и тому подобных поступках". Государь ислама пришел в ярость и приказал, чтобы Афрасияба казнили. Когда прибыли в округу деревни Сепендан, шейх Махмуд и Садр-ад-дин Зенджани подстрекнули некоторых людей к доносу на Джемаль-ад-дина Дестджердани. 28 числа месяца зи-л-хиджджэ [69]5 года [27 X 1296] учинили суд и его казнили. Оттуда [Газан-хан] соизволил отправить царевича мира Харбандэ в Хорасан на должность своего наместника. В те дни Изз-ад-дин Музаффар, внук фарсского амида, сделал донос на фарсского хакима шейха Джемаль-Ибрахима Савамили, а Садр-ад-дин Зенджани ему помогал. Так как он не смог доказать его измены, его [Изз-ад-дина Музаффара] казнили. [Газан-хан] выехал оттуда [и] в среду 14 числа месяца сафара лета 696 [12 XII 1296] благополучно прибыл в Багдад и расположился в загородном кушке, который называют...[3] Через несколько дней он выехал с намерением поохотиться в Ниль, Ну'маниййе, Шиб [близ] Хиллы и до благословенной гробницы Сейиди Абу-л-Вафы. Через двадцать четыре дня он возвратился обратно и остановился в Марзбанийи, 9 числа месяца раби'-ал-ахыра [4 II 1297] он выступил на охоту в Хит и Анбар и через восемь дней расположился в Мухаввале.

Он сподобился поклониться священной могиле Казима и великого имама Абу-Ханифы из Куфы. В пятницу он присутствовал на молитве в соборной мечети [на площади] Сук-ас-Султан и в четверг 4[4] числа месяца джумада-л-уля [28 II], приказав выступать обратно, выехал из Багдада. В четверг 18 числа месяца джумада-л-уля лета 696 [14 III 1297] в местности Шахр-и Абан состоялось рождение царевны Олджей-Кутлуг. Аминь.

Рассказ о деле Кайсара, гуляма эмира Новруза, казни сыновей и братьев Новруза, полном пресечении его могущества и казни Новруза в Герате[5]

A257a S562 В среду 17 числа месяца джумада-л-уля лета 696 [13 III 1297] в Багдаде схватили Алям-ад-дина Кайсара, который был послом Новруза.

[1] *истихрадж.*

[2] *мутавадджихат.*

[3] A, S, I — *мнй*; L — *мтнй*; P, B — *мснй*; ср. прим. 3 на стр. 42.

[4] P, B — 14.

[5] I — весь заголовок опущен и вместо него только слово «повествование». P и B дают такое заглавие „Рассказ о расстройстве положения Новруза и повесть об Алям-ад-дине Кайсаре и шейхе Махмуде и об обстоятельствах, которые в том деле приключились".

Шейх Махмуд послал своего брата Сулеймана с извещением об этом к его высочеству. Рассказ об этом таков. Новруз в пору Байду хотел свергнуть его власть и ханский престол завоевать для государя ислама Газан-хана, чтобы посредством такой доброй услуги его преступления совершенно позабылись. Когда это дело с помощью множества [людей] стало налаживаться, он отправил послом к государю Мисра упомянутого Кайсара, который был гулямом какого-то багдадского купца и ездил в Сирию и Миср, и сообщил: „Байду безбожник и нам, мусульманам, надобно сообща его уничтожить". Когда Кайсар привез обратно ответ, Байду уже был побежден, царство укрепилось за государем ислама, а дело Новруза достигло высшей точки величия. [Поэтому] он не счел полезным докладывать об этом деле на служении [государю]. Он приказал Джемаль-ад-дину Дестджердани, который был наибом, чтобы он изготовил какой-нибудь черновик, подходящий к случаю. Его переписали набело неизвестной рукой и доложили на служении [государю]. Кайсара, согласно приказу, ублаготворив, отправили обратно. Во время суда над Джемалем Дестджердани это дело сосчитали в числе преступлений. Фахр-ад-дин Руми, который состоял при багдадском воеводе эмире Наулдаре, знал этого Кайсара и был осведомлен о той грамоте. Он рассказал об этом эмиру Наулдару, а этот доложил [государю]. Вышел указ, чтобы Фахр-ад-дин Руми отправился в Багдад и расследовал дело Кайсара. Поскольку Новруз во время отъезда в Хорасан знал, что государь ислама к нему не расположен, он отправил на служение к его высочеству Садр-ад-дина, сына гератского шейх-ал-ислама, который был его слугою, чтобы он, состоя [при государе], соблюдал его выгоды в его отсутствие. Этот Садр-ад-дин был осведомлен об обстоятельствах посылки Кайсара и рассказал одному почтенному человеку из своих друзей кое-что о дружбе Новруза с государем Мисра. Тот человек передал этот рассказ главному шейху Махмуду, и они вместе доложили [об этом] на служении [государю]. Государь ублаготворил шейхзадэ Садр-ад-дина и, обнадежив добрыми посулами, послал в Багдад, чтобы он расследовал дело Кайсара, приехал ли он из Хорасана или нет. Из Хаштруда он на улаге отправился в Багдад. В Чемчемале он явился на служение к государю ислама и доложил, что Кайсар еще не приезжал. Вышел указ, чтобы он снова поехал в Багдад и раздобыл Кайсара. Когда он туда отбыл, Кайсар с тремя нукерами уже прибыл. В ту неделю он разъезжал и явился с чистым сердцем с двумя нукерами в дом Садр-ад-дина. Тот известил об этом советника. Он [советник] прислал шейхзадэ два подноса халвы с примешанным снотворным снадобьем, чтобы [шейхзадэ] дал ее гостям покушать. Кайсар и нукеры съели все и на месте упали без чувств. Тот друг с несколькими нукерами стоял наготове. Они внезапно напали на дом, схватили Кайсара и нукеров и [их] связали. Садр-ад-дин Зенджани, который недавно сделался везиром, постоянно выжидал удобного случая, чтобы совсем расстроить дела Новруза. Причиной тому было то, что в начале дела, когда он ожидал должности везира, Новруз назначил своим наибом Дестджердани. С тех пор он стал его противником и врагом, потому что для него не осталось дела. В этом происшествии он и его брат Кутб-ад-дин нашли удобный случай. Проявив чудеса хитроумия, они написали эмирам Мисра и Сирии от имени Новруза шесть писем такого содержания: „Государь-де, слава богу, его милостью мусульманин, однако, когда я хочу укрепить веру в ислам, эмиры препятствуют. Я надеюсь, что мы в согласии друг с другом подымемся их отразить, дабы [это] было одобрено божеским законом и разумом. Я сам написал братьям Легзи и Хаджи, что ежели они могут до нашего сговора уладить [дело], то пусть сделают, а нет, так

мы сами сделаем. Завоевав Иранские владения, я препоручу их вам. Несколько штук платья я послал в подарок с предъявителем [письма] Кайсаром". Эти подложные письма с семнадцатью халатами они положили в вещевой узел, который был при Кайсаре. От имени Новруза Садр-ад-дин по этому поводу написал письмо [также] Хаджи Нарину и отправился к нему. Устроив ему угощение, он положил [это письмо]
A257b в его каптургу так, что тот не узнал [об этом], и ушел. Шейх Махмуд отправил своего брата Сулеймана с извещением об этом на служение [к государю]. Государь ислама из Майдана Керманшаханской области выехал обратно и в один день домчался до Шахр-и Абана, который [находился] в тридцати фарсангах. В воскресенье 21[1] числа месяца джумада-л-уля [17 III] шейх Махмуд и Кутб-ад-дин, брат Садр-ад-дина Зенджани, в сопровождении Кайсара прибыли в Шахр-и Абан и доложили об его деле [государю]. Государь ислама сказал: „Докладывай по правде". Кайсар дал такой отчет о деле, что на эмира Новруза никакой вины не падало. Они потребовали его чемодан,[2] извлекли оттуда письма и халаты и согласно засвидетельствовали, что это почерк Хаджи Рамазана, письмоводителя эмира Новруза. Государь повелел, чтобы Кайсара с тем нукером забили досмерти палками. Шейхзадэ Садр-ад-дин согласился разыскать других двух нукеров и по этому делу поехал в Багдад. Задержать их не удалось, и так как он не сумел их выдать, его тоже казнили. От того обстоятельства огонь гнева государя стал пылать пламенем и сжигать сырое и сухое. Он сказал: „Раз-де тайны его стали известны, то, прежде чем появятся последствия измены и коварства, надобно выполнить условия предосторожности и осмотрительности". Было приведено в исполнение постановление указа, чтобы эмир Нурин и Баянджар схватили и казнили всех людей Новруза: [его] детей, пособников и подначальных. Державные знамена выступили оттуда в Харунийе. Хаджи хотел было сесть
S559 [на коня, чтобы уехать], как подоспел Баянджар, [и] схватил его, а лагерь его перегнали в другую сторону. До этого казнили Саталмиша, наиба Новруза, Кутлуг-Тимура и Урду-Букая сына Новруза. Хаджи Нарина доставили на луговье Ханекина, и эмир Нурин его судил. После установления вины [благодаря] обнаружению в его каптурге письма Садр-ад-дина, его, раздев донага, обвели вокруг лагеря и казнили, а лагерь и добро его разграбили. Его сын Тогай, которому было двенадцать лет, при тех обстоятельствах бежал и укрылся в доме эмира Иджиля, бывшего начальником ставки великой хатун-хорасанки Булуган. Его там оберегали, пока через некоторое время ярость государя не утихла. После этого, бив челом, он получил свободу. Теперь он состоит при своем дяде по матери эмире Хусейне, а людей его отдали Булуган-хатун, хорасанке. Кемаль-Кучюка, который тоже был наибом его [Новруза], убили. Легзи казнили 7 числа месяца джумада-л-ахыра [2 IV] на Майдане Майдашта.[3] Кушлюка племянника Новруза и его брата Йол-Кутлуга простили. По причине этой победы Большому Майдану положили название Кутлугмайдан.[4] Во все владения послали указ, чтобы всех родственников и подначальных людей его [Новруза] казнили. Шидуна и Иль-Букая, сыновей Хандукура казнили в области Каср-и Ширина. Во вторник 20 числа месяца раджаба [14 V] на стоянке в Бисутуне прибыл на служение из Хорасана царевич Харбандэ, а 5 числа месяца ша'бана [29 V] из Мугана прибыл в Асадабад Хамаданский эмир Кутлугшах. После этого из Рея приехали эмир Чобан и Пулад-Кия. Вышел указ, чтобы Пулад-Кия отпра-

[1] B — 20.
[2] *джамадан*.
[3] Ныне произносится Махидашт.
[4] Т. е. „Счастливый Майдан".

вился в Хорасан для захвата Новруза и присоединился к Хоркудаку и эмиру Сутаю. Через два дня [Газан-хан] отправил также эмира Кутлугшаха, а вслед выслал еще Кутлуг-Кия. В начале месяца ша'бана [кон. V] Суламиш и Араб схватили в Руме мятежника Балату сына Тайши[1] и доставили в Тебриз. Государь ислама из Асадабада двинулся в Аладаг с намерением летовать, и из области Кереруда отправил для охраны Хорасанских владений царевича мира Харбанда. Когда он доехал до Новшахра, гонцы от Кутлугшаха доставили радостную весть, что Новруз дал сражение и был разбит, а Булучэ привел молочного брата Туганчук. Рассказ об этом таков.

Когда эмир Кутлугшах достиг пределов Дамгана, Хоркудак и Сутай уже перебили воевод Новруза, которые были в Рее, Верамине, Харе, Семнане, Дамгане и Бистаме. Когда они дошли до Эсфераина, с ними вместе отправились сыновья Бука-Тимура и Алгу для отмщения Новрузу за кровь отцов. В те дни некий Данишменд, эмир-тысячник Новруза, покорился. Эмир Кутлугшах отправил его передовым отрядом. Ойратай-Газан, брат Новруза, поехал в Нишапур и уведомил Новруза о приближении войска. Новруз оттуда выступил и у стоянки Ям встретил отряд Данишменд-бахадура. Они сразились, и, хотя отряд Данишменд-бахадура был малочислен, Новруз был разбит и бежал с немногими A258a
людьми. На рассвете его обоз и казна[2] попали в руки противников. Хоркудак и сыновья Нокая-яргучи с одним туманом войска со всей поспешностью двинулись вслед за ним. Новруз ночью в области Джам добрался до своего табуна, расположился посредине табуна и приказал своим нукерам устроить засаду за [разрушенными][3] стенами. Отряд подошел и хотел было угнать лошадей, [но] Новруз и нукеры выскочили из засады, натянули луки и стали стрелять. Некоторое число народу было убито, а [некоторые] растерялись. Новруз был разбит, и отряд этой стороны вышел [победителем]. Новруз ударился в бегство. Когда он подошел к Герату, мелик Фахр-ад-дин, сын мелика Шамс-ад-дина Курта, пригласил его в город. Новруз по этому поводу призадумался. Его эмиры Бабекр,[4] Сарабан и Садум сказали: „О эмир, сердца наши не успокаиваются речами этого человека. Лучше нам подобру пройти мимо этого убежища и не доверять его слову". Новруз ответил: „У меня-де пропали за три дня обязательные молитвы. Я хочу [их] исполнить". Эмиры ушли и спасли свою жизнь быстротою ног. Новруз с четырьмя сотнями отправился в город и въехал в крепость. Когда эмир Кутлугшах, который шел по его следам, подошел к священной гробнице в Тусе, он свершил паломничество [к ней], сотворил два ра'ката молитвы, поклонился земно и сказал: „Боже мой, я не знаю — прав я или ошибаюсь. Оба врага мусульмане, а ты повелитель мусульман ведаешь тайны. Ежели ты знаешь, что Новруз преступник и лжец, противится и восстает на Газан-хана, то выдай его пленником в руки раба [твоего] и оставь [его] без помощи". Он выступил оттуда, и когда дошел до Герата, войска окружили город. С обеих сторон начали битву. Эмиры Нурагай[5] и Чамчай бились жестоко.[6] Погода была весьма жаркой. Некоторые говорили: „Лучше нам повернуть обратно, потому что стены

---

[1] См. прим. 3 на стр. 169.

[2] *бӯнэ ва хазанэ.*

[3] L, I, P, B.

[4] A, S, L — *бабкр*: I — *абакр*: P — *а?а?кр*; B — *абабкр.*

[5] L, I — *тӯрӣай*; P, B — *?ӧрӣай.*

[6] L, I, P, B — доб.: „На другой день эмир Кутлугшах приказал приставить к стенам лестницы и поджечь город, но дело не удалось. Новруз взошел на стену и обозревал [поле битвы], а люди его крепко бились".

Герата очень крепки и враг Новруз легко не дастся". Эмир Кутлугшах очень разгневался и сказал: „Враг ослабел и поддается, а стены остались без оборонителей и защитников, как же нам повернуть назад, да и как же мы извинимся на служении его высочеству. Надобно поусердствовать и приложить старание, дабы с божьей помощью к нам пришла внезапная победа". Он приказал шейх-ал-исламу Джама, который состоял при нем, и [которому] мелик Фахр-ад-дин приходился зятем, чтобы он написал мелику письмо, что надобно-де тебе помочь этому делу, а нето город Герат и все владение Хорасанское за это дело пропадет. [Письмо] было украшено вензелем эмира и через одного лазутчика его отправили в город. Когда мелик его прочитал, он понес [его] к Новрузу. Тот в отсутствии [мелика][1] сказал своим приближенным: „Из этого случая
S564 становится ясным, что мелик со мною очень честен". Хаджи Рамазан тайком сказал Новрузу: „Лучше-де нам схватить Фахр-ад-дина и заковать с тем, чтобы под конец дела, ежели мы одолеем, отпустить его, одарив почетным халатом и обласкав. А не то ведь они его знают. Нам бы лишь соблюсти условия бдительности и осторожности". Новруз с этими словами не согласился. Один сеистанский серхенг украдкой подслушал [их]. Он тотчас же пошел и известил мелика. Мелик испугался, держал совет с городскими садрами и вельможами и сказал: „В конце концов войско Газан-хана возьмет этот город и уведет в полон наших жен и детей и долголетний род [наш] падет. Новруз дал клятву[2] Газан-хану, что никогда не будет противиться, но поступил [вопреки клятве]. Лучше нам предупредить [такой конец], захватить его коварством и хитростью и изъявить покорность и послушание. Возьмем от эмира Кутлугшаха грамоту о пощаде и тогда его [Новруза] выдадим. Горожане сказали: „Мнение-де мелика превыше [других], что он признает за верное, то пусть и повелевает". Мелик после приведения в исполнение этого предварительного дела пошел к Новрузу и сказал: „Гератские и гурские воины в бою проявляют слабость. Чтобы помочь делу ты пришли на каждые десять человек их по два своих воина, дабы они побуждали их к битве и не допускали нерадивости". Новруз согласно его словам распределил и разбросал весь свой отряд между теми людьми и остался в крепости один. Мелик сказал воинам, чтобы они всех нукеров Новруза схватили и связали, а сам с несколькими гурскими храб-
A258b рецами поднялся в цитадель, схватил Новруза, крепко связал и сказал: „Приказ таков, чтобы мы тебя выдали эмиру Кутлугшаху".

Удивительным [в этом] деле является то, что мелик Фахр-ад-дин в пору своего отца Шамс-ад-дина Курта был весьма недостоин своего родителя, резок и бунтарь. Мелик Шамс-ад-дин держал его в оковах заточенным в крепости Хайсар. После семи лет заточения туда прибыл Новруз и попросил у отца, чтобы он его освободил. Шамс-ад-дин сказал: „Я-де его знаю, какова у него душа, он человек вероломный и нечестивый. Раз он отцу не соблюдает верность, то и тебе не соблюдет". Новруз в [своем] заступничестве прилагал все усилия и неотступно просил. Мелик сказал: „Я отпущу его с таким условием, что ты дашь мне бумагу, что впредь всякое дело, которое от него произойдет, будет лежать на ответственности эмира".[3] Новруз дал такого содержания бумагу и вызволил его из оков и заточения. Теперь, когда он его брал, [Новруз] сказал: „Я ведь тебе не сделал дурного, что ты [ценою] моей крови изменяешь [нашему] союзу. Ежели уже нет иного средства, то дай мне моего серого коня и саблю, дабы я обнаженный воссел на него, ударил на то войско

[1] L, I, P, B.
[2] L, I, P, B — доб. „торжественную".
[3] P, B — доб. „пусть с меня не взыскивают и [меня] не упрекают".

и был убит в бою, и был бы вместе и газием и павшим за веру". Мелик сказал: „Впредь ты погляди, как другие будут погонять коней и владеть саблей".

Когда он его схватил, то отсек Хаджи Рамазану голову и с гонцом отослал эмиру Кутлугшаху с объявлением о задержании Новруза и [его] братьев и нукеров. [Мелик] потребовал от него грамоту о пощаде и обязательство, что он заступится и выпросит у Газан-хана [прощение] вины гератцев, и все это скрепил бы торжественной клятвой. Гонец ту голову бросил [к ногам] эмира Кутлугшаха и сказал: „Мелик-де представляет ее тебе и говорит: «Могуществу и счастью эмира досталась победа — Новруз и его нукеры взяты в плен и закованы в тяжелые цепи»". Когда эмир увидел голову Хаджи Рамазана, он понял, что слова его — правда. Он приказал, чтобы, согласно прошению гератцев, ходжа Ала-ад-дин Хитайи написал подтверждающее обязательство и на этом торжественно поклялся. Для доставления этой грамоты он отправил послами в город эмира Пулад-Кия, ходжу Ала-ад-дина и шейх-ал-ислама [города] Джама. Мелик встретил их приход с полным почетом, отпустил их с честью и сказал: „Ночною порой я пришлю Новруза связанным на служение к эмиру".

Они возвратились обратно и представили отчет. Ночью мелик отправил связанного Новруза с отрядом гурских серхенгов. Кутлугшах очень обоадовался этой победе и спросил у него: „Почему-де ты так поступил?". [Новруз] ответил: „Судить меня может Газан, а не вы". Сколько его ни допрашивали, он не отвечал, ибо сознавал, что за ним никакой вины нет. Эмир Кутлугшах приказал его повалить наземь и переломить пополам. Его голову он через Пулад-Кия послал на служение к его высочеству. Оттуда ее переправили в Багдад, и она несколько лет торчала на колу у Нубийских ворот. Его братьев ...[1] Хаджи и Юлдука[2] тоже убили там же. Это обстоятельство произошло 23[3] числа месяца шавваля лета 696 [14 VIII 1297]. Аминь.[4]

Рассказ о возвышении степени Садр-ад-дина Зенджани и его дела вследствие казни эмира Новруза, прибытии державных знамен из Аладага в Тебриз и закладке высокого куббэ в Шаме [около] Тебриза

После убийства Новруза эмир Кутлугшах выступил из-под Герата и расположился на луговье Шаваран. Эмиров Новруза—Борачара, Алычака, Тугел-Кару и некоторых других перебили. Карасун убежал и находился на служении у эмира Кутлугшаха. Государь ислама, выступив из Аладага, в пятницу 24 числа месяца зи-л-хиджджэ[5] [13 X] прибыл в Тебриз. S561
На другой день на тебризской площади казнили Балату и его сына. С убийством Новруза дело Садр-ад-дина пошло в гору. Государь оказал ему милости и пожаловал ал-тамгу.

В первый день месяца зи-л-хиджджэ [20 IX] государь ислама из Шама приехал в Тебриз, присутствовал в соборной мечети при пятничном молении и роздал безмерные деньги[6] нищим и беднякам. Точно так же [было] и в следующую пятницу. В субботу 16 числа месяца зи-л-хиджджэ

---

[1] A, S — *ʔарӣун*; I, P, B — *арӣун*.
[2] A — *бӯлдӯқ*; S — *ʔӯлдӯқ*; I — *бӯмдāқ*; P, B — *тӯлдӯқ*; ср. Йол-Кутлуг, стр. 174.
[3] I, P, B — 22.
[4] P, B доб. „На смерть его сложили стихи". Далее следует «тарих», в котором упоминается дата — 22 шавваля 696 г. хиджры.
[5] L, I — зи-л-ка'дэ.
[6] *амвāл*.

A259a 696 года [5 X 1297] он заложил основание высокого куббэ посредине сада Адилийе в местности Шам. В этом деле он проявил большую страстность и любовь и постоянно посещал строительных мастеров и рабочих. Когда основание подвала[1] гумбада возвели до уровня земли, зодчие задали вопрос: „В скольких-де местах нам для освещения сделать окна?" [Газан-хан] спросил: „Для чего?" Они сказали: „Чтобы погреб[2] был светлый". [Газан-хан] ответил: „Свет там надобно провести отсюда, а иначе освещение, происходящее от солнца, в том месте не принесет человеку пользы".

В понедельник[3] 18 числа месяца зи-л-хиджжэ [7 X] из Хорасана прибыл Кутлугшах-нойон. В середине месяца мухаррама лета 697 [кон. X 1297] государь всем эмирам повязал чалму и на другой день пировали. В пятницу 20 числа месяца мухаррама [69]7 года [7 XI 1297] после сотворения молитвы [Газан-хан] двинулся из Тебриза с намерением зимовать в Арране. В Грузии распускали молву о затруднениях. [Газан-хан] с дороги послал туда эмира Кутлугшаха, чтобы он привел в порядок владение. [Тот] быстро вернулся обратно и привез с собою брата царя Давида, Вахтанга, и они, получив пожалование, возвратились назад. Державные знамена направились в Баку и через несколько дней [Газан-хан там] расположился.

В пятницу 9 числа месяца раби'-ал-ахыра[4] 697 года [24 I 1298] в Далан-науре скончался царевич Хитай-огул, а 9 числа месяца джумада-л-уля 697 года [22 II 1298] в Далан-науре появился на свет царевич Алачу и много дней предавались пиршествам и увеселениям. Аминь.

Рассказ о расстройстве дел Садр-ад-дина Зенджани и его казни

В пятницу 13 числа месяца джумада-л-ахыра лета 697 [28 III 1298] преклонили колени сейид Кутб-ад-дин Ширази и Му'ин-ад-дин Хорасани и доложили о преступлении Садр-ад-дина Зенджани в [управлении] денежными средствами[5] владений. Между составителем этой книги, врачом Рашидом, и Садр-ад-дином большей частью времени была дружба. Некоторые из сахибов дивана захотели заронить между нами неприязнь и рассказывали всякие [вещи], но на это не обращалось внимания. Когда они отчаялись [в успехе] с этой стороны, они пошли к Садр-ад-дину и, запутывая дело, вывели его из себя. Когда и на это обстоятельство не слишком обращалось внимания, Садр-ад-дин в воскресенье, в средине месяца джумада-л-ахыр на служении государю преклонил колена, чтобы оклеветать и отстранить меня [Рашид-ад-дина]. Я стал ему отвечать. Государь прикрикнул на него и сказал: „Он [Рашид-ад-дин] никогда не заводил о тебе речи". Тогда заговорил я. Государь промолвил: „Ты не оскверняй своего языка, отвечая ему и соблюдай свой образ жизни и путь". Садр-ад-дину стала ясна моя невиновность, и он стал очень плох с той братией, которая клеветала.

В воскресенье последний день месяца джумада-л-ахыра [13 IV] на берегу Каракударьи схватили Тайджу-огула и его соратников по причине мятежа [а также и] шейха, который состоял при нем и ему обещал власть государя. Это обстоятельство вдруг довели до благословенного слуха государя. Второго числа месяца раджаба на берегу протока, который заново прорыли в пределах Далан-наура, Тайджу-огула с четырьмя

---

[1] *сардāб.*
[2] *зирзамин.*
[3] S — „в ночь".
[4] L, I — раби'-ал-авваль.
[5] *амвāл.*

нукерами казнили. Государь переправился через реку и расположился в ставках у нового протока.

Когда государь был в Далан-науре, эмир Кутлугшах, вернувшись из Грузии, стал попрекать Садр-ад-дина за [состояние] тамошних денежных средств.[1] Садр-ад-дин отнесся к нему с подозрением и доложил [государю]: „Приверженцы-де Кутлугшаха разорили область Грузии". По этой причине государь и в опьянении и в трезвом состоянии упрекал эмира. Эмир спросил Садр-ад-дина: „Знаешь ли ты что-нибудь о том, кто подал жалобу на меня его высочеству, что он стал меня бранить?" Садр-ад-дин сказал: „Врач Рашид". В день нового года эмир Кутлугшах вышел от его высочества и случайно [у нас] произошла встреча. Он сказал: „Мы друг с другом были однокашниками[2] и никогда между [нами] не происходило никаких недоразумений, которые могли бы стать причиною обиды, так как же ты это перед государем вздумал действовать против меня?" Я ответил: „Никогда мне от тебя не было вреда, чтобы мне действовать против [тебя]. Нужно, чтобы ты сказал, кто тебе рассказал такие речи, а не то я доложу [об этом] на служении государю". Так как он не говорил, то я на охоте доложил об этих речах [государю]. Государь A259b
призвал эмира и сказал: „Клянусь моей головой, говори по правде, кто
тебе сказал такие слова?" [Эмир] ответил: „Садр-ад-дин". Государь S566
ислама очень разгневался и сказал: „Я хочу лишь, чтобы этот человек бросил хитрить, оговаривать и подстрекать к мятежу, но видно иного средства нет, ибо природа его крепко привязана к такому образу действий".

В среду 17 числа месяца раджаба [30 IV] вышел указ, чтобы схватили Садр-ад-дина, а также его брата Кутб-ад-дина. В пятницу 19 раджаба [2 V] Садр-ад-дина судили. Он без исключения давал исчерпывающие ответы и не считался с судьями. Если бы ему дали возможность говорить, то он вызволил бы себя из этой ужасной пучины. Но государь приказал, чтобы Кутлугшах прикончил дело Садр-ад-дина. В воскресенье 21 числа месяца раджаба лета 697 [4 V 1298], в предполуденный час, у протока Джандар эмир Сутай схватил его за одну руку, Пехлеван Мелик-и Гури — за другую, а эмир Кутлугшах переломил его надвое. Великий боже, сколько он приложил стараний и усилий в разное время ради успеха своего дела и сколько всяких смут поднимал, и когда в конце концов достиг желаемого, то насладиться [им] не смог.

Державные знамена оттуда двинулись в Билясувар и, идя от стоянки к стоянке, в субботу 12 ша'бана [25 V] дошли до стольного города Тебриза. В понедельник 21 числа месяца ша'бана [3 VI] казия Кутб-ад-дина, брата Садр-ад-дина и их двоюродного брата Кавам-ал-мулька казнили у ворот Варджунэ[3] в Тебризе, а казий Зейн-ад-дин, который тоже был их родственником, в 'ночь предостережения'[4] бежал из тебризской тюрьмы и направился в Гилян. Года через два-три он вернулся обратно и снова бежал. Его поймали и убили.

В воскресенье 10 числа месяца шавваля лета [69]7 [21 VII 1298] тебризский простой народ поднял шум и разрушил остававшиеся церкви. Государь ислама разгневался и наказал некоторых мятежников.

В понедельник 9 числа месяца зи-л-ка'дэ [18 VIII] в Тебризе скончался Сарабан сын Сунджак-нойона, а 25[5] зи-л-ка'дэ [3 IX] умер Боролтай-огул из рода Джучи-Касара. Аминь.

---

[1] *амвāл.*
[2] *дар йак кашīк бӯдэ īм.*
[3] Так в S, A — *варҳӯнэ.*
[4] *шаб-и барāт.*
[5] B — 5.

A260a Рассказ о походе державных знамен из стольного города Тебриза на зимовку в Багдад, пожаловании должности везира ходже Са'д-ад-дину, получении известия о восстании Суламиша и отправлении войска для отражения его

S563 В четверг 3 числа месяца зи-л-хиджджэ лета 697 [11 IX 1298] [Газан-хан] с намерением зимовать в Багдаде выступил из стольного города Тебриза в Уджан. Он пожаловал должность везира [всех] владений великому сахибу, ходже Са'д-ад-дину, который раньше уже доказал [свою] приверженность [государю] и всяческое соблюдение верности и в добрую и недобрую годину исполнял условия и обычаи неотлучной службы и усердия. Эмира Нурина [Газан-хан] отправил в Арран для защиты области Дербент. В пятницу 2 числа месяца мухаррама 698 года [10 X 1298] [государь] расположился на луговье Зак в пределах Хамадана. В [месяце] мухарраме скончался Эсэн-Бука-гурген, сын Нокая-яргучи.

27 мухаррама [4 XI 1298] [Газан-хан] выступил из Перахана и в пределах Буруджирда, после установления вины, казнили Абу-Бекра Дадукабади, который был хамаданским валием. Пройдя Курдские горы, [Газан-хан] в субботу[1] 22[2] числа месяца сафара [29 XI] остановился на луговье Джукин в пределах Васита, а оттуда, перейдя через низменность Шиб,[3] вступил в Васит.

В те дни беспрестанно из Рума шла молва о мятеже Суламиша. Рассказ об этом таков. Когда Балату был казнен, государь ислама отдал эмирство в Руме эмирам Баянджару, Бучкуру и Докуз-Тимуру, а сам Суламиш был главным эмиром румского войска. Султана Мас'уда[4] по подозрению в состоянии нукером у Балату отрешили и передали султанство его племяннику Ала-ад-дину Кейкубаду сыну Ферамурза, и он вместе с упомянутыми эмирами отправился в Рум. В ту зиму в тех краях стояла превеликая стужа, выпал глубокий снег, дороги закрылись и сообщения оборвались. Пустили молву, что дела в ставке [государевой] переменились. На основании такой предпосылки Суламиш составил заговор с Акбалом, Таш-Тимуром и некоторыми другими. Он внезапно схватил Баянджара и Бучкура, убил [их] и положил начало противлению. Из Сирии и...[5] он призвал войска, запряг в ярмо повиновения воинов, которые стояли в степи Казавэ, во владении Данишмендидов, и собрал безмерное число бродяг.[6] Он раздавал войску деньги и земли владений, пока вокруг него не собралось почти пятьдесят тысяч конных воинов. Сирийцы согласились послать на помощь двадцать тысяч человек. Некоторых [Суламиш] назвал эмирами и дал им знамена и накры.[7] Поскольку дороги были преграждены и гонцы и вестники с этой стороны не прибывали, надменность [Суламиша] возрастала.

Когда весть об этом дошла до благословенного слуха государя ислама Газан-хана, он в воскресенье 12 числа месяца джумада-л-уля [6]98 года [15 II 1299] отправил эмира Кутлугшаха с войском через Диярбекр в Рум для отражения его [Суламиша]. Эмир Чобан-бахадур еще раньше выступил в передовом отряде. Вслед за эмиром Кутлугшахом [Газан-хан] послал эмира Сутая.[8] Весною обеим ратям случилось сойтись

---

[1] B — „в понедельник".
[2] I — 23.
[3] A — *ш?б;* S — *с?б;* L, I, P, B — *шб.*
[4] L — Махмуда.
[5] *авджхā.*
[6] *рунуд ва авбāш.*
[7] *санджак ва наккāрэ.*
[8] L, I, P, B — доб. „*ахтāчи*".

в степи Акшехира [в округе] Эрзинджана. 24 числа месяца раджаба лета [6]98 [27 IV 1299], после сражения и битвы, Суламиш был обращен в бегство и направился в Сирийский край, а эмиров его схватили и привели.

Государь ислама из Джукина выступил в Багдад и во вторник[1] 21 числа месяца джумада-л-уля [24 II] из города Ниль направился к гробнице эмира правоверных Али, 'да будет над ним мир'. Он свершил паломничество, обласкал обитателей и живущих при священной гробнице и отличил их подаянием и милостыней. В среду 29 числа месяца джумада-л-уля [4 III] прибыли несколько эмиров Сирии и Мисра — Сейф-ад-дин Кипчак, Сейф-ад-дин Бек-Тимур, Ильбеги и Азар,[2] которые обидевшись на сирийского хакима Лачина, отпали с тремя стами всадников. В Рас-ал-Айне они услышали весть о смерти Лачина и раскаялись, но A260b уже нечего было делать. Они доложили и дурное и хорошее. 3 числа месяца джумада-л-ахыра [8 III] государь ислама расположился в Багдаде, а в четверг 15[3] числа упомянутого месяца [20 III] выступил из Багдада и направился в Майдан. Из числа мисрцев, которые покорились, Бузлар с некоторыми другими бежал и по их следам отправилось войско. Большая часть сирийцев была перебита, а семерых захватили в полон. Бузлар бежал в одиночестве и ускользнул. В начале месяца ша'бана [69]8 года [нач. V 1299] бежала тысяча караунов, стоявших в пределах Тарума, [и], предводителем которой был некий Бука. Она отправилась по дороге в Ирак, прошла до рубежей Иезда и Кермана, по пути учиняла разбой и примкнула в Бинигаве[4] к негудерцам.[5]

В субботу[6] 14 числа месяца ша'бана [17 V] из Рума прибыл Яглакушукурчи с радостной вестью, что эмир Чобан и Башгурд разбили Суламиша и он бежал с немногими людьми, а все дружины, которые у него были, покорились.

Алгу брата Ильчидэя-кошчи, который ходил с ним, убили, а Акбаля сына Урукту-нойона, сына, Элькэй-нойона, и Таш-Тимура, китайца, схватив, ведут сюда.

Государь ислама еще ранее расположился в Большом Куджине,[7] в пределах Сугурлука. В Курбанширэ, вернувшись обратно из Аррана, прибыл Нурин-ага. 25 числа месяца ша'бана [28 V] державные знамена остановились в Уджане. Из Хорасана приехал царевич Харбандэ. Братья обрадовались свиданию друг с другом и обратились друг к другу за помощью. Приступили к курултаю и пиршествам, а когда покончили с курултаем, то 28 числа месяца ша'бана [31 V] казнили Акбала. В среду 24 числа месяца рамазана [25 VI] казнили румских эмиров Керзе, Черкеса и Эсэна, которые были заодно с Суламишем. S568 В четверг 16 числа месяца шавваля 698 года [17 VII 1299] государь ислама сочетался браком с Керемун-хатун, дочерью Кутлуг-Тимура сына Абатай-нойона. На шесть туманов он...,[8] сыграл свадьбу и посадил ее в большой ставке на место Докуз-хатун. В начале месяца зи-л-хиджджэ [нач. IX] [государь] приказал, чтобы царевич Харбандэ вернулся обратно в Хорасан и оберегал бы это владение от расстройства. В пятницу 14 числа месяца зи-л-хиджджэ [12 IX] державные знамена расположились в стольном городе Тебризе. Схватив Суламиша, его доставили сюда из Рума. Во вторник 29 числа месяца

[1] L, I, P, B — „в ночь на субботу".
[2] L — *'арāк;* I — *аз'āз;* P — *'рар;* B — *'рāз.*
[3] I — 11.
[4] *бīнī гāв.*
нīкӯдарйāн.
[6] L, I, P, B — „ночью".
[7] L, I, P, B — *кӯрджэ.*
[8] Далее следуют непереведенные слова *'аввāл-и мхр бурīд.*

зи-л-хиджжэ [27 IX] его казнили на тебризской площади в позорном виде, а тело его сожгли на огне и развеяли по ветру.

У государя ислама по причине воспаления глаз было недомогание. Люди, чтобы отвести сглаз, курили рутой и возносили молитвы о помощи. Аминь.

Рассказ о походе государя ислама в Сирию и Миср, сражении с мисрцами, поражении их и завоевании области Сирии

В те дни, когда государь ислама благополучно прибыл в Тебриз, из Рума и Диярбекра один вслед за другим приезжали гонцы и возвещали, что сирийцы подступили к рубежам тех владений, совершают набеги, грабят на дорогах, жгут хлеба и причиняют беспокойство мусульманам. Они-де осадили Мардин и увели в полон множество мусульман. В месяце рамазане они в мечетях с мусульманскими девушками предавались разврату, а некоторые даже пили вино. Сама крепость Мардина уцелела от их злодейства, остальной весь город и область они разграбили. Оттуда они пошли на Дунайсер и учинили те же непотребные дела. В Рас-ал-Айне они тоже хотели было сделать такое же, но тамошние жители оказались стойкими воинами, завязали бой в тесных улицах города, и они не обрели победы. Однако все, что [сирийцы] нашли за городом из скота и прочего, они полностью угнали и в Халебе по самой
A261a дорогой цене продавали рабов-мусульман, чтобы вознаградить самих себя.

Этот рассказ дошел до благословенного слуха государя ислама. Он закипел рвением за веру и подвигом за ислам и признал для себя нужным отразить зло этих хулителей. После того как он уже больше не нуждался[1] в имамах веры и богословах ислама и все дали фетву, что устранение их [сирийцев] зла из мусульманских владений, которые находятся в ярме послушания государю ислама, является обязательным и необходимым для царского попечения, [Газан-хан] отдал приказ, чтобы войска собрались, и сообразно с пользой дела отправил в путь эмиров с правого и левого крыла. В пятницу 19 числа месяца мухаррама лета [6]99 [16 X 1299] державные знамена из стольного города Тебриза двинулись в поход на Сирию. На другой день [Газан-хан] выступил из окрестностей Мераги. и из Диххарегана вернул обратно Нурин-агу, чтобы он пошел в Арран. 10[2] числа месяца сафара [6 XI], перейдя через реку Заб, [Газан-хан] расположился напротив крепости Кушаф. Во вторник[3] 14 числа месяца сафара [10 XI] в счастливый час под знаком созвездия Рыб он выступил дальше, а жены, которые следовали [с ним], простившись, из Мавсиля повернули назад. В субботу[4] 25 числа месяца сафара [21 XI] [Газан-хан] дошел до пределов Нисибина и сделал смотр войскам. В понедельник 27[5] числа [23 XI] он отправил передовым отрядом Кутлугшах-нойона с войском. Во вторник 12 числа месяца раби'-ал-авваль [7 XII] [Газан-хан] благополучно переправился через реку Ефрат против крепости Джа'бар и Сиффина. О неприятеле пришли добрые вести, что между ними произошло несогласие. В воскресенье 17 числа месяца раби'-ал-авваль [12 XII] державные знамена прибыли в город Халеб. Выступив оттуда по пути дошли до каких-то пашен. Ратные люди возрадовались: „Мы-де теперь будем скармливать [лошадям] хлеб". Государь принял повод, обошел хлеба стороною и повелел: „Каждого человека,

[1] Т. е. уже запросил мнение.
[2] L, I, P, B — 11.
[3] L, P, B — „ночью в субботу".
[4] L — „ночью"; I — „в ночь на суббогу".
[5] I — 29.

который будет скармливать [коням] этот хлеб или другие хлеба, до которых мы дойдем, пусть предают казни, ибо негоже пищу человеческую давать животным". Во вторник 19 числа месяца раби'-ал-авваль дошли до пределов Сармина. Мугултай-Аджачи с несколькими кипчакскими нукерами бежал. В понедельник 25 числа месяца раби'-ал-авваль [Газан-хан] миновал город Хама и расположился напротив города Саламьи. Там появились вражеские разъезды.[1] Государь ислама видел своих воинов беспечными и пренебрегающими боевой готовностью. [Газан-хан] благополучно выступил с отрядом витязей, чтобы разведать поле битвы и добыть сведения о положении неприятеля. Он приказал по стану пустить слух, что враг подошел. Воины взялись за дело, и все занялись приведением в порядок оружия и приготовились к битве. После этого эмир Чобан возвратился обратно. [Газан-хан] сказал: „Врага нет. Цель-де этого слуха заключалась в том, что поскольку мы подошли к врагу, то будьте очень бдительны и разумны и становитесь поскорее [на места]".

[Газан-хан] разведал [местность] и понял, что [враги] расположились S565
на таком же самом месте, как они уже раньше расставили свои военные силы в пору Менгу-Тимура: заняли хорошее место так, чтобы большей части войска этой стороны досталось плохое. Он призадумался над тем, как можно было бы уничтожить преимущество расположения их военных сил и узрел пользу в том, чтобы не нападать на них в лоб. Он повелел [войскам] принять в сторону своего левого крыла, которое было их [врагов] правым крылом. В среду 27 числа месяца раби'-ал-авваль [22 XII] [Газан-хан] расположился в трех фарсангах от города Химс на берегу Аббарик и приказал набрать трехдневный запас воды и через пустыню выйти им [врагам] в тыл. [Тогда] им [врагам] поневоле придется обратиться лицом в ту сторону и расположение их военных сил потеряет всякое преимущество. Люди занялись набиранием воды. Мисрцы предположили, что монгольская рать приняла влево ради отступления. Было решено дать сражение в четверг. Предполагая отступление, они [мисрцы] в среду вдруг сели на коней и пошли на [монголов]. Государь ислама Газан-хан, когда узнал о приближении неприятеля, прочитал два рак'ата просительной молитвы вместе со всем войском, воссел на коня и с тем количеством войска, которое было налицо, вышел против врага.

В голове[2] правого крыла был эмир Мулай, за ним эмирзадэ Саталмиш, за ним эмир Кутлугшах, а за ним Яман[3] и Муртад,[4] каждый со своим туманом. В средней рати [стоял] государь ислама, словно величавая гора, а в передовом отряде средней рати эмиры Чобан и Султан: Чобан направо, а Султан налево. Справа от средней рати был Тогрулча сын Аджуя-шукурчи. Ниже главной средней рати[5] находились эв-огланы, A261b
за ними Ильбасмиш со своим туманом, за ним Чечек, за ним Курумиши сын Алинака, и позади всех Курбука-бахадур, который ведал задней ратью.[6] Прежде чем все войска успели сесть [на коней] и построить боевой порядок, завязали бой. Сирийцы весьма уповали на свою численность и снаряжение и не понимали, что наступали ногою на хвост змеи, а рукою прикасались к шипу. Кутлугшах-нойон приказал, чтобы забили в литавры, и мисрцы предположили, что государь ислама находится в этих рядах. Они разом ударили туда и шли непрерывно тысяча за тысячью. Прорвав ряды, они опрокидывали витязей, и огромное множество

---

1 *йавак.*
2 *бар аввал.*
3 A — *ймн;* L — *вдймн;* I — *амйр рймн;* P — *р?мн;* B — *рймн.*
4 L — *мркд;* I, B — *мрйд.*
5 *кӯл-и бузург.*
6 *сāқа.*

людей из полка эмира было убито и ранено. Эмир с отрядом всадников присоединился к государю. Мисрцы так же, как и в пору Менгу-Тимура, держали в стороне в засаде Иса-Мухана с пятью тысячами арабских всадников. Государь ислама проведал [об этом] и повелел Курбукаю с пятью тысячами всадников охранять тыл войска. Во время битвы арабская дружина внезапно выскочила из засады. Курбукай ринулся на них и рассеял нападавших. Государь ислама услышал голос из Счастливой долины: [1] 'Не бойся, ты спасся от народа притеснителей'.[2] От этой радостной вести в благословенной душе [государя] объявилась большая сила. Он рычал, словно разъяренный лев, разрывал ряды войск и ударами копья опрокидывал их [врагов] богатырей. Он кликнул войску, чтобы спешились и стреляли из луков. И снова сели верхом и поскакали на них. От предполуденного и до предвечернего часа длилась битва.
S570 Наконец, мисрцы были разбиты и обратились в бегство. Когда покончили с битвой, из Рума прибыл Абишка и в его сопровождении...[3] с пятью тысячами человек.

Государь ислама медленно следовал по пятам мисрцев до [места] повыше Химса и остановился в одном фарсанге от города. Жители города Химс и сидевшие в крепости покорились и в воскресенье 2 числа месяца раби'-ал-ахыра [27 XII] сдали казну мисрского султана. [Газан-хан] роздал [ее] эмирам и большую часть эмиров одел в почетные
A262a халаты из одежды султана Мисра. На другой день он выступил в Дамаск и отправил в стольный город Тебриз и во все края владений гонцов с радостной вестью об этой победе. В четверг 6 числа месяца раби'-ал-ахыра [31 XII 1300] навстречу [государю] вышли садры, вельможи и именитые люди Дамаска, изъявили покорность и просили [себе] воеводу. [Газан-хан] назначил на должность воеводы Кутлуг-Кия. 9 числа месяца раби'-ал-ахыра [3 I] он расположился ниже Дамаска в Марджрахите.

Общество жителей Дамаска приготовилось служить [государю] и искало прибежища под сенью могущества его величества. Государь ислама спросил их: „Кто я?" Они все воскликнули: „Царь Газан сын Аргуна, сына Абага-хана, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингиз-хана". Потом [Газан-хан] спросил: „Кто отец Насира?" Они ответили: „Альфи". [Газан-хан] спросил: „Кто был отцом Альфи?" Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву, и что все являются слугами знаменитого потомства предка государя ислама. Государь ислама сказал им: „В бытии ваших живых нет никакого блага, а большое благо и небесная милость в ваших мертвецах. Преступления, содеянные вами, невеждами, я прощаю ради этих сведущих мертвецов". Жители Дамаска очень обрадовались и приободрились и помолились за державу государя.

12 числа месяца раби'-ал-ахыра [6 I] [Газан-хан] поехал для обозрения в Майдан-ал-Хаса и так как эту населенную местность он нашел весьма цветущей, то сохранение ее посчитал обязательным. Он назначил отряд караульных к воротам Тума, чтобы они не позволяли воинам обижать горожан, приказал закрыть семь других ворот и [приказал], чтобы воины не бродили по садам и не причиняли разрушений. Должность дамасского эмира он отдал Кипчаку, который раньше был тамошним эмиром и изъявил покорность. Воеводство он закрепил за Кутлуг-Кия, а распоряжение налогами[4] и их сбережение попрежнему за Фахр-ад-дином ибн

---

[1] *Вади-и айман* — пустыня, через которую по библейскому преданию был указан путь детям израилевым.

[2] Кор., 28_{25} (конец).

[3] A, S — *бкурсис;* L, I — *ткурсис;* P, B — *?курсис.*

[4] *тасарруф дар амвал.*

аш-Ширчи и сейидом Зейн-ад-дином. [Государь] повелел, чтобы они распоряжались по установленному правилу и обычаю, а ежели у них случится важное дело, то представили бы [его] везирам его высочества. Служилых людей султана, как-то: казначейских писарей и войсковых писарей[1] и прочих он всех обласкал, и они попрежнему служили. Эмиры доложили: „Раз-де сидящие в крепости не покоряются, то, конечно, у горожан к нам не может быть искреннего расположения, лучше разграбим город". Все эмиры в этом отношении были единогласны и по сей причине на горожан напала паника и смятение. Государь ислама сжалился, не одобрил этого дела и повелел, чтобы ни одна душа не беспокоила и не обижала тамошних жителей. Каждого из эмиров и ратных людей, кто захочет отправиться в город, наотрез не допускали бы туда, прежде чем он не будет иметь от дивана установленной грамоты. Во вторник 18 числа [12 I], вследствие отданного приказа, чтобы пошли в сады и нарезали бревен, которые были бы пригодны для камнеметов для взятия крепости, толпа коноводов армян, грузин и отрекшихся от ислама[2] бросилась в Джебель-ас-Салихийе и учинила резню, грабеж и захват в полон. Государь ислама из-за этого происшествия закипел гневом и тотчас же приказал Араги сыну Коничи, сына Китбукая, чтобы он пошел туда и оберегал народ, а тех людей, которые грабят, казнил бы. Когда он прибыл туда, воины уже произвели разорение и рассеялись. После этого обыскивали жилища грузин и армян и, отобрав [от них] обратно пленников, отпускали на волю.

В субботу 29 числа месяца раби'-ал-ахыра [23 I] вернулся обратно эмир Мулай, который ходил до Газзы вслед за потерпевшими поражение. Поскольку погода уже начала клониться к теплу, государь ислама не придал значения засевшим в крепости, которые продолжали упорно сопротивляться, и 13 числа месяца джумада-л-уля [5 II] выступил обратно из Дамаска, оставив эмира Кутлугшаха и эмира Чобана для охраны того места с тем, чтобы они пришли, когда настанет весна. Эмиру Мулаю [Газан-хан] приказал пробыть там лето с большой ратью, а Насир-ад-дина Яхью определил в нукеры к Кипчаку. Бек-Тимура и S567
Ильбеги, которые ранее прибыли на служение, он назначил каждого на подобающее дело. В конце концов они и Кипчак забыли милость и покровительство государя ислама и распустили разные слухи, которые явились причиною возвращения эмира Мулая и [его] полка. Между тем государь ислама в среду 24 числа месяца джумада-л-уля [16 II] перешел A262b
через реку Ефрат против крепости Джа'бар по переправе, которую он по своему изобретению приказал соорудить из плотов, перевязанных между собою веревками из лыка. В тот же день он присоединился к большому обозу.[3] Прибыл Султан-ясаул, [который] доходил до Газзы. В пределах Синджара [государь] примкнул к хатунам. Приехали гонцы из Кермана и доложили о мятеже Махмудшаха и его последователей, об убийстве ученейшего во всем мире мужа, мовляна Фахр-ад-дина, гератского казия, и его сыновей, и о мятежах, которые поднимали. Во вторник 15 числа месяца джумада-л-ахыра [8 III] [Газан-хан] прибыл в Мавсиль, а в воскресенье 5 числа месяца раджаба [27 III] из Сирии приехал Кутлугшах-нойон и доложил о противодействии Кипчака и [его] нукеров. В первый день месяца ша'бана [22 IV] государь ислама переправился через Тигр. 17 ша'бана [8 V] из Дамаска прибыл эмир Мулай, а 19 ша'бана [10 V] в пределах ущелья Зенги были осчастливлены честью прибыть на слу-

[1] *куттāб-и хазāнэ ва куттāб-и джайш.*
[2] *муртаддūн.*
[3] *āрӯк*

жение [к государю] эмир Нурин, Чечек и Туган, которые возвратились из Аррана.

В субботу 15 числа месяца рамазана [4 VI] державные знамена остановились в Мераге. На другой день [Газан-хан] отправился полюбоваться на обсерваторию. Он поглядел на все ее действа и приборы, все неспеша рассмотрел, расспросил о качестве каждого из них и несмотря на трудность их тонкостей, большей частью уразумел и повелел, чтобы около Высокого гумбада и абваб-ал-бирр в Шаме построили обсерваторию, предназначенную для нескольких действ. Он изложил сущность этих действ в ясном описании, так что присутствовавшие ученые люди удивились его прекрасным выводам, ибо такого дела ни в какие времена не делали. Ученые сказали: „Постройка ее очень трудна". [Газан-хан] их научил и наставил, чтобы они приступили к ней со вниманием и закончили согласно его наставлению. Они [ученые] и все искусные зодчие согласны, что подобной ей никто не строил и не знал. [Газан-хан] выступил оттуда и пришел в Уджан.

Во вторник[1] 24 числа месяца шавваля [13 VII] начали курултай. По его окончании в субботу 3 числа месяца зи-л-хиджджэ лета 699 [20 VIII 1300] в Уджане скончался царевич Алачу и гроб с ним отнесли в Высокий гумбад в Тебризе. 6 числа месяца зи-л-хиджджэ [23 VIII] [Газан-хан] дал позволение царевичу Харбандэ вернуться обратно в Хорасан, а сам благополучно направился в стольный город Тебриз и каждодневно ходил к зданию Высокого гумбада. Аминь.

Рассказ о походе государя ислама в Сирию и Миср во второй раз

Когда наступила осень, государь ислама во второй раз твердо решил пойти на Сирийский край. В понедельник, первый день месяца мухаррама лета 700 [16 IX 1300], он отправил в передовом отряде эмира Кутлугшаха с большим войском, а державные знамена двинулись из Тебриза с этим намерением 15 числа упомянутого месяца [30 IX]. 3 числа месяца сафара [18 X] [Газан-хан] от [реки] Чагату повернул обратно Нуринагу, чтобы он пошел в Арран. 4 числа месяца раби'-ал-авваль [17 XI] [государь] благополучно прибыл в город Мавсиль и два-три дня предавались забавам.[2] В пределах Абумири [?] [в день] по выбору [звездочетов?] [Газан-хан] выступил из ставки и отправил в передовой рати эмиров Чобана и Мулая. В пределах Синджара 6 числа месяца раби'-ал-ахыра [19 XII] не стало Туганшах-хатун дочери Мубарекшаха. Жены, которые приехали проститься, из пределов Рас-ал-Айна повернули обратно.

12 числа месяца раби'-ал-ахыра [25 XII] из рати прибыл Шинка и известил, что наш-де разведчик[3] Кабарту с несколькими всадниками ударил на Кушлюка, который был их разведывательным отрядом, и один из их эмиров был убит. Государь ислама 7 числа месяца сафара перешел через Ефрат против Джа'бара и Сиффина и во вторник 21 числа расположился выше Джаббула близ Халеба. Прибыл Кабарту-бахадур и привел в полон нескольких сирийских воинов. 27 числа поднялся переполох и пролетел ложный слух, что подошел неприятель. Был отдан приказ,
S572 чтобы рать разом села [на коней]. Когда после разведки выяснилось, что слух ложен, [рать снова] расположилась [в стане]. 5 числа месяца джумада-л-уля [16 I 1301] прошли Халеб и остановились в Рибат-и...,[4] на берегу реки Кувейк, которая является рекой города Халеба. 7 числа

[1] B — „ночью".
[2] *джирғамиш карданд.*
[3] *йавак.*
[4] A — *вғйхи*; S — *вғбхи*; L — *ғхи*; B — *ғхджи.*

[18 I] расположились напротив Киннасрина. Поскольку о неприятеле не было известий и султан Мисра из страха не выступал, государь ислама сжалился над владением мусульман и дальше не пошел. Он повелел, чтобы Кутлугшах пребывал с войском в Серхене [?].[1] A263a

В эту зиму выпадали обильные дожди. Случайно эмир Сутай и некоторая часть войска эмира Шибаучи, которые шли из Рума, расположились на плохом месте. Вдруг полил большой дождь и наступила жестокая стужа. Образовалась такая сильная грязь, что оба эмира не могли соединиться друг с другом, и множество из животных погибли в грязи и холоде. Государь ислама отправил эмира Мулая с туманом войска, чтобы он их вывел при помощи животных этого тумана. Когда они прибыли туда, то сумели с тысячью ухищрений себя вызволить.

Государь ислама 22 числа месяца джумада-л-уля [2 II] повернул обратно и против города Ракки переправился по пловучему мосту, который соорудили. Он совершил паломничество к [гробницам] Аммара ибн Ясира и сиффинских мучеников. В субботу 15[2] числа месяца джумада-л-ухра [25 II] [Газан-хан] у Чехартака, ниже Синджара, присоединился к женам и ставкам. В последний день месяца раби'-ал-ахыра [11 I] в пределах Кушафа скончался эмирзадэ Саталмиш сын Боралиги, из родичей Алтачу-аги. Государь ислама после известия о событии с ним очень скорбел. В четверг 11 числа месяца раджаба [22 III] из Сирии прибыл Султан-ясаул. В середине месяца раджаба [нач. IV] прибыл также эмир Кутлугшах и несколько дней в той области предавались забавам, увеселениям и охоте.

Однажды государь ислама погнался за дикой козой. Он метнул стрелу и показалось так, что стрела не попала в нее. Вдруг коза упала. Толпа окольных людей [ее] осмотрела и [оказалось, что] стрелой ей было причинено девять ран. Все люди это воочию наблюли и поняли, каким образом эти девять ран произошли. Стрела была такая, которую монголы называют «тона».[3] У ее наконечника имеется три весьма острых острия. Когда коза была в воздухе и четыре ноги ее сошлись вместе, стрела, попав во все четыре и ранив [их], прошла дальше, попала в пах, брюхо и грудь, и каждое острие ее нанесло рану вдоль. Затем [стрела] попала в шею и горло и нанесла еще две раны, так что по определении таким образом виднелось девять ран. От этого происшествия совсем стерся рассказ о Бахраме Гуре, который ухитрился стрелою пришить ногу дикой козы к уху, чему люди изумляются и уже 1500 лет изображают [этот случай] на стенах и в книгах. Это обстоятельство воочию видели свыше двух тысяч человек.

В среду 23 числа месяца ша'бана [3 V] прибыли гонцы от Токтая, государя улуса Джучиева, и, удостоившись чести приема у государя, в скорости вернулись обратно. В среду последний день месяца ша'бана [9 V] [Газан-хан] переправился через Тигр и по пути приказал переловить курдов, которые чинили всяческие бесчинства. Многих [из них] перебили. 24 числа месяца рамазана [2 VI] [Газан-хан] расположился в городе ислама Уджане. Аминь.

Рассказ о приобретении ходжой Са'д-ад-дином, сахиб-диваном, [царских] милостей и о казни его завистников

Когда государь ислама, благополучно вернувшись из похода в Сирию, расположился в городе Уджане, он 27 числа месяца ви-л-ка'дэ

[1] *срхн.*
[2] В — 12.
[3] *тӯна.*

[3 VIII 1301] лета 700 удостоил ходжу Са'д-ад-дина большой милостью, пожаловал ему ал-тамгу и вверил ему дела по должности сахиб-дивана. В первый день месяца зи-л-хиджджэ [7 VIII] была свадьба Кутлугшах-нойона с Иль-Кутлуг, дочерью Гейхату. На той летовке некоторые приближенные [государя] и сахибы-диваны, как то: Кази-Саин, шейх Махмуд, сейид Кутб-ад-дин Инджу-и Ширази и другие нукеры учинили [между собой] совет, как [им] устранить ходжей, и выжидали удобного случая. На собрании, где государь пил вино и вспоминал эмиров, присутствовал [также] сейид Кутб-ад-дин Ширази и сказал: „Башмиш был человеком прекрасного образа жизни". Государь ответил: „Ты потому говоришь об его прекрасных качествах, что вы вместе ездили в Шираз, и он
A263b стал орудием стяжания и вытягивания прибыли для тебя. Вы много
денег оттуда вывезли". Затем сказал: „Вы постоянно вертелись вокруг
S569 мятежа и крамолы". Кутб-ад-дин спьяна сказал: „Государь изволит говорить чудеса, будто был на нашем совете". Государь по догадке и проницательности почуял их дело и приказал, чтобы в ту же ночь шейха Махмуда заключили под стражу. Наутро схватили Кази-Саина, сейида Кутб-ад-дина, Му'ин-ад-дина Хорасани, Амин-ад-дина-эюдэчи и Са'д-ад-дина Хабаша и учинили над ними суд. Через семь дней отпустили Амин-ад-дина, а через десять дней Са'д-ад-дина Хабаша, потому что за обоими вины не оказалось. В понедельник 22 числа месяца зи-л-хиджджэ [28 VIII] в местности Дуль казнили Кази-Саина, сейида Кутб-ад-дина и Му'ин-ад-дина, а шейха Махмуда по ходатайству Булуган-хатун [Газан-хан] освободил 15 числа мухаррама 701 года [20 IX 1301]. Хотя государь ислама Газан-хан был весьма мягкосерд и совсем не позволял мучить животных, так что даже если когда-нибудь в кушанье попадала муха, он вытаскивал ее своею благословенною рукою тихонько, чтобы не сломались ее крылья, клал [ее], чтобы она оправилась и пускал ее лететь, однако он говаривал: „Убить невинного комара для меня тяжелее, чем преступного человека, ибо оставление в живых бунтовщика причиняет великий вред, особливо в делах государства и власти".

Рассказ о походе государя ислама Газан-хана в Аладаг, переезде оттуда через Нахчуван на зимовку в Арран и прибытии гонцов, которые ходили в Миср

В среду 15 числа месяца мухаррама лета 701 [20 IX 1301] державные знамена направились в Аладаг. 21 числа упомянутого месяца [26 IX] Кутлугшах-нойон с войском отправился в Мерагу с намерением итти в Диярбекр, а государь ислама в четверг 2 числа месяца сафара [7 X] остановился в аладагском дворце. В воскресенье 2 числа месяца раби'-ал-авваль [5 XI] он через Нахчуван двинулся из Аладага в Арран. Вышел приказ, чтобы эмир Кутлугшах из Диярбекра вернулся обратно. В понедельник 16 числа месяца раби'-ал-ахыра [19 XII] прибыли казий Кемаль-ад-дин Мавсили и Али-ходжа, которые ездили послами в Миср. Когда ставки расположились в юрте Карабаг в Арране, государь ислама там долго не задержался, выступил на охоту в горы Ширвана и Легзистана и несколько дней там охотился. Оттуда он направился на охоту на лебедей в Говбари и некоторое время там предавался охоте на птиц и ловле рыбы. Оттуда он переехал на залив[1] [?], который государь назвал Кушкоюн. Тот морской берег простирается до пределов ...[2] Журавли и утки, которые, возвращаясь с зимовки, направляются на летовку, пролетают там.

[1] *халīз*.
[2] A — *брмкī*; S, P — *?рмкī*; L — *бр?лī*; I — *брмлкī*; B — *бр?кī*.

Когда державные знамена прибыли в те края, а они [лежат] близко от Дербента, Токта, государь улуса, обратился в бегство. Его царевичи и эмиры, которые находились близко от этой стороны, в предположении, что покоряющие мир знамена направляются в ту [их] сторону, ударившись в бегство, перешли на ту сторону рек. Через некоторое время они узнали, что действительность была вопреки их предположению, и снова купцы стали ездить туда и обратно. В то время все эмиры Легзистана, которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в тех неприступных горах, послушно и добровольно покорились и искренне обратили лицо к служению [государю] и взялись рукой за крепчайшую рукоять послушания и повиновения. Толпу воров и бродяг,[1] которая укрылась из владения Азербайджан в те горы и предпринимала грабежи и разбой на дорогах, полностью переловили и перебили. Возвратясь из тех краев, [Газан-хан] остановился в ставках в Билясуваре и Хамашахрэ и [затем] пошел на охоту по дороге на владения Талыш S574
и Испахбад.

Газан-хан приказал среди тех гор построить из жердей и хвороста A264a
две сходящиеся клином изгороди длиною в один день пути, так чтобы между концами изгородей в широкой части клина расстояние было около одного дня пути, а в узкой пятьдесят гязов, и в тупике их сделали из дерева наподобие загона. После этого воины устроили облаву и гнали дичь, как то: горных буйволов, джуров, диких коз и ослов, шакалов, лисиц, волков, медведей и других всевозможных диких и хищных зверей во внутрь изгороди до тех пор, пока они все не собрались в том загоне. Поскольку они находились между обеими изгородями, а выхода не было, то они поневоле все попали в загон. Государь ислама с Булуган-хатун восседал на помосте, который построили в середине, и любовался на тех животных. Часть их перебили, а часть отпустили на волю.

Оттуда [Газан-хан], прогуливаясь, ехал от привала к привалу, до стольного города Тебриза. Жители владений, мужчины и женщины, большие и малые, с полным своим желанием и искренне воздымали руки на молитву и славословили его величество государя. Жители Тебриза с мусульманскими знаменами вышли за город, соблюдая все обычаи и распорядок, и выполнили обряд встречи. Государь ислама оказал им полное благоволение и сострадание и оградил от всех непричитающихся повинностей и поставок.[2] Аминь.

Рассказ о соизволении государя ислама на всеобщее торжество в Золотой ставке[3] в местности Баг-и Уджан, чтении там от начала до конца Корана и всеобщем пожаловании подарков

Государь ислама раньше приказал знаменитым мастерам и искусным зодчим построить золотую палатку и золотой престол из подходящих материалов и средств. В течение трех лет большая толпа была занята устройством их и теперь, когда [Газан-хан] прибыл в стольный город Тебриз, они были закончены. В конце месяца зи-л-ка'дэ лета 701 [кон. VI 1302] [Газан-хан] из Тебриза переехал в Уджан. Для благословенного местопребывания там оградили валом луг очень цветущий и прелестный. Там имеются речки и ручьи с проточной водой и [там] устроили большие пруды и водоемы, [в которых] поселились разного рода птицы. Тот прямоугольник разделили на равные части и по двум сторонам его обозначили рубежи ивами и белыми тополями, чтобы народ ходил вдоль

[1] *дуздан ва авбаш.*
[2] *такалиф ва му'ун-и на мувадджих.*
[3] *урду-и зарин.*

этих рубежей и ни одна душа не проходила посредине луга. [Была указана] дорога каждому определенному разряду людей, откуда им входить и куда выходить. В середине построили кушки, башни, баню и прекрасные здания. [Газан-хан] повелел, чтобы золотую палатку разбили в середине этого сада с приемным шатром и навесами, которые особливо для него предназначены. Собрались все фарраши и зодчие и смогли разбить [палатки] из-за чрезвычайной [их] величины лишь в течение одного месяца. Затем они установили престол, усыпанный жемчугом и яхонтами.

Прежде чем приступить к торжеству, [Газан-хан] из уважения к исламу призвал сейидов, имамов, шейхов, казиев и благочестивых людей и пригласил заодно и прочую братию [разных] общин. Он обратился к собравшимся и повел тонкую речь красноречивым языком и в изящном изложении о непостижимых путях истины и о знании, увещевал и убеждал людские общины и возблагодарил за великие божеские благодеяния. Между прочим, он сказал: „Я, немощный раб, сознаюсь в слабости, недостатках и многочисленных грехах и не заслуживаю этого дара и не достоин этой милости. Однако излияние божеского милосердия и сострадания и следы любви и щедрости творца, 'да будет он могущественным и всевеликим', по отношению к своим рабам беспредельны. Величина его благодеяния больше того, что сын человеческий и даже весь род людской может отблагодарить. Я не упускаю из виду, что благо-
S571 дарность за то, что весь [1] народ Иранской земли, который отдан [мне] на сохранение божественной силой, из милости и доброты приведен в ярмо повиновения мне, является для меня обязательной и необходимой сотнею тысяч уст. Я не обольщаюсь тщеславием из-за имения, которому неделя времени, отобранного у нескольких тысяч человек. В числе разнообразных благодеяний, которые всевышний бог оказал мне по щедроте [своей], одно заключается в том, что он пожаловал мне то, чего не дал другим государям и исполнил заветное желание моих предков. Прекраснее всего то, что рабы его живут спокойно моими трудами, довольны моим владычеством и желают [его]. Основываясь на этих соображениях и предпосылках, я не хотел итти в эту царскую палатку и приемный шатер, как надменный и всемогущий властелин. Надобно, чтобы теперь правитель и подвластные, мы и вы, единодушно, без лицемерия и двуличия вознесли благодарность за это великое благодеяние и, горячо помолившись о прощении грехов, со смирением и покорностью вошли в этот царский шатер и приступили к чтению достославного Корана, исполнению предписаний веры и служению богу, а затем предались бы веселью и забавам". Сказав эти прекрасные слова и помянув с почитанием имя всевышнего господа и посланника [его], 'да будет над ним мир', [Газан-хан] благословенной стопою вошел в царский шатер и оперся спиною на подушку могущества. Он приказал принести денег и одежд без меры и счета и, после накормления людей разными яствами, все своею рукой из благодарности пожертвовал, так что всем общинам досталась доля. Трое суток каждая община занималась по своему обиходу чтением от начала до конца Корана и выполнением обязанностей богослужения. В день пиршества [Газан-хан] возложил на голову украшенный драгоценными камнями венец, подобно которому никто не видел, опоясался подобающим поясом и надел на себя золототканные одежды, очень дорогие. Хатунам, всем царевичам, эмирам и приближенным он приказал

[1] На этом слове текст рукописи A обрывается. Дальше перевод сделан по тексту рукописи S.

разубрать [себя] разными украшениями. Все садились верхом на бесподобных лошадей и ездили для потехи.

По окончании [празднества] [Газан-хан] лицо благословенного понимания [своего] обратил к управлению делами владения, изысканию пользы для царства, благосостоянию ра'иятов и ублаготворению всех жителей, не платящих податей.[1] Посоветовавшись с эмирами царства и придворными вельможами, [Газан-хан] приказал, чтобы царевич Харбандэ пробыл зиму в Мазандеране и тамошних краях, а лето в Тусе, Абиверде, Мерве, Серахсе и пределах Бадгиса; Эмир Нурин чтобы попрежнему зимовал с назначенными войсками в Арране и был бы субейе того края, эмир Кутлугшах с войском пошел бы в Грузию, а часть грузинского войска отправилась бы в Диярбекр и, примкнув к туману эмира Мулая, была бы готова к походу на Сирию. Туман Хуладжу чтобы пошел в пределы Фарса и Кермана, дабы если встретится нужда, он присоединился к эмиру Судаку и керманскому султану. Определив таким образом, [все] разъехались.[2] Аминь.

Рассказ о походе державных знамен из города ислама Уджана в Багдад, обстоятельствах, которые случились в пути, прибытии в Васит и Хиллу и принятии твердого решения итти на Сирию

В первый день [месяца] мухаррама лета 702 [26 VIII 1302] государь ислама из города ислама Уджана в намерении итти походом на Сирию направился в пределы Хамадана. В те дни[3] было постановлено, чтобы эмир Нурин пошел в Арран на зимовку и для охраны той области и окрестных мест, но он, не испрашивая пока еще позволения [отбыть], оставаясь при его высочестве, отправился в Хаштруд. Сыновья Шараф-ад-дина Абд-ар-рахмана, которые некоторое время были хакимами в Тебризе, а затем отправились в Румские владения на [должности] мустовфиев, надев черные одежды, просили правосудия при дворе прибежища царства, потому что Низам-ад-дин Яхья сын ходжи Ваджиха, приказал убить их отца.

Когда державные знамена прибыли в Хаштруд, эмир Нурин, S576
устроив угощение, повернул обратно и направился в Арран. В день ашура в окрестностях Юзагача и Хаштруда казнили Низам-ад-дина Яхью сына ходжи Ваджиха и Довлетшаха сына Абу-Бекра Дадукабади, а на другой день точно так же и Арабшаха, внука керманского султана Хаджаджа. Подойдя оттуда к Хамадану [Газан-хан] расположился в благословенном ханкахе, который приказал учредить и построить в деревне Бузинджирд и которому он передал в вакф безмерное имущество, [так что] он является весьма хорошим и прекрасным благоустроенным местом. Оттуда он отправился в Чаган-наур в Ферахане и, пробыв [там] несколько дней, через Нехавенд вышел на Чемчемальскую дорогу. В окрестностях Бисутуна прибыли, изъявив покорность, трое из сирийских эмиров. Предводителем их [был] Али-Шир. Государь ислама их обласкал и наградил пожалованиями.

---

[1] *бара̄йа̄.*

[2] *тарджамиши карданд.*

[3] L, I — доб. „составитель этой книги, 'да прославит господь его защитников', слугу могущества, переписывавшего набело эти рассказы, Ибн Раиса Иезди, который некоторое время как в силу страстного желания и искреннего стремления прежних дней и минувших лет состоял при этом чертоге прибежища везиров, отличил барской благосклонностью и милостью и, назначив в качестве мунши, приобщил к прочим слугам. Каждый день он оказывал ему иного рода покровительство и до сих пор его размеры растут и увеличиваются. Пусть так и будет".

Во время мятежа Новруза и пленения братьев и приверженцев его в окрестностях Керманшахана он [Газан-хан] однажды ночью с несколькими приближенными без шатра остался в поле и прилег спать на косогоре. Напротив него росло тенистое дерево. Поскольку Легзи еще не схватили и не было известно, где теперь Новруз, благословенное сердце его было встревожено. В этом месте он предавался размышлениям об этом и из потустороннего мира пришло веселье и радость. Теперь, когда он туда прибыл, и то дело уже исполнилось согласно [его] заветному желанию, он вспомнил эту местность и дерево и с намерением поклониться [ему] отправился туда со всеми хатунами и эмирами. Он расплакался, вспомнил хвалу и мольбы, которые тогда там возносил, возблагодарил за победу и помощь божию, которые обрел, и совершил молитву в два рак'ата. Поклонившись земно, он в полном смирении просил у всевышнего господа помощи при всех обстоятельствах. Потом, поднявши голову, обратился ко всем с наставлением и сказал: „В счастье и в невзгоде молите о помощи бога всевеликого и всевышнего, ни при каких обстоятельствах не отчаивайтесь в его милосердии, ничем не кичитесь и не гордитесь и знайте достоверно, что он [бог] ни на одно мгновение вас не покидает. Не обольщайтесь своею силой и мощью и бойтесь гнева божия". Он просил у всевышнего бога исполнения того, в чем нуждался и, молясь, задумал благие намерения, в особенности же увеличить справедливость и правосудие. Все присутствовавшие привязали к тому дереву знаки, и оно сделалось как бы местом паломничества. Затем скоморохи что-то сыграли, а эмиры пустились в пляс.

Эмир Пулад-чингсанг [тоже] присутствовал и рассказал, что Кубила-каан, предок государя ислама, в свою пору был государем нескольких народов и весьма доблестным и смелым, так что об его доблести приводили поговорки и о нем сложили много стихов. Голос его был столь громок и грозен, что перекатывался через семь холмов. Случайно однажды он выступил на войну с племенем меркит. В дороге он доехал до одного дерева, спешился, вознес молитву древнему богу и просил у него помощи. Молясь, он задумал: „Ежели я обрету победу над врагом, то это дерево сделаю своим местом паломничества и разукрашу его цветными одеяниями". Всевышний бог дал ему победу над врагом. После победы он повернул назад, приехал к тому дереву и украсил его, как обещал. Он вознес благодарственную молитву всевеликому и всевышнему творцу и с воинами под тем деревом пустился в пляс. Они так топали ногами, что земля вокруг на один гяз оказалась в рытвинах.

Государю ислама эта речь очень пришлась по душе, и он промолвил: „Ежели бы наши деды так не молились и не были так чистосердечны, господь всевышний их не сделал бы вождями государей мира и не возвел бы их род на высокие ступени величия". В таком приятном состоянии, в музыке, пении и плясках, [Газан-хан] провел часок под тем деревом, а затем отправился в путь вслед за ставками.

Внезапно от эмира Кутлугшаха прибыли гонцы и привезли с собою сирийских эмиров, бежавших оттуда и изъявивших покорность. Главою их был Ала-ад-дин. Государь их обласкал и обнадежил добрыми посулами. В тех же краях прибыли с дарами и подношениями гонцы от фасилиуса,[1] истамбулского государя, и возвестили, что фасилиус желает пребывать под сенью государя ислама и послать [ему] на

[1] *βασιλεύς*, имеется в виду византийский император Андроник II (1282—1328).

служение наложницей свою дочь. Государь их обласкал и отправился S573
оттуда в Банданиджейн.

После трех дней стояния, он отослал жен и обозы[1] в Багдад и в среду 14 числа месяца раби'-ал-ахыра [6 XII] выехал из Банданиджейна с намерением поохотиться в Джукине. Несколько дней [Газан-хан] охотился в окрестностях Шиба, Васита и гробницы Сейиди Абу-л-Вафы, 'да будет над ним милосердие божие'. Он съездил поклониться гробнице, наградил живших при гробнице милостыней и подарками и приказал, чтобы благоустроили оросительный проток, который отвели от реки Ефрата в эту безводную пустыню, отчего то место паломничества стало подобным городу. Оттуда он приехал в Хиллу и расположился в ставках.

Тебризский казий мовляна Насир-ад-дин и казий Кемаль-ад-дин Мавсили, которых [Газан-хан] из пределов Аррана посылал с посольством в Миср, вернувшись оттуда, прибыли на служение вместе с мисрскими гонцами в Хиллу и передали ответ на посольство, который [им] сказали в ненадлежащем виде. Приехали также триста гонцов от Токтая. В воскресенье первого дня месяца джумада-л-ахыра,[2] который был началом турецкого года, устроили празднество. Гонцы из Мисра и от Токтая в этот день явились на поклон и преподнесли дары.[3] Токтаевым гонцам [Газан-хан] оказал много милостей, а мисрцев отослал в Тебриз и заключил в городе.

В понедельник 9[4] числа месяца джумада-л-ахыра [29 I 1303], намереваясь отправиться в Сирийский край, [Газан-хан] перешел мост в Хилле. 16 числа упомянутого месяца [5 II] он поклонился гробнице эмира правоверных Хусейна, 'да будет над ним мир', и повесил пышные занавеси, которые он приказал изготовить для этого места. Жившим при гробнице и присутствовавшим он роздал безмерную милостыню. Из сборов[5] от оросительного протока Газани,[6] который вывели в той округе и вода которого ныне течет к гробнице, он определил каждодневно по три тысячи манов хлеба проживавшим там сейидам. В этот же день приехал из Хорасана Ирмини-Бела и привез известие, что подходили три-четыре тысячи вражеских всадников, [но] славная рать ударила на них, всех перебила и изничтожила. Государю [эта весть] пришлась весьма по душе, и любовь [его] и сочувствие к брату приумножились.

В пятницу 4 числа месяца раджаба лета 702 [22 II] прибыл гонец и возвестил, что в начале месяца джумада-л-ахыра [сер. I] на зимовке в Арране скончался эмир Нурин-ага. От этого события государь ислама опечалился сердцем. Он шел берегом Ефрата и, когда прибыл в Хадису, то приказал большей части хатун и всем обозам,[1] чтобы, переправившись через реку Ефрат, они пошли в пределы Синджара и там расположились, а сам он с войском пошел в Ану. Булуган-хатун и некоторые другие хатуны налегке сопутствовали ему под видом прощальных проводов. В субботу 12 числа месяца раджаба [2 III] [Газан-хан] расположился в городе Ане.

Воистину на свете нет места прелестней. Город находится на острове посреди Ефрата. С двух сторон шириною в один фарсанг [разбили] сады и баштаны, полные деревьев, цветов и пахучих трав, так

---

[1] *āẓrūḳḫā*.
[2] В — раби-ал-ахыр.
[3] *тикшимиш карданд*.
[4] В — 16.
[5] *маḫṣūлат*.
[6] Т. е. канала имени самого же Газан-хана.

что солнце сквозь них не пробивается до земли, выстроили кушки и из обтесанного мрамора прекрасные здания, основания которых возвели со дна [Ефрата], и по сторонам их вывели окна на Ефрат и раеподобные сады. Услада и отрада этих баштанов и пальмовых рощ больше того, что умещается в описание. Благоустроение Ефратской округи, начиная от плотины [у селения] Фаллуджа, которое находится в пределах Анбара, и кончая Саруджем и Харраном на протяжении девяти-десяти фарсангов все в таком же виде, как упомянуто. На указанном выше расстоянии и в ширину более фарсанга по обеим сторонам Ефрата садовые насаждения столь густы, что тень от деревьев совсем не прерывается. Подряд [одна за другой] построили плотины, по обеим сторонам день и ночь водою приводятся в движение мельничные колеса, и тесно примыкают друг к другу кушки и здания.

Итак, на восьмой день Булуган-хатун, распростившись, переправилась через реку и направилась в Синджар, а державные знамена с победоносным войском устремились к Рахбе Сирийской.

Прежде[1] чем державные знамена пришли в Рахбу Сирийскую распространилась молва, что со стороны Сирии показался враг. Хотя слухи были ложные, государь все же приказал, чтобы привели в боевую
S578 готовность дружины и исправили оружие и панцыри. 28 числа месяца раджаба [18 III] домчались до Рахбы. Тамошние жители привели в порядок камнеметы[2] и прочие снаряды, но [Газан-хан] не обратил на это внимания и ночью, покинув свой шатер и лагерь, спал вблизи крепости. Эмир Алям-ад-дин Гитми и жители Рахбы заперлись в крепости. Государь ислама в последний день месяца раджаба приказал, чтобы старшие эмиры Сутай и Султан, составитель этой книги врач Рашид и ходжа Са'д-ад-дин, сахиб-диван, отправились к крепости и призвали их к покорности и послушанию. Согласно приказу они подъехали к крепости. [Газан-хан] повелел, чтобы по-арабски написали ярлык такого содержания: «Причиною настоящего похода являются несправедливые действия мисрцев, которые они с некоторых пор предпринимают. Неоднократно [к ним] посылались послы, возившие наставления и увещевания, но они, не принимая совета, присылали непочтительные ответы. Я приписывал [это] невежеству и неопытности в больших делах и терпел. Когда же это поведение преступило меру, победоносное войско по необходимости выступило с намерением отомстить, и поневоле путь [его] лежит через этот край. Кроме этого, к вам, сирийцам, [у нас] нет никакой причины для притязаний. Надобно, чтобы и вы, над этим делом поразмыслив, соблюли благо своей жизни и имущества и пришли к послушанию и повиновению, а так как вы знаете, что право на этой стороне, то не упорствуйте и не обрекайте себя на погибель». В таком роде был написан ярлык. Приложив к нему печать,[3] его отправили в крепость. Доставившего вернули обратно: „Поскольку-де слог указа весьма

---

[1] Отрывок отсюда и далее до слов „Эмир Алям-ад-дин" в L, I, P, B опущен. Вместо него в рукописях с незначительными разночтениями вставлен следующий ниже текст, перевод которого цитируется по B: „Нижайший из рабов, сочинитель этой книги, для составления указов по-арабски согласно повелению [своего] величайшего господина в этом походе находился среди состоявших при государе лиц. Указом [государь] отпустил деньги на нужды раба [своего] из высочайшей казны. Повелитель, да будет жизнь его вечной, пожаловал мне верховое животное из своих собственных и час от часу слоды милости и господского покровительства в отношении этого благожелателя проявлялись в таком виде, что он стал для всех предметом ревности и зависти. 28 числа месяца раджаба державные знамена прибыли в Рахбу Сирийскую и держали смото войскам".

[2] *'арраадаха.*

[3] *тамга задэ.*

витиевat и цветист, мы на сегодняшнюю ночь просим отсрочки, дабы вникнуть в его смысл. Завтра днем скажем ответ".

На следующий день, в четверг 1 числа месяца ша'бана [21 III] с ответом на тот ярлык выслали Джемаль-ад-дина Искандери и шейха Шараф-ад-дина из мюридов великого Сейиди Ахмеда. Они доложили: „Мы слушаемся и повинуемся указу государя ислама". [Государь] их обласкал и отпустил обратно. На другой день спустился вниз Хусам-ад-дин Лачин, наиб Алям-ад-дина Гитми, который был кутувалом крепости, и выразил покорность и повиновение. Будучи обласкан, он вернулся назад. На следующий день он, Сейф-ад-дин Кылыч, старший сын Гитми, казий Наджм-ад-дин и толпа рахбинских вельмож спустились вниз и выполнили условия окончательного подчинения. Им была оказана честь приема в высочайшем присутствии. Относительно дел и занятий Гитми, [его] сыновей, тамошних наибов, казиев и служилого люда и безопасности жителей города, крепости и области были написаны по-арабски нерушимые указы и, снабженные тамгою, вручены им.

Во вторник 6 числа месяца ша'бана [27 III] [Газан-хан] выступил из крепости [города] Рахбы. Из Хорасана пришла радостная весть: войско Кайду разбито, [сам] Кайду умер, а Дува ранен. В эту пору эмиры Кутлугшах, Чобан и Мулай с войсками перешли через реку Ефрат в пределах Ракки и дошли до рубежей Халеба. Государь ислама расположился на берегу реки Ефрата выше Дейр-Басира. Простояв три дня, он всех эмиров с войсками вместе отправил в поход, чтобы они присоединились к эмиру Кутлугшаху и прочим. Так как уже наступила весна, началось половодье и погода стала жаркой, [Газан-хан], намереваясь пойти на Синджар и Мавсиль, 13 числа месяца ша'бана [2 IV] переправился через реку Ефрат, а в городе Максине перешел реку Хабур. Обласкав хорасанских гонцов Сайгана и Коничи-ахтачи, он разрешил им вернуться обратно.

Развлекаясь и охотясь, он шел той степью, полной тюльпанов и ромашки. В воскресенье 25[1] числа месяца ша'бана [14 IV] в местности Чехартак, ниже Синджара, он присоединился к хатунам, которые выехали к нему навстречу. Простояв два-три дня на месте, он в первый день месяца рамазана расположился в ставках в Тель-Я'фаре.[2] Правление над всем Диярбекром и Диярраби'а [Газан-хан] пожаловал султану Мардина Наджм-ад-дину и дал ему почетное прозвище 'ал-малику-л-мансур'.[3] Перейдя реку Тигр, [Газан-хан] расположился в степи Кушафа. Мусульманские жители Мавсиля от руки насилия и гнета христианина Фахр-и Иса возносили вопли о помощи до седьмого неба. Было указано, чтобы султан Наджм-ад-дин, когда отправится в Мавсиль, прикончил бы его дело. Султан, соблазнив его тем, что он будет исправлять там должность наиба, через несколько дней его казнил.[4]

Рассказ о встрече Кутлугшах-нойона с войском Мисра, обратном приходе оттуда[5] и возвращении державных знамен в Уджан S578

Государь ислама в Кушафе поджидал прибытия эмиров и войск, которые находились в Сирии. А они, когда дошли до Химса, приступили к грабежу и поголовному избиению. Когда они подошли к Дамаску и услышали, что

[1] I — 24; B — 26.

[2] S — *бл'фр*; L, I — *тл'фр*; P, B — *?л'фр*.

[3] T. е. споспешествуемый богом мелик.

[4] L, I, P, B — последняя фраза с небольшими разночтениями представлена в следующем варианте (цит. по B): „Султан, соблазнив его тем, что даст ему там должность наиба, отправил его в ад, и мусульмане обрели спокойствие от его злодеяний и пороков".

[5] B — доб. „с войском".

приближается враг, то на заре в субботу 1 числа месяца рамазана [19 IV] сразу сели на коней, продвинулись вперед почти на пять фарсангов, переправились через множество речек и болот и в местности Мардж-ас-Суффар на твердой кочковатой почве добрались до врага. На другой день, который был 2 числом месяца рамазана [20 IV], они дали сражение. Левое крыло нашего войска ударило на их правое крыло и тринадцать их почтенных эмиров, в том числе Хусам-ад-дин Устад-ад-дар и значительное число из их людей, были убиты. Они были изнурены и изранены и бросились в бегство. Отряд наших богатырей гнался за ними несколько фарсангов. Кутлугшах-нойон от средней рати уклонился влево, чтобы оказать помощь. Правое крыло отделилось и осталось одно. Левое крыло мисрцев ударило на него. Так как войск было мало, они отступили назад. Когда эмир Кутлугшах-нойон прибыл на левое крыло, оно уже окончило битву и наступила ночь. Эмир взошел на холм и остановился. Наши войска направились туда же, и ту ночь до рассвета все провели на конях. Людей и животных одолевала жажда. Ночью мисрцы тот холм окружили. Когда рассвело, против них оставались тысячи эмира Пулад-Кия, Туге-Тимура сына эмира Иджиля и Насир-ад-дина Яхьи. Они стали сражаться. Эмир Кутлугшах приказал Тайтаку и Тарсе: „Вы-де вчера не дрались, сегодня ступайте им на помощь". Оба вместе пошли к ним и завязали бой. Сирийцы и мисрцы, отдав местность вокруг холма, вдруг повернули на них. Поскольку за предыдущий день войска потеряли управление и тысячи расстроились, то никак не удавалось построить боевой порядок. До полуденного намаза они держались, а затем обратились вспять и пошли. На пути находилось без меры воды и топких мест. Множество лошадей застряло в иле, а воины рассеялись. Тайтак и Тарса не показывались. 19 числа месяца рамазана Кутлугшах и Туге-Тимур прибыли на служение к его высочеству государю ислама в степи Кушаф.

На другой день державные знамена двинулись в путь и остановились в саду в виду Ирбиля. Выступив оттуда, вышли на дорогу к ущелью Зенги в Курдских горах. Праздник разговения [1] отпраздновали в окрестностях ущелья Зенги. В субботу [2] 17 числа месяца шавваля [4 VI] прибыл на служение эмир Чобан, задержавшийся из-за [своих] воинов, которые остались пешими и которых он заботливо и жалея потихоньку вел по Багдадской дороге. Ему были оказаны большие милости. Когда дошли до Пул-и Сурх у Мераги, [Газан-хан] отправил жен и обозы [3] через Сегумбад и Юзагач в Уджан, а сам налегке отправился на охоту к горе Сехенд. Поохотясь там с неделю, он в четверг 10 числа месяца зи-л-ка'дэ 702 года [26 VI 1303] расположился в городе ислама Уджане.

Рассказ о судебном допросе эмиров и воинов, которые вернулись из Сирии, созыве курултая в Уджане и изъявлении ими верноподданничества. [4]

После того как державные знамена прибыли в город ислама Уджан, на второй день, 12 зи-л-ка'дэ [28 VI], приступили к судебному допросу. Хотя вели допрос очень искусно, но когда представили письменное решение дела [5] [Газан-хану], государь ислама указал еще на кое-какие

[1] *'ӣд-и фитр*, праздник, совершаемый мусульманами 1 шавваля после поста в течение месяца рамазана.

[2] L, I — „во вторник".

[3] *āʒрӯкхā*.

[4] *тикшимишӣ*.

[5] *йӯрӯ-кāмэ*.

тонкие обстоятельства. Допрос начали опять сызнова и учли эти тонкие обстоятельства. В конце концов в первый день месяца зи-л-хиджджэ [17 VII] суды закончились. Агутай-тархана сына ...[1]-тархана S580
и Туган-Тимура из рода мангут казнили, а то что было согласно великой ясе — было приведено в исполнение. Тогда, в четверг 2 числа месяца зи-л-хиджджэ [18 VII] приступили к празднествам курултая, и эмирам была оказана честь позволением припасть к стопам государя.

Рассказ о приключении воспаления глаз у государя ислама, прибытии царевичей из Хорасана, походе державных знамен в Багдад и остановке у Хуланморена

В четверг 25 числа месяца мухаррама лета 703 [8 IX 1303] державные знамена прибыли в стольный город Тебриз. [Газан-хан] расположился в крепости и повелевал устроением войска и оружия. Через несколько дней [у него] приключилось воспаление глаз, и лекари и ученые мужи занялись их лечением и исцелением. Срок этой болезни затянулся и вплотную надвинулась пора отправления на зимовку.

В понедельник 4 числа месяца сафара [17 IX] из Хорасана прибыли великая хатун Ильтузмиш-хатун с царевичами Бастамом и Абу Язидом. Государь ислама весьма обрадовался их приезду и помолвил свою дочь Олджей-Кутлуг с царевичем Бастамом. Он постоянно их сажал пред собою, оказывал [им] внимание и ублаготворял.

В конце срока пребывания в Тебризе, в воскресенье 7 числа месяца раби‘-ал-авваль [19 X] [Газан-хан] по предписанию китайских врачей прижег раскаленным железом в двух местах свое благословенное тело и в пятницу 19 числа месяца раби‘-ал-авваль [31 X] выступил из Тебриза. Так как из Хиндустана на служение его высочеству доставили слонов, то он приказал, чтобы, как положено, на спине слона установили паланкин. Сначала, когда он выступил за город, он воссел на слона и доехал до майдана. От предполудня до пополуденной поры он занимался катанием на слонах, а горожане густою толпой, мужчины и женщины, стояли, наблюдая, и любовно [его] приветствовали. В тот вечер он расположился в Багистане Тебризском и на другой день отправился по пути на Уджан. Оттого, что благословенный живот его болел от ран, S577
причиненных прижиганием, и его одолевала слабость, [так что] он не мог держаться на лошади, он большую часть времени сидел в носилках, и каждый день проходили только небольшое [расстояние] пути.

В конце месяца раби‘-ал-авваль [нач. XI] эмир Кутлугшах из Юзагача повернул, чтобы отправиться на зимовку в Арран и оборонять тот край. В понедельник 14 числа месяца раби‘-ал-ахыра [25 XI] [Газан-хан] достиг окрестностей Сарай Джума-гургена. В Сугурлуке и в пределах Хамадана выпал в изобилии снег, стужа стала весьма сильной и итти на Багдад через этот край было нельзя. По этой причине переход в Багдад был отменен, и [Газан-хан] расположился на берегу Хуланморена, потому что эта местность тоже считается в числе зимовий, и воистину это весьма прекрасное место для зимовки. Со [всех] сторон [сюда] доставляли в изобилии [всякое] добро и [на месте] имелось топливо в безмерном количестве. Каждый расположился на своем юрте и на досуге занялся [своими] нуждами и делами.

Случайно однажды государь ислама ради малого искупления [собрался] раздать десяти беднякам пищу и одежду. Он хотел раздать своей благословенной рукой и приказал, чтобы представили десять бед-

[1] S — *хӣбк;* L — *х??ск;* B — *хс?к; хск.*

няков. Михтар Наджиб-ад-дин Фарраш, который был из числа ближних слуг и имел доступ к государю, согласно указу представил ко двору десять бедняков. [Газан-хан] в своем присутствии дал им пищи, чтобы они поели, и приказал принести из хранилища десять одежд. Он посмотрел на них задумчиво, восьмерым каждому дал по одежде, а две одежды передал в руки михтара Наджиб-ад-дина и сказал: „Ступай и приведи двух других нищих, чтобы я им отдал, а то эти двое христиане". Наджиб-ад-дин сказал: „Разве вы не сказали, что вы мусульмане?" Они ответили: „Да, мы из жадности так тебе сказали, но государю нельзя лгать. Благословенный взор его верен: мы оба держимся христианской веры". Это тонкое обстоятельство есть ясное доказательство тому, что [Газан-хан], ʿда помилует его бог, [ибо] милосердие его всеобъемлюще', был угодником из угодников божьих, ʿда будет он велик и превозвышен' Аминь.

Рассказ об уединении государя ислама на зимовье у Хуланморена, появлении Алафранга, его противлении и казни шайки мятежников

Государь ислама на том зимовье пожелал несколько дней провести в уединении по способу сорокадневья.[1] Он приказал, чтобы за чертой царского шатра разбили палатку, засел в ней в одиночестве, не допускал к себе ни одной души, кроме дворецкого[2] или караульного,[3] и каждый день довольствовался небольшим количеством пищи. В эту пору произошло удивительное обстоятельство. А оно было таково: несколько людей, по внешности прикидывавшихся шейхами, а по внутренним качествам бывших нахалами, предстоятелем [которых был] пир Яʿкуб Багбани, в Тебризе склонили к своему учению царевича Алафранга из-за [его] любви к славе и богатству и захотели показать чудеса, которых у них не было. В те дни они послали в ставку некоего мюрида по имени Махмуд, чтобы привлечь на свою сторону близких к государю людей. Тот человек из невежества объявил ту тайну и говорил: „Некий-де человек сорока гязов роста и пяти гязов в плечах приходит к шейху Яʿкубу с гор Меренд и Икан, наставляет его и открывает ему тайны. Ныне он царство отдал царевичу Алафрангу, волей иль неволей, а царство будет его, а дервиши ему [уже] его пожаловали".

Такие слова дошли до слуха сахиб-дивана ходжи Саʿд-ад-дина. Он его схватил и посадил на цепь, а о происшествии доложил на служении государю ислама. [Государь] послал в Тебриз Джебей-ахтачи для вызова подстрекающих к мятежу злоумышленников. Через десять[4] дней тот возвратился обратно и доставил всех — пир Яʿкуба, каанова гонца Насир-ад-дина, шейха Хабиба, который был преемником[5] Рашида Булгари, и сейида Кемаль-ад-дина. Шейх Рашид был шейхом Садр-ад-дина Зенджани, а сейид Кемаль-ад-дин тоже постоянно состоял при нем. Удивительно то, что когда государь ислама их увидел, он сказал: „Мне приходит на память, что эти мятежники приверженцы Садр-ад-дина Зенджани". Когда дело расследовали, то точно так и оказалось. [Газан-хан] промолвил: „Мертвый все еще подстрекает к мятежу". Потом он сам лично сел и в присутствии эмиров и приближенных стал вести допрос, а та братия невежд говорила все те же никчемные речи. Когда
S582 тщательно вникли в дело, то было установлено, что верование их

[1] *чихилэ*, т. е. сорокадневного поста.
[2] *хвāджэ-и сарāй*.
[3] *хазāйктāн*.
[4] В — „два".
[5] *халīфэ*.

является все тем же образом мыслей Маздака, а цель — распространить этот тарикат среди народа. Когда вина их была доказана, Я'куб сказал: „Пиры нас сохранят". Государь ислама ответил: „Мои пиры — бог, Мустафа [1] и Муртаза. [2] Посмотрим, у них ли силы больше или у твоих",— и приказал сбросить его с вершины горы, на которой они находились, а товарищей его казнить. Царевичу Алафрангу [Газан-хан] простил вину.[3] Он [Алафранг] сказал: „Поскольку государь мне оказал милость, я по правде расскажу обстоятельства дела. Было так, что меня в Тебризе два-три раза под предлогом «пойдем-де на охоту» водили к шейху Я'кубу, а он и его мюриды на радениях [4] и тому подобном рассказывали чудеса об этом учении и меня ослепляли царством, но я из страха не отваживался об этом рассказать и скрывал". Ятмиша, наиба Тайтака, также судили и, когда он признал вину, его тоже казнили. Акбука сын Тайтака хотя и участвовал в заговоре и был в нем замешан, потому что Алафранг говорил, что вся вина лежит на нем, но так как он был еще юным, а отец его на войне в Сирии проявлял усердие [5] и попал в плен к врагу, то государь ислама вину его простил и посадил его в заключение. Аминь.

Рассказ о празднестве в ставке Ильтузмиш-хатун по случаю дня рождения царевича Абу-Язида и об окончании государем сорокадневия

В воскресенье 1 числа месяца джумада-л-ахыра [10 I 1304] в ставке Ильтузмиш-хатун по случаю дня рождения царевича Абу Язида, как водится, устроили празднество. Явились государь ислама, все хатуны, царевичи и эмиры, выполнили обряды поздравления и торжества и отдали дань веселию и удовольствию. Государь ислама отличил царевичей, хатун и их слуг разного рода ласками и милостями. После этого государь ислама, выйдя из уединения, обратился к руководству и управлению делами владений и царства. Здоровье его стало поправляться, и он радостный и веселый проводил время. Вследствие славной победы по случаю обнаружения козней и коварства шейха и его приспешников общество столпов государства было радо этому известию и приободрилось. S579

Рассказ о милостях государя ислама по отношению к сахиб-дивану Са'д-ад-дину по случаю проявленной им преданности в деле Алафранга

Когда сахиб-диван ходжа Са'д-ад-дин немедля схватил того посланца пира Я'куба, который приезжал в ставку для привлечения сердец и для каждого привез письмо с добрыми обещаниями, и тут же это обстоятельство доложил на служении его высочеству государю, он [Газан-хан] обратил на это чрезвычайное внимание, убедился и понял достоверно, что то полное доверие, которое он во всех отношениях к нему имел, оправдалось, что искренность преданности в службе, честность в приверженности и усердие его таковы, что если ежедневно на сотни ладов ему оказывали бы ласку и жаловали, то он этого достоин и заслуживает; он на своем месте. Поэтому [Газан-хан] пожелал пожаловать его так, чтобы сан и достоинство его возросли, а великолепие

[1] Т. е. Мухаммед.
[2] Т. е. Али.
[3] P, B — доб. „и приказал отправиться в Хорасан к царевичу Харбанде".
[4] *халат-и сима'*.
[5] *киджамиши кардэ*.

и величие его стали больше. Поскольку бразды правления владений и вершение государственных дел [государь] таким образом вложил в его способные и разумные руки, что нельзя было представить никакого добавления, то он оказал ему милость тем, что предоставил[1] ему тысячу [человек] монгольского войска, пожаловал туг и литавры и приказал всем эмирам пойти и исполнить обряд поздравления. Воистину, одаренная ангельскими качествами особа, которая является вместилищем душевных добродетелей и источником человеческого совершенства, есть причина спокойствия высоких и низких, знати и простого народа и основа украшения царства, державы, веры и ислама. Да уделит ему всевышний господь преширокую славу и пребогатое великолепие. Аминь.

Рассказ о кончине Керемун-хатун, перенесении гроба с ней в Тебриз и о нескольких мудрых словах, сказанных государем ислама по поводу творения [божьего]

На рассвете во вторник 12 числа месяца джумада-л-ахыра лета 703 [21 I 1304] на зимовье в окрестностях Сарай Джума скоропостижно скончалась Керемун-хатун дочь Кутлуг-Тимура, сына Абатай-нойона, которая была женою государя ислама. Гроб с нею, соблюдая все обряды, перевезли в Тебриз. Поскольку она была в расцвете молодости и не вкусила еще мирских благ, государю ислама ее смерть пришлась очень тяжела, и он опечалился этому событию. После события с нею он явился в ее ставку, много плакал и приказал, чтобы то, что относится к обязанности [соблюдения] порядков и обрядов в отношении нее, исполнили бы на все лады. После того как гроб с нею увезли, он все время вспоминал ее и благословенные глаза его наполнялись слезами.

Однажды при нем присутствовало общество столпов государства. S584 [Газан-хан] спросил: „Что есть на свете, тягостнее и труднее чего не было бы?“ Эмиры ответили: „Попасть в неволю к неприятелю и быть побежденным врагом“. Некоторые сказали: „Нищета“. Кое-кто сказал: „Смерть“. [Газан-хан] промолвил: „Самое трудное — родиться и появиться на свет, ибо все беды и несчастия, неприятности и невзгоды — в жизни, и ежели бы не было бытия, не было бы и никаких трудностей. Нет человеку на свете никакого покоя, кроме смерти, на таком основании, что ежели по дороге идут два человека и один бежит, а другой идет [медленно], то который из них спокойнее?“ Они ответили: „Тот, который идет [медленно]“. „А ежели один идет, а другой сидит, который из них спокойней?“ Ответили: „Тот, который сидит“. [Газан-хан] спросил: „Ежели один сидит, а другой лежит, который из них спокойнее?“ Они сказали: „Лежачий“. „Следовательно, — сказал [Газан-хан], — согласно этому сравнению и точному правилу, мертвый спокойнее лежачего. Спасение души и всеобщая польза [лежат] в избавлении из теснины природы. Никакие оковы и тюрьмы, ад и муки не тяжелее неведения и любви к миру, хотя бы потому, что мир есть ад людей божиих, а загробная жизнь рай, и подтверждением [тому] — этот хадис о словах избранного посланника божия, да будут над ним достойнейшие молитвы и наилучшие ему пожелания: «Мир есть тюрьма верующих и рай безбожников». Невежда совершенно не желает спастись из тюрьмы природы и по крайнему неведению считает душу мертвой, а тело живым, и не знает, что действительность противоположна этому. Он занимается самовосхвалением и чванится на разные лады невежества и глупости и не ведает, что смерть есть приятное состояние и

[1] *тӯсāмишӣ фармӯд*

чистая справедливость. Ведь ежели бы отцы не умирали, то когда бы сыновьям доставались чины, богатство, величие и царство? Хоть смерть отцов тягостна и тяжела, однако в силу [наличия] другой смены, она желательна. От долгой жизни не много проку, разве только человеку, который движется к совершенству, и жизнь его день ото дня идет в гору и преуспевает. Лучше довольствоваться уделом господним. Ежели бы люди достигали более восьмидесяти лет отроду, их члены становились бы бездеятельными, чувства притуплялись и сходили на-нет и в глазах [других] людей они становились бы ничтожными и жалкими, у родных и чужих к ним поднималось бы отвращение. Поскольку цель жизни есть совершенство, то после достижения совершенства, сколько бы жизнь ни длилась, она может быть только ущербом. Следовательно, излишек жизни бесполезен". В таких выражениях он вел тонкие[1] речи, которые все — чистая мудрость.

В конце месяца ша'бана лета 703 [нач. IV 1304] он выступил из юрта Хуланморен, который назвал Олджейту-Буйнук, оставил жен и обозы[2] в окрестностях крепости Джук, которая находится в одном переходе от Сарай Джума, и налегке двинулся со столпами государства и придворной знатью в Муррак.[3] Поохотившись несколько дней в горах в окрестностях Харакана и Маздакана, он расположился в городе Савэ. Сахиб ходжа Са'д-ад-дин устроил там всеобщее празднество и угощал государя ислама и всех хатун, царевичей и эмиров. Он выразил свои верноподданнические чувства[4] и был пожалован его высочеством государем разного рода милостями. Точно так же [поступил] и великий садр ходжа Шихаб-ад-дин Мубарекшах, который является муншием владений и из числа столпов могущественной державы. Поскольку в Савэ находился его старинный дом и его отец ходжа Шараф-ад-дин Са'дан там проживал и [состоял] хакимом, то он устроил всеобщее празднество, преподнес достойные дары его высочеству государю и всем хатунам и царевичам. Всем сахибам он послал угощение и богатые подношения, а остальным слугам и приближенным роздал в изобилии одежды, динары и дирхемы.

Через три дня державные знамена выступили оттуда и направились в Рей. С той поры как [Газан-хан] выехал из зимнего юрта, здоровье его обрело полную силу, так что он сидел на коне, делал дальние и долгие переходы и вкушал досыта всякую пищу. Теперь же, когда он отправился в путь из Савэ, показались признаки возврата болезни, снова [им] овладело недомогание и появилось отвращение к пище. Тем не менее он старательно крепился, все так же попрежнему садился верхом и выезжал. Несколько дней он пробыл в пределах Рея. S581
Так как в окрестностях Хейл-и Бузурга, из прилегающих к Рею местностей, болезнь обострилась, то он отправил к обозам гонца и очень срочно вызвал [к себе] старшую жену Булуган-хатун. Когда она приехала, он уже выступил из Хейл-и Бузурга, каждый день понемногу двигался дальше и добрался до Пишкеллэ в пределах Казвина. В конце месяца рамазана, когда хатун прибыла, они там и остановились. Когда хатун вошла и свидание случилось при таком состоянии, они зарыдали и пролили из глаз слезы. Затем [Газан-хан] призвал всех эмиров своих, избранников, приближенных, столпов государства и придворных вельмож и к каждому достойно и соответственно [его] положению обратился с увещеванием и наставлением. Насчет наследования престола его ве-

[1] I, P, B — доб. „умные".
[2] *āγrūkhā*.
[3] S — *mrāk*; L, P — опущ. B — *'irāk*.
[4] *pikišimiši kard*.

ликим братом Олджейту-султаном, 'да укрепится навеки его владычество', о чем уже соизволил приказывать пять лет тому назад, и многократно, от раза к разу, его повторять и подтверждать, он снова сослался на весьма ласковое и нежное завещание и очень побуждал всех к соблюдению и сохранению его смысла и значения.

Когда [Газан-хан] покончил с завещанием, он большую часть времени предпочитал оставаться в уединении и хотя слабость его состояния была в полной силе, он постоянно все остро ощущал и был красноречив, но так как в силу извечного божественного предопределения срок его жизни пришел к концу согласно [указанию] 'когда придет назначенный для них срок умереть, они не смогут ни отдалить, ни приблизить его ни на час',[1] то, в воскресенье 11 числа месяца шавваля лета 703 [17 V 1304] в пору полуденного намаза пречистый дух его переселился из обители тщеславия в обитель радости. От этого великого события, которое для мира было большим бедствием, небеса окрасили одежду в синий цвет и заплакали сотней тысяч очей, и потоки крови наподобие Нила и Джейхуна потекли из глаз жителей обитаемой четверти земного круга. После свершения обрядов омовения и облачения в саван, священный гроб с ним возложили на собственных государя вьючных животных, и вслед за ним тронулись в путь на Тебриз хатуны и эмиры. Из городов и деревень выходили женщины и мужчины с обнаженной головой и босые, в одеждах из грубой ткани[2] и, посыпая прахом голову, плакали.

Стихи

У гроба этого справедливого и благочестивого царя
Расплакались Время и Земля;
Каждый восклицал: Увы! Какое горе,
Что солнце мира скрылось в облаках!

Во всех городах владений Иранской земли минареты облекли в паласы и на базарах, улицах и площадях рассыпали солому. Великий и малый, мужчины и женщины, разорвав одежды и, облачившись в грубую ткань,[2] восемь дней оплакивали [кончину государя]. Когда священный гроб доставили [в местность] в одном переходе от стольного города Тебриза, жители города, мужчины и женщины, и стар и млад, в унынии и безграничной скорби, надев разом синие одежды, вышли.

Стихи

Все потянулись в сторону степи,
Бия в грудь камнем от треволнения.

Войска, свита,[3] слуги и ра'ияты шли рыдая вокруг священного гроба до великолепной усыпальницы в местности Шам, которую он приказал построить, и [в ней его] похоронили. 'Все сущее гибнет, кроме существа его. Ему принадлежит суд и к нему вы возвратитесь'.[4] Да погрузит всевышний господь этого счастливого султана в море бескрайнего милосердия, а царя царей ислама Олджейту-султана да сделает наследником [многих] жизней и доведет до крайнего предела [осуществления] надежд. 'Подлинно он отвечает на молитву. Да будет благословение божие над нашим пророком и родом его'.

[1] Кор., 7_{32}.
[2] *палас*.
[3] *хашам*.
[4] Кор., 28_{88}.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ГОСУДАРЕ ИСЛАМА ГАЗАН-ХАНЕ, 'ДА УВЕКОВЕЧИТСЯ ЕГО ГОСПОДСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ' S586

Об избранных качествах его души, похвальном образе жизни, памятниках его правосудия, доброт, благодеяний, благотворительности, отраслей образования и красот обычаев. Речи, которые он произносил в разное время по поводу искания истины и проникновенного исследования. Изданные им по разному поводу твердые постановления и непреложные законы, заключающие в себе соблюдение пользы всех созданий. Достопримечательные рассказы и обстоятельства из тех, что не вошли в две предыдущие части. О них два речения: одно, которое распределено по главам и оно [составляет] сорок рассказов, а другое излагается по мере [свершения] разнообразных и отдельных событий и происшествий

То, что распределено по главам — сорок весьма прекрасных рассказов согласно перечню, который ниже подробно излагается.

1. Об отраслях совершенства и знаний государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', и об умении его в разных ремеслах.
2. О целомудрии и чистоте [свободной] от дурных свойств души государя ислама, 'да будет вечным его владычество'.
3. О красноречии, изысканности его слога и красоте вопросов и ответов ближним и дальним, туркам и тазикам.
4. Об его терпеливости, твердости и верности обязательствам и договорам.
5. О том, что большей частью речи, которые он изволил произносить, оправдывались.
6. Об его щедрости и тароватости ради одобрения и дружественных отношений.
7. Об уничтожении идолопоклонства и полном разрушении их [идолопоклонников] капищ.
8. О расположении его к роду пророка, 'да будет над ним благословение и мир', и оказании уважения почтенным сейидам.
9. О его воинской доблести, устроении войска, сражениях и выносливости на войне.
10. О наставлении казиям, шейхам, подвижникам и благочестивым людям.
11. О запрещении кощунствовать ратным людям и прочим.
12. О любви его к благоустройству и поощрении к тому народа.
13. Об абваб-ал-бирр в Тебризе и Хамадане и об обетах, которые он выполнил во владениях.
14. Об устранении мошенничества и неосновательных исков и об устранении вероломства нечестных людей.
15. О запрещении писать незаконные кабалэ и об объявлении недействительными старых документов.
16. Об упразднении [податной] оценки [1] [урожая] и разверстки [2] и устранении разного рода поборов.
17. О заботливом и внимательном отношении к ра'иятам и отстранении от них насилия и стеснения. S583
18. Об отмене улага для гонцов и запрещении им обижать [народ] во владениях.
19. Об изгнании воров и разбойников и охране от их злодеяний дорог во владениях.
20. Об обогащении пробы золота и серебра на такой лад, как еще никогда не было и лучше не может быть.
21. Об исправлении мер веса денег, тяжестей, длины, жидких и сыпучих тел.[3]
22. О соблюдении строгого порядка в деле выдачи людям ярлыков и пайз.
23. Об изъятии повторных ярлыков и пайз, находившихся в руках людей.
24. Об отдаче в икта монгольскому войску местностей в каждой области.
25. Рассказ о том, как он устроил отдельное войско лично для себя.
26. О запрещении давать в рост деньги и совершать сделки с грубым обманом.
27. О запрещении платить кавин безмерными деньгами и о девятнадцати с половиною динарах.
28. О постройке мечетей и бань во всех деревнях владений.
29. О запрещении народу пить вино и другие запретные хмельные напитки.
30. О наведении порядка в отпуске средств на государево столовое довольствие и вино для Большой ставки.
31. О наведении порядка в отпуске средств на столовое довольствие хатун и ставок.

---

[1] *харз*.

[2] *мукасамэ*.

[3] В рукописях перечисляются наименования этих мер. О них подробнее — в самом рассказе.

32. О наведении твердого порядка казнохранилищ и об устроении их дел и выгод.
33. Об упорядочении дела мэсэс и оружейного дела.
34. Об упорядочении дела, [касающегося] скота каана.
35. Об устроении дела сокольничих и ловчих.
36. Об устроении рабочего скота во владениях.
37. Об упорядочении возделывания и застройки втуне лежащих земель.
38. Об указе о постройке во владениях дворов для гонцов и о запрещении им и хакимам останавливаться в [частных] домах жителей.
39. О запрещении погонщикам ослов и верблюдов стеснять народ.
40. О запрещении государем ислама, 'да укрепится навеки его владычество', силой помещать невольниц в дома разврата.

S588 **Рассказ первый. Об отраслях совершенств и знаний государя ислама 'да увековечится его царство', его умении в разных ремеслах и осведомленности в их тайнах**[1]

Да не останется скрытым от живущих на свете, что когда государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', был в детском возрасте, то его содержал при себе его дед Абага-хан, заботился [о нем] и оберегал. [Абага-хан] приставил к нему и назначил учителями бахшиев-идолопоклонников, и вследствие этого это [их] учение внутри него утвердилось, в особенности потому, что верованием его предков было это же учение, и они следовали его пути. Идолопоклонство, которое было полностью устранено с начала ислама во всех краях, где его исповедывали, в их пору снова появилось. Эта община [идолопоклонников] окрепла, с полным почетом и уважением доставила из Индии, Кашмира, Хитая и Уйгурии бахшиев, строила повсюду кумирни и расходовала на это огромные богатства. Дело их вероучения чрезвычайно расцвело, как воочию все наблюдали. Государь ислама постоянно находился вместе с бахшиями в кумирне, изучал [их] вероисповедание, и день ото дня склонность его к этому предмету возрастала и убеждения в этом отношении крепли. Когда Абага-хан умер и его [Газан-хана] отец Аргун-хан отправил его управлять и предводительствовать войсками в Хорасане, он в городе Хабушане соорудил внушительные кумирни, и большая часть времени у него проходила в беседах, еде[2] с бахшиями в тех кумирнях.

Твердость убеждений, которая у него была в этом учении, и преклонение перед идолами были неописуемы до той поры, пока Байду не захватил царства и он [Газан-хан] не приступил к его завоеванию. Поскольку всевышний бог предопределил его счастье и предназначил, чтобы царство и владычество принадлежали ему, чтобы он с помощью и споспешествованием господним явил миру следы справедливости и правосудия, поправил расстроившиеся дела, благоустроил опустошенные владения, а укрепление веры ислама и преуспевание дел шариата и постановлений находились бы в его руках, и ни он, ни обитатели сего мира об этом не ведали, то внезапно в это самое время по превеликой милости господней в чистую грудь его снизошел свет руководства на пути истинной веры. Он ступил благословенной стопою в круг ислама, рукой ухватился за крепкую вервь исповедания истинной веры и отдал распоряжение об уничтожении исповедания ложных вероучений.

Все люди подозревали, что причиной принятия им ислама являлось побуждение и поощрение [со стороны] некоторых эмиров и шейхов, однако после расследования оказалось, что это подозрение ошибочно,

[1] Далее опять повторена первая половина заглавия, опущенная в I, P, B.
[2] L, I, P, B — доб. „и питье".

потому что однажды наедине он рассказал мне, бессильному рабу, сочинителю этой книги: „Есть несколько грехов, которых всевышний бог не прощает. Из них величайший грех тот, когда кто-либо склоняет голову долу перед идолом, ибо ему никогда не будет прощения. Жалкие люди охвачены невежеством и потому склоняют головы долу перед идолами. Я тоже был таким же, но господь всевышний меня просветил и вразумил — я спасся и очистился перед богом от этого греха. Довод к этим словам таков: ничто человека так не ведет в ад, как невежество. Больше того, [само] невежество — ад, из которого нельзя выйти. Как разум допускает, чтобы преклонялись перед камнем? Такой поступок — признак чистого невежества. Во-вторых, в основе мысли идолопоклонников лежит следующее: человек был совершенным и умер, а мы-де на память изготовляем его образ, ставим и прибегаем под [его] защиту, воззвав о помощи к попечению этого достопочтенного [мужа], служим ему и падаем перед ним ниц. Но они не ведают того, что тот человек при жизни, когда то́, что является человеческой сущностью, находилось вместе с плотью, вовсе не желал и не допускал, чтобы кто-либо пред ним преклонялся, дабы в душе его не появлялись надменность S585
и спесь. Следовательно, когда молятся и падают ниц ради воззвания о помощи к попечению его и прибегают под его защиту, то где же душе его быть довольной этими людьми, которые перед подобием его тела склоняют головы долу и страстно жаждут от его души доброго попечения. Если мы представим себе, что такое попечение оказывает какое-либо действие, то оно несомненно является недобрым попечением и недовольством, а не благодетельным попечением и довольством. Затем следующее. Человеку надобно доподлинно познать и усвоить, что плоть никакого значения не имеет, дабы предать забвению любовь к своей плоти. [Надобно] ему знать, что то́, что покидает плоть, является его сущностью, и поразмыслить над тем, что же это такое, что покидает [тело], куда оно девается и каким образом будет вечным и постоянным, дабы представить себе это нечто и его место и состояние и постараться их понять. Если он уверует в образ, который сотворили наподобие тела, и будет пред ним падать ниц, то он отстанет от размышления о сущности и искания [ее], что является подлинным раем, и склонится к противоположному этому, что есть настоящий ад и преисподняя. Думается так. Идол годится для того, чтобы из него сделать порог дверей, дабы люди при входе и выходе наступали на него, и та душа, предположив, что это подобие является ее плотью, была бы им довольна, ибо она полагает: пока-де я жила на земле, то достигла совершенства в смирении, после же оставления [плоти], подобие [моего] тела в таком же [смиренном] состоянии. Затем размышляют: у души, которая достигла совершенства, плоть превратилась в прах, а подобие ее плоти достойно быть порогом и попираемым ногами, мы же не достигли совершенства, что же будет с нашей плотью? Вследствие этого они вдруг отказываются от плотской жизни, стремятся к размышлениям о загробном мире, о жилищах праведников и о состоянии святых душ. Они постоянно созерцают это состояние, чтобы, быть может, и им обрести кое-что из того, что есть истина, чтобы от их рождения на свет была бы какая-нибудь польза и они достигли бы совершенства, ибо цель их сотворения в том, чтобы из мира мрака устремиться в мир света".

Когда [Газан-хан] в таком порядке рассказал в красивых выражениях и с тонким смыслом, то внутренний свет его, искренность и чистота определились полностью. После этого он постоянно делал такого рода высказывания и [изрекал] глубокомысленные слова о высшем

познании и искании истины, которых никогда не слышали ни от одного мудреца и арифа.

Пробыв два-три года на престоле царства, он изо дня в день все больше укреплял мусульманскую веру и со всей искренностью и преданностью заботился о соблюдении законов вероисповедания. Всем людям стало ясным и доказанным, что причиной принятия им ислама были не доводы некоторых эмиров и шейхов, а только лишь божественное руководство на пути истинной веры, ибо установлено опытом, что редко человек, которого какой-нибудь государь или правитель насильно обращает в мусульманство, согласно его желанию остается в его вере. При удобном случае он в той же стране или в другой стране вернется к своему вероучению. Следовательно, какая нужда такому выдающемуся и могущественному государю в подобном большом деле обращать внимание на чьи-либо слова и делать [их] своим вероисповеданием или затруднять себя выбором другого вероисповедания, в особенности когда его предки завоевали все страны света в пору язычества. С такими предварительными замечаниями стало ясно, что награда его в этом отношении подобна награде друга божия Авраама, 'да будет над ним милость господня'. С самого начала он благодаря божественному руководству понял заблуждение идолопоклонников, разбил своего идола и с сознательной верой стал признавать бога. Государь ислама тоже придерживался таких убеждений, но когда, несмотря на царское величие и всемогущество, он перешел от идолопоклонства в ислам, то разбил всех идолов, находившихся в Иранской земле, разрушил до основания кумирни и все храмы, не дозволенные шариатом, а всех идолопоклонников, неверных и монголов, которых числом было более песчинок, привел в мусульманскую веру, так что никого не пришлось убить. Во всяком случае, ему будет большая награда. Эти соображения, которые были упомянуты, являются ясными доказательствами совершенства его знания, образования и мудрости.

S590 Другое доказательство такое. Когда молодые люди предаются веселью, удовольствиям и питью вина, то у них появляется стремление к игре, смешным речам и забавам на разные лады, а государь ислама, когда он слегка под хмельком, большей частью погружается в высказывание слов людей мудрых и ищущих истину и в весьма глубокомысленные повествования и рассуждения, которые [может] постигнуть разум не всякого ученого и мудреца. Он любит беседу в обществе избранных ученых и рассудительных людей. Если он встречает занимающегося науками человека, который обладает разумом, способностями и образованием, но которому в том не помогает терпение, то он его не одобряет. Всякого, кто из этих людей к нему является, он тотчас же правильно оценивает. Ни одному хитрецу и обманщику невозможно произнести перед ним неискренних слов, а если и скажет, то сможет сказать не больше одного раза, потому что он его распознает и впредь не допустит. Если он встречает болтливого и легкомысленного ученого, он сразу же познаёт его глубину. Ради наглядного доказательства этой мысли, мы приведем один рассказ.

В Хорасане был некий человек, пришедший из Туркестана, по имени Хибаталлах, человек добронравный, приятный и одаренный всякими знаниями. Он знал сирийский и турецкий языки, помнил множество притч и хорошо рассказывал о деяниях шейхов. Государь и эмиры твердо доверяли его речам, и он некоторое время в Хорасане состоял на службе у государя, 'да укрепится навеки его царство'. Когда [Газан-хан] благополучно воссел на престол, он послал гонца, потребовал его [к себе], оказал ему почет, сделал своим приближенным, пожаловал ему денег,

одежды и значительное месячное содержание и препоручил его этому рабу державы,[1] сказав: „Заботься о нем хорошенько". Я поступил согласно этому. Он постоянно приходил на служение к его высочеству, и текли глубокомысленные речи о мудрости и высшем познании. Хоть он был сведующим человеком, но между его словами и словами государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', была большая разница. Я удивлялся: „Ежели государь не понимает разницы между его знанием и своим, то это странно, а ежели понимает, то к чему это полное доверие". Так как [Газан-хан] считал слишком серьезной возможность укоризны по отношению к нему, то спросить об этом обстоятельстве было нельзя. Некоторое время я находился в таком недоумении, пока однажды [Газан-хан] не произнес глубокомысленную речь и сказал: „Есть такое слово, что не всякий может в него проникнуть. Большая часть людей знают его оболочку и внешность, а сути его постигнуть [не могут], потому что не всякий имеет доступ к сокровищнице царей. В сокровищницу входят избранные царем лица, а прочие остаются снаружи. Шейху Хибаталлаху же путь один — сидеть снаружи казны. То, что с внешней стороны — он знает, а чтобы проникнуть во внутрь и узнать подробности содержимого, ему доступа не дано". После этого я доложил: „Уже некоторое время, как я хочу спросить об этом обстоятельстве, но не было возможности. Теперь я доподлинно узнал, что государь знает цену всем, однако же он всем оказывает почет". [Газан-хан] сказал: „Я не удивляюсь, что он или другие не знают подобных тайн, кроме того, что они знают. Мне [они] нравятся, и я их уважаю и хочу, чтобы в беседе с ними [мне] приходило на память кое-что из того, чем меня одарил всевышний господь. Хотя точильный камень мягче булата, однако оттачивает булат. Так как закал стали увеличивается при помощи камня, то острота находится в закале стали, однако оттачивается она мягкостью камня".

В кружках и собраниях, куда являлись разных разрядов люди из ученых и мудрецов, все поражались вопросам, которые он задавал. Хотя он говорил на монгольский лад,[2] так что не всякий его скоро понимал, однако, когда неоднократно повторяли и поясняли, некоторым становилось ясно, но многие не могли найтись. Направление его мудрости и способ богопознания таковы, как были рассказаны. Что же касается различных вероисповеданий и убеждений разных племен каждого в отдельности, то большую часть он помнит на память, так что, когда он спорит с руководителями их вероучений, то из десяти его вопросов они не знают [как ответить даже] на один. А он все знает и излагает. Из различных языков ему приписывают свой монгольский, арабский, персидский, индийский, кашмирский, тибетский, китайский и франкский и прочие языки, из которых он знает кое-что.

[Обычаи царей]. Он знает наперечет повадки, обычаи и порядок S587
султанов и меликов древних и следовавших за ними [до его времени], то есть привычки и обычаи каждого в битвах и на пирах, в приятном расположении духа и неприятном, в пище, одеяниях, езде верхом и [знает] о других обстоятельствах и предметах [каковы они были] и в каком виде они сейчас. Он подробно рассказывает [все это] представителям каждого из них [т. е. разных народов], и они удивляются.

Знание летописей и повествований. Он весьма подробно знает летопись монголов, которая у них в большом почете, имена отцов, дедов и родичей, мужчин и женщин, имена древних и современных монгольских эмиров, которые существовали и существуют в [разных]

[1] Т. е. Рашид-ад-дину.
[2] *бе истилах-и мугулан.*

странах, а также большей частью подробно знает родословную каждого [из них], так что из всех монгольских родов, кроме Пулада, никто так не знает, и все от него учатся. Эту написанную летопись монголов удалось составить, большей частью извлекая пользу из пребывания у него на службе. Есть много тайн и повествований о монголах, которые знает лишь он сам, и они не записаны в этой летописи. Историю царей иранских, турецких, индийских, кашмирских, китайских и других народов он преимущественно знает в различной их последовательности, рассказывает всяким людям и они поражаются. Что касается его воинской доблести и знания обычаев и порядка сражений, то они весьма совершенны и по этому поводу будет написана отдельная глава.

Различные мастерства. Нет такого ремесла ювелирного, кузнечного, столярного, живописи, литейного, токарного и прочих, которым бы он не владел лучше всех мастеров. Так что он сам мастерит [и] других поучает. Если какой-нибудь ученый мастер хочет смастерить небывалый прибор,[1] которого ученые мастера не знают, то он руководит и наставляет до тех пор, пока они не научатся. Что касается мастерства алхимии, которое является самым трудным из всех мастерств, то он им сильно увлекся и в короткий срок ознакомился с его содержанием. Так как он достоверно понимал, что это дело не всякий сможет разрешить надлежащим образом, то он призвал к себе тех людей, которые утверждают, что могут это сделать. Он не допускал, чтобы они что-либо на это расходовали, дабы по обыкновению [самому] тратить деньги по их указанию, но сказал, чтобы они перед ним проделывали некоторые работы, которые они умеют и производят, вроде муравления...,[2] плавления стекла, приготовления киновари, возгонок, изготовления вещества, которое похоже на золото и серебро, и прочие свои мастерства до тех пор, пока он с ними не ознакомится. Он сказал: „Я не ради того учусь, чтобы делать золото и серебро, ибо знаю, что это невозможно, но я желаю познать те тонкие и чистые мастерства, которые в этом заключаются. И их я не [собираюсь] применять, так как совершенство в [одном только] знании, а ему [присуще] движение без остановок и преуспевание от одного дела к другому делу.

Наука врачевания. Ему знакомы общие положения тех способов, которые имеются в отдельности у тазиков, китайцев, монголов, индийцев и кашмирцев, и знает способ изложения каждого [из этих] народов. Он знаком со всеми лекарствами и знает свойства большей части [их]. Врачи с ними знакомы больше по лавкам продавцов благовоний, а он все сорта лекарств разных народов находил и распознавал в поле. И ныне тоже он распознает их по листьям, а их пять снадобий [?]. Когда он срывает [растение], оно бывает как раз то, которое нужно. Множество лекарств, которые считали водящимися только в Туркестане, Хитае и Индии и которые купцы ради торговли доставляли и продавали в этом государстве по высокой цене, он нашел также и в этих владениях и часть [из них] сам определил опытом. Он призвал нескольких известных знатоков лекарственных трав из турок и тазиков, находившихся во владениях, возил их по горам и полям во время охоты и прочего и расспрашивал, пока не ознакомился с их приемами. В настоящее время из всех знатоков лекарственных растений и врачей никто так [хорошо] не распознает, как он. Единого лекарства, которое бы у каждого народа было испытано и известно как противоя-

[1] L, I — доб. „трудный [прибор], [то] несет к нему. Тотчас же он разъясняет каким способом его сделали, каким образом он удался и показывает его недостаток и достоинство, так что все соглашаются. Есть много вещей..."

[2] Непереведенный термин *халл-и тлк*.

дие, не существует. [Газан-хан] четыре простых снадобья, из которых каждое в отдельности было безусловным противоядием, прибавил к противоядию фарук и это противоядие испытал. Оно оказалось очень благотворным и его стали называть «Газановским противоядием». S592

Наука о горных богатствах. После многих расспросов людей, сведущих в этой области, он, осмотревши любое место в горах и степях, скажет, какие в том месте имеются руды и, когда произведут изыскания, оно так и окажется. Он знает [также] способы добычи каждого рода руды и [приемы] ее выплавки устройством приспособлений и приборов. Все их он сам смастерил и испытал.

Он знает и заклинания, которые читают от разных бедствий. Что касается распознавания особенностей обличья людей и животных и приведения к тому доказательств в разных смыслах, согласно тому, как пишут в книгах, то оно ему известно подробно.

Наука предсказания по звездам и наука о небесных светилах. После того как он неоднократно ездил в Мерагинскую обсерваторию, просил обстоятельно объяснить ее приборы и расспрашивал об их назначении, он все это усвоил и [теперь] знает общие приемы работы. Так что в настоящее время он приказал построить по своему нраву все то, что относится к распорядку и благоустройству обсерватории. Для наглядного представления о вращении солнца он по своему усмотрению приказал выстроить куполообразное сооружение,[1] объяснил [его] звездочетам, и все сказали: „Мы-де, хотя подобного приспособления никогда не видали, однако оно сообразно с разумом". Около обсерватории, которая находится у тебризских абваб-аль-бирр, соорудили куполообразное здание, в котором помещены эти приборы.

Как [все] видят, [Газан-хан] не обездолен в любой науке, которую [можно] вообразить. Всевышний господь не пожалел для него ни одного совершенства и снабдил его похвальными душевными качествами, как об этом будет написано в других главах. По этой причине он никогда не позволяет себе поражаться и говорит: „Сущность [всех] наук есть наука о познании божественного, а знание прочих наук и мастерств лишь ради того, чтобы на них распространить название «совершенство», ибо то, чего не знают, есть изъян. При таком взгляде надобно из каждой [науки] кое-что знать, дабы не быть несовершенным. Иначе для чего же я столько трудился". В настоящее время он тоже постоянно занят обучением и изучением. О знаниях и образовании государя ислама, Газан-хана, 'да укрепится навеки его царство', упомянута частица. Современники знают и видят воочию, что оно так и есть, пусть же читатели в будущем не делают упреков, что было допущено преувеличение. Да наградит его щедро всевышний господь каждый день снова каким-нибудь совершенным качеством.

Рассказ второй. О целомудрии и воздержании государя ислама

Люди, которые раньше состояли приближенными его высочества' рассказывают, что государь ислама, 'да увековечится его царство', никогда не совершал ничего запретного. Если случайно он был кем-либо недоволен, то он заглаза никогда не позволял себе свершить вероломный поступок. Когда он долгое время находился вне дома, в походах, и выпадала победа, и эмиры, выбрав луноликих девушек, которых захватили в полон и которых признавали подходящими, приводили к нему на служение, то несмотря на то, что у монголов в обычае содержать наложницами

[1] *гунбад.*

юных невольниц, дабы их путь к битвам и победам был счастливым, государь ислама никогда не проявлял охоты и говорил: „Как это я оскверню с ними свое тело и ни с того ни с сего буду с ними общаться". И он не обращал на них внимания и не принимал. Затем в течение этого времени, как наблюдалось, от его высочества никогда не исходило поступка, который в шар'е назывался бы прелюбодеянием, мужеложеством или блудом. На чужих женщин он не глядел с преступным намерением. Также во время завоевания Сирии, в Дамаске, несмотря на долгий срок отлучки из дома, он не обратил внимания на монгольских и прочих девушек, которые там находились, сколько их ни предлагали, и сумел перетерпеть и себя соблюсти. Его благородная душа никогда не дозволяет, чтобы и другой тоже приобрел возможность к мужеложеству, разврату и распутству и постоянно издает настоятельные указы с запрещением таких вещей. Нескольких известных лиц он за этот грех наказал согласно шар'у и ясаку. Чистота его благородной души — как самое чистое золото без примеси. Да защитит и сохранит всевышний бог эту
S599 несравненную особу от невзгод судьбы и да отвратит дурной глаз от его благословенного существа ради 'пророка и рода его'.

Рассказ третий. О красноречии и изысканности его слога и красоте вопросов и ответов ближним и дальним, туркам и тазикам

Раньше большую часть важных дел и нужд царей, которые были, вершили эмиры и везиры, и они распоряжались и наводили порядок в государстве, а государь имел полный досуг и занимался охотой и развлечениями. Можно понять, каковы меры противоречивых эмиров и везиров. Всегда, когда от далеких и соседних государей приезжал гонец, то ответ ему эмиры передавали, доложивши [государю]. Государственные дела, которые много лет разваливали, и основам которых наносили вред, государь все вкупе поправил и упорядочил своими меткими мыслями и проницательным разумом. Настаивая на [исполнении] своих приказов, он не терпел отказа и рассуждений ни от одного эмира и везира и не допускал, чтобы кто-либо придавал вес и значение своим мыслям и мнению. Все подчинились его приказам и указаниям. Ни одной душе не осталось возможности даже в маленьком деле задать вопрос, все только постоянно внимательно наблюдали и выжидали его повелений, что он прикажет, до того, что он не давал ни одной душе возможности спросить у него даже — в какой день выступать. Силой воли он сделал так, что все, стар и млад, разумный человек и невежда, соблюдали требуемое его мнением, решением и повелением, и никому это не оказывалось трудным, потому что [все] воочию убеждались, что его душа совершеннее и мнение его во всех видах вернее. Все сделанное и не сделанное им было весьма верно и уместно, и само собою разумеется, они при такой его способности считали себя ничтожными.

Несмотря на юный возраст, он помнит столько замечательных притч, историй и остроумных рассказов, что во время повествования слушатели изумляются и поражаются. Всегда, когда откуда-нибудь приезжал посол, [Газан-хан] без обращения к столпам государства, обдумывания и совещания по этому поводу давал правильные ответы, а ведь во всяком случае великие государи посылают в другие царства послов весьма смышленых, искусных, красноречивых и опытных. Все послы, которые до сих пор приезжали, а также выдающиеся ученые и врачи, которые прибывали сюда с разных сторон, все поражались красноречию, изысканности слога, изяществу собеседования и разговора и совершенству душевных его свойств. Он им пересказывает большей частью повествования и преда-

ния тех стран и подробно излагает верования разных племен, которые до него доходят. В виде рассказа он поясняет обычаи и обряды разных стран и народов, древних и более поздних. Несомненно, что до всех стран, до Чина и Мачина, Хиндустана, Туркестана, Кашмира и Кипчакских степей, до Урусов и Франков, Мисра и Сирии дошла и распространилась молва о нем. И все во всех случаях и обстоятельствах полностью приняли в расчет его внушительность, умение править государством, способность и прозорливость и стали восхвалять и прославлять его. Всевышний господь да сохранит навеки во главе людей этого государя ислама, избранника божия, разумнейшего и совершеннейшего из сынов времени. '[Клянусь] истиной его истины'.

Рассказ четвертый. О терпеливости, твердости и верности государя ислама обязательствам и договорам

О терпеливости, выдержке, твердости и верности слову и договору, которые заложены в его благословенной особе, мы расскажем [только] несколько образцов, потому что подробное изложение всего этого излишне растянулось бы. В Хорасане ему изменил Новруз, несмотря на то, что был слугою из слуг его высочества. Он стал покушаться на ставки и [однажды] внезапно окружил [Газан-хана], как упомянуто в [сей] летописи. Еще несколько раз он нападал, и из-за него происходило разорение Хорасана и расстройство ставок. Никогда ни от одной души не исходило, кажется, таких мятежей и злодейств, какие совершал и возбуждал он. Затем прибавилось еще войско Кайду, и он долгое время занимался опустошением владения. Когда он, потеряв силы, прислал на служение [гонца] и просил пощады и союза, а [затем] явился сам, то несмотря на все те злодеяния, которые никто не смог бы перенести, [Газан-хан] ему простил, пренебрег его виной и пожаловал ему управление всеми владениями. Поскольку Новруз обладал странной душою и[1] на челе его были ясны знаки вероломства и речи его были неподходящи, то эмиры неоднократно докладывали: „Он-де совершил столько дурных поступков и сотворил разного рода преступлений,[2] что его надобно убрать".

Но государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', не соглашался и говорил: „Вы правы, и это дело ясно и очевидно, однако я не могу нарушить моего обязательства и договора".

Сколько ни исходило от него злых поступков и деяний, [Газан-хан] переносил и терпел до тех пор, пока тот не отправился в Хорасан и положил начало усобице и мятежу. Он хотел захватить тот край, Шираз и Керман, и казалось близким, что владения снова будут им разорены. Дела эти обнаружились, и [Газан-хан] повелел принять меры. Эмиры доложили: „Мы-де не раз говорили, что у него такие дела на сердце". [Газан-хан] промолвил: „Я тоже это знал, но хотел, чтобы он начал, а не я". Затем многих вельмож он частью казнил, частью пощадил. В подробном перечислении их имен нет надобности, да это и не подобает. Во время суда над ними [Газан-хан] сказал эмирам: „Некоторые из них такие, преступные действия и тайны которых я уже пять лет как знаю и полностью выявил, но терпел. А некоторые не раз говорили мне неподобающие речи, каждое слово которых могло бы причинить разорение владений, и ежели бы я, обратив [на них] внимание,

---

[1] L, I, P, B — доб. „[вследствие] неустойчивости не было никакого доверия к его слову и действию и постоянно. ."

[2] L, I, P, B — доб. „и следы мятежа и скверны явны на его челе".

послушался, то от этого поднялась бы такая усобица, что и заподозрить нельзя. Некоторых я не хочу выразить словами. Несколько времени я разговаривал с ними наедине и несмотря на то, что я с первого раза понял, что [это] чистое коварство и причинит разорение мира, они не имели стыда и в течение пяти лет [к этому] возвращались и докладывали на иной лад. Странно, они видели, что я не соглашаюсь и не осуществляю [этого], но по невежеству продолжали все так же повторять. Глупцами и невеждами были они, а хотели меня, одурачив, поймать в свои тенета. Когда же мера переполнилась и мятеж их обнаружился, они сами сознались. Теперь я [об этом] заявил открыто". Из отчета о делах и обстоятельствах люди точно удостоверились в том, что он говорил. Уже долгое время, как об этом поговаривали, и люди изумлялись какой он терпеливый, а когда заговорили открыто и определенно, они еще больше изумились.

Испытано также, что всякий, кто на службе у него злоумышлял против людей, обманывал и плутовал, того он тотчас распознавал, делался с ним нелюбезен, но вследствие [своей] терпеливости не спешил обнаруживать гнева. А тот глупый человек не понимал, что государь знает и терпеливо выжидает, и упорно продолжал это дело, пока, наконец, [государь] его не казнил. Таких людей было много. В числе их были семнанский казий, которого называли Кази-Саин, 'злейшее из созданий божиих' и воистину злее дьявола, исфаганский сахиб и несколько других лиц, которые [здесь] не упоминаются. [Газан-хан] понял проделки [всех] их и через несколько времени, в течение которого он проявлял терпение, он некоторых казнил при помощи какого-нибудь доказчика и обвинителя, а некоторых от себя прогнал. Лиц, которые знали его нрав и воздерживались от злословия, бредней, назойливых речей и подстрекательства к мятежу и всегда говорили разумные, полезные речи, как это требовало их внутреннее убеждение, этих лиц [Газан-хан] постоянно по мере своего совершенного разума уважал и одобрял и считал надежными людьми. Так как его лучезарное сердце было осведомлено об их делах, то если другие из зависти и неприязни их порицали и на них нападали, то он [к этому] не при-
S591 слушивался, терпел и крепко держал их при делах, за которые они отвечали, чтобы дела шли своим чередом, укреплялись и им не наносилось вреда.

Неоднократно он говорил: „Нет ничего на свете драгоценнее и редкостнее надежного и честного человека". В силу этого честные, надежные [люди] у него в большом уважении и чести. Тех же, кто злодей, вор и занимается темными делами, он казнит всех. Если знакомые с обстоятельствами торжественно поклянутся, что государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', никогда никого не казнил, кроме людей, которые были сквернейшими тварями и которых обязательно нужно было казнить, потому что их существование было чистейшим вредом для людей, то клятва их правильна и в искуплении нет надобности. Несомненно, что и всякого другого злодея, который приблизился бы к его высочеству, он прикажет казнить, ибо свойство его благородной души по отношению к злодеям есть свойство змеи эфы[1] и изумруда. Злодеи, которые остались, суть те, которых он еще не видел и не распознал, а то бы его благородная душа тотчас их поняла, словно кислота, которая отличает стекло от яхонта. При всем этом он ни в одном деле не проявляет поспешности, кроме как в добрых делах и во всем том, что может быть упущено.

[1] *аф'и*.

Неоднократно, много раз он читал наставления эмирам, судьям и везирам: „Всегда, когда придут люди с жалобою на какого-нибудь хакима или мутасаррифа, не [сразу] соглашайтесь с их словами, ибо возможно, что те люди до этого не отдали калана и свое бремя перекладывают на других, а хаким этот с них требует калан, и такие люди, конечно, жалуются. Если для подтверждения их слов придут другие, поступить нужно так же, ибо возможно, что эти люди до этого были должностными лицами, и хотят, чтобы у него отобрали должность и передали им. Возможно также, что придут лица, которые издавна являются его врагами, или по дружбе, снискав [у кого-либо] расположение, ругают хакима. Всех этих случаев остерегайтесь. Расспросите у всех раи'ятов, несущих калан, притесняет ли [хаким] или нет, желают ли они его или нет, чтобы образ его деятельности был установлен доподлинно, ибо слова множества людей имеют вес, так как они бескорыстны, а слова своекорыстных и немногочисленных людей не столь надежны. Такие лица, которыми ра'ияты довольны и нрав которых склонен к справедливости, встречаются редко. Вследствие того, что у какого-нибудь хакима оказалось бы один-два изъяна, но зато много добродетелей, особливо не слишком большая алчность, умение править строго и честность,— его нельзя отстранять от дела".

В согласии с тем, что у него в благословенных мыслях, [Газан-хан] постоянно осмотрителен [сам], а также наставляет [к тому] эмиров и везиров. Ни в одном случае из-за проницательности и дальновидности у него не пропадает [даже] кончика волоса. Да уделит всевышний господь этому государю ислама долгие годы жизни и господства 'ради пророка и рода его'.

Рассказ пятый. О том, что чаще всего речи, которые он изволит произносить, оправдываются

Приближенные, которые с детства государя ислама состояли неотлучно при нем на службе, рассказывают, что всегда, когда из его благословенных уст исходили какие-нибудь суждения или высказывания, то оно так и случалось и в течение этих лет было испытано. Изволил ли он говорить серьезно или в шутку, — он рассказывал все так же [правду], вроде того, что с таким-то в этом году случится такое-то происшествие, или, из таких-то мест приедет гонец такого-то вида и внешности, или, приведут узника такого-то обличья, или придет приятное или неприятное известие. Хотя большинству государей, которые родились под счастливой звездой, и которым всевышний бог дал могущество и благополучие, не чужды такие качества, однако в такой степени не рассказывают ни об одном государе и наблюдать [этого] не случалось.

Поскольку он [государь] страстно увлечен всеми науками, то он исследовал и изучил науку гадания на песке, бараньих лопатках, конских зубах и по прочим приметам, на которых испытывают хорошее S596
и плохое и которые описаны в книгах, а также [научился] всевозможным предсказаниям, которые приняты у разных народов и в разных краях, и в этом отношении тоже выносит суждение. Он распознает большую часть звезд, подвижных и неподвижных, которые известны звездочетам, и осведомлен о восходе, заходе и свойствах каждой из них, так что слушающие [его] объяснения изумляются. Он до мелочей знает и помнит особенности строения всех животных домашних и диких 'отдельно по их разрядам и различию их видов', привычки, движение, спокойное состояние и местопребывание каждого летом и зимою. Все это не может быть, кроме как силою проницательного разума. 'Бог ведает лучше'.

Рассказ шестой. О щедрости и тароватости государя ислама ради поощрения и [дружеских] отношений

В ту пору, когда государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', воссел на царский престол, сокровищницы его отцов и дедов были пусты, владения чрезвычайно опустошены и не взяты твердо в управление, причитающиеся дивану налоги[1] пропадали, сбор податей[2] невозможен и мутасаррифы областей, вследствие нераспорядительности прежних везиров и хакимов алчно расхищали [государственные] средства, и пришлось долгое время блюсти выгоды государства, пока после этого в казну не стали поступать деньги. Сначала сокровища, которые Хулагу-хан доставил из Багдада, владений еретиков и Сирии, и сложил в крепости Шахутелла,[3] постепенно разворовывали казначеи и продавали балыши червонного золота и драгоценности купцам, и так как они хорошо понимали друг друга, ни одна душа ничего не говорила. Случайно одна из башен той крепости, стоявшая у озера, рухнула, и под предлогом того, что балыши и драгоценности упали в озеро, они украли еще [бóльшие] количества. То, что осталось, Ахмед все отдал войскам, вследствие того, что желал привлечь их сердца [на свою сторону], закрепить за собою царство и сразиться с Аргун-ханом. Больше немного чего оставалось. Рассказывали, что не доходило даже до ста пятидесяти туманов. Аргун-хан собрал всякого рода ценности в Сугурлуке. Их частью расхитили, частью растратили. Когда эмиры задумали измену и борьбу и некоторых эмиров и приближенных его убили, то некоторые те сокровища, которые Аргун-хан приобрел в пору своего царства, распределили между собой, а некоторые говорили, отдадим-де войску, но растратили. Гейхату сам ничего не стяжал, а если и оставался какой-нибудь остаток от сокровищ Аргун-хана, то это он роздал людям.

По этой причине во время благословенного восшествия на престол, кроме этих средств, ничего не оставалось. Вместе с ним из Хорасана пришли войска. [Воспользовавшись] этим удобным случаем, в Хорасан пришли враги и ограбили их жилища и стада скота. Так что, когда государь ислама хотел было им кое-что дать, в казне ничего не оказалось, а налоги с владений не поступали. Новруз некоторое время распоряжался владением и средствами, но так как он предпринял прежний образ действий, то ничего не получилось. Затем распоряжались мелик Шараф-ад-дин Семнани и Садр-ад-дин и тоже ничего не получилось. А войско[4] нуждалось в деньгах, и если из дальних и ближних стран приезжал какой-нибудь гонец и ему хотели дать почетную одежду и подарки, то в казне ничего достойного его положения в наличии не оказывалось. Людям не верилось, что казна до такой степени пуста, и относили это за счет нерадивости и беспечности государя ислама, до того, что от всех по этому поводу поступали жалобы. Когда это дошло до благородного слуха [государя], он не раз в собрании говорил эмирам и приближенным: „Как вы полагаете, что́ находится в этих ящиках, которые навьючивают на нескольких верблюдов и мулов и называют казной? Поскольку я люблю мастерства и постоянно занимаюсь строганием разной породы дерева и слаживанием его, то это бóльшей частью дерево и разнообразные приспособления и орудия для разных ремесл,
S593 да еще несколько тюков оружия. От вас не скрыто, и казначеи это знают. Как я вам дам то, чего нет? От предков мне не осталось сокровищ,

---

[1] *амва̄л-и дива̄нӣ*.
[2] *мутаваджджихат*.
[3] В тексте *талла ва ша̄ха̄*.
[4] *чарӣк*.

а из владений средств[1] не доставляют. Я стал во главе разоренного владения. Вы соберите и доставьте налоги[1] с владений, и вот тогда, ежели я не дам, вина будет с моей стороны". От этих слов для всех стало несомненным, что правда на его стороне.

Через два года, когда наступил досуг от упорядочения и устройства дел государственных, края и пределы были укреплены, а мятежников и людей, которые смуту и бунт сделали [своим] ремеслом, он убрал с дороги или наказал, [Газан-хан] занялся мероприятиями по делам [отдельных] областей, приведением в порядок дел управления и сбора налогов и податей.[2] Каждый день с утра и до вечерней поры он сам лично сидел и своим благословенным пером исправлял черновики того, что надлежало написать, и в делах владений он навел порядок. [Государь] установил законы и приказал, чтобы каждое дело производили в таком-то и таком-то порядке, чтобы владения, которые отдают в откуп,[3] давали бы людям надежным и не отбирали обратно три года, [чтобы] не обращали внимания на доносы всякого нищего и бедняка, и [указал] каким путем и способом собирать налоги. Он определил [размер] налога со всех владений и установил сметные расходы,[4] которые производили бы в большей части местностей, и порядок их таков, как будет изложено в других главах. Такими средствами дела владений были упорядочены и изо дня в день со всех сторон поступали наличными [причитающиеся] казне деньги. От года к году средства возрастали. Одежды из карханэ, которых раньше не поступало и две шестых установленного количества, потому что на них нехватало средств, теперь поступают все полностью. Когда средства прибыли, [Газан-хан] занялся раздачею их и сказал эмирам и столпам царства: „Нет в мире труднее дела, чем распределение денег". И [еще] промолвил: „Чингиз-хан [тоже] сказал, что нет хуже дела, чем давать или не давать деньги. Когда не дают, то само собой ясно, что [человек] скуп, а что́ бывает хуже скупости? Что же касается давания, то ежели одному дают чего-нибудь немного, а другому больше, или одному дают, а другому не дают, или тому, кому должно было дать раньше, дают позже, то это людям кажется тяжелее смерти, и они становятся врагами. Человек, который эти тонкости умеет соблюсти и его осеняет подобная мысль, встречается редко. Не всякому это дело удается. А теперь, сколько сил хватит, давайте будем [их] соблюдать".

Он передал эмирам и наибам некоторые суммы денег,[5] поступившие вначале, по двести, триста туманов каждая, и сказал: „Я-де к тому, что доставили, не буду касаться и в казну не заберу. Пусть также положат отдельно то, что доставили из владений, чтобы эмиры его распределили". Затем он указал каким людям дать и какое количество каждому разряду. Эмиры согласно этому и раздавали. После того, в эти последние годы, он сказал: „Несколько раз распределяло общество эмиров, я тоже имею искреннее желание кое-что распределить сам." Во время курултая в Уджане он повелел, чтобы разбили большой приемный шатер и собрали там казенные деньги,[6] которые доставили с разных сторон владений. [Затем] сел сам с несколькими почтенными эмирами и определил тем лицам, сан которых был выше — раньше, а тем, которые свершили славные дела и проявили

---

[1] *мāл.*
[2] *амвāл ва мутаваджджихāт.*
[3] *мукāта'э.*
[4] *ихрāджāт и мукаррари.*
[5] *чанд хадīнэ.*
[6] *хазāнаха.*

похвальное усердие — больше. Причину этой прибавки он пояснял на словах: „Вот поэтому-то я и даю этим людям больше. Цель [заключается] в том, чтобы впредь и другие тоже постарались приложить большие усилия и полное рвение". На этом основании он жаловал и раздавал им.

Затем он отдавал предпочтение тем людям, которые имели степень родства [с ним] по отцу, а потом давал эмирам тысяч правой и левой руки согласно тому, как было принято и установлено Он еще раньше
S598 приказал, чтобы разного рода одежды в порядке разложили по сортам и по назначению, чтобы вытащили и [расставили] отдельно разного веса мешки с золотыми и серебряными деньгами и надписали, какое в них количество и чьи они, сообразно их [жалуемых лиц] способностям и заслугам. Он вызывал по одному и приказывал [каждому] принимать свою долю тут же в его присутствии. Таким порядком он распределял добро десять-одиннадцать дней.[1] Он роздал триста туманов[2] наличными деньгами, двадцать тысяч штук одежд, пятьдесят штук поясов, украшенных драгоценными камнями, триста штук золотых поясов и сто штук балышей червонного золота. После этого он всегда, постоянно и непрерывно распределял из казны наличные деньги и одежды и никогда ни одного даника и ни одной штуки одежды в качестве подарка не переводил[3] на области. Сколько эмиры и везиры ни просили, перевода не было. Он давал и дает только чистоганом, однако соблюдает достоинство дела и лица и соразмерность средств. Тем, которым должно дать много, он не дает мало, а тем, которым нужно дать мало, не дает много. В казне его никогда не переводились деньги и одежды. Так, если он давал слишком много, всевышний господь даровал приумножение его справедливостью и благораспорядительностью и никакого оскудения не наступало. Никогда не проходит дня, чтобы из его казны не были израсходованы десять-двадцать тысяч динаров наличных денег и сто, двести, триста штук припасенной одежды. Таковы и должны быть шедрость и тароватость.

Затем однажды в присутствии эмиров и вельмож государства он сказал: „Лучшее из дел, которое творит человек, то, когда он подражает господу, в особенности [это касается] государей. Великодушие и щедрость — свойства властелина. Но только такие великодушие и щедрость, которые давали и жертвовали бы столько, чтобы не наступало оскудения и истощения. Дело человеческое пред всевышним богом может быть не больше капли в море, однако по силе возможности подражание обязательно. Что касается государей и всех людей, то они должны тратить всегда столько добра, сколько они в состоянии. Кому какая выгода от того, что они несколько дней дают без удержу, а потом не в состоянии ни давать, ни пользоваться [плодами своих трудов]. А ежели они все отдадут немногим лицам, а прочих совсем обездолят, то такое дело не свойственно господину. Нужно, чтобы лучи государя, подобно солнцу, падали на всех. Казна его есть доля всех людей, в особенности имеющих на то право и нуждающихся, людей свершивших хорошие дела и прежде всего войска. Как можно ее отдать немногим лицам, а потом сидеть с пустыми руками и никому ничего не давать и не мочь дать. Какую приятность и удовольствие получают от такого человека? Что́ красивого тут для царского всемогущества? Щед-

[1] L, I, B — пятнадцать.

[2] B — другой рукой сделано примечание: „Монгольские туманы. Каждый туман составляет тысячу тебризских туманов. То, что называется туманом войска, состоит из десяти тысяч человек".

[3] *хавалат на кард.*

рость и великодушие государей должны быть подобно воде в колодце и в роднике: сколько бы ее ни черпали, она прибывает снова и не истощается. Такое дело удается не иначе, как [разумным] управлением царства, благоустройством, справедливостью и твердым распоряжением, тем, что во всяком деле соблюдают предел равновесия, так чтобы непрерывно возмещалось столько, сколько отдают, иначе

Если будешь брать от горы и не класть взамен,
То в конце концов гора рухнет.

Ежели у нас и у вас есть склонность к деньгам, к щедрости и тароватости, то мы должны быть справедливы и правдивы, ибо свойство справедливости заключается в том, что поскольку мы не знаем, откуда поступят деньги и как пополнится казна, то раздавали бы столько, чтобы казна не пустела. Было бы хорошо, ежели бы мы всегда были к тому в состоянии, а иначе к чему годен такой государь, который один день может, а другой день не может, по временам богат, а иногда нищ. Это не является качеством государей. Ежели же он таков, то ему постоянно придется проводить время в горе и унынии, а люди будут лишены его даров и не станут нуждаться в его царствовании. Мы должны соблюдать это правило и поступать так, чтобы давать столько, сколько нужно, а не так, чтобы нагромождать кучей, и не так, чтобы сразу обеднеть и разориться. Нужно, чтобы всегда было немного для почина, ибо свойство денег таково, что если есть для почина немного, то деньги быстро к ним прибавляются, вроде охотника, у которого, ежели бы не было одной какой-нибудь птицы для приманки в силках, чтобы к ней слетались другие птицы той же породы, то он ничего не мог бы поймать. А ежели у него есть для S595
почина одна птица, то посредством ее он в год словит несколько тысяч птиц".

Эмиры и столпы государства воздали хвалу и славу этим речам государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', и все возрадовались. С той поры и поныне постоянно согласно этому из казны государя ислама текут деньги и одежды, подобно тому, как течет из родника вода. Никогда ни в какие времена, никто из прежних государей как будто не давал чистоганом столько денег и одежд, сколько соизволил раздать и раздает он [Газан-хан]. Конечно, люди эту мысль уже считают за преувеличение и говорят: „кто видел прежних государей и знает состояние их сокровищниц, чтобы иметь возможность сделать такое сравнение?" Однако подтверждением этой мысли являются сложенные в дафтар-ханэ и существующие с тех пор реестры прихода и расхода средств предшествовавших [государей]. Где может быть более справедливое свидетельство по этому делу, как не в реестрах, которые совершенно беспристрастны. Во время чтения [их] пусть доподлинно установится правда и неправда этих слов.

Да сохранит навеки нерушимой всевышний господь его справедливость, доброту, благодеяние и ласку, ради милости и щедрости своей. Аминь.

Рассказ седьмой. Об уничтожении идолопоклонства, разрушении их [идолопоклонников] храмов и разбитии всех идолов

Когда государь ислама Газан, 'да укрепится навеки его владычество', по промыслу и руководству божию на пути истинной веры вступил, как было упомянуто, в круг мусульманства, он приказал разбить всех идолов, разрушить все кумирни, капища и прочие храмы, суще-

ствование которых не дозволено в странах ислама по божественному закону.[1] Большую часть бахшиев обратили в мусульманство. Поскольку всевышний бог не споспешествовал им, они не держались истинной веры, а [только] по необходимости внешне показывали себя мусульманами, на деле же у них были явны следы неверия и заблуждения. Через несколько времени государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', уразумел их лицемерие и сказал: „Каждый из вас, кто желает, пусть отправляется в Индию, Кашмир, Тибет и родные свои края. А те, кто останутся здесь, чтобы не лицемерили и чтобы поступали согласно тому, что у них в сердце и на душе, и не марали бы чистой веры ислама своим лицемерием. Ежели я, однако, узнаю, что они строят капища и кумирни, то я безжалостно их предам мечу".

Некоторые попрежнему продолжали лицемерить, а некоторые занялись своими непохвальными замыслами. [Газан-хан] сказал: „Отец мой был идолопоклонником и таким умер. Для себя он построил кумирню и храм и пожертвовал ему разное имущество во времена той братии, а я ту кумирню разрушил. Ступайте туда, живите и пользуйтесь милостыней." По этому случаю хатуны и эмиры представили прошение: „Твой-де отец построил храм и на его стенах написал свои изображения. Ныне, когда он разрушен, снег и дождь падают на изображения твоего отца, а он был идолопоклонником. Ежели бы то место благоустроили, то это принесло бы ему славу и упокой его душе". [Государь] не одобрил и не послушался. После этого они предложили, чтобы [храм] переделали в виде дворца. Он опять-таки не одобрил и сказал: „Коль скоро я задумаю выстроить дворец и там нарисуют изображения, то он будет подобен храму и месту идолопоклонников, а это не годится. Ежели нужно построить дворец, то пусть строят в другом месте".

Такого рода рассказов и случаев множество, изложение их [слишком] длинно. Одним словом, он сказал бахшиям: „Мне известно, что знания у вас нет, однако из ревнивого отношения к своему достоинству государям надобно, чтобы все разряды людей состояли их подданными, по этой причине они всех охраняют и холят. Даже животных, которые не имеют разума и понятия, государи, мусульмане и все люди жалеют и оберегают ради пользы и надобности [в них]. С вами тоже так поступят, но надобно, чтобы даже на кончик волоса у вас не появлялось следа идолопоклонства, изуверства и криводушия, а не то я
S600 вас предам мечу". В настоящее время, небольшое число их, которое осталось, не собирается обнаруживать, что у них есть возможность придерживаться какого-либо убеждения или вероисповедания, вроде мугов или еретиков,[2] которые издавна существуют в этих владениях, однако убеждения свои они держат втайне и скрывают.

Да сохранит всевышний господь государя ислама невредимым и вечным, ради милости, благоволения и великодушия своего.

Рассказ восьмой. О любви государя ислама к роду посланника [божия], 'да будет над ним мир'

Государь ислама, 'да укрепится навеки владычество его', два раза видел во сне красу господина вселенной,[3] 'да будут над ним наилучшие молитвы и самые совершенные благословения', и пророк, 'да будет над ним молитва и мир', обнадежил его добрыми посулами. Между ними

[1] *шар'ан.*
[2] Т. е. зороастрийцев и исмаилитов.
[3] Т. е. пророка Мухаммеда.

происходила долгая беседа. Вместе с пророком, 'да будут над ним молитвы божии', были эмир правоверных Али, Хасан и Хусейн, 'да будет над ними мир'. Представив их, он промолвил: „Надобно вам быть братьями", и повелел, чтобы государь ислама с ними обнялся. Обе стороны побратались. С того времени для государя ислама исполнилось много желаний и достались победы. Из их числа самое замечательное было то, что он распространил по всему свету добрые дела и строгий порядок, устроение, справедливость и твердое управление, что он сподобился приобрести славу и что он собрал себе клад из благих пожеланий людей. Что может быть выше этого счастья и благодеяния божия? С той поры любовь его [Газан-хана] к семье пророка, 'да будет над ним мир', возросла. Он постоянно ради хаджджа оказывает помощь, паломничает на могилы семьи [пророка], дает и исполняет обеты, чтит и уважает сейидов и жалует им щедрую милостыню. Когда он строил в разных местах ханкахи, медресэ и мечети и прочие благотворительные учреждения[1] и делал определенные завещания на богоугодные дела, он принимал во внимание и содержание и месячное жалование каждого разряда людей и говорил: „Как это так, что у факихов, суфиев и прочих есть доля, а у сейидов нет. Обязательно должна быть доля и для потомков Али". И он приказал, чтобы в Тебризе и прочих больших областях, во всех владениях, таких крупных городах, как Исфаган, Шираз, Багдад и им подобных, построили убежища для сейидов, чтобы сейиды там селились. В их пользу он назначил также количество денег,[2] какое признал за благо, как об этом, упоминая, гласят жертвенные грамоты,[3] чтобы и они тоже имели долю от его благодеяний. Он постоянно высказывает и заявляет: „Я-де никого не отвергаю и признаю сподвижников [пророка], однако поскольку посланника [божия], 'да будет над ним молитва и мир', я видел во сне и он между своими сынами и мною положил братство и любовь, то разумеется я больше люблю семью пророка, а не то, чтобы я, сохрани боже, отвергал сподвижников [пророка]". Он приказал, чтобы для гробницы Хусейна, 'да будет над ним мир', провели [оросительный] проток, как об этом будет изложено, и постоянно без изуверства славит род [посланника божия], ибо 'славою господа и по милости его', он мудр и совершенен.

Да пожалует всевышний бог обитателям мира такого справедливого и совершенного государя на бесконечные годы.

Рассказ девятый. О воинской доблести государя ислама, устроении войска, сражениях и выдержке его на войне

Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', с поры детства находился на границе Хорасана, который является самым тягостным краем. С древних времен и доныне чужеземные войска постоянно вторгаются с этой стороны, и не проходит года, чтобы не нужно было один-два раза выступать в поход.[4] Вследствие этого [государь] повторно и неоднократно, давая врагам сражения, вел жестокие войны и переносил много беспокойства и невзгод. Он приобрел полное знание тонкостей этого дела, стал весьма искусным и настолько мужественным, S597
что и в больших событиях никак не пугается и не допускает колебания в благословенное сердце. Хотя он знает, что трудно и враг силен, он

[1] *абвāб-ал-бирр.*
[2] *ваджх.*
[3] *вакф-нāмэ.*
[4] *бэ чарūх бар нишастан.*

все-таки терпит и упорствует и не позволяет, чтобы в нем обнаружились следы опасения. Он говорит: „От страха никакой пользы не получается. Последствие его таково, что [человек] перестает распоряжаться и способствует неприятелю. Такие случаи лица, состоявшие на службе при его высочестве, наблюдали много раз, и изложение их длинно. Что же касается случаев, которые приключились в'здешнем крае, то один из них — дело его с Байду. Сначала он, как молния, помчался из Хорасана, и ударил на них с небольшой ратью и стойко держался. Затем для пользы дела они постановили повидаться друг с другом наедине с несколькими нукерами. Во время свидания [государь] шутя ударил его весьма крепко кулаком по спине, так что тот почувствовал боль и понял, что он не придает ему никакого значения. На сердце его [Байду] запал страх. Затем [государь ислама] сделал приготовления и с небольшим войском в благоприятное время напал на него и захватил [в полон], так что владениям и войскам не было причинено никакого вреда и беспокойства. Эмиров, которые во времена его отца и дяди возбуждали усобицу, он переловил, хотя они и имели влиятельных заступников. По мужеству [своему] он принял правильное решение и, не обращая внимания ни на чье ходатайство, всех их уничтожил и привел в порядок владения.

Другой случай, когда восстал Сукей, а Арслан со стройной ратью повернул обратно и шел на него. [Государь ислама] непрерывно выслушивал известия и ясно понимал, что когда он [Арслан] придет, то оказать ему сопротивление будет нельзя, вследствие того, что на месте не было войска. Но он совсем не смущался и каждый день занимался по своему правилу и обычаю. Когда Арслан приблизился, он отправил как бы на охоту войска, которые были налицо, а сам не двинулся [с места] и даже никого об этом обстоятельстве не осведомил. Он попрежнему смеялся и забавлялся разными играми и рассказами. Призывал врачей и звездочетов и говорил: „Я-де хочу принять слабительного, приготовьте снадобье и изберите день“. С виду он совсем не обращал внимания на положение неприятеля, и его благословенное сердце по этой причине было не настолько расстроено, чтобы можно было описать. Вследствие такой выдержки и терпения никакого вреда не произошло, ибо молва не распространилась, и народ оставался спокойным. Но если бы хоть на кончик волоса в нем проявилось беспокойство, дела пришли бы в замешательство, в особенности потому, что еще было только начало его поприща, и страна и войска [не могли] сразу успокоиться: войска, повидавшие прежние смуты, стали жадны и падки на такие дела и грабежи. [Поэтому] он и вел перед ними [такую]игру. С поддержкою творца, 'да будет он велик и превозвышен', и благодаря терпению и выдержке государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', это событие было улажено, и никакой беды не произошло.

[Затем] еще на войне с Мисром и Сирией. Люди полагали, что по привычке государей [Газан-хан] будет стоять в каком-нибудь укромном месте, так чтобы никто не знал. А он, вопреки этому, отважно выступил вперед, сам выстроил все войско, встал перед ним и как разъяренный лев раз за разом стал нападать [на неприятеля]. Если бы не хватали поводья его [лошади], он ни за что не переставал бы биться. Хотя приближенные препятствовали [ему], он все же несколько раз бросался в середину врагов, гарцовал, гнал их, часть убивал и возвращался обратно. Внезапно войска, которые находились поблизости, обратились в бегство, а те, что стояли по сторонам, частью не знали о битве частью еще не вступили в бой. С правой и левой руки государя ислама осталось пусто, но он сам своей особой с немногими людьми попреж-

нему вместе с Султаном стоял против врага. Воины же, оттого что первый удар пришелся по среднему полку, отступили и, остановившись, ничего не предпринимали из опасения, что во время натиска на врага, никакой поддержки не будет. А они [враги] каждое мгновение нападали с силою, и государь ислама, словно яростный лев, выдерживал от полуденной до предзакатной молитвы, и один отражал их нападения и прекрасными распоряжениями и разнообразными хитростями оказывал сопротивление такому громадному полчищу и бился. Какой другой удалец обладает такой силой и мощью. Наконец, когда войска левой руки, которые остановились поодаль и выжидали, готовые вернуться назад, увидели такое положение, они обратились на врага. С правой руки тоже часть двинулась вслед за ними. Враги, [которые] были уже обессилены выдержкой государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', в бою с ним, поневоле обратились в бегство и были разбиты. Рассказов, подобных этому, есть множество. Для примера мы ограничиваемся этим их количеством. S602

[Государь] постоянно обучает, наставляет и дает советы победоносному войску. Он говорит: „Каждый, кому наступил смертный час, где бы он ни был, дома ли, в пути, в сражении или на охоте, неминуемо умрет. Следовательно, зачем же бояться врага, который стоит против [нас]. Раз смерть есть необходимость и она неизбежна, то лучше, чтобы человек пролил свою кровь, ибо непролитая кровь сгниет в теле и кроме зловония ничего не даст. Подобно тому, как румяна украшение для женщин, так кровь украшение для мужчин. Славное имя таких людей останется в мире, и они сразу попадут в рай. У того, кто умирает дома, жена и дети удручаются его болезнью и уходом за ним и в их глазах и [глазах] прочих друзей он становится ничтожным и жалким. Ежели же он падет в бою, то он свободен от этого. Друзья по нем сокрушаются и за него молятся, а государь того времени оказывает уважение оставшимся после него, сочувствует им, покровительствует его потомкам, и дела их становятся лучше".

И [еще государь ислама] сказал: „Когда рать совершает поход, то ежели она идет в набег, ей надобно постараться, чтобы весть [о ней] не распространилась, и приспособив[1] лошадей, итти день и ночь, дабы прибыть внезапно и до того, как враги сойдутся вместе и соберутся, свершить свое дело и вернуться обратно. Ежели [в набег] ходят каждый год, то надобно стараться ходить в разное время, а то раз это будет в определенное время года, враг заранее займется устройством и принятием мер против. Нужно также постараться ходить каждый раз другой дорогой, чтобы враг не знал, однако нужно, чтобы имелись проводники[2] надежные и знающие дорогу. Ежели пойдет большая рать, то лучше заранее пустить молву, а с войной надобно медлить, ибо большая рать быстро итти не может, враг же несомненно осведомлен, занялся мероприятиями и приведением в порядок снаряжения и войска и ждет, чтобы выйти навстречу. Не следует полагаться на многочисленность и малочисленность войск, на то, что они быстро идут, ибо нельзя знать помощь божию. Когда двигаются медленно и распускают молву, то, быть может, враги испугаются этой молвы, или между ними случится смятение и разногласие, или с какой-нибудь стороны на них нападет другой враг, или случится какая-нибудь молва, или от бескормицы [лошадей] и отсутствия продовольствия они обессилят и истощатся. Во время такого похода надобно, чтобы войско, распустив молву, предусмотрело бы места, где

[1] *йарāк кардэ*
[2] *калāвузāн.*

есть вода, корм и охота, останавливалось бы в таких местах и не съедало бы продовольствия,[1] которое оно заготовило для труднопроходимых местностей. Все время [войско] рассылает лазутчиков, что бы быть осведомленным о положении врага. По осведомлении, что́ бы оно ни замыслило и ни сделало, (все) будет основательно, ибо делать дело без осведомленности, все равно, что разить кулаком впотьмах. После такой полной предосторожности надобно, чтобы выбор — драться или не драться — оставался за вами, а не за врагом, потому что ежели вы окажетесь без самообладания и будете спешить без задержки, то столкнетесь с врагом невзначай, место для остановки окажется плохим, а биться придется поневоле, у врага же место будет прекрасным. В общем главное дело — порядок войска и недопущение, чтобы какой-либо отряд без позволения отправлялся куда бы то ни было, потому что [это] уже испытано: враг таким образом выигрывает время и набирается смелости. Еще более важное условие [заключается] в том, чтобы решительно не допускать кого-либо отправляться по своему желанию в деревни и селения и что-нибудь забирать и уносить, потому что ежели [воинов] к этому приучить, то большое войско никак нельзя будет от этого удержать и порядка S599 не выйдет. Таким образом, они и в бою не во-время займутся захватом добычи[2] и [их] нельзя будет удержать. Всякая беда, которая приключалась с войсками, чаще всего происходила вследствие захвата добычи. Когда бой закончится, пленные и добыча никуда не денутся. Надобно, чтобы ради ясака они не взирали на лица и не жалели убивать, ибо ежели они пожалеют двух-трех человек для ясака, то вместо них погибнут десять-двадцать тысяч человек, и из-за этого пропадет и царство.

Надобно, чтобы с самого выступления из дома они постоянно предавались добрым помыслам о всевышнем господе, себя соблюдали, не творили дурных дел, были любезны своему народу и царству и никого не насиловали, дабы люди желали им добра и молились [за них], пока [молитвы] не будут услышаны, ибо для войска нет лучше тылового полка,[3] чем молитва за него и благое пожелание. Надобно, чтобы [воины] не говорили чванливых речей, не впадали в гордыню и высокомерие и не считали врага ничтожным, а тоже опасались бы его. Себя они считали бы ничтожными, а бога всевышнего великим и боялись бы бога, дабы замыслы удались и дело сделалось. Да ведали бы они достоверно, что всякий, кто говорил высокопарные речи и [горделиво] помышлял, [на того] господь всевышний гневался, ибо величие подобает [только] богу, а он ставит себя [такими речами] вровень с богом. Бог покидает [его] и, оказывая помощь другим, наказывает его, это дело для могущества божия просто. Он наказывает так, что ум ни одного мудрого и совершенного витязя не может этого постигнуть".

В таком роде [Газан-хан] постоянно давал и дает советы обществу эмиров и воинов. Он произнес много речей тоньше этой, которые не остались в памяти, а если бы даже и приступить к изложению их, то они растянулись бы надолго. Поскольку целью является приведение [только] образцов, то этого количества довольно, а что сверх него, для всех известно и несомненно.

Да сохранит и укрепит навеки всевышний господь этого державного покровителя мира и защитника ра'иятов и войска.

---

[1] *'алӯфэ.*
[2] *ӯлджа́й.*
[3] *геджигэ.*

Рассказ десятый. О наставлениях государя ислама казиям, шейхам, подвижникам, ученым и благочестивым людям

Всегда, когда упомянутые люди являлись на служение к его высочеству, он давал им различные наставления, но в собрании, когда на курултай к его высочеству явились старейшины и выдающиеся лица этих людей, он [Газан-хан] сказал: „Вы надели на себя одеяние домогательства, а это великое дело. Вы ведь обращаете это домогательство не к народу, а обращаете к богу. Возможно, что люди [в течение] нескольких дней, пока будут в неведении об истине, признают ваши домогательства бесспорными, однако господь всевышний знает ваши сокровенные помыслы, обмануть и утаить правду от него нельзя. Он разгневается и воздаст и покарает еще на этом свете, [а наказание] на том свете несомненно и предопределено. Всякий, у кого домогательство является сокрытием правды, того [бог] позорит на людях, одеяние и имя его уничтожаются, он стыдится людей, становится презренным и жалким в их глазах и постоянно бывает посмещищем для избранных и простого народа. Против тех же, кто такого одеяния на себя не надел, одной масти [с прочими], себя перед другими не отличает и не помышляет о власти, главенстве, подвижничестве и полной невинности, никто не возражает, и от них ждут такой жизни, которая бы соответствовала их одежде. То, что я сказал вам «Вы надели на себя одеяние домогательства» — имеет такой смысл. Поскольку вы люди иные и из-за одежды вам выпало высокое звание и за этим званием имеются несколько особых обстоятельств, которых нет у других, а вы согласились на это звание и обстоятельства и обязались и поручились блюсти права и говорите: «Мы-де такие-то и так-то будем поступать», — то поразмыслите теперь хорошенько. Ежели вы сумеете привести в исполнение взятое на себя обязательство и домогательство, которые сопряжены с этим одеянием, и сумеете сдержать слово, то это будет очень хорошо и похвально, и достоинство ваше перед творцом и людьми станет выше и лучше других. В противном же случае вам в итоге будет стыдно перед богом и народом, и вы по своей воле насильно навлечете на свою голову беду и невзгоду. Знайте также S604
достоверно, что всевышний бог для того мне дал царство и назначил меня во главе людей, чтобы я устраивал их дела и соблюдал между ними справедливость и правосудие. Он вменил мне в обязанность говорить правду, поступать по правде и наказывать преступников соответственно [их] вине. Повеление божие в предвечности постановило, чтобы с избранников спрашивалось больше, поэтому с животных не взыскивается. Государям точно так же надобно прежде всего взыскивать за вину с вельмож и тех, кто является предводителем людей и, сделав это [для себя] руководством, править царством. Вследствие этого я тоже раньше всего буду взыскивать с вас за ваши провинности, обращусь к вам и не буду взирать на лица. Не думайте, что я буду считаться с вашим одеянием, напротив, я буду считаться с вашими деяниями и проступками. Надобно, чтобы вы следовали словам и деяниям посланника [божия], 'да будет мир над ним и родом его', и каждый соблюдал бы то, что является для вас обязанностью. Наставляйте других на правильный путь, воздерживайтесь от скверны и пустословия и не дозволяйте [себе] толковать в духе Корана то, чего нет в сути шар'а. Соблюдайте искренность и [душевную] чистоту. Оказывайте благорасположение и замышляйте добрые намерения, чтобы весь мир и мы тоже пребывали хранимы их благословением. Надобно, чтобы вы не были нетерпимы друг к другу и к другой общине не проявляли нетерпимости, которой не повелевал бог и посланник [его], ибо быть нетерпимым сверх указанного ради своей

славы и быть более добрым и сострадательным к людям, чем бог и [его] посланник, является чистейшим срамом и несостоятельностью. Ежели я сотворю что-либо наперекор шар'у и разуму, то вынесите мне порицание и поучите меня и знайте доподлинно, что слова ваши только тогда на меня подействуют, будут приняты и услышаны, когда смысл ваших [слов] будет согласен с домогательством, ибо тогда вы будете говорить искренне, начистоту, с душевной силою, и несомненно [слова] окажутся действительными, ибо следование за правдой после ваших слов для меня и для вас явится причиною добрых дел и восхваления, а людям от этого достанется благополучие. Ежели-же будет не так, то слова ваши на меня не окажут действия, во мне воспылает огонь гнева на вас и по этой причине мне, вам и всем людям нанесется вред. У меня еще есть множество речей и соображений по этому поводу, которые я хотел рассказать. Теперь же в общем смысле сказано вот столько. Ежели вы одобрите и согласитесь, то мне и вам будет польза, мои слова окажутся для вас полезными, и любовь ко мне окрепнет в ваших сердцах. А ежели слова мои вам придутся не по душе, в сердца ваши вселится вражда ко мне, и душа моя проведает о ваших сердцах, вы тоже будете мне ненавистны, и вера и мир потерпят от этого урон. Сегодня мы ограничимся этим, а в будущем, ежели сподобит бог, мы [еще] поведаем содержательные речи с тонким смыслом".

В таком смысле он советовал и наставлял тех старейшин и почитаемых судей, шейхов и ученых, которые явились на служение к его высочеству. Все изумились и поразились этому и приветствовали и вознесли хвалу чертогу прибежища царства. В иные времена в различных собраниях [Газан-хан] изрекал подобные же наставления и произносил с тонким смыслом речи, перечисление в отдельности которых растянулось бы надолго. Да распростpет всевышний господь навеки веков над всеми разрядами людей сень могущества и справедливости этого государя ислама, украшенного разнообразными совершенствами. Подлинно он [бог] всеслышащий и подающий ответ'.

Рассказ одиннадцатый. О запрещении государя ислама ратным людям и прочим кощунствовать

Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', услышал, что когда некоторые ратные люди и прочие ходили на войну и им выпадала победа, то они бахвалились, что мы-де сделали так и эдак, что вследствие такой-то находчивости удались большие дела, что такой-то проявил
S601 доблесть, а стараниями такого-то враг был разбит, и таким способом приписывали дела своей способности, мужеству и доблести, кичились и чванились. Иногда, наоборот, они возвращались, не достигнув цели, и говорили: это-де была воля божия, хотя мы и старались и прилагали все усердие. Такие речи размножились в устах народа, и во всех мелких делах монголы и тазики говаривали на такой же лад, и неоднократно эти речи доходили до благороднейшего слуха [Газан-хана]. Он не одобрил этого, разгневался и сказал: „Эти речи чистое кощунство, и большая часть дел наших, войска и всего народа приходят в расстройство от злосчастия таких речей. Надобно всякое добро, которое выпадает на долю нашу, войска и прочих людей, считать милосердием и состраданием всевышнего господа, а всякое зло и отчаяние, которое случается, признавать последствием своих грехов и дурных качеств и никогда не говорить речей чванливых и спесивых".

Он приказал написать по этому поводу красноречивый указ и послать во все владения всем монголам и тазикам: „Всякий-де, кто

впредь поверит указанным выше речам или будет их говорить, является грешником и на том свете ему место в аду. Надобно, чтобы [всякий] считал добро милостью божией, а зло последствием своих дурных деяний. Надобно, чтобы всякому человеку, который подойдет к дверям дома [прося подаяния] давали бы поесть мало или много из того, чем богаты и что имеется наготове; обходились бы с ним человеколюбиво и жили бы в мире со всеми людьми. По этому указу, который мы повелели, лица, приходящие в дома людей [за подаянием], пусть не требуют чего-либо приказом и не полагают, что давать им что-нибудь является для кого бы то ни было необходимым и обязательным. Это дело зависит только от человеколюбия". В таком роде [Газан-хан] издал указ и приказал, чтобы его провозгласили во всех владениях. Благотворность его 'с помощью всевышнего господа' преуспела во всех делах в пору [его] державы и коль захочет всевеликий господь изо дня в день будет расти 'его милостью и добротой'.

Рассказ двенадцатый. О любви государя ислама к благоустройству и о поощрении к тому людей

Раньше монгольские государи и некоторые из отцов и дедов государя ислама, 'да укрепятся на веки его владычество', имели страстную склонность к благоустройству и приступали к нему. Однако они редко, как наблюдалось, доводили его до конца. Повсюду они закладывали основания [построек]. На это расходовались большие толики средств, из областей доставляли чрезвычайные налоги,[1] животных, материалы и наемных рабочих.[2] Людей постигали тяготы, и большая часть их погибала. Лица, которые находились при этом [деле], говорили: 'Ночь чревата'. Пропадало много добра, множество построек не удавалось, а те, которые сооружали, не были прочными и в короткий срок разрушались. Государь ислама дела благоустройства так прибрал к рукам и завел такой порядок, что лучше нельзя. Он выбрал повсюду надежных, честных чиновников, на которых можно положиться, назначил их во главе строительства и перевел им деньги.[3] Он [Газан-хан] назначил достойных доверия чиновников, честных и опытных писцов и умеющих составлять чертежи зодчих. Очень расчетливо определили все материалы, [их] стоимость и стоимость работы при таком их количестве, чтобы если производящие расчет с рабочими лица[4] совершат преступление, недостача и убытки ложились бы на них. Доверенные люди и оценщики[5] постоянно считают уже использованные материалы и те, которые предназначены для работы и, основываясь на этом, требуют отчета от каждого подотчетного лица.[6] Все так твердо установлено, что если даже через сто лет захотели бы составить смету на них [стройки] и отпустить деньги, то пусть сопоставят расчеты битикчиев с материалами, которые израсходовали на работу, и немедленно истина отчетливо отделится от неправды, причем решительно [смета] не окажется ни ниже, ни выше. Никогда ни один доносчик не найдет возможности упрекнуть за работу тех чиновников и зодчих. При каждом деле назначены смотрители,[7] чтобы не допускать применять в работе плохие мате-

[1] *вуджӯх-и табкӯр.*
[2] *муздӯр.*
[3] *вуджӯх тахвӣл кард.*
[4] *уджара.*
[5] *мукаввиман.*
[6] *сахиб-и джам'.*
[7] *амӣнам.*

риалы или убавлять известь и алебастр или примешивать к ним землю. Соблюдение такого порядка и предосторожности лежит на их обязан-
S606 ности. Затем еще — [поставку] всех древесных и железных материалов отдали в подряд[1] по установленным ценам, так что сорта их были определены и утверждены.

Во всех городах и областях [государь ислама] изволит производить благоустройство и проводить оросительные протоки и подземные водопроводы. Из них величайшим, от которого особенно значительная польза, является чрезвычайно большой проток, который провели в области Хиллы. Назвали его Верхний Газанов проток. Этот проток провели к священной гробнице повелителя верующих Хусейна, 'да будет над ним мир'. Все поля Кербелинской степи были безводной пустыней и в [селении при] гробнице не было пресной воды для питья. [Газан-хан] направил [туда] прозрачную воду Ефрата, так что в настоящее время вся округа гробницы возделана и в ней разбили сады и огороды. Суда, которые ходят из Багдада и других городов на берегах Ефрата и Тигра, могут заходить [и туда]. Урожай той [округи] составляет около ста тысяч тогаров. Злаки и разного рода зелень произрастают там лучше, чем во всех уездах Багдада. Сейиды, которые проживают при гробнице, стали вследствие этого весьма процветать. Так как они были людьми бедными, и было их много и они чрезвычайно нуждались, то [государь ислама] пожаловал им милостыню хлебом, и она выдается им из года в год. В окрестностях гробницы Сейиди Абу-л-Вафы, 'да будет над ним милосердие божие', точно также находилась безводная степь и не было пресной воды для питья. В каком-то году государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', отправился в ту степь на охоту и не нашел там воды для лошадей, а онагры и лани от безводья и безтравья были тощи и слабы. [Газан-хан] приказал провести туда проток из Ефрата, чтобы и при гробнице появились вода и земледелие, и степные животные тоже оправились, а также, если гправиться в ту степь, то лошадям не приходилось бы тяжело от безводья и нашелся бы корм, ячмень да солома. В короткое время туда провели большой проток и назвали его Нижним Газановым протоком. Затем с западной стороны к рубежу этой степи провели еще другой проток и назвали его Газанов проток. Из воды и земли он несколько фаддановпожаловал в вакф той гробнице, а остальную часть всех местностей, которые устроили и сделали удобными, купил себе[2] и все сделал вакфом благотворительных учреждений[3] в Тебризе. В настоящее время при гробнице Сейиди Абу-л-Вафы развели сады и огороды. Появилась пресная вода и разного рода зелень, которой [там] никогда не имели. Так как эта гробница была расположена далеко от населенных мест и живущим при ней доставалось много тягот от враждебных бедуинов, то [Газан-хан] приказал обнести ее крепостной стеной наподобие города. В том месте построили баню и новые здания, [так что] в скором времени оно станет городом.

В большей части областей [Газан-хан] производил и производит благоустройство, проводит наземные и подземные оросительные протоки, так что если бы это начать подробно перечислять, то оно слишком растянулось бы. Тому, что он повелел возделать и устроить на основании указа о контрактах[4] при участии уполномоченных от Дивана зе-

---

[1] *бе мукāта'э.*
[2] *бā худ харīд.*
[3] *абвāб-ал-бирр.*
[4] *шарт-хāмэ.*

мель халисэ[1], нет предела. В его счастливую пору, вследствие всеобъемлющей его справедливости, тысячи тысяч людей заняты благоустройством при их участии, а то, что они делают для себя, в сто раз больше. Всякий дом и сад, который до этого стоил сто динаров, теперь стоит тысячу динаров. Столько же людей, сколько теперь строят, раньше производили разрушения. Такого благоустройства, которое в настоящее время производят во владениях, после поры Хосроев[2] не производили ни при одном государе. Было бы удивительно, если бы во времена Хосроев благоустройством было занято такое же количество людей, ибо в ту пору владения хотя и были вполне благоустроены, но благоустраивали их в течение долгих лет, и поскольку в ту пору не было такой разрухи как теперь, то каким же благоустройством им было заниматься.

Город Тебриз, который в настоящее время является столицей, имел небольшую крепостную стену, да и она тоже развалилась, за городом же имеется много домов и построек. [Газан-хан] сказал: „Как это можно для города, где проживает столько тысяч человек и который является столицей, не построить стены?“ Он повелел, чтобы разузнали где и как можно [ее] построить. Так как сады и огороды соприкасаются с городскими строениями, то по необходимости пришлось бы стену [возводить] среди возделанных земель. Предложили также, поскольку в Тебризе проживает несметное число по большей части богатых чуже- S603
земцев и постоянных жителей, стену разделить на части, чтобы каждый разряд людей построил одну часть [ее] на свои деньги, в течение двух-трех лет.

Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', исходя из своих высоких помыслов и полноты милосердия и сострадания заявил: „Разве можно, чтобы разрушалась большая часть устроенного людьми и они пострадали вследствие благого предприятия, которое мы начинаем. В то время, когда строили город Тебриз, разве могли предполагать, что его состояние дойдет до того, что столько тысяч домов построят за городской стеной. За короткий срок, как наблюдалось, все это население увеличилось и произвело благоустройство за чертой города. Ежели в такой мере будет происходить рост, то надо надеяться, что население этого города станет весьма многочисленным. Надобно загадывать далеко вперед и эту стену вести так, чтобы все сады жителей вместе с домами пришлись внутри ограды, чтобы не нужно было разрушать сады, ценность всего выросла бы, а мне была бы награда за доброе дело. Возможно также, что по промыслу божию с течением времени появится столько людей, что они застроят домами все огороженное место, [так что дома] будут соприкасаться друг с другом, а людям не будет тесно. Ибо испытано, что некоторые города, которым всевышний господь дарует счастье и которые благоустраиваются, становятся тесными для жителей вследствие обилия [их]. Здания строят в два-три яруса, улицы становятся тесными, с высокими стенами [по сторонам], воздух делается зловонным и посему появляется холера, возникают разнообразные болезни и [город] снова разрушается наподобие города Хорезма“. На основании этих соображений [Газан-хан] приказал, чтобы стену повели за садами, а в отношении того, что говорили, чтобы жители города дали деньги, он повелел так: „Хотя польза от этой постройки обращается на них, однако ра'ияты и простой народ недальновидны и они не могут уразуметь последствия дел и суть положения. Дать деньги для них сейчас тяжело. Это доброе дело, [а потому] мы дадим свои собственные деньги и построим [стену],

[1] *дивани-и халисат.*
[2] Т. е. Сасанидов.

дабы мне была награда и обо мне гремела слава, а ра'ияты и народ зажили спокойно. Пусть никто к ним не пристает по поводу таких требований." Основываясь на этом он и издал указ. Уже два года как начали эту стройку, и в этом году, 'если даст бог', будет закончен верхний слой.[1]

[Газан-хан] заложил еще другой город больше огражденной площади старого Тебриза в местности Шанб, называемой также Шам, где он выстроил абваб-ал-бирр, так что он включает в себя [эти] богоугодные заведения и большую часть их садов, и дал ему название Газанийе. Он приказал, чтобы купцы, которые прибывают из Византии и Франкских стран, тюки раскрывали там, однако тамошний тамговщик и [тамговщик] города Тебриза был бы один и тот же, чтобы не возникало споров.

Еще он приказал, чтобы у каждых новых ворот Тебриза внутри города, рядом с воротами, были построены караван-сараи, базары и бани и [помещения] для карханэ и загоны для [вьючных] животных, и [повелел], чтобы каждый род купцов, прибывающих с разных сторон, въезжал [в город] через те ворота, которые для этой стороны предназначены и останавливался бы в тех караван-сараях, а тамговщик принимал бы их товары. [Затем], сходив в баню, шли бы они в город и[2] там располагались, пока тамговщик не осмотрит тюки и [их] оттуда не отправят.

Много разного благоустройства [Газан-хан] произвел и производит во владениях. Еще он повелел доставить семена разного рода плодовых деревьев, трав и злаков, которых в Тебризе не было и которых никогда никто не видел, и привить их молодые побеги и ветви. Занялись разведением их, и теперь все они появились в Тебризе и с каждым днем приносят плодов столько, что нельзя описать, и люди ими пользуются и молятся: 'да укрепит господь всевышний могущественную державу'. Во все дальние страны, как индийские и китайские владения и прочие, он посылал гонцов, чтобы они доставили семена растений, которые растут только в этих странах. Да ниспошлет ему всевышний господь удовольствие от жизни и царства.

Рассказ тринадцатый. Об абваб-ал-бирр, которые государь ислама создал и построил в Тебризе, Хамадане и других областях, о вакфах, их устройстве и о добрых делах, совершенных им по обету

S608 У монгольских государей из рода Чингиз-хана до настоящего времени водится такой обряд и обычай, что могилы их находятся в неизвестном месте, вдали от населенных и возделанных земель, так что ни одна душа о них не знает. Окрестности их объявляют запретным местом и препоручают верным людям, чтобы они близко к ним никого не подпускали. Когда государь принял мусульманство и предписания веры довел до небывалой высоты, он сказал: „Хотя таков обычай моих предков, но ежели даже мусульманин не пожелал бы, чтобы могила его была известна, то от этого соблюдение законов веры не пострадает, однако пользы в этом нет. Поскольку мы стали мусульманином, надобно, чтобы и отличительный наш признак стал, как у мусульман, особенно потому, что обряды мусульманские гораздо лучше тех обычаев".

На первых порах он отправился поклониться священной гробнице в Тусе, 'да будет мир над покоящимся [в ней]', гробницам Султана Баязида, Абу-л-Хасана Харакани, шейха Абу-Са'ида [ибн] Абу-л-Хайра

[1] *мухрэ*.

[2] L, I, B — доб. „и, определив свои места, если хотят, уезжали. Точно так же, когда купцы из Тебриза отправлялись в [разные] стороны" ...

и других тамошних святых отцов, 'да вдохнет бог жизнь в их могильный прах'. Он воочию ознакомился с устройством селений [при гробницах] и положением их обитателей. Затем, когда он стал мусульманином, он сподобился поклониться священной могиле повелителя верующих Али, 'да будет над ним мир', и прочим могилам и гробницам святых отцов в Багдаде, 'да освятит господь их души'. Однажды он сказал: „Как можно считать мертвецом того, кто умер таким образом и у кого такое место кончины и погребения? Такая смерть лучше жизни иных людей. Хотя у нас и нет степени праведника, однако, уподобляясь им, мы построим абваб-ал-бирр, которые были бы местом нашей загробной жизни, и таким образом проистекло бы доброе дело и милостыня, чтобы в воздаяние за это снизошло милосердие всевышнего бога, постоянно накоплялась награда и [все] было бы весьма прекрасно. Теперь, когда всевышний господь дал нам силу, мы приступим [к стройке и будем строить] пока она, быть может, не завершится с божьей помощью". Поскольку это происходило в столице Тебризе, он выбрал [место] там и за городом, на западной стороне, в местности Шанб, построил их, самолично сделав чертеж. В настоящее время уже несколько лет, как занимаются их стройкой. Они гораздо больше гумбада сельджукского султана Синджара в Мерве, который есть самое большое здание на свете и который он видел. Начертание этого славного селения таково, как оно излагается.

Расходы вакфов, упомянутых абваб-ал-бирр и прочих общеполезных и богоугодных учреждений, которые в них включены на основании условия жертвователя Газан-хана, 'да примет [их] господь от него', согласно тому, как они перечисляются в благословенной жертвенной грамоте,[1] в сжатом изложении S605

[Слово][2] о том, что принадлежит к Высокому гумбаду и прочим абваб-ал-бирр, которые находятся вокруг него

Высокий гумбад

[Добавочные средства][3]	*Содержание[6]*
на ковры и ткани,[4] на стоимость свечей, опахал[5] и благовоний и на приготовление сластей [халвы] в вечера под пятницу для чтецов Корана.	чтецам Корана и работникам.

Соборная мечеть

Добавочные [средства]	*Содержание*
на ковры, ткани, стоимость свечей, опахал и благовоний.	хатибам, имамам, ва'изам, муваззинам, мукаббирам и работникам.

Шафиитская и ханифитская медресэ

Добавочные [средства]	*Содержание*
на ковры, ткани, стоимость освещения, благовоний, гончарной утвари и прочего.	мударрисам, му'айиидам, факихам и работникам.

[1] *вакфийэ.*
[2] Так в L, I, P, B; S — неразборчиво написанное слово.
[3] *изафат.*
[4] *фарш ва тарх.*
[5] *мазаб.*
[6] *мавазжиб-и муртазикэ.*

Ханках

Добавочные [средства]

на ковры, ткани, утварь для поварни, стоимость освещения и благовония.

Средства

на утреннюю и вечернюю трапезу и общие радения два раза в месяц.

Содержание

шейхам, имамам, суфиям, каввалам, слугам и прочим разного звания работникам.

Милостыня

определенная нищим и беднякам на стоимость холста, простой обуви и меховой одежды.

Убежище для сейидов[1]

Добавочные средства

на ковры, ткани, стоимость свечей, опахал и благовония.

Средства

на прожитие сейидов из предстоятелей, проживающих там, и сейидов, приходящих и уходящих.

Жалованье

определенное и постоянное, чтобы его обращали на нужды Убежища для сейидов и службу сейидам выполняли бы согласно условию жертвователя.

Содержание

слугам, поварам и прочим работникам, которые там находятся.

Обсерватория[2]

Добавочные [средства]

на ковры, ткани, стоимость опахал, масла и благовоний.

Содержание

преподавателям наук, му'аййидам, учащимся, кладовщикам,[3] мунаввилям и прочим работникам.

Исправление

и починка приспособлений и часовых приборов в обсерватории и того, что применяют в деле.

Больница[4]

Добавочные [средства]

на ковры, ткани, стоимость опахал, масла, благовоний и гончарной утвари.

Средства

на снадобья, целебные напитки, лекарственные смеси, пластыри, глазные мази, рисовую кашу и печенье,[5] спальные принадлежности и одеяние больных.

Содержание

врачам, глазным лекарям, костоправам, кладовщикам, служителям и прочим работникам.

Обряжение

покойников, которые там умирают.

Книгохранилище[6]

Добавочные [средства]

на ковры, ткани и стоимость опахал.

Средства

на исправление и починку книг и стоимость необходимых книг.

---

1 *дар-ас-сийадат.*
2 *расад.*
3 *хазин.*
4 *дар-аш-шифа.*
5 *мазурат.*
6 *бейт-ал-кутуб.*

Бейт-ал-канун

Добавочные [средства]	*Средства*
на ковры, ткани, стоимость опахал и масла.	на расходы по составлению податной росписи,[1] переписывания и обновления ее.[2]

Управление мутаваллия S610

Содержание одному наибу, для чего имеется постановление.

Крытый водоем[3]

Средства	*Содержание*
на опахала, масло, благовония, умывальные сосуды, медные кувшины и глиняные жбаны, бочки и кувшины.	одному фарашу.

Баня даровая

Средства	*Содержание*
на [набедренные] платки, шайки, гиль, светильники, совки, метлы, дрова и сухую траву для банной печи.	банщикам, цырульникам,[4] хранителям одежды и истопникам.

[Слово][5] о том, что является включенным и входящим в круг упомянутых абваб-ал-бирр

Средства

на трапезу для посторонних[6] у кушка Адилийе. Монгольские и тазикские эмиры и лица, которые прибывают туда, когда совершают поклонение, пусть идут к тому кушку и вкушают эту трапезу там.

Необходимое

для ежедневной трапезы и добавочные [средства] на ковры, ткани, утварь для поварни, средства на шербет-ханэ и стоимость опахал.

Средства

на большую трапезу, которую давали бы ежегодно в тот день, когда жертвователь, 'да отблагодарит господь за его труды', отошел под сень всевышнего бога. Условие заключается в том, чтобы живущие при упомянутой обители, тебризские имамы, знатные люди, нуждающиеся и прочие, которые туда придут, собирались бы вместе, читали от начала до конца Коран, съедали бы трапезу и раздавали в тот день милостыню, которая назначена.

Содержание	*Милостыня*	*Необходимое*
поваров, стольников, кравчих, смотрителей кладовых и прочего звания тамошних работников.	которую раздавали бы в тот день.	для упомянутой трапезы.

Средства

на сласти, которые пусть раздают в вечера под пятницу живущим в мечетях, ханках и медресэ сиротам и прочему люду, кроме того, что назначено отдельно в Высоком гумбаде согласно перечисленному в реестре.

---

[1] *кānӯн.*

[2] В доб. „и жалования писцам, кладовщикам и служащим при набело переписанных листах".

[3] L, I, P, B — доб. „и отхожее место" *(мутавазз̣ā).*

[4] Так в L, I, P, B; S — „нукерам".

[5] См. прим. 2 на стр. 229.

[6] *āш-и бӣрӯнӣ.*

Расходы

на подарки к праздникам и в святые дни и ночи, как-то: ашур, ночь предостережения и прочие.

Школа для сирот

чтобы постоянно обучали сто сирот чтению Корана и воспитывали.

Ежегодный отпуск средств

на содержание и праздничные подарки ста мальчикам. Когда они научатся читать Коран, пусть им выдают праздничное вознаграждение, свершают обрезание и вместо них набирают других.

Стоимость

ста томов Корана, которые пусть каждый год сызнова покупают.

Добавочные [средства]

на ковры и ткани для школы и на то, что применяют в деле.

Содержание

пяти учителям и пяти воспитателям, которые пусть состоят при мальчиках, и пяти женщинам, которые ухаживали бы за ними.

Для нуждающихся

пусть ежегодно покупают и раздают две тысячи овчинных шуб.

Воспитание

детей, которых бросают на улицах. Пусть их подбирают и кормилицам выдают вознаграждение и все необходимое, пока [дети] не достигнут возраста, когда они начнут различать окружающее.

Обряжение

пришлых людей, которые умирают в Тебризе и не оставляют после себя столько имущества, чтобы их можно было похоронить.

Корм

для разных пород птиц. В течение шести зимних месяцев, когда стоит стужа и бывает снег, пусть посыпают на крыши пополам пшеницу и просо, чтобы они клевали. Пусть этих птиц никто не ловит, а кто на них позарится, на того проклятие и гнев всевышнего бога. Мутавалли и проживающие в обители пусть не допускают и препятствуют, а не то они будут грешны.

Для бедных вдов

S607 ежегодно им пусть раздают хлопок, дабы они имели на что обернуться. Пятистам вдовам пусть выдают по четыре мана трепанного хлопка.

Для замены

глиняных жбанов и кувшинов, в которых невольники, невольницы и дети таскают [воду] пусть мутавалли назначит в городе Тебризе смотрителя, чтобы всегда, когда эти люди будут набирать воду и жбан у них разобьется, и они будут бояться [вернуться домой], он, произведя расследование, выдавал бы им [взамен другой].

На

очистку дорог от камней и постройку мостов через оросительные протоки в окружности города Тебриза на расстоянии восьми фарсангов согласно тому, как перечислено в реестре.

Жалованье[1]

наибам и работникам Дивана вакфных имуществ упомянутых абваб-ал-бирр, называемых «государевы вакфы»,[2] согласно условию жертвователя, [кроме находящихся в разных] уездах областей и [разных] местах.

---

[1] *марсумат.*

[2] *авкаф-и хасс.*

Отпуск средств[1]

на поддержание в исправном состоянии Высокого гумбада и благотворительных учреждений, которые находятся по двенадцати сторонам его, и кушка Адилийе, выстроенного Аргун-ханом, согласно записи жертвователя, которая сделана в благословенной жертвенной грамоте.

Отпуск средств

согласно условию жертвователя на поддержание в исправном состоянии и на уход за вакфами и богоугодными учреждениями, вроде: поместий, земельных участков и недвижимого имущества,[2] которые принадлежат упомянутым абваб-ал-бирр, где бы они ни находились, во всех областях владений.

Поскольку державный помысел признал необходимым, чтобы от этих благих деяний и абваб-ал-бирр получили пользу побольше людей [всяких] разрядов, то он и предначертал, согласно изложенному. Из того, что во владениях ему принадлежало по закону и составляло его бесспорное имущество,[3] он произвел пожертвования в вакф таким образом, что ни у одного порицателя не может быть на них возражения. Все муфтии, заслуживающие доверия крупные ученые и мусульманские казии издали фетву об их правильности и вынесли [утвердительный] приговор. [Государь] приказал, чтобы изготовили семь списков с жертвенной грамоты и все их заверили, дабы один находился в руках мутаваллия, один хранили при священной ка'абе, один в Доме суда[4] стольного города Тебриза, один в Доме суда города мира Багдада, один...,[5] один...[5] и один...[5] Через определенные отрезки времени казии Багдада и Тебриза возобновляли бы [свои] свидетельства о них, и каждый казий, который вступает в свою должность, садясь судить, прежде свидетельствовал бы их правильность в законном порядке. [Государь] повелел, чтобы в этих упомянутых выше абваб-ал-бирр поселились на жительство самые ученые и самые совершенные люди своего времени и постоянно находились бы там. В Хамаданской области, в округе Сефидкуха, в деревне Бузинджирд он выстроил замечательный ханках, пожертвовал там в вакф множество поместий,[6] и уходящий и приходящий обрели покой от этого доброго деяния, как все воочию видят.

Далее. В каждой области, куда он приезжал, и всегда, когда он ради какого-нибудь дела или обстоятельства скрывал в чертоге всевышнего бога надежду, тайну или мольбу, он давал обет, обязывался раздать милостыню и все выполнял. Когда он разбил мисрское войско и в Дамаске воссел на престол царства, он выполнил несколько обетов, которые он дал во время того похода, частью в этих владениях, частью в тех. Один из них [состоял в приношении] золотых лампад, тканей и ковров для усыпальницы Сейфаллаха Халида ибн ал-Валида, да будет им доволен бог, в окрестностях которой произошла битва. Передача там на месте и состоялась. Еще он дал обет, что пожертвует в вакф несколько деревень в уездах Дамаска для Иерусалима и гробницы Авраама, друга божия, 'да будут над ним молитвы божии'. Он также дал обет: поскольку-де уже несколько времени, как государи Мисра и Сирии расходуют на нужды войска и дивана [средства], пожертвованные в вакф для Мекки и Медины[7] и на паломников, и считают такое дело дозво[н]

---

1 *ваджх.*
2 *эмйа' ва 'акар ва мустагаллат.*
3 *милк-и тилк.*
4 *дар-ал-кэза.*
5 Пропуск в рукописях с оставлением пробела.
6 *амлак.*
7 *харамайн.*

ным [на основании] разъяснительной фетвы, [тогда как] в действительности оно недопустимо, и поскольку всевышний бог пожаловал мне это царство, то пусть эти вакфы и пожертвования на добрые дела полностью расходуют по своему назначению и отнюдь не тратят на войско и диван. [Государь] сказал: „Эта страна теперь находится в моем владении. S612 Когда мы повернем обратно, мы все войско оставим для охраны. То доброе дело, которое мы задумали, надобно осуществить". И он издал жертвенную грамоту об этих абваб-ал-бирр. В этих владениях он дал обет раздавать двадцать туманов денег из доходов с [поместий] инджу в его владениях в виде вспомоществования, вакфа, милостыни и наград эмирам, простым людям и благородным, богатым и бедным, и войску, которые каждый год собираются на курултай. Когда он вернулся обратно, он этот обет исполнил. Каждому разряду людей в отдельности, согласно их достоинству, он пожаловал пояса с золотым набором и простые и разнообразные одежды, а двадцать туманов денег, которые он обещал в виде вспомоществования и милостыни, ныне в каждой области определены и установлены [и] из года в год распределяются. Кроме того, он постановил, чтобы из всех средств, которые поступают в казну, выделяли из десяти динаров один динар, из десяти штук одежд — одну одежду и десятую часть прочих припасов и сдавали бы их дворецкому,[1] который по этому делу назначен, чтобы хранить эти средства. Их постоянно раздают беднякам и нуждающимся, а ненуждающимся из них ничего не дают, а отпускают из основного казнохранилища. По этой причине во все благословенные мазары посылают занавесы, подсвечники и лампады. [Государь] постоянно втайне обращается к всевышнему богу с просьбами и наверное знает, что вследствие добрых деяний, милостынь и обетов, его нужды безоговорочно будут услышаны чертогом [божиим], исполнены, и награда за них не пропадет. Нет сомнения, что ни в одну пору никто не видел ни от одного властелина столько добрых дел, благих начинаний, наград, жалований и непрестанных милостыней. Да удостоит всевеликий и всеславный бог этого справедливого и щедрого государя своей помощью в многочисленных добрых делах и благословит и воздаст за них [еще] в его державные дни.

Рассказ четырнадцатый. Об устранении мошенничества и неосновательных исков и об устранении вероломства [со стороны] получивших ссуду без залога и должников

Государь ислама, 'да продлится навеки его владычество', из совершенного правосудия устранил всякого рода мошенничество и необоснованные иски и воспретил казиям и хатибам, которые не являются знатоками в законоведении, писать кабалэ и васикэ и приказал всем казиям писать кабалэ по одному способу, так чтобы совокупность относящихся к мусульманскому закону тонкостей была бы соблюдена, чтобы врата споров между людьми оставались заперты. Поскольку изъяснение этих дел написано в постановлениях и руководствах, то приводятся формы этих указов, чтобы стало известно, и речь не повторялась. Постановления и руководства эти следующие:

Указ о пожаловании достоинства казия, который дают казиям.
Указ о том, чтобы не разбирать иски тридцатилетней давности.
Указ о доказательстве [права] собственности продавца до продажи.

---

[1] *хваджэ-и сарай.*

Указ о подтверждении прежних постановлений и изданий в развитие их дополнительных правил.

Руководство [для составления] васикэ, с которым согласились все современные имамы.

Списки каждого из упомянутых постановлений таковы, как они ниже приводятся.

Список

с [формы] указа о пожаловании достоинства казия

Во имя бога милостивого, милосердного [во имя] могущества всевышнего господа и благоденствия мухаммеданской общины

Фирман султана Махмуд-Газана

Да ведают баскак, мелик и лица, которые правят от нашего имени в таком-то владении, что такому-то мы пожаловали должность казия того владения и подчиненных ему местностей, дабы каждый случай, дело и важное обстоятельство, которое в этом владении имеет отношение к шар'у, докладывали бы ему, и он разрешал бы их и выносил окончательный приговор и тщательно оберегал бы имущество сирот и лиц, находящихся в отсутствии. И чтобы ни один человек, кроме него, кто бы он ни был, не вмешивался в его дела, чтобы ни одна душа не освобождала узника, которого он приговорит по закону к тюремному заключению, а люди, которые приставлены к большим и малым делам, имеющим отношение к шар'у, не поступали бы наперекор ему. Поскольку постановление великого указа Чингиз-хана таково, чтобы казии, ученые и потомки Али не давали калана и копчура, то [и] мы повелели, чтобы на основании этого решения они были свободны от повинностей, и с них не взимали бы денежного налога[1] и копчура, не брали с них перевозочных средств[2] и кормового довольствия[3] и в их дома не ставили на постой проезжих и гонцов. Вспомоществование ему [казию] из года в год платили бы без изъяна, как вошло в наказы[4] и реестры. Мы повелели, чтобы воевода владения наказывал всякого, кто пред лицом казия будет вести грубые речи, отвечать [непочтительно] и умалять его достоинство. Ни одна душа чтобы не приглашала к себе другого казия. Казий же, когда вынесет окончательный приговор по относящемуся к шариату делу, на основании того, что он дал судебное решение и письменное свидетельство,[5] пусть ни от кого ничего не взимает. Если он будет писать новое судебное решение, то согласно постановлению указа, [который] мы издали отдельно, пусть старые судебные решения представит к «чаше правосудия»[6], окунет в нее и смоет. Иски, которые не предъявляли в течение тридцати лет и старые судебные решения, вынесенные более тридцати лет тому назад, не разбирал бы, согласно постановлению указа и правил, которые мы по этому поводу издали отдельно. Если к нему принесут такие старые кабалэ, то пусть он не дает [их] противникам и тяжущимся, а смоет в «чаше правосудия». А еще не разбирал бы он иски по принуждению. Тому человеку, который свершит принуждение, пусть сбреют бороду, посадят его на вола, водят по городу и подвергнут строгому телесному наказанию. После этого пусть не пишут челобитную, а если напишут, то пусть [ее] не разбирают. S609

Далее, если два тяжущихся, которые идут к казию, придут под чьим-либо покровительством или приведут в Дом суда насильников, чтобы они им оказывали помощь, то казий должен не разбирать дела и иска до тех пор, пока они не выйдут из Дома суда и, разумеется, пока присутствуют покровители, [казий не должен] в их присутствии вести судебный допрос.

Далее, [в отношении] тяжб между двумя монголами или между монголом и мусульманином и [в отношении] других случаев, разрешить которые трудно, мы повелели, чтобы ежемесячно два раза в соборной мечети собирались на судебное разбирательство воеводы, мелики, битикчии, казии, потомки Али и ученые, сообща выслушивали бы иски и, установив по ним вину, разрешали бы [их] на основании постановлений шариата, писали бы записки и, составив судебный протокол, свидетельствовали бы его своими подписями, чтобы впоследствии ни у одной души не нашлось возможности порицать [решение] и [никто] не мог бы [его] объявить недействительным.

---

[1] *мāл.*
[2] *ӯлāг.*
[3] *шӯсӯн.*
[4] *му'āмарāт.*
[5] *мучилэ.*
[6] *тāс-и 'адл.* См. ниже, стр. 239.

Далее, [по поводу] имущества, о котором идут переговоры и тяжба или налицо вымогательство,[1] пусть матери, невестки,[2] жены, сыновья, дочери, зятья, эмиры, темники, тысячники, сотники и десятники, многие монголы, битикчии Большого дивана, казии, потомки Али, ученые, шейхи и раисы не вмешиваются и [этого имущества] не покупают. На основании постановления указа, который мы издали, этот казий такой-то пусть остерегается писать кабалэ на имя упомянутых лиц по какому-либо спорному имуществу и [спорной сделке], а если он увидит, что пишет другой, то пусть воспрепятствует.

Далее, махр,[3] взимаемый, согласно постановлениям указа, который мы до этого издали, [равен] девятнадцати с половиной динаров. Больше этого чтобы не брали.

Еще о владениях, которые подчиняются [такому-то городу] и подсудны ему. В такие местности, которые отдалены от города и стоят того, чтобы назначили [туда] казия, пусть назначают надежных казиев и, согласно вышесказанному, отбирают от [них] подписку.[4] Каждый месяц пусть [главный казий области] проверяет их работу, дабы согласно тому, как мы постановили, он соблюдал шариат и правду и не относился бы к этому беззаботно. Пусть он дает им разрешение писать кабалэ и выносить законные по шариату приговоры, а они каждый месяц посылали бы ему списки [с ре-
L694ab шений]. Казии, назначенные в волости и деревни[5] не должны разбирать иски и судебные дела, выносить приговоры и свидетельствовать законность владения земельной недвижимостью. Кроме чтения хутбы и составления долговых обязательств и удостоверений, они ничего другого не писали бы. Если случится трудное судебное дело и большой иск, пусть едут в город и докладывают казию города, чтобы он вынес окончательное решение. Еще надобно, чтобы он [казий] назначил одного надежного и набожного человека, чтобы он записывал даты решений и вел бы журнал, да следил бы внимательно.[6] Если же кто-либо свершит подобное [преступление], то тому человеку пусть сбреют бороду и водят по городу. А если регистратор кое о чем из этих дел дознается, но скроет и утаит, то он преступник и подлежит смертной казни. Написан такого-то числа. Аминь.

Список

с [формы] указа о том, чтобы не разбирали иски тридцатилетней давности, с оговорками, которые [для сего] установлены

Во имя бога милостивого, милосердного, [во имя] могущества всевышнего господа и благоденствия мухаммеданской общины

Фирман султана Махмуд-Газана

Да ведают казии владений, что все наши помыслы обращены и направлены к тому, чтобы среди людей уничтожить несправедливость, насилие, притеснение и неосновательные иски и вымогательство,[1] дабы мир и миряне проживали в душевном спокойствии, знаки правосудия дошли бы и объяли людей избранных и простой народ, дальних и ближних, предметы несогласия и спора исчезли бы из среды человеческого общества, права укрепились бы за теми, кому они положены, а ворота обмана, принуждения и коварства совершенно закрылись. По этой причине мы неоднократно посылали указы к обществу казиев и ученых богословов, которые вершат дела, относящиеся к шар'у, и исправляют должности, [связанные] с вероисповеданием, дабы они разрешали тяжбы и пресекали распри между всеми людьми таким образом, чтобы было сообразно с основами шариата, согласно законам правосудия и свободно от пятен обмана, лицемерия и [личной] склонности, и относились бы с особым вниманием к делам о ложных челобитных и поддельных обязательствах, вникали в суть дела, а если внешняя сторона тех документов имеет признаки давности времени, то ни на минуту не пренебрегали бы условиями и обычаями осмотрительности из доверия к предшествовавшим казиям и хакимам. Всякие обманщики и мошенники, руководствуясь судебными актами, которых они в течение тридцати лет не оспаривали, отдаются под покровительство сильных и опорачивают и причиняют изъян правам людей на [их] имущество, да доставляют неприятность народу, а казии, как должно, не могут этого поправить. До этого, во времена минувших государей, в многочисленных указах[7] и ярлыках уже

---

[1] *танāкиḍ*.
[2] *бāраган*.
[3] *махр-кāбин*. См. ниже, рассказ 28.
[4] *худжджат баз гāранд*.
[5] Отсюда до S 611 перевод сделан по L, ввиду отсутствия этого отрывка в S.
[6] P, B — доб. „если кто-либо продаст имение или заложит [его, а потом] в другой раз его продаст или заложит, то чтобы это было выявлено".
[7] Так в P, B; в L, I — „во всех веках"

помянули, чтобы иски тридцатилетней давности не разбирали, но до сей поры как было должно, в суть дела еще не вникли и всех мер не приняли. В настоящее время мы соизволили навести справки у мусульманских казиев по этому делу, и они по правде нам доложили. Поскольку мы пожелали утвердить это дело как со стороны истцов, так и со стороны казиев, дабы никто не мог настаивать на ложном и не мог руководствоваться старыми тридцатилетней давности документами о судебных актах,[1] мы повелели, чтобы судебные акты, соответствующие шар'у и истине, брали у мусульманских казиев. Дабы никто не взирал на лица, а люди могущественные не могли бы их [мошенников] понуждать, чтобы они неправильным путем и незаконно подавали прошения и не могли бы причинять беспокойства казиям и имамам, мы повелели покойному гератскому казию, сейиду Фахр-ад-дину, чтобы он составил черновик формы подписки.[1] Она [форма] написана на обороте [настоящего] указа, чтобы с них [казиев] брали подписку по этой самой форме, не добавляя лишнего и не сокращая, и представляли в казну, а настоящий указ и форма подписки, которая написана на обороте его, пусть будет при казиях, чтобы для знатных людей и простого народа было доказательство..,[2] чтобы боялись, а люди могущественные по этой причине не могли их понудить и они бросили бы неосновательные иски и вымогательство. Вокруг всего того, что вне настоящего постановления и подписки, [написанной] на обороте, пусть казии не вращаются, а если они поступят наперекор, то да будут они отставлены от должности казия и виновными до тех пор, пока не познают правду. Никаких извинений от них мы не примем. А если могущественный человек будет их понуждать, настаивать и не внимать тому, что написано на обороте документа, то чтобы они приговора не выносили, а записывали имена таких лиц и присылали в наше присутствие, дабы мы, обвинив тех лиц, так распорядились,[3] чтобы они послужили примером живущим на свете. S611

Написан 3 числа месяца раджаб-ал-асамма лета 699 [25 III 1300] в месте Кушаф.[4]

Список

с [формы] подписки, которая была написана на обороте упомянутого выше указа

Поскольку высокий помысел и прекрасное мнение государя мира и мирян, царя царей ислама и мусульман, отмеченного милостью милосердного, Газан-хана, 'да не прекратится его держава, существуя навеки, ширясь и не достигая предела', от начала появления державы ограничены и обращены, а бразды его благоволения и благосклонности придержаны и направлены к тому, чтобы в пору [его] державы и во время его царства и могущества мир и миряне проживали со спокойной душой, и знаки совершенства его правосудия и замыслов и изобилие его благосклонности и милосердия объяли людей именитых и простой народ, дальних и ближних, турок и тазиков, и чтобы предметы несогласия и спора во всех взаимных сношениях застыли и исчезли, права укрепились за теми, кому они положены, а ворота обмана, коварства и хитрости закрылись бы совершенно, то по этой причине в содержании державных указов и в благословенных ал-тамгах, 'да не прекратится сила их действия на Востоке земли и на Западе ее', к обществу казиев и ученых богословов, которые вершат дела, относящиеся к шар'у и исправляют должности, [связанные] с вероисповеданием, была обращена речь, чтобы они разрешали тяжбы и пресекали распри между всеми людьми таким образом, чтобы было сообразно с основами шариата и согласно законам правосудия и справедливости и могло бы быть свято хранимо и свободно от пятен обмана, искажения истины, хитросплетений [по личной] склонности и лицемерия. Между прочим, также чтобы они относились с особым вниманием к неосновательным челобитным[5] и поддельным судебным актам и протоколам,[6] разоблачали бы их и по мере сил и возможности проникали бы в суть дела. А если по внешнему виду те судебные акты имеют признаки давности времени, то из доброго мнения о предшествовавших казиях и хакимах ни на минуту не пренебрегали бы условиями и обычаями осмотрительности, проверки и расследования и [таким документам] не доверяли. Ибо часто случается, что человек имеет какое-нибудь имущество,[7] которое он [сам] создал и произвел, или [которое] ему досталось от другого, и на его собственность и права написаны правовые грамоты и судебные акты [на основании] шар'а и подтверждены и засвидетельствованы по постановлению судящих по шар'у казиев и хакимов. Через продолжительное время то имущество по какому-нибудь законному для отчуждения поводу от него

---

[1] *худжджат* = доказательство, свидетельство, подписка, судебный акт.
[2] Далее в рукописи следует пропуск с оставлением пробела.
[3] P, B — доб. „о наказании их".
[4] I, P, B — доб. „в пределах Мавсиля".
[5] *махāзир-и* [*ед. ч. махзар*] *музаввар.*
[6] *сукūк ва сиджиллāт-и мумаввах.*
[7] *милк.*

передается постороннему человеку, а от того постороннего другому и, так далее, а те судебные акты остаются в доме первого владельца и переходят в руки нескольких наследников. После долгого времени и завершенного срока один из ищущих удобного случая наследников извлекает те судебные акты и ссылается на них, что-де в такую-то пору [это имущество] было собственностью моего деда, а ныне оно по закону наследования причитается мне. Некоторые люди, стремясь показать себя любезнее других, свидетельствуют правильность его прав по наследству, и между ними затягиваются споры и переговоры, а в некоторых областях некоторые из казиев, не твердые в благочестии и богобоязненности, в науке фикха и в фетве и не имеющие полноты должного веса, не вникая в суть дела, не различая правды от неправды, возможно, вынесут такой приговор, который повлечет за собою отнятие прав у людей, имеющих их. На основании этих предпосылок до этого бывшие цари и предшествующие халифы, 'да оросит господь их прах и да сделает рай их обителью', постановили, остерегаясь возможности подобных [явлений], чтобы после тридцати лет, называемых в обычном праве[1] «веком»,
S616 иски в имениях и вещах не разбирались и им не придавали значения, а по ложным и поддельным челобитным и судебным актам приговоры не выносили до принятия мер предосторожности и проверки. После них эти постановления были подтверждены указом великого ильхана Аргун-хана. Когда по этому поводу обратились к мнениям имамов и высшим по знаниям ученых богословов, то выяснилось то, что малое и великое общество позднейших имамов и ученых богословов оказались согласны и сходились на том, что если два человека находятся в одной местности и один из них является владельцем определенного имения и в той местности есть справедливый хаким и казий, выносящий непреложные приговоры, и с внешней стороны не существует никаких других препятствий и помех для иска и заявления [своих] прав, и пройдет тридцать полных лет, а один из них не предъявит иска к другому, который является неограниченным распорядителем и владельцем, то после этого [срока] он не может предъявлять иска, а казий пусть такой иск не разбирает и не одобряет и [на него] внимания не обращает.

И вот я, такой-то, казий и судящий по шар'у в такой-то местности, дал настоящую подписку и согласился, что от сего числа впредь буду исполнять все, что написано в этой грамоте и в разборе тяжб, вынесении приговоров и пресечении вражды не буду преступать и отклоняться от того, что сообразно с мухаммеданским законом и по мере сил и возможности буду до крайних пределов стараться вписывать в реестры и улаживать тяжбы и проверять и расследовать судебные документы и законные правовые грамоты, а всякий иск, который предъявляют через тридцать лет, я, в силу упомянутых выше предписаний, разбирать не буду и не буду оказывать [ему] внимания и придавать ему законной силы, а если я поступлю наперекор одному из этих пунктов, то буду достоин наказания и исправления и заслужу побои и отставку от должности. Во всем этом я взял в свидетели общество людей надежных и верных. Сие [написано] такого-то числа.

Список

с [формы] указа об установлении права собственности[2] продавца до продажи

Во имя бога милостивого, милосердного, [во имя] могущества всевышнего господа и благоденствия мухаммеданской общины

Фирман султана Махмуд-Газана

Да ведают баскаки, мелики, казии, наибы, имамы, именитые и почтенные люди, старосты и община ра'иятов в областях, что согласно тексту 'Подлинно, о Давид, мы сделали тебя наместником на земле, так твори же суд между людьми по справедливости' и [согласно] изречению избранника, 'да будут над ним благословения милосердного' [бога], что 'правосудие в течение часа лучше, чем моление богу в течение сорока лет', все наши царские высокие помыслы, намерения и взоры обращены к благоденствию всего народа и мы желаем того, чтобы справедливость и правосудие наши распространились по свету, и ни один сильный человек не мог бы обижать и беспокоить слабого, чтобы коварством и всякого рода обманными действиями и толкованиями ни у одного человека, имеющего [на что-либо право] это право не теряло силы, и разного рода споры между людьми были бы устранены. Когда мы размышляли над устроением, упорядочением и основными правилами разных дел, то из совокупности главной части дел и разного рода споров и распрей между мирянами, одним [делом оказался] неосновательный иск по причине старых кабал, документов[3] и * повторных грамот на бесспорное право владения,[4] которые остаются в руках разных лиц. Происходит это так. Какой-

[1] *'урф.*
[2] *милкиййат.*
[3] *сукук.*
*[4] *сарих-ал-милк-и мукаррар.*

нибудь человек имеет имение[1] и ради своей надобности кабалэ на него выправляет в двух списках, или если он имеет много имений, то изготовив грамоты на бесспорное владение, опять таки выправляет [их] в двух списках. Возможно, что потом между наследниками этого человека происходит раздел,[2] и те имения путем купли-продажи и передачи [прав на владение] переходят к разным людям. Затем проходит [долгое] время, а все те кабалэ, документы и грамоты на бесспорное владение или часть из них остаются в руках продавца или его наследников. Через некоторый срок продавец вероломным путем предъявляет иск. Без сомнения он долгое время обдумывает, каким образом ему вчинить иск и каким образом ему подстрекнуть свидетелей, чтобы [иск] был подтвержден. В этом отношении он становится искусен и настойчив, пускает в ход тысячи уловок и хитростей, а также, быть может, опутывает свидетелей и отводит им глаза, или же сам делает свидетелями шайку вероломных и нечестивых людей. Если даже [сам] продавец такого иска не вчинит, то его наследники найдут в его доме те документы и либо признают верным, что [имение] передано, либо не признают и вчинят иск, сообразно тому, как было упомянуто. Без сомнения, когда представят казию подлежащие суду заверенные кабалэ с живыми свидетелями и докажут их, то казий будет судить, [считая] их правильными, ибо почем он знает, что [имение] законным образом перешло к другому, и известно, что казий не может возразить при двух свидетелях, когда несколько предшествовавших, почтенных и известных казиев заверили те документы. Неопороченные свидетели вышеуказанного лица, живые, присутствующие и незнающие того, что впоследствии произошла купля-продажа и имение перешло к другому, а размноженные или неразмноженные документы остались у продавца, и он не вручил их покупателю, по необходимости дают показания, казий же заносит их в протокол и выносит приговор, [считая] их правильными. Истец же идет и с помощью могущественных людей овладевает [имением] согласно кабалэ, которая снова была предметом суда и заверена [казием], или же продает [имение] могущественным людям, а покупатель по этой причине терпит убыток, и спор и распря между ними затягиваются. И вот, поскольку документы и собственность подтверждаются неопороченными свидетелями и * владение на правах собственности[3] в шар'е имеет полную силу, а документов вроде размноженных и недействительных на руках у разных людей имеется множество, то полагаться на них становится сомнительным и неопределенным. Так как некоторые дурные люди склонны к обманам и занимаются ими, то наилучший способ заключается в том, чтобы во время купли-продажи имений продавец и покупатель являлись к казию и представляли неопороченных свидетелей с имеющимися документами, и продавец доказывал бы свое право на собственность посредством неопороченных, оправдывающих [его] свидетелей, дающих показания, что то-де имение принадлежит продавцу, находится в его владении и ни от кого мы не слышали и не знаем законных к нему претензий. Документы те пусть вымоют в воде. Если же он не имеет документов, а свидетели свидетельствуют согласно упомянутому выше и обстоятельно рассказывают, что его достояние издавна или с недавних пор находилось в его владении и продавец подтверждает, что документов на него не имеет, — а если таковые появятся, то будут недействительными, — тогда пусть он его [т. е. право] на собственность изложит письменно, а свидетели напишут показания, казий же пусть их заверит и вынесет приговор, [считая] их правильными. Затем пусть напишут под этим доказательством собственности акт купли-продажи.[4] Если же [продавец] признается в отношении кого-либо в законной передаче [имения], то пусть поступают таким же образом. Если на это имение в руках продавца, или его детей и родственников, или других лиц, кто бы они ни были, окажутся какие-либо документы или грамоты на бесспорное владение или акты о разделе,[5] то ни один казий из казиев ислама пусть не придает им законной силы и, как только увидит, пусть отнимет их принуждением и грубой силой и вымоет, а если у него окажутся сильные люди или некоторые будут [ему] покровительствовать и не слушать слов казиев, то пусть они скажут воеводе того города, чтобы он отнял [документы] грубой силой и понуждением и вымыл бы их в Доме суда. Если же они совершат преступление, то будут виноваты. Надобно, чтобы лица, которые пишут судебные акты и кабалэ купли-продажи были писцами Дома суда, а другие не писали бы. Непременно нужно, чтобы казий, когда садится судить в Доме суда, ставил на курси чашу, полную воды, которую мы назвали «чашей правосудия». Пусть [казии] требуют документы к каждой купле-продаже и претензии, которые совершаются, и смывают их в воде. Если продавец из своего бесспорного имения часть продаст, а часть останется его собственностью, то количество, которое он продаст, пусть в присутствии казиев и надежных свидетелей запишут на обороте документа, что из этого-де имения, которое упоминается в документе, это количество

S613

---

[1] *милк.*
[2] *мукāсамэ.*
*[3] *тасарруф-и мāликāнэ.*
[4] *ҳуджджат-и мубāйа'ат.*
[5] *мукāсамэ-нāмэ.*

такого-то числа продано такому-то лицу, чтобы этот документ постоянно находился в руках продавца. В документе же покупателя пусть напишет, что у продавца имения было столько-то и что он из этого количества столько-то продал этому лицу и столько-то еще является его собственностью. Таким образом, в руках продавца остается несмытый документ. Если [теперь] кто-либо в отношении купли-продажи или залога будет давать свидетельские показания и писать, и это свидетельство будет [даваться] тогда, когда другой предъявляет иск к покупателю или принявшему, то [дела] пусть больше не разбирают, а сбреют ему бороду, посадят на осла и водят по городу. Если
S618 же кто-либо продаст другому имение, которое прежде заложил, или отказал кому-нибудь другому, или продал, и это дело имеет вид ложной продажи[1] или признания чужого права над своим,[2] то [его] пусть не разбирают, а сбреют истцу бороду, посадят на осла и водят по городу. Если же кто-нибудь продаст или заложит другому имение, и [потом] то же лицо вторично продаст или заложит [имение] другому, и это станет известно и будет установлено, то таких людей пусть предают казни.

Еще мы повелели. Казии за заверение документов и разрешение тяжб по установленному обычаю пусть не ожидают и не взимают ни одного данека, а довольствуются той пошлиной,[3] которую мы повелели [установить]. Писцы, составляющие судебные акты, за каждый документ в сумме ста динаров пусть взимают один дирхем, а за те, которые свыше ста динаров, пусть взимают один динар и лишнего не берут вовсе. Мудаббир, который приглашает свидетелей, за каждый полностью засвидетельствованный документ пусть взимает полдинара, находящегося в обращении, и сколько бы тот же самый иск не был повторен, пусть довольствуется той же самой суммой. Каждого поверенного, который возьмет что-либо с обеих сторон, пусть подвергнут телесному наказанию, сбреют ему бороду и отставят от должности поверенного.

Далее, по поводу исков тридцатилетней давности мы написали отдельный фирман и определили для них правила, — пусть поступают соответственно им. Каждый казий, который поступит против этого указа и наших постановлений, которые мы написали, будет подвергнут преследованию и отрешен от должности казия. Мы повелели, чтобы во всех владениях баскаки и мелики каждого города созвали тамошних казиев и отобрали с них и прислали [сюда] подписку по этому случаю, согласно той форме, которую мы, выработав, разослали. Теперь надобно, чтобы такие-то созвали тамошних казиев и согласно форме, которая послана, взяли с них подписку и прислали в сопровождении этого гонца. Написан в таком-то месяце такого-то года. Аминь.

Список

с [формы] указа о подтверждении предшествующих постановлений и введении дополнительных правил

Во имя бога милостивого, милосердного [во имя] могущества всевышнего господа и благоденствия мухаммеданской общины

Фирман султана Махмуд-Газана

Да ведают казии [наших] владений, что поскольку мы знаем, что устойчивость положения мира и мирян зависит от порядка дел шар'а, то мы раньше по поводу исправления изъянов, которые случаются при разрешении судебных дел, разослали указ во все стороны и направления владений, от реки Амуйе до границ Мисра, и приказали казиям не спешить и быть очень осмотрительными при проверке и подробном рассмотрении судебных актов, обратили их внимание на соблюдение нужных мероприятий и правил, которые необходимы при исследовании состояния челобитных, судебных документов, правовых грамот и актов, предостерегли их от производства дел, в которых имеется примесь обмана, подделки, ложной продажи, передоверивания[4] и прочих видов ухищрений, вразумили им необходимость не придавать значения давности судебных документов или приговорам предшествующих казиев, ибо возможно, что они не свободны от послаблений или поблажек, обязали их блюсти предписания и тонкости, которые могут быть необходимы для беспорочности веры, спасения загробной жизни и сохранения доброго имени, чтобы во всех владениях ежемесячно один раз читали их в присутствии свидетелей, дабы они при помощи повторения укрепились и стали привычными в умах [людей] и предъявляющие необоснованные иски в душе своей побаивались и вступали бы на правильный путь, а у людей сильных тоже не оставалось бы большого желания обязывать казия выносить приговор, лежащий вне пути справедливости, в особенности тогда, когда мы подтвердили постановление и повелели, чтобы

---

[1] *талджи'ат.*
[2] *икра̄р.*
[3] *марсӯм.*
[4] *тафвӣз.*

от всех казиев отобрали подписку, что впредь они, не взирая на лица, не будут блюсти ничьей стороны, кроме божеской стороны, и из крайних сил будут стараться в улаживании тяжб и проверке судебных документов и правовых грамот, дабы избавиться от соблазна, обмана и плутовства, [что] они никогда не будут разбирать дела и выносить приговор, если будут предъявлять иски, которые не были предъявлены в течение тридцати лет, несмотря на то, что истец мог это сделать, и препятствий не было, ибо зло от таких исков явно и разбирать их предосудительно. S615

Сельджукские султаны еще раньше напали на эти дела и с помощью рвения современных им имамов запретили слушание их. Затем имамы, казии и мусульманские ученые богословы самостоятельно написали письма и подтвердили это постановление, и списки с него распространены повсюду. По этому поводу выходили также указы наших предков, а настоящий указ издается в двух целях. Во-первых, для подтверждения тех постановлений, дабы всем была доказана сила внимания, ума и забот наших и иезыблемости дел веры, дабы в людях исчезла мерзость пренебрежительного отношения и лени в делах шар'а и вместо этого получили силу добродетель, непреклонность и постоянство, и они доподлинно знали бы, что со всяким, кто от них отступит, будет поступлено так же, как с казием Ардебиля, которого, поскольку он не воздерживался от производства обманных и мошеннических дел, казнили смертью ужаснейшим образом и в позорнейшем виде.

Далее, поскольку наш ум постоянно увлечен укреплением и приведением в порядок дел мирян и обращен к приобретению и пополнению средств для сего, мы пожелали к предыдущим постановлениям присовокупить еще несколько необходимых соображений, получившихся от врожденного свойства здравого разума и следования законам шар'а, и вразумить казиям [наших] владений необходимость им подчиняться, дабы они следовали им и их не преступали. Во-первых, подтверждение осторожности при разборе свидетельских показаний, в которых содержится суть большей части судебных дел, ибо стало известно, что казии допускают небрежность в этом отношении и не стараются [показания] проверить, выносят на [основании] их приговоры, без того чтобы внутри них [казиев] вселились спокойствие и уверенность или победило мнение о точности и правоте [показаний]. Они придерживаются того [положения], что казий бессилен возразить двум свидетелям и не боятся беды от этой беспечности. Случается, что судебное дело само по себе важное, а они, не зная истинного положения вещей и не принимая мер предосторожности, выносят по нему решение, и некое число людей, ищущих помощи, имущих, таким образом истребляется, и самый смысл [дела] для них пропадает, хотя они [казии] законное доказательство и поставили в зависимость от двух свидетелей, [и следовательно] связали [его] с законом правосудия. Правосудие же — дело великое, которое проявляется только в единичных людях и то редко, а большей частью людьми владеют страсти. Судья должен постоянно думать, что, быть может, свидетельство Зейда или Амра не лишено страстного желания и мечтаний одной стороны [тяжущихся], или попечения другой стороны. Не следует прельщаться только тем, что свидетель проявляет качества и свойства благородного человека и украшает свою внешность или [свой] слог речи, а нужно для уловления истинного положения и для извлечения наружу скрытого [смысла] дела остроумно поразмыслить, ясно рассудить и направить все свое внимание к тому, чтобы подробности обстоятельств прояснились, а сомнения и затруднения исчезли.

Мудрость господня, 'да возвеличится имя его', при наделении [человеческих] тварей познавательными способностями сделала неизбежным, чтобы они утаивали внутри себя ложь, [однако] признаки ее обнаруживаются из смысла слов говорящего, как [об этом] изрек повелитель верующих, 'да будет над ним мир': «Все, что у людей имеется на сердце, становится явным через проговаривание». Следовательно, каждый, кто с верным умом приступит к исследованию внутреннего мира человека, может его постигнуть по его речам. На основании этих предпосылок мы повелели, чтобы при выслушивании всякого свидетельства, на счет согласия с которым в уме найдутся опасения, принимали бы меры предосторожности и каждого из свидетелей допрашивали бы отдельно, дабы выявилась разница в их словах, ибо разница в словах есть то, за что ухватываются в расследовании обстоятельств. Да каждого [свидетеля] чтобы допрашивали в нескольких заседаниях и раскрывали дела из добавлений [свидетелем новых] слов, да основывались бы на важных соображениях, помогающих при допросе, как-то: противоречия во времени, месте, количестве и качестве обстоятельств судебного дела и на остроумных вопросах, которые вставляются при расследовании таких дел, чтобы от этих стараний получилось одно из двух искомых — либо достоверность, на [основании] которой можно вынести приговор, ибо на нее следует положиться, либо сомнительность, которая становится поводом для колебаний и средством спасения от возможности попасть в пучину неправильного решения. Поскольку большая часть изъянов, которая случается в судебных делах, происходит от оправдания [истца] со стороны оправдывающих свидетелей, которые сами по себе не являются оправдывающими, то в этой части нужно проявлять много осторожности и считать обязательным для руководства обращаться к разделу, который написан особо по поводу оправдания [истца] свидетелями. S620

Далее, пусть не спеша и обдуманно действуют в отношении судебных документов, к которым прикладывают печать, потому что в этой части случается много ошибок. Большая часть [людей], имеющих судебные дела, которые приводятся в исполнение в местах и краях их [жительства], доказывают дела эти у казиев других областей, и по той причине, что предметы и обстоятельства таких судебных дел узнаются в чужом краю, правильность или порочность их остается скрытой для тех казиев, они без расследования прилагают печать и отсылают к другим казиям, чтобы они разрешили вопрос. [Те] выносят приговор, [считая содержание] тех документов доказанным, и ложь получает обращение в облике правды. Способ избавиться от этой беды заключается в том, чтобы казии до тех пор, пока не будут оповещены об истинной сути обстоятельств судебного дела и необходимости предъявления [документов] в чужом краю и [пока] не разузнают всего, документы эти не удостоверяли и печати [на них] не проставляли, а тот, кто разрешает дело, пока не узнает причину необходимости их удостоверения у того казия, который приложил [к ним] печать, и [пока] не представит себе в отношении его правды, разрешать дела и выносить приговор не торопился бы.

Далее, [пусть соблюдают] осторожность в делах, связаниых с написанием документов, правовых грамот, разного рода записок и судебных решений и удостоверений, ибо большая часть дел, которые пишут, не лишена изъянов, а также случается, что заражение этой пагубой кончается удостоверением лжи и признанием правды ложью. Этот вред происходит от невежества пишущих, от требуемых условий и правил писания или от личного усмотрения и блюдения выгод одной из сторон. Поскольку в этом отношении тоже было необходимо полное исправление, мы повелели некоторым казиям, имамам и ученым, известным глубокомыслием, сообща обратить на то внимание, чтобы для Домов суда были полно написаны несколько разрядов книг. Для каждого разряда написали бы полный черновик, содержащий в себе все правила и подробности, безупречные и неоспоримые, и украшенный соответствующей проповедью, в которой содержалось бы много полезных замечаний. [Затем] собрали бы в один том, и почтенные и знатные ученые поставили бы на нем свои подписи и засвидетельствовали правильность содержания. Когда требуемое было выполнено, то с того тома изготовили списки и разослали во все стороны владений, чтобы каждый разряд, когда случится надобность его написать, после приговора судьи и указания его написать, писали бы по форме того черновика, который к тому предназначен, Казии же [всех] владений должны сначала его [т. е. написанное] осторожно рассмотреть, и когда найдут его соответствующим цели и стоящим на пути пречистого шар'а, то тоже поставить на нем свою подпись и обязать шурутиев, чтобы они впредь не отступали от [формы] и писали буква в букву, и поскольку в прошлом этого дела было подтверждено, чтобы писали только тогда, когда к написанию отдан приказ судьи, то нарочно не чинили бы затруднений, а считали бы для себя обязательной в тех делах одну только милость.

Далее, стало известно, что послабление, попустительство и бесчестие казиев дошло до того, что по одному и тому же судебному делу они вручают двум тяжущимся две противоречащие друг другу грамоты, обе [ими] заверенные, и не задумываются о мерзком образе таких действий и [от него] не воздерживаются. Мы повелели, чтобы впредь они ни под каким видом этим не занимались и позаботились загладить то, что случилось. В каждом присутственном месте судьи, где появятся две подобных грамоты, [судья] пусть с осмотрительностью постарается разобрать обстоятельства дела, и если он будет нуждаться в помощи имамов, то пусть устроит собрание и выясиит их [т. е. обстоятельства] по точному закону. Ту грамоту, право которой станет ясным, пусть он приведет в исполнение и придаст ей [законную] силу, а другую грамоту пусть смоет в «чаше правосудия». Если при данных обстоятельствах судебное дело не будет разрешено, то пусть он обе грамоты отдаст на хранение хранителю судебных дел и ни за что не отдает тяжущимся, а задерживает до тех пор, пока судебное дело не разрешится, ибо от оставления таких зацепок в руках противников не происходит ничего, кроме зла, соблазна и расстройства. В том нет никакого сомнения, что всякий тяжущийся или
S617 [его] наследники, которые когда-нибудь найдут возможность к введению в заблуждение и опутыванию, извлекут эти грамоты наружу и предъявят по ним иск, и, быть может, у казня того времени не окажется доказательств и свидетельских показаний по этому делу, и он вынесет неправильный приговор. Если же [казий] будет хранить оба документа [у себя], и тяжущиеся убедятся, что им [документов] обратно не отдадут, то они по необходимости явятся и будут судиться. Как было постановлено, [дело] завершится на основании следствия, и правда будет восстановлена в подобающем виде.

Далее, подобно тому, как султан Мелик-шах на основании общего согласия, старания и одобрения современных [ему] имамов издал и ради пользы мирян занес в реестр постановление, что [если] кто-либо тайно отдаст [свое имение] в вакф или тайно напишет отказную грамоту [1] на имение и будет держать [эти грамоты] сокрытыми, а затем он или [его] наследники продадут упомянутое в вакфной или отказной грамоте имение и через некоторое время он или [его] наследники эту вакфную иди отказную

[1] *икрар-(нāмэ).*

грамоту извлекут наружу и предъявят иск к купившему имение, то казии владений такой иск не разбирали бы, вакфную или отказную грамоту объявляли недействительной и признавали нужным покарать истца, а имение закрепляли бы за покупателем, так и некоторые из известных имамов после того, как они немного посовещались в Казвине, взялись постараться исправить отклонения от правильного пути, от чего зависит благонравие народа, и написали [постановления], согласно которым казиям надлежит действовать. В том числе одно такое, что в случае, если обнаружится какой-нибудь договор, противоречащий [праву] собственности[1] на какое-либо имение, находящееся законно [по шариату] в руках [своего] владельца, то [это имение] от него не отбирали бы и оставляли в его руках. Мы тоже повелели, чтобы казии [наших] владений действовали согласно этому и, стремясь упрочить право, не отступали бы от решения, на котором согласились [имамы].

Далее, поскольку дошел слух, что некоторые легкомысленные люди, которым по условию отдающего в вакф имущество достается должность заведывающего этим имуществом, вследствие соблазна [со стороны] некоторых алчных людей, продают свою должность заведывающего и препоручают другому, отчего порождается разорение и расстройство дел отдавшего в вакф имущество, то мы повелели, чтобы [в отношении] всякого, кто подозрительным образом имеет на руках [документ] о препоручении [ему] отданного в вакф, осмотрительно разузнали об условии по этому делу отдавшего имущество в вакф. Если оно содержит в себе разрешение на передачу, то ему не чинили бы препятствий, в противном же случае передачу объявили бы недействительной и препоручительную грамоту вымыли бы в «чаше правосудия». Впредь чтобы ни одной душе не давали возможности совершать передачу, если условие отдающего в вакф имущество не содержит в себе разрешения на это, и каждого, кто поступит наперекор, передающего, принимающего и пишущего [документ] — всех привлекали бы к ответу и подвергали телесному наказанию.

Далее, поскольку для всех не осталось скрыто, что в этих повелениях, которые приводятся в исполнение, не имеется в виду ничего, кроме почитания величия бога, 'да будет он всеславен и всевелик', укрепления мухаммеданского закона, 'да не перестанет он быть уважаем', распространения правосудия и спокойствия ра'иятов, а в наставлении казиям, чтобы они следовали знакам правды и справедливости и в повторном предостережении и разъяснении заключается [только] стремление к устроению положения людей, а не к ломке, к повышению их достоинства, а не к уменьшению, и к уважению их превосходства, а не к унижению, то пусть они эти соображения выслушают покорно, извлекут из них пользу и доподлинно знают, что каждый, кто будет действовать согласно им, [кто] отдаст предпочтение величию бога, [кто] будет свято оберегать начала пречистого шар'а от скверны извращений и в решении судебных дел действовать с крайней осмотрительностью, тот не взирая на значительное жалованье и добрую славу, будет объят [еще и нашей] благосклонностью. [Для того же], на кого столько извещений, разъяснений, подтверждений и подкреплений не подействует, мы не будем сызнова издавать указов, а будет применен способ 'меч более убедителен, чем вещание писаний', дабы они познали правду — 'в этом достаточно убедительных свойств для того, кто его взял для себя в пример'. Такой-то эмир и хакимы должны, как только прибудет настоящий ярлык с экземпляром наказа, вручить [их] казиям и отобрать расписку,[2] что они получены ими. Вместе с тем, пусть сделают с каждого из них списки, сличат и заверят на них же их правильность, разошлют всем чиновникам, старшинам и казиям областей и вручат им, дабы они были оповещены и [тоже] отобрали бы у них подписку, что они будут [считаться] виновными, если от S622
сего числа впредь не будут поступать, исходя из них, и не сделают так, что эти постановления для всех станут несомненны и ясны. Аминь.

[Рассказ пятнадцатый. О запрещении писать незаконные кабалы и об объявлении недействительными старых документов]

До этого, во времена халифов и султанов, 'да озарит господь их доказательства', приложили все старания, которые только были возможны, для преуспевания судопроизводства и славы шариата, проявляли большую осмотрительность и назначали для исправления должностей судей людей набожных, совершенных мудрецов из числа почитаемых [граждан], а они тоже ставили на службу в Доме суда людей набожных, обладающих добрым именем из числа известных ученых. Разумеется, дела, связанные с шар'ом, и религиозные дела исполнялись согласно

[1] *милкиййат.*
[2] *йафтэ.*

велению всевышнего господа и посланника, ʿда будет над ним мирʾ. Права людей укреплялись за теми, кому они были положены, и врата насилия и притеснения совсем были закрыты. Людям подлым, нечестным, алчным, нахальным, фальшивым и клеветникам не только не оставалось возможности применить на какой-нибудь лад хитрость, обман и подлог в крупных делах, но у них не было даже смелости вращаться в обществе, и ни одна душа не оказывала им внимания. Поскольку, однако, несмотря на такое твердое управление и порядок в пору счастливого султана Мелик-шаха, ʿда благоухает его прахʾ, старые кабалэ и повторные грамоты на бесспорное владение, как и в настоящее время, во множестве находились в руках людей, их относили к казиям, и, применяя уловки, которые казиям поневоле приходилось разбирать, их [т. е. кабалэ и грамоты на бесспорное владение] удостоверяли. Люди, изощренные в хитросплетениях, когда им удается за что-нибудь ухватиться, могут пустить в ход ложь во образе истины. Поскольку таким способом людям причинялись затруднения, а затем выяснилось, что эти иски были неосновательны, и кабалэ, повторные грамоты на бесспорное владение и [самые] имения оказывались уже переданными другим, то неоднократно споры и распри доходили до слуха султана Мелик-шаха и его везира Низам-ал-мулька. Для них стало несомненно, что зацепкой для мошенников являются старые кабалэ и повторные грамоты на бесспорное владение, которые после отчуждения имений оставались в руках владельца[1] или его наследников. С течением времени ни у кого не оставалось сведений о положении дела. Вдруг кто-нибудь из потомков владельца извлекал наружу кабалэ и вчинял иск. Возможно, что покупатель тех имений или его наследники даже не видели тех кабалэ: или они пропали, или их утащили в смутные времена, или их украл кто-нибудь из людей их предков и отдал продавцу, а тот, опираясь на то, что он знает, что у них на руках нет кабалэ на отчужденное имущество, вчиняет иск на основании своей старой кабалэ и доказывает [ее законную силу]. Разновидностей таких дел множество. В общем, когда Мелик-шах и Низам-ал-мульк узнали об этом обстоятельстве, они написали указ в соответствующем шарʿу виде и повелели, чтобы не вчиняли исков на основании старых кабалэ, по которым в течение тридцати лет исков не предъявляли и чтобы [такие иски] не разбирали. Его [указ] передали всем муфтиям Хорасана, Ирака и Багдада, чтобы они согласно шариату издали фетву. Затем [его] переслали в столицу, чтобы привести в действие. Этот указ существует еще до сих пор, и списки с него распространены повсюду. Если в ту пору, когда казии и сахибы Дома суда были такими, как упоминалось выше, и благочестивые и почтенные казии, султан и везир так устали от проделок мошенников, что по необходимости издали подобный указ, то во времена монголов случилось так, что постепенно стало известно, что они признают казиев и ученых только ради [их] чалмы и мангии и ровно ничего не смыслят и не понимают в их науках. По этой причине невежды и легкомысленные люди, надев на себя мантию и чалму наглости, шли к монголам, проявляли себя у них посредством разного рода низкопоклонства, услуг и взяток, и получали достоинство судьи и шариатские должности и раздобывали на этот счет ярлыки.

Когда, таким образом, прошло некоторое время, крупные ученые, благочестивые и благородные, отстранились от этих должностей и дел, да и как почтенные лица могут позволить себе стать на одну доску с таким людом? Но тазикские везиры и хакимы не отпускали почтенных

[1] *мāлик.*

благородных мужей. Они постоянно расхваливали их и, если какой-нибудь негодяй хотел опорочить их доброе имя, они этому препятствовали. Вследствие этого некоторые из почтенных и уважаемых казиев попрежнему продолжали оставаться, но для большей части [их] обстоятельства складывались так, как изложено. Поскольку невежд и пустых людей с ученым видом во владениях имелось много и они видели, что людям, им подобным, удаются большие дела, то они стали соперничать друг с другом. От множества их распрей и споров монголам стала ясна подлость и наглость всех, и они вообразили, что таковы все ученые, что у старейшин и даже у всей мусульманской общины из-за этих невежд пропали честь и достоинство, и они стали совсем бесчестными, презренными и низкими. Каждый эмир и вельможа оказывал покровительство одному из таких людей, и все время то один становился казием, то другой получал отставку. Некоторые довели [дело] до того, что должность казия получали на откуп,[1] тогда как должность казия должны ему давать лишь по его прошению и по ходатайству [за него других лиц], и он [должен] ни от кого ничего не брать. Когда должность казия берут на откуп, то можно понять, какое будет положение. Такие дела свершались и достигли крайнего совершенства в пору Гейхату-хана, когда везиром был Садр-ад-дин, назвавший себя Садр-и-Джехан, и брат его был главным казием, которому он дал почетное прозвище Кутб-и-Джехан, а шейх Махмуд тоже сделался главным шейхом, и часть духовных дел стала зависеть от него. Шариатские должности сдавали на откуп, и по этой причине в минувшие годы дошло до того, что вследствие открытия путей для неосновательных исков, каждый, кто имел какое нибудь имение,[2] считал его хуже сотни врагов, потому что изощренные в хитростях, голодные негодяи постоянно причиняли беспокойство и опорочивали доброе имя почтенных владельцев,[3] обладающих положением и берегущих [свое] достоинство, посредством старых кабалэ, лжесвидетелей, всевозможных уловок и обманов, разновидности которых не имеют предела. Поскольку должность казия сдавалась на откуп, добронравие казия и сахибов Дома суда падало. Они подстрекали истцов, заманивали посулами, затягивали и приостанавливали дела на месяцы и даже на годы. А между тем, они забирали лучшую часть и ежегодно каким-нибудь способом удовлетворяли свою корысть с обеих [тяжущихся] сторон, а тяжба и спор попрежнему [продолжались]. Множество имений годами оставались спорными, и каждый год на Дом суда расходовались средства больше, чем они [имения] стоили, а человек все надеялся: „Иск мой поддерживается, дам-ка я еще что-нибудь, дабы через посредничество хоть часть закрепили за мной". Между тем та голь брала взятки[4] и приобретала известность. Когда подобные им люди видели, что они посредством необоснованных исков выходят в знатные люди, а почтенные люди ради сохранения своего доброго имени кое-что им дают и в Дом суда не идут, а те же, которые идут, ладят с ними помимо воли Дома суда, дают лахик и кое-что получают, тоже рассуждали: „Раз-де мы при помощи сотни ухищрений и трудов не можем в день раздобыть одного дирхема, то нет лучше ремесла и мастерства, чем это", — и все они предприняли такой образ действий. Некоторые имели свои старые кабалэ, некоторые благодаря нахальству и краснобайству стали помощниками для других, некоторые находились S619

---

[1] *бэ заман* [ниже *бэ заман ва муката'э*] *миситаданд.*
[2] *милк.*
[3] *арбаб-и бузург.*
[4] *хидмати.*

такие, что раздобывали кого-нибудь, кто умел писать почерком, похожим на почерк других, писали кабалэ, засвидетельствованные в законном порядке, и помогали друг другу, а находилась и такая братия, которая писала нечто вроде указов бывших султанов и старинные кабалэ неопределенным почерком, помеченные числом сто пятьдесят лет тому назад. Хотя кабалэ без свидетеля не имеет силы, каждый из них шел [к казию] под защитою какого-нибудь монгола или влиятельного человека и спорил с людьми. Откупщики судебных должностей, хотя и не выносили окончательного решения, соблюдая свою пользу, и во время их спора [даже] молчали, не произнося ни слова истины, однако тайком устами аванов судебного заседания сообщали им: „Эти-де люди могущественны, и мы не можем вынести окончательный приговор". Таким способом они жили и попутно кое-что получали. Такое дело было подобно мельнице — чем больше она вертится, тем быстрее становится ее вращение. Положение дошло до того, что во владениях возникло столько неосновательных исков, что и предела им нет. Поскольку неосновательный истец шел [в суд] под защитой могущественного чело-
S624 века, то и бедный ответчик, который является законным владельцем, из боязни потерять имущество и доброе имя поневоле обращался к покровительству другого. Вследствие этого обязательно возникала вражда между обоими могущественными людьми. Такова уж природа мира с древнейших времен, что за имущество бьются мечом. Благодаря злополучию этого люда, кончалось тем, что большая часть могущественных людей начала друг с другом спорить и враждовать, и дело доходило до сражения мечом, в особенности потому, что чаще всего неосновательный истец обманно продавал сильному человеку за коня или за сто динаров деревню, стоющую десять тысяч динаров, законно принадлежавшую [своему] владельцу, и на уме у того крепко сидело: эта деревня принадлежала ему, а теперь она моя. Тоже и некоторые деревенские хатибы и прочие из невежества и бесчестности учили его и говорили: „Это-де правильная продажа, деревня твое бесспорное имущество". Когда у монголов, в противоположность предшествующим временам, появилось страстное желание иметь поместья,[1] они в этом [отношении] проявляли много стараний, и стало так, что поместье сразу стало главным предметом судебных дел. Все люди стали опасаться за свои имения, доброе имя и жизнь. Честные казии утомились от проделок продувных негодяев, не имели сил принять мер против [них] и постоянно молили всевышнего бога избавить [их] от этого состояния растерянности.

Когда наступила державная пора государя ислама, ʿда укрепится навеки его владычествоʾ, и он воочию увидел этот непохвальный образ действий, то он надумал его исправить так, что издал указ и назначил надежных осведомителей, чтобы в каждой области, всюду, где имеется обманщик и обман его обнаружен, на него доносили и не позволяли другим [его] скрывать или брать под защиту. Тех [людей], дело которых было ясно, [государь] тотчас же требовал [к себе] и после установления вины предавал казни. Таким способом было обнаружено множество обманов и подложных кабалэ, которые успели написать, и обманщики, благодаря справедливости и правосудию государя ислама, Газан-хана, ʿда укрепится на веки его владычествоʾ, были казнены. Что касается рассказа о том, что султан Мелик-шах написал, чтобы не разбирали исков тридцатилетней давности, то во времена Хулагу-хана [об этом] просили тазикские везиры, и на этом основании был издан

[1] *амлāк*.

указ, затем в пору Абага-хана, Аргун-хана и Гейхату-хана [вновь] добились проведения в жизнь [этого постановления], однако никакого последствия от издания тех [указов] не оказалось по двум причинам. Во-первых, в этих постановлениях не упоминалось несколько условий, к шар'у, разуму и обычному праву относящихся и, поскольку приказывали не разбирать исков на основании старых, тридцатилетней давности кабалэ, они [постановления] не были законными и оставались пренебреженными. Во-вторых, постановления указа должны приводить в исполнение хакимы и руководители, но поскольку все они желали купить много имений за небольшие деньги, — а иным путем это было невозможно, — то как им было провести запрещение такого дела. Поневоле, несмотря на то, что они сами просили [о постановлении], они им пренебрегали.

Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', когда захотел ввести это постановление, то повелел, чтобы черновик указа составили с согласия и совета знаменитых ученых и достигших совершенства казиев. Покойный мовляна Фахр-ад-дин, гератский казий, был один из выдающихся ученых века и известных своей образованностью лиц, украшенный разного рода знаниями и разнообразными совершенствами, пользовавшийся всеобщим вниманием, главный казий[1] [своего] времени и беспримерный по части сочинения [документов]. Он написал черновик указа, содержащий в себе несколько правил и условий, которые в этом отношении важны. На основании его был издан указ и повелено, чтобы во всех владениях лица, исправляющие должности судей, заслуживали и удостаивались этого почетного дела с согласия простых и знатных людей. Им назначали сумму на прожитие, дабы они довольствовались ею и ни под каким предлогом ни у кого ничего не брали. В отношении каждого рода предосторожности [государь] издал указы и разослал руководства, с правильностью которых согласились имамы. Списки со всех них и с упомянутых указов полностью написаны в предыдущей главе и нет нужды в повторении.

[Рассказ шестнадцатый. Об упразднении [податной] оценки[2] [урожая] и разверстки[3] и устранении всякого рода поборов[4]]

Рассказ о поступках и жестокости, исходивших от мутасаррифов областей

Прежде мы вкратце упомянем некоторые сообщения и обстоятель- S621
ства о том, как в каждой области взимали диванские налоги и подати[5] и сколько разрядов их существовало, и о злоупотреблениях везиров и способах тиранства и притеснения, прибегая к которым, они опустошали области и разоряли ра'иятов, пока те не разбегались. В этом отношении мы не сделаем преувеличений. Хотя в настоящее время читатели [сами] знают, что притеснения были вдвое больше того, что приводится [в летописи], однако в будущем, вследствие справедливости и правосудия государя ислама, 'да укрепится навеки его владычество', люди, обретя благоденствие и покой, все же позабудут про те тяготы, а младенцы и те, что появятся на свет впоследствии, не испытавшие [на себе] этого гнета и насилия, без сомнения вообразят, что эти обстоя-

[1] *каз̄ӣ-ал-куз̄ат.*
[2] *харадж.*
[3] *мукасамэ.*
[4] *муқ̄адарэ.*
[5] *амв̄ал ва хукук-и дӣв̄ани.*

тельства изложены с большим преувеличением. По этой причине мы и расскажем кратко, как государь мира поправил положение Ирак-и Аджама и Азербайджана и областей, диванские налоги и подати с которых состоят из копчура и тамги, и как эти области раньше пришли в расстройство, и как он принял меры [против этого].

Дело было так. Эти области сдавали на откуп хакимам, к каждому прикрепляли определенный состав[1] людей, и они [от его имени] производили сметные расходы[2] [по области]. Такой хаким каждый год брал с ра'иятов десять копчуров, а местами двадцать и тридцать копчуров. Хакимов дестур подводил итог тому количеству копчура, которое досталось его людям, и, когда в область приезжал какой-нибудь гонец по важному делу или с требованием денег и необходимых средств, хаким по этому поводу разверстывал[3] копчур. Хотя гонцов приезжало множество и их расходы[4] и запросы[5] бывали непомерны, хаким все же радовался их прибытию. Один раз он производил разверстку под предлогом [сбора] средств на важные дела,[6] один раз на фуражное довольствие[7] и расходы, один раз под видом обязательного попечения[8] и [удовлетворения] запросов. Некоторую часть он расходовал на эти дела, а часть давал воеводе и битикчиям, дабы они становились его соучастниками и лжесвидетелями. Из всех этих средств, которые отбирали у ра'иятов, никогда в казну не посылали ни одного вьюка. Средства[9] областей распылялись и исчезали на сметные расходы по [области] и на отпуск по нескольким нарядам.[10] В Хорасане восемь десятых таких нарядов оставались [непогашенными]. Гонцы и держатели нарядов с бератами на руках являлись в диван, а от дивана был ответ: „Средства-де не сданы областью, как это [их вам] не сдали?" Вновь в подтверждение писали ал-тамгу, что причитающиеся-де им средства[11] сдайте поскорее. Они опять отправлялись туда, еще раз совершались расходы на большие суммы, и хаким по этому поводу производил разверстку и говорил ра'иятам: „Вы же видите, сколько гонцов сидит. Ежели не будет им на расходы и обязательное попечение, то нельзя будет [удовлетворить] требование". И ни одна душа не осмеливалась ему сказать: „Ты сам должен выдать средства на них, потому что ведь в начале года ты взял вдвое больше того, что причиталось, и растратил". Из этой разверстки опять-таки четыре шестых делили между собой, а две шестых тратились на расходы гонцов. В конце концов они, не выправив средств, возвращались обратно и ездили туда и назад столько времени, что бераты в их руках становились ветхими, жажда получить по ним прекращалась, и они годами лежали в их каптургах и сумках. Хотя обычно узнают у дивана, сколько составляет основное [количество] налогов с каждой области, и на какое место можно выписать берат, чтобы их раздобыть, но ни одна душа этого не ведала, и бераты непрерывно писали на ту или иную местность согласно просьбам. Поскольку наибы и везиры знали, что причитающееся по наряду не будет получено, они, чтобы оттянуть время, манили посулами и, давая почувствовать, что

---

1 *джам'ӣ.*
2 *ихраджат-и мукаррарӣ.*
3 *кисмат кардӣ.*
4 *ихраджат.*
5 *мултамасат.*
6 *мухиммат.*
7 *'улуфэ.*
8 *та'аххуд.*
9 *амвал.*
10 *хавалат* (мн. ч. *хавалат*).
11 *вуджух-и ишан.*

делают одолжение, заверяли: „Мы-де эти бераты пишем только ради вашего степенства". Играя так, они отправляли их довольными. В конечном счете ничего, кроме разорения области, не получалось.

Между тем, наиб или везир при случае докладывал на служении государю: „Уж очень много сборщиков[1] на эту область надобно, чтобы кое-какие причитающиеся средства[2] доставили в казну". Тотчас же писали указ: „Приостановить отпуск средств всем сборщикам и держателям бератов и не выдавать, за исключением таких-то и таких-то средств". Это была небольшая сумма, включавшая в себя подарок и доход в пользу везира S626
и наиба. Они требовали от хакимов ручательства,[3] что [средства] поступят. Писали письмо, что поскольку-де мы устранили сборщиков, надо спешно из области доставить причитающиеся государевой казне средства.[4] Благодаря такой уловке, они получали чистоганом то, за что поручился [хаким]. У везира с хакимами областей был также уговор и [условленный] знак. До тех пор, пока [хаким] не видел его в берате или письме, он причитающиеся средства не отпускал, и гонцы и сборщики, не зная что делать, возвращались обратно. Вновь они упрашивали их и эмиров еще раз дать письмо. Между тем дело везира улаживалось, и корыстное его желание исполнялось. Хакимы областей, основываясь на сговоре, который у них был с везиром, и на уважении его достоинства, чувствовали за собой опору, были наглы и чинили всяческие притеснения и обиды. Ежегодно два-три [сбора] копчура и городских тамговых пошлин тратились на расходы и обязательное попечение о гонцах, и люди удивлялись: почему этот хаким не жалеет наличных денег, [собранных] из тамговых пошлин, что они расходуются на подобные пустяки. Но они упускали из виду, что хаким придерживается такого способа ради темных дел, чтобы под этим предлогом, при помощи разверсток, получить вдвое больше податей[5] и [их] присвоить. Во время сведения счетов он относил на расходы гонцов в два-три раза больше и под этим предлогом не сдавал причитающихся дивану средств. Воистину, из таких областей никогда в казну не поступало ни одного данека денег, а из десяти динаров сметных расходов [по области], которые предназначалось получать из основной суммы налогов, не выдавали и двух динаров. Никто никогда не видел тамговщика при исправлении своей должности, ибо он постоянно то находился в бегах, то, попав в лапы сборщиков, получал палочные удары. Чтобы получать тамговую пошлину, он сколько было сил старался назначать тайком людей, дабы они как наккабы ночью ходили по домам. Поневоле он соглашался плательщикам устанавливать тамговую пошлину в половинном размере, лишь бы они [ее] уплачивали тайком вперед. По этой причине [сбор] тамговых пошлин сокращался. То, что собиралось, обращалось на путевое довольствие[6] гонцов, и их нукеры собирали, наседая, а поскольку для всех нехватало, то они друг с другом дрались, и выигрывал тот, у которого было больше силы.

Из средств на содержание и жалование работникам и сметных расходов по области, которыми может поддерживаться благосостояние области и без которых не преуспевают государственные дела, несмотря на то, что согласно наказу[6] хакимам, они прежде других вычитались из основного количества налоговых поступлений, никому не давали ни одного данека в начале года под предлогом того, что раньше-де справим

---

1 *мухассилан.*
2 *ваджхи.*
3 *такаббулат-и хуккам-ра хваст.*
4 *вуджух-и хассэ.*
5 *'алафэ.*
6 *му'амарэ.*

причитающиеся казне средства, а потом, говорили, — отдадим во время урожая. Поскольку же всегда имелось налицо множество гонцов и сборщиков, дела которых еще не были улажены, то хаким отговаривался: „У меня-де на шее сидит столько-то аймаков гонцов, надобно сначала уладить их дело", — и получающие содержание, жалованье, милостыню и прочее с начала года и до конца [его], живя отказами и [обещаниями] „сегодня да завтра", сидели ободранные и голодные. Люди, которые были половчее, ища поддержки у наибов хакима, после множества ходатайств продавали [свои права] исполу и взамен этого получали припасы по двойной цене, так что при помощи тысячи хитростей они добивались четверти [того, что им причиталось по праву]. Тот, кому такое дело удавалось, считал себя довольным и счастливым, а прочие, оставшись лишенными всего, ему завидовали. Если иногда один из этих лишенных с тысячью затруднений и невзгод попадал в ставку и подавал прошение, то он от Большого дивана получал грамоту: „Мы-де распорядились выдать причитающиеся средства прежде всех, почему [их] не выдали?" Хаким отговаривался: „За областью остались недоимки по налогу, по этой причине я не выдал. Мы выпишем берат, чтобы он получил". Бедняк поневоле брал берат на недоимки, но поскольку хаким, как упоминалось, уже успел взять налога в несколько раз больше, то как тут было оставаться недоимкам. Это были недоимки по сверхсметному копчуру,[1] который он разверстывал. Часть обессиленных ра'иятов, не имевших сил повторно платить, бросив деревню и дом, убегали, либо могущественные и влиятельные лица, которые препятствовали сверхсметным разверсткам,[2] удовлетворяли их тем, что „эту-де последнюю разверстку мы с вас не потребуем, либо скинем половину". Итог разверсток мустовфи и битикчи записывали в реестры. Хотя ни одного сверх-
S623 сметного копчура не полагается, но в силу того, что иные дали, а некоторые не дали или дали меньше, от последней разверстки кое-что оставалось недополученным. Это называли недоимками. Так как мустовфи и битикчи были соучастниками в повторных разверстках и воровствах, то они писали, что за таким-то селением имеется столько-то недоимок и давали затемняющие смысл показания. Если бы наиб или везир спрашивали, остались ли эти недоимки от основного налога[3] или от сверхсметных, которые раскладывали, то картина обстоятельств выяснилась бы, но поскольку наибы и везиры знали это дело и за взятки[4] получали от хакимов большие суммы из тех сверхсметных разверсток, язык у них не поворачивался. Такие поступки, как изложено, совершал каждый из предшествовавших везиров, однако для «бумажного»[5] Садр-ад-дина такой образ действий был ремеслом и мастерством, и по этой части он был искусен. Это злоупотребление и неправосудие он поднял на недосягаемую высоту и совершенно расстроил дела управления страной и областями. В его пору никто не мог в какой-либо области получить причитающегося ему по берату, и ни один, имеющий право на содержание и жалованье, не добился своей доли, ибо все его [Садр-ад-дина] бераты и наряды были чистейшей уловкой и обманом. Многие бедняки,[6] нуждающиеся, и шейхи, которые к нему прибывали и для которых он по настоятельной просьбе или иным [способом] выписывал берат на пятьсот динаров, никогда не видывали и ста акчэ. Это он называл щедростью.

---

[1] *кӯпчӯрха-и зийадати.*
[2] *ḳасамат-и завайид.*
[3] *аṣл-и мал.*
[4] *ḫидмати.*
[5] *чави.* Намек на бумажные деньги. См. стр. 133.
[6] *дарвиш.*

Бедняк весьма радовался и, когда отправлялся истребовать причитающееся, размышлял: „Вот у меня есть пятьсот динаров. Возьму-ка я в долг сто динаров и истрачу их на верховое животное, вещи и дорожные припасы. После уплаты долга у меня еще останется четыреста динаров". С этой надеждой он столько [времени] ездил взад и вперед за причитающейся суммой, что забывал про шейхство и успевал научиться быть гонцом, сборщиком и аваном, но это не приносило никакой пользы и в конце концов он, будучи должником, бежал из этого государства.

Вследствие злоупотреблений и разорения большая часть ра'иятов в областях покидала родину и обосновывалась в чужих краях, а города и деревни оставались пустыми. Через известные промежутки времени для сбора отсутствующих посылались гонцы. Они причиняли много стеснений, взимали с них в [виде] обязательного [о себе] попечения вдвое больше копчура, но [никто] никогда не желал отправиться в свою область, и [каждый] питал большое отвращение к этому царству. Несмотря на стольких гонцов, которые в разное время отправлялись по сторонам для сбора отсутствующих, они ни разу не могли привести на свое место хотя бы одного ра'ията. Те, которые оставались в городах, большей частью закладывали двери домов камнем или оставляли в них узкое отверстие, входили и выходили через крышу домов и убегали из страха перед сборщиками. Когда сборщики отправлялись по околоткам, они находили какого-нибудь мерзавца, знавшего дома, и по его указанию извлекали людей из углов, подвалов, садов и развалин. Если не могли заполучить мужчин, то схватывали их жен, и, словно стадо овец, гоня перед собою из околотка в околоток, уводили к сборщикам. За ноги их подвешивали на веревке и били, и вопли и жалобы женщин поднимались к небу. Часто случалось, и мы [это] наблюдали, что сборщик, поднявшись на крышу, находил какого-нибудь ра'ияга и гнался за ним, чтобы его схватить. Ра'ият из-за крайнего бессилия и несчастия убегал так, что бросался было с крыши вниз. Сборщик настигал его, хватал за полу и, сжалившись, упрашивал и заклинал: „Не бросайся-де с крыши, убьешься", — а тот, потеряв самообладание, падал [вниз] и ломал себе ноги. Из числа таких областей в Иездской области дошло до того, что если кто-нибудь ездил по всем тамошним деревням, то он решительно никого не видел, с кем бы мог поговорить или расспросить о дороге. Немногочисленные люди, которые оставались, назначали дозорного. Когда он кого-нибудь издалека замечал, то подавал знак, и все прятались в кяризах и в песках. Если кто-либо из вельможных помещиков,[1] S628
имевших в Иезде имения, ездил туда и желал осмотреть эти имения, то в какую бы деревню он ни приезжал, он не видел ни одного из своих земледельцев, чтобы расспросить о состоянии своих садов и в каком они месте находятся. В большей части городов [жители] из боязни, что в их дома поместят на постой гонцов, делали двери через подвалы и узкие проходы [в надежде], что, быть может, гонцам не понравятся такие проходы, и они не остановятся у них, потому что каждый гонец, располагавшийся в чьем-либо доме, помимо того, что рвал и изнашивал ковры, постельную принадлежность и всю домашнюю утварь, он еще забирал с собою все, что хотел, или же [вещи] похищали их коноводы. Если [кто-нибудь] успел собрать немного пищи, средств на прожитие и топлива, то все отнимали. Вместо дров ломали и жгли двери домов. Между прочим, прошел такой слух, что один из иездских имамов имел в Иезде дом. В месяцах лета 695 [1296] Султан-Шах сын Новруза и

[1] *акабир-и арбаб.*

его мать[1] в пору его величия поставили там на постой одного гонца. Он простоял там в течение четырех месяцев и за это время не оставил в доме ни одного редкостного предмета. Когда он выехал, явились городские оценщики[2] и произвели осмотр. Оказалось, что в доме, который стоил около пятидесяти тысяч динаров, сожгли чрезвычайно изящные и нарядные двери [ценою] свыше двух тысяч динаров и произвели другие разрушения. Если таково было состояние дома чалмоносца, который был городским муфтием и носил звание казия, то можно сделать вывод, каково было [состояние] домов, принадлежавших жителям, единичным людям и ра'иятам.

Для помещиков,[3] вельмож и ра'иятов не было дела труднее и тягостнее, чем это. Чербии научились и по случаю приезда гонца в день продавали по сотне домов и в конце концов ставили на постой. Ежегодно гонцы под разными предлогами увозили с собой несколько тысяч штук ковров, спальных принадлежностей, казанов, посуды и утвари, принадлежавшей жителям. Они ставили в садах [верховых и вьючных] животных и в один день разоряли сад, который с тысячью трудностей благоустраивали в течение более десяти лет. Если в саду случайно имелся кяриз и животное в него попадало, то они схватывали хозяина сада и брали с него двойную цену; то же самое, — если [в изгороди] было отверстие и [животное] уходило. Аваны, серхенги и коноводы гонцов ломали изгороди садов, а зимой они рубили деревья на дрова. Если в садах замечали прямые деревья, то хакимы и могущественные люди их рубили под предлогом, что они годятся на копья для войска, или же они их получали посредством настойчивого требования. В некоторых областях находилось столько их — сборщиков, гулямов и серхенгов, что поистине на каждого ра'ията их приходилось по два. Передавали так,[4] что в 691 году [1292] в Иездской области был хакимом Али-Ходжа сын Омар-Шаха Самарканди. Один из землевладельцев[5] отправился в деревню под названием Фирузабад, одну из самых больших тамошних деревень [в надежде], что он, быть может, сумеет кое-что получить из урожая с поместья, которое он имел. Но сколько он ни старался, он за трое суток не мог заполучить ни одного из старост. В деревне сидели семнадцать сборщиков с бератами и нарядами. Они поймали в степи одного полевого сторожа и двух ра'иятов и, приведя в деревню, подвесили на веревках и били, чтобы они привели других, и раздобыли для них съестного, но ничего не вышло. Всем этим сборщикам и подначальным людям требовалось путевое и фуражное довольствие, вино и красавчики. Отсюда можно вывести, каковы были другие виды угнетения. Подумать только, каким образом в короткий срок может быть отменено столько новшеств[6] и скверных обычаев, которые с течением времени стали привычны скверным людям, особливо, когда в пору правления каждого [государя] во все стороны рассылались указы о снискании расположения ра'иятов и устранении некоторых из этих насилий, и никогда не исполнялись. Весь народ от этого пришел в отчаяние.

S625 В настоящее время, в державную пору, государь ислама Газан-хан, да укрепит господь навеки его владычество и да продлит навеки его

---

[1] L, I дают след. вариант: „В том числе свидетельство слуги державы, писавшего эту книгу. Он имеет дом в Иезде. Султан — отпрыск сестры иездского атабека, которая звалась женою Новруза".

[2] *мукаввимӣн.*

[3] *арбӑб.*

[4] I — вместо этого слова: „Слуга державы, пишущий эту благословенную книгу ..."

[5] *малля̄к.*

[6] *бид'ат.*

правосудие и милость', благословенные намерения посвятил тому, что является чистейшим благодеянием и настоящим правосудием, и все высокие помыслы направил к тому, чтобы поправить изъяны, объявившиеся в государственных делах, и совершенно устранить новшества и злодеяния. Он прилагал усилия к тому, чтобы миряне были спокойны, и сказал: „Польза, получающаяся от жизни человека на свете, в этом самом и заключается". Он обязал [себя] в этом отношении прилагать все силы и старания. Исправил он упомянутые виды [злоупотреблений] в платящих копчур областях[1] так, что приказал: „Раз дела ясака и расправы потеряли силу и в них объявилось множество изъянов, то приведение их в порядок нужно прежде начать с мелочей, чтобы живущие на свете поняли: раз-де притягивают к ответу, взыскивают и расправляются за мелкие проступки, то неизбежно за крупные проступки достанется вдвое больше. Поневоле от них откажутся". Еще [государь] сказал: „Раз будут соблюдать порядок всякого дела и его общие основы, то в него войдут и все частности, а ежели займутся исправлением в отдельности частностей, то когда исправят одну и займутся другой, исправленная опять снова придет в расстройство и нельзя будет в них навести порядка". И еще он сказал: „Людям, для которых в течение долгого времени какая-нибудь повадка стала привычной и их природой, весьма трудно бывает запретить такое дело и удалить эту привычку из их природы, подобно этим аванам и хакимам, которые за минувшие годы приучились обижать ра'иятов, повторно взимать налоги, ничего не сдавать в диван, ежегодно идти под суд и, дав взятку, отделываться несколькими росказнями. Если даже кое-кого из них казнят, то другие воображают, что это дело произошло случайно, в пример себе не ставят и говорят: «Такой-то человек с ними не ладил, а не то, если бы это было из-за денег и присвоения, со многими другими людьми должно было бы то же самое произойти». В общем, ежели мы прикажем казнить половину из этих людей, то не может быть, чтобы прочие бросили привычку и отказались от угнетения и насилия. Ра'ияты все так же будут мучиться, и никаких средств в казну и войску поступать не будет. Лучше придумать так, чтобы у хакимов областей [в отношении] распоряжения налогами[2] руки были бы совершенно связаны, чтобы они отнюдь не находили под каким-либо предлогом путей к насилию. Притча о них есть притча о лисе, которая говорила: «Я-де от собаки избавиться могу посредством тысячи и одной уловки, и самая лучшая из них одна: когда ни я ее не вижу, ни она меня». В этом деле тоже лучше всего, чтобы мутасаррифы областей не могли выписывать на ра'иятов бераты ни на один данек денег". [Государь] повелел, чтобы в каждую область отправился расторопный битикчи, подробно, деревня за деревней, описал всю область и, исходя из прежних подушных списков,[3] равномерно определил копчур, не стараясь умножить и сократить, и устроил бы так, чтобы ра'ияты благоденствовали и были довольны.

Он повелел также, произведя расследование, подробно переписать по именам владельцев все поместья[4] инджу, вакфные и частные,[5] находившиеся в их владении без спора в течение тридцати лет, и занести их в реестры податной росписи,[6] дабы, если у кого-нибудь пропадет кабалэ, или он попросит другую, чтобы она у него находилась под рукой,

[1] *вилайат-и кӯпчурӣ.*
[2] *тасарруф-и амвал.*
[3] *шумарэ.*
[4] *амлак.*
[5] *арбабӣ.*
[6] *канун* (мн. ч. *кавӣнин*).

то обращались бы к этой податной росписи и действовали, основываясь на том, как [в ней] занесено, чтобы ни у кого не оставалось возможности плутовать и вымогать. Битикчии, согласно повелению, отправились в области и, хотя люди вполне надежные и честные встречаются редко, они, по силе возможности постаравшись, написали и доставили податные росписи областей. После этого [государь] повелел ни одному мелику, баскаку и битикчию отнюдь не прикасаться пером к бумаге, чтобы [писать] берат или наряд. Если же они напишут хоть один берат, то хакима, давшего разрешение, пусть казнят, а написавшему битикчию отрубят руку, дабы другие битикчии, видя его, ставили себе в пример. Для каждой области [государь] приказал назначить одного битикчия, чтобы он здесь состоял при Большом диване и в начале года подробно, с указанием имен, деревня за деревней, выписывал бераты на *причитающиеся к получению подати,[1] исходя из того, как они вошли
S630 в податную роспись. Наибы Большого дивана помечают [бераты] и, скрепив алтун-тамгой, отсылают в область для того, чтобы ра'ияты [причитающееся] по ним сдавали двумя взносами, вместе с «десятью и половиной»[2] и казенной долей[3] подотчетному чиновнику, который в каждой области назначен. Тот на основании бератов, снабженных алтун-тамгой, часть чистоганом отдает владельцам нарядов, а остальное отправляет в высочайшую казну и вместе с казенной долей сдает казначеям. Если по временам какой-нибудь сборщик или раис к тому подотчетному чиновнику доставит наличные [деньги], то пусть платит казенную долю[4] [деньгами] с «десятью и полутора данеками» [?][5] и со ста динаров — полдинара или же пусть те сборщики доставляют наличные суммы и вместе с казенной долей [деньгами] вручают непосредственно казначеям. [Государь] повелел: „Ежели в областях с ра'иятов взимают наличные деньги, то ни в коем случае им не разрешается сдавать в казну хотя бы на один динар припасов и, ежели кто-нибудь доставит припасы, то пусть их свезет на базар, продаст и вручит наличные деньги. Суммы на содержание, жалование и сметные расходы, которые производятся в областях, полностью пусть выдают наличными деньгами и не убавляют ни на один данек, чтобы все люди еще больше молились за благополучие постоянно крепнущей державы". Посредством подробно написанных бератов с алтун-тамгой, которые отсюда отвозят в области, все ра'ияты на местах осведомлены о количестве причитающейся с них подати, и они знают, что сверх него не надобно давать ни на один данек. Они также имеют грамоты от сахибов податной росписи, [указывающие], сколько и какой подати с них требуется.

Когда этот указ о том, чтобы хакимы областей не писали бератов, вступил в силу, мелик Рудравера, одного из уездов Хамадана, счел его подобно прежним указам [и] приказал битикчию написать несколько бератов на область. Было постановлено, чтобы его казнили, а битикчию отрубили руку. [Мелик] узнал о поездке гонца по этому делу и бежал. Через три года он умер в том месте, куда убежал. Битикчия через некоторое время схватили в Нехавенде и отрубили ему руку. В Хамадане один бакалейщик из старост, чтобы уважить, перевел на товарища два мана сумака. Его схватили, и вышел указ, чтобы его казнили. После долгих ходатайств ему дали сто двадцать палок, и он заплатил тысячу динаров пени. Недавно доставляли слонов из Хиндустана. Когда прибыли

*1 *мутаваджжихат.*
2 *дах ва ним.*
3 *хакк-и хазанэ.*
4 *расм-и хазанэ.*
5 *ба дах ва дам-у ним.*

в Хамадан, стояла зима, и нельзя было найти путевого довольствия. Тамошние хакимы сказали: „Придется-де потребовать с садов". Это дело дошло до благородного слуха [государя], и он сказал: „Мы для слонов отсчитываем и путевое и фуражное довольствие. Как это они берут из садов, [принадлежащих] жителям? Ежели можно найти, пусть покупают, а ежели нельзя найти, то как же они требуют с садов. На этот раз прощается, но если впредь так будут поступать, мы будем казнить". В общем в эти годы во всех областях ни у одной души не было и нет возможности выписать берат даже на один ман соломы или на хаббу денег. Пути к выписке бератов были совершенно преграждены. В позапрошлом году выяснилось, что поскольку у хакимов нет смелости набавлять на установленное количество податей с мест, то раисы и старосты деревень по своей воле разверстывают между собой надбавку. Вступил в силу указ, чтобы раисы селений установленное количество податей, вошедшее в податную роспись, расписывали подробно, с указанием имен ра'иятов, и список передавали в диван, чтобы впредь сверх этого [количества] они разверстки не производили, а каждый ра'ият, раз он знает определенный ему размер [подати], сверх ничего не давал, и [чтобы раисы] не могли также предъявлять какие-либо требования к чужеземцам и другим людям, имена которых не вошли [в список]. По этой причине все ра'ияты молятся за державу государя ислама, 'да укрепится навеки его владычество'. Отсутствовавшие, без того чтобы кто-нибудь за ними ездил, явились на свои места. Дом, цена которому была сто динаров, теперь не отдают и за тысячу динаров. Налоги со всех областей стали вернее, чем суммы [денег] на монетном дворе. Каждый год два-три раза их без извинений и отговорок доставляют в казну, как воочию видят живущие на свете. За последние несколько лет ни разу ни на одну область не выписывался наряд под видом доплаты,[1] добавочного обложения,[2] [сбора на содержание] ямов, савери, таргу, путевого довольствия,[3] фуражного[4] и прочего, и [там] не взяли ни одного лишнего данека денег, ни одного тагара или харвара соломы, овцы, мана вина или курицы.

Всевышний господь так благословил средствами и диванскими доходами,[5] что никогда не случалось, чтобы в казнохранилище не было денег и одежд, хотя в последние годы [государь много] роздал войску и приказал S627
выдать разного звания людям по их прошению, ради оказания [им] почета или [им] на расходы, и все чистоганом из казны. Из недавних и старинных реестров выясняется, что ни в одну пору столько наличных денег и одежд, сколько расходует и раздает в год государь ислама, 'да укрепится навеки его владычество', другие не расходовали в течение пяти лет, а казна все попрежнему полна денег и одежд. *Налоговые поступления с областей[6] раньше полностью исчезали, хотя мутасаррифы ничего никому не давали по бератам и нарядам и в конце года писали отчеты, [но зато] другие большие суммы у мутасаррифов оставались в излишке. В настоящее же время, благодаря счастливым последствиям внимания и прекрасной распорядительности государя ислама, 'да укрепится навеки его владычество', владения благоустроены, в урожайных областях за мутасаррифами числятся в остатке большие суммы и прошлогоднее зерно все полностью имеется налицо в амбарах, так что не надобно давать

---

[1] *завайид*.
[2] *намари* = *нэмэри*.
[3] *'алафэ*.
[4] *'улуфэ*.
[5] *хукук-и диванй*.
*[6] *амвал-и вилайат*.

людям в тарх [?].[1] Каждый год, когда созревает хлеб, его уже не нужно поспешно продавать. В то время как прежде расходовали до времени не созревший хлеб, теперь у дивана в амбарах имеется годичный урожай, а в казнохранилище — деньги. Государь ислама сказал: „Раз-де мы приняли такие меры, и руки у хакимов связаны, чтобы писать бераты, а ра'иятам подробно стало известно определенное количество причитающихся с них податей, [раз] это правило утвердилось и сделалось привычным, и ра'ияту стало весьма легко [производить] установленные и определенные платежи, и они платят с полной охотой, то надобно думать о том, чтобы в дальнейшем этого правила придерживались, оно оставалось твердым и постоянным и из-за изменений обстоятельств, большой занятости или событий и происшествий оно не ослабевало, ибо возможно, что вследствие всех этих обстоятельств не будет представляться удобного случая выписывать от [лица] Большого дивана все эти подробные бераты. [Тогда] средства из областей будут требоваться спешно, или современные наибы и везиры проявят нерадивость в соблюдении их порядка и разрешат писать бераты хакимам. Опять аваны достигнут [своей] цели и протянут руку для захвата чужого, ра'ияты будут мучиться, а возможности [сделать] запрос и [получить] ответ не будет, и это славное правило, введенное с таким трудом, потеряет силу, и снова мир будет разорен, погибнут средства для казны и суммы на содержание войска. Поскольку нам помогает счастье и споспешествует промысел божий, [поскольку] всевышний господь вверил нам царство и одарил силой и могуществом, то надобно приложить большое старание и усердие, чтобы не дать власти беспечности и нерадению и утвердить и укрепить эти порядки и правила таким образом, чтобы они никак не могли быть переиначены и изменены".

[Государь] повелел, чтобы во все владения написали указы в одинаковых выражениях и списки с них вписали во все реестры и руководства и устроили бы так, чтобы содержание их было ясно и понятно всем, большим и малым. Этот список таков:

Список

с указа о том, чтобы [наряды] на причитающиеся с областей подати подробно выписывал и переводил [на места] Большой диван, а мелики и хакимы областей отнюдь не писали бератов

Во имя бога милостивого, милосердного.

Фирман султана Махмуд-Газана

Да ведают баскаки, мелики, наибы, мутасаррифы и казии, сейиды, имамы и садры, арбабы, знатные и почетные люди, раисы, старосты и все ра'ияты и жители городов и областей от реки Амуйе до пределов Сирии и Франкской земли, что все высокие помыслы, намерения и взгляды наши были направлены к тому, чтобы в течение этих немногих дней державной поры [нашего] царствования согласно указанию [Корана] 'господь заповедует правосудие и благодеяние'[2] и на основании повеления 'суди людей справедливо'[3] устранять на такой лад всякого рода гнет, насилие, притеснение, несправедливость и жестокость насильников и тиранов, которые привыкли к тому, по смыслу
S632 [изречения] 'мы нашли отцов наших в таком вероисповедании, по их следам и мы идем'[4] и сделали кровь и достояние мусульман своим насущным хлебом и пищею, что впредь никто не сможет продолжать свою алчность и несправедливость. Устроение и распорядок в государстве и управление делами мы повелеваем такое, что польза от них скоро в будущем достанется всему народу всевышнего бога, и они будут

[1] *тарх*. Термин остается неясным.
[2] Кор., 16_{92}.
[3] Кор., 38_{25}.
[4] Кор., 43_{21}.

причиною его благоденствия и благополучия, дабы по смыслу изречения 'кто провозгласит хорошую сунну, тому награда за нее и награда за дело, которое он исполнил', и для нас оттого получилась слава на этом и на том свете, ибо для нас стало несомненно, что согласно [поговорке] 'справедливость [в течение] часа лучше, чем служение богу [в течение] семидесяти лет', на этом свете нельзя представить себе лучшей пользы, и более подходящего образа для припаса в путь на тот свет не может быть.

Ныне для живущих на свете видно и несомненно, что с помощью всевышнего бога указание пророка 'самый любимый из людей для всевышнего бога и самый близкий из них к нему есть властитель справедливый, а самый ненавистный из них для него и самый далекий от него — властитель несправедливый' по мере сил и возможности имевшее место угнетение и насилие в некоторой доле устранено способами, которые оказались доступными. Изложение и подробности этого определены отдельно. В том числе дело назначения и установления средств и состояния владений, устранение [податной] оценки урожая[1] чрезвычайных повинностей[2] и разного рода *обязанностей [?] по отношению к дивану,[3] отмена [пользования] улагом и фуражным довольствием для сборщиков и гонцов, которых непрестанно посылали в области для [истребования] средств и которые являлись одной из главных причин разных стеснений, неурядицы и напрасной траты средств.

Поэтому мы отправили во все владения битикчиев, чтобы они подробно переписали каждую область, уезд и деревню и так установили бы денежный налог и подати, чтобы весь народ успокоился, благодарил и был этим доволен. Прежде аваны и угнетатели взимали вдвое больше налогов под видом расходов, чрезвычайных повинностей и разных причин и поводов, перечислять которые подробно было бы долго, но большую часть [их] расхищали они сами, чиновники, разные подлые люди и серхенги, так что доход с них не только не поступал ни в диван, ни в Бейт-ал-маль, но вместе с тем происходило расстройство и разорение государства и гибель средств.

Люди, бравшие [сбор] причитающихся дивану налогов на откуп, имели только корыстную цель стать мутасаррифами и делать, что хотят. Они взимали вдвое больше налога, отданного на откуп, но не уплачивали ни малейшей частицы из него. По этой причине во время нужды на войско, охрану пограничных областей и государственные дела сумм в казне не бывало, и, по необходимости, приходилось выжимать со всех людей посредством поборов,[4] добавочного обложения[5] и досрочной уплаты налогов,[6] а вследствие этого царство, области и ра'ияты постоянно испытывали потрясения, стеснения и несчастия, и войско [оставалось] неснабженным и в состоянии слабости.

Ныне, с помощью всевышнего бога, стало доступно и удалось подробно для каждой деревни написать податные росписи большей части местностей [наших] владений, которых никогда, ни в одну пору не переписывали, и реестров и списков, которых никогда не собирали воедино, и установить [размер] налога. Хотя никто никогда не может, как полагается по правилам, соблюсти равномерность, частью из-за отсутствия знания, частью по причине задней мысли и корыстолюбия, — а человек, в котором не было бы таких предосудительных свойств, встречается редко, — все-таки по мере сил и возможности, податную роспись написали. [Ее] доставили в наше присутствие, и, если в отношении кого-либо произошло грубое несоответствие или какая-нибудь ошибка, то пусть он подает челобитную, чтобы наибы дивана сделали исправление. Большую часть принадлежащих дивану земель, когда это оказывалось выгодно и необходимо, отдали предпринимателям[7] из числа таниев, музари'ев и арбабов, и даны были вечные и нерушимые правила с печатью и знаками дивана, украшенные нашей алтун-тамгой, дабы они стали мутасаррифами и из года в год доставляли причитающееся дивану.

Разного рода угнетение и притеснение, чрезвычайные повинности и *обязанности [?] по отношению к дивану,[3] существовавшие ранее, отменены. Если в равномерной разверстке[8] произошли небольшие несоответствия или ошибки, то с ними помирились, сравнивая их с теми притеснениями и обидами, которые раньше [имели место], и друг другу никакой неприятности не причиняли. [Теперь] все люди стали благодарить S629
и восхвалять, стали довольны, покойны и избавились от [податной] оценки [урожая][1] и разверстки, чрезвычайных повинностей и обязанностей по отношению к дивану, число разновидностей которых велико.

Для того чтобы люди, которые были небогобоязненны, неблагочестивы и легкомысленны, отнюдь не могли бы писать наряды и бераты, производить ложные изменения в установленном, строить непохвальные замыслы и козни для высасывания достояния

---

[1] *харэ*. Далее следуют непонятные переводчику на этом месте слова: S — *макалат*; L — *ва мубалат*.

[2] *'авариз*.

*[3] *клф-и дивани*.

[4] *мусадарэ*.

[5] *намари = нэмэри*.

[6] *муса'адэ*.

[7] *му'амилан*.

[8] *савийат*.

и крови народа, мы повелели, чтобы на подробно расписанные и определенные для каждой местности на основании устаиовленной податной росписи налоги, хакимы и чиновники не выписывали бератов, чтобы они совершенно не касались бератов и нарядов, и таким способом множество серхенгов и аванов, число которых превысило [число] платящих подати ра'иятов, мустагалл и кормление которых происходило за счет до того немощных крестьян, что 'если бы муха утащила у них что-нибудь, они не смогли бы того от нее отнять',[1] оказались бы не в состоянии [производить злоупотребления]. А как только они лишатся [запретной] пищи, им придется поневоле поискать дозволенного законом пропитания, вроде торговли, земледелия, цветоводства и разного рода благоустройства и от дурных привычек обратиться к хорошим занятиям и к дозволенному насущному хлебу, чтобы, когда они года два-три позаймутся хорошими делами вместо дурных, они позабыли бы о непохвальных привычках, самоуправстве, позорных проступках, и в мире снова бы объявился закон да порядок, ибо они стали вельможами, перед которыми заискивают'. Сколько ни замышляли исправить дело, мечом, битьем, угрозой и тюрьмой, — оно не удавалось, а [удалось] только таким способом. Когда прежний государь своего времени отдавал кому-нибудь деревню и местность в виде постоянной пенсии[2] или жаловал икта, благотворительные учреждения, подарки и награды, или завещал в вакф, или [если] кто-нибудь от [имени] хатун, царевичей и эмиров оказывал покровительство какой-либо местности и не платил причитающихся дивану податей, или случайно какая-нибудь деревня приходила в упадок, мутасаррифы и аваны областей взяли в обычай в таких случаях доносить Большому дивану о вдвое большем количестве причитающихся с тех мест податей, списывать [их в расход] по ведомству мухтасибов[3] и присваивать себе. Поскольку у наибов дивана не имелось подробных росписей настоящего количества причитающихся с каждого места податей, то откуда им было знать, каково должно быть это количество. Поневоле они считали со слов и донесений мутасаррифов и тех лиц, которые держали сторону мутасаррифа и давали ложные свидетельства. Таким способом они расхищали большие суммы наличных денег. Поскольку ныне на основаиии закона в Большой диван поступили утвержденные и подробные податные росписи, то впредь уже никому не удадутся подобного рода подлоги, и для государей [своего времени] и для их наибов такие дела, как упомянутые, и другие, будут просты и ясны. В их пору никто не сможет друг друга обидеть и обременить. Настолько польза от этой подробной податной росписи и от определения [размера] налога ясна и понятна людям разумным и мудрым, что нет нужды распространяться в обстоятельном изложении. Поскольку помог промысел божий, накопился опыт и стало несомненно, что податная роспись для каждой местности закончена, и вследствие этого удалось в последние годы от имени Большого дивана писать подробныеераты с алтун-тамгой, то плоды этого появились: ра'ияты обрели покой, области расцвели, и скрытый смысл слов 'ты видишь землю бесплодной, но когда мы ниспошлем на нее воду, она поколеблется, разбухнет и породит множество разновидных растений'[4] стал явным. Ни одному авану не осталось возможным завладеть хотя бы одним данеком денег и маном припасов. Ра'ияты каждой деревни и местности узнали, сколько составляет установленный для них налог, и что [если] кто-либо стал бы взимать с них свыше этого, то оно не по праву, без основания и вопреки постановлению [государева] указа, что основным является разрешение дивана и что дивану от взимания не по праву и сверх установленного нет никакой пользы и прибыли. Ра'ияты же пусть не исполняют приказаний притеснителей и доставляют только те количества, которые установлены на основании бератов с алтун-тамгой, и совокупность их пусть достается казне, войску и Бейт-ал-малу.

S634 Ныне мы рассудили: раз-де цель этого мероприятия и устройства является благоденствие народа и стяжание вознаграждения [для нас], то мы и будем прилагать старания, чтобы это основание стало тверже и крепче, а воздаяние [за него] и существование его больше. Хотя мы для написания подробных бератов и назначили в Большом диване для каждой области битикчиев, дабы они выписывали бераты, а наибы украшали их знаками дивана и прикладывали нашу алтун-тамгу, однако снабжение знаками и прикладывание тамги нужно производить в [удобное] время и на досуге. Возможно, что по причине перемены времени, изменения обстоятельств, неотложных дел государства и окраин, смятений и затруднений, от которых не может быть свободен бренный мир, не удастся подробно расписать столько бератов, пометить и пропечатать. Когда же в этом будет допущена неизбежная задержка и отсрочка, то вследствие этого явится необходимость писать на области сокращенные бераты, и тогда снова аваны получат позволение писать бераты, наложат лапу на это, обнаглеют и по тому же способу и по старой привычке будут разорять мир, а средства казны и Бейт-ал-маля попрежнему будут подвергаться сокращению и истреблению. Все сметные расходы по области, вроде [расходов]

---

[1] Кор., 22_{72}.
[2] *бэ идрар ва мусамахэ.*
[3] *ихтисабиййат.*
[4] Кор., 22_{5}.

на благоустройство, жалованье,[1] постоянную пенсию,[2] милостыню и прочее, они тоже по своему обычаю будут откладывать и оттягивать под предлогом [сдачи] в казну денег, которых они никогда не сдают, или [посредством] иных отговорок и скрывающих [правду] росказней. Год за годом они будут проживать с этими отговорками. Все лишатся [принадлежащего им по праву]. *Этот введенный в течение столь долгого времени и с таким трудом закон, вследствие которого живущие на свете обрели благополучие, потеряет силу,[3] и они, алчные и смелые в тиранстве, станут повелевать бессильными ра'иятами.

Снова дело расстроится, все средства и взаимные отношения будут нарушены и загублены, и правда исчезнет, как это было по сию пору, но такое обстоятельство не подходит ни государям своего времени, ни войску, ни подданным. Мы замыслили против этого обстоятельства принять такие меры. Поскольку на основании закона деревня за деревней и место за местом подробно переписаны, занесены в реестры и на них составлены росписи податей и все реестры областей собрали в книгохранилище, которое мы построили в Тебризе рядом с гумбадом, ханкахом и абваб-ал-бирр, и препоручили [их] достойным доверия людям, и дали им жалованье, чтобы они [их] хранили, и мы для них учредили вакф, как указано в жертвенной грамоте,[4] и написали проклятье, дабы ни одна душа не объявила их недействительными, то по всяким затруднительным случаям, которые произойдут, пусть читают [в реестрах]. Если у кого-либо пропадут выданные контракт[5] или таблица [с росписью налогов], то пусть выдадут список оттуда, чтобы возместить. Один список мы повелели хранить в Большом диване и один — в каждой области, а контракты на руках таниев, арбабов и ра'иятов, дабы согласно тому, как составлена роспись податей,[6] каждая деревня и место пусть начертает [эту роспись] на [деревянных] досках или каменных [плитах] или медных и железных листах, на чем они сами захотят написать, а если захотят, пусть высекут надпись на алебастре и пишут на воротах деревни, на мечети, на минарете, — где хотят. У евреев и христиан на дверях храмов и на воротах деревень или в местах, где они пожелают, у кочевников — пусть ставят столбы [с надписью] в местах, где они сочтут полезным. Хакимы областей, исходя из установленной законом росписи податей и нашей алтун-тамги, пусть не прибавляя и не убавляя раздадут те списки в присутствии казиев, сейидов, имамов, справедливых свидетелей и вельмож города и обяжут ра'иятов каждой деревни и селения и каждое сословие, для которых в тех областях определены денежный налог и подати, чтобы они все поспешно, в течение двадцати дней, согласно установленной законом росписи, как упомянуто, укрепили посредством алебастра и гвоздей так, чтобы они остались на многие годы. Никто пусть их не переиначивает и не изменяет. Для селений, которым налог определен наличными деньгами,[7] уплата обязательна попрежнему наличными деньгами, для тех, которым [назначены подати] натурой,[8] попрежиему уплата обязательна натурой, причем для каждого разряда податей — в определенный срок. Устанавливаются точно так же и тамговые пошлины, дабы попрежнему их писали на досках. О каждом разряде из разрядов [податей], которые следует писать на досках, вчерне написано на обороте настоящего указа, дабы знали, как надобно писать о каждом разряде разных налогов, которые установлены и занесены в податные росписи S631
в различных областях, в какое время [приходится] срок [сдачи] для каждого из них и каким образом [происходят] прием и сдача. Надобно, чтобы каждый разряд [подати] написали на доске, согласно тому, как упомянуто в форме, дабы раисы и ра'ияты каждой деревни и селения сами в сроки определенного времени года собирали причитающиеся с них подати наличными деньгами и доставляли на майдан, ибо постановлено так, чтобы сборщик разбивал палатку на майдане города и с начала срока до того дня, пока дана отсрочка, пять раз в день били в литавры, чтобы доставляли и сдавали все подати с [причитающимися] фар'ом и казначейскими,[9] которые мы в каждой области установили. Пусть сборщик податей ни с одного селения решительно ничего другого не взимает под видом фуража, за услуги и тому подобного. От дивана ни в коем случае пусть [не выписывают] бератов и ни в одно селение или область не посылают сборщиков. Если раис и ра'ияты проявят нерадивость, нарочно отнесутся без внимания и не доставят податей в установленный срок, то пусть сборщик их заберет и взимает с каждой сотни динаров основной [подати] по одному динару пени, а каждому, кто провинился, даст по семидесяти палок, дабы этот закон и распорядок утвердились, польза от него распространялась на знать и простой народ и вследствие

---

[1] *марсӯмāт.*
[2] *идрāрāт ва мусāмахāт.*
*[3] L, I, P, B.
[4] См. Бейт-ал-канун на стр. 231.
[5] *шарт-нāмэ.*
[6] *муқаннин шудэ.*
[7] *вуджӯх-ал-'айн.*
[8] *аджнāс.*
[9] *хазāнадāрӣ*

нерадивости, невнимания и невежества немногочисленных лиц, миряне больше не попадали в лапы насилия аванов и неверующих и небоящихся бога людей. Отные сроки сдачи податей наличными деньгами и натурой, определенных и установленных согласно вечной и нерушимой податной росписи, о которой говорилось выше, назначены в таком порядке:

Срок

[сдачи] в каждой области податей наличными деньгами, разряды которых различны. В каждом селении разряд пусть напишут на доске в таком виде, как определено в росписи податей.

Исходя из этого, пусть доставляют и уплачивают

Копчур

и подати[1] с оседлых ра'иятов, которые по обычаю доставляют двумя частями.

Из совокупности годовых податей, установленных для каждого селения, одну половину доставляют сполна, начиная с Джелалова нового года в течение двадцати дней.

Другую половину доставляют сполна от «начала солнца»[2] 1 числа месяца мизана в течение двадцати дней.

Копчур

и подати с кочевников, которые по обычаю уплачивают в один прием в начале года.

Харадж

и налог,[3] который издавна положен наличными деньгами, и определено, чтобы они вносили его в один прием в начале года от дня Джелалова нового года в течение двадцати дней.

Харадж

наличными деньгами с некоторых местностей установлен так, что его платят во время урожая яровых, как в Багдаде и прочих местностях.

Пошлины

тамговые,[4] согласно тому, как они, каждая в отдельности, соответственно разным областям, написаны на обороте, пусть напишут на доске и выставят у ворот каждого селения, где взимают особую пошлину, дабы основываясь на этом, [их] доставляли по частям. Пусть ни одна душа не вносит в них новшеств и не вводит изобретенных правил, а откупщики под предлогом того, что мы [Газан-хан] повысили таможенные пошлины, пусть не взимают выше установленных пошлин и не вводят изобретенных [ими] правил.

Срок

и подробности приема и сдачи разного рода урожая жаркого и холодного поясов озимых и яровых, а также [урожая] некоторых степных краев, где яровых не бывает

Правила таковы, как они пишутся и подробно излагаются

S636 Обязательное условие

для областей жаркого пояса, касательно озимых и яровых

Озимую

пшеницу, ячмень и прочее, назначенные для каждой местности, за вычетом долей урожая,[5] пусть с 1 числа месяца...[6] доставляют на своих животных в назначенный той округе амбар и сдают приемщику. Крайний срок сдачи — двадцать дней.

Яровые

назначенные согласно податной росписи, за вычетом долей урожая, пусть доставляют на своих животных в назначенный в той округе амбар и сдают приемщику в месяце...[6] Крайний срок сдачи — двадцать дней.

---

[1] *мутавадджихāт.*
[2] *ибтида-и афтāб.*
[3] *мāл.*
[4] *ма'хӯзāт-и тамғā.*
[5] *мавзӯ'āт.*
[6] Пропуск в рукописях с оставлением пробела.

Обязательное условие

для областей холодного пояса, дающих урожай яровых, — там же, где яровых не бывает, не сомневаясь пусть на них пишут, озимые, — согласно утвержденному в податной росписи

Озимые

согласно утвержденному в податной росписи, за вычетом долей урожая, пусть сполна на своих животных доставляют в назначенный для той округи амбар в месяце...[1] [Крайний срок сдачи — двадцать дней].[2]

Яровые

согласно утвержденному в податной росписи за вычетом долей урожая, пусть сполна на своих животных доставляют в назначенный для той округи амбар в месяце...[1]

Точно так же во всех областях, которые мы пожаловали хатунам, царевичам и эмирам, или отдали в икта войску, или передали во владение разным лицам, посредством ваджх-намэ, [и в качестве] постоянной пенсии,[3] ихтисабийе, жалованья,[4] вспомоществования,[5] милостыни[6] или вакфа на этом же основании, согласно податной росписи, выставили бы доски [с надписями] во всех селениях, чтобы упомянутые мутасаррифы не могли взимать по своей прихоти диванские подати свыше [установленного] и жители того селения тоже не испытывали стеснения, ибо надобно, чтобы правосудие государя в каждом месте словно солнце обращалось вокруг дел живущих на свете,

Стихи

'Как солнце посреди неба, свет которого
Покрывает страны и на Востоке и на Западе'.

Поскольку в настоящую державную пору цель этого дела заключалась в благоденствии народа, твердом управлении войска, способствовании поступлению сумм в казну и Бейт-ал-маль, устранении злодеев, воров и притеснителей, и [поскольку] на опыте было установлено, что ра'ияты стали довольны, покойны и благодарны, что исправление обстоятельств, которые выше упоминались, произведено было таким способом, что средств добывается вдвое больше того, что прежде поступало в казну наших предков, и нет уже нужды в поборах и запросах, то несомненно, что такие дела, как упомянутые, подобают всем справедливым государям и достойны мнения и мероприятий сострадательных и искусных в своем деле эмиров, столпов государства, везиров и верных и опытных наибов в любой век и пору.

'Эта книга не выдуманное предание, а подтверждение открытого до нее, изъяснение всего сущего, руководство и милость для всех верующих'.[7] И если преступят ее, S633
то это станет причиной их позора и наказания. 'Те, которые желают большего, те суть преступники',[8] ибо это общеполезное дело, устроение и строгий порядок приведены в исполнение, ра'ияты и весь народ вследствие этого благоденствуют, налоги определены и установлены.

Если же какой-нибудь тиран дозволит переиначить и изменить, то пусть он боится огорчения, поношения и жалоб людей, ибо [нельзя] вообразить себе наказания более ужасного и ада более мучительного, 'и узнают те, кто тиранствует, каково им будет, когда они получат свою участь'.[9] А миряне пусть тоже не поддаются и говорят: 'Не облекайте правду в одежду лжи и не утаивайте правды противу вашего знания'.[10] Неминуючи каждый, кто переиначит и изменит, заслужит проклятье и гнев создателя и народа, 'кто изменит повеление, после того как слышал его, тогда вина падет на тех, которые его изменили'.[11]

В таком роде мы отправили указы во все владения. Настоящий указ мы послали для области...,[1] дабы, как разъяснено, написали на доске и вскорости справили тот разряд из разрядов податей и произвели [те] расчеты с казной, которые касаются этой области согласно тому, как определено и занесено на обороте [сего указа]. Всякий, кто совершит

---

[1] Пропуск в рукописях с оставлением пробела.
[2] L, I, P, B.
[3] *идрāрāт ва мусāмахāт.*
[4] *марсӯмāт.*
[5] *ин'āмāт,*
[6] *садақāт.*
[7] Кор., 12_{111}.
[8] Кор., 23_{7}.
[9] Кор., 26_{228}.
[10] Кор., 2_{39}.
[11] Кор., 2_{177}.

преступление, будет виновен. Написан в средине божьего месяца раджаб-ал-асамма лета 703 [II 1304] в месте Олджейту-Буйнук на Хуланморене. 'Слава богу, господу миров. Да будет молитва и привет над лучшим из людей его, Мухаммедом, и родом его'.

Что же касается областей, в которых диванские налоги и подати причитаются с урожая и наличными деньгами, большая часть которых добывалась посредством [податных] оценок[1] [урожая] и разверсток,[2] [где] выставление поводов [к новым поборам со стороны] хакимов, чиновников и мутасаррифов, [ведающих] налогами, в этом отношении имело полную возможность, [где] в каждую пору выдумывали [новые] правила и законы, назначали множество должностных лиц под разными названиями, и многие годы требовали подати вперед, а во время установления цен[3] для ра'иятов и музари'ев происходило значительное набавление и обременение и разного рода таких притеснений больше, чем можно вместить в пределы, то это [государь] также глубоко расследовал в Багдаде и Ширазе, которые являются двумя важными владениями, принял против этого меры и исправил. Подати назначили на основании податной росписи, а земли роздали навсегда таниям и откупщикам таким образом, что средства поступают вдвое больше того, что было поименовано, но не поступало. Все арбабы, землевладельцы[4] и ра'ияты спокойны и благодарны, а руки хакимов совсем стали короткие, чтобы предъявлять неосновательные запросы, и притеснения аванов сразу были устранены. Разного рода изъяны, которые имели место в государстве, и способы исправления каждого из них полностью разъяснены и подробно изложены в указах, которые написали для этих областей. Для всех оно ясно и известно, а потому рассказано кратко. Да насладит навеки всевышний господь этого творящего справедливость и распространяющего правосудие государя жизнью и державой и да ниспошлет ему награду за эти добрые деяния [еще] в его державную пору, которая есть предмет зависти Дария, Ардавана, Ардашира и Ануширвана.

Рассказ семнадцатый. О заботливом и внимательном отношении к ра'иятам и отстранении от них насилия

S638 Поскольку в предыдущих главах уже были описаны разного рода несправедливость, гнет и насилие, производимые над ра'иятами, и те стеснения, которые разными способами им причиняли, то мы [их] не повторяем. Из того повествования явствует, если сравнивать, что в глазах у хакимов и прочих комья грязи и мусора вызывают к себе уважение, а ра'ияты нет, и что сор на дорогах столь не топтался [ногами], сколько ра'ияты. Государь ислама Газан-хан, 'да увековечится его владычество', из совершенства [своей] справедливости дознался до сути обстоятельств и повелел эти дела поправить. Как уже было упомянуто, от счастья его правосудия все приобрели покой. То, что особо выделено в настоящую главу, заключается в том, что всегда, когда [Газан-хан] видел воочию или ему докладывали, что со [стороны] приближенных или воинов нанесены обида и вред ра'ияту и они кое-что забрали, он тотчас же повелевал, чтобы они под ударами палок и дубинок [взятое] возвращали обратно, так чтобы людям было неповадно. В случае, если он в добрый час выезжает на охоту, то когда прибывают в пределы какой-нибудь деревни, он приказывает, чтобы овец, куриц и все необходимое, идущее лично для него, покупали бы целиком за деньги,

[1] *харадж*.
[2] *мукāсамэ*.
[3] *тас'ӣр*.
[4] *маллāк*.

точно так же и из стад и станов монголов. Все, что стоит один динар, он оценивает в два-три динара. Цель заключается в том, чтобы, когда другие увидят такое обстоятельство, то держали бы себя в границах, воздерживались от насилия и крутых мер и подражали тому похвальному образу действия. Всегда, когда его высокому усмотрению представляется, что один из эмиров или воинов в какой-нибудь области учинил насилие и допустил крутые меры, он, обвинив, наказывает палочными ударами младших эмиров, а старших притягивает к ответу и порицает. Однажды он сказал: „Я-де не держу сторону ра'иятов-тазиков. Ежели польза в том, чтобы всех их ограбить, то на это дело нет никого сильнее меня. Давайте, будем грабить вместе. Но ежели вы в будущем будете надеяться на тагар и столовое довольствие [1] и обращаться [ко мне] с просьбами, то я с вами поступлю жестоко. Надобно вам поразмыслить: раз вы ра'иятов обижаете, забираете их волов и семена и травите хлеба, то что вы будете делать в будущем? О том, что вы бьете и мучаете их [ра'иятских] жен и детей, [тоже] нужно подумать, как нам дороги наши жены и дети и милы сердцу, а ведь и им точно так же, они тоже люди, как и мы. Всевышний господь препоручил их нам. С нас спросят за их добро и зло, что же мы ответим, когда [сами] их обижаем? Все мы сыты, никакого ущерба нам нет, так что же нам нужно. И что за благородство и доблесть обижать своих ра'иятов? Кроме злополучия, в похвалу за это ничего не достанется, и всякое дело, к которому обратятся, будет безуспешным. Надобно отличать покорного ра'ията от врага. Разница [между ними] заключается в том, что от покорных ра'иятов находятся в безопасности, а от врагов в опасности. Как же допустимо, чтобы мы покорных не оградили от опасности, и они испытывали бы от нас муки и неприятности. Во всяком случае, их проклятья и дурные пожелания будут услышаны [богом]. Надобно подумать и о том, что я постоянно вас так увещеваю, но вы не обращаете внимания". Вследствие подобного рода увещеваний, из тысячи стеснений, которые до этого причиняли, [теперь] встречается одно, и ра'иятское общество владений умножило молитвы за державу [Газан-хана], да будут они услышаны, 'клянусь богом и величием его'.

Рассказ восемнадцатый. Об отмене улага, сокращении числа гонцов и о запрещении им стеснять народ

Хотя государям бывает необходимо посылать послов и гонцов в разные страны и края, и дела государственные через то могут быть укреплены и упорядочены, однако вошло в обычай [вообще] посылать их и для доставления известий о здоровье, даров и подношений и ради важных дел окраин, войсковых дел и государственных тайн. Очевидно, что нужда в посылке гонцов по таким делам случается в год несколько раз. К настоящему времени постепенно дошло до того, что все хатуны, S635
царевичи, эмиры ставок и эмиры-темники, тысячники и сотники, воеводы областей, кушчии, барсчии, ахтачии, корчии, эюдэчии и прочие разряды [чинов], назначенные на разные должности, помалу и помногу за всяким делом посылали гонцов по областям, а также посылали их по разным надобностям в монгольские кочевья. Установился обычай, что население областей стало отдавать своих сыновей в инджу и уртаки хатунам, царевичам и эмирам и получало за это какую-нибудь малость. А у них имений, имущества, сделок и тяжб было помногу, и каждый посылал гонца и законным и незаконным образом устраивал свои дела. Противники же их от множества беспокойств

и расходов выбивались из сил и поневоле шли под защиту других, брали от них гонца и искали отмщения, и возмещения у тех людей. Те опять посылали гонцов, и из-за этих людей постоянно сновали взад и вперед гонцы, и покровители из рвения и пристрастной привязанности [к своим подзащитным тоже] непрерывно слали гонцов. Другие были такие, — умрет человек, а его наследники друг с другом не ладят, и все, жаждая получить побольше наследства, отдавались под покровительство, посылали друг на друга гонцов и занимались этим всю жизнь. Им следовали другие люди, пока для всех это не стало ремеслом. Были еще раисы деревень, находившие себе каждый другого покровителя и гонявшие по области гонцов ради спора о должности раиса. Иные брали гонцов под предлогом того, что в такой-то области можно раздобыть тонсук, и расходовали во много раз больше того, чем доставали. Эюдэчии, под предлогом устройства тагара, столового довольствия и саверина, рассылали по областям столько гонцов, что городские диваны были полны ими; точно так же [поступали] и эмиры, [заведывавшие] оружием, конюшнями и животными и прочим. Кончилось тем, что по дорогам гонцов стало попадаться больше, чем караванов и всех путешественников [вместе]. Если бы даже в каждом яме держали пять тысяч лошадей, то улага для них [гонцов] нехватило бы. Забирали монгольские табуны, которые держали на летних и зимних стойбищах, и садились [на них]. Спешивали все караваны и путешественников, которые прибывали из Хитая, Хиндустана и других дальних и ближних стран, [а также] и эмиров, баскаков, меликов, битикчиев, казиев, сейидов, имамов и челобитчиков, едущих в [государеву] ставку, захватывали их лошадей, а их оставляли посреди дороги. Некоторых вместе с пожитками [покидали] даже в страшных местах. Из-за множества гонцов, которые так вот разъезжали, дошло до того, что воры и разбойники придавали себе наружный вид гонцов и, выходя на дорогу, говорили: „Мы-де гонцы", — брали у них [у проезжих] лошадей для улага, а [затем] вдруг хватали их, связывали и грабили пожитки. Часто бывало, что одни гонцы отбирали улаг у других гонцов под предлогом, что наш-де путь поважнее. Дошло до того, что каждый, у кого было больше провожатых и силы, тот и отбирал улаг у другого. Когда разбойники проведали о таких делах, то они и гонцам [числом] поменьше говорили: „Мы-де гонцы" — силком отнимали у них улаг, их [самих] грабили и даже забирали у них [государевы] ярлыки и пайзы. Стало так, что большая часть разбойников с пайзами и [государевыми] ярлыками,* преградив горные перевалы,[1] выходили для разбоя на дороги, хитро и коварно, под предлогом выполнения обязанностей гонцов, нападали на путников, едущих с караванами, и гонцов и грабили животных и пожитки.

Гонцы не удовлетворялись только улагом и путевым довольствием,[2] а как только приезжали к кому-нибудь, так сейчас же, под разного рода предлогами поднимали ссору и, причинив разные неприятности, забирали добро. Коноводы же их отнимали от людей одежду, головные уборы и все, что видели. [Гонцы] преднамеренно получали больше S640 улага [чем нужно] и [его] распродавали. Все, что они находили в деревнях, они силой тащили [с собой]. Если в один день они приезжали в десять деревень и кочевий, то со всех этих мест они брали путевого довольствия во много раз больше, чем [требовали] дорога и ясак, и поскольку корма у них оказывалось в излишке, они [его] продавали.

*1 Возможно также перевести «прихватив заводных лошадей».

2 *'алафэ*.

У них постоянно только и было дела, что торговать по дороге фуражем,[1] так что даже китайские и индийские купцы столько [не торговали], ездя туда и обратно. Из изложения этих обстоятельств явствует, сколько тысяч гонцов в году ездило туда и обратно, сколько они брали улага и фуража, сколько народу избивали, вешали и обижали. Так как ра'ияты постоянно отвлекались ими, по случаю требования фуража и [разных] запросов и по ночам стерегли их лошадей и пожитки, то становится удивительным, каким образом достигалось хлебопашество в таком размере, что от него получалось пропитание народа. Это нельзя приписать ни чему иному, как милости небесной, которую ниспосылал господь, не лишая рабов [своих] насущных средств жизни.

Вследствие множества этих разъехавшихся [по сторонам] непутевых и никчемных гонцов, которые всюду, куда приезжали, говорили, что я-де сын или брат такого-то нойона и еду по такому-то щекотливому и важному делу, начальники ямов,[2] хакимы, раисы и ра'ияты понимали, что все это одна пустая ложь. Если же случалось, что ехал почтенный гонец по важному делу, то по примеру прочих у него в глазах людей было не слишком много веса и в сердцах уважения к нему не было. По этим причинам никакого почтения к гонцам не осталось, и для всех они были наихудшими тварями. Поскольку у настоящих гонцов не оставалось веса, вследствие смешения их [с прочими], им не доставалось ямского улага, или [доставался] лядащий. Путники и кочевники были напуганы, передвигались окольными дорогами и устраивали привалы в горах. По этой причине всегда, когда гонец ехал по тонким государственным делам, он не мог прибыть [к месту назначения] в срок, даже в два-три раза больший, чем надобно, и разумеется, этим производил вред. Постоянно ему приходилось притягивать к ответу начальников ямов за худобу ямских лошадей. Хотя в каждом яме держали пятьсот голов лошадей, но никогда [там] не находилось и двух крепких лошадей, на которых бы спешный гонец[3] [мог] сесть. Кроме того, что в каждом городе на ямы и на содержание гонцов обращали несколько туманов денег, хакимы областей по этому же поводу собирали с ра'иятов еще суммы денег и частью пускали в расход [на гонцов], частью присваивали [себе]. Тамговые [пошлины], которые являются самыми верными налогами во владениях, во всех областях всегда обращали на содержание гонцов, но их нехватало на их переезды. Хакимы [оплату] фуражного довольствия переводили на тамговщика и скрывались, а когда и этого всего нехватало, тамговщик тоже прятался. Между гонцами подымался спор, и, в конце концов, тот, кто брал верх, отнимал деньги. Поскольку вес и значение [гонцам] придавала толпа провожатых, то они старались, чтобы вокруг них собиралось побольше нукеров. Нукеров приглашали из [числа] родственников и друзей. По дороге они привлекали к себе людей всякой породы, и за ними следовали бродяги и беспутные люди.[4] Стало так, что гонец, которого не признали бы государь и старшие эмиры, при небольшом деле, по которому он ехал, брал с собой двести-триста всадников, а некоторые, которые были познатнее да поименитее, ездили с пятьюстами и тысячью всадников. Иногда бывало в каком-нибудь городе при диване расставляли почти двести стульев, принадлежавших гонцам, и хакимы говорили: „У кого-де дело неотложнее, [тому] устроим раньше". По этой причине гонцы друг с другом спорили, и, как только [один] брал верх, хакимы под его защитой спасались из рук других.

[1] *'улуфэ.*
[2] *йамчи.*
[3] *илчи-и йаралту.*
[4] *авбаш ва рунуд.*

S637 [Эти] предоставляли ему небольшую отсрочку, давали ему взятки и проводили время. В конце года все эти гонцы возвращались обратно, не выполнив дела и производя безмерные расходы. Разного рода убытки и вред, которые выпадали из-за этих гонцов, были гораздо больше того, что можно описать.

Государь ислама, 'да увековечится его власть', из совершенства [своего] правосудия признал необходимым исправить эти обстоятельства и сказал: „Дело, вред от которого стал таким огромным постепенно, и к которому все люди привыкли, нельзя устранить вдруг, одним разом, а удастся это медленным путем". Приступив к исправлению, он в первый год приказал: „Для нас-де надобно заложить особые ямы, чтобы спешные гонцы по важным государственным делам и надобностям окраин ездили бы пользуясь ими, и ни одна душа не садилась бы на тех лошадей, дабы эти гонцы имели преимущества перед другими и быстро достигали места назначения". Вышел указ, чтобы по всем важным, нужным дорогам через каждые три фарсанга заложили ямы и держали в них по пятнадцати крепких лошадей, а в некоторых местностях, не столь важных, — меньше. Он приказал не давать этого улага никому, пока не будут предъявлены благословенная подпись и собственная алтун-тамга [государя]. Каждый ям он вверил одному старшему эмиру и для дел и надобностей [ямов] отдал им в распоряжение[1] определенные области, так чтобы [у них] было больше денег,[2] чем нужно, чтобы не оставалось предлога [их добывать]. [Государь] сказал: „Я ради того даю вам больше денег, чтобы никак не случалось недостатка, а излишки вы тратьте в свою пользу, [чтобы] каждый день не подымался какой-нибудь айгак, что денег-де больше, чем требуется, что он-де расстраивает это дело или что [дело] надобно отдать другому, что ям остается без твердого управления. Так как вы старшие эмиры, то для вас лишних денег не жалко, вы же должны это важное дело содержать в порядке". Поскольку существовала необходимость начальникам пограничных областей посылать гонцов с извещением об обстоятельствах пользуясь этими ямами, то государь роздал каждому по нескольку грамот со своим обычным именным знаком и алтун-тамгой, частью на два улага, частью на три и на четыре, чтобы они давали их гонцам. Для начальников же ямов было бы твердо установлено, что, кроме как по этому именному знаку, улага давать не следует. Затем [государь] изволил сказать: „Цель [посылки] спешного гонца заключается в том, чтобы он прибыл поскорее [к месту назначения], но ежели он будет даже из рода нойонов, то чтобы не ехал больше, чем на четырех улагах". Еще он приказал: „Ежели дело будет весьма спешное, то чтобы писали письма и, запечатав, отправляли через ямщиков[3] тех ямов, чтобы они гнали, а на письмах надписывали: из такого-то места в такое-то". Каждому начальнику пограничной области [государь] роздал „черновую тамгу",[4] чтобы они ее проставляли на тех письмах и начальники ямов на пути знали, ибо ранее была отправлена подлинная[5] [тамга]. Так как через каждые три фарсанга находится ям, и ямщики скачут разные, то в сутки они проскакивают шестьдесят фарсангов, и спешные сообщения прибывают из Хорасана в Тебриз в три-четыре дня, а если едет гонец, то он раньше, чем через шесть дней приехать не может. В каждом яме [государь] приказал завести еще

---

[1] *тасарруф.*
[2] *вуджӯх.*
[3] *ӯлāчи.*
[4] *тамға-и савāдӣ.*
[5] *аṣл.*

двух курьеров,[1] чтобы, если будут важные дела в областях, то на запечатанные письма проставляли бы курьерскую тамгу и надписывали бы: „Отправлено из такого-то места в такое-то". На опыте установлено, что курьеры в сутки без перерыва[2] проскакивают тридцать фарсангов, и всякое известие прибывает в короткий срок. Через некоторое время [государь] приказал: „Телохранители и состоящие при нашем высочестве день и ночь, в жару и стужу служат [нам] неотлучно и на охоте, и на войне и ездят на своем улаге и на своих кормах.[3] Зачем же лицам, едущим управлять [областями], ехать безостановочно[4] и получать корма, а когда прибудут в область, обращать на расходы [получаемое от] фар'а и обязательного попечения. Поскольку это было разумно, то по этому поводу было приведено в исполнение постановление указа. Некоторое время царил такой порядок, и ямы туманов были упразднены, а деньги, которые расходовались на них, поступили в казну. Так как для гонцов, которых посылал государь, уже не было улага, то как же было брать [его] другим. Было также повелено, чтобы ни одна душа не посылала гонцов, кроме как к его высочеству. По этой причине [посылка] гонцов другими была устранена. Вышло постановление, что если кто-либо по своему делу пошлет в какую-нибудь область или место гонца, то ему не давали бы путевого довольствия, тамошние хакимы хватали бы [пославшее] лицо, заковывали в цепи и бросали в тюрьму. Когда стало так, то те люди, которые свои дела устраивали через гонцов, бросили это делать. Затем [государь] приказал: „Гонцам, которые отправляются в области, мы будем выдавать деньги на путевое довольствие из казны в размере, нужном для поездки туда и обратно, чтобы они нигде [ничего] не брали, а когда приедут к месту [назначения], довольствовались бы из предназначенного фар'а". И каждому гонцу, который назначался куда-либо в область, выдавали из казны наличными деньгами стоимость путевого довольствия. Это обстоятельство стало известно во всех областях и местностях и, поскольку гонцы, ехавшие по повелению государя, 'да укрепится навеки его царство', не имели возможности пользоваться фуражным довольствием [бесплатно], то как же люди могли давать его другим. По этой причине в [течение] этих двух лет по всем владениям в городах, деревнях и станах исчезла повинность поставки улага и фуражного довольствия. Больше того, ни одна душа даже не видит гонцов, потому что гонцы, которые скачут на ямских курьерских лошадях,[5] день и ночь находятся в пути и у них нет даже времени озаботиться немного поесть. От областей в год без сомнения отправляются около тридцати гонцов, и так как нет указа, чтобы они по дороге получали фуражное довольствие, то никто их от прочих путешественников не отличает. Вследствие такой всеобъемлющей справедливости [государя] весь народ успокоился. Монголы и кочевники на стойбищах свободны от тягот, купцы и приезжающие и уезжающие по дорогам в безопасности, жители городов и деревень в душевном спокойствии заняты стройкой и земледелием и все, с женами и детьми, от души и сердца творят молитву за державу государя. Да будет она услышана [богом].

S642

Еще [государь] приказал: „Если когда-нибудь по необходимости и придется дать каким-нибудь людям улаг в несколько лошадей или ослов, чтобы переехать из одной области в другую, то плату за них пусть отдают им [предоставившим улаг], дабы он принадлежал им, и

---

[1] *пайк.*
[2] *ӯлāм бэ ӯлāм.*
[3] *улӯфэ.*
[4] *бэ дӯлӣ.*
[5] *бӣнджӣк-и йāм.*

название «улаг» чтобы тут вовсе было не при чем". До этого сокольничие и ловчие доставляли соколов и барсов на улаге. [Государь] приказал, чтобы им для поездки выдавали стоимость [вьючных] животных, путевое и фуражное довольствие, и они бы по дороге ничего не брали, а каждое [вьючное] животное, которое по прибытии останется, принадлежало бы им.

Благодаря таким мероприятиям царство стало процветать и снова приобретало богатство и устроение. Средства, которые предназначались на содержание ямов и гонцов, или [которые] взимались с излишком, поступают в казну, и то, что пропадало [раньше] по этому случаю у ра'иятов, остается [теперь] у хозяев. Да ниспошлет всевышний господь благоденствие от этого правосудия в державные дни [Газан-хана], 'милостью существования своего, скрытым [от людей] милосердием и щедростью своей'.

Рассказ девятнадцатый. Об изгнании воров и разбойников и охране от них дорог

От мирян не скрыто, до чего доходили раньше засилье и господство разбойников и воров. Хотя разновидности их больше всего состояли из монголов, тазиков, муртаддов, курдов, луров, шулов и сирийских [арабов], но к ним приставали также и бежавшие гулямы, и шли городские подонки и сволочь.[1] Некоторые сельские и окрестные жители становились с ними заодно и ходили у них в проводниках. Во всех городах [разбойники] держали лазутчиков, чтобы они извещали о выезде разного состояния людей. Если иногда попадались некоторые грабители, которые уже долгое время разбойничали на дорогах и приобрели в этом деле славу, то кой-какой народ их защищал: как-де можно убивать такого богатыря, надо ему оказать покровительство. По этой причине другие грабители становились все нахальнее и смелее. Несмотря на то, что существовало такое старинное законоположение, что когда нападают грабители, то люди, едущие с караваном, гонцы и путники [должны] объединяться вместе и их отражать, в последнее время, когда грабители выходили на дорогу, эти люди друг другу не помогали. Большей частью бывало так, что грабители обстоятельно знали положение тех людей, [в них] разбирались и кричали: „У нас-де к тем, у кого ничего нет или есть мало, дела нет". [Тогда] эти люди отходили в сторону,
S639 а других грабители избивали и убивали. Если грабили в окрестностях какого-нибудь стана кочевников или деревни или города, то сколь бы это ни было близко, и отражение [разбойников] возможно, жители тех мест не вмешивались. Напротив, доходило до того, что у грабителей в каждом роду кочевников и оседлых жителей деревень были приятели и товарищи. Многие люди это знали, но об этом не заявляли.[2] Если даже иногда [это] обнаруживалось, то никогда не докладывалось [государю]. При помощи некоторых раисов и старост деревень, которые являлись их знакомыми и приятелями, во все времена года для них были наготове все необходимые средства. Многие ходили в гости в жилища этих людей и во время опасности бежали к ним. В городах у них тоже были знакомые, продававшие их товар. Иногда они проживали с ними вместе один-два месяца и вместе проедали награбленные деньги. Господство разбойников доходило до того, что они

[1] *рунӯд ва авбаш.*

[2] P и B — доб. „по той причине, что благодаря покровительству они обретали свободу, и тот, кто разглашал их тайну, уже не мог больше жить из страха и ужаса перед разбойниками".

ночью, вдруг окружив дом какого-нибудь эмира, разграбляли [его]. Тотгаулы и *сборщики подорожной пошлины[1] только и делали, что взимали с путников все, что хотели, и задерживали караваны под предлогом того, что среди вас-де имеются воры и беглые,[2] пока разбойники об этом не узнавали и не выходили на дорогу. Никогда [тотгаулы] не преследовали грабителей, и приезжающим и уезжающим никогда не доставалось столько огорчений от грабителей, сколько от тотгаулов и сборщиков подорожной пошлины, ибо вред от грабителей случался иногда, а к тем они попадали в лапы на каждой стоянке в двух местах. Сколь много караванов выбирали неизвестные дороги, очень дальние и весьма трудные, чтобы только избавиться от вымогательских лап[3] тотгаулов и сборщиков подорожной пошлины. Государь ислама, 'да увековечится его власть', счел нужным исправить это положение. Во-первых, он постановил, что всякий человек, который во время нападения грабителей отделится от своих спутников и вместе с другими не займется отражением, тот будет виновен, и на нем [будет лежать] ответственность за кровь и имущество товарищей. Еще [государь] приказал, что на [жителях] мест вроде станов кочевников и деревень, находящихся ближе [других] к месту, где разбойники чинят грабеж, лежит обязанность пойти по следам и найти грабителей, в особенности, если их известили. Будь то ночью или днем, им надлежит итти в погоню верхом и пешком до тех пор, пока они не найдут [грабителей]. Еще [государь] повелел безжалостно казнить всякого человека из монголов и мусульман, который в станах кочевников, деревнях и городах оказался бы в сговоре с грабителями и [это обстоятельство] раскрылось бы. На это важное дело [государь] назначил эмира Ингула, который является близким к его высочеству лицом и известен тем, что не считается с личностями и нисколько не церемонится. Многих из разбойничьего племени он переловил и всех предал казни, а некоторых доставил, ущемив им головы и руки в рогатины. Айгака, который давал указания эмиру Ингулу и опознавал S644
тех людей, [государь] жаловал в тарханы и издавал указ, чтобы он постоянно занимался розыском. Поскольку [государь] одобрял, что эмир Ингул казнил тех людей, он дарил ему все их добро и животных. Он приказал, чтобы казнили каждого человека, который свершает даже мелкие кражи. Вследствие этого во владениях объявился такой страх перед расправой, что впредь ни одна душа не осмеливалась вступить в союз с грабителями. Разбойники же, когда поняли, что друзей, средств и места [для них] уже не найдется, стали грабить меньше, и появилась некоторая безопасность. Затем [государь] приказал, чтобы во всех владениях, в опасных местах по дорогам сели определенные сборщики подорожной пошлины, и чтобы они взимали в виде баджа с каждых четырех груженых ослов, идущих караваном, — пол-акча и с каждых двух верблюдов — пол-акча, и отнюдь не брали больше, а с животных, идущих без поклажи, и с таких, что перевозят съестные припасы и зерновой хлеб, не требовали бы ничего. Если случится грабеж, каждый сборщик подорожной пошлины, который находится ближе к тому месту, [должен] заполучить грабителя, а нето он ответит за [ограбленное] добро. Исходя из этого, ото всех отобрали подписку. Всех сборщиков подорожной пошлины [государь] препоручил эмиру Боралиги сыну эмира Чинкура, который в пору Аргун-хана был старшим эмиром тотгаулов, и повелел, чтобы он тоже вверил каждую дорогу почтенному

---

*1 *рāхдāрāн*.
2 *балāрīғ*.
3 *даст-и танāкис*.

человеку. Для того, чтобы сборщики подорожной пошлины не сидели в местностях безопасных и легкопроходимых местах и не оставляли без присмотра опасных местностей, а также не сидели бы [числом] больше нужного, [государь] приказал, чтобы, действуя осмотрительно, в нужных местах построили из камня и извести столбы и прикрепили бы к этим столбам плиты, на которых написали бы число сборщиков подорожной пошлины в той местности и условия ясака, который по этому поводу установлен, дабы они не сидели вне [пределов] этой местности и [свыше] определенного числа и не взимали больше установленного. Называют их «плитою правосудия», и назначение их ясно и очевидно. Прежде каждый, кто хотел, будучи [сам жителем] какого-нибудь стана кочевников, садился у дороги и взимал подорожную пошлину под предлогом исправления должности тотгаула. В настоящее же время, поскольку на плитах написано, что всякий, кто сидит вне тех местностей, является вором, никто из монголов и тазиков не осмеливается садиться в другом месте. В течение этих двух лет, как [государь] издал этот ясак, во владениях грабили по дорогам немного, а если иногда и случался [грабеж], то грабителей задерживали вместе с добром и предавали казни. Вследствие этого все те люди бросили этот образ действий, и установилась безопасность дорог. Еще [государь] приказал, чтобы караваны и путники, которые на больших дорогах хотят расположиться близ какой-нибудь деревни или кочевья, [должны] прежде спросить у старшин тех жителей, есть ли в этой округе разбойники или нет. Если скажут, что есть, то располагались бы в кочевье или в деревне, и надобно, чтобы они [жители] не препятствовали. Если же скажут, что разбойников нет, то располагались бы в поле, а если случайно что-нибудь утащат, то отвечать будут те жители. Однако это постановление не распространяется на городскую округу, потому что в тех местностях оно неисполнимо. Когда дороги таким путем упорядочили и доставили эмиру Боралиги подробные [списки] имен сборщиков подорожной пошлины и их эмиров, то [оказалось], что этим делом заняты около десяти тысяч человек, целое войско. Имеется приказ, чтобы они не уходили ни на какое другое дело и оберегали бы жизнь и имущество всех путешествующих так, чтобы они со спокойной душой могли разъезжать и со всею искренностью творить молитву за державу, да будет она услышана '[клянусь] истиной его истины'.

Рассказ двадцатый. Об обогащении пробы золота и серебра на такой лад, как еще никогда не было и лучше не может быть

S641 Не скрыто, что с древнейших времен и поныне ни в одну пору монеты всех владений не были имени того государя, который являлся владыкой совокупности [этих владений], в особенности в такие времена, когда эти владения находились в руках нескольких государей и властителей. Постоянно проба золота и серебра в [разных] местностях была различна. В некоторых владениях хотели даже ввести строгий порядок в [монетное дело] и установить одинаковую пробу, [однако] сколько ни издавалось постановлений, дело не шло в ход согласно повелению, и упорядочить его не смогли. Несомненно, одно из достоинств царей заключается в том, что читают хутбу и чеканят монету их именем. До настоящего времени в Руме, Фарсе, Кермане, Грузии и Мардине монету чеканили именем тамошних меликов и султанов и разной пробы. В нескольких местностях, в отношении которых в пору Аргун-хана и Гейхату вышел указ, чтобы там серебро чеканилось пробы 9 : 10, по названию так и было, однако [на деле проба] была не более 7 : 10 и 8 : 10.

Румские серебряные деньги,[1] которые по сравнению с прочими местностями были лучше, дошли до того, что в десяти динарах содержали в сплаве только на два динара серебра, остальное все была медь. Неоднократно монгольские гонцы с тазикскими битикчиями по постановлению указа ездили в области для обследования пробы и производили огромные расходы, но, соглашаясь на взятки, не привлекли к ответу ни одного преступника, и [те] не стыдились чеканить и пускать в ход серебряные деньги, которые сразу, даже по виду казались медными и в которых обнаруживалось не много следов серебра. Поскольку монеты имели хождение, [согласно указанному на них] числу, то срезали края серебряных монет. Так как проба в [разных] областях была различна, то купцы, само собой, не торговали товарами, а в какое бы владение ни ехали, скупали золото и серебро более высокой пробы, чем в месте их назначения, ибо выгода в этом была большая. По этой причине товаров в большей части местностей нельзя было найти, и дошло до того, что звонкую монету покупали дешевле, чем она стоила, а в противном случае [ее] не принимали. Каждый, кто хотел истратить в какой-либо области сто динаров, терпел свыше десяти динаров убытка, а часто и двадцати динаров. Никакие поборы не тяжелее этого, потому что неторговые люди из денег, которые предназначены на их нужды, на каждые две-три [единицы] теряют десять-двадцать. При этом [им] приходится положить много трудов, пока от них не примут звонкую монету, в особенности в селениях и станах кочевников, которые не разбираются в пробах и не решаются принимать [монеты, не зная], которая лучше.

Польза от существования золота и серебра заключается в том, что посредством их удовлетворяются людские потребности, и то, что желают быстро добывается. Когда же обстоятельства с золотом и серебром становятся такими, что из-за них появляются споры и неприятности и во время расходования никто их не принимает, то это противоречит обычаю и нраву мира. Исправить эти изъяны государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', надумал так, что сначала установил по своему нраву [образец] монеты, сделал на ней такой знак, что никому не удастся этот знак подделать, и приказал, чтобы во всех владениях золото и серебро чеканили по этому [образцу], дабы повсюду монеты были воимя бога и посланника [его]. Его [государя] имя тоже было помещено. Даже в Грузии, где никогда не чеканили монету во имя бога и посланника [его], стали по необходимости [ее] чеканить, ибо [другие монеты] помимо нее, не имели [нигде] хождения, так что тем местам тоже пришлось чеканить эту монету, хотя они [грузины] и не признают власти[2] [Газан-хана], а иначе их деньги нигде не принимали. Согласно упомянутому, чеканка золотых и серебряных монет по одному образцу установилась и стала постоянной во всех владениях. Об утверждении пробы [государь] сказал: „Ежели мы допустим, чтобы она была ниже пробы «дозволенного золота»[3] и неполноценного ...,[4] вроде халифатской, мисрской и магрибской, то из-за нее очень понизят дозволенную пробу[5] и хитростью и обманом эту пробу представят в ином виде, а сыщики наши не будут осведомлены [об этом] или, приняв взятку, отнесутся с попустительством. Благо в том, чтобы чеканили только лишь такое «дозволенное золото»,[3] которое можно раскатать в листы, а серебро многократно ...,[4] которое можно растворить во ртути, чтобы, если будет хоть на кончик волоса примеси, она бы

обнаружилась по цвету и по...[1] и по мягкости. А если раскалить в огне, то [примесь] сейчас же объявилась бы и каждому было бы легко [определить] его достоинство". Поскольку [государь] захотел, чтобы во всех владениях проба была на этот лад, — а в пробах [разных] местностей было большое различие, — он изволил сказать: „Ежели это постановление войдет в силу вдруг, то весь народ потерпит ущерб и поднимет вопль. Лучше так: раз прежде каждый дирхем чеканили в четыре данека, [а затем] без того, чтобы в этом была государственная нужда...[2]

[Государь] доискивался, какова цена «дозволенного золота». Он приказал чеканить [его] и оценивать так, как оно есть, чтобы не было никакой разницы. Он повелел, чтобы ормуздское золото, которое никто не отличает от бронзы, и другие сорта низкопробного, малоценного золота расценили дешевле. Цель была в том: когда саррафы догадаются, что в плавке его есть нажива, они его скупят целиком и будут смешивать с золотом. Из-за того, что они поняли эту выгоду, в течение одного года стало так, что во всех владениях никто не видит ни одного мискаля низкопробного золота. Раньше из-за этого и червонное золото редко попадалось на базарах, и если доставляли немного, то на него появлялась сотня покупателей. Общеизвестно было так: в пору-де монголов много носят вышитой и затканной и тому подобной одежды, на которую растрачивается золото, оно же товар для Хиндустана и [его] увозят туда, [а потому] золота стало мало. Теперь же на базарах через руки каждого селянина проходит столько червонного золота, что конца-края нет. Все торгуют на него. Во владениях совсем не осталось золотых и серебряных [денег], не чеканенных по упомянутому образцу. [Государь] сказал в таких выражениях: „Ежели в руках кого-либо увидят неполноценное[3] золото и серебро, то пусть его обвинят и не спрашивают по древнему обычаю: укажи того человека, который дал тебе.[4] Существовали разного рода неполноценные деньги, теперь же приказ таков, чтобы ни одна душа не торговала, кроме как на золото и...[5] Кто не знает, пусть покажет другому, чтобы соблюсти осторожность. Когда будет так, тогда ни один фальшивомонетчик не будет подделывать золотые [деньги], ибо он будет знать наверное, что от него [их] не возьмут, так как все поступают осторожно".

В настоящее время, когда такое великое дело приведено в исполнение во всех владениях, и не было нужды кого-либо казнить смертью, и так установилось, что во всех владениях не существует иного образца монеты и пробы, кроме тех, что были упомянуты, [государь] приказал, чтобы серебро в чеканной монете тоже выпускали по весу, — три мискаля в одном, имеющем хождение, динаре, — чтобы ни одна душа [их] не обрезала. Когда во всех областях звонкая монета уравнялась, народ освободился от забот, и купцы, которые звонкую монету сделали товаром, теперь в каждую область возят разного рода товары, и он стал дешевле. Все люди пользуются выгодами, имя государя ислама, 'да укрепится навеки его владычество', прославилось добром, хутба [читается], и монеты во владениях [чеканятся] его благословенным именем. Он повелел, чтобы полноценные золотые монеты все чеканили по сто

---

[1] Пропуск в рукописях.

[2] Следует отрывок текста в 4 строки по S, не поддающийся точному переводу, ввиду обилия в нем технических терминов по монетному делу, значение которых установить не удалось.

[3] *маʿшūш*.

[4] От начала прямой речи до сих пор перевод сделан по L, I; в рук. S эта фраза опущена.

[5] См. прим. 4 на стр. 271.

мискалей, и выбил на них свое имя письменами всех областей, дабы во всех местностях, когда прочтут, знали, что это его чекаика. На этих монетах красуются стихи из Корана и имена двенадцати имамов, 'да будет мир над ними'. Монеты весьма красивы и изящны, так что, кто их приобретет, тому сердце не позволяет их отдать, и он хочет непременно их сберечь. [Государь] сказал: „Когда мы кому-нибудь будем делать подарок, то чтобы [разлеталась] молва, мы будем давать ему из этих монет".

Эти столь великие дела, которые не давались бывшим халифам S643
и султанам, удались государю ислама, 'да укрепится навеки его владычество', и успешно так осуществились, что являются причиною спокойствия народа. Господь всевышний да сохранит его на вечные времена по милости своей.

Рассказ двадцать первый. Об исправлении мер веса золота, серебра и грузов, а [также] гяза, пейманэ, кафиза, тагара и прочих [мер]

До этого во владениях меры веса золота и груза, гяз и пейманэ, кафиз и тагар были различны до такой степени, что даже в одной области рознились по уездам. Вследствие этого, в деле [установления] рыночных цен происходило много неладов. Купцы стали меньше покупать товаров, потому что, когда они перевозили звонкую монету какой-нибудь местности в другую местность, то выходило больше, и от одной только разницы в весе для них получалась нажива. Товары же в некоторых областях не имели сбыта, а в некоторых их нельзя было достать. В каждой деревне имелось два-три разных кафиза. На те, что поменьше, торговали с чужаками, а на те, что побольше — между собой. Чужаку, знал ли он [об этом] или не знал, поневоле приходилось соглашаться на это дело, а селяне друг для друга ложно свидетельствовали, что это-де справедливый кафиз. Тагары, которые поставляли войску [в виде] савери и [которые] должны были весить сто манов, весили только семьдесят или шестьдесят манов и даже меньше, но люди сильные, при помощи палочных ударов, получали все сполна и даже с лихвой. Народ по этой причине постоянно находился в пререканиях и спорах. Государь ислама, 'да укрепится навеки его владычество', сказал: „Все владения подвластны моему указу, так что за нужда в этом различии. Мы наведем в них [мерах] строгий порядок, чтобы во всех местностях они были одинаковы, и так устроим, что на базарах в областях и в деревнях не останется различных мер веса, дабы таким путем не могли воровать". Счастливо поразмыслив, он издал указ, заключавший в себе способы исправления, мероприятия и устройство этого [дела], согласно тому, как ясно и понятно приводится в списке с него.

Список

с указа, который [государь] издал по поводу проб золота и серебра по наилучшему изо всех способу

Во имя бога милостивого, милосердного, [во имя] могущества всевышнего господа и благоденствия мухаммеданской общины.

Фирман [султана Махмуд-]Газана

Да ведают воеводы, мелики, битикчии и наибы, казии, сейиды, имамы и садры, именитые, почтенные и известные люди, все жители, путники и купцы [наших] владений, что все наши царские взоры и помыслы [направлены] на создание благосостояния ра'иятов и всего народа, на справедливость и правду среди них и на основы богоугод-

ных дел. И мы желаем устранить притеснения, насилия, новшества и несправедливости, которые в течение долгих времен распространялись среди народа, и по причине которых весь народ постоянно стеснен, изгнать из среды людей поводы к несогласию, пререканиям, необоснованным искам, спорам и распрям и счистить с их выи разного рода обман и обиду, дабы в этом мире они избавились от смут и тягот, а на том свете от мучений и огня ада. Теперь, поскольку мы производили расследования государственных дел и пользы народа и выявляли законы всякого дела, выяснилось, что на базарах [царской] ставки и городов каждый человек ради своей выгоды и прибыли делает гири из камня, комьев, железа и прочего и всегда по своей прихоти прибавляет и убавляет [в них вес]. Торговля у них производится по этому [весу], и бедный люд обманывается и терпит убыток. Такое дело не соответствует нашему украшающему мир мнению, и мы
S648 его не одобрили. Приказано, чтобы во всех владениях, от реки Амуйе до Мисра исправили меры веса золотых и серебряных [денег] и грузов, меры для зерна и меры длины, наложили на них клейма и во всех владениях придерживались и не отступали от того строгого порядка, который мы установили в столице. Подробности и разъяснение этого таковы, как излагаются ниже.

Во-первых, меры веса золота и серебра должны во всех владениях совпадать и быть одинаковыми с тебризскими мерами веса, чтобы никто [их] не уменьшал и не увеличивал и не обижал народ. Пусть также не перевозят звонкую монету из одной области в другую из-за разницы в весе. Подобно тому как проба золотых и серебряных [денег] во владениях едина, так и меры веса [их] пусть будут одинаковы. По этой причине мы назначили устадов Фахр-ад-дина и Беха-ад-дина из Хорасана, чтобы они смастерили гири для золотых и серебряных [денег] в виде восьмиугольников и назначили в каждой области двух доверенных лиц от себя и одного амина со стороны казия той области, чтобы они в присутствии мухтасиба пустили их в ход. Соблюдать следует такой порядок. Во всякой области каждый, кто нуждается в гирях для [взвешивания] денег, пусть изготовит их для себя из чистого железа, согласно образцам, которые смастерили в виде восьмиугольников и снабдили [своей] печатью Фахр-ад-дин и Беха-ад-дин из Хорасана. Затем пусть он пойдет к назначенным в каждой области упомянутым четырем доверенным лицам, чтобы они, тщательно выверив вес, наложили на них штамп и вручили ему. Никто другой, 'кто бы он ни был', чтобы не делал такого штампа и [не] налагал бы [его] на гири. Каждый же, кто по своей воле такой штамп смастерит и будет налагать на гири, тот будет виновен и подлежать казни.

Далее. Надобно, чтобы имена тех людей, которым дают гири со штампом, вписывали бы в книги, дабы другие по своей воле не могли [их] подделывать. Каждый месяц пусть тщательно осматривают и взвешивают все гири у всех людей. Если кто-нибудь прибавит или убавит [их вес], или тайно по своей воле поставит штамп, или будет торговать с гирями иного веса, на которых не имеется печати и штампа, или с теми гирями смошенничает, того, схватив, пусть ведут к воеводе, чтобы он наказал его согласно постановлению указа.

Далее. Этот же указ, порядок и способ относится и к гирям для грузов. Однако постановлено так, чтобы во всякой местности, где меры веса меньше тебризских мер, [там их] привели бы в соответствие и сделали одинаковыми с тебризскими. Где же меры веса до настоящего времени были больше тебризских, там в том же порядке, тщательно проверив меры, оставили бы [их прежними], но только чтобы все гири сделали из железа в виде восьмиугольников согласно образцам, осмотрели бы их и наложили на них штамп. Все доверенные лица пусть строго соблюдают этот порядок. Гирь для взвешивания грузов от десяти манов до одного дирхема пусть делают одиннадцать штук в следующем перечислении: десять манов, пять манов, два мана, один ман, полмана, четверть, полчетверти, десять дирхемов, пять дирхемов, два дирхема, один дирхем. Для всяких же тяжелых и громоздких грузов тамговщики городов пусть построят надежные франкские безмены [1] и грузы взвешивают на них так, чтобы в весе не было ни излишка, ни недостачи.

Далее, из-за того, что в каждой области имеются различные кейлэ, кафизы, джерибы и тагары для пшеницы и ячменя и существует много условных обозначений [для них] и их то увеличивают, то уменьшают, и каждый мастерит [меры] кейлэ и пейманэ по своей воле, уследить за чем трудно, и не всякий их понимает, — особливо у монгольских воинов, купцов и чужеземцев, когда они приезжают в область, случаются пререкания с ра'иятами при приемке диванского тагара или при покупке его, и каждый, кто силен и берет верх, тот забирает больше установленного, а людям слабым дают меньше, и отсюда ущерб, убыток, стеснение и пересуды мирян, — по этой причине мы повелели, чтобы во всех владениях кейлэ были равны: каждая кейлэ по тебризскому весу десять манов, и каждый ее ман двести шестьдесят дирхемов, а десять таких кейлэ — один тагар. Кроме этих упомянутых кейлэ и тагара, никаких пейманэ и иных условных
S645 обозначений среди народа чтобы не было, дабы торговля и счет были бы правильны и [люди] между собой не хитрили. Во время сдачи тагара пусть доставляют [его], измерив по тем [мерам], чтобы в тагаре не было излишка или недостачи. Поскольку злаки, как-то:

[1] *капан-и фиранй.*

пшеница, ячмень, рис, горох, бобы, кунжут, просо и прочие, одни легче, а некоторые тяжелее других, то надобно, чтобы для каждого из этих злаков сделали отдельную кейлэ, особо предназначенную для такого-то злака, и в каждой кейлэ было бы в точности десять манов. С четырех сторон [меры] пусть напишут: „Кейлэ для такого-то злака". Это дело пусть передадут от Дома суда тем же доверенным лицам, которых назначили для мер веса золотых и серебряных [денег] и грузов, чтобы они совместно с мухтасибом осмотрели эти кейлэ и тоже на их краях поставили свой знак так, чтобы с ними никакого мошенничества, уменьшения или увеличения нельзя было проделать. Каждый месяц в городе и области пусть производят осмотр. Каждого, кто сделал и держит [у себя] кейлэ без знака, пусть хватают и выдают воеводе, чтобы, осудив этого человека, ему отрубали руку и взимали [пеню] за проступок и преступление. Впредь во всех владениях, от реки Амуйе до Мисра, чтобы ни под каким видом и предлогом не было никаких кейлэ, кафизов и джерибов, кроме десятимановой кейлэ и стоманового тагара, а если они окажутся, то не придавали бы им значения. Других же пейманэ и мер не делали бы. Если захотят делать [меры] в половину той кейлэ по пяти манов, то это можно так, чтобы двадцать полукейлэ составляли один тагар.

Далее, пейманэ для сыка плодов, уксуса и масла надобно установить отдельно, каждую пейманэ по десять манов тебризского веса, и если захотят делать по полпейманэ, то так, чтобы по тебризскому весу они были пятимановыми. Бурдюк плодового сока, который доставляют для довольствия ставки и савери должен быть в пять пейманэ, [то есть] пятьдесят манов, а тот, что доставляют на празднества — в четыре пейманэ, [то есть] сорок манов.

Далее, все гязы, которыми мерят ткани, пусть приведут в соответствие с тебризским гязом, исключая румский гяз, который очень отличается. Однако на обоих концах всех гязов по данному им образцу пусть ставят печать, которую изготовили устады Фахр-ад-дин и Беха-ад-дин из Хорасана. Следят за этим во всех городах согласно тому, как было изложено, те же упомянутые доверенные лица. Каждый, кто произведет изменение или подмену, будет виновен и подлежать казни. Да ниспошлет всевышний господь благословение за такую справедливость и правосудие в державные дни [государя].

Рассказ двадцать второй. О соблюдении строгого порядка в деле выдачи людям ярлыков и пайз

По поводу ярлыков [государь] повелел: „Пусть какие ни есть речи докладывают в трезвом состоянии, при удобном случае". Когда же государь ислама, да укрепится навеки его царство, тоже иногда выпьет вина, то ни одна душа не смела бы с помощью хитрости, сокрытия правды и введения в заблуждение добывать [от него] разрешения на какое-нибудь неосновательное и бесполезное дело, и нельзя, чтобы какое-нибудь неосновательное соображение, в котором нет никакой пользы, или какое-либо дело исходили от него наспех. [Государь] не позволял докладывать [ему] в таком состоянии. Он приказал, чтобы после доклада черновик указа составляли эмиры, понимающие выгоду государства и пользу всякого дела. Если же дело неосновательное и никчемное, то не писали бы по просьбе каждого. Имеются также важные дела, при которых нужно обращаться к диванским реестрам и упоминаниям мест и сумм и составлять черновики [ярлыков по таким делам] нужно обдуманно. Затем, совместно с монгольскими битикчиями прочитав их слово за словом, докладывали бы [государю], чтобы, если понадобится исправление, он произвел бы его благословенным пером или благословенным словом. После того как перепишут [указ] набело, докладывали бы [его] еще раз, затем представляли к [наложению] печати [1] и говорили: такой-то указ, доложен был по [делу] такого-то лица, в такой-то день, прочитан в такой-то день для того, чтобы было дано разрешение поставить тамгу. Раньше ключ от большой тамги был в руках битикчиев, а теперь он находится в благословенной каптурге [государя] и его выдают, когда нужно, чтобы битикчии, сообща проставив тамгу, препоручали его обратно. [Государь] назначил четырех эмиров четырех караулов [2] и дал каждому отдельную кара-тамгу, чтобы, когда на указах будут проставлять [государеву] тамгу, они на обо-

[1] *бэ ā̆д рāасланд.*
[2] *казāк.*

S650 роте налагали свою и никогда не могли бы отрицать, что это-де было без нашего ведома. Затем еще раз представляли бы [указ] везирам и сахибам дивана, чтобы они тщательно поглядели, не произошло ли какой-нибудь путаницы, тоже наложили на обороте тамгу дивана и вручили лицу, [для которого ярлык издан]. [Государь] назначил битикчия, чтобы он слово в слово списывал в книгу каждый ярлык, на который налагают печать[1] и упоминал, в какой день проставили тамгу, кто его написал и кто докладывал. По [прошествии] полного года начинал бы снова другую книгу с нового года, так чтобы на каждый год была отдельная книга. Цель заключалась в том, чтобы не произошла какая-нибудь путаница, и никто не смог бы отрицать, что он докладывал, писал и ставил тамгу, а также в том, что если ярлык дали одному лицу, а придет другое и захочет получить фирман, противоречащий смыслу [того ярлыка], то при обращении к ней [книге] обстоятельство становилось бы известным, и прошения в разрез с ней не происходило. Если же какого-нибудь владельца ярлыка ругают, то из той книги можно выяснить, превысил ли он то, что ему полагается, или нет, и взыскать с него или с поносящих, чтобы дело указов находилось постоянно в порядке и ворота неосновательных возражений оставались запертыми. [Государь] приказал, чтобы алчии, по случаю проставления печати,[2] ни с кого ничего не брали. И действительно, то, что они жадно стремились получать прежде, они значительно сократили.

Для каждого важного дела [государь] установил [особую] тамгу. Для [ярлыков] на управление, [даваемых] знатным султанам, эмирам и меликам, и по важным делам владений — большую тамгу из яшмы, для [ярлыков, даваемых] казиям, имамам и шейхам — другую поменьше, тоже из яшмы. Для [ярлыков] по делам средней важности — большую тамгу из золота, меньше тех, что из яшмы. Для [ярлыков] о выступлении [в поход] и расположении на месте войск — особую тамгу из золота с тою же установленной подписью и узором, но по окружности ее изобразили лук, булаву и саблю. Приказ был таков: до тех пор пока войско не увидит этой тамги, оно по слову эмиров и кого бы то ни было в поход не выступало и на месте не располагалось, за исключением сторожевых войск, [охраняющих] важные [участки] границ, и небольших, стерегущих дороги, отрядов, которые выступают и останавливаются по слову своих эмиров. [Государь] сделал и малую золотую тамгу, которую проставляют на казенных и областных бератах, приемных расписках, расчетных документах[3] и диванских грамотах, которые пишут по поводу сделок, воды и земли. После того как согласно царскому приказу[4] битикчии дивана их напишут и они [уже] помечены [вышеуказанными знаками], на обороте их пишут по-монгольски краткое содержание, чтобы на нем проставить ту тамгу. В настоящее время, всегда, когда наберется много бератов и грамот, доложив [о них государю], берут ключ, и везиры и наибы дивана, в присутствии хранителя тамги, проставляют тамгу, а другие вписывают в книгу, которая тоже находится в том сундуке, чтобы было ясно, когда и кто ставил тамгу. При наличии такого строгого порядка, куда девалась возможность написать берат без благословенного царского приказа хотя бы на один данек денег!

Когда установились и стали исполняться эти порядки, [государь] счастливо рассудил: „Поскольку-де важных государственных обстоятельств, дел и людских просьб больше, чем удается найти удобного вре-

[1] *бэ āл расāнанд.*
[2] *āл задан.*
[3] *муфасāт.*
[4] *парвāнэ.*

мени для прочтения черновиков [ярлыков], то надобно придумать средство, чтобы важные дела людей не откладывались и челобитчикам таким путем не причинялось затруднений. Поскольку также по каждому делу составляют черновики [ярлыков], то, во всяком случае, они у битикчиев в памяти как следует не будут сидеть, иной раз в выражениях произойдет разница, и обнаружится разногласие в таких постановлениях, которые написали по одному и тому же делу". [Государь] повелел устранить это обстоятельство и путем сравнения и придумывания записать в книгу разного рода важные дела и прошения людей, могущие случиться, и очень обдуманно написать для каждого из них форму, содержащую в себе все условия и мелочи этого дела. Когда все написали, [Государь] созвал эмиров и сказал: „Постановления, которые издаются, являются моими повелениями и [плодами] ваших докладов. Поскольку нужно, чтобы ни одна душа не могла по причине непостоянства допускать изменения, нам необходимо вместе прочитать эти формы. Каждый в отдельности в этом отношении хорошенько подумает и, что окажется, мы обсудим и так исправим, что ни в одной мелочи из мелочей предосторожность не останется забытой и несоблюденной, и [формы] будут согласны моему и вашему мнению. Их мы сделаем руководством, и впредь все дела будем разрешать на этот лад и издавать постановления, исходя из них, дабы все дела приводились в исполнение по одному способу S647
и порядку,[1] и никакие противоречия в наши слова не допускались. Посовещавшись, надобно исправить их осмотрительно, так чтобы мнение всех вас на том сошлось. Затем в вашем присутствии пусть они будут прочтены еще раз, и, если окажется кое-какая мелочь, то чтобы ее исправили после совета, и на этом пусть будет покончено".

Согласно повелению, все те формы после исправления записали вместе в книгу, и [государь] положил ей название «Деловой канон»[2] и приказал: „Впредь постановления списывать с тех форм, не прибавляя и не убавляя. Ежели изредка попадется случай, который не упомянут, то пусть составят на него черновик и доложат [мне]. Ежели иногда, сообразно с личностью, местом и требованием обстоятельства и времени, нужно будет сделать незначительное добавление, то эти несколько слов писали бы отдельно и докладывали мне". Когда [государь] соизволил установить такой строгий порядок, ни в какие времена не существовавший, ворота пересудов и споров, которые случались вследствие противоречий в выражениях указов, закрылись, было устранено недовольство челобитчиков из-за искания удобного случая, и люди обрели покой. У всех появилось полное доверие к делу постановлений, и в сердца вселились почтение и уважение к ярлыкам, а вымогательство[3] и споры людей зловредных и нахальных, получавших постановления в согласии с их желанием, исчезли, и явно определились степени знати и простого народа, правящих и подвластных, угнетающих и угнетенных. Пользы от этого порядка больше, чем вмещается в описание.

[Государь] приказал также установить следующий порядок для выдачи пайз. Для султанов, воевод и меликов, чтобы делали большие, круглые пайзы и на них изображали тигровую голову и имя того человека, [которому они выданы], и записывали бы в реестр. В течение времени, пока они состоят в должности правителя, [пайза] находилась бы у них на руках, а после отставки они возвращали бы ее обратно, ибо эта

---

1 *йусун*.
2 *канун-ал-умур*.
3 *танакис*.

пайза только для данной области на долгие годы, и ее отнюдь никому не давали бы для какой-либо другой области. До этого было в обычае, что если за двадцать лет в какую-нибудь область посылали двадцать правителей, то каждому давали пайзу, и каждый после отставки считал ее принадлежащей ему и тайком посылал в разные места по своим делам. Для средних воевод и меликов [государь] установил пайзу поменьше той, с особым узором, и на ней пишут имя таких лиц по упомянутому правилу. То, что раньше выдавали грамоты на чеканку пайз в областях, [государь] отменил. Он назначил золотых дел мастера, чтобы он постоянно состоял при ставке и чеканил пайзы. Во время вручения на нее в присутствии [государя] накладывают штамп, сделанный из стали и с узором на нем, который не каждый легко может сделать, и бьют молотком, чтобы [клеймо] на ней прочно пристало. Цель заключается в том, чтобы посредством этого знака обнаруживались поддельные пайзы. Для гонцов, едущих на улаге, установлена та же круглая пайза, и на ней пишут: „казенная пайза", а имена гонцов вписывают в книгу. По возвращении они отдают [пайзы] обратно. Что же касается гонцов, едущих на ямских курьерских лошадях,[1] то для них [государь] определил продолговатую пайзу, и на ее конце сделали изображение луны. Ее выдают и отбирают таким же порядком. Поскольку начальникам пограничных областей бывает нужно посылать гонцов на ямских курьерских лошадях, то старшим из них определили по пяти пайз, отчеканенных из меди подобно тем, а средним [начальникам] по три, чтобы они выдавали их спешным гонцам.

Прежде у каждого царевича, хатун и эмира были разного рода пайзы, и они непрерывно, по какому только хотели делу, гоняли по областям. Всем ясно и очевидно, каковы оказались последствия этих твердых мероприятий и какой покой обрели люди. Да прибавит всевышний господь свои благословения за эту справедливость и правосудие к державным дням государя!

Рассказ двадцать третий. О мероприятиях по изъятию повторных[2] ярлыков[3] и пайз, находившихся в руках людей

Таково уже неизбежное требование природы мира, что в пору какого-нибудь государя лица, соответствующие его образу действий
S652 и обычаям, становятся предводителями народов, им вверяются важные дела государства и областей, и они, следуя по пути того государя, справедливо и несправедливо издают постановления и раздают людям ярлыки и фирманы. Когда же царство переходит к другому, тот всегда хочет передать эти важные дела лицам, которые следуют его обычаю и правилу и отдают такие приказы, которые соответствуют природе его века, ибо требования каждого века бывают иного рода. Прежде, во времена отцов и дедов государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', случалось наблюдать, что всегда, когда какой-нибудь государь хотел собрать старые ярлыки и пайзы, находившиеся по праву и не по праву в руках людей, он отправлял потрудиться во все стороны почтенных гонцов с весьма строгими ярлыками и таким приказом, что каждый, кто утаит и скроет [старый ярлык или пайзу], будет виновен. Эти гонцы в пути и в областях производили столько расходов, что не счесть и не вместить в пределы. Они хватали и брали и тех, кто имел ярлык, и тех, кто не имел, и причиняли неприятности. Владелец ярлыка, хотя

[1] *бинджин-и йам.*
[2] *мукаррар.*
[3] L, I, P, B.

он ему и не был нужен для дела, ради сохранения чести, чтобы не упасть в глазах людей, производил значительные траты, чтобы ему его [ярлык] отдали обратно, и таким путем к нему появилось уважение. С пайзами было то же самое. Гонцы постоянно кружили по свету и таким способом наживали добро, а из сотни ярлыков они не могли привезти даже одного. Тем не менее даже в те годы такие ярлыки доставляли, и битикчии выдавали им [т. е. владельцам] другие о подтверждении и действительности [первых]. Несмотря на то, что недействительные ярлыки отбирались, разным людям выдавали много различных, противоречащих [друг другу] ярлыков, ибо таков был способ тех времен в отношении выдачи ярлыков, так как все люди на свете прибегали к покровительству какого-нибудь эмира и получали ярлыки по своему желанию. Вследствие разногласий спорящих и пристрастия покровителей, беспрерывно, один за другим выпускали столько противоречивых ярлыков, что и описать нельзя. Таким образом проживали жизнь, и противники и эмиры умирали, а их потомки занимались все тем же образом действий. У всех на руках было по пятьдесят противоречивых ярлыков, так что, когда они являлись на суд, то в десять дней нельзя было разобраться в их объяснениях и подробностях получения [ими] из года в год ярлыков, а когда становилось понятно, то выяснялось, что все [ярлыки] безосновательны, недействительны и написали [их] по пристрастию, либо доложили...[1] либо без эмиров и приказания государя. Часто бывало, что старшие эмиры, согласившись вместе, докладывали [государю] об определенном ярлыке, предназначенном для какого-нибудь человека, передавали царское повеление[2] и составляли черновик. А тот человек ради своей выгоды находил и посредством уловки включал в черновик несколько кратких слов, от которых, если они вошли в ярлык, менялся главный [его] смысл, определенный эмирами, или он давал что-нибудь хорошее писарю, чтобы тот написал, и, уцепившись за это, запутывал дело. Часто бывало, что мелкие битикчии, улучив удобный случай, без совета старших эмиров, выдавали ярлыки по желанию разных лиц, а также, если по приказу государя давали ярлык одному, и другой походил на него поприщем и ремеслом, то битикчии, уцепившись за это, на таком же основании выдавали ярлык этому другому человеку. Среди таких [ярлыков была] тысяча противоречивых дел, вследствие которых между людьми появлялись тысячи споров и усобиц. Все противники являлись владельцами ярлыков, так что, если судьи,[3] хакимы и казии хотели вынести решение по какому-нибудь делу, то состояние его оказывалось таким запутанным и сложным, и на руках у каждого столько ярлыков и пайз, что они никак не могли его разрешить и не могли унять споров, а споры доходили S649
до того, что каждый год несколько человек друг друга убивали. Помимо того, что сбор этих повторных ярлыков и пайз не удавался, ежегодно таким способом выдавались еще большие количества их.

В настоящее же время государь, 'да укрепится навеки его царство', счастливо поразмыслив, как исправить этот вред, повелел разослать во все владения ярлыки, все в одинаковых выражениях, заключавшие в себе [приказ], чтобы баскаки, мелики и хакимы областей тоже совсем не внимали и не придавали значения старым и новым ярлыкам и пайзам, которые находятся на руках у людей, и [которые] им предъявляют. „Мы постановления всех их объявили недействительными, а также и ярлыки, которые выдали мы, [а именно] те, что вышли в те-

[1] *бэ ӯрасӯн*. Принимая *бэ* за персидский предлог, не имеем ли здесь монг. өрөгсӯн (половина чего-либо парного, нечто половинчатое, неполное)?

[2] *парвānэ*.

[3] *йāрӣӯчӣ*.

чение первых трех лет [нашего царствования], ибо мы еще были заняты мероприятиями и устроением войска и устранением случившейся разрухи и беспорядков и не заботились о мелочах. Чтобы двинуть вперед дела, нужно было задобрить сердца людей и оставить в силе предыдущие постановления. По этой причине Новруз, Садр-ад-дин и другие наибы по своей воле и прихоти выдавали людям ярлыки. Все они недействительны от сей поры, когда мы сами лично стали заниматься твердым управлением и устроением дел владений. Мы постановили, чтобы ярлык испрашивали, прочитывали нам черновик и выдавали людям. Нужно, чтобы все [ярлыки] после упомянутой поры считали имеющими силу, ни одного же из других наших ярлыков и [ярлыков] предшествующих [царствований] во внимание не принимали, дабы всех [их] доставили в наше присутствие: те, которые стоят, мы оставим в силе. Без сомнения многие из ярлыков прежних государей хороши и дельны, и до тех пор, пока мы их не оставим в силе, надобно, чтобы в семьях людей было в чем найти поддержку и [существовала] опора, честь и благополучие. Как мы можем решиться их отобрать. Проставив на них установленную тамгу, мы возвратим их владельцам, чтобы они оставались в их руках и были еще вернее.

Пайзы мы будем чеканить иного вида. Каждый, кто имеет пайзу, пусть ее в течение шести месяцев доставит и сдаст, дабы каждому, кто имеет основание, мы выдали новую пайзу. Через шесть месяцев каждого человека, имеющего старую пайзу, [пусть] хватают и, обвинив, отнимают [ее] от него".

Когда государь так повелел, всем пришла необходимость представить и обновить свои ярлыки. Те, которые были основательны, оставлялись в силе, а те, которые были неосновательны, отнимались. Таким способом было отличено действительное от недействительного и правда от лжи, и люди честные избавились от позора [иметь] подлых соучастников. Поскольку у старых ярлыков, в особенности повторных, не осталось силы, то если даже они оставались у кого-либо на руках, тот не мог их предъявлять, так как помимо того, что их не принимали во внимание, он еще совершал преступление. С пайзами [обстояло] так же. Как только это постановление привели в исполнение, все эти ярлыки и пайзы исчезли: часть обменяли на новые и часть не решаются предъявлять. Но поскольку это дело приобрело известность, им никогда не будут придавать значения, ибо [все] достоверно знают, что если бы они были вески, то их предъявили бы в пору такого справедливого государя. Таким способом пусть руководятся все государи, эмиры и хакимы всех времен. Если же у кого-нибудь осталась золотая или серебряная пайза, и он знает, что в случае, когда он ее предъявит, ему взамен [ничего] не дадут, то если он человек благоразумный, он все-таки сдаст [пайзу], а нет, так расплавит [ее] и пустит в расход. Несомненно, что вскоре дойдет до того, что из всех пайз, которые в течение семидесяти лет получали по неуважительным поводам и причинам, не останется ни одной. Государь ислама, 'да укрепится на веки его владычество', двинул вперед это громадное дело небольшим мероприятием, которое он приказал по [своей] прозорливости. Всевышний господь да сохранит навсегда сень его правосудия. Аминь.

Рассказ двадцать четвертый. Об отдаче в икта[1] монгольскому войску местностей в каждой области

Прежде всему монгольскому войску не полагались жалованье, средства на пошивку одежды,[2] икта и тагар. Некоторые старшины получали

[1] *икта'*.
[2] *джамаи*.

соразмерно [их] достоинству тагар и больше ничего. Раньше, когда еще существовали их обычаи и правила, со всего монгольского войска выделяли ежегодно обедневшим ордам и дружинам копчур лошадьми, S654
овцами, волами, войлоком, крутом и прочим. Потом, в пору государя,[1] войску, стоявшему поближе, стали выдавать понемногу тагара, и мало-по-малу тагар возрастал. Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', количества увеличил. Когда тагары переводились на области, и мутасаррифы при выдаче вазнавались, монголы набрасывались на них и под предлогом истребования тагара чинили в областях насилие и вызывали расходы на улаг, фуражное и путевое довольствие и корма. Помимо того, что причинялись затруднения хакимам и мутасаррифам, ра'ияты, на которых писали тагар, доходили из-за них до крайней степени нужды. Тем не менее много тагара войску не доставалось. Частью по причине дурной исполнительности мутасаррифов, частью из-за того, что бокаулы принимали взятки и закрывали глаза, частью вследствие того, что битикчии-эюдэчи не делали во-время перевода, и войско оставалось бессильным произвести сбор, а эюдэчи за полцены скупали [тагар] себе. Постоянно у военных были на руках бераты, и споры и пререкания с эюдэчиями, постоянно об этих обстоятельствах докладывали [государю] и беспокоили его благословенные уши. В конце концов большая часть тагара убывала и попадала в разряд устаревших исков. Они также держали при себе много бератов на [уже] полученные суммы.

Государь в течение четырех-пяти лет наблюдал это положение и издал указ, чтобы в каждой области как на зимних, так и на летних стойбищах, во время снятия урожая ссыпали [некое количество зерна] в амбары и, препоручив воеводе области, при нарядах[2] выдавали чистоганом из амбаров, а бокаулы никаких взяток не принимали бы и за тагар и фураж [ничего] не требовали. Таким образом производились наряды. Некоторым [государь] давал из казны чистоганом деньги, так что через три-четыре года никто не смог бы сказать, за диваном-де остался один ман тагара. Потом в начале месяцев лета 703 [осень 1303] [государь] счастливо рассудил: „Столь многий тагар, установленный для войска, с каждых десяти человек хватает не более, чем на двоих. Я желаю, чтобы жалованье наше для всех было общим. Тоже и войско во время похода причиняет областям беспокойство, а также каждый верно и неверно говорит: «У меня-де ничего нет и в итоге нужда, а вследствие стужи, юта, и других бедствий лошади наши пали». Все время приходится собирать средства и давать им, ибо свет не лишен событий. Иногда бывает, что быстро собрать средства не удается, и нужно постоянно прибегать к мероприятиям по изысканию денежных сумм[3] для войска и тагара для него. Лучше нам те области из [наших] владений, по которым расположены пути следования войск и их летние и зимние стойбища и где они постоянно бесчинствуют и силою захватывают деревни и ра'иятов, целиком отдать в икта войскам, определить долю каждой тысячи, чтобы они владели ею,[4] считали своей, и их глаза и сердца стали сыты. Поскольку в настоящее время большая часть воинов страстно желает иметь поместья и [вести] земледелие, то, когда они получат

---

[1] Здесь повидимому опущено имя одного из предшественников Газан-хана; P и B — „государя ислама".

[2] *хавāлат.*

[3] *вуджӯх.*

[4] L, I — доб.: „и ни одна тысяча и сотня не могла бы покушаться на икта других и таким образом [они] отказались бы от насилия. Каждое общество оберегало бы своих ра'иятов и [свои] места и приводило бы в цветущее состояние опустошенные [земли] той области".

поместья-икта, они достигнут [своей] цели, и казне не нужно будет каждый год тратиться на их дела, ибо каждый [получит] долю и будет добывать из нее средства для жизни, и еще много земли им удастся возделать посредством своих невольников,[1] конюхов, волов и семян. Когда они будут постоянно иметь солому и ячмень, то если даже будет ют, каждый все-таки сможет держать двух-трех лошадей, годных в дело, чтобы в случае надобности мочь поскорее выступить в поход, ибо наибольший вред для нашего войска от падежа лошадей, которых в настоящее время не поят и не кормят досыта. Когда мы войску предназначим области, а также предназначим область для содержания необходимых ямов, для прокорма царевичей и хатун и на другое необходимое содержание, то у нас будет меньше расходов, [людей] требующих и просящих станет немного, и в тех нескольких областях, которые не являются местом прохождения и пребывания войск и останутся на наши личные расходы, без труда можно наладить строгий порядок, а средства, которые оттуда добываются, достаточны. Таким образом будет наведен поря-
S651 док в важных войсковых и прочих делах. Впредь пусть навсегда так и останется, и польза от этого распространится на всех государей, эмиров, везиров, воинов и раи'ятов".

Так надумал [государь] и в течение двух-трех месяцев определил всему войску икта [в областях] от реки Амуйе до Мисра и распределил. По этому поводу был издан указ. Список с него приводится в настоящей главе, чтобы, 'если захочет великий бог', когда его прочтут, стало известно, какие мелочи [государь] принял во внимание.

Список

с [формы] указа о раздаче икта монгольскому войску

Во имя бога милостивого, милосердного [во имя] могущества всевышнего господа благоденствия мухаммеданской общины

Фирман [султана Махмуд-]Газана

Да ведают матери, невестки и жены, сыновья, дочери и зятья, темники и эмиры тысяч, сотен и десятков, султаны, мелики, битикчии и все жители всех областей от реки Амуйе до пределов Мисра, что могуществом всевышнего и всесвятого господа наш предок Чингиз-хан от рождения был отмечен господним вспомоществованием и божественным вдохновением. Тоньше волоса он соблюдал свой ясак и ни одному человеческому существу не давал мочи выйти из повиновения ему или сойти с верного пути. Подлинно, таким средством он со своим монгольским войском завоевал и очистил земную ширь и мировой простор, Восток и Запад, и славным именем [своим] записал на страницах времен вечное завещание. Он претерпел разного рода бедствия и невзгоды ради увеличения простора и пространства владений и завещал и оставил на память своим сыновьям и роду улус и владения крепкими и благоустроенными. Славные деды и отцы наши таким же порядком и [по тому же] правилу препоручили эти владения своим сыновьям. Потом о каждом из их сыновей, кто соблюдал строго ясак и потрудился[2] принять на себя миродержавие, на страницах времен сохранилось упоминание об его прекрасных качествах, а о тех, которые не оберегали улус, угнетали и притесняли, без сомнения осталась дурная слава. 'Следы их указывают на них, взгляните после них на следы'. Так как правдивость этой мысли подтверждена и установлена, и мы знаем, что бесконечное пребывание и вечная жизнь на этом свете никому невозможны, и никакой пользы от этого мира, кроме стяжания доброй славы, представить себе нельзя, то мы вознамерились в эти немногие, считанные дни, пока нам пришел черед царствовать, постараться и поусердствоаать в стяжании доброй славы и весь улус, который передали мне в порядке очереди, объять спокойствием и благоденствием, чтобы на страницах времен записать памятку о душевных свойствах и добрых делах, в чем и заключается вечная жизнь и бесконечное существование. Пусть завет нашего

[1] *усара̄*.
[2] *джида̄мишй карда*

правосудия останется постоянным, бесконечным, непреходящим и вечным. 'Бог споспешествует нам по милости своей и поддерживает своей помощью'.

Теперь ни для кого не скрыто, что прежде, во времена наших славных отцов, на монгольский улус налагались разного рода повинности и тяготы, вроде кончура скотом, содержания больших ямов, несения бремени сурового ясака и каланов, которые мы ныне одним разом отменили. Большей частью они были лишены [продовольственных] складов и тагара, однако, несмотря на те обременения, они честно трудились и служили [государю], переносили невзгоды дальних походов и довольствовались малым. Несомненно, что до настоящей поры монгольскому войску немного досталось богатства и добра. Ныне, когда всевышний господь пожаловал нам улус и владения, которыми S656
ведали наши предки, и удостоил нас троном миродержавия и их великим престолом, мы все высокие помыслы и царские стремления направили к тому, дабы дела и выгоды многочисленного улуса упорядочить и устроить так, чтобы впредь все монгольское войско[1] 'доколе оно будет плодиться и размножаться' никоим образом не слабело[2] и проживало в благоденствии и довольстве, а после нас, когда придет черед другим, мы передали бы им владения и войско в таком виде, чтобы им не пришлось возражать, и установилось бы такое положение, которое вызвало бы укрепление и упроченне дел владения и улуса, постоянное доброе воспоминание, вечную славу и увеличение [божественной] помощи за молитву о нас. Ни для кого не скрыто, что из всего монгольского войска от реки Амуйе до пределов Мисра только некоторой части давали немного тагара, а некоторой части изредка в разное время выплачивали вознаграждение, большая же часть была лишена этого и оставалась обездоленной. Ныне мы повелели, чтобы все монгольское войско при оказании [ему нашей] милости и благосклонности нанизали на одну нить, чтобы никто не остался без доли нашего благодеяния и во время усердной службы и выступления в поход имел бы силу, состояние и способность защищать владения, ибо ось вращения, устойчивость и порядок дел государства зависят от него [войска]. На основании этих предпосылок мы повелели, чтобы во владениях выделили[3] деревни, воду и земли местностей, каждая из которых [находится] поблизости и является подходящей для них [войска] из числа инджу, степей[4] и возделанных и запустевших пашен, согласно тому, как установлено в реестрах и податных росписях, и определили [их] в качестве икта каждой тысяче и передали им, дабы они вступили во владение ими. В настоящее время [икта] назначены таким-то тысячам, согласно тому, как подробно перечисляется [ниже]. Постановления об этих икта, условия и содержание каждого вида из видов их таковы, как излагаются [ниже].

Во-первых. В местностях, принадлежащих инджу или дивану, ра'ияты, являющиеся с давних пор ра'иятами этой местности и возделывающие [там] землю, пусть попрежнему занимаются хлебопашеством и доход с него исправно предоставляют войску и отдают войску, не прибавляя и не убавляя причитающиеся дивану денежный налог, кончур и подати согласно накаву[5] и подробному перечислению, которые были упомянуты. Далее, надобно, чтобы общество ратных людей[6] не присваивало поместий [частных] владельцев, арбабов и вакфных учреждений, не завладевало доходами с них и согласно реестрам податной росписи и упомянутого подробного перечисления исправно доставляло установленный диваном денежный налог, кончур и подати. Пусть возделывают[7] принадлежащие дивану деревни, пашни[8] и места, пришедшие в запустение и входящие в их [войска] юрт и их земли, ставшие пастбищами, а остальное обрабатывают своими пленниками, рабами, рабочим скотом и семенами. Если у тех пришедших в запустение земель обнаружится хозяин и заявит притязание на собственность, или на заведывание имущества, отданного в вакф, и он долгое время ими распоряжался, и право его устанавливается на основании пречистого шар'а, а воины возделали те места посредством своих пленников и гулямов, то одну десятую долю общего количества [урожая] пусть предоставят владельцу,[9] а остальное пусть они возьмут вместе со своими издольщиками.

Далее. Ра'иятов, разбежавшихся тридцать лет тому назад из переданных им [войскам] благоустроенных или пришедших в запустение деревень и не вошедших в подушную перепись других областей [и не упомянутых] в податных росписях [этих областей], пусть возвратят обратно, у кого бы они ни находились. Если и у них [воинов] окажутся ра'ияты из других областей, то пусть они этих людей тоже возвратят обратно и решительно никоим образом не допускают к себе ра'иятов других областей и мест-

---

[1] Здесь и ниже в указе — *чарӣк*.
[2] *йӣдӣмӣшӣ нашаванд*.
[3] *йлӣмӣшӣ кардэ*.
[4] *далай*.
[5] *му'ӣмарэ*.
[6] *чарӣкийӣн*.
[7] *шикӣфанд*.
[8] *мазӣри'* [ед. ч. *мазра'э*].
[9] S — *бэ мӣ*, т. е. нам.

ностей и...[1] не прикрепляют под тем предлогом, что они ра'ияты дальних областей. Никоим образом пусть они их не собирают, не оказывают им покровительства и не допускают в свои деревни. Военные люди пусть не переводят ра'иятов, переданных им деревень, из родных деревень[2] в другие деревни и не говорят, что оба-де хутора
S653 или деревни наше икта, а они наши ра'ияты. Ра'ияты каждой деревни чтобы занимались земледелием на своем месте. Да чтобы не говорили: ра'ияты-де этих мест, которые нам отданы в икта, — наши невольники. У военных над ра'иятами нет власти выше, как только заставлять их возделывать [землю] их деревень и получать с них исправно установленные диваном налог и подати. Пусть [воины] не занимают ра'иятов иной работой, кроме того, что каждый возделывает землю на своем месте. Ра'иятов, которые не знают земледелия или им не занимаются, если они платят определенный налог, установленный диваном, пусть [воины] не принуждают силой к обрабатыванию земли, не обижают их и хорошо содержат.[3]

Далее. Военные люди пусть не закрепляют за собой [земли] деревень, которые находятся по соседству с их деревнями, не обрабатывают их и под предлогом, что это-де их юрт, не запрещают[4] пользоваться водой и землей и не чинят препятствий для размеров выгонов, которые являются пастбищами для их [жителей соседних деревень] волов, овец и коров.

Далее. Поскольку мы удостоили их наградой и, определив в качестве икта эти упомянутые местности, пожаловали[5] [им], и целью этого является спокойствие всех людей, поминание славных дел [наших], ясак и справедливость, и они все приободрились и возликовали от этого дара и милости, и [поскольку] начальники туманов, тысяч, сотен и десятков дали много письменных обязательств стараться по мере способностей и сил внедрять правосудие и распространять справедливость, впредь не бесчинствовать, не насильничать, не обижать и не чинить разного рода притеснения и жестокости, которыми они прежде занимались, то надобно, чтобы они держали свое слово и ничего не требовали бы под предлогом таргу, фуража, тагара и прочего.

Далее. Постановлено так, чтобы от дивана ни под каким предлогом не писали бератов на [земли] икта и совершенно не выдавали на них нарядов. Они же, [получившие икта] на каждого военного человека, доставляют в государственные амбары[6] по пятидесяти манов тебризского веса. Сверх этого пусть с них никоим образом ничего не требуют.

Далее. Мы повелели, чтобы в настоящее время, когда эти икта из [числа] вод и земель, пришедших в запустение и возделанных, распределяют между тысячами согласно тому, как подробно было изложено, несколько умудренных опытом людей из той области явились бы к такому-то битикчию, которого мы назначили, и разделив [землю] на десять частей, произвели жеребьевку плетью, а затем, разбив на участки между сотнями и десятками, произвели жеребьевку плетью. Этот битикчи, которого мы назначили[7] в качестве ариза, пусть занесет в реестр участок каждой сотни и [каждого] десятка, в отдельности поименованных, и хранит. Один список пусть он передаст Большому дивану и один — эмиру тысячи, а реестры сотен пусть вручат начальникам сотен. После этого битикчи-ариз, ежегодно производя обследование, пусть записывает и представляет мне имена тех людей, которые трудятся над возделыванием земли, и тех, которые провинились, и [доносит] о запустении и благоустроенности каждого определенного участка, дабы тот, кто трудился, был отличен [царской] милостью, а тот, кто свершал упущение и порождал разруху, был привлечен к ответу за виновность. Эти икта, которые мы дали, пусть они не продают, не дарят и не отдают названным братьям, сватам, родичам[8] или своякам и [не уступают] в качестве кавина и калыма.[9] Всякий, кто свершит такой поступок, будет виновен и умрет. Кавин пусть установят в девятнадцать с половиной динаров чистых[10] согласно относящемуся до пророка преданию, по каковому поводу уже раньше был издан особый указ. Еще пусть ведают, что эти икта установлены для военных людей, которые вошли в калан и несут службу. Когда из этих людей кто-либо умрет, то надобно одного из его сыновей или родичей сделать его преемником, передать ему икта покойного и занести в реестр. Если же он бевродный, то пусть [икта] закрепят за его старинным гулямом, а если и гуляма у него нет, то пусть признают достойным кого-нибудь из числа сотни и передадут ему. Если кто-нибудь в сотне или десятке изменит установленный ясак, то пусть начальники тысяч и сотен определят его виновность и отдадут его икта другому, кто может иести

---

[1] S — *бабрани*; L, P — *?аг?ра?и*: I — *табрани*; B — *табра?и*.
[2] *дих-и хиджаур*.
[3] *асрамиши кунанд*.
[4] *курмиши накунанд*.
[5] *суюргамиши фармудэ им*.
[6] *анбар-и хасс*.
[7] *тусмиши кардэ им*.
[8] *анда ва акавуни ва кууда*.
[9] *кылан?*.
[10] *дуташи*, собственно 'двуогненный', т. е. двойной плавки, чистый.

службу, занесут в реестр на его имя, а реестр каждый год представляют. Если военные люди будут требовать [денежный] налог, кончур и прочее, сверх подробно перечисленного в податных росписях и наказа, то пусть ариз [этого] не допускает. Если же они будут брать принуждением и силой, то ариз, не утаивая, пусть записывает их имена S658 и представляет нам.

Далее. Во время выступления в поход этого войска, когда будут делать смотр согласно постановленному указу, этот такой-то битикчи, составив поименный реестр, пусть сначала покажет его начальнику сотни, затем эмиру тысячи, затем темнику, сличит и произведет подсчет, а затем представит начальнику средней рати.[1]

Постановлено так, что раз-де определена и выделена [особая] икта для начальника тысячи, то чтобы он не распоряжался войсковой икта. Точно так же и аризу мы дали [поместье] в другой области. Чтобы не писали бератов на войсковые икта и нарядов на них не выдавали. Поскольку мы так повелели и пожаловали войскам икта согласно тому, как упомянуто, то, если, военные люди опять будут взимать с ра'иятов больше того, что указано в податной росписи и подробно перечислено, будут оказывать покровительство и допускать к себе ра'иятов, которых мы войску не давали, или ра'иятов из других областей, будут захватывать воду и землю, расположенные в окрестностях их деревень, будут запрещать пользоваться пашнями и пастбищами для волов, овец и ослов, не будут представлять свои подушные списки и ...,[2] будут отлынивать, отговариваться и посылать в поход вместо себя другого, — они опять же будут виновны. Такой-то, назначенный на должность битикчия этой тысячи, пусть хорошенько блюдет все статьи, упомянутые в настоящем указе, и отдельно, с указанием имен, записывает и препровождает в диван [сведения] о местностях, не вошедших в эти [статьи], но возделанных кем-либо на становищах, а также о [землях], пришедших в полное запустение, дабы они были занесены в реестры и добавлены к общему количеству.

Настоящий указ дан в отношении такой-то тысячи, дабы впредь постановление его считали вечным и нерушимым и не допускали его изменять и переиначивать. 'На тех, кто после того, как слышал это [завещание], переменит его, на том будет грех Подлинно, бог есть всевышний и всезнающий'.[3]

Указ написан в таком-то месяце, такого-то года, в таком-то месте.

Рассказ двадцать пятый. Изложение того, как он [Газан-хан] устроил отдельное войско лично для себя

Прежде монгольское войско по сравнению с настоящим временем было меньше. Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', обдуманно и умело увеличил монгольские и тазикские войска и сказал: „Границы и окраины наших владений — Хорасан, Фарс, Керман, Багдад, Диярбекр, Рум и Дербент. Расположены они очень далеко друг от друга и, хотя во всех этих местностях стоят особые войска для определенных субейе, но ежели в случае нужды они с одной стороны направляются для помощи в другую, то вследствие дальности расстояния, они приходят поздно, обнашиваются, а кони их худеют и гибнут, и решительно никакой пользы не получается". По этой причине [Газан-хан] повелел, чтобы в каждом доме, где имели двух сыновей, братьев и коноводов, назначили одним-двумя человеками больше. Сделав из всех них отдельное войско, [государь] назначил [их] для [оказания] помощи разным сторонам, чтобы они постоянно обслуживали других. В горные проходы и малодоступные пограничные области, которые можно оборонять пешим, он назначил тазикские войска и всех снабдил одеждой[4] и роздал им икта. До этого тазикские войска получали определенное снабжение одеждой, но не имели твердого управления. Их эмиры на некое количество человек получали одежду, а на самом деле никаких войск не существовало. В настоящее время [Газан-хан] повелел, чтобы определили их тысячи и сотни, записали в реестры имена и...[5] и каждый месяц производили смотр и проверяли их вооружение, снаряжение и численность как в коннице,

---

[1] *чарīк-и кӯл.*
[2] S — *хӣā;* L, I — *хббэ;* P — *х??ā;* B — *хбā.*
[3] Кор., 2_{177}.
[4] *джāмагӣ дāд.*
[5] S, L, B — *хлйэ;* I — *хӣлэ;* P — *хлйт.*

так и в пехоте, на основании твердого распорядка и закона, относительно которых издан указ. Монгольское войско он устроил так, как написано в предыдущей главе и в указе о [пожаловании] ему икта, так что повS655 торять нет нужды. На каждой границе [государь] назначил такое количество войск, какое для нее достаточно, а из войск, имеющих стойбище и местопребывание внутри владений, он каждому, находившемуся поближе к какой-нибудь границе, приказал в случае нужды быть их тыловой ратью.[1] Он сделал так, что никогда войску одной стороны не приходится ходить на помощь на другую сторону. Сверх установленного он устроил еще войско, чтобы оно непрестанно находилось при нем. [Это он сделал] таким путем, что склонил телохранителей[2] и эмиров, чтобы они назначили по одному-два человека из братьев и сыновей, не вошедших в подушные списки [войск], так что в каждой тысяче прибавилось по сто и по двести. Всех их в течение года призвали и представили. Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', пожаловал им вознаграждение, одежду и икта. Все, дойдя постепенно числом до двух-трех тысяч, неотлучно служат вместе с телохранителями при тысяче средней рати.[3]

Уже несколько лет между потомками Джучи, Чагатая и Угедея, являющимися двоюродными братьями государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', происходит борьба и распря. Войска их, постоянно грабя обозы друг друга, уводили в полон детей друг друга и продавали их торговцам. Многие же продавали своих детей по бедности. Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', от этого обстоятельства пришел в негодование и сказал: „Поскольку монгольские роды по большей части происходят от великих эмиров, которые усердно служили в пору Чингиз-хана, а в настоящее время потомки эмиров находятся в почете у каана и других государей, то как можно, чтобы их родственников продавали в рабство тазикам или большая часть их впадала в нищенство. Для соблюдения прав этих людей и для защиты [их] чести, необходимо устранить эти обстоятельства, потому что иначе величие и внушительность монгольского войска, достигшие выси небесной, будут разбиты, и в глазах тазиков оно [войско] станет ничтожным, и большую часть их [воинов] уведут во вражеские страны".

По этой причине [Газан-хан] повелел: „Сколько бы ни приводили от монголов молодых людей, [всех] покупали бы для государевой службы и давали бы за них наличными деньгами, дабы в итоге получилась слава и награда, а из них неотлучно служили бы каптаулы собственного [государева] войска. В последние два года он купил многих и, определив им средства для жизни и тагар, назначил для их содержания область [города] Мераги. Темником над ними он поставил Пулад-чинсанга, а начальниками тысяч и сотен [Газан-хан] назначил своих приближенных. Собралось около десяти тысяч человек. По заведенному правилу, сколько ни приводят [молодых людей], всех покупают, что бы получился целый туман с лишком, и все, ставши государевыми каптаулами и инджу, служат неотлучно. Ни в какие времена не было войск столь оснащенных и стройных, как в настоящую пору. У всех [имеются] определенные икта, и каждая из границ прочно занята и охраняется отдельным войском, не нуждающимся в посторонней помощи. Государственные дела приведены в порядок, люди находятся в благополучии и спокойствии, и помощь божия от этого день ото дня растет. Да про-

[1] *геджиге*.
[2] *казиктанан*.
[3] *хавареи-и кул*.

длит навеки всевышний господь сень правосудия государя ислама 'из милости своей и скрытого [от людей] милосердия'.

Рассказ двадцать шестой. О запрещении отдачи в рост денег и [торговых] сделок с грубым обманом

Когда государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', распростер сень [своего] правосудия и прозорливым взором внимательно рассмотрел общие и частные выгоды, он понял доподлинно, что отдача [денег] в рост и разного рода незаконные сделки заключают в себе расстройство положения людского общества, особенно в настоящее время, когда [люди] сразу сошли с пути справедливости и приложили руку к незаконным, дутым сделкам, и сказал: „Исправление этого явления является обязательным, дабы несчастье от беззакония и причинения вреда не оказывало на все лады воздействия и не распространялось". Он издал указ, которому покоряется мир, чтобы ни одна душа не свершала S660
таких осуждаемых и незаконных поступков. Поскольку громадная польза, которая заключается в этом постановлении, не скрыта от всех сынов настоящего века, так что если бы она была изложена письменно, все признали бы, что это чистейшая правда, то для того, чтобы в будущие времена [люди] узнали, что указ государя ислама, 'да пребудет вечным его царство', заключал в себе предотвращение столь много полного вреда, [ниже] излагаются несколько видов его, дабы миряне поняли, сколько вреда, зла и неправды порождается от свершения какого-нибудь незаконного поступка.

Во-первых, в пору Абага-хана, который известен народу тем, что был государем справедливым, и в его дни люди находились в безопасности и были спокойны, порядок ясака, правосудие и твердое управление его отца Хулагу-хана, бывшего поистине счастливым избранником века, продолжали существовать, и эмиры, столпы государства и везиры его отца и еще некоторые, вступившие на поприще уже в дни его правления, были еще живы. В эту пору некоторые уртаки, справив на свои деньги несколько наборов вооружения, [состоявших] из кольчуг, лат и боевого оружия, а некоторые нескольких добрых коней, доставили [их] к Абага-хану. Через посредство начальников корчиев и конюшен они получили за них такую цену, что в ней оказалась прибыль. Прочие, когда усмотрели способ получения этой прибыли, последовали их примеру, и дошло до того, что некоторые, не имея средств, брали деньги в долг с уплатой лихвы и тратили на это с намерением отдать долг из прибыли и скопить барыши от капитала.[1] Повелось так, что на то, что сдавали, несли приемочные расписки корчиев и ахтачиев в диван, получали берат и взыскивали деньги. У многих подлых людей и также лиц, ничего на 'божьем свете' не имевших, таким способом получились значительные накопления. Заплатив долг, они вошли в число богачей и вдруг стали восседать на арабских конях и резвых мулах и одеваться в царские одежды. Собрав при себе луноликих гулямов и множество серхенгов, они садились на богато оседланных мулов и верблюдов и разъезжали по дорогам, городам и базарам. Люди, изумившись их состоянию, спрашивали: „Откуда и каким образом им с такою быстротой досталось этакое богатство?" Когда дознавались до сути дела, у прочих нищих и несостоятельных людей [тоже] возникало страстное желание к этому делу, и такая торговля засела в мозгу. Несколько тысяч мусульман и евреев из кропальщиков и старьевщиков, то есть люди, которые, взвалив на плечи мешок с тмином и кориандром или

[1] *сармайе*.

мелким товаром, ходили и продавали, ткачи и люди, которые не только никогда у себя не видели ни данека денег, но даже не наедались досыта хлебом, стали заниматься тем, что брали в долг деньги и то, что брали в долг [уже] не отдавали за оружие и лошадей, а все тратили на одежды и на свое устройство или за услугу и взятку сдавали упомянутым начальникам и, получив [от них] расписку, что например, [такой-то] сдал тысячу полных наборов вооружения и столько-то меринов, несли расписку к битикчиям и, хотя [битикчии] были осведомлены об обстоятельствах дела, они, взяв плату за молчание, выписывали ярлык и берат на [получение] наличных денег в областях.

Когда некоторым из этих людей дело удавалось и они богатели, они стали давать [деньги] в рост другим. По этой причине большая часть людей сделала это своим ремеслом и давала [другим] людям в долг с уплатой лихвы дирхемы, динары, золотые вещи, оружие, носильное платье и разного рода имущество из мертвого и живого достояния,[1] которые те жаждали получить. То, за что раньше нищие удовлетворялись десятью туманами, составляющими сто тысяч динаров, подчас не удовлетворялись и ста туманами. Мошенники, которые называли себя купцами и мэсэсчиями,[2] так наладили, что каждого смертного, который немного знал монгольское письмо, сажали дома, и он писал приемочные расписки, как они хотели, и подделывали знаки каждого эмира по [своему] желанию. Затем несли к битикчиям, и было установлено давать [им] за каждый туман несколько динаров денег, чтобы они писали ярлыки и бераты. Название «туман» в их глазах стало столь пре-
S657 небрежительным, что они на своем языке называли его «горошиной» [?].[3] Затем несли претензии в диван и докладывали на служении Абага-хану. Они обладали столькими бератами и приемочными расписками, что если бы собрали все золото и серебро стран света и к нему было бы еще добавлено то, что сокрыто в рудниках, то и тогда бы оно не отвечало тому количеству. Удивительно, если мы предположим, что в поле соберут полных наборов вооружения на тысячу человек, то это будет высотою с гору и не уместится в сотне амбаров, а десять тысяч лошадей на поле или на пастбище уместится с трудом. Каким же образом [уместилось бы] вооружение на двести и триста тысяч человек и сто-двести тысяч лошадей? А они искали получить за сто с лишним раз большее и имели на руках ярлыки и указы. Но вследствие высокого желания оказать милость и величия Абага-хан не раздумывал о том, куда представляют всех этих бесчисленных лошадей и безмерное вооружение, среди какого войска распределяют, в какие хранилища складывают, на каких пастбищах пасутся. А эмиры и столпы государства, которые были осведомлены, за небольшую плату за молчание соглашались и, замарав себя, не имели возможности принять меры против этого. Каждый из этих мошенников держался также за какого-нибудь эмира или хатун, давал им мелкие взятки и за овцу и флягу вина делал их [своими] покровителями.

Когда дело перешло всякие границы, счастливый господин Шамс-ад-дин, сахиб-диван, 'да помилует его господь', захотел исправить его. Он собрал этих мошенников и сказал: „Таких денег, каких вы ищете получить, не существует на свете. Я знаю, что у вас не было расходов, кроме как на взятки. Ныне я стану вашим соучастником, получу от государя за каждую тысячу двести динаров и будем в расчете". Поскольку они на каждую тысячу динаров не имели даже полдинара расходов, то все

[1] *аз сāмит ва нāтиқ.*
[2] *мэсэс.*
[3] *бэ нухудī [?].*

согласились, а он, уговорив эмиров, доложил [государю]: „Из каждых десяти туманов, которые государь отпустил, я-де восемь туманов сберегу, а на два тумана выпишу бераты на область, так чтобы они достались уртакам". Это дело было одобрено. Сахиб-диван отбирал от них ярлыки и на каждые десять туманов выписывал на два тумана бератов на ожидаемые к получению деньги. Так как половина принадлежала ему, то их долю он выдавал вещами и припасами, которые не стоили и четверти, а получал наличными деньгами. Люди, которые раньше давали деньги в рост этим мошенникам, отчаявшись и за прибыль и за капитал [1] уже больше не давали, сколько те ни просили еще денег, обещая уплатить сполна, как только [ими] будут получены средства. В эту пору, когда они совершили сделку с сахиб-диваном, и пошла такая молва, что суммы за мэсэс будут получены, все те, которые имели с ними дела, обрадовались и все, что имели из наличных денег, вещей и припасов, отдавали им в рост, а те мошенники из крайней алчности и нахальства опять сидели дома и писали приемочные расписки, несли их к монгольским битикчиям и разъезжали с ярлыками и бератами. Сахиб-диван узнал об этом, но остался бессилен. Среди тех людей был один еврей-кропальщик, он во времена Хулагу-хана, найдя убежище в ставках, привел к сахиб-дивану несколько монголов и требовал деньги за мэсэс. [Сахиб-диван] его спросил: „Сколько тебе причитается?" Тот предъявил ярлыков и бератов на пятьсот туманов. Сахиб-диван изумился и спросил: „У тебя есть дом в Тебризе?" Он ответил: „Есть." — „Большой или маленький?" — „Маленький". [Сахиб-диван] спросил: „Ежели на крышу твоего дома втащут пятьсот туманов и оттуда всыпят [в дом], они в нем уместятся или нет?" Он [еврей] признался, что не уместятся. Вот таково было беззаконие тех людей.

В подобного рода случаях даже сахиб-диван становился втупик и не мог помочь делу. Изо дня в день вследствие этой молвы люди тратили на то дело все, что имели, а если не имели, то брали в долг, пока большая часть [их] не осталась с пустыми руками, и они жили в надежде получить те туманы, которые были упомянуты в бератах. Через некоторое время, когда деньги уртакам не доставались, вошедшие с ними в сделку теряли надежду и [больше уже] не оказывали им помощь ссудами и деньгами на расходы. Мошенники говорили совершившим с ними сделку: „Нам-де от вас скрывать нечего, и поскольку у вас над нами разного рода права, S662
то мы стеснения в деньгах не причиним. Согласно ярлыку, снабженному тамгой и знаками, нам дан перевод на столько-то денег из податей наличными деньгами с владений. Мы предъявим его сообща и возьмем каждый по гонцу от такой-то хатун и от такого-то царевича, дабы заполучить [эти деньги] и отдать вашу долю". Поскольку вошедшие в сделку видели ярлыки и бераты говорящих [достаточно] прочными, чтобы предъявить их сообща с ними на сумму вдвое превышавшую долг, то жадность одолевала их, и они устраивали все необходимое для тех людей. Так как требовалось больше, то они брали в долг и продавали имения, большей частью отправлялись с ними [мошенниками] в области и предпринимали тот же самый образ действий. В конце концов они ничего не достигали и, спустив состояние, оставались разоренными и в долгах.

После поры государя [Абага-хана] во времена Ахмеда, Аргун-хана и Гейхату эти люди [продолжали] гоняться за теми деньгами. Каждый [из них] брал гонцов от хатун, царевичей и эмиров и, согласившись выполнить какую-нибудь пустячную службу, отправлялся в области, а наличные деньги владений растрачивались на их прокормление и расходы. Хакимы областей, также жаждая сбыть какой-нибудь товар, стоя-

[1] *сармайэ*.

щий десять динаров, за тридцать и сорок динаров, — а в казну нужно сдавать чистоганом, — продавали им по дорогой цене пояса, усыпанные драгоценными камнями, жемчуг и другие товары. Они же ладили [на этом], ибо если вместо причитающегося по этой сделке они получили бы камни и черепки, то и [тогда] посчитали бы, что [товары] достались [им] даром. По той причине они тоже продавали те драгоценности по небольшой цене или за пустяк отдавали в заклад. От злополучия такого образа действий цены на драгоценные камни упали, и они совсем потеряли спрос. Тем не менее они не могли собрать больше того, что составляло деньги на расходы и на содержание гонцов. В конце концов торговцы-мошенники и вошедшие с ними в сделку оставались голодными и нагими и по этой причине оказывались уже не в силах заняться даже малым делом, которым можно снискать хлеб насущный. А казенные средства пропадали, и никто не мог исправить [положение].

Когда очередь править миром досталась государю ислама [Газан-хану], 'да продлится навеки его царство', и он приказал не давать денег в рост, у тех людей руки стали коротки для этого, и ничего они поделать не сумели. За эти несколько лет все те многочисленные истцы со всеми теми ярлыками и бератами пропали из виду и забросили сделки, которые никогда не были основательными. Никто о них не вспоминает, и те люди, которые совершали все те бесчинства,[1] вернулись каждый к своему первоначальному ремеслу и стали явственно различаться богатые и бедные, простолюдины и благородные, а те люди, удовольствуясь малым, возносят молитвы за державу государя ислама, 'да укрепится навеки его царство'. Таково, как описано, было одно из вредных последствий ростовщичества.

Далее, лица, которые в эти времена давали в рост деньги, были большей частью монголы и уйгуры. Конечно, как могут быть счастливы несчастные, когда берут деньги в долг с уплатой лихвы. В конце концов они оказывались не в силах уплатить и с женой и детьми попадали в унизительную неволю к ним. Счастьем правосудия государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', это унижение было отстранено от последователей ислама.

Еще один большой вред состоял в том, что в эти времена те мелики и мутасаррифы областей, которые были людьми благородными и честными, не могли, как положено, позаботиться о денежных средствах области и сами устранялись от этого дела, а нищие мошенники, когда смогли сменить десять лет нищенской жизни на десять дней царской роскоши, стали брать деньги в долг, давать взятки и получать должности хакимов областей и достигали достоинства важных меликов и султанов. Они брали на себя [управление] областью за большой откуп и, поскольку им нужны были деньги на расходы ставки, на покупку гулямов, животных, почетных одежд и предметов роскоши, то они по необходимости брали в долг, а тот, который давал деньги, поскольку понимал, что рискует ими, не давал до тех пор, пока не представлял себе весьма высокой прибыли. Без сомнения они могли получать [ссуду] по три и четыре динара за динар. Когда они [хакимы] отправлялись в области, то совокупности причитающихся дивану податей нехватало на покрытие их S659 долгов, становилось необходимо взимать с ра'иятов вдвое против установленного, и несколько тысяч человек рабов божиих и платящих подати государю подвергались притеснению и мучительству. Когда сахибам дивана случалось узнавать об их бесчинстве, то вследствие того, что [хотя] средства и были нужны, но этот хаким, все растратив, замарал

[1] *баввāшū*.

и их взяткой, они не могли [этому] воспрепятствовать, к тому же он был человеком неспособным платить. Множество ра'иятов тоже поневоле распускали, делали послабления и не обращали на это внимания, лишь бы приумножились средства. Ему [хакиму] также приходилось давать взятки воеводе и битикчиям области, что бы они не препятствовали, но если они даже не брали, устранить [этого] не удавалось. Поэтому казне никогда не доставались деньги чистоганом, а если и привозили по временам кое-какие товары, то они не соответствовали четверти стоимости. Поэтому дела войска постоянно находились в расстройстве от недостатка припасов.

Из года в год таким способом они забирали [налоги] области. Хотя обладавшие добрым именем вельможи уступали этим неблагородным злодеям, они никогда не брали на себя сбора налогов, и старейшины мудрецов говорят, что упадок и расстройство государства бывает тогда, когда отстраняют от работы лиц, достойных разных должностей, и предоставляют дело недостойным. Некоторое время шли этим путем, а когда везиром стал «бумажный садр»,[1] положение и дело со взятием ссуд с уплатой лихвы дошло до того, что если его описать, то нехватит сил. Однако, поскольку об этом зашла речь, то некоторую часть [упомянуть] необходимо. Поскольку все современники воочию видели [обстоятельства], то [теперь] нельзя говорить небылицы, но в будущие времена по этой причине читателям [они] будут казаться невероятными. Они заключаются в следующем. В его [Садр-ад-дина] пору откупщики областей были самыми подлыми из сынов [человеческих] того времени и, поскольку они [откупщики] знали его обычай, что он вола продает за гуши,[2] они брали суммы в долг и отдавали в виде взятки. Взяв то, что стоит десять динаров за двадцать, они отдавали [их] ему за тридцать. Он принимал, а затем говорил: „Дивану нужны деньги". Откупщик непременно отвечал: „Деньги дают в долг. То количество, которое я дал за оказание услуг, удалось достать при помощи тысячи ухищрений". Он говорил: „Тебе убытка не будет, как только получишь, отдай нам наличными". Тому человеку, как только он представлял кабалэ, вычисляли основную сумму и лихву. Все, что стоило десять, он сразу брал за тридцать и отдавал ему за сорок и немедленно тратил десять динаров излишка. Когда Садр-ад-дин срочно требовал причитающееся, его наибы говорили: „Стоит десять динаров, однако покупают не больше, как за шесть", — и четыре динара забирали они. В общем из сорока динаров основной суммы денег[3] к нему доходило не более шести, да и те были достоянием дивана, которое растрачивал он. Некто из числа свершавших с ним сделки взял лично для него у одного торговца несколько тысяч овец по пяти динаров за голову с отсрочкой [платежа] на два месяца. К [назначенному] сроку денег не оказалось, большая часть тех овец изнурилась и отощала, [и] он приказал всех продать по незначительной цене. [Их] отдали за лихву, [причитающуюся] за два месяца, а долговую расписку [кабалэ] на основную сумму продлили еще на два месяца. Конечно, от злополучия такой отдачи в рост и взятия в долг, государственные средства погибали, и в казну ничего не доставляли. Из всех переводов, которые Гейхату-хан жаловал из великодушия, никогда никому не доставалось ни гроша, точно так же и из довольствия, содержания и сметных расходов. По этой причине войско стало

---

[1] *садр-и чāви*; см. стр. 135 и сл.

[2] Отсюда и до слов „Некто из числа"... смысл текста не ясен.

[3] *аṣл-и мāл*.

питать отвращение к Гейхату. Тем не менее Садр-ад-дин постоянно находился в нужде, а когда он умер, на шее у него остались тысячи и тысячи обид людей. Увы, сколь много он опустошил домов, в которых царили богатство и изобилие. Все правители областей, как султаны и мелики, приезжавшие в ставку, таким способом задолжали и брали в долг у сотни тысяч мусульман и монголов, и все их достояние погибло. Некоторые из этих людей умерли и обиды [остались у них] на шее, а у некоторых на этом деле пропали и дома, и поместья, и движимое имущество. Все видели [это] воочию, и слышали, и все знают наверное, что никакого преувеличения здесь не было сделано, напротив, эта речь соответственно
S664 действительности является лишь образцом и малым из большого. Если бы даже [государь] был справедливым, строгим и могущественным, он с трудом смог бы принять меры против таких больших дел, которые с давних пор укрепились в мозгу людей знатных и простых.

По причине упомянутых корыстных целей все царевичи, хатуны, эмиры, везиры, битикчии, вельможи и придворные имели связи с теми мошенниками, некоторые были у них в долгу, некоторые приняли от них взятку, а некоторые стали их соучастниками. Только благодаря мудрости, способности и большому разуму государя, 'да укрепится навеки его царство', он счастливо поразмыслил и понял, что первопричиной всего этого разорения является давание денег в рост и взятие [ссуд], и что когда он запретит это, то он и божественный закон пророка укрепит и народ выведет из пучины заблуждения на путь истинной веры, и благодеянием запрещения ростовщичества будет устранен столь великий ущерб.

После этого размышления, в [месяце] ша'бане лета 698 [V 1299] он издал указ, чтобы во всех владениях ни одна душа не занималась ростовщичеством и не брала [ссуд]. Большая часть людей, которая к этому привыкла, не согласилась [с указом], и некоторые вельможи, имевшие власть, говорили, что пути-де для деловых сношений будут совсем преграждены. Государь, 'да укрепится навеки его царство', изволил сказать: „Я для того повелеваю [запрет], чтобы был прегражден путь для непохвальных сделок". Некоторые же корыстолюбивые невежды утверждали: „Казне-де всегда нужны наличные суммы, а ежели хакимам областей не будут давать в долг, они окажутся не в силах вносить деньги". Государь ислама и его везиры говорили: „Мы здесь ни от одного хакима и мутасаррифа не требуем денег". И [государь] решительно постановил: „Мы не позволим никому, кто дает деньги в рост, вступать в деловые сношения с диваном и получать что-либо из основных сумм и лихвы". Неоднократно он наказывал хатунам, царевичам и эмирам, чтобы они ни за что не давали в долг тем людям, и повелел, чтобы на этом основании кликнули клич: „Мы-де не допустим, чтобы кто-либо, кто даст в долг денег тем людям, потребовал их обратно с них при жизни или из оставшегося после их смерти имущества, ибо мы с них [хакимов и мутасаррифов] не требуем денег вперед, а ежели они растратят средства, принадлежащие дивану, то возмещением будут их движимое имущество и поместья". Еще утверждали, что брать в долг бывает нужно челобитчикам, чтобы уладить дела. [Государь] сказал: „Зачем же приезжает [сюда] тот, кто не имеет средств на путевые расходы и на необходимое, что нам проку в нем, а ему в нас, пускай сидит спокойно дома и не приезжает". Так как вели еще разного рода речи, то [Газан-хан] сказал: „Кто лучше знает пользу мира, господь всевышний и [его] посланник, 'да будет над ним мир', или мы? По необходимости нужно сказать, что они". [Государь] сказал: „Всевышний господь и [его] посланник повелели так, и никаких речей наперекор этому мы слушать не будем, таков приказ". С той поры до настоящего времени ни одной

душе, просившей ссуду, денег не давали, а если какой-нибудь насильник принуждал, то ему запрещали, [исходя] из постановления указа.

В настоящую пору, 'клянусь славой господа и милостью его', вследствие того, что ни одна душа не дает в рост денег, так как их не возвращают, все убытки, которые происходили, устранены, деловые сношения стали честными, среди людей появилась справедливость, и бóльшая часть средств[1] поступает в казну чистоганом червонцами, и нет такого порядка, чтобы доставляли припасами. Цена на драгоценные камни и золотые украшения установилась попрежнему, и никто из имеющих деньги не дает их мошенникам, чтобы они хитростью [не могли их] отнять. Богатства людей стали все больше благоприобретенными, снизошло благоденствие, большая часть людей стала заниматься земледелием, торговлей и полезными ремеслами, и таким способом мирские дела снова поправились и устроились. Люди этого времени, видевшие воочию те злодеяния, получают удовольствие от такого положения, [но] как смогут себе представить пользу этого постановления люди, которые впоследствии появятся на свет, не видевшие тех [злодеяний]. В то время, когда входил в силу этот указ, некоторые люди, у которых в сердце сохранился вкус к ростовщичеству, хитро давали в долг кое-какие товары по дорогой цене под видом торговой сделки и продажи, а не ростовщичества. В конце концов заимодавцы являлись в диван, сообщали, что они давали товары на таком-то основании, и требовали [уплаты] денег. Государь, 'да укрепится навеки его царство', разгневался и сказал: „Ежели они не оставят этих уловок и обманных действий, мы издадим указ, чтобы тот, кто берет что-либо в долг, совершенно не возвращал бы ни основной стоимости, ни лихвы. Ежели у людей есть деньги, какая [им] нужда S661
давать ссуды, пусть покупают поместья и занимаются благоустройством, земледелием и торговлей". Люди испугались этих [слов]. Ростовщичества и несправедливых сделок стало меньше, и имеется уверенность, что очень скоро этот образ действий совсем отпадет. Да ниспошлет всевышний бог [свою] помощь этому государю, дабы он постоянно ниспровергал непохвальные обычаи и укреплял основания священного шар'а!

Рассказ двадцать седьмой. О запрещении платить кавин безмерными деньгами

Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', сказал: „Мудрость божия в законе брака заключается в том, чтобы люди плодились и размножались. Поэтому постановление шариата таково, что ежели кто-либо дает развод жене, всерьез ли или в шутку, с охотой или в гневе, [развод] состоялся бы немедленно, потому что, ежели между женой и мужем нет согласия, то лучше, что-бы они расстались, иначе то несогласие окончится гневом и яростью, а жить в ярости — обычай хищных животных. Во всяком случае, оно вызовет отвращение, а при наличии отвращения не будет происходить зарождения и размножения". По этой причине [государь] повелел оставить открытым, без одного препятствия, путь для развода. Когда жену сватают за дорогой кавин, то никто не отваживается дать развод жене из боязни выплаты большого количества денег и, хотя он не согласен и не расположен, он все-таки должен ладить. Такое положение противоречит законному и разумному, ибо, исходя из того, что рассказано, мудрость законодателя требует того, что если у кого-нибудь в любви и согласии к жене появится колебание, то он без разговоров, раздумья и препятствий может с нею расстаться. У людей также могут быть дети, и пропитание их лежит на отцах. Им когда-

[1] *амвāл.*

нибудь нужно будет нести калан, а некоторым выступить в поход, но *откуда же возьмутся деньги на кормление детей* и на необходимое для калана и их дела, если отцовские средства пойдут на погашение кавина жены.

Основываясь на таких предпосылках и на том, что пророк, 'да будет над ним молитва и мир', одобрил легкий кавин, надобно, чтобы кавин был весьма легким. Как предусмотрели, дабы не явилось нужды в закяте, все кавины пусть будут установлены в девятнадцать с половиной динаров, ибо в небольшом брачном даре[1] нет никакого греха. Человека, который любит жену, нельзя разлучить с нею и сотней хитростей и понуждений, а тем, у которых нет согласия, лучше разойтись как можно скорее, дабы избавиться [друг от друга] и обоим была польза, так как опытом установлено, что есть некоторые жены, которых мужья не любят, но когда им дают развод, их сватают другие и любят, следовательно [развод] содержит в себе пользу для обеих сторон. Оттого [государь] по этому поводу издал указ. Аминь.

Рассказ двадцать восьмой. О постройке мечетей и бань во всех деревнях владений

Не скрыто, что потребность людей в бане и мечети является необходимой, а в некоторых областях владений в деревнях не построили ни той, ни другой. До этого мусульманские государи не принимали к этому мер и, конечно, там, где местные жители не творят молитвы вкупе и им не удается свершать полного омовения и очищения, как того требует правило, в мусульманстве их бывает изъян. Государь повелел и издал державный указ, чтобы во всех владениях построили в деревнях мечети и бани, а те, которые не построят, будут виновны и грешны. Почти в два года во всех владениях построили всюду, где не было, и в настоящее время с тех бань получается изрядная арендная плата.[2] [Государь] повелел, чтобы доходы с них расходовали на местные нужды и потребности мечетей, как-то: на благоустройство, ковры,[3] масло и на содержание служителей. Благодаря одному только этому прекрасному мероприятию, которое он повелел, в разных местах владений было ока-
S666 зано столько добра, объявились отличительные знаки ислама, и народ обрел благополучие и покой. Да ниспошлет всевышний бог благословения и воздаяние за это в державные дни.

Рассказ двадцать девятый. О запрещении народу пить вино[4]

Поскольку во владениях большая часть народа стала пить вино и вкушать хмельное и на базарах и в общественных местах люди постоянно ссорились и спорили по причине пьяного своего состояния и некоторые при этом погибали, а некоторые получали ранения и увечья и их приходилось судить, и [поскольку] во всех вероучениях и общинах хмельные напитки отвергнуты и запрещены, — какая нужда в рассказывании и порицании их для ограничения вреда, который они наносят, довольно и того, что вино прозвали матерью пороков, — государь ислама по поводу принятия мер против этого сказал: „Так как законодатель, 'да будет над ним мир', и прочие пророки его [т. е. вино] запретили и об этом гласят тексты, а люди все равно не воздерживаются и не бросают

[1] *садāк*.
[2] *уджрат*.
[3] *фарш*.
[4] L, I, P, B — доб.: „и иные опьяняющие напитки".

[привычки пить], то ежели и мы решительно запретим [пить вино], то без сомнения тоже ничего не выйдет, [поэтому] мы теперь повелеваем только, чтобы в городах и на базарах каждого, кого застанут пьяным, задерживали и, раздев его догола, привязывали к столбу среди базаров, дабы люди проходили мимо него и порицали, пока он не опомнится и не станет чувствовать отвращения к своему пороку". В таком смысле он обнародовал указ во всех сторонах владений, и теперь ни у одной души не находится смелости выйти пьяным на улицу, не говоря уже об озорстве и буйстве во хмелю, и явное зло распития вина, драки и спор пьяных на базарах и в общественных местах — устранены.

[Государь] приказал также, чтобы ни одна душа не входила для сыска в дома людей, чтобы аваны не бесчинствовали и народу не было бы стеснения. Да окажет всевышний господь свою помощь этому набожному государю, дабы он всегда издавал такие указы. Аминь.

Рассказ тридцатый. О наведении порядка в отпуске средств на государево столовое довольствие[1] и вино для Большой ставки

Всем известно, что раньше из-за порядка истребования причитающегося на стол постоянно происходили споры. Битикчии-эюдэчи постоянно доносили друг на друга, в этом деле излишествовали и очень часто эмирам нужно было их судить. Причитавшемуся на стол и вино подбивали итог. Количества того, что потреблялось, еще несколько увеличивали и приумножали и добавляли к ним расходы, не связанные со столом, вроде подаяния и жалованья людям, корма соколам и [охотничьим] барсам, путевого довольствия и шербета послам, содержания некоторых царевичей и хатун, необходимого [для] карату,[2] кухонной утвари и тому подобного. Таким образом итог получался увесистый. К нему присовокупляли все нужное для празднеств, которое по большей части не расходовалось, на припасы назначали высокие цены, и [требование] сумм переводилось на области. Поскольку средства дивана в действительности находились без присмотра и в запутанном состоянии и хакимы и мутасаррифы не опасались того, что не дадут дивану ничего, и [что] делá областей были в большом беспорядке, причины какового расстройства были выше объяснены и перечислены, то причитающееся на стол во-время не поступало. Гонцы же, которые отправлялись для получения его, брали много взяток за отсрочку, и глядели сквозь пальцы. Вторично [требование] переводилось на другую область, и гонцы поступали [там] точно таким же способом. За год в области отправлялось за столовым довольствием столько гонцов, что их расходы и фуражное довольствие превышали основную стоимость столового довольствия, а средства не поступали. Хотя причитающееся на стол определяли так, что оно хватало S663
с излишком и тому, кто составлял требование, и еще нескольким человекам, однако поскольку оно не поступало во-время, эюдэчии брали в долг с уплатою значительной лихвы. Случалось иногда, что вино, которое они оценили по десять динаров за сто манов, — а если бы рядили с умом, оно обошлось бы по пяти динаров, — они покупали по 20—40 динаров. Поэтому даже когда им доставались значительные средства и бывали количества бóльшие, чем причиталось на стол, их [все же] нехватало. Что же говорить, когда у них на руках находились бераты двухлетней [давности] и из их совокупности оставались недоимки за местностями. Большой вред состоял в том, что хакимы областей, когда гонцы спрашивали причитающееся на стол, приостанавливали дела прочих гонцов и сборщиков под

[1] *āш-и xāṣṣ*.
[2] *krāmǰ*

предлогом того, что-де столовое довольствие дело тонкое, прежде мы справим его, однако и его тоже не справляли. Затем уже требование причитающегося теряло силу и сокращалось. Вследствие задержки гонцов производились бесполезные расходы и, если в конце года хакима отстраняли от должности, то он отговаривался тем, что [причитающееся столовое довольствие] осталось за областью или пропало, а если его не отстраняли, то он жил себе под предлогом ведения счета и переговоров попечением хакимов дивана для того, чтобы участвовать с ними [в наживе] и получать взятки. Последствия этих дел и злоупотреблений отражались на положении эюдэчиев. Вечно у них происходили споры с диваном, обе стороны перекладывали вину друг на друга и писали доносы. Никогда не доставляли столового довольствия без перебоя даже десяти дней подряд. Если поглядеть внимательно, обратившись к реестрам, то [окажется], что таким путем загублено столько средств, что и описать нельзя. Можно понять, каково столовое довольствие, которое справляют таким способом. Постоянно пищевые припасы и вино привозили с отвращением и по этой причине тоже происходили пререкания. А когда они прибывали в ставку и внезапно случалось выступать, они оставались лежать на земле. Во время переходов на летние и зимние становища, савери приносили больше чем нужно для стола, и в то время поставки столового довольствия пропадали даром и [их] растаскивали. Эюдэчии всегда брали вино в долг у виноторговцев, а баранов у мясников и, часто случалось, не отдавали платы за них. Вечно эти люди на них жаловались и преклоняли колени перед эмирами, но пользы от этого никакой не было, и многие из виноторговцев и мясников по этой причине пошли по миру. Подобных злоупотреблений больше, чем [можно] описать, [а потому] они ограничены [здесь] этим количеством.

Меры против этого обстоятельства государь принял таким образом, что повелел причитающееся ежедневно необходимое столовое довольствие выдавать наличными деньгами из казны вперед на каждые шесть месяцев, чтобы все нужное покупали натурой. А то, что заготовлено в областях, привозили бы и на сколько дешевле ни купили бы, разница чтобы оставалась в казне. Никто чтобы не надеялся на разницу в цене и на излишки вина, баранов и припасов. Надобно покупать так, чтобы обходилось дешевле, чем расценили в реестрах, а то, что прежде брали себе из [произведенных] ненужных расходов, из неизрасходованного на празднества и из остатков в дни, когда толпа народа бывает меньше, пусть причитается казне. Излишков этого столового довольствия в течение двух лет накопилось столько, что на них купили пятьсот верблюдов и пятьсот мулов и поручили их добрым погонщикам и конюхам, дабы всегда были наготове перевозочные средства для вина и пищевых припасов, а то, что ежегодно расходовали на наем [перевозочных средств], обратили бы на корм и расходы [по содержанию] тех животных. Вино, которое покупали по тридцать и сорок динаров за сто манов, покупают [теперь] менее чем по пять динаров, и постоянно имеется в запасе вино, бараны, приправы[1] и прочие необходимые припасы, и если бы потребовали вдвое больше установленного, оно без разговора оказалось бы налицо. Прежде, вследствие покупки эюдэчиями вина у виноторговцев, цена на него была весьма дорога, а теперь оно на базарах не имеет спроса. [Теперь] никогда ни один гонец и сборщик не отправляется в области для истребования причитающегося столового довольствия и по этой причине расходы не производятся, средства не растрачиваются и в казну поступают наличные деньги, а дело столового довольствия

[1] *хавайидж.*

и способы его распределения и перевозки налажены и прибраны к рукам, как того, вероятно, не было ни при одном государе. [Сейчас] расходуется S668
отнюдь не более четверти того, что тратилось прежде, а если принять в расчет еще и расходы гонцов, которые в связи с этим случались, то это не составит и одной десятой. Производство этого дела вверено наибам и везиру владений ходже Са'д-ад-дину, а он не допускает, чтобы пропал хоть один данек из того, что причитается. Да распространит всевышний бог на вечные времена сень этого государя с совершенным разумом и правильным мнением!

Рассказ тридцать первый. О наведении порядка в отпуске средств на столовое довольствие хатун и ставок

В пору Хулагу-хана и Абага-хана отпуск средств на столовое довольствие ставок и хатун свершался на монгольский лад и обычай и был [он] невелик и непостоянен. Всегда, когда из вражеских стран доставляли добычу, то из ее количества кое-что отдавали им. Каждая держала по несколько уртаков, и они в виде прибыли доставляли кое-какие деньги, или же кто-нибудь подносил приношение. Они имели немногочисленные стада, от них был приплод, а также доходы. Отпуск средств на столовое довольствие и все для них необходимое производились отсюда и этим удовлетворялись. В конце дней Абага-хана появилось небольшое количество [определенного][1] столового довольствия, затем в пору Аргун-хана для каждой ставки определили причитающееся[2] [ей довольствие] и переводили на области. Когда их гонцы и эв-огланы выезжали для получения [столового довольствия], хакимы, ухватившись за разные предлоги, описанные в нескольких местах [выше], наряд не исполняли и занимали их получением фуражного довольствия, обязательным попечением и принятием взяток. Если они и поставляли небольшое количество, то тут же [его] тратили, а мутасаррифы большую часть тех средств собирали [с населения]. Когда причитающееся на столовое довольствие ставок поступает таким способом, можно понять, в каком оно находится порядке. Во времена Гейхату было точно так же, и количество средств в областях и у эв-огланов сократилось. В державную пору государя ислама, 'да укрепит господь навеки его владычество', между эв-огланами ставок случилась неприязнь. Вследствие этого они друг на друга делали доносы и по этому поводу производили суды. Часть из тех средств оставалась за областями, а часть пропадала среди эв-огланов, и за эти преступления [государь] некоторых для исправления наказывал, а некоторых отстранял от должности. Затем он сказал: „Эдак не ладно, потому что средства [либо] пропадают даром, либо [их] растаскивают хакимы областей, и ни столовое довольствие ставок не исправно, ни причитающиеся [суммы] не достаются казне и войску". Меры против этого он приказал такие: „Назначив для каждой ставки область из государевых земель инджу, выделить [ее] из [ведомства] дивана и передать в их владение. Установив также от дивана тамошние налоги, написали бы для каждой [ставки] наказ и подробно перечислили бы [в нем] причитающееся на столовое довольствие, тагар, необходимое платье и верховых животных для хатун, а точно так же полностью перечислили бы причитающееся на нужды шараб-ханэ, конюшен, верблюдов и мулов, на одежду девушкам, евнухам, фаррашам, поварам, погонщикам верблюдов и ослов, на прочих слуг и челядинцев и на все то, что потребно,

[1] L, I, P, B.
[2] *ваджх.*

и выправляли бы [это] из совокупности *основных отпущенных средств*".[1] *Согласно этому и написали. Все, что окажется в излишке*, [государь] повелел обращать в казну той хатун, хранить строго под печатью двух эмиров, которые назначены во главе каждой ставки, и не расходовать без указа государя, дабы у хатун всегда имелась казна, которая могла пойти в дело в случае нужды. [Государь] сказал: „Мои поместья инджу впредь пусть будут инджу и поместьями детей от той жены, — и перейдут по завещанию к ее детям мужского пола, исключая женский пол. Ежели же у той жены детей не будет, тогда [они] пусть принадлежат сыновьям от других жен".

S665 В настоящее время все те области и поместья согласно наставлениям дивана находятся в руках наибов хатун, приведены в цветущее состояние и [с них] добывается средств больше, чем прежде. Причитающееся на столовое довольствие ставок и на их необходимые нужды полностью заготовлено и поступает исправно и во-время. Суммы в казне у хатун определены, и теперь, когда для нужд войска понадобилось [добавочное] увеличение сумм, [государь] повелел выдать войску из средств их казнохранилищ тысячу тысяч динаров, и исходя из этого приказал [сделать] переводы, а войску была [от этого] значительная помощь. Никогда ни в одну пору не бывало такого строгого порядка. 'Если захочет всевышний господь', он будет существовать и процветать вовеки. Аминь.

Рассказ тридцать второй. О наведении строгого порядка в казнохранилищах и об устроении их дел

Прежде не было в обычае, чтобы кто-нибудь вел счет казне монгольских государей, или [чтобы] у нее был определенный доход и расход. Назначали нескольких казначеев, чтобы они принимали все, что будут доставлять, вместе складывали, и все, что идет в расход, вместе выдавали, а когда [ничего] не останется, говорили бы: не осталось. За казной присматривали фарраши, навьючивали ее и снимали, и до того она не была взята в твердые руки, что у нее не было даже палатки, а свалив в поле, ее накрывали войлоком, и по такому порядку можно догадаться о прочем состоянии. В числе обычаев был и такой, что всегда, когда доставляли что-либо для казны, к казначеям приходили их друзья и эмиры и просили подношения,[2] и они каждому давали что-нибудь сообразно его весу. Баурчии, шерабдары, фарраши, конюшие тащили каждый что-нибудь из съедобного, питий и прочего и чего-нибудь просили. Казначеи, посоветовавшись друг с другом, давали. Точно так же они удовлетворяли наличными деньгами просьбу каждого из фаррашей, поскольку они их охраняли. Казначеи делали подношения также и друг другу и, посовещавшись, тащили каждый что-нибудь домой. Таким путем из казенных ценностей каждый год пропадало восемь десятых, а две [десятых] шли на расходы, которые повелевал государь. Когда хакимы областей уразумели это обстоятельство, они, если сдавали причитающиеся суммы в казну, давали взятку и получали расписку в приеме одного за два. Когда доставляют средства в казну редко, а то что доставляют находится в таком порядке, то ясно что́ государь может израсходовать. В таком роде продолжалось все время, а когда приказали, чтобы тотгаулы следили и хватали, если кто-либо будет выносить одежды или что-нибудь [иное], то они за несколько лет задерживали

---

[1] *аз джумлэ-и асл-и вуджӯх-и маджмӯ' бирānанд.*

[2] *барāку.*

одного, да и то из корысти, выжидая удобного случая взвалить на него вину. Таких случаев во все времена произошло не более двух-трех раз. И из-за этого отказываются от драгоценностей и золотых денег! Изложение этих обстоятельств [лежит] вне пределов возможности.

В настоящее время государь ислама для этого завел такой порядок, чтобы казнохранилища были отдельные. Все драгоценности, какие бывают, он благословенной рукою кладет в сундук, так что если произойдет злоупотребление, оно немедленно станет известно. Рукою везира все до самых мелочей заносится в опись, и государь, заперев его [т. е. сундук] на замок, и запечатав своей печатью, назначает для охраны одного из казначеев совместно с одним евнухом,[1] и он [сундук] находится на их ответственности. Ни одна другая душа из казначеев и фаррашей до него не имеет касательства. Все золотые деньги и государевы одежды, которые изготавливают в мастерских или [то, что] доставляют из дальних стран в виде тонсука, везир попрежнему подробно записывает. Они тоже находятся на ответственности упомянутых двух лиц и до тех пор, пока государь не даст безусловного приказания, решительно ничего из этого не расходуют. К серебряным деньгам и разного рода одеждам, которые расходуют постоянно, [государь] приставил другого казначея и евнуха, и они на их ответственности. Везир, подведя всему итог, заносит в опись. [Государь] приказал, чтобы на то, что идет в расход, везир писал царское повеление[2] и представлял ему, дабы он помечал [его] благословенным пером. Наиб везира заносит [повеление] в реестр и выдает. До тех пор пока не будет той меты [государя], ни одной душе ничего не выдают. Первое казнохранилище называют «нарин», а второе «бидун». S670
Для того чтобы не помечать каждое мгновение повелений, везир согласно приказанию пишет на каждый месяц [вперед] повеления о расходах, которые [государь] изволит произвести, с указанием имен и подробностей, и представляет их по одному в часы уединения и при удобном случае, дабы [государь] поставил мету. Через каждые шесть месяцев или год везир проверяет казну, все ли в казне имеется налицо, что [ей] было передано, или нет, из предосторожности, что не дай бог по каким-нибудь причинам больших казенных сумм могло не оказаться на месте.

Прежде некоторые вельможи и друзья обращались с просьбою, чтобы им выдали ссуду из казны. Вышел указ, чтобы без благословенного повеления по своему усмотрению не распоряжались, просьбы же были отклонены. [Государь] повелел, чтобы изготовили определенное клеймо, и каждую одежду, которую доставляют в казну, тотчас же клеймят этим клеймом, чтобы [ее] не могли подменить. Он повелел, чтобы многие фарраши, которые прежде состояли при казнохранилище, [теперь] были бы заняты только в должности фаррашей и не имели касательства к казне, потому что она находится на ответственности тех четырех человек и производство расчета по повелениям государя надобно предоставить им. Он повелел, чтобы в этих казнохранилищах ни в коем случае не было весов, а выдавали по тому же самому весу опечатанных свертков, как принимают. Ни у одной души нет возможности выдать держателю перевода хотя бы один гяз кербаса вместо денег, или на мгновение [его] задержать, или заставить ждать. Наоборот передаваемые деньги или одежду должны вручать немедленно, за казенной печатью, в точно таком виде, [как указано], и ни от кого ничего не ожидать. С каждой сотни динаров причитающихся сумм, доставляемых из областей, установлено два динара казенного сбора,[3] и сверх этого ничего не берут.

[1] *хвāджэ-и сарāй.*
[2] *парвāнэ.*
[3] *расм-ал-хазāнэ.*

[Государь] учредил еще другое казнохранилище и [к нему] приставлен один евнух, для того чтобы, выделив из каждых десяти динаров, доставляемых в казну сумм, по одному динару и из каждых десяти одежд по одной одежде, передавали ему, а он складывал бы [их] в это хранилище. Причитающееся на милостыни переводят на это [казнохранилище], дабы его представили, и государь [роздал] благословенной рукою, или же оно было передано нуждающимся в высочайшем присутствии. Содержится оно в таком же порядке, как выше описано.

По тому же распорядку управляется казнохранилище оружейной палаты. Никогда имущество ни одного хозяина, саррафа и ходжи-купца, известных [своим] хранением добра, не может быть хранимо и прибрано к рукам так, как в казнохранилищах государей. Совершенно нельзя себе представить, что можно было украсть хотя бы один данек денег. В пору походов на летние и зимние стойбища [государь] самолично [в течение] нескольких дней является в те [казнохранилища] и откладывает то, что желает, чтобы перевезли. Везир подробно переписав ценности, оставляет [их] в Тебризе под замком и печатью. Когда [государь] желает знать состояние казны [в смысле] количества и качества наличности или расходов, он спрашивает у везира, а тот, обратившись к реестрам, тотчас же докладывает. Поскольку государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', подкрепляется господней помощью и поддержка божественной милости в отношении него чрезвычайно велика, [поскольку] также и везир попался такой, что нет лица надежнее его, при наличии совершенной способности, проницательности, знания и искусства, то несомненно ни одного данека денег и ни одного гяза кербаса не может пропасть и ни одна душа не имеет возможности украсть. Благодаря счастливым последствиям такого твердого управления и прямоты, которые проявил государь ислама, [благодаря его] вере и благочестию из казны исходит столько наличных денег, что если бы она была морем, то опустела бы. Ни в одной старинной и новой книге, которые прочитываются, не было упоминания о таком количестве наличных денег и одежд, какое выдают оттуда. Из казны ни одного государя никому, вероятно, [столько] и не давали. Да сниспошлет всеславный и всевеликий господь такие милости в державную пору 'ради пророка и ради его'. Аминь.

Рассказ тридцать третий. Об упорядочении дела мэсэс и военного снаряжения

Прежде в каждом городе и области владений было назначено множество ремесленников[1] лукоделов, стрелоделов, колчанников, сабельщиков и иных, точно так же и монгольских ремесленников. Каждый от своей работы представлял одну-две штуки оружия и получал жалованье
S667 и содержание. Постанавливали также, чтобы они ежегодно доставляли столько-то оружия и на то, что причиталось за него, выдавали бераты на области. В некоторых городах находились мастерские оружейников. На содержание их причитались определенные суммы, и во главе их стояли наибы начальников-корчиев. Взамен всех сумм, которые отпускались, не получалось и двадцатой части того, что следовало, отчасти по причине того, что причитающееся по бератам оставалось за мутасаррифами областей, вследствие разного рода хитрых уловок, которые проделывались, хотя в области отправлялись сотни аймаков-гонцов для получения его, причем столько же, сколько причиталось получить и даже больше, уходило на их фуражное довольствие, расходы и улаг, отчасти

[1] *узан*.

вследствие алчности и злоупотреблений наибов и битикчиев [приставленных к делу] мэсэс, отчасти по причине множества стоявших во главе того [дела] эмиров, из которых каждый отдавал какое-нибудь [свое] распоряжение. Поскольку ремесленники видели подобное, они не производили сполна того, за что давалась плата, и то время, которое они должны были бы отводить на работу, они проводили в ссорах друг с другом, кознях и делании доносов. Распри их дошли до того, что от их злосчастия эмиры стали нападать друг на друга, постоянно происходили суды над ремесленниками и споры, а делам государственным наносился ущерб. Когда же подводили счет, оказывалось, что ничего нет. Несомненно каждый год набирается с триста-четыреста тысяч динаров, которые в реестрах записываются недоимкой, а не видно потребления даже одного данека из них. В конце концов наибы и битикчии, приставленные к делу мэсэс, по этой причине были казнены, а их достояние ушло на это [дело]. Большая часть заправил этого дела выходила [из него] разорившимися и мошенниками, имя которых становилось бесчестным. Исправить это государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', приказал на такой лад, чтобы людей одного ремесла из числа мастеровых каждого города, соединили вместе. Он приказал, чтобы им ничего не давали в виде путевого и вещевого довольствия, определил, сколько наборов оружия собственного государева[1] и «расходного»[2] [и] по какой цене они поставляли бы, и сказал: „Несмотря на то, что они наши мастеровые и невольники, пусть они мастерят на средства дивана и рассчитываются так же, как другие торгуют на базаре на свои средства". Во главе каждого разряда он поставил надежного смотрителя, чтобы он был порукою, каждый год получал бы причитающиеся суммы, поставлял согласно установленному все до мелочей и получал расписки в приеме. [На покрытие стоимости] всего этого оружия [государь] назначил [доходы с] налога особой области, чтобы не было надобности гонцам отправляться для сбора ее во все области и производить расходы. Таким путем было назначено, чтобы поставляли в год полных наборов вооружения на десять тысяч человек, [в то время] как раньше никто никогда не видел вооружения и на две тысячи человек. Для своих личных целей [государь] определил сумму [на содержание] пятидесяти человек особых телохранителей[3] и повелел изготовить сверх того для казны несколько тысяч штук луков, стрел и кольчуг, дабы они были [налицо] на случай нужды. Когда стали сводить счеты, то оказалось, что теперь причитающееся в уплату за назначенное [количество] оружия не превышает и половины того, что расходовалось на путевое довольствие и содержание мастеровых, а расходы, которые по этой причине случались в областях, совершенно упразднены. Прежде же иногда из этого оружия ничего не было видно. В последнее время благодаря такой прекрасной распорядительности каждый год изготавливали и поставляли согласно тому, как упомянуто выше, и вражда и суды над мастеровыми были устранены, а битикчии, которых раньше вследствие этого убивали, в настоящее время уважаемы и почитаемы и [живут] в спокойствии. Эмиры, которые друг с другом ссорились из-за их злополучия, все согласны и приятели [между собой].

Поскольку в течение этих лет [дело мэсэс] было установлено на такой лад и оно было весьма в порядке и прекрасно, то эмиры-оружейничие доложили [государю]: „Большая часть оружия, которое мастерят ремесленники, имеется на базарах, и его можно купить выгоднее

---

[1] *ха̄сс.*
[2] *хар джӣ.*
[3] *ха̄сс-ал-ха̄сс.*

него. Прежде не было ремесленников, которые умели бы изготавливать оружие по монгольскому обычаю, а теперь большинство ремесленников на базарах научилось. Опять же те мастеровые, которые каждый день были заняты кознями, дракой и спором, получали деньги и продовольствие и ничего не сдавали, теперь, когда они отставлены от должности, поневоле занялись своим ремеслом, и мастерят на свои сред-
S672 ства на базарах предметы вооружения и продают. Вследствие этого на базарах имеется разного рода оружие лучше того, которое мы в настоящее время производим. Было бы гораздо лучше, чтобы суммы мэсэс доставляли чистоганом, и вместо вооружения, которое мы изготавливаем и раздаем войскам, мы распределяли бы между ними деньги, дабы они покупали вооружение по своему нраву и дешево, и ничего не пропадало бы". Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', одобрил и повелел определить в несколько дней кое-какие виды оружия, которые на базарах встречаются редко и являются особыми, чтобы они их изготавливали и сдавали попрежнему. Для остального же чтобы доставляли наличные деньги и [воины] покупали.

Такая же кутерьма и разруха, как упоминалось выше, была и среди мастеровых, изготавливавших седла, уздечки и конские принадлежности, точно так же и среди мастеровых, делавших некоторые предметы, принадлежащие шукурчиям и эюдэчиям. Это [государь] поправил тем же упомянутым способом. В настоящее время все эти дела выправлены и упорядочены. Прежде существовал такой обычай, что если лично для государя была надобна какая-нибудь незначительная вещица или требовалось что-либо, чему цена была пятьдесят динаров, или от силы сто динаров, то за этой надобностью отправлялся гонец, улаг, фуражное довольствие, расходы и попечение о котором обходились в пять тысяч динаров. Теперь государь постановил так: все что потребно, пусть покупает и доставляет один из казначеев, или же выдает наличные деньги, чтобы купил и вручил другой. Таким образом каждый год из областей были устранены пятьсот аймаков-гонцов и сборщиков, и вместо пятисот тысяч динаров, которые тратились с сотней тысяч стеснений, огорчений и расстройств, несомненно на эти дела расходуется не больше пяти тысяч динаров. Тот обычай и порядок совершенно отставлен, введены и утвердились на продолжительное время похвальные законы, и польза от этого дела заключается в том, что впредь на долгие годы будут следовать по этому пути, 'если захочет великий бог'.

Рассказ тридцать четвертый. Об упорядочении дела [содержания] скота, [принадлежащего] каану

Прежде верблюды и овцы каана во владениях были поручены ганчиям. Счета им не вели и твердого порядка для них не было. Все, что начиная с минувших времен им вверяли, должно было вследствие прекрасных стойбищ, которые они имели, и множества сторожей и пастухов, которые по этой причине освобождены от повинностей, увеличиться более чем в сто раз. Когда же произвели расследование, оказалось, что нет ничего. Отговаривались тем, что скот подох от холода и пропал. Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', повелел поглядеть — нет ли у них собственных верблюдов и овец. Произведя розыски, доложили, что у них-де есть много. [Государь] сказал: „Каанова скота было вдвое больше их скота. Каким образом их [скот] не пал от холодов и юта, а принадлежащий каану пал весь?" Было несомненно, что они лгут, [что] весь [скот] они разворовали и продали. Вышел указ, чтобы они возместили уплатой, однако ничего не вышло, и дело

бросили. Затем, набравшись опыта, [государь] сказал: „Пусть поручат овец надежным людям, на которых можно положиться. Поскольку они наши ганчии имеют прекрасные стойбища и освобождены от повинностей, то какие они могли бы привести отговорки? Пусть с ними заключат условие, основы которого были бы тверды, и [они] по причине приплода сдают ежегодно несколько более, так чтобы впоследствии, когда часть падет, у ганчиев все же еще оставалась бы прибыль и излишки. Тем же лицам, которые не имеют юрта, не являются нашими слугами, и получают [юрт], принадлежащий другим, пусть дают более льготные условия, дабы они ни под каким видом не могли приводить отговорок". Постановив согласно этому, с них отобрали подписки. Из года в год приплод с него [скота] возрастает и [его] доставляют. [Государь] повелел верблюдов для перевозки грузов [держать] отдельно, а [верблюдов] для перевозки казны, домашней утвари и необходимых принадлежностей ставок поручил отдельно доверенным людям, точно так же для шарабханэ и хаваидж-ханэ. Строгое управление и порядок этого дела славою всевышнего бога и милостью его дошли до того, что ни в одну пору ни при одном из монгольских и мусульманских государей оно не было столь налажено и никогда не бывало такого количества верблюдов для перевозки поклажи. Сверх того, что потребно, множество пасется в стадах, которые [не ходят] под вьюками, и со дня на день [число их] возрастает. Устройство же вьючных седел и приспособлений весьма красиво и прекрасно. Если захочет бог, помощь этой державе будет оказываться постоянно.

Рассказ тридцать пятый. Об устроении дела сокольничих и ловчих[1] S669

Прежде сокольничие и ловчие добывали ловчих птиц и барсов в областях. Было определено, где и в каком месте им каждый год добывать и [было указано], чтобы то, что они добудут, они доставляли сюда и сдавали с согласия начальников сокольничих и ловчих. Для них в каждой области были назначены суммы на путевое, фуражное и вещевое довольствие и каждый год их [отпускали?] деньгами, [имевшими] более широкое хождение.

Побоями и вымогательствами [ловчие] забирали лишнее путевое и фуражное довольствие во время сбора и обязательного попечения [о них], а доставляли только незначительное число птиц и животных на улаге. В пути, в каждом городе, яме, кочевье и деревне, куда они прибывали, они забирали множество улага, на часть садились сами, на часть навьючивали свои пожитки, а [часть] отдавали попутчикам. Множество из тех животных, которых они везли, они раздавали друзьям, знакомым и разным лицам. Из-за двух-трех ловчих птиц и барсов они расходовали в пути на перевозочные средства, путевое довольствие и корм тем животным в два-три раза больше того, что им причиталось взять в областях из основных отпущенных на это сумм и необходимых средств, а то, что они властью и силою отнимали у деревень и путников, уже само по себе не имело предела. Причитающееся по количеству животных они брали по числу, которое сами указывали, и не было известно, какие это [животные], сколько их и сколько было поставлено. Вследствие этого, они доставляли не много ловчих птиц и барсов и не записывали также сколько животных имеют. В любой области бродивший по степи человек, поймавший или купивший сокола, хотел по этому поводу получить ярлык, что он джанвердар или, быть может,

[1] *барсчийан.*

тархан, и притеснять и обижать людей и получать содержание, фуражное и путевое довольствие. Ежегодно приходило некоторое количество народу, они доставляли двух-трех животных, получали ярлыки, что они джанвердары, [для них] определяли содержание, фуражное и путевое довольствие, и они возвращались обратно. Какой же человек не изберет такое занятие? С каждым годом такой способ распространялся. Каждый из таких людей имел под своим покровительством сотню ра'иятов, а тысячу обижал.

Сокольничие и их начальники, которые служили при государевой ставке, имели ловчих птиц и иногда в присутствии его высочества их запускали, состояли из нескольких эмиров, нескольких ковмов и нескольких аймаков, а к ним присоединилось еще некоторое количество коноводов, погонщиков ослов и верблюдов и деревенских жителей. Все эти люди, прикрепив к поясу несколько перьев, и заткнув за пояс железный курабаси, кого ни встречали, наперед ударяли несколько раз курабасием по голове, а потом уже говорили и отнимали чалму и шапку. Некоторые говорили: „Это-де не порядок, что каждый нашивает себе на шапку перья филина", — и по этому поводу тащили шапку, а некоторые делали все, что хотели безо всякого повода. Ну, а если кто-нибудь проходил близ шатра или дома джанвердаров, то ему приходилось испытать еще и не то, и когда кто-нибудь из караванщиков, ходжей или иных людей проезжал близ деревни, в которой находилось помещение для ловчих птиц и сокольничих, то с ним приключалось такое обстоятельство, которое было уж никак не меньше грабежа. В какую бы деревню [ловчие] ни приезжали, они для своей пищи и отдельно для корма [ловчих] животных забирали баранов и кур, а для [верховых и вьючных] животных солому и ячмень. Во время походов на зимние и летние стойбища, они уже не удовлетворялись этим, а сделав особливое назначение на деревни, получали с раисов придорожных селений сверх фуражного и путевого довольствия баранов, муку, ячмень и нужные вещи и отправляли в становища на улаге [местных] жителей. Посредством захвата многочисленного улага и [его] распродажи они получали [значительные] суммы денег. Позарившись на хороших ослов, они уже больше их не возвращали, и грабили всех, кого только ни встречали в пути. Для того чтобы о них пошла слава и люди боялись, они по каждому незначительному поводу брили бороду раисам и старостам [селений] области. Всюду, где имелся смутьян, он отправлялся под их покровительство и улаживал с их помощью побоями всякое дело, которое основательно или неосновательно имел с хакимами, арбабами и ра'иятами. Если по временам [один] из баскаков и хакимов притягивал к ответу какого-нибудь принадлежавшего им коновода, [сокольничие]
S674 ломали здоровому соколу крыло и докладывали, что затеяв драку, они-де поранили сокола, и [в этом] свидетельствовали друг за друга, [потому что] несомненно, когда государи слышат, что кто-нибудь затеял драку и сломал крыло соколу, то они гневаются. Они также придирались к баскакам, наибам и хакимам, что мы-де такую-то местность объявили заповедником, а там охотились или там проходили и вспугнули птиц. Если кто-нибудь проходил в окрестностях заповедного места, далеко ли близко ли, они без разговоров отнимали у него лошадь, одежду или сумму денег [в виде] взятки, и он с тысячью неприятностей избавлялся из их лап. О таком образе действий имеется столько рассказов, что изложение их будет излишней подробностью.

Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', так надумал исправить эти обстоятельства. Во-первых, он постановил, что достаточно доставлять из областей тысячу ловчих птиц и триста барсов. Пусть

эмиры сокольничих и ловчих определят области и людей, которых признают подходящими, и подробно перепишут, а в областях, кроме этих людей, ни одного другого сокольничего чтобы не было. Причитающееся им за обученных и необученных ловчих птиц, которых они поставляют, он назначил в зависимости от [работы] и так, что [стоимость] необходимых принадлежностей, корма на месте и в пути и улага была в него включена. Все было подробно расписано на такой лад, что никаких поводов придраться не оставалось. Каждому он назначил сумму соответственно лежавшему на его обязанности [по доставке] той тысячи ловчих птиц и трехсот барсов и дал ярлык с алтун-тамгой и наказ, где были написаны правила, чтобы в пути улага, фуражного и путевого довольствия не брать. Во все владения он отправил приказ, чтобы [об этом] объявили. Когда подсчитали сколько отпущено на это количество ловчих птиц и барсов и на вошедшее сюда же фуражное и путевое довольствие тех людей, корм, улаг и необходимые принадлежности, то оказалось что оно не достигает половины того, что тратилось раньше, [когда] не доставляли и одной трети этих ловчих птиц и барсов, а улаг, фуражное довольствие и кормление в дороге обходились в два-три раза дороже. Бесчинствам и притеснениям ра'иятов, которые по этой причине производились [раньше], нельзя указать предела, а ныне без беспокойства доставляют и сдают тысячу ловчих птиц и триста барсов в год. Поскольку распространилось по владениям, что им [ловчим] нельзя S671
брать улага, довольствие и корм, то если они хотели взять тайком или силком, [им] не давали. Как же человеку, не имеющему права на них, требовать еще лишнее. Если бы он и потребовал, то все равно не дадут. Необходимо, чтобы они каждый год сдавали это установленное количество, иначе за ними записывают недоимку и отбирают. А множество сокольничих и охотников уже тем самым упразднилось. Со дня этого постановления много людей уже никогда не поступало в сокольничие и охотники. Никаких прошений они не могли подавать, ибо все вошли в твердо установленное [число людей], те же, кто находился под их покровительством, вошли в калан. Если, конечно, кто-нибудь захочет остаться, то причитающееся с этого человека переводят на их счет. Никаких решительно насилий и стеснений уже нет и эта братия забыла [свои] повадки и вошла в число людей разумных и справедливых.

Что же касается исправления положения сокольничих, состоящих при [государе], то он повелел так, чтобы составили подробную смету на их содержание и корм ловчих птиц, которые находятся на попечении каждого, и выдавали из казны их старшинам причитающуюся сумму наличными деньгами, из года в год сполна. По этой причине для них не осталось ни одного повода придраться. Всегда, когда [государь] отправляет их в разные стороны на соколиную охоту,[1] он определяет число сокольничих и ловчих птиц и приказывает выдать им собственных своих меринов в качестве верховых лошадей, дабы они их гоняли и объезжали, чтобы они не остались дикими и необъезженными. Сообразив время их отъезда и приезда, осенью и зимой на путевое довольствие пишут берат с алтун-тамгой на причитающиеся подати с тех местностей. Поскольку кроме корма из-за ...[2] и болезни ловчих птиц, бывает нужда в курах и голубях, то [государь] приказал также доставлять по бератам кур и голубей для собственных его ловчих птиц сколько понадобится и держать в клетке. Для них, когда их переводят в какое-нибудь [другое] место, точно так же выписывают берат на определенное число. По-

[1] *кушлāмīшӣ.*
бāулӣ.

скольку установлен такой порядок, для бесчинства не осталось никакой возможности, и так как эти постановления распространились по владениям и прошла молва, что для всего им необходимого определены и назначены суммы, которые выдают из казны чистоганом, или пишут берат с алтун-тамгой, то они уже не могут требовать с мест ничего лишнего, а если требуют, то люди, поскольку они оповещены, не дают. В начале раза два, случалось, приходило известие, что некоторые эмиры-сокольничие, которые ехали в области, все же забирали лишнее, несмотря на то, что определили положенное для них путевое довольствие и ячмень для лошадей, написали берат с алтун-тамгай и отобрали [с них] расписку, что они ничего лишнего брать не будут. [Государь] отправил почтенного гонца, дабы он на месте же в области установил их вину, и каждому дали по семьдесят семь палок. Все, получив урок для примера, бросили эту повадку и ныне сокольничие и ловчие бесчинствуют редко, и хотя из волка овцы не выходит, однако насилия их весьма сократились. Благодаря благодати такого правосудия, есть полная уверенность, что в весьма скором времени все живущие на свете совершенно забудут, что такое насилие и притеснение, 'если захочет богединый'.

Рассказ тридцать шестой. О заведении рабочего скота во всех владениях

До этого мутасаррифы областей постоянно доносили, что большая часть областей разорена, ра'ияты обеднели и не в состоянии уже возделывать полностью землю своими волами и семенами, и множество воды и земли пропадает втуне, но никто не оказывал внимания их словам и не принимал против этого мер. Немного же семян, которые в предшествующую пору назначили и выдали от дивана, [ра'ияты] полностью израсходовали во время дороговизны хлеба, и для дивана и для ра'иятов это послужило причиной ущерба.

Поправить такое положение государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', повелел так: „Пусть из валового дохода каждого хакима и откупщика отпустят определенное количество для оплаты стоимости рабочего скота, семян и всего необходимого для земледелия и возьмут
S676 подписку, что рабочий скот будет использован в этих областях и обработка земли увеличится. Безусловно доход и урожай [1] для музария в два-три раза больше, в особенности, когда он бывает хакимом и мутасаррифом, ибо он засевает лучшие земли [и ему] скорее достаются средства для обработки земли и благоустройства, однако ради поощрения людей и для того, чтобы хакиму оставался излишек на кое-какие расходы, мы определяем [долю] в одну треть, дабы одну треть или четверть [музари] отдавали, а все, что получится сверх, принадлежало бы им. Стремясь к тому, чтобы получился значительный доход, пусть они приложат все старания к приведению [земель] в цветущее состояние. Когда два-три года [подряд] земледелие окажется удачным и оно окрепнет, тогда хлеб будет поступать в казну согласно урожаю". Исходя из этого было записано в наказах для них и были отпущены суммы наличных денег.

Между прочим, некоторые из мутасаррифов, которые были все те же прежние люди, привыкшие к кое-какому упомянутому выше образу действия, решительно не думали о том, что причитающиеся дивану налоги надобно сдавать, а бесспорно считали [их] своей собственностью. Эти суммы они растрачивали в начале года, и в конце, когда предъявлялось

[1] *рай'*.

требование, не оказывалось ни урожая, ни семенного запаса.[1] Они рассуждали так: раз-де волов и семена назвали на словах,[2] так к чему им быть еще и налицо. В общем они причину нехватки и убыли объясняли небесными и земными бедствиями. Однако большую часть их не слушали, и с тех, кто обладал поместьями и недвижимым имуществом, взимали наличными, некоторые же оставались под стражей, а еще часть [из них] исправно имела рабочий скот и семена и получала урожай и прибыль и для дивана и для себя. Они и сейчас исправно [добывают], и множество людей и раʿиятов и прочих оттого благоденствует, занимается земледелием и приводит местности в цветущее состояние. В отношении тех местностей, где было принято выдавать семена, но их при помощи хитрости или злоупотребления растратили и распродали мутасаррифы и никто раньше дела не поправил, [государь] повелел, чтобы всем снова выдали семена, и таким способом в Багдаде и в Ширазе установленный податной росписью налог вырос более чем на пятьсот тысяч динаров. Снова образовался семенной запас, раʿиятам достается в два раза больше дохода, и они окрепли. Распространилось благосостояние и объявилась дешевизна. Когда [государь] определял войсковые йкта, он предназначил для них [войск] множество из земель, которые привели в цветущее состояние благодаря этому рабочему скоту так что если бы его не было, пришлось бы отдать множество областей и драгоценных поместий. Еще до сих пор множество [таких земель] остается во владении дивана и с них поступает урожай. Ни в одну пору я не видел и не слышал, чтобы кто-нибудь принимал такие прекрасные меры и имел [такое] стремление и замысел в отношении благоустройства и благотворительности.

[Государь] повелел предоставить каждому также скот и [домашнюю] птицу, и на этом основании создал твердое условие быстрого приплода, дабы им был прибыток и они накопили состояние. Скот и [домашняя] птица всех людей находится под таким же покровительством, как и государев скот и [домашняя] птица. Никто ни в коем случае не смеет позариться на них или препятствовать [выпасу] на стойбищах, вместе с тем и дивану тоже от этого польза. Когда же державные знамена прибывают в какую-нибудь область и сокольничим и прочим нужны несколько [верховых] животных, они не должны брать улаг у раʿиятов. Точно так же, если потребляются куры и голуби для ловчих птиц и для поварни, то они [отпускаются] из принадлежащих дивану запасов. Ныне это дело подобно делу рабочего скота и в настоящее время таким путем взятие улага в виде ослов устранено. Прежде, не считаясь ни с чем, брал каждый, кто хотел, [ныне же], если имеется неотложная потребность, то ее удовлетворяют [от лица] дивана у таких подрядчиков.[3] Нельзя описать, сколько улага [в виде] ослов ежегодно брали у раʿиятов, купцов и прочих и скольким тысячам раʿиятов ломали головы, руки и ноги. Раʿияты постоянно блуждали, не зная что предпринять, за отнятыми [у них] под перевозку животными. Часть этих животных угоняли совсем и не возвращали, часть оставалась посреди дороги и подыхала, а раʿияты отбивались от земледелия и работы. Когда государь ислама запретил сокольничим отбирать у людей голубей и кур и назначил доставку их за счет причитающегося на его собственную [домашнюю] птицу, он сказал: „Закон и ясак нужно поддерживать в незначительных делах, дабы они удавались и двигались вперед, тогда по необходимости и большие дела пойдут. Ежели мы не сможем запре-

[1] *асл.*

[2] В этом месте в L доб. большой отрывок текста, содержание которого является повторением предыдущих рассказов.

[3] *муʿāмилāн.*

тить отбирать голубей, то и запретить [брать] овец будет невозможно, а запрещение брать волов еще невозможнее". Посему он издал также указ, чтобы повсюду, где имеются голубиные башни, охотники безусловно силков не расставляли.

Из подобных этим прекрасных мероприятий и обилия сострадания, которое он имеет к людям, [из] забот об устранении злодеяний тиранов и преступлений зловредных людей, [из] соблюдения столь мелких обстоятельств, становится ясной и несомненной мудрость и совершенство, прекрасные душевные свойства и похвальный образ жизни, справедливость и правосудие этого справедливого государя, да здравствует он на вечные времена. Пусть в будущем живущие на свете изумляются таким делам, и да будут услышаны молитвы народа, которые он денно и нощно возносит за его державу!

Рассказ тридцать седьмой. Об упорядочении возделывания и устройства втуне лежащих земель

Путем исследования летописей и путем сравнения постигнутого разумом не остается скрыто, что никогда страны не были более опустошены, чем в эти годы, особенно те места, куда приходило монгольское войско, ибо со времени появления человека, ни одному государю не удалось покорить столько владений, сколько завоевал Чингиз-хан и его род, и столько народа, сколько они поубивали, никто не убил. То, что рассказывают о завоевании Александром многих стран, заключается в следующем. Он захватывал области и шел дальше и ни в одном месте не задерживался. Все местности, куда доходила молва об его приближении, быстро покорялись и подчинялись, вследствие его грозности и непреклонности. Жизнь его длилась тридцать шесть лет. На двадцать четвертом году он завоевал Иран и убил Дария. После этого он двенадцать лет воевал мир, и когда возвращался обратно, то скончался в пределах Вавилона. За эти двенадцать лет он захватил много стран, однако, поскольку он постоянно находился в пути и нигде не останавливался подолгу, они в его отсутствие опять восставали. Так как у него не было сына и потомства, царство не осталось за его родом, а он препоручил его диадохам,[1] как об этом излагается в летописи о нем. Наоборот — Чингиз-хан. Он завоевывал не спеша и все всегда оставалось ему послушным и покорным. Его сыновья и потомки сохранили [завоеванное], прибрали к рукам и, как известно, сверх того покорили еще много стран. Во время завоевания владений [население] больших многолюдных городов и обширных областей до того подвергали избиению, что редко кто-либо оставался [в живых], подобно тому как было в Балхе, Шабургане, Таликане, Мерве, Серахсе, Герате, Туркестане, Рее, Хамадане, Куме, Исфагане, Мераге, Ардебиле, Берда'е, Гяндже, Багдаде, Мавсиле, Ирбиле и большей части областей, принадлежащих этим городам. В некоторых областях, вследствие того, что они были окраинами и по ним часто проходили войска, жители совершенно были перебиты или разбежались, и земли остались лежать втуне, вроде областей Уйгурии и прочих областей, ставших рубежом между кааном и Кайду, некоторых областей между Дербентом и Ширваном и части Абулустана, как Харран, Руха, Сарудж, Ракка и множество городов по эту и по ту сторону Ефрата, которые все разорены и брошены. А то, что пришло в запустение вследствие резни в других областях, вроде опустошенных земель Багдада и Азербайджана или разрушенных городов и деревень

[1] *мулӯк-ат-тавāиф.*

Туркестана, Иранской земли и Рума, которых люди воочию видят, это больше того, чему можно было бы указать границы. В общем, если произвести относительное сравнение, то окажется, что только одна десятая часть владений находится в цветущем состоянии, а все остальное в запустении. В последние времена никто совершенно и не желал привести его в благоустроенный вид. Если же изредка из любви к этому и начинали возводить здания в некоторых местах, подобно тому как Хулагу-хан, Абага-хан, Аргун-хан и Гейхату хотели выстроить несколько дворцов в Аладаге, Урмии, Сугурлуке, Седжасе, Хучане, Зенджане и Сарай-Мансурийе в Арране, привести в цветущий вид земли, или построить S678
какой-нибудь базар или город и его заселить, или провести оросительный проток, то из-за этого множество областей разорялось еще пуще, расходовались несметные средства и принудительно сгоняли множество раиятов из других областей на трудовую повинность.[1] Но ни одно из мест не стало благоустроенным и [стройки] не доведены до конца, как мы сами воочию видим. Ясно, что если бы даже эти стройки были закончены, какое они составили бы [незначительное] количество, в сравнении с опустошенностью областей.

Господь всевышний захотел так, чтобы оживление царства и укрепление веры в ислам произошли через посредство благословенного существования государя ислама Газан-хана, 'да укрепится навеки его царство'. Всевышний бог в предвечности возложил на него [выполнение] этого важного благодеяния и великого дела. 'Славой и милостью бога' он исполнил дело укрепления ислама так, как оно было изложено [выше], дело постройки зданий и богоугодных учреждений его имени на такой лад, как было описано отдельно, а дело прибрания к рукам государственных дел, управления раиятами и распространения справедливости и правосудия так, как рассказано. Несомненно, что причиною благоустроенности областей могут быть эти обстоятельства, как мы сами воочию видим и наблюдаем. В разоренных и полуразоренных городах, где из десяти домов пять были необитаемы и их [потому] ломали, несмотря на то, что они были в исправном состоянии, ныне благодаря счастливым последствиям его всеобъемлющей справедливости, ежегодно строят свыше тысячи домов в каждом. Дом, которому [раньше] цена была сто динаров, теперь стоит тысячу динаров и больше. Эти обстоятельства уже были изложены в предыдущих главах. Что же касается положения того, что оставалось заброшенным и никто не имел охоты приводить его в порядок, да и было невозможно, чтобы кто-либо смог благоустроить хотя бы одну тысячную часть на свои средства, то [государь] благодаря верно направленному мнению и рассудительности так соизволил его поправить, что созвав эмиров, везиров и столпов государства, сказал: „Эти разоренные области и брошенные деревни, которые были достоянием наших предков, а [теперь] принадлежат нам, относятся к ведомству дивана или инджу и частично являются [частным] владением людей. Со времени Хулагу-хана и до сих пор от них никому не досталось ни одного мана припасов и ни одного данека денег. Ежели кто-нибудь хочет их благоустроить, то, поскольку земля находится в ведении дивана или является частным владением людей, он не приступает к обработке или стройке из боязни, что ее отберут обратно, когда она будет в цветущем состоянии после понесенных трудов и громадных издержек, ежели обработка или стройка будет производиться без позволения. Что, ежели бы мы устроили так, что лежащие втуне земли стали бы обрабатываться и с того, что относилось к дивану и инджу, определенная часть посту-

пила бы в диван, а с того, что было [частным] владением,[1] некая доля доставалась бы владельцу,[2] а часть дивану и тем лицам, которые производят благоустройство? Дадим им столько, чтобы им всегда было на что опереться, [чтобы] они считали его добрым сбережением для [своих] детей и потомков, и чтобы для них в этом был обильный доход и они сильнее к этому стремились. Когда они увидят большие доходы, они будут воздерживаться от торговли, от перенесения трудностей путешествий и других сделок и сразу проявят склонность к строительству и земледелию, ибо люди уходят [в другие места] от отсутствия барышей и доходов. Когда будет так, тогда в короткое время большая часть разоренных земель будет благоустроена и возделана и благоустройство стольких опустошенных мест будет достигнуто силами, средствами и согласием всех живущих на свете. Иным путем это сделать невозможно. Когда лежащие втуне земли будут возделаны, хлеб подешевеет, во время походов войска по неотложным делам тагар в пограничных областях будет доставаться легко, и средства казны тоже будут доставаться и приумножаться. Арбабам и землевладельцам[3] вновь будет урожай и опора, ра'ияты окрепнут и станут пользоваться благами жизни, а нам достанется воздаяние и хорошая награда и о нас пребудет вечная и непреходящая слава". Все присутствующие были изумлены и ошеломлены от этой меткой мысли и остроумной речи. После похвал и одобрений все сказали: „Ни у кого-де в мире не было лучшего замысла и более полезной мысли, чем эта. Предки твои разрушали, а ты созидаешь. Между этим достоинством и тем достоинством разница ясна и несомненна и в смысле ума и в смысле обычного права и в смысле божественного закона. То, что другие умертвили, ты оживляешь. Довольно сказать и этого, что нам сказать больше".

После этого [государь] приказал написать контракты[4] и указ такого
S675 содержания, что диванские земли, деревни и хутора, как те, что издавна были заброшены, так и те, которые не возделывались ко времени благословенного восшествия на престол, все считались бы втуне лежащими. [Государь] повелел написать контракты с алтун-тамгой, так что для каждого, кто пожелает их [земли] возделать и устроить, они будут [считаться] трех разрядов.

Первый разряд [земель] такой, где имеется налицо для них вода и оросительные протоки, и не требуется больших расходов и трудов или где сеют под дождевую воду и нет надобности в подземных и наземных оросительных протоках и плотинах.[5] Если [кто-нибудь] начнет возделывать [такую землю], то в первый год, когда она будет засеяна, пусть он ничего не дает дивану. На второй год пусть дает две шестых из того, что будет установлено причитающейся дивану платой, а четыре шестых доли дивана пусть останется ему за труды. На третий год из причитающейся дивану платы, согласно обычаю каждой области, пусть дает четыре с половиною данга, а полтора данга будут ему платой за труды. Кроме того, доля музария и излишек, который при этом [возможно] окажется, полностью принадлежат ему.

Второй разряд [земель] тот, где обработка средней трудности и устройство оросительных протоков и вывод [воды?] наружу мало доходны. Условия для этого [разряда] те же, что упомянуты выше, с тою разни-

---

[1] *милкӣ.*
[2] *ма̄лик.*
[3] *арба̄б ва маллак.*
[4] *шарт̣-намэ.*
[5] *кахрӣз ва нахр ва банд.*

цей, что из причитающейся дивану платы он дает дивану четыре шестых, а две шестых остаются ему за труды.

Третий разряд [земель] тот, где возделывание и устройство трудны, где нужно построить плотину, где подземные оросительные протоки пришли в упадок и их нужно восстановить. Для этого [разряда] остаются те же условия, однако из причитающейся дивану платы он пусть вносит одну половину, а другая половина пусть будет ему за труды.

[Государь] постановил, чтобы эти доли причитающейся [дивану] платы вносили под видом хараджа. Всякая [земля], которую кто-либо обработал и устроил, составляет его имение и навеки передается и закрепляется за ним и его потомками. Если он захочет продать [ее] другому, то продажа ее дозволена. Диван взимает харадж с покупателя как установлено. [Еще государь] постановил: „Ежели вода для втуне лежащей земли берется из оросительного протока населенной и благоустроенной деревни, то до тех пор, пока владелец этой населенной деревни того желает, пусть [воду] никому другому не дают, дабы вследствие этого не вышло спора". Затем государь сказал: „Когда мы во владениях уничтожим [податную] оценку [урожая] и разверстку,[1] тогда пусть также определят и установят причитающуюся дивану со втуне лежащих земель долю, согласно тому как определят надзиратели[2] в каждой области путем сравнения, дабы [эту долю] сдавали под видом хараджа и аванам и притеснителям не оставалось возможности придираться к ра'иятам под видом [податной] оценки [урожая], разверстки и надбавки[3] и эти стеснения были бы совершенно устранены". Поскольку пространство владений государя ислама, 'да укрепится навеки его царство', очень велико и обширно, он рассудил: „Ежели каждому желающему нужно будет проезжать в ставку, чтобы получить контракт, то многие не пойдут на это из-за дальности расстояния и путевых издержек, некоторые [потому что это им] не по силам, а некоторые вследствие того, что не сочтут это стоящим". [Государь] повелел, чтобы с каждой области назначили одного-двух весьма почтенных людей и выдали им подлинные указы о контрактах. Затем он установил форму царской грамоты[4] и руководство и разрешил им выдавать каждому желающему такую грамоту и на обороте ее писать текст контракта, дабы постановление считали вечным и нерушимым, никто не мог против него возразить и это дело в каждой области осуществлялось бы с легкостью. Когда поступили, исходя из этого повеления, то этот порядок утвердился, дело двинулось вперед и постоянно в ходу. Тот диван [государь] назвал Диван-и халисат, и наибы того дивана по настоящую пору уже выдали людям много контрактов. Обработка и устройство земли произведены обильно, и день ото дня [производится] все больше.

Что касается [частных] владений людей, то [государь] повелел, чтобы каждый, кто желает возделать и устроить все те [земли], которые еще недавно находились в цветущем состоянии, [может] их восстановить, посовещавшись с их хозяином. Ту же землю, которая издавна лежит втуне, каждый [может] возделывать и устраивать без совещания, и если объявится в законном порядке ее владелец и достоверно станет известно, что [земля] составляет его собственность, то пусть она попрежнему остается закрепленной за приведшим ее в благоустроенное состояние. Количество [дохода], которое он должен отдавать, будет таким же, как упомянуто в разряде диванских земель, однако из общего количества,

[1] *харз ва мукāсамэ.*
[2] *мубассирāн.*
[3] *тақсīр.*
[4] *сӯрат-и мисāл.*

которое он отдает, пусть одну половину доставляет собственнику, а другую половину дивану. Такой порядок пусть будет в каждой области, где раньше и теперь дивану отдают налог по податной оценке урожая[1] и десятину, а в тех областях, которые искони были свободны [от уплаты податей] и на них денежного налога по податной оценке урожая[2] не было, пусть он отдает собственнику всю долю [дохода]. Собственнику не придется возражать, ибо он имеет то же законное право вечное и нерушимое, как и приведший в благоустроенное состояние диванские земли.

Что касается запустевших мест, расположенных на стойбищах монголов, то если они их возделают и устроят, к ним будет применено то же постановление, которое изложено для двух разрядов земель частновладельческих и диванских. Однако [государь] повелел: „Поскольку монголы любят применять силу, пусть они ни в коем случае не возделывают и
S681 не устраивают [земель] при помощи ра'иятов [разных] областей, независимо от того, вошли ли ра'ияты в подушные списки какого-нибудь места или не вошли, и не допускают к себе ни одного ра'ията, а обрабатывают и строят при помощи своих пленников и рабов. Тазики тоже чтобы не возделывали [земель] при помощи ра'иятов, вошедших в подушные списки других мест. Если же они соберут таких ра'иятов, которые в подушные списки ни одной местности не вошли, то можно".

Исходя из этого [государь] приказывал [составлять] твердые контракты. В условия привносили многочисленные предосторожности, большую часть которых, мы ради краткости изложения, в этой летописи не приводим, все они записаны в контрактах. В настоящее время во всех владениях [люди] заняты приведением [земель] в цветущее состояние, и [оно] день ото дня растет. Множество людей благодаря этому обрели опору. Диван-и халисат весьма преуспевает, с каждым годом сборы его увеличиваются, и скоро запустевшие места будут попадаться редко. Еще [государь] приказал, чтобы в каждой области записали в реестры все втуне лежащие земли и передали в диван, чтобы, когда их будут отдавать людям, то через каждые два года производили поверку, все ли уже обработаны или часть осталась, а если кто-нибудь из наибов свершит подлог и некоторые втуне лежащие земли тайком захватит себе, или он станет чьим-либо соучастником и причитающаяся с этого человека доля дивана окажется не внесенной в реестры, то оно из них станет ясно.

Да ниспошлет всевышний господь, 'по милости своей', благословение за такие добрые дела еще в державную пору государя.

Рассказ тридцать восьмой. О повелении построить во владениях дворы для гонцов[3] и о запрещении воеводам и хакимам останавливаться в частных домах

Прежде постоянно в каждом городе в домах ра'иятов и арбабов стояли на постое свыше ста-двухсот гонцов и множество еще [других] людей, кроме гонцов. Когда гонцы приезжали в какой-нибудь город, воевода и мелик по дружбе и по знакомству ставили их на постой в домах жителей. У чербиев ремесло состояло в том, что, когда прибывал какой-либо гонец, они, взявшись быть его проводником, ходили по домам, [указывая], где расположиться, кое-что за это брали и в такой день продавали домов двести. В конце концов они ставили на постой в доме

---

[1] *харадж*.
[2] *мал ва харадж*.
[3] *йлчй-ханэ*.

такого человека, на которого имели обиду, чтобы другие их боялись. Они забирали для гонцов в домах жителей ковры, постельную принадлежность, казаны и прочую утварь. Их большей частью увозили гонцы и их люди, или же их не возвращали обратно [сами] чербии под предлогом, что их увезли. Если даже часть [вещей] и возвращалась назад, то чего она стоила после того, как ею в течение некоторого времени пользовались гонцы. Каждый баскак, ездивший в какую-нибудь область, занимал по меньшей мере сотню частных домов. Располагались все в домах господ и раи'ятов. Пишущий набело эту благословенную книгу знает, что когда Тогая, сына Йисудера, сместили с должности воеводы Иезда и люди его выезжали, то произвели осмотр. Оказалось, что его челядинцы стояли в семистах с лишним домах. Под постой гонцов и воевод отводились непременно самые лучшие жилища. Стало так, что никто не решался строить домов, а те, которые строили, делали усыпальницы и называли их рибатами или медресэ. Тем не менее пользы не было. Многие из людей упразднили в домах двери и сделали трудно проходимые входы через подземелья [в надежде], что, быть может, [их дома] не выберут [под постой], однако [в них] проламывали стены и располагались. Гонцы препоручали [вьючных и верховых] животных чербиям, а те посылали кого-нибудь, чтобы они ломали изгороди принадлежавших жителям садов и ставили там животных. В тот самый день, когда один гонец выезжал из дома, в него на постой ставили другого, ибо они приезжали беспрестанно. В каждом околотке, где располагался на постой гонец, тамошние жители сразу подвергались стеснениям и мучениям, потому что их [гонцов] гулямы и нукеры с крыши спускались во дворы соседей и забирали, что попадалось на глаза, стреляли из луков в их голубей и S677
кур, и часто случалось, что стрелы попадали в детей жителей. Все, что они находили из съестного, напитков и кормов для животных, кому бы они ни принадлежали, они грабили для себя. Люди были охвачены такой бедой, но сколько они не взывали о помощи и ни жаловались, никто из эмиров, везиров и хакимов на помощь не приходил. Однажды один старик из старост, человек, берегущий свою честь, явился в диван и говорил: „О эмиры, везиры и хакимы, как вы допускаете, я старый человек и имею молодую жену, сыновья в отъезде, и каждый из них тоже оставил дома молодую жену, и дочери у меня есть, а в моем доме стали на постой гонцы, народ все молодой, ловкий, с лица красивый, и вот уже несколько времени, как находятся у меня. Женщины их видят и не могут удовольствоваться только мною и уехавшими сыновьями, а поскольку мы с гонцами [живем] в одном доме, то я не могу по целым суткам за ними присматривать. В таком же положении находится большинство жителей. Раз установился такой порядок, то как я себе представляю, через несколько лет в этом городе не найдется ни одного законнорожденного ребенка, а все будут внебрачнорожденными от турок и бастрюками.[1] Для сравнения он рассказал еще несколько рассказов о таких делах.

„В пору султанов,[2] окрестности Нишапура были местом пребывания султана, и эмиры и турки располагались в домах жителей, но не так, как ныне. Однажды в одном доме остановился какой-то турок. Жена хозяина дома была новобрачной и красивой. Турок воспылал к ней страстью и хотел под каким-то предлогом услать мужа. Муж знал, в чем дело, и не уходил. Турок стал бить мужа: «сведи-де моего коня и дай воды». Муж не мог оставить жену, а делать было нечего. Он

сказал жене: «Я останусь дома, сведи ты коня и дай воды». Женщина взяла коня и повела к водопою. По обычаю новобрачных на ней было надето красивое платье, и она принарядилась. Случайно мимо проезжал султан, и взор его упал на женщину, он подозвал ее и спросил: «Как это ты, новобрачная жена, а взяла лошадь и ведешь, чтобы напоить». Женщина ответила: «Из-за твоего тиранства». Султан удивился и расспросил о подробностях дела. Она рассказала свою повесть. Эти слова подействовали на султана, он загорелся рвением и повелел, чтобы впредь ни одна душа из [его] приближенных и слуг не останавливалась в Нишапуре и чтобы все эмиры и турки построили себе дома в томашних окрестностях. По этой причине выстроили Шадьях Нишапурский, который в настоящее время является городом". Старик рассказывал о таких делах и плакал, но никак не подействовал на тех эмиров и везирой

В общем, когда государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', принимал меры для наведения порядка во владениях, то первое мероприятие в отношении гонцов он повелел такое: „Из ста-двухсот напрасных гонцов-аванов, которые до этого ездили по областям, чтобы не ездил даже один, разве только пошлют по неотложным государственным делам". Эти гонцы ездят только спешно[1] на ямских курьерских лошадях,[2] так что не видят ни деревень, ни городов и останавливаются они лишь на столько, чтобы поесть, или переменить лошадей, или оправиться.[3] Если же изредка какой-нибудь гонец поедет по [делам] налогов, то [государь] повелел построить в городах дворы для гонцов и заготовить ковры, постельные принадлежности и все необходимое, чтобы они там останавливались. Он назначил отпуск определенной суммы денег, чтобы ее постоянно расходовали на дворы для гонцов и их благоустройство, и издал указ, чтобы баскаки для себя и челядинцев построили дома или брали в наем. 'Славою господа и милостью его' эти стеснения устранены, народ обрел покой и забыл те мучения. Ни один черби не имеет смелости потребовать от кого-либо куска хлеба или мана соломы. Даже названия от чербиев не осталось. Благодаря спокойствию и душевному благополучию люди строят хорошие дома, воздвигают эйваны, занимаются разным благоустройством и разбивают прекрасные сады. Решительно ни у кого нехватает смелости ставить [вьючных и верховых] животных в садах жителей. Дом, который раньше стоил сто динаров, теперь не отдают за тысячу динаров. Люди, находившиеся в отсутствии, которые уже пятьдесят и больше лет, как покинули родину и бродили из города в город, все по своей воле возвращаются в свои прежние города и места и с полной искренностью, от души, за державу государя ислама творят молитву, да будет она услышана!

Рассказ тридцать девятый. О запрещении погонщикам ослов и верблюдов и вестовым стеснять народ

Прежде вокруг каждого почтенного человека, берегущего свою честь, и ходжи, шедшего на базар по делу или в баню, собиралось несколько погонщиков верблюдов: „Нам-де надобно столько-то денег, чтобы S682 спустить их на красавцев, вино, музыкантов, хлеб, мясо, приправы и прочие наши нужды, и дать должен ты". Если он не давал или отговаривался, они чинили безрассудства. В конце концов они либо получали деньги, либо его сильно избивали. Часто бывало, что у него не было денег, и он принужден был брать в долг. Лишившись денег, доброго

[1] *йарāлтӯ.*
[2] *йāмхā-и бинджӣк.*
[3] *ирāкатӣ кунанд.*

имени и чести, он не мог уйти с базара. [Погонщики] шайками стояли у дорог, и каждый, кто таким способом, как рассказано, избавлялся из рук одной шайки и подъезжал к другой, снова испытывал то же самое, когда подъезжал к шайке погонщиков верблюдов, и еще хуже бывало, когда он подъезжал к шайке нарочных и вестовых. Часто случалось, что человек в один день попадался всем этим шайкам, потому что сделав это своим ремеслом, они сидели у всех дорог и базаров и выжидали добычу. Все они принадлежали хатунам, царевичам и эмирам, и, если кто-нибудь находил в себе силы дать им отпор, то не видел пользы в споре, ибо они [хатуны, царевичи и эмиры] обижались и полагали что так уж положено, чтобы их погонщики ослов и верблюдов и вестовые поступали таким образом и что они смеют это делать. В праздничные дни, на новый год [мусульманский], на новый год [монгольский] и в тому подобные [дни] они наряжали животных и шайками обходили дома знатных людей. Если хозяин дома показывался, они после назойливого приставания, получали то, что хотели, и произносили сто тысяч пустых речей и бредней и поношений, чтобы получить еще больше. [Таким образом] они неминуемо лишали хозяина доброго имени и кое-что получали. Если же хозяин не оказывался дома, или он не появлялся из страха перед ними, они брали в залог все, что находили, и отдавали в заклад кабатчикам и виноторговцам за большие деньги. Когда владелец [этих вещей] шел их вызволять, он слышал две тысячи поношений, претерпевал неприятности и отдавал в два-три раза больше денег, чем рассчитывал, чтобы только получить обратно свои вещи. Часто бывало, что они забирали носильное платье, одевались сами, или надевали [его] на девок [1] и ни за что не отдавали. Каждый год в течение пяти-шести дней до установленных [праздников] и пяти-шести дней после них ни один человек не отваживался проезжать по дорогам, потому что его стаскивали [с лошади] и делали с ним все, что можно ожидать от подобного люда. С этими повадками они обходили [также] лавки, и от их бесчинств базары замирали, таможенные сборы падали, и ни одна душа против этого не принимала мер. Для вельмож и сановников в этом имелось удовольствие, что их погонщики ослов и верблюдов наряжают мулов и верблюдов и набрасывают на них ткани, чтобы суметь получить что-нибудь от людей, и они спрашивали: „Кто вам что дал, и кто ничего не дал?“ — а те вследствие этого становились увереннее и набирались нахальства. Самым тяжелым из стеснений, каланов и расходов было это обстоятельство. Поскольку народ видел, что таким путем можно постоянно получать деньги и одежду, только благодаря силе, заступничеству и назойливому приставанию, которое тверже силы, то бóльшая часть людей последовала способу погонщиков ослов и верблюдов и вестовых и стала с ними заодно. Вокруг каждого погонщика ослов собирался десяток бездельников и повес. Дошло до того, что устранить и принять против этого меры стало делом трудным.

Когда государь ислама, ‘да укрепится навеки его владычество’, приводил в порядок царство, он постановил, чтобы каждого погонщика ослов и верблюдов и каждого вестового, который у кого-нибудь что-либо потребует, подвергали смертной казни. По праздникам и в дни нового года, всегда, когда [государь] слышал резкий и раздирающий [уши] рев верблюдов и мулов, он повелевал телохранителям ударами булав разбивать им [погонщикам] головы, руки и ноги. Он повелел [через глашатаев] кликнуть клич, чтобы ни одна душа ничего не давала погонщикам ослов и верблюдов и вестовым и чтобы их били всюду, где они будут

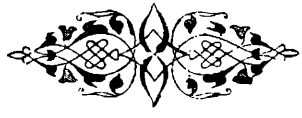
[1] *занакан*.

ставить мулов и верблюдов. Благодаря счастливым последствиям его правосудия и строгой управе, это стеснение и мучение совершенно отпало от народа, и в настоящую пору ни один из тех людей не осмеливается потребовать у кого-нибудь даже куска хлеба. Эта жадность к наживе вылетела у них из головы, даже след ее исчез из сердца того люда, и мир обрел безопасность от их злодеяний.

S 679 Да продлит навеки всевышний господь сень справедливости и правосудия государя мира над главою всего народа, 'ради святости пророка и рода его!' Аминь.

Рассказ сороковой. О запрещении насильно помещать невольниц в кабаки

В больших городах рядом с мечетями, ханкахами и домами всяких людей постоянно помещали непотребных женщин, а также невольниц, которых доставляли с разных сторон. Поскольку кабатчики покупали по более подходящей цене, большинство торговцев при продаже их [невольниц] склонялись больше к свершению сделок с ними. Некоторые из этих невольниц, дорожившие своей честью и обладавшие душевной силой, сами по себе не желали, чтобы их продавали в кабаки, но их продавали насильно и поневоле и сажали для дурного дела. Государь ислама, 'да укрепится навеки его царство', сказал: „Содержать кабаки и сажать непотребных женщин — дело, разумеется, безусловно предосудительное, и устранение его обязательно. Однако поскольку издавна по отношению к нему проявляют пренебрежение ради кое-каких выгод и такого порядка придерживаются, то запрещение его одним разом успеха иметь не будет, надо прилагать старания, дабы оно было устранено исподволь. Ныне надобно освободить из кабаков тех женщин, у которых нет желания к этому делу и которых к тому заставляют, ибо много усилий нужно приложить, чтобы имеющее изъян сделать совершенным. Принуждать [человека] к скверному обычаю, к которому он не имел склонности, — это настоящее тиранство, очень дурно и недостойно". По этой причине был издан указ чтобы всех тех невольниц, которые не питают склонности к кабакам, не продавали тому люду. Все те, которые захотят, могут уйти, и пусть им не препятствуют. [Государь] определил им цену по достоинствам и по породе[1] и повелел чтобы их выкупали по этой цене, уводили из кабаков и выдавали замуж по их выбору.[2]

[1] *джинс.*

[2] Далее в S на стр. 684 доб:. „Господин мирян, Асаф века, составитель этой книги и которая называется «Благословенной Газановой летописью», сочинил [ее] для счастливого прощенного [богом], покойного султана Газан-хана, 'да просветит бог его доказательство, а для нынешнего государя, повелителя земель Востока и Запада он сочинил другой том, называемый «Летописью мира», и она есть краткое изложение [событий] от Адама до сих пор. Летопись и повествование о нынешнем государе, — да пребудет он до дня воскресенья из мертвых, от его рождения до конца, который будет вечен, — приложение к той книге. Не всякому доступно написать эти два больших тома, но если напишут тот [второй] том, то сам составитель, 'да будет велика его победа', включил [приложение] в него, если же кто-нибудь напишет этот [первый] том и захочет включить [приложение] в него, то [это] можно, так как на эту дерзость прикроют глаза полою прощения. Окончена эта благословенная книга в конце месяца ша'бана 717 лунного года в Багдаде. 'Да сохранит ее бог всевышний'". Варианты заключительных слов в C, L, I, B см. в предисловии.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН*

Абага-хан, сын Хулагу-хана 18—21, 25, 31, 59—61, 63—69, 71—73, 75—83, 85, 108, 110—112, 128, 130, 139—142, 162, 171, 184, 204, 247, 287—289, 297, 309.
Абака-бики, из рода кераит, жена Чингиз-хана 17.
Абатай-нойон, эмир 18, 59, 60, 69, 72, 77, 80, 92, 112, 119, 124, 143, 181, 200.
Абачи-битикчи, брат Борака, чагатаид 74, 82, 83.
Абачи, сын Букая, эмир 94, 122, 125.
Аббасиды, династия 33, 34, 36—39, 41, 45.
Абдаллах-ага, эмир 20, 80.
Абдаллах, царевич, чагатаид 92.
Абд-ар-рахман, шейх 101—103.
Абд-ар-рахман, эмир 45.
Абиш-хатун, см. Абиш-туркан.
Абиш-туркан (Абиш-хатун), дочь атабека Фарса Са'ада, жена Менгу Тимура 21, 116.
Абишка, брат эмира Аладу 150, 171 184.
Абу-Бекр, атабек Фарса 21, 48, 67.
Абу-Бекр-Али Айше 155.
Абу-Бекр Дадукабади, вали Хамадана 180, 191.
Абу-л-Аббас Ахмед, сын халифа Мустасима 44.
Абу-л-Вафа', сейид 172, 193.
Абу-л-Изз, врач Абага-хана 86.
Абу-л-Манакиб Мубарек, сын халифа Муста'сима 44.
Абу-л-Фазл Абд-ар-рахман, сын халифа Муста'сима 43, 44.
Абу-л-Хасан Харакани, шейх 228.
Абу-Саид ибн Абу-л-Хайр, шейх 228.
Абу-Язид (Султан Баязид), шейх 105, 228.
Абу-Язид, царевич, хулагид 197, 199.
Абу-Ханифа, основатель толка ханифитов 172,
Авраам, библейский пророк 206, 233.
Агутай-тархан, из рода мангут эмир 197.
Агуш-Арбузлур, военачальник Бундукдара 57.
Адам, библейский 316.
Адарам, из рода онкут, нукер Газана 140.
Аджай, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 20, 63, 99, 114.
Аджуй-шукурчи, эмир 49, 104, 105, 183.
Азар, эмир 181.
Азиз, ходжа, вали Грузии 59.
Айшэ-хатун, дочь Тугу, сына Элькэй-нойона, жена Гейхату 130.
Айтимур, посол Хулагу-хана 43.
Акбал, сын Урукту, сына Элькэй-нойона 167, 180, 181.
Акбачи из рода онкут, нукер Газана 140.
Акбек, военачальник Борака 86, 87.
Акбука (й) из рода джалаир, сын Элькэй-нойона, эмир 99, 101, 107, 109, 110, 113, 125, 130, 132, 133, 135—137, 160, 166.
Акбука, сын Тайтака 199.
Ак-Тимур, сын Ильдара, царевич, хулагид 20.
Ала-ад-дин Ата Мелик из Джувейна, историк 26, 40, 61, 67, 93, 94, 96, 100 101, 102, 118, 122.
Ала-ад-дин Кейкубад II, сельджукский султан Рума 180.
Ала-ад-дин Курт 152.
Ала-ад-дин Мухаммед, сын Хасана, сына Мухаммеда, государь исмаилитов 27, 32, 192.
Ала-ад-дин Хаши 50.
Ала-ад-дин Хитайи, ходжа 177.
Ала зикрихи-с-салям, см. Мухаммед сын Бузург-Умида.
Аладу-нойон, эмир 87, 128, 146, 148, 149, 150, 154, 169.
Алам-ад-дин Кайсар, см. Кайсар.
Алафранг, сын Гейхату царевич, хулагид 130, 131, 171, 198, 199.
Алагу, царевич, хулагид 178, 186.
Алгу, сын Байдара, чагатайский хан 19, 60, 69, 87, 175, 181.
Алгу-битикчи, эмир 63, 20.
Александр (Македонский) 308.
Али (Муртаза), четвертый праведный халиф 42, 46, 99, 181, 199, 219, 229, 235, 236.
Али, сын Беха-ад-дина Мухаммеда, сахиб-дивана 123.
Али, эмир 102.
Али-бахадур 45.
Али-тамгачи, эмир 109, 11 116, 119, 120, 121.
Али-чекибан, эмир 102, 117
Али, см. Кипчак.
Али-мелик, управитель Персидского Ирака 59.

---

* Составлен Н. Д. Миклухо-Маклаем и О. И. Смирновой.

Али-ходжа, сын Омар-шаха Самарканди, правитель иездской области 252
Али-Шир 191.
Алинак-бек, зять Ахмед-хана 72, 81, 96, 98, 103, 104, 107—109, 111, 114, 165, 16 , 183.
Алинак-эгачи, жена Менгу-Тимура 20.
Алтий-ага 67, 187.
Алтачу-битикчи 109.
Алтай-эгэчи, наложница Абага-хана 65.
Алтун из рода онкут, нукер Газана 140.
Алчи 125.
Алям-ад-дин Гитми, эмир 194, 195,
Алычак, эмир 177.
Альфи, см. Мансур-султан.
Амин, халиф, аббасид 45.
Амин-ад-довлэ, брат Са'д-ад-довлэ 123.
Амин-ад-довлэ, ходжа, вра 126.
Амин-ад-дин, эюдечи 138.
Аммар ибн Ясир 187.
Амр, условное лицо в юридических текстах 241.
Амр, брат Я'куба Лейса Саффари, саффарид 37.
Анбар, евнух Аргун-хана 154.
Анбар-Хабаши 54.
Анбарчи, сын Менгу-Тимура, царевич, хулагид 20, 113, 122, 132, 133, 136, 152, 153.
Аидроник II, византийский император 192.
Ануширван, сасанид 262.
Ара-Кутлуг, дочь Гейхату-хана, хулагидская царевна 131.
Ара-Кутлуг, дочь Менгу-Тимура, хулагидская царевна 21.
Араб, сын Шадай-гургена 19.
Араб, эмир 99, 171, 175.
Арабшах 191.
Арэга 185.
Араксун 89.
Арга-битикчи 165.
Аргун-ага, эмир 22, 25, 26, 23, 40, 66, 73, 76—78, 80, 88, 107, 115, 136.
Аргун-хан, сын Хулагу-хана 65, 87, 92, 94, 95, 99—129, 131, 138—151, 154, 160, 166, 167, 171, 184, 204, 214, 233, 238, 247, 269, 270, 289, 297, 309.
Ардаван, аршакид 262.
Ардашир, сасанид 262.
Арик-Бокэ, сын Тулуй-хана, царевич, чингизид 23, 50, 60, 69.
Аркасун-нойон, эмир 105, 108, 109, 122.
Арслан 220, -огул 159, 167, 168.
Арсланчи, сын Ахмед-хана, царевич, хулагид 93.
Арук, брат Буки, эмир 99, 101, 102, 104, 108, 110, 113, 116, 117, 119—121.
Арыкан-эгэчи, дочь Тенгиз-гургена, жена Хулагу-хана 20, 22, -хатун 63, 69.
Асаф 316.
Асик, эмир 99, 102.
Асиль-ад-дин, сын Насир-ад-дина Туси 106.
Асиль-ад-дин Зузани, ходжа 29, 30.
Атабек, сын Шамс-ад-дина, сахиб,-дивана 115, 123.
Атлас-хан, военачальник 51.
Афзаль-ад-дин, мовляна 115.
Афрасияб, лур 171, 172.
Ахмед, брат Кунчукбала, зять Абага-хана 65.
Ахмед-битикчи 26.
Ахмед-огул, сын Бури, чагатаид 82—85.
Ахмед-хан, Султан-Ахмед Текудар, хулагид 19, 97—104, 111, 113, 114, 120, 128, 137, 142, 143, 214, 289.
Ашиль, дочь Тарагая, хулагидская царевна 20.
Ашиль-хатун, дочь эмира Тук-Тимура, жена Газан-хана 143, 154, 170.
Ашик-Тимур, сын Конкуртая, царевич хулагид 20.
Ашраф, мелик 133, 134.
Аштаи-эгэчи, кормилица Газан-хана 139, 141.
Аштy, из рода сулдус, эмир 139.
Ашулун из рода дурбан, жена Тубшина 138.

Баба, дочь Хулагу-хана, хулагидская царевна 22.
Баба, казвинец 132.
Бабекр, эмир 175.
Баби Я'куб, шейх 101, 105, 106.
Бадр-ад-дин Мухаммед Дизбеги Нахчуванский 35—37.
Бадр-ад-дин Лу'лу, мелик 43, 47, 49, 55, 57, 317.
Байбука(й) 136.
Байгут, сын Ширемун-нойона, сына Чурмагуна 171.
Байдар, эмир 52.
Байджу-нойон, эмир из рода йисут 22, 23, 32, 33, 40-42, 48, 49.
Байду, сын Тарагая, царевич, хулагид 19, 20, 69, 99, 100, 102, 113, 128, 131, 134, 136, 137, 142, 143, 146—148, 151, 157—165, 172, 173, 204, 220.
Байду-шукурчи 119.
Байлу, исфаганский воевода 128.
Байтеги, дочь Хусейн-аги, жена Ахмед-хана 98.
Бай-Тимур, эмир 145.
Бай-Тимур, нукер 168.
Байтмиш-кошчи 121, 122, 134.
Байчак, эмир 137.
Балату 169, 171, 175, 177, 180.
Баракат-хан, военачальник Джелаль-ад-дина Хорезмшаха 51.
Барулай, сын Ходжи, сына Йисур-нойона, из рода алкунут 167, 168, 319.
Барым, эмир 137.
Бастам, сын Ильтузмиш-хатун, царевич 197.
Бату, джучид 68.
Бату, эмир 59, 60.
Баудай, военачальник 156.
Бахли Нахчувани, эмир 46.
Бахрам-Гур, герой Шах-намэ 187.
Бахши 29.
Башгурд, эмир 181.
Башмак-огул 137.
Башмиш 188.
Баязид, см. Абу-Язид.
Баян-битикчи 120, 121.

Баянджар, эмир 145, 165, 174, 180.
Бек-Тимур-корчи, эмир 28.
Бек-Тимур-огул, сын Борака, царевич, чагатаид 73, 75, 185.
Беклемиш, из рода урлат, эмир 28, 130, 144.
Бектумиш, жена Джучи-хана 17.
Берендэ-бахши 123.
Беркей, золотоордынский хан, джучид 54, 58—60, 62, 68.
Беркечер, родич Менгу-Тимура 70, 71.
Бесасири 37, 38.
Беха-ад-дин, устад 274, 275.
Беха-ад-дин Мухаммед, ходжа, сын Шамс-ад-дина сахиб-дивана 67, 90, 93, 123.
Беха-ад-дин, хаджиб малика Шамс-ад-дина Курта 91.
Беха-ад-давлэ Абу-л-Керем 121.
Бикмиш, эмир 69.
Бири (?), царевич, хулагид 134.
Бокедей, нукер Тудауна 88.
Бора, воевода Исфагана 109.
Борак, чагатаид, -ага, 12, -анда, 83, 63—86, 90,
Боракчин, наложница Хулагу-хана 19.
Боракчин-эгэчи, кормилица Гейхату 133, 134, 136.
Боралиги, сын Чинкура, эмир 107, 108, 128, 158, 159, 187, 269, 270.
Боралиги, отец Саталмиша 21.
Борачар, эмир 177.
Борачу, сын Дурбая, эмир и зять Ахмед-хана 98.
Бороллай, эмир 80, 125, 159, -огул 179.
Бугдай, эмир 122, 128, 136, 165, -ахтачи 102, 107, 115, 133, 157, 159, 165.
Будучин-эгэчи, наложница Абага-хана 65.
Бузлар 181.
Бука, караун 181.
Бука, из рода онкут, приближенный Газан-хана 143, 144.
Бука, сын Хукулая-корчи, из рода джалаир, эмир 92, 99, 101, 106—110, 114—123, 143, 144.
Бука-Тимур, эмир 19, 21, 29, 30, 33, 41—43, 46, 50, 81, 175.
Букай, из рода онкут, нукер Газана 140.
Бука (й), эмир Аргуна 143, 144.
Буку, эмир 87, 125, 128, 137.
Букур 167.
Буларгу, эмир 60.
Буларгу-Кэйоти, эмир 128, 167.
Булга (й), сын Шибана, царевич, джучид 33, 40, 42, 54, 59.
Булгай, эмир 31.
Булгачин-эгэчи, наложница Абага-хана 65.
Булуган, воевода Шираза 91, 92, 106.
Булуган-ага, дочь Хулагу-хана, хулагидская царевна 21.
Булуган-хатун, жена Гейхату 130, 131, 134.
Булуган-хатун младшая, дочь Отмана, сына Абатай-нойона, жена Аргуна 18, 65, 112, 113, 124, 142.
Булуган-хатун старшая, жена Абага-хана 18, 19, 65, 102, 107, 112, 115, 117, 124, 140—143, 154, 159, 160.
Булуган-хатун, хорасанка, дочь эмира Тесукэ, жена Газан-хана 143, 151, 165, 166, 168, 174, 188, 189, 193, 194, 201.
Булучэ 175.
Булучин-эгэчи, наложница Абага-хана 65.
Бундукдар Рукн-ад-дин (Захир Рукн-ад-дин Бейбарс Бундукдари) мамлюкский султан Египта 57, 88, 89, 94.
Бури, эмир 26.
Буруджу, сын Дурабая 122.
Буруйтай-нойон, эмир 50.
Бучин, дочь Абага-хана, хулагидская царевна 65.
Бучкур, эмир 180.

Ваджих-ад-дин, сын Изз-ад-дина Тахира, ходжа 67, 117, 162, 191.
Вангиян, эмир 61.
Васик, халиф, аббасид 45.
Вахтанг, грузинский царевич 178.

Газан, сын Букая 121.
Газан-бахадур, из рода джалаир, эмир 105, 117, 120, 168, -ага 104.
Газан-хан, Султан Махмуд-Газан, сын Аргун-хана 19, 20, 53, 57, 63, 92, 106, 112, 114, 122, 127, 128, 133, 137—168, 172 173, 175—178, 180, 182—207 209. 211—213, 215, 217—220, 222—229, 225—228, 240, 252, 256, 262, 263, 268, 273, 282, 285, 286, 290, 292, 309, 316.
Гейхату-хан (Иринчин-дорджи), сын Абагахана 19, 21, 65, 102, 104, 106, 107, 113, 117, 123, 128, 130—137, 140, 142, 151, 153, 154, 157, 158, 188, 214, 245—247, 270, 289, 291, 292, 297, 309.
Гирей, сын Аргун-аги, мелик 26.
Гирей, сын Конкуртая, царевич, хулагид 20.
Гирей-баурчи 98.
Гирей-огул, сын Менгу-Тимура, царевич, хулагид 20.
Гиредей (Джагамбо), отец матери Хулагу-хана, брат Онг-хана, из рода кераит 17.
Гияс-ад-дин 88.
Гияс-ад-дин Кейхосров II, сын Ала-ад-дина, сельджукид 33.
Гурбатай-гургэн, из рода хушин 65, 122, 131, 136.
Гуюк-хан, сын Угедея, третий Великий хан 21, 73.
Гуюк-хатун, дочь Туралчи-гургена, из рода ойрат, жена Хулагу-хана 18, 19, 21.

Давид, библейский царь 238.
Давид, правитель Грузии 67.
Давид, сын Садуна, см. Давид, правитель Грузии.
Давид, сын Харуна, см. Давид, правитель Грузии.
Давлетшах, сын Абу Бекра Дадукабади 191.
Даир-нойон, эмир 23, -бахадур 23.

Данишменд, эмир 175, -бахадур 148.
Данишмендиды, династия 180.
Дарий, ахеменид 262, 308.
Джагамбо, см. Гиредей.
Джалаиртай, эмир 73, 74, 78—84.
Джанглаун-бахши 88.
Джандан, сын Гирея-баурчи 98.
Джаурчи 161.
Джаурчи-хатун, жена Джумукура 19.
Джебей-ахтачи 198.
Джелаль, звездочет 78.
Джелаль-ад-дин, приближенный Хулагу-хана 61, 62.
Джелаль-ад-дин, хорезмшах 48, 49, 51, 57.
Джелаль-ад-дин Союргатмиш, династии Кутлуг-ханов 21.
Джелаль-ад-дин Семнани, мелик 122, 123.
Джелаль-ад-дин Сервистани 124.
Джелаль-ад-дин Тарир, правитель Диярбекра 67.
Джелаль-ад-дин Хасан, сын Мухаммеда Хасан Новмусульман, государь исмаилитов 32.
Джемаль-Ибрахим Савамили 172.
Джемаль Ширази, шейх.
Джемаль-ад-дин Дестджердани, везир 136, 164, 168, 171—173.
Джемаль-ад-дин Искандери 195.
Джемаль-ад-дин Каракай Казвини 50.
Джемаль-ад-дин Мухаммед Тахир ибн Мухаммед аз-Зейди-и Бухари. 48.
Джемаль-ад-дин Харун 91.
Джемаль-ад-дин Хатти 95.
Джемей (?), дочь Хулагу-хана, хулагидская царевна 21.
Джуджа, сын Нулун-хатун 19.
Джума-гурген, сын Джучи, из рода татар 21.
Джума-гурген, племянник Чингиз-хана 21.
Джумукур, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 19, 69, 92.
Джучи, брат Нукдан-хатун, из рода татар 21.
Джучи-хан (Джучи-Касар), сын Чингиз-хана 17, 40, 54, 71, 103, 167, 179, 286.
Джушкаб, сын Джумукура, царевич, хулагид 9, 69, 92, 99, 102, 104, 108—111, 113, 120—122.
Диленчи, дочь Аргун-хана, хулагидская царевна 113.
Дилраст, мелик 45.
Догуз, эмир 60, 78.
Докуз-Тимур, эмир 180.
Докуз-хатун, из рода кереит, жена Хулагу-хана 18, 20, 21, 24, 25, 48, 63, 65, 112, 143, 181.
Докуз-хатун, жена Ахмеда 93.
Доладай, эмир 65, 104, 111, 121, 125, 151, 153—161, 168, -эюдэчи 20, 21, 65, 99, 102, 119, 128, 134, 136, 165, -яргучи 96, 106, 109, 115.
Донди-хатун, дочь Акбукая, сына Элькэй-нойона, жена Гейхату-хана 130, 131, 143, 171.
Дорджи-хатун, жена Абага-хана 65.
Дува, сын Борака, царевич, чагатаид 92, 167, 195.
Дурабай 122.
Дурабай-нойон, отец жены Менгу-Тимура, эмир 21, 67.

Закария, сын Шамс-ад-дина сахиб-дивана 116, 123.
Захир, халиф, аббасид 45.
Захир-ад-дин, эмир 28, 29.
Захир-ад-дин ибн Худ 88.
Зейд, условное лицо в юридических документах 241.
Зейн-ад-дин, казий 179.
Зейн-ад-дин, сейид 185.
Зейн-ад-дин Хафиви, везир халебского султана 49, 50.
Зенбу, сын Юшмута, царевич, хулагид 19, 132.
Зенги, сын Яя, из рода джалаир, эмир 120—122.
Зирек, сын Лачина, бухарец 87.
Зия-ад-дин, сын Хашира 83.

Ибн ал-Джавзи (Шараф-ад-дин) 35, 40, 43.
Ибн Дарнуш, приближенный халифа Муста'сима 34, 43.
Ибн Курд (Фатх-ад-дин) 37, 41, 42.
Ибн Раис Иезди 191.
Ибн Салайя Аляви, хаким Ирбиля 38.
Ибрахим, отшельник 168.
Ибрахим-шукурчи 161.
Иджиль, эмир 174, 196.
Иджиль, сын Чарду-бахадура 156.
Изз-ад-дин Музаффар Ширази 171, 172.
Изз-ад-дин Джелаль, наиб Са'д-ад-давле 128.
Изз-ад-дин (Кей Каус II), сельджукид Рума 25, 43.
Изз-ад-дин Тахир, ходжа 28, 67, 117, 123.
Изз-ад-дин Эйбек, мамлюк 89.
Иль-эгэчи, наложница Хулагу-хана 21.
Иль-Букай, сын Хандукура 174.
Иль-Кутлуг, наложница Шадай-гургена 19.
Иль-Кутлуг, дочь Абага-хана, хулагидская царевна 65.
Иль-Кутлуг, дочь Гейхату, хулагидская царевна 131, 188.
Иль-Кутлуг, дочь Киншу, жена Ахмед-хана 98.
Иль-Тимур, сын Хандукур-нойона, эмир 136, 151, 165.
Ильбасмиш, муж Йол-Кутлуг, дочери Абага-хана 65.
Ильбасмиш, эмир 168, 183.
Ильбеги, эмир 181, 185.
Ильдар, сын Аджая, царевич, хулагид 20, 137, 142, 158, 159, 165, 167.
Ильдар, сын Конкуртая, царевич, хулагид 20, 171.
Ильтузмиш-хатун, дочь Кутлуг-Тимура, из рода конкурат, жена Абага-хана 65, 130, 197, 199.
Ильчидэй, эмир 136, 159, 161, 162, -кошчи 65, 128, 166, 181.
Имад Аляви, правитель Фарса 116.
Имад-ад-дин, звездочет 121.

Имад-ад-дин, хатиб Нишапура 153.
Имад-ад-дин Али Казвини, правитель Багдада 93.
Имад-ад-дин Омар Казвини, наиб 46.
Имам-ад-дин, мелик 114.
Ингул, эмир 269.
Инэ-бек, эмир 167—169.
Ираншах, брат Хуршаха, государь исмаилитов 30.
Ираншах, сын Гейхату, царевич, хулагид 131.
Иринчин, сын Саручи, из рода кереит, эмир 18, 98, 112, 137.
Иринчин-дорджи (Гейхату-хан) 130.
Ирмани-хатун, жена Ахмед-хана 98, 100, 106, 110.
Ирмини-Бела, гонец Газан-хана 146, 193.
Иса-Кульчи, гонец хаана 116.
Иса-Мухан, мамлюкский военачальник 184.
Исма'ил ибн Ахмед Самани, саманид 37.
Исфендияр, герой Шах-намэ 151.
Ит-Бокы, приближенный Гейхату-хана 137.
Ит-Кулы, приближенный Гейхату-хана 137.
Ит-оглы, приближенный Гейхату-хана 137.
Ифтихар-ад-дин Казвини, мелик 67, 91.
Ихтияр-ад-дин-хан, мелик 51.
Ишик-Туклу, из рода джалаир, эмир 105, 120.
Йокече, эмир 125.
Йиди-Куртук, дочь Менгу-Тимура, рода сулдус, жена Газан-хана 142.
Йису-Бука, сын Алтаджу-аги 100.
Йису-Бука-гурген, из рода дурбан, сын Урукту-нойона 94, 108, 111, 117.
Йису-Тимур, сын Агрун-хана, царевич, хулагид 112, 125.
Йисутей, сын Ташменгу-кошчи, эмир 167.
Йисудер, брат Чиргудая 106.
Йисудер-огул, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 20, 87, 123.
Йисудер см. Тогай.
Йисунджин-хатун, из рода сулдус, жена Хулагу-хана 18, 19, 64, 65, 69, 86.
Йисур, эмир Борака 75, 77.
Йисур-нойон, эмир Кайду 117.
Йисур-нойон, из рода олкуну, эмир 167.
Йишичин, из рода курлут, наложница Хулагу-хана 20.
Йол-Кутлуг, дочь Абага-хана хулагидская царевна 65.
Йал-Куглу, из рода ойрат 174, 178.

Кабан, эмир 125, 128, -ахтачи 128, 148.
Кабарту-бахадур, эмир 86, 148, 186.
Кабланчи, сын Ахмед-хана, царевич хулагид 98.
Кавам-ад-дин, везир Фарса 104.
Кавам-ал-Мульк, двоюродный брат Содр-ад-дина Зенджани 134, 179.
Кадай, эмир 125.
Кадан, из рода джалаир, эмир 108, 115, -илчи 120.
Кадан, сын Угедея, царевич, чингизид 73.
Каджар-ахтачи 108.
Кадир, халиф, аббасид 45.
Кази-Саин, семнанский казий 188, 212.
Казим 172.
Каим, халиф, аббасид 45.
Кайду-хан, внук Угедея, царевич, чингизид 68—71, 73, 75, 80, 82, 85, 87, 117, 148, 151, 167, 195, 211, 308.
Каймиш-эгэчи, наложница, впоследствии жена Абага-хана 65, 112, -хатун 65.
Кайсар (Алам-ад-дин), гулям Новруза 172—174.
Калинтай, царевич, джучид 134.
Калчай, из рода онкут, нукер Газана 140.
Камиль, мелик 54, 55.
Капан, сын Алгу, царевич, чагатаид 85, 87.
Кара, сын Джаурчи, военачальник Гейхату 161.
Кара-Бука, эмир 99.
Карабукай, сын Алтачи-битикчи, эмир 46, 108, 109.
Караджа, зять Ахмед-хана, эмир 133, 137.
Каракай, эмир 46, -битикчи 40.
Каракчин, жена Тарагая, сына Хулагу-хана 20.
Каранокай, сын Юшумута, царевич, хулагид 19, 96, 108, 122, 127.
Карасун 177.
Карасонкур, кипчак 40—42.
Карачу, эв-оглан ставки Урук-хатун 98.
Кардогмиш, из рода онкут, нукер Газана 140.
Карун, сказочно-богатый человек по кораническому преданию 61.
Ката, эмир 33.
Кахир, халиф, аббасид 45.
Кахреман, разбойник 89.
Качир, сын Сартака, караун 149.
Каяк(?)-нойон, эмир 40.
Кейкубад, везир исмаилитского государя Хуршаха 29.
Кельтурмиш, дочь Ахмед-хана, хулагидская царевна 99.
Кемаль-ад-дин, сейид 198.
Кемаль-ад-дин Мавсили, казий 183, 193.
Кемаль-Кучюк, наиб Новруза 174.
Кемджу, гонец Гейхату-хана 154.
Керемун-хатун, дочь Кутлуг-Тимура, жена Газан-хана 18, 143, 181, 200.
Керэе, эмир 181.
Кехюркей-нойон, эмир 67, 89.
Киншу, сын Джумукура, царевич, хулагид 19, 69, 92, 98, 99, 109, 110, 113, 114, 117, 144, 147.
Кипчак, дамасский эмир 184, 185.
Кипчак (Али), сын Байду, царевич, хулагид 20, 137, 160, 161.
Кипчак, царевич, чингизид 70, 73—77, 82, 83, 85.
Кипчак-огул, царевич, джучид 108.
Китбука(й)-нойон, эмир 23, 26, 27, 29, 30, 38—42, 44, 49—54, 185.
Кия-Бузург-Умид, государь исмаилитов 32.
Кия Салах-ад-дин 154, 155.
Кокэ-битикчи 46.
Кокэ-Элькэй, эмир 27, 29, 30, 33, 40, 108.
Кокей, наложница Абага-хана 65, -хатун 65.

Кокей, из рода онкут, нукер Газана 140.
Кокетей-бахадур, эмир 167.
Кокету-бахадур 160.
Коке чи-хатун, жена Газан-хана 18, 143, 154.
Кони -ахтачи 195.
Коничи, эмир 69, 70, 107, 185, -огул 134.
Конкуртай, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 20, 89, 99—101, 103, 104, 109, 111, 168, 171.
Конкурчин, наложница Ахмед-хана 99.
Корк, эмир 144.
Корк-Тимур, из рода дурбан 138.
Корчи-Бука, воспитатель Газан-хана 141,
Кубай 108.
Кубилай-каан 19, 23, 60, 66, 67, 71, 73, 76, 116, 192.
Кудув, Музаффар Сейф-ад-дин, мамлюкский правитель Мисра 51—53.
Кудусун, эмир 33, 40.
Кули, родственник Беркея 59.
Кули, сын Урады, царевич, джучид 33, 40, 42, 54.
Култак, дочь Кяхтер-битикчи, из рода дурбан, мать Газан-хана 138, -эгечи 112, -хатун 139.
Кумари 114.
Кунчек, эмир 148, 149.
Кунчук, дочь Ахмед-хана, хулагидская царевна 98.
Кунчукбал, зять Аргун-хана, эмир 65, 102, 104, 111, 113, 119, 123—125, 127, 128, 131, 132, 134, 136, 137, 151, 158—161, 166.
Кунчушкаб, дочь Шадай-гургена, жена Газан-хана 19.
Кур-Тимур, эмир 145, 161.
Курбукай, эмир 184, -бахадур 183.
Курдучин, дочь Менгу-Тимура, хулагидская царевна 21.
Куркучич, наложница Ахмед-хана 98.
Курумиши, царевич, хулагид 21.
Курумиши, сын Алинака, эмир 105, 128, 131, 165, 168, 183.
Курумиши, сын Хиндукура, эмир 102, 103, 110, 120, 168.
Курчан-ага 86.
Кутб-ад-дин (Кутб-и-Джехан), брат везира Садр-ад-дина Зенджани, казий 132, 134, 135, 164, 173, 174, 179.
Кутб-ад-дин Мухаммед-хан, Кутлуг-хан керманский 65, 130.
Кутб-ад-дин Ширази, мовляна 102, 125, 129.
Кутб-ад-дин Ширази, сейид 178, 188.
Кутб-ад-дин Юсуф-шах, атабек 93.
Кутб-и Джехан, см. Кутб-ад-дин.
Кутлуг-Бука, сын Садуна Грузина 134.
Кутлуг-Кия, эмир 175, 184.
Кутлуг-Тимур, дочь Аргун-хана, хулагидская царевна 113.
Кутлуг-Тимур, сын Абатай-нойона, эмир 18, 200.
Кутлуг-Тимур, эмир Борака 75, 76.
Кутлуг-Тимур, сын эмира Букая 122.
Кутлуг-Тимур-гурген, из рода конкурат 65, 130, 151, 174.
Кутлуг-ходжа 92, 149, 151.
Кутлуг-хатун, дочь Тенгиз-гургена, жена Аргун-хана 107, 112, 113, 117, 138.
Кутлугшах-хатун, дочь Иринчина, сына Саручи, жена Газан-хана 18.
Кутлугшах-нойон, эмир 102, 113, 131, 134, 139, 143—145, 143—151, 153, 154, 156—161, 165, 166, 168—171, 174—180, 182, 183, 185—188, 191, 192, 195—197.
Кутлугшах, гонец Байду 164, 165.
Кутлугшах 122.
Кутлукан, дочь Хулагу-хана, хулагидская царевна 22.
Куту-Бука 68.
Кутуй, дочь Кутлуг-Букая, наложница Аргуна 112.
Кутуй-хатун, из рода конкурат, жена Хулагу-хана 18—21, 65, 68, 69, 92, 98, 99, 101, 103, 107, 108, 110, 111.
Кутукуй, см. Кутуй-хатун.
Кучан 118, 124, 126, 127.
Кучюк, сын Хуладжу, царевич, хулагид 21, 111.
Кучюк, дочь Ахмед-хана, хулагидская царевна 98.
Кучюк-Тугчи 89.
Кучюк-Унукучи 103, 104.
Кушлюк, из рода ойрат 174, 186.
Кяхтей-нойон, телохранитель Чингиз-хана 17.
Кяхтер-битикчи 138.
Кяшхер-бахши 161.

Лаодай, см. Сати.
Лачин, сирийский хаким 181.
Легзи-гурген, сын Аргун-аги, из рода ойрат 22, 106, 107, 109, 116, 128, 136, 173, 174, 192.
Ляля, гонец Газан-хана 151.

Маджар, из рода онкут, нукер Газан-хана 140.
Маджд-ад-дин, см. Мухья ад-дин Магриби.
Маджд-ад-дин, ходжа, мелик Тебриза 47, 59.
Маджд-ад-дин ибн ал-Асир, наиб 93, 94, 96, 117.
Маджд-ад-дин ибн ал-Кибти 118, 122.
Маджд-ад-дин-и Муминан-и Казвини 123, 125.
Маджд-ад-дин Руми 124.
Маджд-ал-Мульк Иезди 92—97, 100, 101.
Маздак, вождь социального движения в сасанидском Иране 199.
Мазук, эмир 29, -ага 96, -кошчи 109, 117.
Майджу, из рода джалаир, эмир 120.
Майджу-бахши, отец эмира Тарамдаза 141.
Мамлак, эмир 151.
Ма'мун, халиф, аббасид 39, 45.
Мансур, халиф, аббасид 45.
Мансур, сын ходжи Ала-ад-дина 122.
Мансур-султан Сейф-ад-дин Кала'ун (Альфи), мамлюкский правитель Мисра 89.
Маргаул, эмир 75, 77—80, 82.
Мас'уд, эмир 123.
Мас'уд, Гияс-ад-дин Масу'д II, сельджукид Рума 180.
Масу'д, сын Шамс-ад-дина сахиб-дивана 115.

Масу'д-бек, сын Махмуда Ялавача 25, 68, 70, 71, 75, 79, 87.
Махди, халиф, аббасид 45.
Махмуд, ошибочно вместо Мас'уд, (Мас'уд II, сельджукид) 180.
Махмуд, мюрид 198.
Махмуд, шейх 164, 172—174, 188.
Махмуд, сын Беха-ад-дина Мухаммеда 123.
Махмуд Ялавач, наместник монголов в Средней Азии 68, 91.
Махмуд-шах, атабек Иезда 21.
Махмуд-шах, предводитель восстания в Кермане 185.
Мекритей, сын Алгу-битикчи 120, 121.
Мелик, сын Букая 122.
Мелик-Мансур, см. Наджм-ад-дин.
Мелик-шах, сельджукид 242, 244, 246.
Мелик-хан, родственник Абиш-хатун 116.
Меликэ, дочь Абага-хана, хулагидская царевна 65.
Менгли, ишан 101.
Менгли 164.
Менгли-Бука, сын Менгу-Тимура 125.
Менгли-Кач-эгэчи, наложница Хулагу-хана 22.
Менгу-Тимур, сын Хулагу-хана 20, 21, 68, 70, 71, 80, 86, 96, 97, 99, 110, 125, 133, 134, 183, 184.
Менгу-Тимур-гурген, из рода сулдус, зять Газан-хана 142.
Менгу-каан, -хан 19, 22—24, 26, 32, 36, 47, 48, 50, 51, 54, 59, 69.
Менглукан, дочь Хулагу-хана, хулагидская царевна 21.
Меркитай, эмир 26, 28.
Мертей-хатун, из рода конкурат, жена Абага-хана 22, 65, 112, 117.
Михаил VIII Палеолог, византийский император 65.
Муайййд-ад-дин ибн Альками, везир халифа Муста'сима 30, 33, 45, 47.
Муайййд-ад-дин Арзи, ученый 49.
Мубарекшах, сын Карахулагу, чагатаид 69, 85, 92, 143.
Мубарекшах, царевич 149, 186.
Мубарекшах, сын халифа Муста'сима 45.
Мубариз-ад-дин Али Туран (?) 27.
Муваффик-ад-довлэ, врач 28, 31.
Муваффик-ад-довлэ, сын Хуршаха 30.
Мугултай, воевода Туркестана 69.
Мугултай-Аджачи 183.
Муджахид-ад-дин Эйбек, даватдар 33, 36, 37, 41.
Муджи Яя, см. Негудер-огул.
Музаффар-ад-дин, сын Са'да, атабек Фарса 25, 56.
Музаффар-Фахр-ад-дин Кара-Арслан, ортукид 67.
Му'ин-ад-дин, мустофи 150.
Му'ин-ад-дин, см. Первана.
Мукбиль, брат Урдукия 122.
Му'ин-ад-дин Хорасани 178, 188.
Муктади, халиф, аббасид 45.
Муктадир, халиф, аббасид 45.
Муктафи, халиф, аббасид 45.
Мулай, эмир 138, 144, 145, 148, 151, 153—155, 158, 165—167, 183, 185—187, 191, 195.
Му'мин, брат Борака 74, 75, 82, 83.
Мунтасир, халиф, аббасид 39, 45.
Мунтаджаб-ад-довлэ, звездочет 123.
Муртад 183.
Муртаза, см. Али.
Муса-гурген, см. Тога-Тимур.
Муса-Тархан, эмир 168.
Мустади, халиф, аббасид 45.
Мустазхир, „ 45.
Муста'ин, „ 45.
Мустакфи, „ 45.
Мустанджид, „ 45.
Мустансир, „ 38, 45.
Мустаршид, „ 45.
Муста'сим, „ 33, 37, 33, 45, 51, 54.
Мустафа, см. Мухаммед.
Мутаваккиль, халиф, аббасид 39, 45.
Му'тадид, „ „ 45.
Му'тазз, „ 39, 45.
Му'тамид, „ „ 45.
Му'тасим, „ „ 45.
Мути „ „ 45.
Муттаки, „ „ 45.
Мухазэиб-ад-довлэ, хаким 123.
Мухаззиб-ад-довлэ Абу Мансур, врач 123.
Мухаммед (Мустафа), пророк 39 127, 163, 199, 218, 262.
Мухаммед, правитель Мисра 51.
Мухаммед, сельджукид, правитель Ирака 38.
Мухаммед, хорезмшах 33.
Мухаммед, сын Байду, царевич, хулагид 20.
Мухаммед, сын Бузург-Умида (Ала зикрихи-с-салям), государь исмаилитов 32.
Мухаммед, сын Мухаммеда, см. Шамс-ад-дин Сахиб-диван.
Мухаммед Абд-ал-Мелик, из Нишапура 155.
Мухаммед Амин, халиф, аббасид 39.
Мухаммед-бек, родственник Мухаммеда Ялавача 91, 92.
Мухаммед-шукурчи, воевода Багдада 136.
Мухтади, халиф, аббасид 45.
Мухья-ад-дин, мовляна 115.
Мухья-ад-дин (Маджд-ад-дин) Магриби, звездочет 53.

Наджиб, евнух Аргун-хана 154.
Наджиб-ад-дин Фарраш, мухтар 145, 146, 198.
Наджин-хатун, дочь Дурубей-нойона, жена Менгу-Тимура 21.
Наджм-ад-дин, казий 195.
Наджм-ад-дин, шул 91, 92.
Наджм-ад-дин (Мелик Мансур), сын Музафар-ад-дина, ортукид мардина 57, 195.
Наджм-ад-дин Аби Джа'фар Ахмед Имран (Мелик Растдиль) 46.
Наджм-ад-дин Асфар, наиб ходжи Ала-ад-дина 102.
Наджм-ад-дин Дабирани Казвини 49.
Наку 87.
Нарагай, эмир 175.
Наргей-яргучи 111.

Нарлу-ахтачи, воевода Тебриза 99, 123, 154.
Нарин-Хаджи, см. Хаджи—Нарин.
Нарин-Ахмед 168.
Насир, халиф, аббасид 45.
Насир, сын Альфи, мелика Дамаска 184.
Насир-ад-дин, каанов гонец 198.
Насир (-ад-дин), мелик 50, 53—55.
Насир-ад-дин, гебризский казий 193.
Насир-ад-дин, сын Ала-ад-дина сахиба Рея 47.
Насир-ад-дин Кельшу-хан ибн Бек-Арслан, военачальник 51.
Насир-ад-дин, кухистанский мухташам 27, 317.
Насир-ад-дин Мухаммед Кимри, военачальник Джелаль-ад-дина 51, 52.
Насир-ад-дин Туси, ходжа 30, 31, 39, 40, 43, 45, 46, 48, 63, 66, 67, 86, 90, 98, 106.
Насир-ад-дин Яхья 185, 196.
Наулдер, эмир 82—85, 158, 173.
Негудер-огул, сын Муджи-Яя, царевич, чагатаид 29, 72, 76, 106.
Низам-ад-дин, из Обэ 90
Низам-ад-дин Абд-ал-Мумин, казий 46.
Низам-ад-дин Абу-Бекр, везир 124.
Низам-ад-дин Яхья 146, 151, 152, 171, 191.
Низам-ал-мульк, везир 244.
Никпей-бахадур 77, -кошчи 103.
Никпей-огул, сын Сарабана, сына Чагатая, хан, чагатаид 2—85, 87.
Новруз, сын Аргун-ага из рода ойрат, эмир 65, 105, 107, 114, 117, 122, 134, 143—154, 156, 157, 159—163, 165—168, 170—177, 192, 211, 214, 252, 230.
Новруз, сын Шамс-ад-дина 115.
Нокаджин-эгэчи, наложница Хулагу-хана 19, 20.
Нокай-гурген 20.
Нокай-яргучи, темник 58—60, 65, 68, 106, 117, 143, 169, 171, 175, 180.
Нокачир, сын Ахмед-хана царевич, хулагид 98.
Нокз-хатун, жена Борака 82, 83, 85.
Нохзадэруз 163.
Нукдан-хатун, из рода татар, жена Абага-хана 21, 65, 130.
Нулун-хатун, жена Джумукура 19, 92.
Нур-ад-дин Расади, мовляна 116.
Нур-ад-дин Черенги (?) 88.
Нурин-ага, эмир 117, 146, 147, 149, 153, 154, 156, 158—161, 166, 168, 170, 171, 174, 180—182, 186, 191, 193.

Ойратай-Газан, сын Аргун-аги 143, 170 173, 175.
Олджей, дочь Суламиша, жена Аргун-хана 21.
Олджей-хатун, дочь Бука-Тимура, жена Меигу-Тимура 112.
Олджей-хатун, дочь Туралчи, из рода ойрат, старшая, жена Хулагу-хана, впоследствии Абага-хана 18, 20, 21, 25, 46, 65, 68, 98, 95, 99, 110, 120, 122.
Олджей-Бука, сын Мубарекшаха 92.
Олджей-Кутлуг, дочь Газан-хана, хульгидская царевна 171, 172, 197.
Олджей-Тимур, дочь Аргун-хана, хулагидская царевна 113, 169.
Олджейту-султан, сын Аргун-хана, царевич, хулагид 112, 129, 146, 202.
Олджетей, дочь Абага-хана, хулагидская царевна 65.
Олджетей-хатун, дочь Аргун-хана, хулагидская царевна 113.
Олсум, эмир 170.
Омар-огул, сын Негудер-огула, царевич, чагатаид 106.
Омар-огул-энгу 156.
Омейяды, династия 45.
Онг-хан, государь племени кереит 17, 18.
Отачи-нойон, отец Чечекен, жены брата Чингиз-хана 21.
Отман, сын Абатай-нойона, отец Булаган-хатун младшей 112, 124, 143.

Падшах-хатун, дочь султана Керманажена Абага-хана, впоследствии Гейхату-хана 65, 86, 110.
Пандит-бахши 123.
Перванэ, румский (Му'ин-ад-дин) 61, 88, 89, 94.
Пехлеван Мелик-и Гури 179.
Пехлеван-Омар 155.
Пулад, эмир 203, -ага 123.
Пулад-чинсанг 116, 135, 160, 192, 286.
Пулад, сын Тайджу, царевич, джучид 20, 134.
Пулад, сын Эсэн-Тимура, царевич, хулагид 20.
Пулад-Кия, эмир 174, 177, 196.

Рабиб Аведжи 122.
Рабиб-ад-довлэ, врач 134.
Ради, халиф, аббасид 45
Рази-ад-дин, казий 104.
Рази-ад-дин Баба-и Казвини 67, 95.
Раис-ад-довлэ, врач 28, 30, 31.
Рамазан, эмир 137.
Растдиль (Наджм-ад-дин), мелик 46.
Рашид, халиф, аббасид 45.
Рашид (Рашид-ад-дин), врач, историк 92, 178, 179, 194, 207.
Рашид Булгари 198.
Рейхан, евнух Аргун-хана 154.
Рукн-ад-дин (Кылыч Арслан), сельджукид румский 25, 48, 112.
Рукн-ад-дин, см. Бундукдар.
Руки-ад-дин, см. Хуршах.
Рум-ка'ла, см. Шамун.
Рустем, сын Дастана, герой Шах-намэ 51, 53.

Са'ад, салгарид 21, 25, 48.
Са'д, сын Хусам-ад-дина 38, 39.
Са'ад-ад-дин, брат Фахр-ад-дина Мустовфи 117.
Са'ад-ад-дин, наиб Маджд-ал-Мулька 100.
Са'ад-ад-дин, ходжа, везир 152, 153, 155, 187 188, 194, 198, 199, 201, 297.
Са'д-ад-дин Хабаш 158, 188.
Са'д-ад-довлэ сын Хибаталлаха, сына Мухаззиб-ад-довлэ, везир 118, 119, 122 121—128, 148.

Садак, гонец Газана 144.
Садак-тархаи 144.
Садр-ад-дин, казий 155.
Садр-ад-дин, мелик Тебриза 57, 59, 61, 67.
Садр-ад-дин, приближенный Хулагу-хана 29, 31.
Садр-ад-дин (шейхзадэ), сын гератского шейх-ал-ислама 173, 174.
Садр-ад-дин, сын Насир-ад-дина Туси, ходжа 106.
Садр-ад-дин Зенджани (Садр-и Джехан), везир 95, 119, 132—136, 162, 164—166, 168, 172—174, 177—179, 198, 214, 245, 250, 280, 291, 292.
Садр-ад-дин Ибрахим ибн шейх Са'д-ад-дин Хамави 162—164.
Садр-ад-дин Рейский 88.
Садр-ад-дин Саведжи 54.
Садр-и Джехан, см. Садр-ад-дин Зенджани
Садум, эмир 175.
Садун, сын Давида, сына Садика (?), правитель Грузии 67.
Садун-грузин, отец Кутлуг-Бука, эмир, (ср. Садык-грузин) 134.
Садык-грузин, военачальник (ср. Садун-грузин) 49.
Садык, сын Давида, см. Садун, сын Давида.
Са'ид (Наджм-ад-дин Гази), ортукид Мардина 55.
Саилун, дочь Ахмед-хана, хулагидская царевна 98.
Саину, дочь Ахмед-хана, хулагидская царевна 98.
Сайган 195.
Сайган-Абачи, эмир 151.
Саки, см. Фахр-ад-дин.
Сали, телохранитель Борака 81, 82.
Сали-нойон, из рода татар, эмир 23
Салих, сын Бадр-ад-дина Лу'лу, мелик 43, 49, 57, 58.
Сальджидай-нойон, эмир 50, 60.
Самагар-нойон, эмир 59, 66—68, 80, 123, 128, 131, 171.
Сандаргу-нойон, эмир 57, 58.
Сарабан, эмир Новруза 175.
Сарабан, сын Кайду, царевич, чингизид 148, 167.
Сарабан, сын Никпея, царевич, таид 144.
Сарабан, сын Сунджак-нойона, эмир 124, 179.
Саркис, эмир 168.
Сартак, эмир 138.
Сартак 149.
Саручи, из рода кереит, эмир 18, 112, 130.
Саталмиш, сын Боралги, эмир 21, 144, 145, 151, 153, 156, 167, 168, 174, 183, 187.
Саталмиш Кальчи, гонец Новруза 168.
Сати, сын Лаодэя 168.
Сати, сын Тубшина, царевич хулагид 20.
Саты, эмир 128.
Сафи-ад-довлэ, врач 134.
Сафи-ал-мульк, отец Маджд-мулька Иезди 93.
Саффах, халиф, аббасид 45.
Сейиди Абу-л-Вафа шейх 172, 226.
Сейиди Ахмед, шейх 195.
Сейф-ад-дин-ага, эмир 28, битикчи, 30, 40, 46, 59, 61.
Сейф-ад-дин Бек-Тимир 181.
Сейф-ад-дин Кипчак 181.
Сейф-ад-дин Кылыч 40, 195.
Сейф-ад-дин Лукули 54.
Сейф-ад-дин Садык-хан ибн Менгубек, мелик 151.
Сейф-ад-дин Юсуф 124.
Сейфаллаххалид ибн ал-Валид 233.
Сельджук-хатун, дочь Рукн-ад-дина, сельджукида румского 112, 141.
Сельджуки, династия 34.
Сенгиргес (Хитай-огул), царевич, хулагид 113.
Сечекту, эмир 73.
Синджар, великий сельджук 229.
Соата, караун 149.
Сокар, караун 149.
Сонкур, см. Тутар 40.
Сонтай-нойон, эмир 49, 54, 66, 80, 81.
Сонтай-нойон, см. Эмгэчин.
Сонтай-огул, царевич, чингизид 24, 25, 40.
Союркуктени-бики, жена Тулуй-хана 17.
Судак, эмир 191.
Сукей, сын Юшумута, царевич, хулагид 19, 106, 107, 128, 133, 157, 159, 167, 168, 220.
Сукей эмир Ахмед-хана 103.
Суламиш, сын Тенгиз-гургена, эмир 21, 112, 171, 175, 180, 181.
Сулейман-шах ибн Бахрам, аббасидский вельможа 34, 37, 38, 41—43.
Сулейман, брат шейха Махмуда 173, 174.
Сулейман, сын Хуладжу, царевич, хулагид 21.
Султан, эмир 183 184, -эюдечи 119, 121, 127.
Султан-ясаул 185, 187.
Султан Ахмед, см. Ахмед.
Султан Баязид, см. Абу-Язид.
Султан-шах, сын Новруза 162, 251.
Султанчук, хорезмиец 40, 41, 59.
Сунджак-ага, эмир 33, 42, 44, 49, 54, 66, 67, 99, 101, 102, 110, 124, 125, -нойон 40, 42, 66, 67, 88, 179.
Сунджак, отец Шадай-гургена 19, 104.
Сурмиш, мать жены Новруза 143, 144.
Сутай, эмир 145, 149, 153, 155, 159, 161, 168, 175, 179, 180, 187, 194, -ахтачи 21.

Тадж-ад-дин, см. Хаджж-ад-дин.
Тадж-ад-дин ибн Салайя, правитель Ирбиля 47, 54.
Тадж-ад-дин Зирек 87.
Тадж-ад-дин Ильдуз 158.
Тазик-ага 75.
Таи, халиф, аббасид 45.
Тайджу-огул, сын Менгу-Тимура, царевич, хулагид 20, 133, 167, 170, 178.
Тайджу-бахадур, эмир 96, 125, 137, 168.
Тайтак 108, 109, 128, 137, 168, 196, 199.
Тайши 171, 175.
Талику-огул, сын Кадаки, сына Бури,

сына Маутугэна, царевич, чагатаид 82—85.
Тама-Токта-Муртад 118.
Тамачи, сын Яка-Яндуна (?), нукер Новруза 146.
Тамачи-инак 133, 135, 137.
Тамудай-ахтачи 121.
Тарабай, эмир 107.
Тарагай, дочь Хулагу-хана, хулагидская царевна 22.
Тарагай, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 19, 20, 69.
Тарагай-гурген, из рода ойрат 21, 167.
Тарагай-гурген, из рода конкурат 65.
Тарандаз, эмир 141.
Тарги-гурген, эмир 50.
Таркия (Тураншах), сын Хуршаха 30.
Тарса 196.
Тархан-Тимур, сын эмира Букая 122.
Тахир, основатель династии Тахиридов 39.
Таш-Тимур, сын Конкуртая, царевич, хулагид 20, 180, 181.
Ташменгу-кошчи 167.
Текечек 76, 86, 123.
Текнэ, эмир 96, 108, 111, 128, 131, 143—145, 147, -тотгаул 134.
Текудер, сын Хулагу-хана (Султан Ахмед) 20, 69, 97, 99.
Текшин, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 19, 69, 86.
Тенгиз-гурген, из рода ойрат 20, 21, 110, 112, 117.
Теспинэ, дочь Трапезундского государя, жена Абага-хана 65.
Тесуке, эмир 19.
Тимур-Бука, эмир 128, 133.
Тобун, сын Текшина, царевич, хулагид, 19.
Тога-Тимур (Муса-гурген), из рода конкурат 22, 65, 98, 99, 106, 107.
Тогай, караун 156.
Тогай, эмир, наместник Ильдара 159.
Тогай, молочный брат Ахмед-хана, эмир 104.
Тогай, дочь Абага-хана 65.
Тогай, сын Йисудера, воевода Иезда 313.
Тогай, сын Хаджи-Нарина 174.
Тогай-Тимур, сын Хулагу-хана 21
Тогачар, эмир 95, 97, 99, 102 104, 111, 119, 120, 123—125, 127, 128, 131—133, 136, 137, 158—162, 164, 165, 167, 169, 171, -ага 68.
Тогрул-бек, сельджук 38.
Тогрулча, эмир 125, 137, 168, 183.
Токта(й), хан, джучид 125, 134, 169, 187, 189, 193.
Токта-Муртад 125.
Тонсукей, воевода Багдада 118.
Тубут, эмир 104, 106, 108, 109.
Тубшин, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 20, 67, 76—78, 138, -огул 72, 73, 80—83, 87, 90.
Туган, жена Ахмед-хана 19.
Туган, сын Нокай-яргучи, из рода баяут 65.
Туган, сын Шадая, эмир 99, 119—123, 127, 128, 131, 132, 147, 148, 151, 186.
Туган-Тимур, из рода мангут 197.
Туганчук, дочь Абага-хана, хулагидская царевна, жена Новруза 65, 143, 144, 147, 156, 157, 170, 171, 175.
Туганшах-хатун, дочь Мубарек-шаха, чагатайская царевна 186.
Тугачак-хатун, дочь Ахмед-хана, хулагидская царевна 98, 126, 127.
Туге-Тимур 196.
Тугел-бахши 50.
Тугелтей (?), мать Майджу-бахши 141.
Тугел, сын Йису-Бука, из рода дурбан 22, 46.
Тугел, эмир, зять Аргуна 113, 124, 128, 136, 137, 159, 161, 165, 169.
Тугел-Кару, эмир 177.
Туглугшах, сестра Мубарекшаха, чагатайская царевна 142.
Туглук, караун из племени джалаир-эмир 120.
Тугу (Туку), сын Эльке-нойона, эмир 67, 88, 94, 130.
Тудаджу, эмир 128, 162, 166, -яргучи 136.
Тудай-хатун, из рода конкурат, жена Абага-хана, впоследствии жена Аргун-хана 65, 112, 117, 140, 160.
Тудай-хатун жена Ахмед-хана 98, 104, 108, 109, 110.
Тудаку-хатун, дочь Муса-гургена, жена Ахмед-хана 98
Тудаун, сын Судана, из рода еулдус, эмир 61, 67, 88, -бахадур 60, 94.
Тудугеч, дочь Хулагу-хана, хулагидская царевна 21, 112.
Тузмиш-хатун, дочь Мубарек-шаха, чагатайская царевна 149, 151.
Тук-Тимур, сын Абдаллах-аги 20.
Тук-Тимур, сын Нокая-яргучи, эмир 143, 154, 160, 162.
Тук-Тимур-эюдечи, сын Курчан-аги 86.
Тукитай-хатун, жена Хулагу-хана 18, 19 65, 100, 101, 141, 143.
Туклук-караунэ, джалаир 116.
Туку, см. Тугу.
Тулай, сын Ашту, из рода сулдус, эюдечи и баурчи 139.
Тулек, эмир 168, -бахадур 29.
Тулуй-хан, сын Чингиз-хана 17, 18, 51, 63, 71, 184.
Тупчак-бахадур 77.
Турай, сын Нокая 169.
Туралчи-гурген, отец Гуюк-хатун 18.
Тураншах, см. Таркия.
Туркан-хатун, дочь Джелаль-ад-дина Хорезмшаха 57, 61, 67.
Тутар сын Сонкура, царевич, джучид 33, 40, 42, 59, 68, 169, -огул 54.

Угедей, сын Чингиз-хана 71, 73, 286.
Уйгуртай-Газан, эмир 145, 146, 149, 151.
Уйку, сын Онг-хана, из рода кереит, отец Докуз-хатун 18.
Ула-Кутлуг, дочь Гейхату-хана, хулагидская царевна 131.
Ула-Мелик, дочь Гейхату-хана, хулагидская царевна 131.
Улай-Тимур, эмир 104.
Ура-Тимур, отец Ширин-эгэчи 149.
Ура-Тимур-эюдечи 157, 158.
Урада, сын Джучи, царевич, джучид 40.

Ургана-хатун 25.
Ургудак, дочь Джумукура, хулагидская царевна 19.
Урду-Бука(й), сын эмира Новруза 106, 158, 174.
Урдукия, эмир 95, 97, 99, 102, 116, 118, 119, 122, 124, 126, 127, 132, 143, 158.
Уртимур-кошчи 107, 103.
Урук-хатун, из рода кереит, дочь Саручи, жена Аргуна, впоследствии Гейхату 99, 112, 113, 128, 130, 132, 160.
Урук-Тимур-огул 134, 148.
Урукту-нойон, эмир 40, 42, 47, 49, 55, 56, 88, 94, 138, 167, 181.
Усман Мишкани, мятежник против Газан-хана 155.
Учан, из племени урлат, эмир 120, 122, 130, 168.

Фараджаллах, сын Шамс-ад-дина сахиб-дивана 123.
Фаррух, сын Шамс-ад-дина, сахиб-дивана 115.
Фатх-ад-дин ибн Курд, см. Ибн Курд.
Фахр-ад-дин, гератский казий 90, 185, 247.
Фахр-ад-дин, мелик, правитель Рея 102, 104.
Фахр-ад-дин, мустофи 115, 117, 125.
Фахр-ад-дин (Саки) правитель Халеба 50.
Фахр-ад-дин, раис 155.
Фахр-ад-дин, устад 274, 275.
Фахр-ад-дин, шейх (мовляна) 115.
Фахр-ад-дин сын Шамс-ад-дина Курта, мелик 152, 175, 176.
Фахр-ад-дин ибн аш-Ширчи 184.
Фахр-ад-дин Ахлати, ученый 49.
Фахр-ад-дин Дамганн, сахиб-диван 34, 43, 45.
Фахр-ад-дин Исфахани, сахиб 88.
Фахр-ад-дин Мубарекшах 124.
Фахр-ад-дин Минучихр, мелик, правитель Хамадана 97.
Фахр-ад-дин Мераги, ученый 49.
Фахр-ад-дин Румн 173.
Фахр-ад-довлэ, брат Са'ад-ад довлэ 123.
Фахр-и-Иса 195.
Ферамурза 180.
Фулад, эмир 65.

Хабаш, сын Йисудера, царевич, хулагид 20.
Хабаш, сын Шадай-гургена 19.
Хабиб, шейх 198.
Хаджж-ад-дин (Талдж-ад-дин),эмир 43.
Хаджджадж, Кутлуг-хан керманский 76, 80, 191.
Хаджи (Хаджи-Нарин), сын аргун-аги 143, 167, 173, 174, 177.
Хаджи, сын Тогай-Тимура, царевич, хулагид 21.
Хаджи-Лейли 125.
Хаджи-Рамазан 174, 176, 177.
Хади, халиф, аббасид 45.
Ханду-битикчи, эмир 43, -нойон 80, 103, 105, 120.
Хаиду, сын кормилицы Газан-хана 139.
Хаидукур, эмир 96, 108, 136, 165, 174.
Харбанда (Эсен-Тимур), царевич, хулагид 160, 165, 172, 174, 175, 181, 186, 191, 199.
Харманчи, эмир 169.
Харун, сын Шамс-ад-дина, сахиб-дивана, ходжа 101, 102, 117, 318.
Хасан, из рода онкут, нукер 140.
Хасан, сын Ашту, из рода сулдус 139.
Хасан, сын Буку, эмир 137.
Хасан ибн Али, имам 219.
Хасан ибн Али ибн Мухаммед ас-Саббах ал-Химьяри, государь исмаилитов 32.
Хасан Мазандерани, хаджиб Ала-ад-дина 27.
Хасан Новмусульман, см. Джелаль-ад-дин Хасан.
Хибаталлах, шейх 206, 207.
Хитай-огул (Сенгиргес), сын Аргун-хана, царевич, хулагид 113, 117, 127, 178.
Ходжа, сын Хуладжу, царевич, хулагид 21.
Хорезми-тархан 148,
Хорезмшах (Джелаль-ад-дин) 48, 49.
Хорезмшахи, династия 34.
Хоркудак, эмир 151, 152, 155, 167—169, 172, 175.
Хоркасун, шейх 159.
Хосрой, сасанид 227.
Хулагу-хан 17—51, 53—56, 110, 184, 214, 246, 287, 289, 297, 309.
Хуладжу-огул, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 21, 96, 99, 106, 108—111, 113, 122, 127, 145, 191.
Хуладжу, эмир 47.
Хулкун 81.
Хулькуту, эмир 91.
Хумам-ад-дин, мовляна 115.
Хуршах (Руки-ад-дин), сын Ала-ад-дина, государь исмаилитов 26—32, 51, 54, 317.
Хусам-ад-дин, звездочет 39, 59.
Хусам-ад-дин, хаджиб 115.
Хусам-ад-дин Акка, хаким Дертенга 38, 39, 51, 54.
Хусам-ад-дин Казвини 120, 121.
Хусам-ад-дин Лачин 195.
Хусам-ад-дин, лур 171.
Хусам-ад-дин Устад-ад-дар, эмир 196.
Хусам-ад-дин Эйбек Хитайи 155.
Хусейн, эмир 174.
Хусейн, сын Акбукая, эмир 113.
Хусейн ибн Али, имам 193, 219, 226.
Хусейн-ага, зять Ахмед-хана 98, 112.
Хусейн-Хаджи, брат Новруза 156.
Хушек-хатун, жена Шамс-ад-дина, сахиб-дивана 115.

Чаган, эмир 60,
Чагатай, сын Чингиз-хана, 69, 71, 72, 82, 87, 286.
Чакар-гурген, сын Бука-Тимура, из рода ойрат, зять Хулагу-хана 21.
Чамча(й) эмир 149, 175.
Чапат-огул, сын Хуку, царевич, чингизид 73—75, 77, 82, 84.
Чарду-бахадур, эмир 87, 156.
Чаукур, эмир 102, 104.
Черик, монгол 19, 103, 109, 168.
Черик-битикчи 120.

Черик-Тимур, сын Конкуртая, царевич, хулагид 20.
Черик-Тимур, сын Тугел-бахши 106.
Чериктай 125.
Черкес эмир 181.
Чечек, эмир 159, 166, 168, 183, 186.
Чечек-гурген, внук Тенгиза 21, 136.
Чечек, дочь Ахмед-хана, хулагидская царевна 93.
Чечекен, дочь Отачи, жена брата Чингиз-хана 21.
Чечекен, дочь Чингиз-хана (?) 18, 21.
Чинг-Пулад, сын Гейхату-хана, царевич, хулагид 131.
Чингиз-хан 17, 18, 21—23, 34, 36, 38, 51. 65, 68, 71, 81, 89, 184, 215, 228, 235, 282, 286, 308.
Чинкур, эмир 269.
Чинкутур, эмир 102, 104.
Чиргудэй, эмир 106.
Чобан-бахадур, эмир 67, 128, 131, 165, 168, 174, 180, 181, 183, 185, 186, 195, 196.
Чопай 85, 87.
Чопай-хатун, жена Нокая 169.
Чочкан, эмир 138.
Чурмагун-нойон, эмир 23, 32, 40, 67, 171.
Чуши, эмир 95, 99, 102, 104, 118, 119, 124, 127, 132, 148, 153.

Шадай, сын Буку, темник 99, 121, 128.
Шадай, сын Букура 167.
Шадай-ахтачи 103, 104.
Шадай-гурген, сын Сунджака 19, 104, 105, 125, 158.
Шакьямуни-бурхан 117.
Шамс-ад-дин, мовляна 115.
Шамс-ад-дин Ахмед Лакуши 133.
Шамс-ад-дин Бабари, казий Герата 76, 79.
Шамс-ад-дин Гилеки, эмир Хулагу-хана 29.
Шамс-ад-дин Дауд, сын Музаффар-ад-дина, ортукид Мардина 57
Шамс-ад-дин Казвини, казий 22.
Шамс-ад-дин Кули, казий 50.
Шамс-ад-дин Курт, мелик 25, 27, 67, 73, 76, 90, 91, 152, 175, 176, 317, 318.
Шамс-ад-дин Мухаммед Джувейни, сахиб-диван 61, 67, 83—90, 92,93, 95, 96, 99, 100—102, 114—117, 119, 123, 288.
Шамс-ад-дин Тазику 67, 91, 92.
Шамс-ад-дин Хусейн Алякани, ходжа 68, 124.
Шамун (Рум-ка'ла) 121.
Шараф-ад-дин, шейх 195.
Шараф-ад-дин Абд-ар-рахман 191.
Шараф-ад-дин ибн ал-Джавзи 35, 46.
Шараф-ад-дин, везир 45—47.
Шараф-ад-дин Лакуши 135.
Шараф-ад-дин Са'дан, ходжа 201.
Шараф-ад-дин Семнани, мелик 119, 123, 133, 172, 214.
Шах-Али, сын сеистанского мелика 153.
Шах-Алям, жена Байду, хулагида 20.
Шах-Ильдуз, вали Дамгана 150.
Шах-эмир, эмир 23.
Шаханшах, брат Хуршаха 29, 30.
Шейх Махмуд 245.
Шериф Тебризи, шейх 60.
Шиант, китаец 139.
Шибан, сын Булгая 40.
Шибан, сын Джучи 54.
Шибаучи, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 21.
Шибаучи, эмир 137.
Шидун, сын Хандукура 174.
Шиктур-нойон, эмир 49, 50, 66, 80—99, 100, 102, 121, 123, 128, 131—133, -ага 110, 147.
Шинка 186.
Шираншах, брат Рукн-ад-дина Хуршаха 30.
Ширемун, сын Киншу, царевич, хулагид 19.
Ширемун-нойон, сын Чурмагуна, эмир 42, 59, 60, 67, 72, 171.
Ширин-эгэчи, наложница Абага-хана 65, 149.
Шихаб-ад-дин Зенджани 45.
Шихаб-ад-дин Мубарекшах, ходжа 201.
Шиши-бахши, эмир 99, 104, 106, 107.
Шуджа-ад-дин Хасан Астрабади 27.

Эбугэн, сын Ширамун-нойона, сына Чурмагуна, эмир 105, 108, 109, 113.
Эбугэн-огул 148.
Эйбек Халеби 40.
Элькэ(й)-нойон, эмир 40, 42, 46, 47, 53—55, 60, 66—68, 81, 130, 167, 181.
Эмгечин, сын Сонтая, эмир 109,-бахадур 105, 107, -нойон 103, 104.
Эмиршах 125.
Эмчек, пристав Аргуна 108.
Энгу, сын Омар-огула 156.
Эргэнэ-эгэчи, наложница Абага-хана, впоследствии Аргун-хана 112.
Эсэн, дочь Беклемиша, из рода урлат, наложница Гейхату-хана 130.
Эсэн, дочь Текшина, хулагидская царевна 19.
Эсэн-Бука -гурген, сын Нокая, эмир 20, 142, 158, 180, 181.
Эсэн Тимур (Харбандэ), сын Конкуртая, царевич, хулагид 20, 168.
Эчучэ-эгэчи, наложница Хулагу-хана 20.
Эшек-Туклу, из рода джалаир, брат Ишик-Туклу, эмир 104, 105, 117, 120, 167, 168.

Юлэ-Тимур, эмир 107, 109.
Юлдук, брат Новруза 177.
Юсуф-ата, эмир 80.
Юсуф-шах, атабек Иезда 80, 114.
Юшумут-огул, сын Хулагу-хана, царевич, хулагид 19, 20, 25, 49. 54—56, 61, 66—68, 77, 80, 81, 86, 132.

Яглаку-шукурчи, эмир 164, 181.
Ягмыш, гонец Газан-хана 146, 154, 153.
Яка-Яндун (?), см. Тамачи.
Я'куб (сын) Лейса Саффари, саффарид 37.

Я'куб Багбани, шейх 198, 199.
Яман, эмир 183.
Ярук-бахши, китаец 140, 141.
Ясар-огул, брат Борака 74, 75, 82—88, 104, 105, 109.
Ясаур, эмир 148.
Ятмиш, наиб Тайтака 199.
Яхья, сын Шамс-ад-дина, сахиб-дивана 115, 116.
Я-нойон, см. Эенги.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Аббарик 183.
Аббасабад (Рейский) 29.
Абескун, остров 38, 138.
Абиверд 148, 152, 191.
Абубекрабад 166, 168.
Абулустан 88, 308.
Абулустанские горы 88.
Абумири (?) 186.
Абхаз 123.
Абхар 32, 105, 118, 154.
Аджамская башня 42.
Адилие Джурджанская 104.
Адилийе, сад в Тебризе 178.
Адилийе, кушк 231, 233.
Адудовская больница 148.
Аджда 148, 157.
Азербайджан 25, 32, 47, 53, 61, 76, 85, 142, 143, 147, 148, 151, 153, 157, 170, 189, 243, 308.
Айн-и Джалут 52.
Ансу (Чаганморен), река 68.
Акходжа 105, 106, 158, 165.
Акча 88.
Акшехир, степь 181.
Аладаг (Лабнасагут) 49, 59, 61, 67, 69, 89, 99—101, 103, 117, 125, 128, 131, 133, 134, 153, 175, 177, 188, 309.
Аламут, крепость 28, 29, 31, 32.
Алмалык 19, 25.
Алтаи 67, 134.
Амуйе (Аму-дарья) 18, 60, 67, 69, 71, 73, 7 , 81, 86, 95, 103, 107, 240, 256, 274, 275, 282, 283.
Амуйе, крепость 86.
Амурийе 125.
Ана 62, 193.
Анбар 41, 172, 194.
Андамад, замок 152.
Андхой 156.
Антиохийские ворота (в Халебе) 49.
Аракс, река 165.
Аргиян 148, Аргиянская дорога 145, 149.
Аргунийе 125, 126, 129.
Ардебиль 105, 116, 133, 170, 241, 308.
Арзан 56, 122.
Армения 23, 0, 47, 78.
Арран 25, 61, 66, 67, 69, 91, 95, 101, 102, 115—117, 121, 122, 124, 126, 127, 132, 134, 136, 137, 142, 151, 166, 167, 171, 178, 180, 181, 182, 186, 188, 191, 193, 197, 309.
Асадабад 38, 40, 174, 175.
Аси, река 52.
Асиран (Нукату-яйлак) 151.
Астрабад 145, 151, 153.
Ахар 116, 137, 166.
Ахлат (Хилат) 49, 50, 51, 131, 133.
Ахрикух 141.

Баби 163.
Баверд, см. Абиверд.
Баг-и 141.
Баг-и Нейкеш 165.
Баг-и Пируза 92.
Баг-и Уджан 189.
Багча 126, 127.
Багдад 33—35, 37—43, 45—51, 55, 62, 67, 76, 90, 94, 96, 97, 101, 102, 104, 113, 116, 118, 119, 122, 123, 128, 136, 141, 142, 160, 165, 171—175, 177, 180, 181, 191, 193, 197, 214, 219, 226, 229, 233, 244, 260, 262, 285, 307, 308, 316. Багдадские владения 61, 93, 94, -ская дорога 196, -ский мост 62, 96, -ская земля 36, -ская область 38, -ское царство 43, 45, 54
Багистан (Тебризский) 197.
Бадахшанский край 69.
Бадгис 72, 75, 77, 78, 146, 147, 150, 152, 157, 191.
Баджисра 41.
Базар Султана, ворота в Багдаде 42.
Баку 178.
Ба'куба 41.
Балх 117, 308.
Бам 148.
Банданиджейн (Баиданиджан) 37, 46, 193.
Барабуки 150.
Басра 42, 44, 46, 93.
Бахарз 76.
Баширийе 41.
Баят 40.
Бейхак 146, 147, 151.
Бейлекан 168.
Берда 308.
Бехистан 165.
Билясувар 104, 117, 118, 124, 125, 134, 137, 168, 169, 179, 189.
Бинигав 181.
Бистам 28, 29, 105, 141, 142, 150, 151, 154.
Бисутун 174, 191.
Бишбалык 82, 83, 84, 85.
Бишкин 166.

* Составлен Н. Д. Миклухо-Маклаем и О. И. Смирновой.

Бузинджирд 145, 191, 233.
Буруджирд 180.
Буладак 152.
Бухар-сарай 146.
Бухара 75, 86, 97, 103.
Бушенг 80.

Вавилон 308.
Вакф 45.
Ваи 125.
Варджуна, ворота в Тебризе 179.
Васит 46, 93, 180, 191, 193.
Вастан 125.
Ведженег 149.
Верамин 104, 141, 175.
Византия 228.
Ворота Евреев, в Халлебе 49.
Ворота Ристалища, в Багдаде 43.

Газанийе 228.
Газанов проток Верхний, канал 226.
Газза 185.
Газни 72, 77.
Ганджа 308.
Гаоли 23.
Гарча 90, 141.
Гарчистан 147.
Герат (Херат) 75, 76, 78, 79, 81, 82, 90—92, 141, 144, 146—148, 152, 172, 175—177, 308. Гератская область 82, 152, река 79.
Гилян 131, 164, 179.
Гилянское море 54.
Гирдекух, замок 24, 26, 29, 31, 86, 122, 150, 158.
Говбари 65, 188.
Гокчадениз 87.
Грузия 25, 47, 59, 67, 72, 93, 114, 136, 137, 161, 178, 179, 191, 271.
Гур 90, 141, 147.
Гурган 68, 104.
Гурдага 145.
Гурджистан 65.

Давир 157.
Дакук 40.
Даланкудук 156.
Далан-наур 68, 134, 178, 179.
Дамаск 50, 51, 53, 54, 89, 103, 184, 185, 195, 210, 233. Дамаское владение 50.
Дамасские ворота, в Халебе 49.
Дамган 28, 105, 106, 122, 141, 150, 151, 154, 155, 175.
Дар-и Сускян (?), ворота в Багдаде 90.
Дар-и Шатийа, ворота 123.
Дарья-и Кабудан 72.
Дашт-и Чина 79.
Дейр-Басир 195.
Дейр-и бир 96.
Демавенд, гора 29, 129, 141, 151, 153, 154, 155, 161.
Дербент 54, 58, 59, 60, 62, 66—68, 72, 78, 90, 110, 118, 124, 125, 180, 189, 285, 308.
Дерэ-и Марга 148.
Дерэ-и Мухкям 146.
Дереге 144, 157.
Дертенг 38.

Дехистан 28, 152.
Джа'бар, крепость 182, 185, 186.
Джаббула 186.
Джавсак 57.
Джаджерм 105, 114, 146, 150, 152.
Джазира 49, 92.
Джалябийэ 45.
Джам 146, 147, 175, 176, 177.
Джандар, канал 179.
Джебель-ас-Салахийе, крепость 185.
Джебель Хумрин, крепость 42.
Джемальабад 105.
Джейхун (Амуйе) 23, 25, 61, 68, 69, 73, 202.
Джейхун Амуйский (Амуйе) 24.
Джижад 153.
Джувейн 26. 145, 148, 149, 152, 162.
Джузджан 156.
Джуй-и мов, арык 117.
Джук, крепость 201.
Джукин 180, 181, 193.
Джурбуд 109, 149, 150.
Джурджан 145, 151, 153, 154, 157, 170.
Джурдж 23.
Джурмаган 146, 153, 187.
Диз-и Зар, крепость 38.
Диз-и Кемали, крепость 27.
Диз-и Мардж, крепость 38.
Диз-и Михрин (Михрин) крепость 27.
Диз-и Шаль, крепость 27.
Динавер 34, 40.
Дих-и Минор 161.
Диххареган 63, 182.
Диярбекр 49, 50, 51, 54, 57, 67, 69, 78, 92, 93, 96, 98, 102, 113, 120, 121, 123, 134, 136, 166, 167, 180, 182, 188, 191, 195, 285.
Диярраби йа 50, 51, 57, 61, 67, 166, 195.
Дуджейль 41.
Дул 188.
Дуля-и Бакль, в Багдаде 42.
Дунайсер 49, 56, 182.

Ефрат 46, 49, 53, 55, 61, 62, 96, 120, 182, 185, 186, 193—195, 226, 308.
Ефратская округа 194.

Заб, река 136, 182.
Завэ 27.
Зак 40, 172, 180.
Залибийе крепость 96.
Заринарун, река 61.
Западное море (Средиземное) 33.
Зенги, ущелье 185, 196
Зенджан 309.
Зирабад 145.
Зирих, мост 154.
Зиркух 26.

Иезд 80, 93, 123, 162, 181, 251, 252, 313.
Иезидская область 251, 252.
Иерусалим 233.
Икан 198.
Индия 23, 93, 126, 204, 208, 218.
Инчгесу 145, 157.
Ирак 24, 25, 29, 33, 61, 67, 75—78, 82, 85, 90, 109, 114, 123, 128, 147, 153, 157, 160, 167, 181, 244.

Ирак-и Аджам 59, 67, 100, 157, 172, 248.
Иракские ворота, в Халебе 49.
Иран 19. 22, 24, 25, 35, 36, 51, 59, 71, 123, 131, 308, Иранские владения 22, 72, 174, -ская земля 19, 20, 23—25, 32, 40, 47, 49, 58, 69, 71, 72, 76, 86, 110, 132, 190, 202, 206, 309.
Испахбад 189.
Ирбиль 40, 47, 121, 136, 196, 308.
Исфаган 67, 91, 93, 114, 123, 128, 172, 219, 308.
Исхакабад 149.

Казвин 31, 32, 67, 94, 104, 106, 132, 158, 16 , 201, 243, Казвинский округ 105.
Казавэ, степь 180.
Каир 51, 129.
Кайбулдаг 128.
Кайсарийе 88.
Кал-и' Тежен, плотина 148.
Кала-и Джанашк 151.
Кал'ат ар-Рум 133, 134.
Кальваз 42, 44, 45.
Кальпуш 105, 107, 109, 146, 151, 152.
Кан-и гиль 25.
Карабаг 104, 166, 188.
Карагалы 132, 133.
Каракорум 22—24.
Караку, река 178.
Караман, река 122.
Карасу, река 78, 79, 125.
Каратепе (Ширсейль) 144, 148, 157, 166.
Каратуган 152
Карачанак 23.
Карьят-ал-Укаб 43.
Каср-и Ширин 174.
Касран 29.
Кашмир 23, 204, 211, 218.
Кейту-Джам 141.
Келат 107, 146.
Келурен 22.
Келаткух 107.
Кенджек 71.
Керек, крепость 50.
Кереруд (Турканморен), река 161, 168, 175.
Керман 30, 61, 65, 77, 80, 91, 181, 185, 191, 211, 270, 285.
Керманшахан 40, 192.
Керманшахская область 174.
Кеш 25, 73, 75, 87.
Кешефруд, река 148.
Киннасрин 187.
Кипчак 54.
Кипчакбашн 71.
Кипчакская степь 60, 61, 211, -ский улус 169.
Кисраг 149.
Киту 86.
Кохр-даг 33
Куббэ-и- Шейх-и Макарим 46.
Кувлик 186.
Куганийе, замок 89.
Куджин Большой 181.
Кукерэ, река 137.
Кульбар 91.
Кум 114, 308.
Кумис 31, 76, 109, 114, 152, 154, 160.
Кунгуруланг (Шервияз) 76, 106, 110, 118, 122, 129, 140, 153, 161.
Кура, река 68, 117, 118, 121, 126, 132, 134, 137.
Курбаншире 114, 157, 160, 181.
Курдаман, степь 68.
Курдистан 99, 117.
Курдские горы 40, 180, 196.
Кутлуг-Балык 134.
Кутлуг-Майдан 174.
Куфа 42, 46, 172.
Кухгилуе 172.
Кухистан 23, 24, 26, 28, 29, 31, 32, 148, 151, 153.
Кухэ, река 165.
Кучан (Хучан, Хушан, Хабушан) 28, 102, 107.
Кучание, замок 89.
Кушаф, крепость 97, 121, 182, 187, 195, 196, 237.
Кушк-и Адилийе 166.
Кушк-и Аргун 129.
Кушк-и Вабар 156.
Кушк-и Зар 124.
Кушк-и Мансур 41.
Кушк-и Мурад 153.
Кушкоюн, залив 188.
Кябудджамэ 69, 149, 151.

Лабнасагут (Аладаг) 49.
Лар 29. 129.
Легзистан 60, 90, 188, 189.
Луристан 40, 41.
Люмбесер (Люммесер), крепость 24, 28, 29, 31, 317.
Люммесер, см. Люмбесер.

Мавераннахр 25, 69, 70, 71, 78, 90
Мавсиль (Мосул) 40, 43, 57, 58, 93, 182, 185, 186, 195, 237, 308, Мавсильский округ 96, 97.
Магриб 52.
Магриб (Средиземное море) 125.
Мадрафа 41.
Мадаин 42.
Маздакан 201.
Мазандаран 29, 61, 66, 67—69, 73, 79, 103, 109, 114, 138, 139, 141, 144—146, 152—155, 157, 158, 160, 166, 167, 170, 191, Мазандеранские владения 81, Мазандеранские края 67.
Майдан 174, 181.
Майдан-ал-Хас 184.
Майдан Большой 174.
Майдан Счастливый (Кутауг майдан) 171.
Майдашт 174.
Максин 195.
Малатия 90.
Мелик, степь 171.
Малян, мост 147, 152.
Мансурийе 26, 28.
Мардж-ас-Суффар 196.
Марджрахит 184.
Мардин 56, 57, 182, 195, 270, 317.
Марэбанийе 172.
Мас'уд-бека, мадресе 87.
Махидашт 174.

Махлябийе 96.
Мачин 23, 71, 211.
Маян 150.
Маяфарикин 49, 54, 69, 92, 122, 317.
Медина 233.
Меймундиз, крепость 29—31.
Мекка 233.
Менгу-Тимура мост 163.
Мензи 48.
Мерага 45, 47, 48, 61, 63, 86, 95, 117, 124, 125, 134, 142, 171, 182, 186, 188, 196, 286, 308.
Мерв 28, 74, 117, 143, 144, 148, 156, 191, 229, 308.
Мерганэ 144, 148.
Меренд 198.
Меручак 73, 156.
Меручакский мост 74.
Мешхед 148—151, 170.
Миср 23, 24, 37, 38, 48, 50—52, 54, 57, 60, 62, 71, 78, 95, 102, 103, 129, 173, 181, 182, 184, 186—188, 193, 195, 211, 220, 233 240, 274, 275, 282 283, Мисрский край 47.
Михрин (Диз-н Михрин), крепость 26.
Мишан 151.
Миянэ 76, 151.
Монголия 18, 19, 143.
Монгольская земля 18.
Муган 67, 104, 174, 166.
Мургаб, река 148.
Мурджабад 153.
Муррак 201.
Муса Джавада, гробница 45, 46.
Мусаллям, рибат 95, 153, 161.
Мухавваль 97, 172.

Нагату (Чагату) 61, 99.
Наур-Дула 171.
Нахр-и Иса, река 41.
Нахчуван 136, 165, 188.
Нахшеб 73, 75, 87.
Нахасийе 42.
Неджеф 46.
Нехавенд 191, 254.
Нил, река 40, 202.
Ниль 172.
Нимруз 67.
Ниса 152.
Нисибин 49, 182.
Нишапур 75, 104, 144, 147, 149, 150, 152, 153, 155, 175, 313, Нишапурская область 150, -ские горы 154, -ская дорога 144.
Новшахр 175.
Нубийские ворота, в Багдаде 177.
Нукату-яйлак, см. Асиран.
Ну'манийе 172.

Обэ 90.
Олджейту-Буйнук 201, 262.

Пендж, река 117.
Пенджаб, река 115.
Пенджангушт 36.
Перахан 66, 180.
Пишкелэ 30, 201.
Пул-и Му'ин 144, 148, 149.
Пул-и Сурх 196.
Пул-и Чакчиран 77.
Пул-и Хосров 166.

Радкан 28, 76, 88, 141, 144—149, 153, 157, 170.
Ракка 137, 195, 303.
Рас-ал-Айн 181, 182, 186.
Рахба (Сирийская) 96, 194, 195.
Рей 30, 33, 41, 47, 76, 102, 104, 105, 106, 114, 132, 152, 154, 165, 168, 174, 175, 201, 303.
Рибат-и... 186.
Рибат-н Ахыри 106.
Рудбар 26, 31.
Рудравер 254.
Рум 23, 25, 32, 33, 40, 47, 51, 54, 67, 88—90, 93, 96, 102, 117, 125, 123, 131—134, 137, 157, 164, 167, 169, 171, 175, 180—182, 184, 187, 270, 285, 309, Румские владения 61, 88, 89, 103, 113, 125, 164, 171, 191, -ский край 20, 33, 88, 101, 132, -ская область 88.
Румские ворота, в Халебе 49.
Русафа, гробница 45.
Руха 49, 308.

Сабзевар 90, 147.
Савэ 114, 168, 201.
Саин 116, 169, 170.
Саламье 183.
Салмас, озеро 47.
Салмас, область 92.
Сан, 157.
Самарканд 19, 25, 69, 70, 75.
Сарай (Сарай-Бату) 68.
Сарай Джума 18, 200, 201.
Сарай Джума-гурген 197.
Сарай Мансурийе 116, 123, 134, 168, 309.
Сарай Музаффарийе 123.
Сарамин 183.
Сарсар 42.
Сарудж 194, 308.
Сегумбад 171, 196.
Седжас, гора 117, 127, 161, 165, 309.
Сеистан 92, 318.
Сейхун (Сыр-дарья), река 70.
Семенган 146, 153, Семенганская дорога 146.
Семнан 29, 106, 119, 141, 142, 150, 151, 158, 175.
Сенган (?) 117.
Сенг-и Савад 145.
Сепендан 172.
Серав 116, 164.
Серахс 69, 144, 148, 156, 157, 170, 191, 308.
Сангбест, рибат 144, 149.
Сер-и Тахт, крепость 27.
Серхене 187.
Сефидкух 233.
Сефидруд, река 158, 160, 161, 165.
Сехенд, гора 196.
Сивас 88, 94.
Синд, река 72, 77.
Синджар 58, 96, 185—187, 193—195.
Сирия 21, 23, 33, 43, 46, 49—51, 53, 54, 57 60, 62, 67, 71, 78, 88—90, 92, 96, 133, 173, 180—182, 185—187, 191, 194—

196, 199, 210, 211, 214, 220, 233, 256, Сирийский край 32, 47, 49, 54, 122, 167, 181, 186, 193.
Сиффин 182, 185, 186.
Сияхкух 46, 67, 69, 99, 100, 102, 109, 123, 134, 160.
Согд 70.
Солонга, река 23.
Сонтэй-нойон, кряж 40.
Средиземное море 125.
Средняя Азия 22.
Сугурлук 101, 114, 116—118, 123, 128, 140, 162, 164, 166, 181, 197, 214, 309.
Сук-ас-Султан, площадь 172.
Сукту 113.
Султандавин (Астрабадский) 151, 153,—155, 157.
Султанийе 129.
Султанмайдан 149, 151, 155.
Султанмайдан-и Кялидор 145.
Сурхэ 106.

Так-и Кисра́ 40.
Талас 71.
Талкан 30, 105, 308.
Талыш 189.
Тамишэ 104, 153, 170.
Тангут 17, 23.
Тарик-и Хорасан 42, 46.
Тарум 26, 181.
Тасу, уезд 134.
Тебриз 34, 47, 48, 60, 61, 67, 76, 86, 88, 91, 92, 95, 99, 104, 111, 116, 117, 119, 120, 123, 124—126, 129, 132—137, 142, 151, 153, 154, 164—166, 169, 171, 175, 177—182, 184, 186, 189, 191, 193, 197—200, 202, 203, 219, 226—229, 232, 233, 259, 266, 289, 300, Тебризская крепость 91, 126, -ская область 79.
Тежен, река 148.
Текрит 40.
Телэ, гора 47.
Тель-Башир 55.
Тель-Я'фар 195.
Терек, река 60.
Техран (Тегеран) 105, 158.
Тибет 23, 218.
Тигр, река 40,—42, 58, 62, 97, 187, 195, 226.
Тифлис 68.
Токат, крепость 88, 89.
Туйнак, холм 124.
Тукату 158.
Тум ворота 184.
Тун 26—28.
Туран 24, 35, 36, 51.
Турканморен (Кереруд) 161, 168.
Туркестан 19, 25, 41, 69, 71, 206, 208, 211, 308, 309.
Туршиз 26.
Тус 28, 75, 88, 104, 141, 144, 145, 149—151, 175, 191, 228.

Уджан 115, 134, 165, 180, 181, 186, 187, 189, 191, 195—197, 215.
Уйгурия 204, 308.
Улухнишин 26.
Умман (Оманское море) 40.
Урмия, озеро 47, 309.
Уруча 89.
Устунабенд, крепость 165.

Фаллудж 194.
Фарс 61, 67, 91, 92, 93, 99, 104, 116, 119, 124, 141, 160, 169, 172, 191, 270, 285.
Фарах 147.
Фарьяб 76, 156, 157.
Ферамурван 157.
Ферахане 191.
Фирузабад 252.
Фирузкух 29, 151—154, 155, 158, 164.
Фирузан 172.
Франкские земли 256, страны 228.
Фушендж 152.

Хаблеруд, река 165.
Хабур, река 96, 195.
Хабушан (Хушан, Хучан, Кучан) 28, 145—148, 157, 163, 170, 204.
Хаджирд Джамский 146.
Хадиса 38, 62, 193.
Хайсар, крепость 76, 152, 176.
Хаккар, горы 49, 117.
Халеб 49, 50, 182, 186, 195.
Халис 46.
Хама 183.
Хамадан 31, 32, 34, 41, 42, 46, 96, 97, 100, 137, 141, 146, 180, 191, 197, 203, 228, 233, 254, 255, 308, Хамаданский край 171, -ская область 36, 37, 111, 172, степь 33.
Хамашахрэ 189.
Ханекин 42, 46, 174.
Хар 29, 175.
Харакан 28, 106, 109, 168, 201.
Харбийе 1.
Харивэ, река 79.
Харим, крепость 50.
Харран 49, 194, 308.
Харунийе 174.
Хаф 27, 117, 153.
Хаштруд, река 134, 137, 157, 164, 171, 173, 191.
Хезарджариб 147.
Хейл-и бузург 105, 158, 201.
Херамкам (Херамкан), канал 75, 87.
Херамкан, см. Херамкам.
Хилат (Ахлат) 49.
Хилла 42, 46, 123, 172, 193, 226.
Химе 183, 184, 195.
Хиндустан 23, 197, 211, 254, 264, 272.
Хит 172.
Китай 23, 60, 70, 71, 135, 154, 169, 204, 208, 264.
Ходжент 80.
Хой 61.
Хорасан 23—25, 35, 38, 39, 41, 59, 61, 66—69, 72, 73, 75, 76, 77, 82—84, 87, 90, 92, 94, 101—103, 106, 110, 111, 114, 117, 122, 125, 128, 132, 134, 140—143, 146—148, 150—155, 160, 164, 166—171, 173—175, 178, 181, 186, 193, 195, 197, 199, 204, 206, 211, 214, 219, 220, 244, 248, 266, 274, 275, 285, Хорасанские владения 76, 81, 83, 85, 176, -ский край 157, -ская область 87.

Хорезм 227.
Хормуз 114.
Хосрова эйван 129.
Хотан 70.
Хузистан 40. 45, 46.
Хуланморен, река 18, 197, 198, 201, 262, 320.
Хульван, река 40, 41.
Хуррамабэ, река 154.
Хучан (Хушан, Кучан, Хабушан) 143, 309.
Хушан (Хучан, Кучан, Хабушан) 28.

Чаганоморен, см. Аксу.
Чаган-наур 66, 191.
Чаганский мост 121, 122.
Чагату (Нагату) 19, 61, 62, 66, 67, 69, 82, 86, 99, 132, 136, 137, 186.
Чакчуран 152.
Чарик 157.
Чач 82, 83.
Чашма-и Гуляси 157.
Чемчемаль 173, Чемчемальская дорога 191.
Чехардих 155, 157.
Чехартак 187, 195.
Чин 51, 154, 211.

Шаберан 59, 60, 124.
Шабурган 26, 117, 156, 157, 308.
Шаваран 177.
Шадьях (Нишапурский) 314.
Шам (Шамб) 125, 126, 129, 166, 169, 177, 178, 186, 202, 228, 229.
Шамаган 147.
Шамб, см. Шам
Шах 156.
Шаханшах-и Аин, туман 116.
Шахдиз 26, 29, 153.
Шахрек-и Нов 141, 145, 153, 157.
Шахр-и Абан 172, 174.
Шахризур 40.
Шахруд, местность. 91.
Шаху, гора 63.
Шахутелля, крепость 97, 100, 214.
Шемаха 59, 62, 118.
Шервиян (Кункурулант) 76, 95, 106, 110, 126, 129, 161, 170.
Шиб 43, 172, 180, 193.
Ширван 25, 59, 62, 67, 102, 188, 308.
Шираз 92, 124, 172, 188, 211, 219, 262, 307, Ширазский округ 124.
Ширкух 109.
Ширсейль (каратепе)148.
Шовган 148, 157.
Шузиль 153.
Шур, река 111, 113.
Шутуркух 147, 153.
Шуштар 46.

Эльбрус 90.
Эрзерум 133, 167.
Эрзинджан 181.
Эспидар 30.
Эсфераин 104, 108, 109, 149, 175

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От Редакции 5

Предисловие А. А. Ромаскевич. 7

Повествование о Хулагу-хане. 17

Часть первая —

Об его происхождении —
Об его женах . . . . —
Родословная его детей и внуков 18

Часть вторая 22

События, предшествовавшие его восшествию на ханский престол . . —
О походе Китбука-нойона на крепости еретиков, убиении Ала-ад-дина и восшествии Хуршаха 25
О прибытии к Хулагу-хану Насир-ад-дина кухистанского мухташама в сопровождении Шамс-ад-дина Курта 27
О прибытии Хулагу-хана в Тус и Кучан, походе на Дамган, разрушении Аламута и Люмбесера и изъявлении покорности Хуршахом. 28
О походе Хулагу-хана на Хамадан и прибытии Байджу-нойона из Рума 32
О появлении усобицы в Багдаде . . . 33
О походе Хулагу-хана на Багдад и его переговорах с халифом 34
О снаряжении Хулагу-ханом войска для захвата Багдада . . . 38
О принятии Хулагу-ханом твердого решения итти на Багдад, взятии его и конце владычества аббасидских халифов 40
О завоевании Ирбиля Урукту-нойоном 47
О переводе в Азербайджан богатств Багдада из крепостей исмаилитов и о прибытии к Хулагу-хану Бадр-ад-дина Лу'лу и румского султана . . . . . —
О Насир-ад-дине Туси и постройке в Мераге обсерватории . . . 48
О походе Хулагу-хана в Сирийские края, завоевании Халеба и Сирийского царства 49
О походе Китбука-нойона в Миср и казни его 51
О походе царевича Юшумута и эмиров Элькэй-нойона и Сонтая в Диярбекр, завоевании Маяфарикина и убиении мелика Камиля . 54
О походе царевича Юшумута в Мардин и завоевании его крепости. 56
О кончине султана Бадр-ад-дина Лу'лу, получении его сыном Салихом в управление Мавсиля, его мятеже и разрушении Мавсиля . . . 57
О разногласиях между Хулагу-ханом и Беркеем, прибытии Нокая с передовым отрядом Беркея и поражении его 58
О делах Хулагу-хана в конце его царствования, пожаловании областей эмирам и валиям, о его болезни и кончине. 61

Повествование об Абага-хане. 64

Часть первая —

Об его происхождении и женах —
О его сыновьях, дочерях и зятьях 65

Часть вторая 66

События, предшествовавшие его восшествию на ханский престол. —
Об устройстве Абага-ханом нужд владений и об управлении делами царства 67

Стр.

О битве Абага-хана с Нокаем и Беркеем и их поражении . . 68
О приезде Мас'уд-бека к Абага-хану и о прибытии Кутуй-хатун и обоза Хулагу-хана . . . . . —
О прибытии Борака в Хорасан, сражении его с войском Абага-хана, его поражении и бегстве 69
О положении Борака после его бегства, о разброде его дружины и конце его дела 81
О возвращении Абага-хана после войны с Бораком, о прибытии послов от каана с ханским ярлыком и вторичном восшествии его на престол 85
О прибытии Акбека к Абага-хану, походе на Бухару и землетрясении в Тебризе 86
О приходе Бундукдара в Рум, отъезде туда Абага-хана, казни румских эмиров и Первана и о поездке туда Шамс-ад-дина . 88
О прибытии мелика Шамс-ад-дина Курта, его заключении в темницу и его кончине 90
Об охоте Абага-хана в Шахруде и бунтарском замысле тамошнего народа 91
О приходе войска негудерцев в Фарс и Керман и разграблении . . —
О выступлении Абага-хана в Хорасан, прибытии с изъявлением покорности эмиров, караунов и походе царевича Аргуна в Систан 92
О доносах Маджд-ал-мулька Иезди Абага-хану и падении дела казненного Шамс-ад-дина и брата его . . . . . —
О походе Абага-хана в Сирию и возвращении его в Багдад 96
О кончине Абага-хана в Хамадане . . 97

Часть третья —

Повествование о Текудере (Султан-Ахмеде). 98

Часть первая —

Об его происхождении, женах, детях и зятьях —

Часть вторая 99

События, предшествовавшие его восшествию на престол . . . . —
О прибытии царевича Аргуна к Ахмеду, причине гибели Конкуртая, возвышении Ала-ад-дина Ата-мелика и расправе с Маджд-ал-мульком 100
О начале несогласия между Ахмедом и царевичем Аргуном, прибытии Аргуна из Хорасана в Багдад и обратном возвращении в Хорасан 101
О происшествии с царевичем Конкуртаем и его гибели, походе Ахмеда в Хорасан и победе царевича Аргуна 103

Часть третья 111

Повествование об Аргун-хане 112

Часть первая —

Об его происхождении, женах, детях и зятьях —

Часть вторая 113

События, предшествовавшие его восшествию на ханский престол . —
О повелениях Аргун-хана по поводу общих дел и дел государственных —
О положении Шамс-ад-дина Джувейни, пребывании его в Ираке, прибытии к Аргун-хану и его казни 114
О прибытии гонцов от Кубилай-каана, и присылке ярлыка на ханство Аргун-хана 116
О походе против курдов гор Хаккар, кончине Булуган-хатун и повесть о ходже Харуне . . 117
О начале славы Са'д-ад-довлэ . . 118
О делах Букая, кознях эмиров, их победе и его убиении . . 119
О гибели Джушкаба и заточении царевичей, заподозренных в соглашении с Новрузом 122
О казни мелика Джелаль-ад-дина Семнани и возвышении Са'д-ад-довлэ . . . . . —
О походе Аргун-хана на летовку в Арран, наступлении врагов со стороны Дербента и обращении их в бегство 124

Стр.

О походе Тогачара на помощь хорасанским войскам и основании города Аргунийе 125
О приеме Аргун-ханом снадобья бахшиев и начале его недуга . 126
Об усилении болезни Аргун-хана, раздоре между эмирами вследствие этого, казни некоторых эмиров и Са'д-ад-довлэ . —
О смерти Аргун-хана в Арране 127
О разногласиях эмиров после события с Аргун-ханом 128

Часть третья. 129

Повествование о Гейхату-хане 130

Часть первая. —

Об его женах, детях и зятьях 131

Часть вторая —

События, предшествовавшие его восшествию на престол . —
О задержании эмиров, чинивших раздор, и о суде над ними . . . —
Об отъезде Гейхату в Рум и назначении Шиктур-нойона полновластным наместником 132
О передаче должности везира Садр-ад-дину Зенджани и должности главного казия брату его Кутб-ад-дину . . 133
О выпуске бумажных денег и последствии его 135
О мятеже Байду в Багдаде, разногласии между эмирами и конце Гейхату 136

Часть третья 137

Повествование о Газан-хане 138

Часть первая —

Об его происхождении и событиях со дня его рождения до вступления Аргун-хана на царский престол . . . . . —
О женах и детях . . . 142

Часть вторая 143

О делах Газан-хана в Хорасане в пору отца его Аргун-хана . . . —
О неповиновении Новруза, хождении его к Кайду-хану и походе на Хорасан 148
О делах Газан-хана после события с Аргун-ханом до поездки его в Азербайджан и возвращении в Хорасан 151
О поездке Газана в Аладаг к Гейхату, возвращении из Тебриза, поражении Новруза и взятии Нишапура . . . 153
Об изъявлении покорности Новрузом, прибытии его снова к Газан-хану и о пиршествах и дарах 156
О походе Газан-хана в Ирак-и Аджам и сражении его с Байду . 157
О принятии ислама Газан-ханом и эмирами 162
О походе Газан-хана на Байду во второй раз и изъявлении покорности его эмирами . . . 164
О приказе государя ислама начать устроение дел войска и владений после восшествия на престол 167
О замышлении Сукеем и Барулаем неповиновения и о походе войска для отражения их . . . —
О делах Нурин-аги, злых умыслах эмира Новруза против него и начале расстройства дела Новруза 170
О походе Газан-хана в Багдад, казни лура Афрасияба, Джемаль-ад-дина Дестджердани и Изз-ад-дина Музаффара Ширази и рождении царевны Олджей-Кутлуг 171
О деле Кайсара, гуляма Новруза, казни сыновей и братьев Новруза и казни Новруза в Герате . . . 172
О возвышении Садр-ад-дина Зенджани вследствие казни эмира Новруза, прибытии государя в Тебриз и закладке куббэ в Шаме около Тебриза 177
О расстройстве дел Садр-ад-дина Зенджани и его казни . 178
О походе из Тебриза на зимовку в Багдад, пожаловании должности везира Са'д-ад-дину, получении известия о восстании Суламиша и отправлении войска для отражения его 180

Стр.

О походе в Сирию и Миср, поражении мисрцев и завоевании Сирии . 182
О походе Газан-хана в Сирию и Миср во второй раз 186
О возвышении ходжи Са'д-ад-дина и о казни его завистников . . . 187
О походе Газан-хана в Аладаг, переезде оттуда на зимовку в Арран и прибытии гонцов, которые ходили в Миср 188
О всеобщем торжестве в Золотой ставке в местности Баг-и Уджан 189
О походе из Уджана в Багдад, обстоятельствах, случившихся в пути, прибытии в Васит и Хиллу и принятии решения итти в Сирию 191
О встрече Кутлугшах-нойона с войском Миср, обратном приходе оттуда и возвращении державных знамен в Уджан . . 195
О судебном допросе эмиров и воинов, которые вернулись из Сирии, созыве курултая в Уджане и изъявлении ими верноподданичества 196
О воспалении глаз у Газан-хана, прибытии царевичей из Хорасана, походе Газан-хана в Багдад и остановке у Хуланморене . 197
Об уединении Газан-хана на зимовье у Хуланморена, заговоре Алафранга и казни мятежников 198
О празднестве в честь дня рождения царевича Абу-Язида и об окончании государем сорокадневия 199
О милостях, оказанных Газан-ханом сахиб-дивану Са'д-ад-дину —
О кончине Керемун-хатун и перенесении гроба с ней в Тебриз 200

Часть третья. 203

Рассказ первый. Об отраслях совершенств и знаний Газан-хана 204
Рассказ второй. О целомудрии и воздержании Газан-хана . . . 209
Рассказ третий. О красноречии и изысканности его слога и красоте вопросов и ответов 210
Рассказ четвертый. О терпеливости, твердости и верности Газан-хана обязательствам и договорам . 211
Рассказ пятый. О том, что произносимые им речи чаще всего оправдывались 213
Рассказ шестой. О щедрости и тарозатости Газан-хана 214
Рассказ седьмой. Об уничтожении идолопоклонства . . 217
Рассказ восьмой. О любви Газан-хана к роду посланника . . 218
Рассказ девятый. О воинской доблести Газан-хана и устроении войска 219
Рассказ десятый. О наставлениях Газан-хана казиям, шейхам, подвижникам и ученым . . . 223
Рассказ одиннадцатый. О запрещении кощунствовать . 224
Рассказ двенадцатый. О любви Газан-хана к благоустройству и о поощрении к тому людей 225
Рассказ тринадцатый. Об абваб-ал-бирр, которые Газан-хан создал и построил в Тебризе, Хамадане и других областях, о вакфах и о добрых делах, совершенных им по обету . . . 228
Расход вакфов, упомянутых абваб-ал-бирр и прочих общеполезных и богоугодных учреждений 229
Рассказ четырнадцатый. Об устранении мошенничества и неосновательных исков 234
Список с формы указа о пожаловании достоинства казия 235
Список с формы указа об исках тридцатилетней давности . . 236
Список с формы подписки, которая была написана на обороте упомянутого выше указа 237
Список с формы указа об установлении права собственности продавца до продажи 238
Список с формы указа о подтверждении предшествующих постановлений и введении дополнительных правил 240
Рассказ пятнадцатый. О запрещении писать незаконные кабалэ и об объявлении недействительными старых документов . . 243
Рассказ шестнадцатый. Об упразднении податной оценки урожая и развертки и устранении всякого рода поборов 247
Список с указа о порядке истребования податей 256
Рассказ семнадцатый. О заботливом отношении к ра'иятам и отстранении от них насилия 262
Рассказ восемнадцатый. Об отмене улага, сокращении числа гонцов и о запрещении им стеснять народ 263
Рассказ девятнадцатый. Об изгнании воров и разбойников и охране от них дорог 268

Стр.

Рассказ двадцатый. Об обогащении пробы золота и серебра на такой лад, как еще никогда не было и лучше не может быть . . 270
Рассказ двадцать первый. Об исправлении мер веса золота, серебра и грузов, а также гяза, пэйманэ и прочих мер (форма указа) . . 273
Рассказ двадцать второй. О соблюдении строгого порядка в деле выдачи людям ярлыков и пайз 275
Рассказ двадцать третий. О мероприятиях по изъятию повторных ярлыков и пайз, находившихся в руках людей . . 278
Рассказ двадцать четвертый. Об отдаче в икта монгольскому войску местностей в каждой области . . 280
Список с формы указа о раздаче икта монгольскому войску 282
Рассказ двадцать пятый. Изложение того, как Газан-хан устроил отдельное войско лично для себя 285
Рассказ двадцать шестой. О запрещении отдачи в рост денег и торговых сделок с обманом . . 287
Рассказ двадцать седьмой. О запрещении платить кавин безмерными деньгами 293
Рассказ двадцать восьмой. О постройке мечетей и бань во всех деревнях владений . . 294
Рассказ двадцать девятый. О запрещении народу пить вино —
Рассказ тридцатый. О наведении порядка в отпуске средств на государево столовое довольствие и вино для Большой ставки 295
Рассказ тридцать первый. О наведении порядка в отпуске средств на столовое довольствие хатун и ставок . 297
Рассказ тридцать второй. О наведении строгого порядка в казнохранилищах и об устроении их дел 298
Рассказ тридцать третий. Об упорядочении дела мэсэс и военного снаряжения 300
Рассказ тридцать четвертый. Об упорядочении дела содержания скота, принадлежащего каану . . 302
Рассказ тридцать пятый. Об устроении дела сокольничих и ловчих 303
Рассказ тридцать шестой. О заведении рабочего скота во всех владениях 306
Рассказ тридцать седьмой. Об упорядочении возделывания и устройства втуне лежащих земель 308
Рассказ тридцать восьмой. О повелении построить дворы для гонцов и о запрещении воеводам и хакимам останавливаться в частных домах . . 312
Рассказ тридцать девятый. О запрещении погонщикам ослов и верблюдов и вестовым стеснять народ . 314
Рассказ сороковой. О запрещении насильно помещать невольниц в кабаки . 316

Указатель собственных имен 317

Указатель географических названий 330

РАШИД АД-ДИН. СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ

Том 2, 3

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.
Подписано в печать 06.11.2001. Формат 70x100 1/16. Гарнитура «Академия».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Печ. л. 37. Усл. печ. л. 48,1.
Тираж 1000 экз. Зак № 6088.

Научно-издательский центр «Ладомир». 103681, Москва, К-681, ул. Заводская, 6а
тел. (095) 537-98-33. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Отпечатано с оригинал-макета
ООО ПФ «Полиграфист». 160001, Вологда, Челюскинцев, 3

ISBN 586218411-2

9 785862 184112